UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00276523 8

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1966

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАСПАДЪ

X84562
OP8607

КРИТИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

2 Книга вторая

С.-Петербургъ
Книгоиздательство „EOS“
1909

LIBRARY
OCT 19 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3016
L47
t.2

1133627

Книга на нашем складе от января 1, 1908

Оглавленіе.

стр.

Вмѣсто предисловія 3

Ю. Стекловъ. Соціально-политическія условія литературнаго распада. 5

Ю. Каменевъ. О Ласковомъ Старикѣ и о Валерии Брюсовѣ 58

П. Юшкевичъ. О современныхъ философско-религіозныхъ исканіяхъ 93

Ст. Ивановичъ. Пресса-Модернъ. 122

А. Луначарскій. Тьма 148

Л. Войтоловскій. Итоги русскаго модернизма 173

Н. Троцкій. Франкъ Ведекиндъ 196

В. Базаровъ. Личность и любовь въ свѣтѣ „новаго религіознаго сознанія“ 213

Михаилъ Морозовъ. Предъ лицомъ смерти 231

М. Горькій. О цинизмѣ 287

Типографія „Печатный Трудъ“, Спб., Надеждинская, 38.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ РАСПАДЪ

В. Базаровъ.

Христіане Третьяго Завѣта и строители Башни Вавилонской.

I.

„Есть Богъ или нѣтъ? Вотъ, кажется, самый нелюбопытный вопросъ въ наши дни". Такъ начинаетъ г. Мережковскій свою книгу „Не миръ, но мечъ".

„Пока говоришь о религіи, какъ объ идеалѣ, всѣ соглашаются или, по крайней мѣрѣ никто не споритъ — кажется, впрочемъ, потому, что всѣмъ наплевать, но только что пытаешься связать религію съ реальной дѣйствительностью, оказываешься или въ дуракахъ или въ подлецахъ".

На первый взглядъ, именно со стороны Мережковскаго и именно „въ наши дни" такое вступленіе менѣе всего умѣстно. Со временъ масонскаго движенія въ первой половинѣ царствованія Александра I ни разу еще религія не была въ такой модѣ среди русской „прогрессивной" интеллигенціи, какъ въ наши дни. „Новое религіозное сознаніе", „мистическій опытъ", „касаніе мірамъ инымъ"—вотъ термины, мелькающіе на столбцахъ нашей періодической прессы почти такъ же часто, какъ „противохолерныя прививки", „мѣропріятія г. Шварца", „конституціонная Турція" и т. п. О бытіи Божіемъ трактуется въ самыхъ популярныхъ газетахъ, и притомъ не только въ отдѣлѣ большого серьезнаго фельетона, но и въ отдѣлѣ, такъ называемаго, „маленькаго фельетона",—какихъ же еще надо доказательствъ любопытности этого вопроса для современной публики! Говорятъ даже, что типографіи вынуждены были пополнить запасы совсѣмъ было пришедшей въ забвеніе „ижицы" по случаю необычайнаго спроса на слово „Vпостась".

Казалось бы, г. Мережковскій — еще недавно столь одинокій, столь непризнанный пророкъ религіознаго возрожденія русской интеллигенціи долженъ чувствовать себя какъ нельзя лучше. И вдругъ «всѣмъ наплевать... Оказываешься или въ дуракахъ или въ подлецахъ»... Нотки такого глубокаго унынія не срывались у него даже въ 900-хъ годахъ, когда онъ, не встрѣчая еще нигдѣ отклика, вынужденъ былъ утѣшаться то пророчественными „прообразами" грядущаго религіознаго интеллигента у Достоевскаго, то „безсознательной религіозностью" русскихъ революціонеровъ. Выходитъ какъ будто бы, что среди современной интеллигенціи, на разныя голоса воспѣвающей святость своихъ мистическихъ переживаній, г. Мережковскій чувствуетъ себя еще болѣе одинокимъ, чѣмъ 5 лѣтъ тому назадъ, въ атмосферѣ отверзшаго безбожія.

И это дѣйствительно такъ. Не то, совсѣмъ не то рисовалось г. Мережковскому въ его мечтахъ о религіозномъ возрожденіи. Онъ вѣрилъ въ „подвижническій" духъ русскаго интеллигента по слову учителя своего Достоевскаго:

„Едва только онъ, задумавшись серьезно, поразился убѣжденіемъ, что безсмертіе и Богъ существуютъ, то тотчасъ же естественно сказалъ себѣ: „хочу жить для безсмертія, а половиннаго компромисса не принимаю“...

... Сказано: „Раздай все и иди за мной“ „Не могу же я вмѣсто „всего“ дать два рубля, а вмѣсто „иди за мной“ ходить лишь къ обѣднѣ“.

Вмѣсто этого величественнаго внутренняго и внѣшняго перерожденія, вмѣсто этой „молніи, разсѣкающей небо отъ востока до запада“ получилось нѣчто обидно-мизерное. Не только не потребовалось отдавать „всего“, но даже и два-то рубля благополучно остались въ карманѣ, даже и „половинный“ то компромиссъ оказался „бременемъ неудобоносимымъ“. Религія отнюдь не внесла никакого новаго огня, никакого новаго вдохновенія въ нашу общественную жизнь. Произошло прямо обратное: какъ разъ тѣ элементы русской интеллигенціи, которые рѣшили, что отнынѣ слѣдуетъ разъ навсегда изгнать изъ общественности вредный „романтизмъ“, что наступила пора трезвой, позитивной, реальной политики, какъ разъ они и почувствовали тотчасъ же необходимость отвести въ своей душѣ уголокъ для религіозныхъ переживаній,—уголокъ совершенно интимный, потусторонный, ничѣмъ не связанный съ внѣшней жизнью и дѣятельностью. Наоборотъ, интеллигенты, сохранившіе склонность къ „романтизму“ въ политикѣ, и понынѣ продолжаютъ коснѣть въ своемъ прежнемъ безвѣріи.

Интеллигенту первой категоріи—позитивному политику съ мистическимъ изоляторомъ въ душѣ - принадлежитъ ближайшее будущее,—это господинъ завтрашняго дня. Безбожный „романтикъ“ призванъ смѣнить его на аренѣ исторіи послѣзавтра. Такимъ образомъ въ предѣлахъ историческаго предвидѣнія религіи г. Мережковскаго, повидимому, не предстоитъ играть сколько нибудь замѣтной роли. Г. Струве былъ, конечно, совершенно правъ, когда въ своемъ возраженіи на докладъ Мережковскаго, читанный въ религіозно-философскомъ обществѣ, заявилъ, что „представители новаго религіознаго сознанія въ сущности являются глашатаями старой религіозности, которая уже умерла“. Г. Мережковскій со своими единомышленниками,—т. е. съ г. Философовымъ и г. Гиппіусъ, если не считать довольно сомнительнаго христіанина 3-го Завѣта, г. Бердяева,—это несомнѣнно послѣдніе могикане, эпигоны многочисленной нѣкогда арміи воиновъ „тысячелѣтнято царства“. Но именно какъ послѣдніе могикане они и интересны. Возродить на рубежѣ XX вѣка хиліастическую мечту во всей ея догматической чистотѣ и во всей ея дѣйственной мощи, притомъ не на почвѣ слѣпого отрицанія современной культуры, а на почвѣ включенія въ свое credo всѣхъ ея завоеваній,—такая попытка не только въ высшей степени любопытна, но въ своемъ родѣ и очень трогательна.

* * *

Краеугольнымъ камнемъ вѣры г. Мережковскаго является христіанскій догматъ о воскресеніи мертвыхъ.

„Я знаю, что умру, но хочу жить и послѣ смерти—вотъ начало религіи. Едва ли даже люди, чуждые всякой религіи, не согласятся съ тѣмъ, что цѣль и смыслъ жизни есть счастье, и что счастье—любовь... Всякая жизнь побѣждается смертью. Чтобы дать жизни смыслъ, мы должны въ любви утверждать вѣчное бытіе личности; но смертью, уничтожающей личность, уничтожается и любовь, единственный возможный для человѣка смыслъ жизни“ *).

*) Не миръ, но мечъ, стр. 4.

Если нѣтъ личнаго безсмертія, если нѣтъ полнаго настоящаго воскресенія, воскресенія во плоти, то жизнь — сплошная безсмыслица и нелѣпость, издѣвательство дьявола надъ человѣкомъ. Именно безсмыслица и нелѣпость эмпирическаго существованія, духъ пошлости, убивающій смыслъ и интересъ жизни, и составляетъ по Мережковскому сущность Діавола, какъ злого начала. Всякая крайность, всякая глубокая страсть сама по себѣ благостна и свята. Зло—это „середина", безпорядочная, тусклая, „сѣрая" смѣсь противоположностей. Добро — не одинъ изъ полюсовъ и не механическое смѣшеніе разныхъ началъ, а ихъ органическій синтезъ, тотъ „бѣлый цвѣтъ, въ которомъ всѣ цвѣта радуги сливаются въ одинъ" *).

Противопоставленіе „плоти", какъ злого начала, „духу", какъ началу доброму, столь характерное для историческаго христіанства, совершенно не удовлетворяетъ г. Мережковскаго. Тѣмъ болѣе, что на практикѣ христіанство привело не къ побѣдѣ духа надъ плотью, а къ половинному компромиссу между ними. Половая любовь—это, по выраженію Мережковскаго, „остріе" плоти — въ глазахъ историческаго христіанства есть лишь мерзостная похоть. Святой „ангельскій" чинъ жизни — абсолютная дѣвственность, монашество. И тѣмъ не менѣе бракъ есть „таинство". Отрицая внутреннюю святость брака, церковь тѣмъ не менѣе освящаетъ его, какъ внѣшнюю эмпирическую необходимость: „могій вмѣстити, да вмѣститъ", — а для немощныхъ „лучше жениться, чѣмъ разжигаться". Тѣмъ же духомъ „середины" отмѣчено отношеніе исторической церкви къ общественности и всѣмъ вообще вопросамъ земной жизни и культуры. Съ одной стороны: „не убій",— а съ другой: „православное воинство". Съ одной стороны токмо Христосъ есть „Крайній Судія" и Господь (т. е. „государь") всякой христіанской общины, а съ другой стороны, присяга членовъ Св. Синода гласитъ: „Исповѣдую же съ клятвою („вы же не клянитесь вовсе", сказано въ Евангеліи) „крайняго судіи духовныя сея коллегіи быти самого всероссійскаго монарха, государя нашего всемилостивѣйшаго". И т. д., и т. д.

Однако эта въ принципѣ антимірская, на практикѣ же, половинчатая, полумірская-полудуховная тенденція современнаго христіанства представляетъ не случайное уклоненіе или злочамѣренное отступленіе отъ подлиннаго Завѣта Христова, а его неизбѣжное историческое развитіе. Плоть такъ же изначальна и свята, какъ и духъ, а потому не можетъ быть побѣждена духомъ. Ложное направленіе историческаго христіанства нельзя устранить простой церковной реформой, возвращеніемъ къ первоначальному христіанству. Тутъ нужна не реформація, а революція, не возстановленіе второго Завѣта, а новый, третій Завѣтъ, новое откровеніе, дающее высшій и окончательный синтезъ отдѣльнымъ моментамъ религіозной истины, раскрытымъ въ ветхомъ и христіанскомъ Завѣтахъ.

Ветхій Завѣтъ — откровеніе о Богѣ-Отцѣ и Создателѣ міра— утверждаетъ божественность космоса или вселенской плоти. Въ христіанскомъ Завѣтѣ раскрывается вторая Ѵпостась Божества—Логосъ, разумъ, одухотворяющій косную матерію—плоть міра. Грядущій третій Завѣтъ — Завѣтъ Духа Святого—будетъ состоять „въ совершенномъ соединеніи Логоса и Космоса — во вселенской церкви, какъ царствѣ

*) Гоголь и Чортъ, стр. 153.

не только духовномъ, но и плотскомъ, не только внутреннемъ, но и внѣшнемъ, не только небесномъ, но и земномъ" *).

Такимъ образомъ до сихъ поръ еще не было, да и не могло быть истинной христіанской церкви.

„Какъ Израиль, стремясь къ Божественной Личности, самъ остается безличнымъ, остается религіей только природнаго и родового единства, такъ христіанство, стремясь къ общественности, церковности, само остается безцерковнымъ, безобщественнымъ, остается религіей только уединенной личности. Но точно такъ же, какъ исполнилось чаяніе безличнаго Израиля о Личности, исполнится и чаяніе безцерковнаго христіанства о Церкви" *).

Церковь есть возвѣщенное апокалипсисомъ „тысячелѣтнее царство святыхъ на землѣ", „совершенное соединеніе Богочеловѣка съ Богочеловѣчествомъ въ безгранично свободной и безгранично любовной религіозной Общинѣ".

Разрѣшить противорѣчіе между плотью и духомъ, между мірской культурой и религіозной вѣрой сможетъ только это третье откровеніе.

„Религія Троицы, религія всеобъемлющая, не только созерцательная, но и дѣйственная, принимающая въ себя всю настоящую и будущую культуру, всѣ откровенія и знанія, соединяющая въ себѣ „разумъ—волю—чувство", какъ соединены въ человѣкѣ „духъ-душа—плоть". Къ этой силѣ, одной побѣждающей, мы и должны стремиться" **).

Самая интересная черта въ ученіи Мережковскаго—это, безспорно, включеніе въ апокалипсическій идеалъ всей культуры, т. е. не только культурнаго „быта", не только создаваемаго культурой тѣлеснаго и духовнаго „комфорта", но и самого духа культуры, всѣхъ ее „откровеній и знаній", прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ. Г. Мережковскій доказываетъ, что апокалипсическій идеалъ, несмотря на преобладающій въ немъ элементъ чудеснаго, сверхъестественнаго, ни мало не противорѣчитъ истинно понятой наукѣ. Мало того, — только при свѣтѣ апокалипсическаго идеала работа человѣческой культуры пріобрѣтаетъ свой смыслъ и свою цѣнность. Культура безъ религіи, или культура, замѣнившая религію, религія человѣческаго, „только человѣческаго" разума приводитъ не къ идеалу, достойному человѣка, а къ окончательному и безысходному царству серединной пошлости: къ человѣческому „муравейнику", устроенному столь раціонально и цѣлесообразно, что людямъ уже нечего больше желать и искать, а остается только спокойно наслаждаться разъ навсегда упроченнымъ моральнымъ и умственнымъ благосостояніемъ. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этой атеистической культурной тенденціи г. Мережковскій вслѣдъ за Достоевскимъ считаетъ современный соціализмъ. „Соціализмъ", по словамъ Достоевскаго, „есть не только рабочій вопросъ, или такъ называемаго четвертаго сословія, но по преимуществу есть атеистическій вопросъ, вопросъ современнаго воплощенія атеизма, вопросъ Вавилонской башни, строящейся именно безъ Бога, не для достиженія небесъ съ земли, а для сведенія небесъ на землю".

„Тысячи милліоновъ счастливыхъ младенцевъ", пишетъ Мережковскій, „умѣренная сытость, „спокойное довольство" всего человѣчества въ комфортабельныхъ „аллюминіевыхъ дворцахъ", въ Вавилонской башнѣ соціалъ-демократіи есть ничто иное, какъ царство Чичикова, всемірчаго вѣчнаго Чичикова sub specie aeterni.

*) Не миръ, но мечъ, стр. 37.
**) Грядущій Хамъ, стр. 155.

ибо царство его есть именно царство „отъ міра сего“: въ Чичиковѣ,—говоритъ Гоголь,—было „все, что нужно для этого міра“.

Подчеркнутыя мною выше слова Достоевскаго мѣтко и вѣрно схватываютъ основную тенденцію современнаго соціализма, какъ культурнаго теченія. Соціализмъ—это дѣйствительно не только „реформы въ интересахъ рабочаго класса“, но и особое, насквозь иррелигіозное міросозерцаніе. Соціалистическая „Вавилонская башня“—это дѣйствительно „воплощеніе современнаго атеизма“, или, точнѣе, та матерьяльная предпосылка, при которой атеистическій духъ современной культуры впервые сможетъ свободно развернуть свои силы. Мы убѣждены однако, что въ итогѣ получится не успокоенный „муравейникъ“, которымъ пугаютъ насъ г. Мережковскій и иже съ нимъ, а небывалый еще подъемъ творческой энергіи человѣка. Убѣжденіе это связано съ совершенно инымъ, нежели у Мережковскаго, пониманіемъ движущихъ силъ культуры и ея внутренняго смысла.

Но для того чтобы уяснить себѣ ту „апокалипсическую“ психологію, яркимъ выразителемъ которой является г. Мережковскій, мы пока допустимъ, что онъ правильно опредѣляетъ духъ современной культуры. Мы допустимъ, слѣдовательно, что идеалъ культуры—окончательно разрѣшить всѣ загадки міра и тѣмъ самымъ устранить всякую возможность новыхъ проблемъ, что конечная цѣль безбожнаго прогресса—достроить свою Вавилонскую башню, т. е. создать силами человѣческой мысли и воли такой же вѣковѣчный апоѳеозъ, такое же претвореніе всѣхъ красокъ міра въ единый бѣлый цвѣтъ удовлетвореннаго познанія и чувства, какое обѣщаетъ даровать намъ силою божественнаго Логоса апокалипсическое христіанство.

Г. Мережковскій не отвергаетъ безусловно возможности такого научнаго конца исторіи,—онъ думаетъ только, что человѣчество никогда не помирится съ нимъ, никогда не удовлетворится своей земной истиной, хотя бы эта послѣдняя достигла высшаго торжества, сдѣлала всѣ тайны мірозданія ясными и прозрачными какъ „2 × 2 = 4“. Именно „2 × 2 = 4“ болѣе всего и пугаетъ г. Мережковскаго. Въ самомъ дѣлѣ. Была „тайна“. Человѣкъ мучился, страдалъ передъ лицомъ ея,—то преклонялся трепетно передъ ея непостижимою властью, то поднималъ противъ нея гордое знамя бунта. И вдругъ тайна „разгадана“: на мѣсто всего этого богатства эмоціональныхъ переживаній холодная ясность, сѣрая скука математической формулы. Есть отъ чего въ отчаянье придти!

Вотъ на случай такого окончательнаго торжества математики г. Мережковскій и возлагаетъ надежды на возстаніе излюбленнаго Достоевскимъ „подпольнаго человѣка“. Если наступитъ на землѣ полное господство разума, такъ что все будетъ разсчитано „по табличкѣ логариѳмовъ“, то, по увѣренію Достоевскаго, непремѣнно возникнетъ какой нибудь джентельменъ, съ насмѣшливой физіономіей, упретъ руки въ боки и скажетъ всѣмъ: „а что, господа, не столкнуть ли намъ все это благоразуміе съ одного разу ногой прахомъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы всѣ эти логариѳмы отправились къ чорту и чтобы намъ опять по своей глупой волѣ пожить! Это бы еще ничего, но обидно то, что непремѣнно послѣдователей найдетъ“...

Пусть такъ. Пусть даже все человѣчество, истомленное гнетомъ математическихъ формулъ, пойдетъ по стопамъ подпольнаго человѣка, „отвернетъ къ чорту“, сожжетъ на кострахъ логариѳмическія таблицы и съ изобрѣтателей, воспретивъ подъ страхомъ смертной казни утверждать, что 2 × 2 = 4. Но что же дальше? Получится ли отсюда какая

нибудь своя воля", хотя бы и самая „глупая"? Увы, нѣтъ! Отъ сожженія таблицъ не измѣнится значеніе начертанныхъ на нихъ формулъ; и если будетъ предписано говорить, что $2 \times 2 = 5$, то изъ сего проистечетъ отнюдь не освобожденіе отъ законовъ математики, а самая маленькая реформа математической терминологіи: подъ „пятью" будутъ отнынѣ разумѣть то, что раньше называлось „четыре". Вотъ и все. Право же изъ-за такого мизернаго результата не стоитъ копья ломать, даже съ „подпольной" точки зрѣнія.

Тѣмъ-то и непріятна власть математическихъ формулъ, что возстаніе противъ нея лишено всякаго поэтическаго ореола и въ самой основѣ своей высоко комично. Объявить рѣшенную задачу нерѣшенной, нарочно зажмурить глаза, чтобы создать себѣ иллюзію тайны тамъ, гдѣ все ясно, какъ день... дальше этого въ области пошлости, плоскости и скуки уже некуда идти.

Итакъ, если вѣрно, что всѣ задачи, не только данныя, но и возможныя для человѣческаго разума, будутъ когда нибудь окончательно разрѣшены, если вѣрно, что смыслъ атеистической культуры состоитъ въ достиженіи этого разумнаго конца жизни, то конечно въ итогѣ прогресса людямъ предстоитъ только царство безысходной скуки, отъ которой рѣшительно нигдѣ, даже и въ „подпольѣ", нельзя найти спасенія. Этотъ, безспорно не утѣшительный выводъ долженъ бы, кажется, прежде всего зародить сомнѣніе въ правильности исходной посылки. Допускаетъ ли, вообще, прогрессъ разума какой либо заключительный „итогъ", апоѳеозъ, конецъ? Не противорѣчитъ ли идея апоѳеоза самымъ основамъ дѣятельности человѣческаго сознанія? Вотъ вопросъ, который самъ собою напрашивается при созерцаніи безконечной тоскливости всякихъ конечныхъ апоѳеозовъ.

Но г. Мережковскій какъ нельзя болѣе далекъ отъ сомнѣнія въ необходимости всеразрѣшающаго финала исторіи. Мысль о безначальности и безконечности развитія пугаетъ его чуть ли не больше, чѣмъ самый плохонькій конецъ. Въ вѣчномъ движеніи онъ усматриваетъ чуть ли не самую худшую разновидность „середины". Онъ неоднократно повторяетъ, что жаждетъ — и что всякій человѣкъ, достойный этого имени, долженъ жаждать — „конца". Конецъ, доступный человѣческой культурѣ, есть только скука. А посему да здравствуетъ сверхчеловѣческій конецъ, разрѣшеніе всѣхъ противорѣчій жизни не въ человѣческомъ разумѣ, а въ божественномъ логосѣ и преображенномъ силою его мірѣ!

Г. Мережковскій потратилъ не мало труда на опроверженіе того „позитивнаго и матеріалистическаго догматизма", который мѣшаетъ современному культурному интеллигенту раскрыть свое сердце для возвышенныхъ откровеній апокалипсической религіи, но ему и въ голову не приходитъ, что „тысячелѣтнее царство" можно отвергнуть въ силу отсутствія въ этомъ идеалѣ всякой внутренней цѣнности, что можно не желать его самого по себѣ, совершенно независимо отъ всякихъ „научныхъ предразсудковъ". А между тѣмъ въ этомъ-то все и суть. Для, человѣка, проникнутаго духомъ культуры — а также для его антипода, „подпольнаго" человѣка Достоевскаго — религіозный апоѳеозъ нео-христіанства еще менѣе соблазнителенъ, чѣмъ апоѳеозъ человѣческаго разума.

Согласно апокалипсическому ученію г. Мережковскаго — и въ противоположность подлинному Апокалипсису — съ наступленіемъ кончины міра логосъ воплощается не въ единичномъ индивидуумѣ, какъ это было во время перваго пришествія, а въ самой человѣческой общинѣ.

Преображенное человѣчество сознаетъ себя единой личностью, и эта вселенская личность, этотъ единый всечеловѣческій разумъ, съ которымъ отнынѣ тождественъ разумъ каждаго отдѣльнаго человѣка, и есть божественный логосъ. Поэтому-то грядущая церковь „извнѣ кажется анархіей", а внутри есть „теократія", „взаимовластіе": „въ царствѣ Божіемъ—всѣ цари, всѣ господа, и единый Царь царствующихъ и Господь господствующихъ—самъ Христосъ". *) Если бы Христосъ царствовалъ въ этой чаемой теократіи, воплотившись въ отдѣльномъ человѣческомъ образѣ, то церковь казалась бы „извнѣ" не анархіей, а монархіей. Лишь постольку всѣ члены церкви могутъ быть названы царями и господами, поскольку Царь царствующихъ и Господь господствующихъ осуществляетъ свою власть не внѣ, а внутри каждаго человѣка. Не подлежитъ такимъ образомъ никакому сомнѣнію, что въ апоѳеозѣ г. Мережковскаго человѣческій разумъ сливается съ божественнымъ, претворяется въ логосъ.

Какъ извѣстно, логосъ не только безмѣрно превосходитъ человѣческій разумъ по степени, но и отличается отъ него по существу. Въ то время какъ человѣкъ противопоставляетъ себя внѣшнему міру, который онъ познаетъ, какъ нѣчто данное, логосъ творитъ міръ. „Вещи суть мысли Божества"; каждая идея Бога матерьялизуется; божественная воля тождественна съ ея осуществленіемъ. Если нашъ разумъ сталъ логосомъ, то этимъ уже достигнуто преображеніе внѣшняго міра. Тогда міръ утрачиваетъ для насъ свою матеріальность, свою способность къ сопротивленію. Намъ уже не надо знать законы міра, чтобы пользоваться ими, какъ орудіемъ для осуществленія нашихъ желаній, но сами желанія наши становятся законами природы: когда мы чего либо хотимъ, то самымъ этимъ актомъ хотѣнія уже реализуемъ желаемое въ дѣйствительности.

На первый взглядъ—это идеалъ совершенной, абсолютной свободы. Но только на первый взглядъ. Въ дѣйствительности свобода—и въ ея отрицательной формѣ, какъ освобожденіе отъ чего нибудь, и въ ея положительной формѣ, какъ способность создать что-нибудь,—существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока мы боремся съ какимъ нибудь сопротивленіемъ, преодолѣваемъ „косную" матерію, съ нѣкоторымъ усиліемъ воплощаемъ въ ней нашъ замыселъ. Наличность сопротивленія есть необходимое условіе самого сознанія.

Когда г. Мережковскій думаетъ объ Антихристѣ и его соблазнахъ, сознаніе его горитъ яркимъ свѣтомъ, — но когда онъ произноситъ или пишетъ на бумагѣ слово "Антихристъ", его органы рѣчи и его руки выполняютъ свое дѣло безсознательно. Почему это такъ? Да только потому, что „вопросъ" объ Антихристѣ полонъ для г. Мережковскаго неразгаданныхъ тайнъ: если теоретически онъ уже сталъ выше всѣхъ соблазновъ антихристовыхъ, то на практикѣ только еще ищетъ путей для ихъ преодолѣнія. Наоборотъ, ему не приходится ничего преодолѣвать, не приходится прокладывать никакихъ путей для того, чтобы произнести слово „Антихристъ": здѣсь всѣ пути давно уже проложены, давно уже закрѣплены, здѣсь „желать" значитъ „исполнять желаемое",—и именно поэтому весь процессъ совершается автоматически, почти безъ участія сознанія.

Такія автоматическія дѣйствія, такія инстинктивныя реакціи какъ разъ и представляютъ чистѣйшій типъ того, якобы, „высшаго"

*) Грядущій хамъ, стр. 169.

бытія, о которомъ грезятъ вѣрующіе въ преображеніе разума въ логосъ. Какъ извѣстно, инстинктивные акты „совершеннѣе“ сознательныхъ: въ нихъ нѣтъ и слѣда той неувѣренности, тѣхъ неправильныхъ, плохо разсчитанныхъ движеній, которыя характеризуютъ всякую сознательную работу,—они въ высшей степени гармоничны, точны, божественно цѣлесообразны. Но бѣда въ томъ, что эта божественная „законченная“ гармонія инстинктивной жизни существуетъ, какъ таковая, только для наблюдающаго ее со стороны сознанія. Въ „самомъ себѣ“ инстинктъ есть не высшее торжество сознанія, не апоѳеозъ, а полная безсознательность, царство „Мудраго Духа“ отрицанія и небытія.

Г. Мережковскій противопоставляетъ „безмѣрной полнотѣ бытія“ въ грядущей церкви дьявольскій идеалъ нирваны, угашенія бытія, на сторону котораго стала историческая церковь, проповѣдуя отрѣшеніе отъ міра, „лежащаго во злѣ“. Но тутъ не два идеала, а одинъ. Различны только пути къ его достиженію. Буддистъ не вѣритъ въ преображеніе міра и потому старается „преобразить“ человѣческую волю, привести ее къ совпаденію съ данным міромъ и такимъ образомъ разъ навсегда устранить возможность столкновеній между желаніями человѣка и объективнымъ ходомъ вещей. Нео-христіане надѣются, что космосъ „въ концѣ концовъ“ приспособится къ человѣческой волѣ, станетъ простою эманаціей бого-человѣческаго логоса. Въ обоихъ случаяхъ результатъ очевидно одинъ и тотъ же: абсолютное единство воли и міра, которое, разъ оно достигнуто, не можетъ сознаваться ни какъ торжество воли надъ міромъ, ни какъ торжество міра надъ волей, ибо оно вообще никакъ не можетъ сознаваться, ибо оно угашаетъ самое сознаніе, превращаетъ никогда не завершающуюся борьбу разума за цѣлесообразность въ завершенную цѣлесообразность неразумнаго инстинкта. Даже та надежда на „безстрастное блаженство созерцанія“, которая вдохновляетъ подвижниковъ нирваны, совершенно не осуществима. Созерцаніе — не безстрастное состояніе, а дѣятельность, особаго рода борьба,—и хотя „страсть“, одушевляющая работу созерцанія, очень своеобразна, тѣмъ не менѣе она столь же реальна, какъ и всякая другая страсть. „Созерцать“—значитъ фиксировать энергіей нашего вниманія однѣ линіи и краски и устранять другія, координировать движенія нашего зрительнаго органа такъ, чтобы выдѣлить изъ созерцаемой картины одни контуры и устранить другіе, и т. п. Подобно всякому другому сознательному акту, созерцаніе требуетъ усилій, преодолѣваетъ извѣстныя препятствія, можетъ быть удачнымъ и неудачнымъ, ложнымъ и истиннымъ, — и только при этихъ условіяхъ существуетъ, какъ таковое, какъ сознательное созерцаніе.

Всякій идеалъ абсолютнаго „конца“, послѣдняго завершенія и разрѣшенія всѣхъ противорѣчій, каковъ бы ни былъ его исходный пунктъ — атеизмъ или вѣра, аскетизмъ или обожествленіе плоти — въ своей глубочайшей сущности есть религія Безсознательнаго, стремленіе къ до-человѣческому или животному, а не сверхчеловѣческому или божественному блаженству.

Какъ мы видѣли выше, въ „вавилонской башнѣ“ позитивнаго устроенія человѣчества г. Мережковскій усматриваетъ духъ Чичикова. Чичиковъ для него — типичнѣйшее воплощеніе дьявола пошлости и середины.

„Въ Чичиковѣ преобладаетъ начало равновѣсія, устойчивости... Это — „хозяинъ, пріобрѣтатель“. Но не самое пріобрѣтательство составляетъ конечную цѣль Чичикова, а доставляемое имъ физическое и умственное „довольство“, всесторонній

„комфортъ“ жизни. Такъ называемый „комфортъ“, то-есть высшій культурный цвѣтъ современнаго промышленно-капиталистическаго и буржуазнаго строя, комфортъ, которому служатъ всѣ покоренныя наукой силы природы — звукъ, свѣтъ, паръ, электричество, — всѣ изобрѣтенія, всѣ искусства — вотъ послѣдній вѣнецъ земного рая для Чичикова“ *).

А «послѣдній вѣнецъ» небеснаго рая для г. Мережковскаго? Въ чемъ онъ заключается? Развѣ не въ томъ же?

Въ царствѣ побѣдоносныхъ Чичиковыхъ пытливость ума засыпаетъ въ спокойномъ довольствѣ достигнутыми «пріобрѣтеніями»: все уже извѣстно, все уже добыто, и больше не къ чему стремиться. Царство это пошло и скучно, но все же въ немъ есть хоть какая нибудь сознательная жизнь. Не нужны и невозможны новыя откровенія, но для поддержанія «муравейника» необходимо цѣлесообразно примѣнять къ дѣлу старыя истины, пользоваться „табличкой логариѳмовъ“,—а это требуетъ извѣстныхъ усилій, извѣстнаго напряженія и такъ или иначе поддерживаетъ слабо теплящійся огонекъ сознанія.

Въ тысячелѣтнемъ царствѣ нео-христіанъ угасаетъ эта послѣдняя искра человѣческаго. Тутъ даже для использованія накопленныхъ пріобрѣтеній не приходится тратить никакихъ силъ, ибо все дѣлается «само собою», явленія природы совершаются по указу воли человѣческой. Если «вавилонская башня»—идеалъ Чичикова, то хиліастическое блаженство—идеалъ Пацюка, который хочетъ, чтобы вареники сами прыгали въ сметану и лѣзли ему въ ротъ. И неужели же Пацюкъ по духу своему противоположенъ Чичикову, отдѣленъ отъ него цѣлой бездной, какъ агнецъ отъ звѣря? Не есть ли онъ, наоборотъ, лишь дальнѣйшее развитіе Чичикова: та же самая «пошлость» успокоенія и довольства, но лишь доведенная до своего логическаго конца, до „абсурда“?

II.

Я понимаю, конечно, что всѣ эти соображенія, несмотря на ихъ очевидную правильность—и именно въ силу ихъ слишкомъ большой очевидности — не могутъ произвести никакого впечатлѣнія на человѣка, искренно взыскующаго апоѳеоза. Развѣ можно, скажетъ такой человѣкъ, оцѣнивать божественное царство абсолютной гармоніи съ точки зрѣнія позитивнаго «эвклидовскаго» разума? Тутъ необходимо постигать или, по крайней мѣрѣ, предчувствовать „четвертое измѣреніе“... То, что представляется абсурдомъ эвклидовскому разуму, есть высшая истина въ логосѣ, и т. д., и т. п. — Къ счастью, однако, я могу опереться въ данномъ случаѣ на авторитетъ разума, „многомѣрность“ котораго признана всѣми современными мистиками, а хиліастами въ особенности, на авторитетъ самого Достоевскаго.

Достоевскій является излюбленнымъ пророкомъ христіанъ третьяго завѣта. На откровеніяхъ Достоевскаго въ гораздо большей степени, чѣмъ на откровеніи Іоанна «сына Громова», базируетъ ученіе Мережковскаго. И тѣмъ не менѣе Достоевскій не былъ хиліастомъ, онъ остановился гдѣ-то на полдорогѣ между историческимъ христіанствомъ и тысячелѣтнимъ царствомъ.

„Если Достоевскій и думалъ о второмъ пришествіи,—пишетъ г. Мережковскій,—то все-таки онъ больше думалъ о первомъ, чѣмъ о второмъ; больше думалъ о царствѣ Сына, чѣмъ о царствѣ Духа; больше вѣрилъ въ Того, кто былъ и есть, чѣмъ

*) Гоголь и чортъ, стр. 33, 34, 41.

въ Того, кто былъ, есть и будетъ; то, что люди уже „вмѣстили", заслоняло для Достоевскаго то, что они еще „теперь не могутъ вмѣстить" *).

Почему же самъ-то Достоевскій не „вмѣстилъ" окончательной истины? Потому ли, что мысль его была недостаточно смѣла и послѣдовательна? Или потому, что сердце его было слабо, не совсѣмъ еще освободилось отъ соблазновъ антихристовыхъ? Или же, наконецъ, онъ просто боялся соблазнить „малыхъ сихъ", неспособныхъ еще вмѣстить откровеніе Духа? Мережковскій указываетъ и на ту, и на другую, и на третью причину, но не видитъ, или не хочетъ видѣть, что Достоевскій вполнѣ сознательно отвергалъ „послѣднюю гармонію", хотя, конечно, въ то же время жестоко мучился тѣмъ, что не можетъ принять ее.

„Какимъ-то довременнымъ назначеніемъ, — разсказываетъ чортъ Ивану Карамазову, — я опредѣленъ „отрицать", между тѣмъ я искренно добръ и къ отрицанію совсѣмъ не способенъ. Нѣтъ, стоило отрицать... Безъ критики будетъ одна „осанна". Но для жизни мало одной „осанны"... Если бы на землѣ было все благоразумно, то ничего бы и не произошло. Безъ тебя не будетъ никакихъ происшествій, а надо, чтобы были происшествія. Вотъ и служу, скрѣпя сердце, чтобы были происшествія... Страданіе-то и есть жизнь. Безъ страданія какое бы было въ ней удовольствіе; все обратилось бы въ одинъ безконечный молебенъ: это свято, но скучновато".

Итакъ „осанна", „безконечный молебенъ" тысячелѣтняго царства въ основѣ своей есть та же тоска безысходнаго „благоразумія", какъ и вавилонская башня: спору нѣтъ, „оно свято", но „скучновато". Правда, это говоритъ не самъ Достоевскій, а только Карамазовскій чортъ, воплощеніе „самыхъ глупыхъ и пошлыхъ" мыслей Ивана Карамазова. Но недаромъ же эти „пошлыя" и „глупыя" мысли такъ назойливо лѣзутъ въ голову Ивана Карамазова въ самый критическій моментъ его жизни, недаромъ онѣ такъ мучатъ и сверлятъ его душу, недаромъ онъ ничего не въ состояніи имъ противопоставить, кромѣ ругательствъ!

Даже г. Мережковскій, столь плѣненный красотою „осанны", чувствуетъ, что тутъ не одна только пошлость. Онъ цитируетъ слѣдующую, еще болѣе характерную тираду чорта:

„Я былъ при томъ, когда умершее на крестѣ Слово восходило на небеса, нести на перьяхъ своихъ душу одесную распятаго разбойника, я слышалъ радостный взвизгъ херувимовъ, поющихъ и вопіющихъ „осанна", и громовой вопль восторга серафимовъ, отъ котораго потрясалось небо и все мирозданіе. И вотъ, клянусь всѣмъ, что есть свято, я хотѣлъ примкнуть къ хору и крикнуть со всѣми „осанна". Уже слетало, уже рвалось изъ груди...

„Но здравый смыслъ, это, самое несчастное свойство моей природы, — удержалъ меня и тутъ въ должныхъ границахъ, и я пропустилъ мгновеніе! Ибо что же, я думалъ я въ эту минуту, что же бы вышло послѣ моего-то „осанны"? Тотчасъ угасло все на свѣтѣ и не стало бы случаться никакихъ происшествій. И вотъ сознательно по долгу службы и по солдатскому моему положенію я долженъ былъ задавить въ себѣ хорошій порывъ и остаться при пакостяхъ...

„Я вѣдь знаю, гдѣ есть секретъ, но секретъ мнѣ на зачемъ не хотятъ открыть, потому что я, пожалуй, тоже, догадавшись въ чемъ дѣло, рявкну „осанну" и тотчасъ исчезнетъ необходимый мнѣ порядокъ, и начнется въ всемъ мірѣ благоразуміе, а съ нимъ, разумѣется, и конецъ всему... Но пока это не произошелъ, — пока не открыть секретъ, для меня существуютъ двѣ правды, одна тупоумная, земная, мнѣ пока совсѣмъ неизвѣстная, а другая моя. И еще неизвѣстно, которая будетъ позднѣе"...

Г. Мережковскій находитъ, что подъ „кажущейся" пошлостью, подъ „прозрачной корой пошлости и насмѣшки мысль углубляется здѣсь до нуменальной бездны".

---

*) Толстой и Достоевскій, т. I, стр. 350.

„Самъ „великій умный Духъ пустыни“, свѣтоносящій, могъ ли бы сказать Ивану что либо страшнѣе, неожиданнѣе, чѣмъ эти слова о двухъ существующихъ, вѣчно соединяемыхъ и несоединимыхъ правдахъ?...

„Отъ соприкосновенія, столкновенія „двухъ правдъ“ родился огонь, раскалившій горнило сомнѣній, черезъ которое прошла „осанна“ и самого Достоевскаго“ *).

Въ томъ-то и дѣло, что „Осанна“ самого Достоевскаго не „прошла сквозь“ горнило двухъ правдъ, а безвозвратно сгорѣла въ этомъ горнилѣ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло лишь съ чортомъ, духомъ лжи и небытія. Послушаемъ теперь, что говоритъ о райскомъ блаженствѣ и адскихъ мученіяхъ старецъ Зосима, одинъ изъ тѣхъ одинокихъ праведниковъ, которыми, по словамъ Достоевскаго, держится міръ.

„Отцы и учители, мыслю: „что есть адъ?“ Разсуждаю такъ: „страданіе о томъ, что нельзя уже болѣе любить“. Разъ, въ безконечномъ бытіи, неизмѣримомъ ни временемъ, ни пространствомъ, дана была нѣкоему духовному существу, появленіемъ его на землѣ, способность сказать себѣ: „я есмь и я люблю“. Разъ, только разъ, дано было ему мгновеніе любви дѣятельной, живой, а для того дана была земная жизнь, а съ нею времена и сроки, и что же: отвергло сіе счастливое существо даръ безцѣнный, не оцѣнило, не возлюбило его, взглянуло насмѣшливо и осталось безчувственнымъ. Такой, уже отошедшій отъ земли, видитъ и лоно Авраамово, и бесѣдуетъ съ Авраамомъ какъ въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ намъ указано, и рай созерцаетъ, и ко Господу восходить можетъ, но именно тѣмъ-то и мучается, что ко Господу входитъ онъ не любившій, соприкоснется съ любившими, любовью ихъ пренебрегшій. Ибо зритъ ясно и говоритъ себѣ уже самъ: „нынѣ уже и знаніе имѣю и, хоть возжаждалъ любить, но уже подвига не будетъ въ любви моей, не будетъ и жертвы, ибо кончена жизнь земная и не придетъ Авраамъ хоть каплею воды живой (т. е. новой даромъ земной жизни, прежней и дѣятельной) прохладить пламень жажды любви духовной, которою пламенѣю теперь, на землѣ ею пренебрегли: нѣтъ уже жизни и времени больше не будетъ“.

Итакъ, дѣятельная, живая любовь возможна только въ этой, земной жизни со всѣми ея противорѣчіями. Въ лонѣ Авраамовомъ никакая дѣятельность уже не мыслима, тамъ нѣтъ уже времени, т. е. не совершается никакихъ событій, никакихъ „происшествій“, нѣтъ слѣдовательно ни любви, ни жизни. Какъ видимъ, Зосима, а его устами и самъ Достоевскій, говоритъ то же самое, что и карамазовскій чортъ.

Г. Мережковскій лелѣетъ надежду — „такую новую, такую робкую“ — **), что съ наступленіемъ апоѳеоза и чортъ будетъ прощенъ, т. е. „рявкнетъ“ въ концѣ концовъ свою осанну, позабывъ о жизненной необходимости „минуса“. Зосима-Достоевскій утверждаетъ, что никогда не прейдетъ царство сатаны:

„О, есть и во адѣ преблаженіе гордыни и озлобленіе, несмотря уже на знаніе безгорнее и на созерцаніе правды неотразимой, есть страшные, прельщившіеся сатаѣ и гордому духу его всецѣло... ненасытимы во вѣки вѣковъ и прощеніе отвергнувшіе, Бога, зовущаго ихъ, проклинаютъ... и будутъ горѣть въ огнѣ гнѣва своего вѣчно, жаждать смерти и небытія. Но не получатъ смерти“.

Не духъ ветхозавѣтной „справедливости“, ветхозавѣтной идеи о Божественномъ возмездіи сказывается въ этомъ признаніи вѣчнаго ада. Богъ и послѣ кончины міра не перестаетъ „звать“ къ себѣ грѣшниковъ, проклинающихъ Его, — они сами не идутъ въ рай. Адское самомстязаніе грѣшниковъ необходимо въ системѣ грядущаго міропорядка, какъ тотъ „минусъ“, безъ котораго вѣчный „животъ“ праведниковъ превратился бы въ пустоту вѣчнаго небытія.

При внезапномъ прекращеніи какой нибудь острой мучительной

*) Толстой и Достоевскій, т. I, стр. 342.
**) См. его статью „О новомъ религіозномъ дѣйствіи“.

боли самое это прекращеніе, самое „небытіе“ боли ощущается на моментъ, какъ интенсивнѣйшее блаженство. Но-увы!—отъ этой мгновенной иллюзіи блаженства черезъ минуту не остается и слѣда,—и чтобы возродить ее, недостаточно простого воспоминанія о былыхъ мукахъ, необходимо ихъ новое реальное переживаніе. Страданія грѣшниковъ—это тотъ вѣчно ноющій зубъ, по контрасту съ которымъ праведники только и могутъ воспринимать свое благополучное здравіе, какъ райское блаженство. Не будь вѣчнаго ада, рай былъ бы подобенъ блаженной секундѣ передъ эпилептическимъ припадкомъ, о которой Достоевскій устами князя Мышкина говоритъ: „Да за этотъ моментъ можно отдать всю жизнь“. Тотчасъ же за послѣднимъ звукомъ послѣдней трубы архангела—мгновеніе „неслыханнаго и негаданнаго дотолѣ чувства полноты, мѣры, примиренія и восторженнаго молитвеннаго сліянія съ самымъ высшимъ синтезомъ жизни“,... а затѣмъ вѣчный „трансцендентный“ обморокъ, внѣвременный мракъ „нуменальной“ эпилепсіи. Мережковскій справедливо называетъ эпилепсію „вѣщей“ болѣзнью,—но этого мало: эпилепсія не только „вѣщаетъ“ о грядущей гармоніи, какъ ея таинственный символъ, она сама есть точный дубликатъ этой гармоніи.

Припомнимъ исходный пунктъ ученія г. Мережковскаго: теперешняя жизнь сама по себѣ нелѣпа и ужасна,—только вѣра въ апокалипсическій „Конецъ“ можетъ придать ей смыслъ и значеніе. Оказывается однако, что и конецъ самъ по себѣ лишенъ всякаго смысла и даже всякаго содержанія, что не онъ сообщаетъ значеніе теперешней жизни, а наоборотъ, эта послѣдняя со всѣми ея страданіями нужна для того, чтобы придать абсолютному нулю конца нѣкоторую видимость положительной величины.—Этотъ безвыходный, тусклый тупикъ, эта свидригайловская „банка съ пауками“ вмѣсто той свѣтозарной перспективы, которую рисуютъ наивные пророки конца à la г. Мережковскій, и лежитъ въ основѣ извѣстнаго „бунта“ Достоевскаго—Карамазова. За послѣднее время очень много писалось о „слезинкѣ замученнаго ребенка“ и о невозможности „принять“ нашъ земной міръ съ его безсмысленными страданіями и жестокостями. Но вѣдь „непріятіе“ Карамазова относится не только къ этому, но и къ будущему міру, и даже къ будущему-то въ первую голову:

„Пока еще есть время, спѣшу оградить себя, а потому отъ высшей гармоніи совершенно отказываюсь. Не стоитъ она слезинки хотя бы одного только замученнаго ребенка... Лучше ужъ я останусь при неотмщенномъ страданіи моемъ и неутоленномъ негодованіи моемъ, хотя бы я былъ и не правъ. Да и слишкомъ дорого оцѣнили гармонію, не по карману нашему вовсе столько платить за входъ. А потому свой билетъ на входъ спѣшу возвратить обратно“.

Не отъ земной жизни отрекается здѣсь Карамазовъ. Свое плаваніе по морю житейскому, хотя бы и въ качествѣ безбилетнаго пассажира, онъ не намѣренъ заканчивать „ранѣе 30 лѣтъ“,—а въ дѣйствительности его стихійная жажда „клейкихъ листочковъ“ жизни не утолится и въ теченіи трижды тридцати лѣтъ. Но зато отъ „билета на входъ“ въ будущій міръ, въ царство гармоніи, онъ отказывается безповоротно. Этого билета онъ не потребуетъ назадъ даже въ томъ случаѣ, если окажется „не правъ“, т. е. если дѣйствительно существуетъ какой-то „четырехмѣрный“ разумъ, воспринимающій мракъ конца, какъ свѣтъ, а ужасъ безсмысленнаго страданія, какъ необходимый моментъ конечной гармоніи. Карамазовъ не хочетъ для себя этого четырехмѣрнаго разума, и въ этомъ онъ безспорно „правъ“. Если уже говорить объ „искушеніяхъ діавола“, то конечно величайшимъ изъ-

вательствомъ надъ людьми духа пошлости и подлости является идея всеосвящающаго и всеоправдывающаго конца,—идея, что не только свободныя страданія творчества, которыя сами себя оправдываютъ, но и рабскія муки безсильной истязуемой жертвы въ глубочайшей сущности своей „святы", имѣютъ внутренній нравственный „смыслъ", пока еще „сокровенный" отъ насъ, но имѣющій раскрыться при ослѣпительномъ свѣтѣ конца.

III.

Vernunft wird Unsinn, Wohlthat Plage,—говоритъ Мефистофель. Это не издѣвательство дьявола надъ святынею „истины", а одно изъ глубочайшихъ откровеній о природѣ человѣческаго разума. Всякая вполнѣ осуществленная, вполнѣ постигнутая разумомъ „истина" становится рано или поздно Unsinn, т.-е. не только банальностью или пошлостью, но и реальнымъ препятствіемъ, сковывающимъ дальнѣйшіе шаги разума. Лишь выйдя за предѣлы наличной истины и, слѣдовательно, признавъ ее относительной и условной, разумъ достигаетъ истины болѣе глубокой, включающей въ себя предыдущую, какъ частный моментъ. Если бы это было иначе, если бы каждая истина не превращалась „въ концѣ концовъ" въ Unsinn, если бы существовала какая-то предопредѣленная, неизмѣнная абсолютная истина, то самъ разумъ, какъ дѣятельность, какъ творчество и какъ пафосъ творчества, былъ бы Unsinn.

Сотни тысячъ лѣтъ протекли съ тѣхъ поръ, какъ сознательная, т.-е. творческая работа разума сдѣлалась преимущественной особенностью животнаго „человѣкъ",—но и до сихъ поръ чувство человѣка не можетъ примириться съ этимъ, до сихъ поръ человѣкъ не перестаетъ скорбѣть о томъ, что „дьяволъ" попуталъ его вкусить отъ древа познанія и лишилъ первобытной райской гармоніи. Революціонный разумъ становится добровольнымъ рабомъ консервативнаго чувства: всѣ свои силы—зачастую далеко незаурядныя—онъ употребляетъ на демонстрацію своего собственнаго ничтожества, своей неспособности постигнуть „вѣчныя проблемы мірозданія", и подъ видомъ „религіи" создаетъ жалкій, серединный, полу-сознательный, полу-инстинктивный суррогатъ того цѣлостнаго блаженства зоологической „невинности", которое безвозвратно утрачено нами еще въ дочеловѣческій періодъ нашей исторіи.

И любопытно, что тенденція эта свойственна не только мистикамъ, поносящимъ безбожный духъ современной культуры, но и многимъ крупнымъ дѣятелямъ самой этой культуры.

Мережковскій видитъ въ чеховщинѣ яркій образчикъ той психологіи, которая создается на почвѣ атеистической вѣры въ культуру.

„Теперешняя культура,—пишетъ Чеховъ въ одномъ письмѣ,—это начало работы во имя великаго будущаго, работы, которая будетъ продолжаться, быть можетъ, еще десятки тысячъ лѣтъ для того, чтобы, хотя въ далекомъ будущемъ, человѣчество познало истину настоящаго Бога—т.-е. не угадывало бы, не искало, въ Достоевскомъ, а познало ясно, какъ познало, что дважды два есть четыре".

Г. Мережковскій остроумно показываетъ, что эта религія культуры, эта вѣра въ раціональнаго Бога, яснаго какъ „дважды два четыре", неразрывно связана съ пессимизмомъ чеховскихъ героевъ, съ ихъ никчемностью, съ ихъ „трансцендентной" скукой.

Мы знаемъ ту соціально-политическую среду, въ которой выросло

поколѣніе „чеховскихъ типовъ“, мы знаемъ тѣ вѣянія времени, которыя нашептывали „восьмидесятнику“ и трансцендентную скуку, и безсильныя грезы о торжествѣ разума „черезъ нѣсколько сотенъ лѣтъ“. Но Мережковскій съ полнымъ основаніемъ могъ бы возразить, что этихъ спеціально русскихъ условій недостаточно для объясненія тѣсной связи между пессимизмомъ и религіей разума. Онъ могъ бы указать на Мечникова — гораздо болѣе француза, чѣмъ русскаго, — который тщетно старается преодолѣть тоску жизни „естественнымъ инстинктомъ“ смерти. Онъ могъ бы сослаться на другого крупнаго французскаго ученаго, біолога Ле-Дантека, пессимизмъ котораго также сводится въ конечномъ счетѣ къ неутолимой жаждѣ раскрыть научнымъ путемъ „абсолютную“ истину жизни.

Да и незачѣмъ ссылаться на отдѣльныя имена. Достаточно раскрыть первый попавшійся трактатъ изъ области точныхъ наукъ, чтобы убѣдиться, что стремленіе разсматривать научное творчество, только какъ средство для отысканія всеразрѣшающаго конца познанія, характерно для большинства ученыхъ нашего времени. Невозможность этого конца или, по крайней мѣрѣ, неосуществимость его въ ближайшее время есть типичный источникъ современнаго познавательнаго пессимизма, той научной „скромности“, которая видитъ въ объектахъ разума лишь несущественную внѣшность, лишь „явленія“ міра, и тѣмъ самымъ постулируетъ сверхразумную „внутренность“ или „сущность“ вещей — область, такъ называемаго, интуитивнаго или мистическаго познанія. А если ученый не признаетъ мистическаго откровенія, то почти навѣрное вы найдете у него какой нибудь суррогатъ мистики въ области откровеній самой науки. И такая научная „смѣлость“, такое гипостазированіе отдѣльныхъ пріобрѣтеній разума, возведеніе ихъ въ санъ конечныхъ истинъ, представляетъ для развитія творческой мысли препятствіе чуть ли не горшее, чѣмъ самоограниченіе „научной скромности“.

Среди построеній научной мысли принято различать двѣ категоріи, такъ называемыя „рабочія гипотезы“ и „теоріи“.

Познавательныя конструкціи первой категоріи потому и называются „рабочими“, что именно онѣ являются орудіемъ научной работы въ собственномъ смыслѣ этого слова, орудіемъ научнаго творчества, — тѣмъ не менѣе ученые относятся къ нимъ какъ-то двойственно и какъ бы конфузливо. Рабочей конструкціей можно пользоваться, но нельзя придавать ей серьезнаго научнаго значенія: вѣдь это только „гипотеза“, — она еще не опредѣлилась, не выяснена еще область ея примѣненія; „въ концѣ концовъ“ она, быть можетъ, вовсе не вѣрна, не обнимаетъ всей той суммы фактовъ, для которыхъ придумана. Это нерѣшительное полупризнаніе „гипотезы“ *) ставитъ ученаго почти въ безвыходное положеніе, когда къ нему съ торжественнымъ видомъ приступаетъ „великій инквизиторъ“ науки, „критическій философъ“, и строго спрашиваетъ: „А позвольте узнать, милостивый государь, на какомъ основаніи оперируете вы не однѣми безспорными истинами, вытекающими изъ вѣчныхъ законовъ разума, но также призвольными измышленіями вашей субъективной фантазіи?“ Ученый не знаетъ, куда глаза дѣвать отъ сраму, — онъ чувствуетъ, что передъ святѣйшимъ трибуналомъ гносеологіи его незаконная связь съ легкомысленной „гипотезой“ ничѣмъ не можетъ быть оправдана. Гипо-

*) Самый терминъ „гипотеза“ въ примѣненіи къ рабочимъ конструкціямъ строго говоря, неумѣстенъ, но здѣсь я не могу касаться этой стороны дѣла.

теза принесла съ собой расцвѣтъ научнаго творчества, цѣлый рядъ геніальныхъ прозрѣній, неожиданныхъ открытій, изобрѣтеній, предсказаній... Но развѣ все это имѣетъ абсолютную цѣнность, развѣ всѣ эти завоеванія науки не эмпирическій тлѣнъ и суета? И ученый, зажмурясь отъ смущенія, начинаетъ приводить смягчающія его вину обстоятельства: онъ и не думалъ никогда придавать гипотезамъ какую либо научную цѣнность,—это только такъ... „лѣса", которые тотчасъ же будутъ убраны, когда достроится до конца зданіе науки; научную цѣнность имѣетъ, само собой разумѣется, только этотъ грядущій „черезъ нѣсколько столѣтій" конецъ, это завершенное, абсолютно достовѣрное зданіе, а не процессъ постройки и его временныя, случайныя орудія...

Но вотъ „гипотеза" выдержала всѣ испытанія: область ея примѣненія опредѣлена окончательно, и само это примѣненіе не связано уже ни съ какимъ творчествомъ, ни съ какими открытіями, но совершается съ правильностью и отчетливостью разъ навсегда установленнаго шаблона. Познавательная конструкція пріобрѣтаетъ прочную научную цѣнность, она именуется теперь уже не „гипотезой", а „теоріей", и сама гносеологія спѣшитъ освятить ея сожительство съ разумомъ, установить ея связь съ „вѣчными законами" послѣдняго.

Сто слишкомъ лѣтъ тому назадъ принципъ „неразрушимости матеріи" былъ робкой гипотезой; семьдесятъ лѣтъ тому назадъ принципъ „сохраненія энергіи" казался настолько произвольной конструкціей, что солидная наука отказывалась признать за нимъ какое либо серьезное значеніе.—Послѣ того какъ Гельмгольцъ доказалъ всеобщность закона сохраненія энергіи въ области всѣхъ извѣстныхъ тогда физическихъ и химическихъ процессовъ, гносеологія немедленно выяснила, что и доказывать-то тутъ было нечего, такъ какъ законъ сохраненія энергіи—не выводъ изъ эмпирическихъ фактовъ, а предпосылка ихъ изслѣдованія, покоящаяся на апріорныхъ категоріяхъ „чистаго" разсудка. Сами же эти категоріи, какъ извѣстно, независимы отъ какихъ либо эмпирическихъ данныхъ, одинаково достовѣрны на Землѣ, на Марсѣ и на Сиріусѣ, теперь и черезъ милліарды лѣтъ: земля и небо прейдутъ, но категоріи чистаго разсудка не прейдутъ довѣкъ.

Съ тѣхъ поръ какъ основы классической механики были, такимъ образомъ, незыблемо обоснованы sub specie aeternitatis, прошло всего полъ-вѣка. Земля и небо еще далеко не „прешли", а между тѣмъ появились удивительныя тѣла, вродѣ радія, которыя, не желая знать о какихъ категоріяхъ чистаго разсудка, отказываютъ въ повиновеніи закону неразрушимости матеріи. Мало того. Французскій физикъ Ле-Бонъ доказалъ экспериментально, что матерія всѣхъ рѣшительно тѣлъ нашего опыта непрерывно разлагается, превращаясь, быть можетъ, въ свѣтовой эфиръ, во всякомъ случаѣ, въ нѣчто, лишенное основного свойства „матеріи": инерціи, постоянной массы. Всякая матерія, по выраженію Ле-Бона, „дематерьялизуется". Но вмѣстѣ съ тѣмъ падаетъ и законъ сохраненія энергіи, по крайней мѣрѣ, въ его классической формѣ: если то „нѣчто", которое образуется изъ матеріи при ея разложеніи, не обладаетъ постоянной массой, то оно и не можетъ обладать и постоянной энергіей, которая измѣряется половиной произведенія массы на квадратъ скорости.

Гносеологія пока совершенно игнорируетъ работы Ле-Бона, какъ игнорируетъ она современную философію математики (т. н. „логистику"), въ корнѣ подрывающую кантовское ученіе о „синтетическихъ

сужденіяхъ a priori" — Солидные ученые-спеціалисты относятся къ разрушителю постоянства энергіи Ле-Бону почти такъ же, какъ ихъ дѣды относились къ основателю этого принципа. Манеру, т. е. не говорять ни да, ни нѣтъ, и стараются вообще по возможности о его выводахъ не думать.

Перспективы, открываемыя работами Ле-Бона, колоссальны. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ. „Дематерьялизація" заставляетъ думать, что возможенъ и обратный процессъ „матерьялизація", созданіе химическихъ элементовъ изъ общей имъ всѣмъ эфирной праматери, а если такъ, возможенъ и процессъ превращенія одного элемента въ другой. Далѣе: искусство усиливать процессъ дематерьялизаціи обѣщаетъ отдать въ распоряженіе человѣка практически безграничные запасы даровой энергіи. Изъ тѣхъ трехъ основныхъ задачъ, надъ которыми бились когда-то алхимики — открытіе философскаго камня, perpetuum mobile и жизненнаго элексира, — двѣ первыя становятся научными *) на томъ пути, который намѣченъ Ле-Бономъ.

Но развѣ эмпирическія перспективы, какъ бы обширны онѣ ни были, могутъ вознаградить истиннаго солиднаго мужа науки за потерю той абсолютной гармоніи, которая царствовала до сихъ поръ въ его области? Когда то еще удастся вполнѣ овладѣть этими новыми, могучими и непокорными силами и уложить ихъ въ такія изящныя, законченныя, неподвижныя формулы, въ которыхъ покоится классическая механика! А пока какой-то неопредѣленный хаосъ, рядъ неувѣренныхъ гипотезъ, жалкое шатаніе мысли. И ученый приступаетъ къ новымъ открытіямъ не только съ критическою осторожностью, всегда необходимой, но и съ явнымъ недоброжелательствомъ, втайнѣ онъ лелѣетъ надежду, что всѣ эти непріятныя новшества окажутся недоразумѣніемъ и пустякомъ, что ему не придется ломать самыя основы своего міросозерцанія, которыя онъ привыкъ считать абсолютной истиной

Безчисленны и многообразны проявленія психологіи „конца" въ области познанія. Однимъ изъ наиболѣе яркихъ образчиковъ этой психологіи является стремленіе апріори намѣтить границы науки. Между тѣмъ, если есть какія либо „апріорныя" предпосылки научнаго изслѣдованія, то невозможность апріори опредѣлить границы познанія самая очевидная изъ нихъ. Нѣтъ и не можетъ быть принципіально неразрѣшимыхъ для науки проблемъ. Неразрѣшимы только неправильно заданныя, внутренно противорѣчивыя проблемы. Но внутреннее противорѣчіе нельзя и представить себѣ, какъ задачу, подлежащую рѣшенію: достаточно вскрыть противорѣчіе, лежащее въ основѣ неправильно заданнаго вопроса, для того чтобы онъ тотчасъ же пересталъ быть вопросомъ и превратился въ безсмысленный наборъ словъ.

Нѣтъ неразрѣшимыхъ задачъ, весь данный міръ принципіально познаваемъ. Но такъ какъ сами эти міровыя „данныя", которыми мы стремимся познавательно овладѣть, не представляютъ чего либо законченнаго, а постоянно нарождаются вновь, то всегда будутъ нерѣшенныя задачи. Г. Мережковскій упоминаетъ о прогрессѣ зрѣнія со временъ Гомера, въ эпоху котораго люди, повидимому, не различали цвѣтовъ спектра, лежащихъ за зеленымъ въ сторону фіолето-

*) Само собой разумѣется, что теоретически понятіе perpetuum mobile нелѣпо, я имѣю въ виду ту практическую задачу, которую преслѣдовали алхимики, отыскивая „вѣчное движеніе".

ваго конца. Въ безконечно болѣе сильной степени раздвинулось наше зрѣніе по ту и другую сторону видимаго спектра благодаря тѣмъ искусственнымъ органамъ воспріятія, которые были изобрѣтены въ 19-мъ вѣкѣ. И эти новыя „данныя" опыта, эти невидимые „лучи" не только дополняютъ кое въ чемъ картину міра, не только присоединяютъ къ 35000 извѣстныхъ видовъ 35001-ый, какъ жалуется одинъ разочаровавшійся въ наукѣ чеховскій герой, но преобразуютъ самый фундаментъ науки, ниспровергаютъ тѣ коренные „законы" матерьяльнаго міра, въ которыхъ великій предтеча современной науки, Леонардо да Винчи, усматривалъ предвѣчную цѣлесообразность самого строителя вселенной, самого „Primo Motore".

Какъ видимъ, идеологія конца, въ корнѣ враждебная духу культурнаго прогресса, духу всякой вообще человѣческой жизни, далеко не является исключительной особенностью христіанъ третьяго завѣта. Эти наивные люди представляютъ лишь ея наиболѣе яркое, цѣлостное выраженіе. Они смѣло возводятъ въ рангъ религіознаго догмата ту пессимистическую тенденцію, которая въ смягченномъ и преобразованномъ видѣ живетъ въ душѣ многихъ и многихъ борцовъ за культуру, страшащихъ творческое вдохновеніе, нашептываемое имъ тоскливыя, гнетущія мысли о тщетѣ всѣхъ усилій человѣческаго разума, о недостижимости „послѣдняго" откровенія, и т. п. Не много найдется людей, совершенно свободныхъ отъ этихъ искушеній дьявола лѣни, покоя и тьмы, выступающаго подъ маской жажды „абсолютной истины". Но безконечно различно отношеніе искушаемыхъ къ „соблазнамъ" дьявола. Одни одни стараются побороть въ себѣ голосъ дочеловѣческаго инстинкта, зовущаго къ „блаженному успенію и вѣчному покою", то другіе падаютъ ницъ передъ этой недотыкомкой, провозглашаютъ ее святымъ духомъ и смиренно молятъ даровать людямъ „новый завѣтъ", окончательно упраздняющій за ненадобностью работу творческаго разума.

IV.

Философы не разъ демонстрировали на примѣрѣ собственныхъ системъ, что мистическое устремленіе къ грядущему апоѳеозу, къ божественному свѣту абсолютной истины, въ дѣйствительности приводитъ къ абсолютному мраку безсознательно стихійной жизни. Самымъ смѣлымъ изъ философовъ этого типа былъ Гартманъ, провозгласившій безсознательное божествомъ, а сознательный разумъ жалкимъ ублюдкомъ, продуктомъ печальнаго недосмотра въ порядкѣ мірозданія: du bist das Produkt eines Aktes, der nicht hätte sein sollen, darum mußt du auslöschen, sterben! Къ сожалѣнію, Гартманъ задался противнѣйшей цѣлью доказать несостоятельность разума съ его же собственной, съ научной точки зрѣнія. Выхватывая первые попавшіеся аргументы изъ области естествознанія, онъ создалъ цѣлый рядъ явно несостоятельныхъ построеній, и что хуже всего — совершенно затемнилъ свой собственный исходный пунктъ: само „безсознательное" превратилось у него въ какое-то разумное существо, въ ходячій абсурдъ, въ безсознательное сознаніе.

Гораздо тоньше, интереснѣе и правильнѣе по существу поставилъ аналогичную задачу Бергсонъ, философъ, лишь за самое послѣднее время получившій широкую извѣстность. Бергсонъ даетъ остроумный анализъ интеллекта, какъ специфически сознательной активности, и

показываетъ, что идея абсолютной истины противорѣчитъ самой природѣ интеллекта, что лишь въ области не интеллектуальнаго, инстинктивнаго можетъ найти себѣ стремленіе проникнуть въ сущность вещей. Выводы Бергсона тѣмъ интереснѣе, что самъ онъ чистѣйшей воды мистикъ: съ его точки зрѣнія интеллектъ пригоденъ лишь для „внѣшнихъ" механическихъ цѣлей, инстинктъ же представляетъ не особый видъ окостенѣлыхъ жизненныхъ процессовъ, а творческое начало всякой жизни вообще. Но и Бергсонъ не довелъ и, какъ мистикъ, жаждущій интуитивнаго постиженія міра, не могъ довести своего анализа до конца: поставитъ знакъ равенства между мистической интуиціей и полной безсознательностью.

Подобнаго рода непослѣдовательность вполнѣ понятна и притомъ вполнѣ извинительна въ устахъ мистика. Быть послѣдовательнымъ принципіальный врагъ „пошлаго" разума отнюдь не обязанъ, но и отказаться отъ разума, отъ сознанія, въ серьезъ никакой мистикъ конечно не желаетъ. Дѣйствительные корни мистики лежатъ вовсе не въ области сверхразумнаго; всякій мистицизмъ порождается потребностью установить въ предѣлахъ самого разума, въ предѣлахъ сознательной жизни человѣка, нѣкоторую неприкосновенную для разума „святыню". И такой святыней оказываются всегда извѣстные законы человѣческаго общежитія, извѣстный типъ отношеній между людьми, извѣстныя формы культурнаго быта.—Законы природы, открываемые наукой, лишены всякихъ аттрибутовъ святости; эти „трезвыя" формулы сами по себѣ совершенно неспособны вызвать чувство восторженнаго преклоненія; онѣ являются лишь орудіемъ дальнѣйшей работы разума, которая носитъ такъ называемый „діалектическій" характеръ, т. е., отправляясь отъ даннаго закона или теоретическаго постулата, приходитъ къ его „отрицанію", къ познанію его ограниченности и условности. Новое, болѣе широкое научное обобщеніе, включивъ въ себя, какъ частный моментъ, законъ, низвергнутый съ пьедестала конечныхъ истинъ, въ свою очередь подвергается той же участи и т. д. ad infinitum. Очевидно, самая жажда „конечной истины", самая психологія, требующая осуществленія этого научно несостоятельнаго внутренне противорѣчиваго понятія, внѣдряется сюда извнѣ. Культура какъ бытъ, какъ совокупность „освященныхъ" соціальной традиціей „святыхъ" и „самоцѣнныхъ" формъ жизни, и есть эта постоянная лабораторія мистическихъ чувствъ, столь враждебныхъ культурѣ, какъ живой, движущей силѣ человѣческаго прогресса.

Я вовсе не хочу сказать, что „святость и самоцѣнность идеологіи" есть просто возвышенная фраза, прикрывающая интересы, связанныя у той или другой группы людей съ данными формами сложившагося быта. Только противники историческаго матерьялизма, усердно упрощающіе его для удобства полемики, утверждаютъ, будто марксистъ обязанъ видѣть въ идеализмѣ сознательное „прикрытіе" матерьяльныхъ интересовъ. Именно съ марксистской точки зрѣнія эта теорія совершенно несостоятельна, ибо она прежде всего не матерьялистична. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, для чего бы могло понадобиться данному классу сознательно, т. е. лицемѣрно, прикрывать свои интересы несоотвѣтствующей имъ „возвышенной" идеологіей. Это имѣло бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если бы существовала какая-то абсолютно возвышенная идеологія, независимая ни отъ какихъ конкретныхъ интерессовъ, одинаково обязательная и святая для всѣхъ безъ различія людей. Но разъ этого нѣтъ, разъ всякая, даже самая искренняя и возвышенная съ нашей точки зрѣнія идеологія

напр. идеологія борющагося пролетаріата, имѣетъ лишь исторически ограниченное значеніе, вырастаетъ лишь на почвѣ опредѣленныхъ „производственныхъ отношеній", то необходимо допустить, что и самые несимпатичные намъ „идеалы" вполнѣ искренни, дѣйствительно „святы" и „самоцѣнны" для той общественной группы, которая ихъ исповѣдуетъ.

Возьмемъ для примѣра «патріархальный» бытъ добраго стараго времени. Жизнь помѣщичьей усадьбы протекала тѣмъ гармоничнѣе, интересы помѣщика обезпечивались тѣмъ лучше, чѣмъ интенсивнѣе были развиты «патріархальныя» чувства, связывавшія помѣщика съ крестьянами и дѣтей съ родителями, какъ въ крестьянскихъ семьяхъ, такъ и въ самой помѣщичьей семьѣ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что самъ помѣщикъ разсматривалъ патріархальныя отношенія только какъ орудіе своихъ матерьяльныхъ интересовъ. Наоборотъ, настоящій «хорошій» баринъ цѣнилъ поэзію патріархальныхъ чувствъ, какъ таковую, — именно это внутреннее «благолѣпіе» дворянскаго гнѣзда, его своеобразная психическая атмосфера, такъ ярко воспроизведенная въ «Войнѣ и мирѣ», и составляла главную прелесть, основной смыслъ жизни для идеальныхъ помѣщиковъ крѣпостной эпохи. У толстовскихъ героевъ, какъ и у самого Толстого, этотъ барскій «идеализмъ» является обыкновенно не вполнѣ осознаннымъ, но выступаетъ отъ этого еще отчетливѣе. — Николай Ростовъ первоначально не чувствовалъ никакого призванія къ хозяйству, онъ занялся своими помѣстьями только для того, чтобы обезпечить благосостояніе семьи. Но и впослѣдствіи, ставъ идеальнымъ помѣщикомъ, онъ продолжалъ истолковывать свою тягу къ хозяйству съ этой матерьялистически утилитарной точки зрѣнія.

„Онъ часто говаривалъ съ досадой о какой нибудь неудачѣ или безпорядкѣ: „съ нашимъ русскимъ народомъ" и воображалъ себѣ, что терпѣть не можетъ мужика. Но онъ всѣми силами души любилъ этотъ нашъ русскій народъ и его бытъ...

Графиня Марья ревновала своего мужа къ этой любви его и жалѣла, что не могла въ ней участвовать... Она не могла понять, отчего онъ былъ такъ оживленъ и счастливъ, когда, вставъ съ зарею, и проведя все утро въ полѣ или на гумнѣ, онъ возвращался къ ея чаю съ посѣва, покоса или уборки. Она не понимала, чѣмъ онъ такъ восхищался, разсказывая съ восторгомъ про богатаго хозяйственнаго мужика Матвѣя Ермилина, который всю ночь съ семьей возилъ снопы, и еще ни у кого ничего не было убрано, а у него уже стояли одонья. Она не понимала, отчего онъ такъ радостно, переходя отъ окна къ балкону, улыбался подъ усами и подмигивалъ, когда на засыхающіе всходы овса выпадалъ частый теплый дождикъ"...

Жена Ростова вполнѣ понимала и раздѣляла его заботы о благосостояніи дѣтей, но съ ея высшей христіанской точки зрѣнія строй барской жизни представлялся грѣховнымъ, и потому она не могла понять поэзіи этого строя, не могла раздѣлять тѣхъ «любовныхъ», «восторженныхъ», «радостныхъ» чувствъ, которыми была преисполнена хозяйская душа Ростова. Заботы о семьѣ являлись не основнымъ движущимъ мотивомъ дѣятельности Ростова, а только раціоналистической мотивировкой. Поддержаніе «идеальныхъ» формъ крѣпостного благоустройства—вотъ та святыня, та самодовлѣющая цѣнность, которая скрашивала жизнь Николая Ростова, придавала ей смыслъ и значеніе.

По поводу этого хозяйскаго идеализма толстовскихъ героевъ и самого Толстого г. Мережковскій пишетъ:

„Онъ (Толстой) каждый разъ выражалъ свое волненіе такъ: „только бы дома все было благополучно!"

Это—не мѣщанство, это неизмѣримо глубже и первобытнѣе: это вѣчный голосъ

природы, неодолимое чутье жизни, которое заставляетъ звѣря устраивать логово, птицу—гнѣздо, человѣка—зажигать огонь семейнаго очага. . . . . .

Это — покорное волѣ природы свиваніе гнѣзда, благолѣпное домостроительство.

И прежде всего тутъ—великая и простая любовь къ жизни, та вѣчно дѣтская радость жизни, которая была и у Гете.

Мы слишкомъ слабые, дерзкіе, слишкомъ жадно устремленные къ будущему, привыкли слишкомъ мало цѣнить законченныя формы прошлаго, это „благолѣпіе", „благообразіе", эти цѣпкіе животно-растительные корни всякой человѣческой культуры (курсивъ мой. -В. Б.), глубоко уходящіе въ подземную, родную, живую, животную темноту и глубину, которыми однако только и питается и, наперекоръ всякимъ „сѣрымъ теоріямъ", вѣчно зеленѣетъ „златое дерево жизни" *)

Это едва ли не единственное мѣсто, гдѣ г. Мережковскій вѣрно и точно опредѣляетъ свое отношеніе къ многосмысленному понятію «культура». Живой духъ культуры, духъ «жаднаго устремленія» къ будущему» его современно не увлекаетъ, онъ видитъ въ немъ лишь «сѣрую» теорію. Во «всякой человѣческой культурѣ» цѣнны ея «животные», даже «растительные» корни,—то инстинктивное, «темное»—но зато такое «родное», такое «теплое» — чувство «благообразія» и «благолѣпія», которымъ согрѣваютъ душу «законченныя формы прошлаго», формы освященныхъ вѣками человѣческихъ «гнѣздъ».

Чуть не на каждой страницѣ каждой своей статьи г. Мерековскій сражается съ «мѣщанствомъ», съ буржуазнымъ отношеніемъ къ культурѣ; онъ и въ данномъ случаѣ не преминулъ, какъ мы видѣли, оговориться: «это не мѣщанство, это неизмѣримо первобытнѣе и глубже».

Къ сожалѣнію, несмотря на эту оговорку, остается совершенно непонятнымъ, почему «комфортъ» мѣщанскаго гнѣзда менѣе святъ, нежели «благолѣпіе» гнѣзда дворянскаго. Развѣ хорошо налаженное торговое предпріятіе не пробуждаетъ въ душѣ владѣльца такого же благолѣпнаго самочувствія, какое охватывало Николая Ростова, когда онъ созерцалъ свое благоустроенное хозяйство? Развѣ банкиръ не расцвѣтаетъ душою, развѣ онъ не «улыбается подъ усами и не подмигиваетъ», когда биржевые бюллетени приносятъ ему вѣсть объ удачной спекуляціи? И почему же безкорыстный, чисто эстетическій восторгъ, испытываемый каждымъ «дѣловымъ человѣкомъ» при видѣ идеально поставленныхъ торговыхъ книгъ, нельзя свести къ «той великой и простой любви къ жизни, той вѣчно дѣтской радости жизни, которая была и у Гете»? Вѣдь эту возвышенную тираду о «великой и простой» любви г. Мережковскій произноситъ по весьма, на первый взглядъ, прозаическому поводу,—по поводу того удовольствія, которое доставляло Толстому образцово поставленное въ его имѣніи откармливанье свиней. Неужели же благолѣпіе свиного хлѣва представляетъ нѣчто до такой степени возвышенное и святое, что по сравненію съ нимъ всѣ формы буржуазной культуры только пошлость, плоскость и середина?

Но въ томъ-то и дѣло, что на всѣ эти вопросы нѣтъ и не можетъ быть отвѣта. Здѣсь кончается компетенція разума. Мы наконецъ вступаемъ въ область подлинной мистики, видимъ воочію ея темные и теплые подземные корни и ощущаемъ ихъ полную независимость отъ всякой сѣрой теоріи или логики. Тутъ совершенно нечего понимать. Надо родиться въ дворянскомъ гнѣздѣ, надо съ колыбели дышать его атмосферой, чтобы почувствовать святость

---

*) Толстой и Достоевскій, т. I, стр. 33, 35, 32.

этого жизненнаго уклада. То же самое относится и къ буржуазному гнѣзду: оно также имѣетъ свой „идеалъ“, который самъ по себѣ ничуть не ниже и не выше помѣстно-дворянскаго благолѣпія,—онъ просто „иной“, чуждый, психологически недоступный для человѣка, проникнутаго традиціями стараго барства.

„Мы съ г. прокуроромъ идіоты другъ для друга“,—заявилъ въ одной изъ своихъ защитительныхъ рѣчей Лассаль, пояснивъ, что тутъ нѣтъ никакого оскорбленія для г. представителя обвинительной власти, такъ какъ „идіотъ“ въ своемъ первоначальномъ смыслѣ значитъ лишь „своеобразный человѣкъ“.—Въ области святыхъ формъ общежитія, въ области „святыни“ вообще, первоначальный смыслъ слова „идіотъ“ совпадаетъ съ его теперешнимъ ходячимъ смысломъ. Здѣсь быть совершенно своеобразнымъ по сравненію съ другимъ человѣкомъ—значитъ быть для этого другого идіотомъ, пошлякомъ. Построенный на культурномъ комфортѣ мѣщанскій идеализмъ въ глазахъ г. Мережковскаго безгранично пошлъ, но точно такъ же—и, быть можетъ, въ еще большей степени—пошлы въ глазахъ идеалиста-мѣщанина тѣ формы до-буржуазнаго, барскаго „комфорта“, которыя г. Мережковскій воспринимаетъ какъ „благолѣпіе“. Оба эти идеалиста одинаково правы или неправы,—и оба они одинаково скучны, неинтересны, „пошлы“ для человѣка, не испытавшаго обаянія никакихъ вообще законченно-комфортабельныхъ формъ жизни и потому незнакомаго съ чувствомъ бытового благолѣпія.

V.

Можно ли однако идеализмъ г. Мережковскаго назвать дворянскимъ? Повидимому, нѣтъ. Пожалуй, это было бы еще позволительно нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда мистика г. Мережковскаго санкціонировала самодержавіе. Но что же осталось отъ этого дворянства теперь, когда не только „старый порядокъ“, но и всякую вообще власть г. Мережковскій объявилъ дьявольскимъ, „антихристовымъ“ началомъ?

Если подъ „дворянской“ идеологіей разумѣть комплексъ идей, непосредственно отражающихъ въ себѣ конкретные интересы каждаго даннаго дворянина-помѣщика, то, разумѣется, апокалипсическую проповѣдь г. Мережковскаго придется признать затѣей, совершенно не дворянской. Ни мало не защищая и даже не „прикрывая“ ближайшихъ помѣщичьихъ интересовъ, эта идеологія можетъ повести только къ конфликту съ мѣстнымъ батюшкой и соотвѣтственнымъ отдѣломъ „союза русскаго народа“,—перспектива, не особенно страшная, но отнюдь не заманчивая. Но если мы обратимъ вниманіе не на интересы г. Мережковскаго, какъ помѣщика, а на его жажду абсолютно законченныхъ, безусловныхъ, неизмѣнно-святыхъ формъ жизни, то дворянское происхожденіе его религіозныхъ исканій станетъ болѣе чѣмъ правдоподобнымъ.

Бытовыя формы буржуазнаго общества никогда не могутъ отлиться въ такую строго выработанную, цѣлостную систему святыхъ отношеній, о какой говорятъ намъ идеалистическія старо-дворянскія преданія. Формы эти слишкомъ подвижны, темпъ ненавистнаго для г. Мережковскаго „прогресса“ слишкомъ быстръ для того, чтобы могла сложиться священная, въ бездонную глубь временъ уходящая традиція. И хотя буржуа не только позитивно цѣнитъ комфортъ жизни, но несомнѣнно чисто эстетически воспринимаетъ благолѣпіе и благо-

устройство своего бытія, тѣмъ не менѣе это чувство эстетической гармоніи быта никогда не можетъ пріобрѣсти у него той „первобытной“ мощи и ясности, той стихійно-религіозной силы, какая была свойственна патріархальному барству. Этому мѣшаетъ еще и другая специфическая особенность буржуазнаго уклада. Идеологія крѣпостного быта — по крайней мѣрѣ, въ „идеальныхъ“ случаяхъ — могла быть двусторонней. Не только Николай Ростовъ любилъ мужика въ той роли, которая была отведена ему въ рамкахъ патріархальнаго помѣстья, но и мужикъ „любилъ“ Николая Ростова:

„Долго послѣ его смерти въ народѣ хранилась набожная память объ его управленіи. „Хозяинъ былъ... напередъ мужицкое, а потомъ свое. Ну и потачки не давалъ. Одно слово—хозяинъ“.

Въ буржуазномъ обществѣ такая гармонія невозможна уже по одному тому, что здѣсь исчезаетъ непосредственная личная связь между исполнителемъ и организаторомъ и замѣняется вещной связью. Нарождается то, что Марксъ называлъ „товарнымъ фетишизмомъ“. Одни люди порабощаютъ другихъ при посредствѣ вещей, и кажется, что не люди, а сами вещи — товары, деньги — какою-то присущею имъ таинственною властью устанавливаютъ „существующій порядокъ“, создаютъ формы быта. Если даже рабочій и не сознаетъ, что интересы его противоположны интересамъ предпринимателя, то во всякомъ случаѣ его внутренній міръ представляетъ нѣчто обособленное, отличное, чуждое внутреннему міру предпринимателя, — интимное, духовное подчиненіе раба „идеальному“ въ его глазахъ барину уже не можетъ имѣть мѣста при наличности этой чисто внѣшней, матерьяльной, вещной зависимости. „Патріархальныя отношенія на фабрикѣ“ — фраза, столь обычная въ нашей оффиціальной литературѣ 90-хъ годовъ, представляетъ чистѣйшій продуктъ казеннаго сикофантства. Уже съ самаго зарожденія фабрики ни о какихъ „патріархальныхъ“ отношеніяхъ не могло быть и рѣчи.

Въ буржуазномъ обществѣ совершенно нѣтъ почвы для выработки такого бытового идеала, который могъ бы претендовать на общепризнанность, на одинаковую благолѣпность въ глазахъ „добрыхъ людей“ всѣхъ соціальныхъ положеній. Между тѣмъ идеалъ завершенной, „конечной“ гармоніи бытовыхъ формъ невозможенъ безъ такой всесторонней, всѣми хорошими людьми признаваемой, санкціи.

Вотъ почему мѣщанскій идеализмъ, ничуть не менѣе возвышенный и искренній, чѣмъ идеализмъ барскій, никогда однако не принимаетъ такого универсальнаго, цѣлостнаго характера. Самое стремленіе къ законченности, самая „психологія конца“ расшатывается буржуазнымъ строемъ. Буржуа не хочетъ никакихъ апоѳеозовъ — ни въ видѣ божественнаго преображенія міра, ни въ видѣ радикальной перестройки его силами человѣческими. Всѣ эти „фееріи“ намъ ни къ чему, писалъ г. Струве, полемизируя съ г. Мережковскимъ, ибо мы культурные люди, друзья прогресса, вовсе не хотимъ конца, а потому „передъ идолами Бога и Звѣря“ не преклоняемся. — Значитъ вамъ, культурнымъ людямъ, никакіе абсолюты не нужны? значитъ вы цѣните въ культурѣ не застывшія формы, а вѣчно живой духъ творчества? — Что вы, Богъ съ вами, испуганно отвѣчаетъ нашъ культуртрегеръ, — какъ же безъ абсолютовъ-то?! При всемъ нашемъ отвращеніи ко всякимъ „разрывамъ“, „скачкамъ“, „революціямъ“ и „катастрофамъ“ мы безъ абсолютной приправы едва ли бы могли благополучно переварить нашу „историчную“, нашу позитивно-прогрессивную идеологію. Абсолюты необходимы, но не для переустройства

внѣшняго міра, а для внутренняго благолѣпія нашей души. Совершенно не касаясь „феноменальнаго порядка“, они должны царствовать въ „порядкѣ нуменальномъ“:

„Это иное, „внутреннее“ пониманіе религіи не знаетъ вѣры ни въ какія феерии, ни въ соціально-экономическую, ни въ апокалипсическую. Поэтому, какъ это ни странно, оно гораздо ближе къ подлинному мистицизму, чѣмъ богоматерьяльномъ. Ибо мистицизмъ состоитъ въ прикосновеніи къ тайнѣ, а не въ раскрытіи ея, не въ матерьяльномъ и всецѣломъ овладѣніи ею“. *).

И тутъ же, въ этихъ же фельетонахъ о «Великой Россіи» дается великолѣпный образчикъ такого «прикосновенія къ тайнѣ», исключающаго всякую возможность «овладѣть» ею.

Какъ истинно культурный другъ прогресса, г. Струве не можетъ не защищать безусловной автономіи личности... въ «порядкѣ нуменальномъ», само собою разумѣется. Въ своей старой статьѣ «Что же такое истинный націонализмъ» **), о которой онъ и теперь вспоминаетъ съ умиленіемъ ***), онъ призналъ, между прочимъ, ту самоочевидную истину, что съ абсолютной автономіей личности несовмѣстимъ основанный на принужденіи государственный строй. Но это все въ порядкѣ нуменальномъ. А въ порядкѣ феноменальномъ г. Струве съ тѣхъ поръ «многое пережилъ и многому научился»: «понимать и ощущать, что такое государство... научила меня... живая и пережитая мною исторія русской революціи» ****). Съ одной стороны, революція испугала и возмутила г. Струве своей антикультурностью, выразившейся, какъ извѣстно *****), въ томъ, что типографщики и почтари примкнули ко всеобщей забастовкѣ и такимъ образомъ—о варвары!—на цѣлыя двѣ недѣли лишили г. Струве возможности удовлетворять свою культурную потребность въ газетахъ и журналахъ. Съ другой стороны, во время революціи съ полной отчетливостью выяснилось, что очередной культурный идеалъ нашего огражденнаго таможеннымъ покровительствомъ и фактически трестифицированнаго капитала отнюдь не соціально-политическая «феерія» и даже не демократическій парламентаризмъ, а имперіализмъ, опирающійся на «сильную» умѣренно-конституціонную власть. Но для того, чтобы буржуазный имперіализмъ съ надлежащимъ блескомъ выполнилъ свою культурную миссію, недостаточно однѣхъ симпатій къ нему со стороны непосредственно заинтересованныхъ промышленниковъ. Необходимо безкорыстное воодушевленіе, искреннее увлеченіе новымъ государственнымъ идеаломъ въ рядахъ профессіональной интеллигенціи, состоящей на службѣ у капитала. Между тѣмъ профессіональная интеллигенція до сихъ поръ заражена «банальнымъ радикализмомъ», видитъ въ государственномъ насиліи не святое начало, а печальную эмпирическую необходимость, исповѣдуетъ демократическій символъ вѣры, какъ средство свести это неизбѣжное зло къ минимуму. Очевидно, однимъ обличеніемъ «банальности» радикализма дѣлу не поможешь,—тѣмъ болѣе, что по части банальности и самъ имперьялизмъ дастъ кому угодно десять очковъ впередъ. Необходимо, во что бы то ни стало, создать религію имперіализма.

И немедленно же новое «ощущеніе» государства зародилось въ

---

*) См. фельетонъ г. Струве въ газетѣ „Рѣчь“, № 66 1908 года.

**) См. фельетонъ г. Струве въ газетѣ „Рѣчь“, № 66 1908 года

***) Съ этой статьей „связаны одни изъ самыхъ драгоцѣнныхъ и незабываемыхъ переживаній моей личной и политической жизни“. „Рѣчь“, № 47.

****) Тамъ же.

*****) См. „Полярную Звѣзду“ (разумѣется не Герценовскую).

просвѣтленной душѣ г. Струве, немедленно же его мистическое сознаніе обогатилось новой «тайнэй», съ которой онъ отнынѣ неустанно «соприкасается» на поученіе и удивленіе «банальныхъ радикаловъ» изъ кадетстской партіи. Г. Струве заговорилъ о «святости» власти и «религіозномъ» значеніи Бисмарка, онъ возвысился даже до постиженія государства, какъ самостоятельной, независимой отъ составляющихъ его индивидуумовъ, верховной «личности».

„Можно какъ угодно разлагать государство на атомы, и собирать его изъ атомовъ, можно объявить его „отношеніемъ" или системой „отношеній". Это не уничтожаетъ того факта (!), что психологически всякое сложившееся государство есть какъ бы нѣкая личность, у которой свой верховный законъ бытія" *)

Ну чѣмъ не религія? Налицо не только «ощущеніе» божественности государства, но и вѣра въ личное бытіе этого бога. Г. Струве имѣлъ полное право сказать, что проблема государства „соприкасается" для него „въ настоящее время съ проблемой не только культуры, но и религіи" **). Вотъ только слова „какъ бы нѣкоторая" въ основномъ догматѣ новой вѣры надо устранить, —да и не „личность" слѣдовало сказать, о «Vпостась». Не привыкъ еще г. Струве къ миѳотворчеству.

Какъ бы то ни было, наряду съ нуменальной религіей абсолютнаго самоопредѣленія человѣческой личности мы получаемъ феноменальную -поистинѣ «феноменальную»!—религію абсолютнаго самоопредѣленія государственной Vпостаси.

Эта чудовищная двойная бухгалтерія—и притомъ не въ какой либо второстепенной области, а въ сферѣ самыхъ завѣтныхъ идеаловъ, въ сферѣ конечныхъ откровеній и вѣрованій—такъ огорошила г. Мережковскаго, что онъ даже сопоставилъ, правда безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія, г. Струве и г. Меньшикова. Сопоставленіе, на мой взглядъ дѣйствительно неумѣстное. Нѣтъ никакихъ основаній къ тому, чтобы заподозрить г. Струве въ неискренности. Въ томъ-то и состоитъ психологическій интересъ буржуазнаго идеализма и буржуазной религіозности, что здѣсь эта двойная, а иногда и тройная бухгалтерія есть продуктъ чистѣйшаго «правдоискательства». Извнѣ такого сорта «религія» бываетъ порою какъ двѣ капли воды похожа на идейные товары, поставляемыя по спеціальному заказу г.г. Меньшиковыми, но изнутри это дѣйствительно религія, истинная вѣра, наполняющая душу ея обладателя не желчной злобой противъ всѣхъ и всего въ мірѣ, а глубокимъ, благолѣпнымъ чувствомъ высшаго самоудовлетворенія. Если тутъ и есть лицемѣріе, то совершенно особаго рода: это чистое, безгрѣшное, святое лицемѣріе,—послѣдній терминъ въ добавленіе къ многочисленной коллекціи народившихся за послѣднее время «святынь» я рекомендую въ особенности.

Эта глубокая внутренняя раздвоенность всякаго буржуазнаго идеализма, этотъ «свято-лицемѣрный» паѳосъ буржуазной религіозности и отталкиваетъ г. Мережковскаго. Онъ съ негодованіемъ обрушивается, напримѣръ, на «умѣренный и тепловатый» идеализмъ современныхъ культурныхъ людей, которые, отвергая воскресеніе тѣла, довольствуются «безсмертіемъ души».

„Воскресеніе Плоти, которое требуетъ безмѣрнаго и огненнаго мистическаго реализма, можно бы почти сказать, мистическаго матерьялизма, нечувствительно подмѣнилось такъ называемымъ „безсмертіемъ души", которое довольствуется умѣ-

*) „Рѣчь", № 47.
**) „Рѣчь" № 47.

ренным и тепловатым идеализмом, этим подогретым блюдом до-христіанской философіи...

Уклонъ современнаго христіанства къ догматическому спиритуализму соотвѣтствуетъ уклону современнаго внѣ-христіанскаго человѣчества къ догматическому матерьялизму: это двѣ противоположныя стороны одной и той же отвлеченной догматики, одинаково безплодныя и одинаково произвольныя... никакой безплотный идеализмъ не можетъ побѣдить реализма плотской смерти. И ежели безсмертное начало есть только духовное, безтѣлесное, то зачѣмъ было Тѣлу Христа воскресать?"

Совершенно очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что «безсмертіе души» не только не побѣждаетъ «реализма смерти», но, наоборотъ, утверждаетъ его. Эта пустая, безсодержательно-словесная уловка людей, которымъ страхъ смерти мѣшаетъ признать личное уничтоженіе, а «культурный» склад психики не позволяетъ допустить тѣхъ матерьяльныхъ предпосылокъ, безъ которыхъ такъ называется «будущая жизнь» никоимъ образомъ не можетъ быть личнымъ безсмертіемъ, т. е. продолженіемъ «моего» теперешняго существованія.

Вѣдь не о безсмертіи формальной, объединяющей функціи сознанія и о безсмертіи конкретной живой личности думаетъ человѣкъ, когда говоритъ: „я" буду жить вѣчно. Сохраненіе формальнаго „я" обезпечивается даже вѣрой въ переселеніе душъ. Такъ какъ всякій человѣкъ, и даже всякое живущее сознательной жизнью животное обладаетъ такимъ же „единствомъ" сознанія, какое есть у меня, то рѣшительно ничто не препятствуетъ думать, что любой человѣкъ и даже любой быкъ, родившійся послѣ моей смерти, воспринялъ „въ себя" мое формальное „я". Но это новое существо представляетъ, очевидно, совершенно независимую отъ „меня" эмпирическую личность, въ единствѣ его сознанія организуется матерьялъ, не имѣющій ничего общаго съ матерьяломъ „моихъ" переживаній, умершихъ вмѣстѣ съ моимъ тѣломъ. Для моего реальнаго „я", которое создается непрерывностью памяти, абсолютно безразлично, переселяется или не переселяется формальное „я" въ новый индивидумъ, ничего не помнящій изъ моей теперешней жизни, ничего не воспринявшій и не могущій ничего воспринять изъ моей „вотъ этой", дѣйствительной, эмпирической личности.— Между тѣмъ вѣрованіе въ переселеніе душъ все-таки допускаетъ кое какое воплощеніе. Какое же содержаніе остается для „жизни" души, эмансипированной отъ всякой плоти? Бытіе „въ себѣ" категорій чистаго разума? Но вѣдь даже по Канту, тщательно отдѣлявшему категоріи отъ всего эмпирическаго, онѣ „сами по себѣ" пусты, онѣ не могутъ пребывать въ себѣ, а могутъ лишь функціонировать въ примѣненіи къ эмпирическому матерьялу плотской жизни. Такимъ образомъ бытіе безплотной души есть просто небытіе, ничто,—даже съ точки зрѣнія той самой „критической" философіи, которую принято считать тончайшимъ цвѣткомъ современной культуры.

Г. Мережковскій потратилъ очень много пороху на борьбу съ „наивными предразсудками", мѣшающими культурному человѣку воспріять вѣру въ настоящее личное безсмертіе. Онъ даже пытался обосновать грядущее преображеніе плоти съ точки зрѣнія—horribile dictu!—эволюционной теоріи... Бѣдный Дарвинъ! Хорошо еще, что онъ, какъ грѣшный матерьялистъ, умеръ окончательно; не поздоровилось бы его безсмертному духу отъ такихъ продолжателей его земныхъ идей! Но какъ ни слаба аргументація г. Мережковскаго отъ науки, въ своей защитѣ „мистическаго матерьялизма" отъ половинчатаго „абстрактнаго спиритуализма" онъ безусловно правъ. Безсмертіе души съ на-

учной точки зрѣнія ничуть не выше безсмертія во плоти, а по своей внутренней конструкціи еще гораздо нелѣпѣе.

И въ вопросѣ о „безсмертіи" точно такъ же, какъ въ вопросѣ о „святости власти", центръ тяжести лежитъ вовсе не въ наукѣ и ея требованіяхъ, а въ органическомъ отвращеніи буржуазнаго идеализма ко всему цѣлостному, послѣдовательному. Буржуазному идеалисту послѣдовательность мысли и въ особенности послѣдовательность чувства совершенно искренно кажется чѣмъ-то „низменнымъ", «банальнымъ», въ лучшемъ случаѣ «дѣтскимъ», не достойнымъ тонкой и сложной психики истинно культурнаго человѣка. Онъ не только думаетъ и чувствуетъ въ обыденной жизни, но даже молится по классической формулѣ: „съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой необходимо признаться".

Куда же бѣжать отъ этой буржуазной серединности, гдѣ искать законченнаго благолѣпія жизни?

Само собою разумѣется, не въ реставраціи добуржуазнаго строя. Даже въ періодъ своего мистическаго преклоненія передъ самодержавіемъ г. Мережковскій не былъ славянофиломъ, не проповѣдовалъ возвращенія къ конкретнымъ историческимъ формамъ старо-барской общественности и отвѣчающей ей государственности. Онъ видѣлъ въ старомъ порядкѣ лишь цѣнный символъ того святого благоустройства жизни, которое могло бы быть, но фактически еще никогда не имѣло мѣста. Однако и въ такой условно-символической модификаціи славянофильская идеологія не могла овладѣть г. Мережковскимъ. Для этого онъ слишкомъ европеецъ, слишкомъ зараженъ ненавистной буржуазной культурой. Порожденная этой послѣдней автономная личность, безжалостно разрушающая все обаяніе патріархально-святого быта, стоитъ въ основѣ религіозныхъ построеній Мережковскаго. Личность, сознавшая себя абсолютной, не можетъ, конечно, видѣть никакого абсолютнаго, религіознаго начала въ идеѣ господства и подчиненія. Она уже не вѣритъ, что власть Бога надъ людьми можетъ воплотиться въ образѣ отдѣльнаго властвующаго человѣка, какъ бы ни назывался этотъ послѣдній: священникъ, пророкъ, кесарь или папа. И если она принимаетъ догматъ о воплощеніи Божества въ человѣческомъ индивидумѣ, то лишь какъ исторически необходимое, но одностороннее откровеніе. Индивидуальное воплощеніе годится какъ „прообразъ", какъ „символическое" обѣтованіе, но не какъ апоѳеозъ, не какъ окончательное водвореніе благолѣпія на землѣ. Въ апоѳеозѣ Божество—объектъ „безгранично любовнаго" преклоненія—воплощается поэтому не въ человѣкѣ, а въ человѣчествѣ.

Самодовлѣющее „я" уже отрѣзало всѣ пути назадъ, къ идеалу патріархально-аристократическаго быта; но оно еще не убило тоски по законченнымъ, застойно-гармоничнымъ формамъ прошлой, до-буржуазной жизни; въ результатѣ возникаетъ концепція, на первый взглядъ одинаково чуждая и патріархальному, и буржуазному міросозерцанію: революціонное христіанство, апокалипсическій анархизмъ.

VI.

Какую же общественную роль можетъ сыграть эта концепція? Дѣйствительно революціонную, или реакціонную, или умѣренно прогрессивную? На мой взглядъ ни ту, ни другую, ни третью. По всей вѣроятности въ недалекомъ будущемъ, быть можетъ, даже въ теку-

щемъ „сезонѣ", апокалипсическое христіанство станетъ моднымъ направленіемъ, какъ былъ моденъ два года тому назадъ „мистическій", а годъ тому назадъ „половой" анархизмъ. Но это, конечно, не сдѣлаетъ его знаменемъ какого либо серьезнаго общественнаго движенія. Только для „усталыхъ душъ" можетъ оно послужить прочнымъ прибѣжищемъ.

Какъ отъ земной жизни нѣтъ никакого перехода къ преображенію плоти, кромѣ ожиданія и молитвы, точно такъ же и отъ грезы „Царства Божія на землѣ" тщетно было бы ждать какихъ нибудь указаній относительно желательныхъ путей въ этой, земной жизни. Апокалипсическій идеалъ не освѣщаетъ, а ослѣпляетъ, такъ что рѣшительно всѣ земныя дороги становятся одинако темными, запутанными и ненужными. Г. Бердяевъ, довольно близко подошедшій въ своихъ религіозныхъ исканіяхъ къ Мережковскому, призналъ это. Онъ заявилъ, что исповѣдуемая имъ вѣра ни либеральна, ни консервативна,—ни революціонна, ни реакціонна, а стремится къ „четвертому" измѣренію. Искать четвертаго измѣренія—это и значитъ ожидать („Царствіе Божіе уже при дверяхъ") и молиться („Да будетъ воля Твоя на землѣ, какъ на небѣ!").

Но г. Мережковскій ни за что не хочетъ согласиться съ этимъ. Онъ увѣряетъ, что его религія „самое нужное изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ". Отъ религіозной революціи онъ ждетъ великихъ и богатыхъ милостей для революціи соціально-политической.

Въ сотрудничествѣ съ г. Философовымъ и г-жей Гиппіусъ г. Мережковскій выпустилъ книгу, спеціально посвященную русской революціи („Le Tsar et la Révolution"). — Казалось бы, тутъ должно наконецъ раскрыться, какимъ образомъ идеологія тысячелѣтняго царства можетъ оплодотворить собою земную революцію. Начинается книга предисловіемъ, дѣйствительно многообѣщающимъ. Судите сами:

„Насъ трудно сдвинуть съ мѣста, но разъ мы сдвинулись, намъ нѣтъ удержу—мы не идемъ, а бѣжимъ, не бѣжимъ, а летимъ, не летимъ, а падаемъ и пригомъ „вверхъ пятами", по выраженію Достоевскаго... Вы (европейцы) сберегаете душу свою, мы всегда ищемъ, за что бы ее потерять. Вы „градъ настоящій имѣющіе"; мы—„грядущаго града взыскующіе".

Въ этомъ полетѣ „вверхъ пятами" изъ феноменальнаго міра въ трансцендентный г. Мережковскій видитъ „движущую душу русской революціи", „первооснову" русской души, русскую „мистику воли", угрожающую не только русскому, но и европейскому общественному строю:

„Мы — ваша опасность, ваша язва, жало сатаны или Бога, данное вамъ въ плоть".

Послѣ такой торжественной увертюры вы ожидаете конечно, что въ дальнѣйшемъ изложеніи вамъ дадутъ анализъ революціонной борьбы русскаго народа съ точки зрѣнія этой его „мистической воли" (la volonté mystique), взыскующей града путемъ „полета" или — что то же — „паденія" вверхъ пятами. Но вы будете жестоко разочарованы. Во всей книгѣ нѣтъ ни звука о революціонномъ движеніи русскаго народа. Передъ читателемъ проходитъ длинный рядъ русскихъ интеллигентовъ — предтечъ революціи, начиная отъ Новикова и Радищева и кончая Львомъ Толстымъ. „Души" ихъ болѣе или менѣе остроумно интерпретированы въ желательномъ г. Мережковскому революціонно-мистическомъ смыслѣ. Но чѣмъ ближе къ революціи, тѣмъ труднѣе такая интерпретація; и какъ разъ тѣ идеологіи, которыя

играли дѣйствительно крупную роль въ революціонномъ движеніи русскаго народа, совсѣмъ не подходятъ подъ мѣрку апокалипсической революціи. И г. Мережковскій съ легкимъ сердцемъ проходитъ мимо нихъ, но зато цѣлый рядъ страницъ посвящаетъ описанію „метафизическихъ крайностей бунта", скрытыхъ подъ маской обывательщины въ душѣ Василія Васильевича Розанова!

Если оставить въ сторонѣ эти одинокіе свѣточи, раскрывающіе не въ дѣйствіяхъ, а въ своихъ индивидуальныхъ чаяніяхъ „мистическую первооснову русской души", то, повидимому, эта послѣдняя вообще рѣшительно ни въ чемъ не проявляется. — Среди болѣе или менѣе сформленныхъ массовыхъ теченій русской мысли и жизни только одно декадентство обратило на себя благосклонное вниманіе нашего мистическаго истолкователя революціи. Правда, и декадентство далеко еще не то, что нужно: „декаденты совсѣмъ ушли изъ общественности въ послѣднее одиночество, зарылись въ подземную тьму и тишь, спустились въ страшное „подполье" Достоевскаго" *). Но Мережковскій думаетъ, что это временное уклоненіе, обусловленное той „слишкомъ дорогой цѣной", которой декаденты купили „свободу искусства". Въ будущемъ они естественно перейдутъ отъ „религіи искусства" къ настоящей религіи, къ христіанству 3-го Завѣта, а вмѣстѣ съ тѣмъ передъ ними раскроется путь къ массѣ народной. Тогда-то изъ сліянія декадентской „плоти" и народнаго „духа", присущей декадентамъ европейской культуры и мистической воли русскаго народа, возникнетъ революціонно-христіанская общественность. Двумя анекдотами пытается г. Мережковскій доказать, что такая тяга декадентовъ къ народу и народа къ декадентамъ уже имѣется налицо.

Первый анекдотъ — это „кающійся" декадентъ Добролюбовъ. Послѣ горячаго увлеченія „сатанизмомъ", „искусственными эдемами" и т. п. онъ „бросилъ все", пошелъ въ народъ и теперь странствуетъ по деревнямъ, „проповѣдуя всюду евангеліе царствія Божія". Вотъ какъ разсказываетъ г. Мережковскій о своей встрѣчѣ съ опростившимся Добролюбовымъ.

„Я пошелъ на кухню и увидѣлъ двухъ „нездѣшнихъ мужичковъ": одинъ—маленькій, косолапый и чрезвычайно безобразный, похожій на калмыка или татарина; другой—самый обыкновенный русскій парень, въ тулупѣ, въ рукавицахъ и валенкахъ, съ краснымъ отъ мороза, очень здоровымъ и спокойнымъ лицомъ.

— Не узнаешь меня, братъ Дмитрій?

— Не узнаю.

— Я братъ твой Александръ.

— Какой Александръ?

— Въ міру меня звали Добролюбовымъ...

Они остались у меня обѣдать. Оба не ѣли мяса, и для нихъ сварили молочную кашу. Иногда, во время бесѣды, братъ Александръ вдругъ обращался ко мнѣ со своей дѣтской улыбкой.

— Прости, братъ, я усталъ, помолчимъ"..

Если этотъ эпизодъ и доказываетъ что нибудь, то какъ разъ противоположное тому, чего такъ хочется г. Мережковскому. Вѣдь никакого сліянія культуры и христіанской мистики не произошло. Вѣдь Добролюбову для его христіански-проповѣднической работы въ народѣ пришлось просто выкинуть всю культуру за ненадобностью, пришлось отречься отъ міра.—«Въ міру меня звали Добролюбовымъ». И этотъ культурный «міръ» такъ далеко отошелъ теперь отъ Добролюбова, что встрѣтившись послѣ долгой разлуки съ однимъ изъ его представи-

*) Не миръ, но мечъ, стр. 100.

телей, онъ не знаетъ, о чемъ заговорить съ нимъ. Г. Мережковскому ничего не припомнилось изъ той «бесѣды», которую они вели съ Добролюбовымъ за обѣдомъ. Очевидно, Добролюбовъ и не сказалъ ничего значительнаго, ничего намекающаго на тотъ «синтезъ», для демонстраціи котораго разсказывается самое происшествіе. Но г. Мережковскій припомнилъ, что его гость часто прерывалъ бесѣду: «Прости братъ, я усталъ, помолчимъ». Добролюбовъ вѣжливо отклонялъ разговоры,—до такой степени стало ему чуждо и неинтересно все то, что онъ можетъ услышать изъ нѣдръ «культурнаго міра».

Второй анекдотъ иллюстрируетъ тягу народа къ декадентамъ:

„Осенью 1906 года, во время второго севастопольскаго бунта, пришелъ ко мнѣ бѣлый матросъ черноморскаго флота... Тоже пришелъ поговорить о Богѣ, *въ Бога сонако не вѣрилъ: „во имя Бога слишкомъ много крови человѣческой пролито — этого простить нельзя"* (курсивъ мой В. Б.). Вѣрилъ въ человѣка, который станетъ Богомъ, въ сверхчеловѣка. Первобытно-невѣжественный, почти безграмотный, зналъ по наслышкѣ Ницше и хорошо зналъ всѣхъ русскихъ декадентовъ. Любилъ ихъ, какъ друзей, какъ сообщниковъ, не отдѣлялъ себя отъ нихъ. По словамъ его цѣлое маленькое общество севастопольскихъ матросовъ и солдатъ, — большинство изъ нихъ участвовало впослѣдствіи въ военныхъ бунтахъ,—выписывало въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Міръ Искусства, Новый Путь, Вѣсы—самые крайніе декадентскіе журналы. Онъ долго пролежалъ въ госпиталѣ; казался и теперь больнымъ: глаза съ горячечнымъ блескомъ, взоръ тупой и тяжелый, какъ у эпилептиковъ; говорилъ, какъ въ бреду, торопливо и спутанно, коверкая иностранныя слова, такъ что иногда трудно было понять. Но, насколько я понялъ, ему казалось, будто бы декаденты составляютъ что-то въ родѣ тайнаго общества и что они обладаютъ какимъ-то очень страшнымъ, но дѣйствительнымъ способомъ, „секретомъ" или „магіей" — онъ употреблялъ именно эти слова, — для того, чтобы „сразу все перевернуть" и сдѣлать человѣка Богомъ. Сколько я ни убѣждалъ его, что ничего подобнаго нѣтъ, онъ не вѣрилъ мнѣ и стоялъ на своемъ, что секретъ есть, но мы не хотимъ сказать".

Г. Мережковскій сильно налегаетъ на «первобытное невѣжество», «безграмотность», «спутанность» мысли матроса А. и, повидимому, именно этому обстоятельству склоненъ приписать его дикую фантазію, что декаденты обладаютъ особымъ «секретомъ» или «магіей».—Между тѣмъ тутъ дѣло вовсе не въ «спутанности», а наоборотъ въ цѣльности психики, въ той послѣдовательности мысли и чувства, которая такъ чужда «культурному» человѣку. Что кружокъ революціонно настроенныхъ матросовъ и солдатъ увлекался декадентскими журналами, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Смѣлыя, яркія слова о сверхчеловѣкѣ, о его абсолютной свободѣ отъ всякихъ внѣшнихъ цѣпей и нормъ, естественно увлекали черноморскихъ революціонеровъ. Но имъ конечно и въ голову не приходило, что люди, достигшіе этой «послѣдней» свободы и воспѣвшіе ее въ такихъ красивыхъ стихахъ,—что эти сверхъ-люди такъ же безпомощны передъ сложившимися формами жизни, какъ и самые смиренномудрые обыватели. Они не замѣтили, что практическій девизъ «Вѣсовъ»: «поэтъ долженъ жить какъ всѣ». А если и замѣтили эту назойливо повторявшуюся тамъ фразу, то, конечно, истолковали ее иносказательно, заподозрили тутъ конспирацію.

Иного вывода съ ихъ стороны и быть не могло,—и вовсе не отъ малокультурности, а наоборотъ, отъ слишкомъ серьезнаго отношенія къ культурѣ, къ запросамъ пробудившаго сознанія. Въ самомъ дѣлѣ, даже они, севастопольскіе матросы, которые далеко еще не достигли «послѣдней» свободы, а лишь еле-еле ощутили ея первое робкое дуновеніе,—даже они почувствовали повелительную необходимость немедленно же порвать съ традиціонными формами жизни, сдѣлали рядъ мощныхъ попытокъ вырваться на вольную волю. И вдругъ «сверх-

человѣкъ» увѣряетъ, что никакого «секрета» у него нѣтъ, что пути къ полной волѣ ему совершенно неизвѣстны, что единственный путь, который онъ смогъ продѣлать,—это забиться въ «страшное подполье Достоевскаго». Этому невозможно повѣрить! «Значитъ, время еще не пришло, а вы отъ людей таитесь», говоритъ матросъ А., уходя отъ Мережковскаго.

И когда онъ убѣдится, что декаденты давно сказали все, что могли, что ничего уже болѣе не «таится» у нихъ за душой, онъ тотчасъ же пойметъ, что съ декадентами ему не по дорогѣ. — Я, конечно, говорю не объ индивидуальной судьбѣ матроса А. Г-жа Гиппіусъ разсказываетъ («Рѣчь», № 23), что послѣ декадентовъ онъ ходилъ искать правды къ Толстому и тоже не нашелъ. Возможно, что онъ такъ и не найдетъ ничего или успокоится въ нѣдрахъ какой нибудь секты.—Но матросъ А., какъ символъ тяги народной, очевидно знаменуетъ совсѣмъ не то, что хочетъ вложить въ него Мережковскій. Если даже согласиться съ Мережковскимъ, что линія развитія интеллигенціи, отправляясь отъ позитивизма Чичикова и Хлестакова, черезъ декадентскаго человѣкобога приходитъ къ апокалипсическому богочеловѣку, то путь матроса А. только въ средней точкѣ, и притомъ совершенно случайно, соприкоснулся съ этой линіей. Отъ богочеловѣка историческаго христіанства черезъ сверхчеловѣка декадентовъ ведетъ этотъ путь... и приводитъ, надо думать, просто къ человѣку, къ человѣку, освобожденному отъ тѣхъ уходящихъ въ «темную» и «теплую» глубь корней, которые придаютъ его теперешней жизни полу-зоологическій характеръ.

Г. Мережковскій и самъ имѣлъ опытъ слiянія съ народомъ. Это было

„За Волгою, на Свѣтломъ озерѣ, куда каждый годъ, на Иванову ночь, сходятся пѣшкомъ изъ-за сотенъ верстъ тысячи „алчущихъ и жаждущихъ правды" говорить о вѣрѣ и гдѣ, по преданію, находится „невидимый градъ Китежъ"..

„Мы говорили о кончинѣ міра, о второмъ пришествіи, объ антихристѣ, о грядущей церкви Іоанновой.

— А что знаменуютъ семь роговъ звѣря?

— А что есть число 666?..

„Первый разъ въ жизни мы чувствовали, какъ самыя личныя, тайныя, одинокія мысли наши могли бы сдѣлаться всеобщими, всенародными. Не только средній русскій интеллигентъ, поклонникъ Максима Горькаго, но и такіе русскіе европейцы, какъ Максимъ Ковалевскій или Милюковъ, ничего не поняли бы въ этихъ мысляхъ, а простые мужики и бабы понимали. Все, съ чѣмъ шли мы къ нимъ изъ глубинъ всемірной культуры, отъ Эсхила до Леонардо, отъ Платона до Ницше, было для нихъ самое нужное не только въ идеальномъ, но и въ жизненномъ смыслѣ, нужное для первой нужды, для „земли и воли", ибо „вся воля" надо „всею землею" есть для народа „новое небо надъ новой землею".

Неправда ли, какая трогательная картина! Г. Мережковскій принесъ простымъ мужикамъ и бабамъ «глубину всемірной культуры», т. е., точнѣе говоря, идею Іоанновой церкви, которая по его мнѣнію есть вѣнецъ этой культуры, а простые мужики и бабы тотчасъ же согласились, что ихъ «первая нужда» въ землѣ и волѣ получитъ полное удовлетвореніе въ тысячелѣтнемъ царствѣ, гдѣ будетъ «новое небо и новая земля». И въ эту торжественную ночь, близъ «невидимаго града Китежа», иная постановка вопроса о землѣ и волѣ показалась бы, конечно, неумѣстной самимъ мужикамъ и бабамъ. Но вѣдь нельзя же сидѣть у бреговъ Свѣтлаго озера вплоть до наступленія тысячелѣтняго царства. Правда, царство это «стоитъ при дверяхъ», — но вотъ уже скоро 2000 лѣтъ, какъ оно заняло эту предверную позицію, и совершенно неизвѣстно, когда именно оно намѣ-

рено, и намѣрено ли вообще, съ нея сдвинуться. Поэтому, нимало не сомнѣваясь въ томъ, что подъ новымъ небомъ вопросъ о землѣ и волѣ будетъ разрѣшенъ вполнѣ удовлетворительно, мы всетаки хотѣли бы знать, какое изъ предлагаемыхъ его рѣшеній подъ этимъ небомъ и на этой землѣ правильно съ точки зрѣнія Іоаннова христіанства. На этотъ вопросъ — а именно его поставилъ самъ г. Мережковскій, обѣщавъ «связать религію съ реальной дѣйствительностью», какъ «самое нужное изъ всѣхъ человѣческихъ дѣлъ»—мы не находимъ никакого отвѣта, ни малѣйшаго намека на отвѣтъ, или хотя бы на возможность отвѣта, въ апокалипсическихъ изысканіяхъ г. Мережковскаго.

Въ тяжелую годину русской исторіи, въ годину нашествія двунадесяти языковъ, добрый русскій баринъ Пьеръ Безуховъ также толковалъ Апокалипсисъ, также испытывалъ значеніе числа 666. Вѣчно недовольный мерзостью и пошлостью окружающей и своей жизни, мечтательно-безкорыстный, жаждущій высшей гармоніи, Пьеръ рѣшилъ, что именно ему надлежитъ свершить подвигъ освобожденія русскаго народа отъ власти «звѣря». Но конечно такой подвигъ онъ можетъ выполнить не какъ «Пьеръ», воспитавшійся въ Парижѣ, воспріявшій «глубину культуры отъ Эсхила до Леонардо», — вѣрнѣе, не только какъ Пьеръ,—а прежде всего, какъ русскій, какъ носитель сущности русскаго духа. И Пьеръ вычисляетъ, подходитъ ли цифровое значеніе словъ «русскій Безуховъ» къ апокалипсическому числу. Но, странное дѣло, онъ забылъ, что буквы славяно-русскаго алфавита также имѣютъ цифровое значеніе, онъ пишетъ свое имя по французски, и, какъ сказывается, съ самой маленькой ошибкой («l'russe Besuhof» вмѣсто «le russe Besuhof»), оно вполнѣ удовлетворяетъ апокалипсическому критерію.

Когда читаешь французскую книжку Мережковскаго о русской революціи, о ея апокалипсическомъ смыслѣ, о трогательномъ сліяніи всемірной культуры и русской volonté mystique у вратъ незримаго Китежа, то не можешь отдѣлаться отъ мысли, что маленькій апокалипсическій эпизодъ съ Пьеромъ Безуховымъ имѣетъ глубокое символическое значеніе, пророчественно предрекаетъ судьбы христіанства третьяго завѣта.

Съ одной стороны, передъ вами несомнѣнный европеецъ. «Культура», «Леонардо»—въ его устахъ не фраза. Никто лучше Мережковскаго не смогъ бы нарисовать жизненной трагедіи Леонардо, этого великаго провозвѣстника грядущей человѣческой культуры, этого поистинѣ «слишкомъ ранняго предтечи слишкомъ медленной весны», слишкомъ ранняго даже для нашего времени.—Но съ другой стороны, самого духа Леонардо, самой «первоосновы» его творчества какъ будто и вовсе не видно въ изображеніи Мережковскаго. Онъ смотритъ на внѣшнія проявленія внутренней работы своего героя глазами ученика его Бельтраффіо. «Что это,—Христосъ или антихристъ?»—поминутно спрашиваетъ онъ себя, и, если подъ гнетомъ этого безвыходнаго сомнѣнія не кончаетъ съ собой, подобно Бельтраффіо, то, кажется, только потому, что въ итогѣ изслѣдованій Леонардо фигурируетъ обыкновенно «Первый Двигатель», «Primo Motore». Но вѣрно ли, что этотъ «Motore» для самаго Леонардо игралъ такую крупную роль? А что, если бы Леонардо-да-Винчи написалъ не съ большой, а съ маленькой буквы, и не въ мужскомъ, а въ среднемъ родѣ—вмѣсто «Primo Motore»—«primum movens»? Не повѣсился ли бы тогда и г. Мережковскій? Вѣдь отъ такой перемѣны Леонардо не превра-

тился бы въ «пошляка», въ Хлестакова или Чичикова, все величавое обаяніе его духовнаго облика сохранилось бы и тогда, а между тѣмъ онъ сталъ бы несомнѣннымъ «антихристомъ» уже не только для Бельтраффіо, но и для Мережковскаго.

Бельтраффіо изъ «Леонардо-да-Винчи», Тихонъ изъ «Петра и Алексѣя» съ ихъ безсильными колебаніями между Леонардо и Савонароллой, между Ньютоновскими «principia» и догматами самосовершенства—вотъ самъ г. Мережковскій. Гдѣ же обѣщанный намъ бѣлый цвѣтъ, органически сливающій воедино «европейскую» культуру и «русскую» мистическую волю?.. О конечно, когда наступитъ «новое небо и новая земля», возсіяетъ ослѣпительно-бѣлый свѣтъ,—слишкомъ ослѣпительный и слишкомъ бѣлый!.. Но подъ этимъ небомъ на эту землю апокалипсическое христіанство не бросаетъ ни одного «синтетическаго» луча. Передъ нами только «сѣрое» смѣшеніе, только «смѣсь французскаго съ нижегородскимъ», только «l'russe Merejkowsky.

VII.

„Человѣческій, только человѣческій разумъ, отказываясь отъ единственно возможнаго утвержденія абсолютной свободы и абсолютнаго бытія человѣческой личности въ Богѣ, тѣмъ самымъ утверждаетъ абсолютное рабство и абсолютное ничтожество этой личности въ міровомъ порядкѣ, дѣлаетъ ее слѣпымъ орудіемъ слѣпой необходимости—„фортепьянной клавишей или органнымъ штифтикомъ", на которомъ играютъ законы природы, чтобы, поигравъ, уничтожить. Но человѣкъ не можетъ примириться съ этимъ уничтоженіемъ. И вотъ, для того чтобы утвердить, во чтобы то ни стало, свою абсолютную свободу и абсолютное бытіе, онъ принужденъ отрицать то, что ихъ отрицаетъ—то-есть, міровой порядокъ, законы естественной необходимости и, наконецъ, законы собственнаго разума" *).

По г. Мережковскому свобода есть уничтоженіе естественной необходимости и ея законовъ.—«Свобода есть познаніе необходимости», говоритъ Энгельсъ. Только познаніе даетъ человѣку свободу: только научно-цѣлесообразная, ясная какъ «таблица логариѳмовъ», какъ «2 × 2 = 4» организація общественнаго хозяйства, создастъ матеріяльныя предпосылки для истинной человѣческой свободы.

Вотъ два полюса, между которыми колеблются современныя «міросозерцанія».

Въ настоящее время даже самые принципіальные, самые непримиримые враги соціалистической «таблицы логариѳмовъ» не спорятъ противъ того, что только соціализмъ можетъ сдѣлать «культуру» доступной для всѣхъ безъ различія людей,—это слишкомъ очевидная, слишкомъ «банальная» истина, для того чтобы стоило ее доказывать. Борьба противъ соціализма направляется по другой линіи. «Соціализмъ», говорятъ его противники, убиваетъ высшія культурныя цѣнности, тѣ сверхразумныя святыни, безъ которыхъ была бы слишкомъ сѣрой и скучной область нашего человѣческаго, слишкомъ человѣческаго разума». И это безусловно вѣрно. Соціализмъ дѣйствительно убиваетъ «святость» сложившихся культурныхъ формъ, а слѣдовательно, и самое чувство святости,—но тѣмъ самымъ онъ освобождаетъ духъ культурнаго творчества, впервые создаетъ возможность «чистой» самодовлѣющей культуры, свободной отъ подчиненія постороннимъ интересамъ отдѣльныхъ личностей или группъ.

*) Грядущій Хамъ, стр. 59.

Освободительное значеніе этого культурнаго переворота громадно. Я укажу только на два его главнѣйшіе момента. Во-первыхъ, умираетъ «психологія конца», исчезаетъ, слѣдовательно, главный тормазъ современнаго культурнаго развитія: жажда абсолютной истины, приводящая однихъ къ научному пессимизму и мистикѣ, другихъ къ сбготворенію преходящихъ и условныхъ научныхъ конструкцій. Во-вторыхъ, рамки культурнаго творчества расширяются экстенсивно. Разъ формы быта уже не являются сами по себѣ святыми или грѣховными, возвышенными или низменными, а только цѣлесообразными или нецѣлесообразными, то психологически немыслимъ паѳосъ современной мѣщанской пошлости: «быть какъ всѣ», жить «не хуже другихъ»,—еще того менѣе мыслимъ паѳосъ современной антимѣщанской пошлости: быть «единственнымъ», «исключительнымъ», жить «не какъ всѣ». Человѣку остается быть просто «самимъ собою», найти свое призваніе, ту область, въ которой онъ способенъ «творить» самостоятельно, т. е. наслаждаться независимо отъ всякихъ извнѣ установленныхъ и внутренно санкціонированныхъ святынь.

Нѣтъ ничего нелѣпѣе довольно популярной въ наши дни теоріи, что творчество есть удѣлъ исключительныхъ людей, а средніе люди «толпы» способны лишь пассивно воспринимать и усваивать себѣ культурные продукты, создаваемые «духовной аристократіей». Въ дѣйствительности средній «нормальный» человѣкъ—только абстракція,—каждый реальный человѣкъ, какъ бы ни были ограничены его силы, всегда имѣетъ какую нибудь непропорціонально, «ненормально» развитую способность, т. е. какое нибудь призваніе, какую нибудь сферу, въ которой онъ чувствуетъ себя «господиномъ», самостоятельнымъ работникомъ-творцомъ. И чѣмъ легче «средніе люди» находятъ свое призваніе, чѣмъ энергичнѣе кипитъ ихъ культурная работа, тѣмъ значительнѣе прозрѣнія геніальныхъ умовъ. Безъ этого массового коллективнаго творчества культурныхъ цѣнностей гигантскія синтетическія дарованія генія были бы пусты, какъ кантовскія «категоріи» за предѣлами эмпирическаго міра,—геній могъ бы создать не великую систему, а въ лучшемъ случаѣ, чудовищную фантасмагорію.

Но откуда же возьмутъ будущіе люди силу для своего культурнаго творчества? спроситъ г. Мережковскій Какъ переварятъ они «сознаніе смерти»?

„Ежели я не болѣе, чѣмъ явленіе, пузырь, сегодня вскочившій на поверхности невѣдомой стихіи, чтобы завтра лопнуть, то уже лучше бы мнѣ ничего не знать, чѣмъ, зная это, согласиться на такой безсмысленный позоръ и ужасъ“ *).

Это «я»—эта альфа и омега всѣхъ теперешнихъ разсужденій о «безвыходномъ трагизмѣ» міра «явленій»—вовсе не такая безусловная цѣнность, какъ думаетъ г. Мережковскій. Однако анализъ современнаго «я» и его эволюціи—тема слишкомъ сложная, для того чтобы касаться ее въ нѣсколькихъ строкахъ. Я допущу поэтому, что индивидуалистическая психика остается, что человѣкъ по прежнему воспринимаетъ смерть, какъ уничтоженіе «всего».

Ежелия въ концѣ концовъ умру—то жизнь безсмыслица»,—вотъ схема всѣхъ разсужденій г. Мережковскаго о жизни и смерти. Очевидно, здѣсь уже заранѣе предположено, что жизнь сама по себѣ не имѣетъ цѣнности, что она есть лишь средство для достиженія какого-то «конца концовъ». Но такая предпосылка вовсе не обязательна даже для индивидуалиста. Даже индивидуалистъ можетъ цѣ-

*) Не мирь, но мечъ, стр. 7.

нить жизнь, какъ таковую, и слѣдовательно, видѣть въ смерти лишь заключительный «эпизодъ» жизни, правда весьма непріятный, но ничуть не затрагивающій цѣнность самой жизни.

Конечно, человѣчество было бы очень благодарно г. Мережковскому, если бы онъ далъ людямъ возможность свободно распоряжаться смертью, научилъ ихъ безошибочно исправлять всѣ тѣ поврежденія, которыя испытываетъ человѣческій организмъ въ жизненномъ процессѣ, и вслѣдствіе которыхъ онъ рано или поздно долженъ разложиться. Такое научно осуществленное безсмертіе не имѣетъ однако ничего общаго съ идеаломъ г. Мережковскаго. Это идеалъ Энгельса: свобода, какъ результатъ познанія необходимости; здѣсь человѣкъ знаетъ, какъ избѣжать смерти, но сама по себѣ, смерть всетаки остается возможной. Между тѣмъ для г. Мережковскаго уже одна «возможность» смерти дѣлаетъ жизнь безсмысленной.

„И какъ отдѣльному человѣку, достигшему той степени сознанія, на которой смерть становится реальнѣйшей изъ реальностей, такъ и всему человѣчеству, достигшему этой же степени сознанія,—совершенно безразлично, наступитъ ли конецъ завтра или черезъ много тысячелѣтій. Если даже этотъ конецъ только можетъ наступить, одна такая возможность уничтожаетъ всякую реальность временнаго бытія“ *).

Жизненный эликсиръ, открытый г. Мережковскимъ въ Апокалипсисѣ, обезпечиваетъ не эмпирическую, а абсолютную побѣду надъ смертью,—не умѣнье исправлять поврежденія организма, а невозможность такихъ поврежденій. Отнынѣ міръ абсолютно не можетъ дѣйствовать на насъ разрушительно. Но такъ какъ каждое его дѣйствіе на насъ въ большей или меньшей степени разрушительно, мало того: лишь постольку и воспринимается какъ «дѣйствіе на насъ», поскольку что нибудь «въ насъ» разрушаетъ,—то, очевидно, при осуществленіи абсолютной гарантіи противъ смерти міръ совершенно перестаетъ на насъ дѣйствовать. Но тѣмъ самымъ и мы лишаемся возможности дѣйствовать на міръ. Прекращается то взаимодѣйствіе между нами и внѣшней природой, безъ котораго невозможна никакая сознательная жизнь, невозможно въ частности сознавать и то самое «я», которое такъ дорого г. Мережковскому.

Такимъ образомъ даже съ чисто индивидуалистической точки зрѣнія основному тезису г. Мережковскаго придется противопоставить прямо противоположный: Если бы какой нибудь «бого-матерьялистическій» переворотъ даровалъ намъ абсолютное безсмертіе, то мы немедленно утратили бы «всякую реальность бытія», утратили бы не только смыслъ, но и самое сознаніе жизни.

В. Базаровъ.

---

*) Не миръ, но мечъ, стр. 9.

Л. Войтоловскій.

Сумерки искусства.

1.

Искусство есть выраженіе жизни, а содержаніе жизни всегда открывается въ движеніи. Гдѣ бьется жизнь, тамъ струится живой чудесный потокъ неукротимой энергіи. Лучъ зари и шумъ морского прибоя, бѣгъ безстрастныхъ свѣтилъ и тайна великой грусти, струящаяся съ неба, порывъ любви и геройства, мысль, стремящаяся къ тайнѣ, ропотъ скорби и вопль духа, рвущагося къ далекому идеалу,—все объято этимъ вѣчнымъ, простымъ, и великимъ принципомъ жизни. Гдѣ бьется жизнь, тамъ шумъ борьбы и усилій, тамъ зрѣютъ страсти и растутъ столкновенія событій и силъ.

Искусство—своеобразный, блестящій способъ классификаціи этихъ силъ и дѣяній живой дѣйствительности. Это—сама дѣйствительность, очищенная отъ всего тривіальнаго, отъ застывшаго безразличія и халатной безпотности будней, отъ склизкихъ тумановъ обыденщины, застилающихъ живую рать событій, мыслей и чувствъ.

Движеніе—это искра подъ пепломъ будничной прозы, и искусство участвуетъ въ движеніи жизни, раздувая чуть тлѣющія искры въ яркое пламя красоты.

Въ этомъ смыслѣ искусство есть видъ духовной энергіи. Оно возбуждаетъ рядъ новыхъ и неизвѣданныхъ ощущеній. Оно есть волшебство, какъ говоритъ М. Гюйо, которое въ одну минуту и за однимъ словомъ можетъ заставить явиться цѣлый міръ. Здѣсь на помощь искусству приходитъ красота.

Красота преображаетъ дѣйствительность.

Подобно лунному свѣту, дивно мѣняющему всѣ очертанія ландшафта, красота искусства примѣшиваетъ къ дѣйствительности опьяняющую прелесть мечты и восторга, какъ-бы ложится отблескомъ творческой радости, вдохновлявшей сердце художника. Даже ужасъ, печаль и горе теряютъ жало страданія, преображенныя красотой, и волнуютъ сдержанной и чарующей грустью, какъ тихій трепетъ звѣзды, обрамленной темнымъ кругомъ глухой, исполинской ночи.

Красота освѣщаетъ, даже больше: она, какъ пламя, сжигаетъ всѣ нечистоты жизни. Это — духъ, носящійся надъ безформеннымъ хаосомъ обыденщины и вдохнувшій въ него въ творческихъ образцахъ художника стихію мысли и страсти.

Очарованіе красоты заключается въ томъ, что она заражаетъ настроеніемъ и чувствомъ художника. Она пробуждаетъ въ насъ отвѣтное эхо его печалямъ и радостямъ, окрыляетъ каждое слово той щемящею дрожью, которая стрѣлой впивается въ сердце читателя и зажигаетъ его страстнымъ участіемъ. Вмѣстѣ

съ тѣмъ красота искусства стремится сдѣлать дѣйствительность болѣе понятной; стремится, чтобы произведенія творческаго вымысла являлись не простымъ воспроизведеніемъ, а художественными картинами, т. е. глубоко осознанными событіями жизни.

Искусство, такимъ образомъ, есть формула движенія жизни, источникъ живого общенія человѣка съ окружающимъ міромъ, а красота есть сущность искусства. Ибо, вопреки утвержденію Канта, красота—всегда побужденіе, всегда порывъ чувства и сердца. Или, какъ выражается Генріетта Роландъ-Гольстъ, наслажденіе, доставляемое красотой, всегда смѣшано съ движеніемъ души, со склонностью воли.

Но при этомъ характеръ душевнаго движенія, или сила одушевленія, пробужденнаго воспріятіемъ красоты, постоянно колеблется, постоянно мѣняетъ свои формы. Живой огонь красоты то вспыхиваетъ робкимъ мерцаніемъ, то разгорается пламенемъ и горитъ привольно и долго; то струится ласковой радостью тихо баюкающаго счастья, то безумно обдастъ экзальтаціей мужества и побѣдныхъ восторговъ.

Говоря точнѣе, темпъ литературнаго творчества, его активный и дѣйственный характеръ всецѣло диктуется характеромъ эпохи, высотою общественнаго энтузіазма.

Отсюда та глубокая разница, которая существуетъ между художникомъ и поэтомъ. Разница обусловленная не столько характеромъ творческихъ элементовъ, изъ которыхъ слагаются эти два дарованія, сколько общественнымъ содержаніемъ эпохи, выдвигающей ту, а не иную категорію служителей красоты.

Художникъ—это созданіе эпилога, тогда какъ поэту отводится дѣйствіе въ прологѣ эпохи.

Первый обладаетъ высокимъ эстетическимъ вкусомъ, являющимся, какъ опытъ всей предшествующей гармонической жизни, какъ живое наслѣдіе традиціонныхъ пріемовъ и идеаловъ. Искренній и правдивый свидѣтель—онъ резюмируетъ эпоху. Его стиль логиченъ и строгъ. Его образы цѣльны, закончены и обыкновенно рисуются подъ яснымъ угломъ исторической перспективы. И изъ мастерской его мысли они выходятъ, какъ стройныя статуи, одаренныя точностью замысла и гармоніей формы.

Но въ эпохи бурныхъ подъемовъ, когда свѣжія силы стихійно рвутся наружу изъ тѣснаго русла, а общественная почва густо пропитана людьми энергіи и почина, спокойный и обдуманный анализъ художника уступаетъ мѣсто яркому вымыслу поэта. Кровь поэта всегда перемѣшана съ кровью трибуна и проповѣдника. Истинному поэту, говоритъ Маркъ Гюйо, свойственно воображать себя немного пророкомъ. Подобно сердцу Данко, его сердце горитъ, какъ пламенный факелъ въ предразсвѣтномъ туманѣ и волнуетъ смѣлымъ призывомъ. Это—предтеча первыхъ неясныхъ вдохновеній, которыя только долго спустя предстанутъ передъ нами во всеоружіи ясной художественной мысли. Онъ можетъ по праву повторить про себя слова Гераклита: „я точно сивиллы, говорящія, но вѣщія сивиллы, голосъ которыхъ цѣлые вѣка твердитъ человѣчеству о божественныхъ истинахъ".

И поэтъ, и художникъ ищутъ проникнуть въ сутолоку жизни и озарить ее красотой устремленія и мечты.

Но красота художественная—это красота гармоніи, красота, рожденная въ тихой грусти воспоминаній, въ потокахъ невыплаканныхъ слезъ, въ блескѣ вечерняго заката.

Это—Диккенсъ, Тургеневъ, Гейне. Это произведенія Чехова, встающія передъ нами, какъ прекрасныя изваянія-символы на дивно-чарующемъ пьедесталѣ элегической грусти.

Ихъ красота безсмертна въ искусствѣ.

Но есть нѣчто, что дѣлаетъ безсмертнымъ самое искусство, что насыщаетъ дѣйственной страстью каждое его слово, порождаетъ движеніе и смѣлость, какъ поэзія Шиллера и Гейне. Это—сама жизнь. Это—подъемъ нарождающихся силъ. Яркая полоса пробужденія. Страстный и порывистый выходъ на историческую арену юной, кипучей и смѣлой демократіи.

Въ идеяхъ, зачатыхъ потребностями новаго класса, она пролагаетъ себѣ дорогу къ произведеніямъ новаго искусства. Въ славныхъ задачахъ демократіи, въ ея героическомъ подъемѣ развертываются передъ юнымъ искусствомъ буйныя страсти и трагическое величіе подвига. Яркимъ пророческимъ ударомъ отзывается оно въ сердцѣ поэзіи. Отсюда—и проповѣдническое рвеніе, и отважный энтузіазмъ поэта.

„Истинный поэтъ, говоритъ Гейне, есть вмѣстѣ и истинный герой. Подобно своему вѣчно-юному отцу Аполлону онъ носитъ не только лиру, но и лукъ съ колчаномъ, наполненнымъ звучными стрѣлами“.

Полоса пробужденія—расцвѣтъ героической красоты. Являются истинные поэты, увлекающіе за собою все свое поколѣніе.

Таковы поэты-романтики. Такова поэзія Шелли, Бальзака, Ибсена, Горькаго, всей „молодой Германіи“ — съ Генрихомъ Гейне и Карломъ Гуцковымъ во главѣ.

И назовемъ-ли мы это романтизмомъ, или нео-романтизмомъ, или еще какъ-нибудь иначе, но это въ сущности не школа, не литературное направленіе, а законъ необходимости.

Духъ поэзіи—по преимуществу прагматическій, дѣйственный. Но и въ произведеніяхъ чисто художественныхъ дѣйственный характеръ искусства не исчезаетъ. Онъ только преображается. За бурной ломкой революціоннаго шквала вступаетъ въ права полоса углубленнаго строительства. Спокойно и методично, день за днемъ идетъ буржуазная трагедія—безъ яда, меча и крови,—но болѣе жестокая, по выраженію Бальзака, чѣмъ любая драма въ знаменитой семьѣ Атридовъ. Она диктуетъ искусству свои законы.

Отъ художника, отъ бытописателя подобной эпохи требуется сосредоточенное отраженіе жизни во всей полнотѣ, проникновеніе въ ея стихійныя глуби. Романъ Теккерея и Диккенса, Шпильгагена, Ауэрбаха и Гейзе, Флобера и Зола, Достоевскаго и Тургенева, т. е. соціальный романъ, съ его глубокой общественной интригой и сложнымъ учетомъ настроеній и думъ, становится самой точной—живой и разносторонней—формулой движенія жизни.

Таковы два этапа въ развитіи искусства, два пути, на которыхъ послѣднее остается идентичнымъ и до извѣстной степени равнымъ дѣйствительности.

2.

Но бываютъ скудные и безплодные годы, когда искусство стоитъ какъ-бы на распутьи. Когда періодъ страстнаго утвержденія жизни неожиданно глохнетъ, злые вихри реакціи обрываютъ творческій бѣгъ нарождающихся силъ, и въ жизни народа наступаетъ періодъ смятенія и упадка. То, что Зомбартъ такъ мѣтко называетъ „пустыней душевнаго оскудѣнія".

По самой природѣ искусства, по роли его въ духовной экономіи силъ, значеніе его въ такія эпохи должно быть особенно велико. Какъ будильникъ чувства и страсти, искусство тѣмъ сильнѣе влечетъ къ себѣ своей потрясающей, задушевной и отзывчивой правдой, чѣмъ ужаснѣе пораженіе, чѣмъ глубже всеобщая растерянность. Въ погонѣ за оживляющимъ эликсиромъ устремляется общество къ родникамъ своего собственнаго чувства. Въ произведеніяхъ художественной и поэтической мысли оно ищетъ возрождающаго источника своей утраченной чуткости къ явленіямъ соціальной и политической жизни.

Такъ было всюду. Такъ было и у насъ въ суровую николаевскую эпоху русская литература достигла всемірнаго значенія.

Но новое слово, новый творческій синтезъ не сразу находитъ воплощеніе. Переходъ изъ одного эстетическаго міра въ другой, какъ и порождающая его смѣна одного соціальнаго уклада другимъ, знаетъ періоды долгаго затишья, глухой, подземной работы. Юныя силы копятъ живую энергію, а одряхлѣвшій хозяинъ жизни творитъ суррогаты культурныхъ и эстетическихъ цѣнностей. Въ сферѣ искусства наступаютъ хмурыя сумерки, царство безвкусія, вычурности и техническаго шаблона. Литературное творчество или вѣрнѣе сказать, литературно-производство принимаетъ характеръ чисто декоративный и первымъ признакомъ подобнаго *декоративнаго искусства* является исчезновеніе дѣйствія.

Изучая литературу распатанныхъ и декадентовъ во Франціи, Маркъ Гюйо замѣчаетъ:

„Литературанъ вообще выражаетъ болѣзненный анализъ и лишь крайне рѣдко *дѣйствіе* (курсивъ Гюйо). Дѣйствіе, замѣчаетъ онъ далѣе, въ крайней мѣрѣ здоровое и нравственное дѣйствіе, въ самомъ дѣлѣ трудно для распатанныхъ и именно оно было бы великимъ лекарствомъ для ихъ внутренняго разлада, потому что дѣйствіе есть уравновѣшеніе всего организма вокругъ подвижнаго центра тяжести, какимъ всегда бываютъ центры тяжести жизни" *)

Откинемъ на время всѣ дальнѣйшіе выводы. Не будемъ касаться условій нравственнаго оздоровленія декаданса, рекомендуемыхъ талантливымъ соціологомъ. Съ моей точки зрѣнія литература упадочниковъ не нуждается въ исцѣленіи, какъ вообще не нуждается она въ дѣйствіи, которое враждебно самой природѣ ея. Но дѣло не въ этомъ. Съ насъ покамѣстъ достаточно установленія самаго факта. Замѣтимъ только, что отсутствіе дѣйствія ничуть не противорѣчитъ, конечно, болѣзненному вниманію, направленному на самого себя, и обратимся къ ра

*) М. Гюйо, „Искусство съ точки зрѣнія соціологіи".

смотрѣнію аналогичныхъ состояній — въ литературѣ другихъ народовъ.

Юстинъ разсказываетъ въ своей исторіи, что Киръ, подавивъ возстаніе лидійцевъ, сумѣлъ обуздать безпокойный, свободолюбивый духъ этого народа только тѣмъ, что принудилъ его заняться изящными искусствами и другими веселыми вещами. Съ тѣхъ поръ уже не было рѣчи о возстаніи у лидійцевъ. Лесть пика, ставшая забавой, умертвила въ корнѣ движеніе. Зато тѣмъ сильнѣе, добавляетъ поэтъ, у котораго я заимствую это сказаніе о лидійцахъ, зато тѣмъ сильнѣе прославились лидійскіе рестораторы, сводники и артисты.

Поэтъ этотъ Генрихъ Гейне, глава „Молодой Германіи", и эти строки написаны имъ сейчасъ послѣ франкфуртскаго сейма, послѣ первыхъ жестокихъ ударовъ, нанесенныхъ революціонной Германіи.

Когда въ Германіи вспыхнула революція, характеръ нѣмецкой литературы измѣнился какъ по волшебству. Свободное слово вмело старый эстетическій мусоръ, которымъ были завалены нѣмецкія газеты и книжныя прилавки. Въ искусствѣ и литературѣ загремѣли смѣлые отголоски политической бури. Рядъ беллетристовъ и поэтовъ ринулись безъ оглядки въ вихрь общественныхъ страданій. Политика и искусство сплелись въ одинъ прекрасный, гордый вѣнокъ, увѣнчавшій „Молодую Германію", откуда вышли такіе знаменные трибуны поэзіи.

Это были истинные поэты, пѣвцы героическаго подъема: Генрихъ Лаубе, цѣликомъ посвятившій свое великое сердце дѣлу освобожденія родины; Людвигъ Вишбергъ, обладавшій такимъ неизмѣримымъ художественнымъ чутьемъ и могучей страстностью вдохновѣнника; Генрихъ Гейне — этотъ величайшій поэтъ современнаго буржуазнаго міра, весь бурлившій и искрившійся гордымъ блескомъ и мощью молодыхъ общественныхъ силъ. Идеалъ свободы еще носился передъ нимъ во всей несапятнанной красотѣ и надежда на близкую побѣду вздувала паруса его мыслей, когда онъ писалъ: „какъ послѣ бури цвѣты сильнѣе пахнутъ, такъ и поэзія всегда расцвѣтаетъ самымъ великолѣпнымъ образомъ въ бурные годы междоусобицъ"...

Но вскорѣ отъ злополучныхъ постановленій франкфуртскаго сейма пахнуло вѣтромъ мертвой реакціи въ странѣ. Цвѣты революціонной поэзіи смялись и облетѣли. Тучи мелкихъ писакъ, литературные балалаечники, сказочники и комедианты, не переставшіе хихикать исподтишка, что „искусство падаетъ", — сразу воспрянули духомъ и съ обычнымъ усердіемъ принялись блажить сказками нѣмецкую публику.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ рисуетъ Гейне эту знакомую, слишкомъ знакомую намъ картину:

Страшная катастрофа, грозившая нашему отечеству, была счастливо отвращена благоразуміемъ и силой франкфуртскаго сейма. Революція, какъ надѣялся, не разгорится въ Германіи. Отъ пильотины и отъ всѣхъ ужасовъ свободы мы навсегда избавлены. Даже палаты депутатовъ, конкуренція которыхъ надѣлала столько вреда театрамъ, закрыты и искусство процвѣтаетъ. Въ настоящую минуту въ Германіи, а въ особенности въ Пруссіи, искусства дѣлается все, что только можно дѣлать. Музы бѣгаютъ всѣми рысями и радуги, оркестры звучатъ, танцовщицы выдѣлываютъ свои милѣйшіе экстраша, публика забавляется тысячью и одной сказкой, а вглядывъ

на наши періодическія изданія, можно подумать, что вся германская нація состоитъ только изъ нянюшекъ - болтушекъ да театральныхъ критиковъ" *).

Итакъ, обрывается шествіе новыхъ производительныхъ силъ, сходятъ со сцены „свободолюбивые лидійцы", и искусство принимаетъ характеръ пустой забавы.

Дѣйствіе исчезаетъ въ пользу празднаго созерцанія.

Въ нашемъ дорогомъ отечествѣ событія пребываютъ еще in statu nascendi—въ состояніи варки, такъ сказать. Г. Вячеславъ Ивановъ въ погонѣ за миѳомъ и миѳотворчествомъ еще копается въ пыльныхъ архивахъ древне-русской словесности, слагая плиты своей ученности, свои „ѳимелы и орхестры", въ тяжко-брящающія александрійскія вирши по образцу Тредьяковскаго. Г. Городецкій—по рецепту Вячеслава Иванова и старыхъ романтиковъ—„варитъ еще въ смятку энергическій тонъ народныхъ сказаній" и языкомъ, которымъ говорятъ только подвыпившіе семинаристы или въ кабачкахъ декадентовъ, воспѣваетъ

Ярь непочатую,
Дщерь неизмѣнности
Щедрыхъ страстей...

Тѣмъ не менѣе война за „освобожденіе искусства" уже въ полномъ разгарѣ. И полководцы, и армія, и „обозная сволочь"—всѣ одинъ къ одному. Угрюмый Сологубъ — это allegro furioso декадентской поэзіи. Брюсовъ—„ласковый старикъ". Бальмонтъ—этотъ поэтъ по ремеслу и двухнедѣльный соціалистъ по страсти. Нѣжная музыка съ акомпаниментомъ „флейты Ваѳила". Подкрашенныя чувства и стилизованная невинность. Маски, румяна и поэзія тѣлеснаго цвѣта. Пильскіе, Ауслендеры, Кузмины. Рестораторы, сводники и артисты... Cognosco stylum curiae romanae! Декоративный сценарій балагановъ и балаганчиковъ — весь на лицо.

Сотремъ однако румяна и заглянемъ ближе подъ маски господъ стилизаторовъ и чудодѣевъ.

3.

Декадентовъ называютъ романтиками. Это жестокое заблужденіе. Отъ французскихъ романтиковъ, вродѣ Альфреда Мюссе, или отъ романтизма Людвига Тика, полнаго огня, увлеченія и великолѣпной ироніи, ихъ отдѣляетъ цѣлая пропасть. Если въ увлеченіяхъ „миѳотворцевъ" и есть извѣстная доля романтики, то лишь той, которая была безпощадно осмѣяна у нѣмцевъ подъ именемъ швабской школы. Это романтика тупая, холодная, безъ энтузіазма и безъ романтическаго темперамента, вся состоящая изъ лохмотьевъ, добытыхъ со старыхъ нѣмецкихъ чердаковъ и кладовыхъ, изъ привидѣній и труповъ и еще болѣ: изъ трупнаго запаха.

И здѣсь дороги ихъ дѣйствительно перекрещиваются. И романтики, и декаденты любятъ заглядывать въ гробницы минувшаго. И тѣ, и другіе воскрешаютъ традиціи рыцарскаго романа. И тутъ, и тамъ гремятъ въ романахъ турниры, мелькаютъ старинные обороты, толпятся карлики, паладины, монахи.

*) Г. Гейне, „О Германіи".

Но романтики стараго покроя искали въ прошедшемъ защиты отъ настоящаго. Ихъ согбенное тѣло, ихъ придавленный духъ выпрямлялся въ ратныхъ подвигахъ рыцарей. Въ героическомъ эпосѣ, въ гулкихъ звукахъ среднихъ вѣковъ они искали исхода движенію, только смутно бродившему въ душѣ.

Впередъ! постоянно впередъ!...
Вставай, могущественная Австрія! Впередъ! Дѣлай,
Какъ другіе: Впередъ!
Вставай, старая Саксонія. Постоянно впередъ, подавая
другъ другу руки! Впередъ!
Баварія, Гессенъ! Подымите мечъ свободной рукой! Впередъ!

Ничего, что слова романса слагались не трубадуромъ въ высокомъ шлемѣ, какъ пѣлось въ пѣснѣ, а Людвигомъ Уландомъ, прикрытымъ плоскою шапочкой тюбингенскаго доктора правъ. Ничего. Передъ бюргеромъ Мюнхена и Берлина въ ратной сбруѣ на статномъ конѣ проносились его юныя чувства и гордыя надежды...

У декадентовъ совсѣмъ иное. Они ни на мигъ не забываютъ безсмыслицы прошлаго, и послѣднее какъ-бы служитъ лишь способомъ возвысить наслажденіе настоящимъ. Ихъ плѣняетъ не форма, а какъ-бы самая сущность, ушедшая изъ жизни.

Звонъ серебряныхъ шпоръ смѣнился звономъ рубля. Странствующій гидальго — беззаботно фланирующимъ жуиромъ изъ породы Штрумпфовъ и Саниныхъ; а храбрый и преданный оруженосецъ—не менѣе преданнымъ неразлучникомъ - другомъ, современнымъ „слугой Личардой - вѣрнымъ". Правда, не особенно храбрымъ, но съ дерзкой рѣшимостью на любой оргіастическій подвигъ—вплоть до готовности самому перейти на роли пылкой Дульцинеи Тобозской.

Попытка эта—выпустить новымъ изданіемъ старое средневѣковье — чревата глубокимъ значеніемъ у декадентовъ, гораздо болѣе глубокимъ, чѣмъ это можетъ показаться на первый взглядъ.

Духъ феодальной эпохи—духъ суевѣрія и господской заносчивости — еще упрямо кружится надъ нашей курной избой, надъ дворянскимъ старымъ гнѣздовьемъ. Тяжкія латы упали съ ослабѣвшей груди, и грозный нѣкогда голосъ превратился въ злобный шопотъ жрецовъ - изувѣровъ. Но злая радость насилія еще не угасла въ сердцѣ. И если на одномъ концѣ нашей жизни старый духъ суевѣрій — въ припадкѣ рабовладѣльческой эпилепсіи—разжигаетъ мозгъ народа своимъ отравленнымъ жаломъ, на другомъ — сытая челядь, занявшая барскія хоромы, рабы, облачившіеся въ награбленныя одежды, пытаются продолжить хронику средневѣковья иными путями.

Декадентскіе художники, сказалъ я, воскрешаютъ духъ рыцарскаго романа. Это прежде всего сказалось изгнаніемъ демократическаго элемента. Подобно тому, какъ старый феодальный романъ былъ исключительно романомъ дворянскимъ, такъ точно потребность строго обособленнаго, чисто сословнаго изображенія жизни — безъ слѣда простого народа — весьма даетъ себя чувствовать въ произведеніяхъ декадентовъ. Возьмите романы Брюсова или хотя-бы этотъ послѣдній продуктъ тріединаго творчества Мережковскаго въ соучастіи съ Гиппіусъ и Философовымъ: „Маковъ цвѣтъ". Драма эта, какъ извѣстно, должна

выражать собой голосъ души національнаго типа, духъ и геній русской національности. „У народа и душа своя, и плоть своя", твердитъ тамъ на каждомъ шагу Соня Мотовилова. И тѣмъ подчеркиваетъ, что люди одной національности — всѣ близкіе по духу, всѣ такъ сказать прирожденные Мотовиловы. Мотивы и побужденія различны, а способъ дѣйствія и характеръ—единый. Та-же душа раскрывается въ поступкахъ поэта, охранника, октябриста, ка-дета, штатскаго, воина, героя и труса. Душа національнаго типа. И въ этомъ вся сила.

И что-же? Авторы драмы, — цѣликомъ построенной на событіяхъ революціонной эпохи,—не показали ни разу ни клочка народной души. Гдѣ-то идутъ крестьянскіе безпорядки, гдѣ-то строятся баррикады, гдѣ-то что-то творится со всѣмъ народомъ, а намъ на фонѣ трагическихъ событій рисуютъ повѣсть о горестной любви между Борисомъ и Соней, и хотятъ насъ увѣрить, что въ этомъ возмездіи за пролитую кровь (Борисъ — офицеръ, застрѣлившій на баррикадѣ брата Сони, Андрея) и заключается весь смыслъ національной трагедіи, созданной революціей, трагедіи, одинаковой для Андреевъ и Борисовъ всего народа—безъ различія сословій, классовъ и званій.

Краснымъ полымемъ всходитъ любовь.
Цвѣтъ любви на землѣ одинаковъ...
Да прольется невинная кровь
Лепестками разбрызганныхъ маковъ.

Разверните Блока, Ауслендера, Кузмина,—всѣхъ наиболѣе типичныхъ представителей модернизма,—всюду либо вопли объ одиночествѣ, либо жантильничающіе пастушки, одержимые нѣжной меланхоліей, либо видѣнія, привидѣнія, незнакомки и прочая подмалеванная ветошь въ духѣ Ламотъ Фуке.

Въ ихъ поэзіи подвизаются рыцари (у Брюсова, у Ауслендера), мистики (у Блока, у Сологуба), двойники (у всѣхъ безъ исключенія декадентовъ; двойники—это спеціальная привилегія декадентскаго цеха), путешественники и вообще герои, хорошо обезпеченные въ обоихъ мірахъ. Не ищите тутъ ни прозаическаго земледѣльца, ни покрытаго копотью заводскаго рабочаго или ремесленника. Люди простого званія на страницахъ декадентскихъ произведеній—исключительно проститутки. А у Блока даже проститутки родомъ знатныя незнакомки. Впрочемъ, гдѣ-то у Блока въ числѣ его дѣйствующихъ лицъ встрѣчаются два безгласныхъ „дворника" и два пьяныхъ „собутыльника", изъ которыхъ одинъ выражаетъ свою принадлежность къ демократіи словомъ „мичтатель" вмѣсто „мечтатель", а второй—постояннымъ возгласомъ: „ай-да!"

И это все. Если кое-гдѣ и встрѣчаются лица изъ народа, то лишь въ качествѣ „подлаго сословія". Конечно, только средневѣка могли завѣщать искусству такую ненависть и презрѣніе къ „сѣрому", ко всему, что отзывается массой.

Любопытно, что декаденты сами нерѣдко прекрасно сознаютъ и въ теоретическихъ разсужденіяхъ открыто высказываютъ свое отношеніе къ такому искусству. Вѣдь именно Блоку принадлежитъ эта мѣткая и правдивая фраза: „Ройтесь на кладбищахъ, ставьте на ноги мертвецовъ, все равно они упадутъ, какъ безпомощныя куклы, едва забѣлѣетъ разсвѣтъ, едва вы отнимете

ваши старательныя руки, заслышавъ близкій рогъ живого героя" *). Но какъ ѣдко иронизируетъ Андрей Бѣлый, г. Блокъ умѣетъ только „творить свои строчки, а не свою жизнь. Безъ связи, безъ цѣли, безъ драматическаго смысла мягко струитъ на насъ его гибнущая душа рядъ своихъ образовъ"... Портретъ недуренъ, но только-ли Блоку пристало званіе „гибнущей души"? Впрочемъ, спѣшитъ оправдаться проговорившійся критикъ, „пусть читатель не приметъ мои слова за осужденіе. У Блока есть особая красота: красота „оторопи", красота мертвенности" **).

Красота, конечно, не совсѣмъ обыкновенная. Но господа декаденты вообще возстаютъ противъ всего обыкновеннаго: обыкновенной жизни, обыкновенныхъ людей. Это тоже одно изъ наслѣдій стараго рыцарскаго романа. Какъ и въ романѣ феодальной эпохи, декадентскій разсказъ обыкновенно является сцѣпленіемъ фантастическихъ образовъ и баснословныхъ событій, недоступныхъ пониманію черни. Правда, они не воспроизводятъ причудливыхъ образовъ временъ „Амадиса Гальскаго", но культъ рѣдкаго, экзотическаго составляетъ одно изъ обычныхъ условій декадентскаго стиля.

Въ поискахъ экзотической красоты мчится Бальмонтъ въ Техасъ, въ Ниневію и куда-то тамъ еще, откуда вывозитъ въ поученіе публикѣ свои безграмотныя и бездарныя „океанскія пѣсни":

Коль теперь дать себя,
Ты вкусна,
Будетъ ѣсть, ты на вкусъ такъ нѣжна...
А себя
Не отдашь ты теперь,
Жить скорбя
Будешь тускло, о, вѣрь!..

Въ погонѣ за той-же вычурностью пишетъ свои муд реныя „Повечерія" г. Вячеславъ Ивановъ, по сравненію съ которыми даже латинскія исключенія по Конеру должны быть признаны шедевромъ ритма и благозвучія:

Надъ дверьми—сквозныхъ узорочій
Завѣсы,—что рыбарей Господнихъ
Неводы, раздранные ловомъ,—
Что твои свяденные лохмотья
У предверій бѣлаго храма,
Золотая нищая пѣсня! ***)

Справедливость требуетъ отмѣтить одно великое преимущество этого „повечерія": оно сохраняетъ свой первоначальный смыслъ при чтеніи рѣшительно во всѣхъ направленіяхъ—вплоть до діагональнаго. Вотъ ужъ воистину поэзія безъ направленія!

Г. Ауслендеръ безъ счета забрасываетъ читателей своими безвкусными поддѣлками подъ французскія, итальянскія, португальскія новеллы, неизмѣнно украшенныя сладкими мадригалами Кузмина. Пошленькіе разсказы о пошленькихъ похожденіяхъ, которыя однажды печатаются, какъ „Месть Джероламо Маркезе", въ другой разъ идутъ подъ титломъ „Флейта Вафила" или „Литанія Маріи Дѣвственницы изъ Каенны" и проч. А въ общемъ

*) „Золотое Руно", 1908, V.
**) „Вѣсы", 1908, V.
***) „Вѣсы", 1908, IV.

и въ первый, и во второй, и въ сотый разъ—скучно, напыщенно и бездарно.

На декадентскомъ жаргонѣ это носитъ названіе стилизаціи. Тоже своего рода „арунюпъ“, придуманный для приманки скучающей публики. Стилизуютъ Брюсовъ, Бальмонтъ, Кузминъ. Даже г-жа Щепкина - Куперникъ сочла вполнѣ своевременнымъ поднести благонамѣреннымъ читателямъ „Русской Мысли“ длинную, утомительную и прилизанную исторію одной стилизованной любви.

Для чего? Для того-же, для чего, напр., Сомовъ покрываетъ свои полотна черными куклами въ напудренныхъ парикахъ съ филистерскими косичками сзади и въ фижмахъ съ ажурными чулками на тощихъ ножкахъ.

И всюду въ сущности тѣ-же куклы на пружинахъ, съ мишурными фразами и тщательно, иногда даже великолѣпно разрисованной внѣшностью, но безъ искры внутренней правды. Мертвые узоры искусства, оторваннаго отъ жизни и лишеннаго живой красоты. Скучныя декоративныя аллеи на подобіе аккуратно расписанныхъ деревьевъ, на которыхъ болтаются тѣ-же сусальныя издѣлія—„золотыя яблоки“ г-на Ауслендера—и среди которыхъ преважно расхаживаютъ загримированные испанскими грандами и провансальскими трубадурами Кузмины, Ауслендеры, Кречетовы, Дымовы, Гумилевы и прочая братія. Ахъ, не въ обиду будь сказано нашимъ трубадурамъ, ихъ стилизованная муза чрезвычайно напоминаетъ мнѣ родную бабку Ѳедора Лаврецкаго — эту развратную и распущенную старушенку, которая 70 лѣтъ отъ роду вышла замужъ за „финьфлера“ французской эмиграціи, отставного аббата и энциклопедиста, ловкаго и тонкаго проныру - m-eur Courtin de Vaucelles. Разрумяненная, раздушенная амброй à la Richelieu, окруженная арапчонками, тонконогими собаченками и крикливыми попугаями, она проводила всѣ свои дни на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Людовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петито. Ни дать—ни взять [illegible]ованная маркиза. И покоясь въ объятіяхъ своего отставного аббата, старушка, казалось, начинала искренне вѣрить, будто она не попросту гадко и пошло размалеванная Ѳеоктиста Лаврецкая, еще вчера засѣкавшая на конюшнѣ свою „крепеную собственность“, а живая и неподдѣльная m-me Courtin de Vaucelles, въ жилахъ которой течетъ кровь благороднѣйшихъ помпадуровъ.

4.

Итакъ, стилизація, экзотизмъ и всякая вычурная условность—вотъ первыя внѣшнія особенности декадентскаго творчества. Вся эта странная фантастика, разнообразная, пестрая, но слишкомъ поверхностная и въ то-же время слишкомъ далекая отъ творческой жизни, какъ-бы старательно воскрешаетъ эпоху среднихъ вѣковъ. Но условія новой дѣйствительности оказали огромное вліяніе на самый характеръ реставраціи феодальнаго идеала въ искусствѣ.

Условность есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ соціальнаго прогресса. Она создается и формами внутренняго

устройства и, главнымъ образомъ, чисто внѣшними бытовыми чертами городского уклада. Городъ питаетъ и культивируетъ и рѣзкую обособленность интересовъ, и баснословную роскошь, и упоеніе властью. Это—царство вражды, пресыщенія и разнузданныхъ вкусовъ; мономановъ, маніаковъ и истеричныхъ. И если въ числѣ всевозможныхъ обитателей, населяющихъ этотъ гигантскій ковчегъ, мы не встрѣчаемъ ни человѣка, безумно размахивающаго надъ головой лезвіемъ блестящей и отточенной шпаги, ни дамы съ соколомъ на рукѣ, то налицо здѣсь сотни и тысячи условій,—проводящихъ еще болѣе рѣзкую грань между рыцаремъ рынка и его подъяремнымъ вассаломъ, чѣмъ между безотвѣтнымъ крестьяниномъ и его феодаломъ.

Городъ тѣснитъ и давитъ, давитъ своей громадой, всей „массой кристаллизованнаго, обезличеннаго духа“ и душитъ личность въ тискахъ нужды и жестокаго безсилія; душитъ то малое, что, по выраженію Гогена, будучи воспринято другимъ, нерѣдко становится великимъ. Въ этомъ одно изъ главныхъ проклятій „звѣря“-города, заставляющаго каждаго члена городской толпы „умаляться ихъ малостью“, „умножаться ихъ множествомъ“, тѣмъ безликимъ множествомъ, которое не сливаетъ воедино, а какъ-бы разъединяетъ и растворяетъ людей, какъ заставляетъ это множество розовое платье возлюбленной становиться похожимъ на розовыя платья всѣхъ другихъ женщинъ.

Здѣсь царитъ слѣпое и угрюмое сочетаніе силы и случая. Детерминизмъ, господствующій здѣсь во всѣхъ областяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ, развертывается передъ взоромъ шумнымъ игралищемъ борьбы, конкурренціи и риска. Этимъ неустаннымъ движеніемъ и шумомъ, блескомъ и роскошью большихъ городовъ и создается современный тріумфъ эстетическаго созерцанія, въ которомъ, какъ выражается Іоганнесъ Шлафъ, всѣ страсти растворяются въ экстазѣ и игрѣ нервовъ и мозга, исчезаютъ и превращаются въ изящный холодъ и формулы вѣжливости.

Въ этой блестящей сатурналіи все перепуталось. Загляните въ снующую толпу, среди которой ведутъ васъ Андреевъ въ „Проклятіи звѣря“, Горькій въ „Городѣ желтаго діавола“ или Шлафъ въ разсказѣ „Другая“.

„Тотъ господинъ—навѣрное лишенный всякихъ предразсудковъ виверъ, но съ такимъ-же успѣхомъ онъ, можетъ быть, и человѣкъ, намѣревающійся перейти въ католичество или даже уйти въ монастырь; кто можетъ сказать что по его виду? Что-же касается до этого каменьщика, то завтра я могу его встрѣтить здѣсь-же въ качествѣ состоятельнаго подрядчика строительныхъ работъ—здѣсь все строятъ и строятъ, здѣсь выростаютъ цѣлые города—а послѣзавтра въ качествѣ хозяина роскошной виллы, и совершенно невозможно будетъ отличить его отъ новой дворянской породы коммерціи совѣтниковъ“.

И городъ въ лицѣ своего новаго повелителя, „новой дворянской породы коммерціи совѣтниковъ“, диктуетъ свои законы искусству. Психологія хозяина жизни формируетъ психику декаданса. Искусство принимаетъ характеръ апологіи, оправданія рынка, той конкурренціи, того взаимнаго недовѣрія, раздраженія, мстительности, духомъ которыхъ проникнуты практика повседневности, практика ежедневныхъ насилій. И базарная философія, философія торгашескихъ отношеній, переплетенная съ

химерой буржуазнаго счастья, находитъ своего выразителя, свою красивую позу въ сверхъ-индивидуалистѣ.

И такъ какъ къ услугамъ подобнаго художника нерѣдко является революціонная фраза, то апологія рынка принимаетъ характеръ чего-то протестующаго, будирующаго и въ значительной степени искренняго.

И это вполнѣ понятно.

Бываютъ неискренніе поэты. Даже неискреннее вдохновеніе тоже возможно. Но нѣтъ и не можетъ быть неискренней поэзіи—какъ направленія. И разъ существуетъ своя декадентская поэзія, то въ ней есть своя искренность, своя красота: „красота оторопи и мертвенности", какъ опредѣлилъ ее А. Бѣлый, красота декоративная.

Среди всѣхъ декадентскихъ поэтовъ я охотнѣе всего допускаю искренность Сологуба. Вся его сумрачная фигура, кривляющаяся и угрюмая, чрезвычайно типична для декаданса. Типичны и этотъ заносчивый, ультра-фіолетовый, такъ сказать, сверхъ индивидуализмъ; и черты пресыщенія; и злая радость его несомнѣннаго, но крайне жестокаго таланта; и неукротимая жажда пытать и молиться, которой ему такъ мучительно хочется уподобиться Достоевскому. Но какъ правильно говорилось въ старину, въ дѣлѣ сочинительства всякій дѣлаетъ не то, что хочетъ, а то, что можетъ... Здѣсь на пути его творческихъ исканій встаетъ родовое заклятіе его класса. Лукавый духъ мѣщанства и пошлости глубоко вдавилъ свои клейма и наполнилъ сердце зараженной и обезцвѣченной кровью безнадежности и цинизма. Оттого-то въ своихъ вопляхъ и бичеваніяхъ Сологубъ остается самымъ жалкимъ садистомъ, и за мишурными „истлѣвающими личинами" чувствуется лишь тощее и опошленное искаженіе того гигантскаго образа, какимъ онъ хочетъ казаться. Какая-то куцая достоевщина. Вмѣсто человѣчески-живыхъ страданій, вмѣсто яркихъ скорбей и могучихъ противорѣчій—фальшиво-затѣйливая и циничная передоновщина.

Временами его поэзія вспыхиваетъ сильно и мрачно, ибо въ своей искренности онъ многое открываетъ, онъ исповѣдуется до тла. Вотъ выразительная форма, въ которую облекается, напримѣръ, его откровенный индивидуализмъ въ „Книгѣ совершеннаго самоутвержденія":

„Вотъ Я обращаю взоры и явленія передо Мною, и преклоняю слухъ Мой къ слушанію многихъ. И насладившись прелестью воплощеннаго мечтанія, отлагаю, скрываю, измѣняю, претворяю, являю иное въ томъ-же, и то-же въ иномъ. Нѣтъ во Мнѣ измѣненія, но всякое измѣненіе отъ Меня... Отецъ Мой, и Я, и духъ Мой — единое существо, единая и неизмѣнная причина всякаго явленія, ибо это—Я и только Я".

Здѣсь ликующее шествіе не знающаго удержа базарнаго эгоизма выведено, что называется, en toutes lettres, до послѣдней прописной буквы. Это, дѣйствительно, очень смѣлая штука. Что-то вродѣ фихтеанскаго гуся, дошедшаго въ своей анархистской послѣдовательности до отрицанія собственной печени и признавшаго только, что Я = Я. Конечно, г. Сологубъ, въ своемъ бунтарскомъ идеализмѣ отвернется съ убійственной ироніей отъ мысли, что вся разрушительная поэзія его „Книги совершеннаго самоутвержденія" является кристаллически-чистой

бухгалтерской выкладкой изъ лексикона плотоядныхъ хотѣній „новой породы“ мѣщанъ во дворянствѣ. Что дѣлать? Вѣдь и мольеровскій мѣщанинъ былъ не менѣе удивленъ, когда услыхалъ, что онъ говоритъ прозой.

Идя тѣмъ-же путемъ детерминизма, декадентское искусство постоянно подчеркиваетъ отсутствіе смысла и цѣльности въ панорамѣ развертываемой картины. „Не человѣкъ есть мѣра вещей, а мгновеніе“—вотъ лозунгъ и принципъ модернистовъ. И отсюда — культъ „утонченной“ психологіи, культъ мимолетныхъ настроеній. Этотъ культъ и обращаетъ жизнь личности у писателей декаданса въ „сплошную зыбь противочувствій“, какъ выражается Вячеславъ Ивановъ, въ тѣ спеціально декадентскіе „миги“, въ которыхъ такъ любятъ копаться модернисты:

Мнѣ все равно, мнѣ все равно, слѣжу игру тѣней...

„Но минутное, исключительное, мимолетное, какъ справедливо указываетъ Гэйо, можетъ быть сдѣлано предметомъ искусства только при условіи быть замѣченнымъ съ широкой точки зрѣнія, и какъ бы глазомъ философа, быть приведеннымъ къ законамъ человѣческой природы и такимъ образомъ сдѣлаться въ нѣкоторомъ родѣ одной изъ формъ вѣчности“.

Тамъ-же, гдѣ жизнь воспринимается и воспроизводится чисто эпизодически, тамъ поневолѣ весь интересъ сведется къ изображенію внѣшнихъ аксессуаровъ, къ продуктамъ сквернаго блудословія, къ погонѣ за пикантною темой и рискованнымъ жестомъ — на подобіе сборника „Жизнь“. И даже независимо отъ содержанія или темы разсказа, это знакомство съ платьемъ, а не съ сердцемъ героя,—какъ выражались старые критики,— т. е. преобладаніе случайныхъ и а-типическихъ чертъ въ явленіяхъ жизни и придаетъ произведеніямъ декадентовъ такой банальный и пошлый характеръ. Въ лучшемъ случаѣ декадентское творчество распыляется въ голомъ созерцательномъ эстетизмѣ, т. е. искусство становится чисто декоративнымъ. Оно недурно схватываетъ мертвую форму. Во внѣшней, чисто технической отдѣлкѣ оно обнаруживаетъ много старательности, умѣнья, пожалуй, даже таланта. Но такая ремесленная виртуозность идетъ въ ущербъ его жизненности. Оно обнимаетъ, но не вникаетъ. А изысканность фразы, обиліе словъ, поражающихъ своей безсодержательной звучностью, изобличаетъ только безсиліе мысли. „Тиранія фразы—признакъ духовной импотенціи“, рѣзко заявляетъ Леметръ, остроумно приравнивающій это „щелканье слова“ къ тѣмъ эротическимъ эксцессамъ, которыя является обычными спутниками безсилія.

„Горе писателю,—писалъ по адресу такихъ виртузовъ Тургеневъ,—который захочетъ сдѣлать изъ своего живого дарованія мертвую игрушку, котораго соблазняетъ дешевый тріумфъ виртуоза, дешевая власть его надъ своимъ опошленнымъ вдохновеніемъ“ *).

И это опошленное вдохновеніе, эта виртуозная вычурность и безыдейный созерцательный эстетизмъ, какъ тройное проклятіе, лежатъ на творчествѣ декаданса.

*) Тургеневъ, т. XII. „О стихотвореніяхъ Тютчева“.

5.

Казалось-бы, въ качествѣ крайнихъ индивидуалистовъ и солипсистовъ декаденты должны-бы упрямо открещиваться отъ культивированія опредѣленныхъ теченій, отъ преемственныхъ связей, отъ всякихъ родственныхъ настроеній въ искусствѣ. А между тѣмъ они не только возводятъ свою генеалогію до Пушкина (о чемъ особенно стараются приверженцы Брюсова), но группируются въ довольно воинственныя школы, строятъ совмѣстныя теоріи и „нестыдливо" навязываютъ свои непривлекательныя особенности всей нашей литературѣ. Повторяю, съ обычной точки зрѣнія это — естественно и понятно. Только умирать не собираются вмѣстѣ. А въ живой человѣческой дѣятельности во всѣхъ областяхъ—добровольно или вынужденно производство обязываетъ къ поддержанію отношеній съ другими. Но у декадентовъ все берется съ изнанки. Проповѣдуя одиночество, каждый изъ нихъ не жалѣетъ въ тоже время кривляній, чтобы вымаклачить себѣ у публики лишній грошикъ вниманія. А объединяющимъ лозунгомъ декаданса провозглашается именно смерть. Ею опредѣляется содержаніе всей новѣйшей поэзіи. Тайна смерти и одиночество — вотъ боевые словечки, Schlagwörter декадентскаго репертуара. И какъ я ужъ указывалъ, самымъ искреннимъ выразителемъ декадентскаго творчества является Сологубъ. Это — трубадуръ и оруженосецъ ея величества смерти. Во всемъ его творчествѣ дрожитъ какая-то юродивость, пробуждаемая жуткимъ страхомъ могилы. Близость смерти ощущается въ каждой строкѣ, залегла свинцовою тѣнью въ полупомеркшихъ глазахъ, въ безнадежно опустившемся тѣлѣ. И даже рѣчь его тянется, какъ безумное погребальное шествіе, гдѣ дамы въ траурныхъ шлейфахъ сумрачно улыбаются грандіозно и вычурно присѣдающимъ пажамъ, и надъ странной толпою, гдѣ въ пестромъ хвостѣ плетутся лживыя богомолки, кликуши, нищіе, тихіе мальчики и сатанински хохочущіе выходцы изъ загробнаго міра, медленно рѣетъ тяжелый кадильный ладанъ.

Своей угрюмой, больной и дикой фантастикой онъ повторяетъ мертвенно блѣдную поэзію Гофмана, про котораго кто-то изъ нѣмцевъ сказалъ, что весь міръ казался ему кривымъ зеркаломъ, въ которомъ онъ, исковерканный на тысячу ладовъ, видѣлъ только свое могильное лицо. И тотъ же могильный обликъ—facies hypocratica умирающаго класса—глядитъ на насъ изо всей декадентской литературы. И въ этомъ многотомномъ предсмертномъ воплѣ тоски, который носитъ названіе декаданса, какъ то рѣзко и настойчиво выдѣляется пораженный ужасомъ смерти голосъ Сергѣева-Ценскаго.

Первый томъ С. Сергѣева-Ценскаго открывается небольшимъ, но характернымъ разсказомъ „Тундра". Въ немъ очень ярко и довольно типично символизируется тотъ ограниченный пессимизмъ, который вырастаетъ на почвѣ убогаго, чисто декадентскаго воспріятія жизни.

Подъ самой крышей одного изъ тупыхъ, высокихъ, до тошноты схожихъ петербургскихъ домовъ, въ двухъ смежныхъ комнатахъ, отдѣленныхъ тонкой перегородкой, съ треснувшими

надъ щелью обоями, очутились два постояльца. Оба—заброшенные, одинокіе, постоянно погруженные въ „свое дѣло". Онъ и она. Онъ—студентъ-филологъ, окруженный толстыми и тонкими книгами, на корешкахъ которыхъ можно было прочесть: тундра... тундра... тундра... Онъ читалъ и писалъ о тундрѣ, и тундра заслоняла передъ нимъ весь міръ. А въ свободныя минуты, припавши глазомъ къ щели сосѣдняго номера, онъ видѣлъ такую-же узкую комнату. Въ ней жила женщина, низенькая, худая, съ утомленнымъ и безцвѣтнымъ лицомъ. „Днемъ она сидѣла у окна и вышивала шелкомъ спальныя туфли, вечеромъ относила работу въ магазинъ и приносила новыя туфли, которыя нужно было вышить завтра".

На улицахъ между высокими, огромными, многоэтажными домами кипѣла страшная, суетливая жизнь. Лживые, созданные долгими усиліями, никому ненужные интересы отдѣлили человѣка отъ человѣка туманомъ тяжелыхъ испареній. И въ этой удушливой атмосферѣ, гдѣ нечѣмъ было дышать, гдѣ о природѣ напоминало только небо, сѣрое и безцвѣтное, точно придуманное по заказу людьми и пропитанное, какъ губка, дождемъ, люди поневолѣ выдумывали свой воздухъ, создавали нелѣпые интересы. И каждый въ огромной массѣ этого кишащаго люда считалъ свои интересы выше другихъ и „усиленно дѣлалъ именно то, что считалъ необходимымъ, ставъ на одну точку зрѣнія, и что выходило нелѣпымъ и смѣшнымъ съ другой точки".

Свой интересъ къ тундрѣ, въ которую онъ никогда не собирался, студентъ ставилъ выше интереса своей сосѣдки къ туфлямъ, и оттого ему было жаль ее. Жаль за дни, проведенные въ работѣ надъ туфлями, „безъ которыхъ обошелся-бы всякій, если-бы ихъ не придумали".

Однажды вечеромъ она пришла не одна, а вдвоемъ съ мужчиной. И когда студентъ приподнялъ обои, онъ увидѣлъ краснощекаго малаго, на котораго влюбленными глазами смотрѣла сосѣдка. Три недѣли продолжалась новая жизнь сосѣдки. Каждый вечеръ вмѣстѣ съ ней приходилъ высокій малый, съ закрученными, рыжеватыми усами, пилъ водку и въ то время, когда она говорила тихимъ, опасливымъ шопотомъ, онъ говорилъ отчетливо и громко. Но у краснощекаго малаго оказалась свирѣпая жена, которая какъ-то нагрянула невзначай и въ припадкѣ ревности такъ избила свою соперницу, что къ вечеру одной маленькой, тихой женщиной стало меньше на огромномъ, шумномъ свѣтѣ.

— „Мнѣ стало страшно и больно, — разсказываетъ студентъ, отъ имени котораго ведется разсказъ,—и я ушелъ изъ длиннаго дома на улицу... Кругомъ стояли въ сыромъ, плотномъ воздухѣ какія-то безформенныя думы, надежды, заботы, порывы идущихъ и скачущихъ людей, и во мнѣ тоже, какъ голодный бурьянъ, стоялъ острый вопросъ: за что ее убили?..

Она жила тихая, одинокая, жалкая, отрѣзанная отъ жизни, потомъ этотъ прикащикъ, принесшій ей каплю счастія и море страха, и все это только три недѣли, и потомъ за это смерть, смерть отъ той, которая имѣла права на счастіе по закону!.. Кругомъ торчали угрюмые многоэтажные дома и съ неба падалъ и вился хлопьями снѣгъ, и вмѣстѣ съ этими каплями вились и падали, какъ мнѣ казалось, космы ея темныхъ, накрученныхъ на толстые пальцы волосъ.

И мнѣ почудилось вдругъ, что среди этихъ домовъ, толпы и шума я въ тундрѣ, въ холодной, леденящей, огромной тундрѣ, похожей на гробъ, обитый газетомъ. И всѣ они, эти люди, только кружатся по ней въ безпокойномъ вихрѣ, выхода ищутъ, а выхода нѣтъ, и кругомъ пустыня безъ

конца и края, и холодъ, и снѣгъ, и не видно солнца, а сѣрое небо давитъ, какъ склепъ, и оттого такъ тяжело жить въ тундрѣ, и оттого ее убили" *).

Выхода нѣтъ... Таковъ обычный припѣвъ потрясенныхъ ужасомъ смерти и одиночества декадентскихъ героевъ. Тѣхъ фантастическихъ ужасовъ, которые рисуются воображенію, глядящему на жизнь сквозь щелку досчатой перегородки.

У того-же Сергѣева - Ценскаго — почти во всѣхъ разсказахъ, — у Арцыбашева, у Пантюхова, у Блока, у Рославлева вопросъ о смерти встаетъ на каждомъ шагу. Повсюду рисуется имъ „жестокій, со стиснутыми зубами скелетъ... черепъ съ подлымъ, злымъ и трусливымъ выраженіемъ, эти обнаженные, вѣчно голодные зубы, гораздо ближе передающіе сущность человѣческой природы, чѣмъ губы и глаза и вся остальная обманная оболочка тѣла" **). Повсюду безпомощные вопли о трагедіи личности, объ ея оторванности отъ людей и отъ жизни, о непримиримости, заброшенности и безцѣльности бытія.

Потрясенные и растерянные, безсильной рукою хватаются они за „соборность", за „миѳотворчество", припадаютъ къ тощимъ сосцамъ единоспасающей мистики.

Отсюда и тяга къ „стихійности", рожденная страхомъ и отвращеніемъ къ сутолокѣ и фальши окружающей жизни, къ угрюмымъ, многоэтажнымъ домамъ, къ холодной, леденящей огромной тундрѣ, похожей на гробъ.

Въ статьѣ, помѣщенной въ I томѣ „Литературнаго Распада", мнѣ приходилось ужъ указывать, что мѣстами въ разсказахъ Зайцева, Сергѣева-Ценскаго и Арцыбашева эта тяга къ стихійности,—какъ и въ поэзіи Горькаго, какъ въ пору нѣмецкаго романтизма,—отливается въ яркія, поэтическія формы и дышетъ красотою чисто космическаго паѳоса. Но у огромнаго большинства декадентовъ эта проповѣдь стихійнаго возрожденія, мечта о грядущемъ, неоформленная и неясная, сплошь построенная на „непріятіи міра", приводитъ къ безнадежному анархистскому лозунгу: „долой культуру!" Все разрѣшается призывомъ къ варварству, къ стадности и принимаетъ характеръ самой грубой схоластики.

„Идеалистическій символизмъ есть интимное искусство утонченныхъ, реалистическій символизмъ—келейное искусство тайновидѣнія міра и религіознаго дѣйствія за міръ" ***).

Или:

„Условимся разумѣть подъ символомъ то воплощеніе эстетическаго переживанія, которое открываетъ рядъ мистическихъ потенцій, восходящихъ къ абсолюту" ****).

Кто, хитроумный, разберется въ этомъ ворохѣ словъ, въ этомъ лукошкѣ символическаго глубокомыслія?

А вѣдь въ эти хитрыя петли г.г. Вячеславъ Ивановъ съ Чулковымъ пытаются затянуть не однихъ „миѳотворцевъ", но и сердце поэзіи.

Нерѣдко, впрочемъ, вся эта мертвая схоластика связана съ

*) С. Сергѣевъ - Ценскій, т. I стр. 10.
**) Пантюховъ, «Тишина и старикъ».
***) Вячеславъ Ивановъ, „Два теченія въ современномъ символизмѣ".
****) Г. Чулковъ, „Покрывало Изиды".

неподдѣльнымъ стремленіемъ къ преодолѣнію города. Но самый характеръ преодолѣнія отмѣченъ узкимъ индивидуализмомъ.

Онъ не выводитъ изъ того магическаго круга „уединеннаго опыта", въ которомъ безпомощно бьются и эпикурейскій индивидуализмъ Санина, такъ часто впадающій въ самый жалкій цинизмъ, и бунтарскій и искренній сверхъ-индивидуализмъ Сологуба. Въ своемъ протестующемъ паѳосѣ произведенія этихъ индивидуалистовъ могутъ быть и красивы, и ярки. Но по самой природѣ своей они обречены на безсиліе. Ибо за магическимъ кругомъ буржуазнаго города они видятъ лишь „нижній пластъ", лишь „тупую силу" безликаго, пошлаго Калибана. За одинокимъ кругомъ аристократическихъ и оторванныхъ созерцаній они не чуютъ великой созидающей силы, въ нѣдрахъ которой мятутся буйныя страсти, кипитъ хмельная отвага и зрѣетъ трагическое величіе грядущаго преображенія жизни. Оттого-то въ творчествѣ нашихъ крайнихъ индивидуалистовъ такъ часто сплетаются филистерство съ паѳосомъ, мѣщанское содержаніе съ революціонною фразой.

6.

Тайны смерти и одиночества почти всегда неразлучны у декадентовъ съ тайной любви и пола. По словамъ Г. Чулкова, „изысканная эротика, какъ основная тема новой поэзіи" *), является даже однимъ изъ главныхъ признаковъ, опредѣляющихъ сущность декадентства. И дѣйствительно, это—любимая тема модернистовъ. Ей обязаны они своей популярностью, необычайнымъ гостепріимствомъ книжнаго рынка. Здѣсь съ особой силой сказалось и ихъ влеченіе къ мистикѣ, и вкусъ къ пикантному, вычурному и извращенному. Половая проблема прокатилась мутной волной по всей декадентской литературѣ—отъ самаго верху и до самаго низу. Она раскрыла всѣ силы модернистовъ, проявила все богатство и немощность декадентской фантазіи, развернула пышнымъ хвостомъ всю многочисленную рать „обозной сволочи", которая толчется въ ливреѣ модернизма на всѣхъ печатныхъ задворкахъ.

Онъ какъ-то внезапно выросъ и сталъ въ боевую позу, этотъ вопросъ, на пути россійскихъ исканій, какъ злая насмѣшка надъ нашей почти аскетической брезгливостью къ эротическимъ темамъ, какъ большой придорожный могильный камень, весь изрѣзанный грубыми, но откровенными въ своей выразительности и полными чувственнаго опьяненія заклинаніями В. Розанова.

И въ силу тайнаго, симпатическаго сродства всѣхъ прежде поддались заклятію декаденты.

„Розановъ—современный пророкъ въ области пола, геніальный защитникъ и ходатай брака... Розановъ—необходимость; онъ, освѣщая прошлое и настоящее,—довершаетъ, исполняетъ его, сканчиваетъ для насъ. Онъ толкнулъ наше сознаніе, можетъ быть грубо, но разбудилъ его. И оно слилось съ нашимъ, давно обострившимся ощущеніемъ: не то! не такъ! безобразно! пошло, или мучительно! или смѣшно!".

*) Г. Чулковъ, „Дымный ладанъ".

„Насъ, наше, съ нашимъ“... Это, разумѣется, относится къ тѣмъ, къ сонму которыхъ причисляетъ себя авторъ этихъ строкъ—г-жа Зинаида Гиппіусъ.

И вотъ проблема пола встаетъ въ лицѣ послѣдней въ видѣ зашнурованной въ декадентскій корсетъ и въ мистическое благочестіе блѣдной монашенки съ томнымъ взглядомъ и кичливой улыбкой на губахъ, съ которыхъ льется елейное слово о „тайнѣ міра и тайнѣ влюбленности“:

„Если вопросъ пола—міровой вопросъ, если въ полѣ есть истинное и тайное (а это мы познали черезъ влюбленность), тайна будетъ вѣчно раскрываться, до конца оставаясь тайной... И если мы думаетъ, хотимъ и надѣемся, должны что-нибудь дѣлать,—то не сами, не одни, а только съ Сыномъ, только вмѣстѣ съ Нимъ, ибо помнимъ слова: „безъ меня не можете дѣлать ничего“. Влюбленность создалась черезъ Него-же, какъ нѣчто новое, духовно-тѣлесное,—на нашихъ глазахъ; изъ нея родился поцѣлуй, таинственный знакъ ея тѣлесной близости, ея соединенія двухъ—безъ потери я“ *).

Но вскорѣ подъ хилой и старчески-коварной рукой Ѳ. Сологуба „поцѣлуи“ томной монашенки незамѣтно преобразуются въ „лобзанія лозы“, жадно впивающіяся въ обнаженное тѣло женщины:

Разстегни свои застежки и завязки развяжи,
Тѣло, жаждущее боли, нестыдливо обнажи.
Опусти къ узорамъ темнымъ отуманенный свой взоръ,
Закраснѣйся и замѣйся, и ложися на коверъ!
Чтобы можно было тѣло долго, долго истязать,
Надо руки, надо ноги крѣпко къ кольцамъ привязать.
Чтобы глупые сосѣди не пришли на насъ смотрѣть,
Надо окна занавѣсить, надо двери запереть... **)

Здѣсь, разумѣется, предѣлъ, дальше котораго не дерзаетъ забѣгать въ своемъ эротическомъ устремленіи даже самъ Николай Бердяевъ.

Еще шагъ. И пресловутая „проблема“, перекочевавъ по ту сторону темныхъ мистическихъ закоулковъ и застѣнковъ садизма, уже откровенно щеголяетъ бойкой мѣщаночкой съ виляющими бедрами и подоломъ, подоткнутымъ много выше устава о благочиніи, и идетъ по рукамъ—отъ Каменскаго къ Пильскому — по всей литературной толкучкѣ, обильно пересыпая стряпню этой кухни крѣпкой смѣсью изъ хулиганства, оргіазма и порнографіи.

Я не встаю на защиту „закона Гейнце“ и не имѣю въ виду упрекать кого-бы то ни было въ отсутствіи добродѣтельной вѣрности завѣтамъ филистерскаго искусства. До извѣстной степени я стою за свободное выраженіе сексуальнаго чувства въ той самой формѣ, въ какой проповѣдуетъ его Рене Гиль: нѣтъ свободнаго чувства безъ эротизма. Но эротизмъ не порнографія, не проповѣдь расщемленія свободнаго чувства на „сладострастіе праведное и неправедное“.

Пусть грубыя краски, необузданность въ словѣ. Пусть чувственность безъ удержу и стыда, какъ въ поэмахъ Мюссе, какъ въ новеллахъ Боккачіо и Мопассана.

Я понимаю покаянную иронію Мюссе, когда онъ самъ заявляетъ:

*) З. Гиппіусъ, „Литературный Дневникъ“.
**) „Золотое Руно“, 1908, II.

„... Говорили съ трибуны: вѣра погасла, время почестей миновало, но свобода еще лучше почестей... И при этихъ словахъ—дрогнули сердца молодежи, точно при отдаленномъ и страшномъ воспоминаніи. А расходясь по домамъ, молодежь повстрѣчала шествіе съ тремя плетеными гробами, которые несли въ Кламари: — то были трупы трехъ юношей, слишкомъ громко говорившихъ о свободѣ... И странная улыбка искривила уста молодежи, и они бросились, очертя голову, въ самыя безумныя оргіи, точно въ зломъ и отчаявшемся безсиліи — единственное поученіе, какое можно вывести изъ смерти мучениковъ" *).

Эта яркая чувственность, рожденная вслѣдъ за крикомъ острой и мучительной боли и какъ-бы пропитавшая безпутной, огненной лихорадкой поэзію Мюссе и Жоржъ Зандъ, Шарля Нодье и де-Виньи, всю поэзію Франціи временъ политическаго упадка и клерикальной реакціи; это бурное клокотаніе эротическаго потока, не разъ заливавшаго страницы исторіи въ эпохи банкротства идеаловъ и угнетенія общественныхъ силъ, имѣютъ свои стихійно-общественныя причины, о которыхъ я здѣсь распространяться не стану **).

Но въ „поэзіи" нашихъ модернистовъ вмѣсто пѣсенъ, искрящихся страстью и опьяненіемъ чувственнаго хмеля — какая-то выставка обнаженностей, пошлячество — наглое и безстыдное, мрачное истязаніе гнусной и немощной фантазіи во имя „эротики для эротики", во славу грубѣйшей порнографіи.

Грязно-торгашескій характеръ этой литературы черезчуръ очевиденъ. Это—продукты проституированнаго чувства, бьющаго на тѣ-же инстинкты, на которые спекулируютъ всѣ шантаны, притоны и лупанары во всемъ капиталистическомъ мірѣ. Условія, выгоняющія на рынокъ цѣлую категорію женщинъ спеціально для обслуживанія полового инстинкта, тѣ же условія создаютъ и искусство „изысканной эротики", и ея идеологовъ—апологетовъ и всякихъ проповѣдниковъ оргіастическихъ культовъ.

Въ этомъ отношеніи наша декадентская литература оказалась въ очень выгодномъ положеніи: въ сферѣ оргійнаго письма декаденты являлись піонерами рынка, тогда какъ на западѣ поэзія тѣлеснаго цвѣта уже знала десятки громкихъ именъ, вскорѣ ставшихъ, конечно, воспріемниками отъ купели нашей отечественной порнографіи.

7.

Въ сущности всѣ эти Ауслендеры, Ликіардопуло, Кузмины, Нины Петровскія и Осипы Дымовы, равно какъ и главный питомникъ всего нашего литературнаго „комильфо" („Вѣсы") въ большинствѣ — простыя мѣняльныя лавки идей заграничнаго эстетизма. Какъ искусство чисто декоративное, лишенное дѣйственной красоты, питаемой непосредственной близостью къ жизни, декадентство, естественно, открываетъ широкій просторъ для всякихъ заимствованій не только изъ эпохи среднихъ вѣковъ, но и у представителей новѣйшаго модернизма на западѣ,

---

*) Альфредъ Мюссе, «Исповѣдь сына вѣка».

**) Болѣе подробно коснулся я этого вопроса въ брошюрѣ «Текущій моментъ и текущая литература».

и притомъ какъ въ области гривуазныхъ сюжетовъ, такъ въ особенности въ области техники и стиля.

Но какой банальный и уморительный характеръ носятъ эти заимствованныя позы, слова и жесты, все это ничтожество, растворенное въ извращенномъ и лживомъ отображеніи чужого величія. Г. Чулковъ обмолвился какъ-то очень мѣткою фразой: „магія декадентовъ—магія разоблаченная". Ея разоблаченію немало содѣйствуетъ знакомство съ Шлафомъ и Каленбергомъ, съ Габріэлемъ Д'Анунціо и съ Гофмансталемъ, съ Петеромъ Альтенбергомъ и Ведекиндомъ и проч. Не странно-ли, напр., что „Вѣсы", насчитывающіе отъ роду уже болѣе пятилѣтія, не посвятили ни одной значительной вещи иностранной литературѣ? Двѣ-три скупыя замѣтки Рене Гиля въ теченіе года о французскихъ модернистахъ и ни слова почти о литературѣ нѣмецкой, англійской, скандинавской и пр.

Наши декаденты очень часто ссылаются, называютъ имена очень много иностранныхъ именъ, расшаркиваются передъ французскими и нѣмецкими модернистами. Нѣкоторые даже довольно открыто признаются, что смотрятъ на весь широкій міръ, и въ томъ числѣ и на родную дѣйствительность, черезъ тѣ самые очки замысловатаго заграничнаго производства, сквозь которыя смотрѣли еще вѣнскіе старожилы, вродѣ Генриха Гарта, родоначальника новѣйшаго импрессіонизма, и его ученика Іоганнеса Шлафа, или англійскіе модернисты съ Уотомъ Уитманомъ во главѣ; съ негодованіемъ указываютъ на беззастѣнчивое эксплоатированіе выдающихся именъ различными издателями, русскими и иностранными. Но щеголяя близкимъ знакомствомъ съ подлинниками и даже самыми точными свѣдѣніями о томъ, какое платье носитъ Петеръ Альтенбергъ или Стефанъ Георге (см. Мих. Пояркова и Нину Петровскую), и провозглашая urbi et orbi свое увлеченіе культурой и западомъ, они почему-то избѣгаютъ знакомить своихъ читателей съ самыми подлинниками. Хотя тотъ-же Стефанъ Георге, напр., не считаетъ зазорнымъ для себя выступать передъ нѣмецкой публикой въ роли переводчика Якобсена, Суинберна, Россети, Д'Анунціо и очень многихъ другихъ.

Спору нѣтъ. Лучше пить изъ небольшого стакана, но собственнаго. И подобнаго рода тенденція, быть можетъ, тѣмъ болѣе естественна и понятна у художниковъ, превратившихъ „личные взгляды отдѣльныхъ художниковъ, какъ Privat-Sache", въ одинъ изъ крупнѣйшихъ параграфовъ художественной платформы новѣйшаго искусства.

Но въ томъ-то и дѣло, что „личнаго", собственнаго очень мало въ большинствѣ произведеній нашихъ декадентовъ. Всякое мало-мальски извѣстное литературное имя собираетъ вокругъ себя толпу доморощенныхъ писакъ и мелкихъ копистовъ, которые переносятъ его—за собственной подписью, разумѣется,—на страницы нашей декадентской печати въ самомъ изуродованномъ видѣ. Говорю — въ изуродованномъ, потому что всѣ недочеты и странности этихъ писателей становятся культомъ гиперболизированнаго преклоненія.

И когда я смотрю на эту злобно-кичливую бахвальщину даже въ подписяхъ прикрывающуюся какими-то вычурными кличками и именами, когда я вижу, какъ старательно пытаются они

въ заемныхъ кривляніяхъ вымаклачить себѣ свой грошикъ вниманія и въ то же время обѣтомъ молчанія окружаютъ подлинные источники своего вдохновенія, мнѣ всегда приходитъ на память изящная миніатюра Августа Стриндберга: „Моя каррикатура".

„Когда я былъ молодъ,—разсказываетъ Стриндбергъ,—мнѣ предсказывали большое будущее, хотя я ничего еще не сдѣлалъ. Въ то далекое время у меня былъ одинъ товарищъ по службѣ, который съ перваго-же дня знакомства сталъ мнѣ положительно антипатиченъ. И онъ сразу сталъ меня ненавидѣть. Но почему-то онъ искалъ моего общества и постоянно зазывалъ меня на попойки. Во время кутежей онъ ходилъ за мной по пятамъ, льстилъ мнѣ и хвалилъ меня въ глаза. Онъ говорилъ тономъ шарлатана, которому дано знать мою судьбу; онъ пророчествовалъ и предсказывалъ. Но кончилось тѣмъ, что во время одного кутежа въ присутствіи большого общества онъ осыпалъ меня оскорбленіями. Между прочимъ онъ назвалъ меня дутой величиной, изъ которой ничего не выйдетъ. Онъ даже клялся всѣми силами ада, что я никогда не буду „великимъ".

Послѣ этого мы разошлись. Товарищи замѣтили это и стали спрашивать:

— Развѣ ты разошелся съ своей каррикатурой?

— Что это значитъ?

— Его лицо было настоящей каррикатурой на твое.

И дѣйствительно, это было такъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Я «сдѣлалъ карьеру». Помню, что въ это время мысли мои обратились къ таинственному спутнику моей молодости, котораго такъ интересовала моя судьба.

Потомъ я услышалъ о его смерти. Онъ умеръ двадцати семи лѣтъ при очень странныхъ обстоятельствахъ. Одинъ стоялъ на горѣ въ одинъ іюльскій вечеръ и смотрѣлъ на солнце. Его убилъ солнечный ударъ.—Онъ разсыпался, какъ гномъ отъ солнечнаго свѣта!—пошутилъ я.

Онъ былъ похожъ на гунна или на мертвую голову,—заканчиваетъ Стриндбергъ.—Мать родила его преждевременно, на седьмомъ мѣсяцѣ. Но кое-какъ его выходили, держа на горячей лежанкѣ, завернутымъ въ вату".

Если сравнить болѣзненно гримасничающія физіономіи нашихъ декадентовъ съ живыми лицами европейскихъ модернистовъ, всегда не трудно отличить, чья каррикатура скрывается въ искаженныхъ чертахъ доморощеннаго эстета. И можетъ быть, кой-кому изъ нихъ и есть основанія „ходить по пятамъ и льстить" и въ то же время ревниво опасаться, чтобы тотъ или иной модернистъ не „сдѣлалъ карьеры" у насъ въ литературѣ.

Вотъ Петеръ Альтенбергъ — со своими яркими и мѣткими, иногда немного холодными характеристиками. Со своими краткими парадоксами—афоризмами и вѣчными думами о женщинѣ: женщинѣ — малюткѣ, подросткѣ, гризеткѣ, — сентиментальной, покинутой, обманутой, чувственной и злой, но постоянно прекрасной.

«У мущины есть одна любовь—міръ!
У женщины есть одинъ міръ—любовь!»

„Женщина—это созданіе посланное Творцомъ въ міръ, воплощеніе Божественной воли: Мужчина, стань равнымъ Богу!"

И еще:

„Но всѣ женщины требуютъ: мужчина, будь звѣремъ! Исчадія ада!"

И еще:

„Ревность не страсть. Я хочу быть королемъ, который проситъ у королевы, а не нищимъ который царитъ надъ такой-же нищей!"

И еще:

„И въ смерти сладострастіе искупленія"...

И еще, и еще, и еще—ибо въ этомъ весь Альтенбергъ со всей

своей поэзіей и философіей импрессіонизма. Въ немногихъ словахъ—сказать многое, невозможное, тайное, сказать все—вотъ формула его творчества.

„Жизнь должна пройти черезъ душу и, какъ губка, пропитаться этой душой. Тогда она выходитъ оттуда величественной, полной, живой! Вотъ это искусство!“.

Правда, сквозь душу Петера Альтенберга — поэтическую и нѣжную—проходятъ лишь осколки уличной жизни, отраженные въ блестящихъ, красивыхъ, но узкихъ окнахъ вѣнскихъ кафе. Правда, муза его—шикарная, капризная, немного сентиментальная, немного развратная и чувственная вѣнка. Но она умѣетъ быть умной и интересной.

А въ какомъ жалкомъ и исковерканномъ видѣ смотритъ на насъ ея задумчиво-ироническій обликъ изъ кривого зеркала Осипа Дымова.

Осипъ Дымовъ усвоилъ этотъ пріемъ изящнаго афоризма, и вотъ что пишетъ онъ, напр., о той-же любви.

«Любовь—это полная прелести тайна, тайна, которая коснулась, пронзила сердце, и улетѣла».

И еще:

„Поцѣлуй—это чудо; такое-же чудо, какъ рожденіе вдохновенной мысли, какъ пѣніе жаворонка въ апрѣльское утро“. И тоже, разумѣется, „тайна, но тайна прекрасная“.

У Осипа Дымова все чудеса да тайны, да веселенькая поэзія съ веселенькой мистикой и эротикой, которыя онъ мотаетъ изъ себя легко и проворно, какъ уличный фокусникъ свои пестрыя ленты вмѣстѣ съ горящей паклей и пучками соломы.

И таковы-же всѣ поддѣлки подъ Ведекинда, подъ Гофмансталя и проч. У декадентовъ есть отдѣльныя имена, но большинство ихъ лишено литературныхъ физіономій. Это — авторы темъ, разработанныхъ по моднымъ шаблонамъ, а не поэты или художники, не представители „школы“. Это— писатели изъ той же породы „нянюшекъ - болтушекъ да театральныхъ критиковъ“ которые послѣ франкфуртскаго сейма такъ старательно подвизались въ роли литературной Шехерезады для усыпленія публики „сказками и другими забавными вещами“.

И искусство ихъ—искусство сна и застоя, за пышными декораціями котораго—„стилизація“, „экзотизмъ“ и „чистая эстетика“—скрывается не эмансипація чувства отъ мысли и даже не боязнь мысли, а просто узость ея. Узость мыслей, чувствъ и понятій, довольствующихся самымъ скромнымъ репертуаромъ „Мистицизму на три строки и юмору на пять“, какъ бойко выбалтываетъ секреты своихъ собратьевъ по „школѣ“ г. Чуковскій.

„И паѳоса, и мистики, и религіи, и чтобы смѣшно было, и чтобы была философія, но все это въ трехъ словахъ, и непремѣнно сразу, не очень осязательно, не очень вразумительно, и „чтобы не безпокоило“—и мило было бы до чрезвычайности“ *).

Ибо всего этого требуетъ „заказчикъ, взыскующій щекотки“. И вотъ чуткіе модернисты одинъ за другимъ мѣняютъ роль писателя на амплуа литературнаго щекотальщика.

---

*) К. Чуковскій, „Ваше сіятельство, прокачу“.

8.

Есть въ Парижѣ своеобразный видъ клаки. Это — клакеры-хохотуны, на обязанности которыхъ создавать веселое настроеніе въ публикѣ. Парижане называютъ ихъ щекотальщиками. Ихъ услугами пользуются при постановкѣ новой комедіи. Усѣвшись въ разныхъ концахъ, они принимаются „раскачивать“ публику. Каждую шутку, каждое забавное слово со сцены они встрѣчаютъ радостнымъ визгомъ, вскакиваютъ, заразительно покатываются со смѣху и вскорѣ становятся предметомъ веселаго вниманія со стороны всего зрительнаго зала.

И если при каждомъ новомъ поднятіи занавѣса публика не особенно внимательно вслушивается въ діалоги пьесы, если вся она больше занята скоморошествомъ щекотальщиковъ, то это вовсе не означаетъ провала пьесы. Завтра, когда въ ушахъ вчерашняго зрителя еще будутъ звенѣть отголоски смѣшливыхъ воспоминаній, состоящій на откупѣ рецензентъ бульварной газеты горячо и бойко разскажетъ содержаніе пьесы, восхитится остроуміемъ автора, съумѣвшаго вызвать несмолкаемый хохотъ въ публикѣ, и густо комментируя отдѣльныя сцены намеками и сплетней, снабдитъ ихъ цѣлымъ арсеналомъ скандальныхъ подробностей изъ жизни свѣтскихъ героевъ и депутатовъ, съ которыхъ якобы списаны дѣйствующія лица.

И читатель будетъ въ восторгѣ и станетъ всячески рекламировать новую пьесу. Въ сущности онъ отлично знаетъ цѣну вчерашнему успѣху и мало вѣритъ въ достоинства новой пьесы. Но что ему до того, что она бездарна, безсодержательна и удручающе банальна. Вѣдь онъ шелъ съ единственной цѣлью s'amuser — позабавиться и посмѣяться. И было шумно и весело, была театральная взвинченность. А это стоитъ успѣха.

Именно нѣчто подобное, хотя и не въ столь лапидарномъ видѣ, происходитъ въ нашей литературѣ. Происходитъ съ тѣхъ поръ, какъ стала она на „декадентскую линію“ и пошла по ней ходкимъ ходомъ при безмолвномъ, а иногда и при весьма выразительномъ сочувствіи извѣстной части публики. Съ тѣхъ поръ, какъ ходкимъ товаромъ на книжномъ рынкѣ стали „литературные календари“, оповѣщающіе о количествѣ брюкъ и количествѣ обладаемыхъ писателемъ женъ, а зрѣлищемъ, дѣлающимъ сборы, стали разные cabarets artistiques,—гдѣ на сценѣ, за столами расчиваютъ пиво, закусываютъ и выступаютъ au naturel не только въ поэзіи тѣлеснаго цвѣта, но и во всемъ, такъ сказать, своемъ „неглиже на распашку“ представители „новаго искусства“; гдѣ Кузминъ на глазахъ собравшейся публики ухаживаетъ за нарумяненнымъ верзилой, одѣтымъ въ дѣтскую распашенку, и въ промежуткахъ неуклюже раскачивается на такихъ же изящныхъ и похабныхъ терцинахъ, а Потемкинъ съ неизмѣнною трогательностью повторяетъ свои жалобы проститутки:

Сѣрая улица, слѣпые дома...
Папироска моя не курится,
Не знаю сама,
Съ кѣмъ я буду сегодня амуриться.

Это все литература, идущая на встрѣчу новому „заказчику". И между послѣднимъ и писателемъ-щекотальщикомъ воцаряется полное единеніе. Вечера „новаго искусства" и съ „курантами" и безъ „курантовъ любви" собираютъ полныя аудитории. Декадентскія книжки раскупаются и даютъ солидные барыши. И если въ основѣ всей этой „ходкости" лежитъ любопытство и только любопытство, — какъ категорически утверждаютъ нѣкоторые оптимисты, — то, очевидно, что любопытство это такого сорта, которое успѣло стать довольно стойкой чертой, безошибочно учитываемой рынкомъ. Создались такіе кадры скучающей по забавамъ публики, которымъ ничего иного, кромѣ легкаго щекотанія нервовъ, отъ искусства не требуется.

Было бы весело и занятно, а все остальное — „тенденція".

И съ точки зрѣнія той же забавности и веселаго кунштюка „работаетъ" и вся новѣйшая критика - модернъ. Таковъ, напр., ея любимѣйшій представитель, веселый критикъ Чуковскій.

Это — весьма любопытная фигура. Онъ обладаетъ рѣдкимъ даромъ самоопредѣленія и самоанализа. Онъ безстрашно погружается во всѣ потаенные уголки своей души. И хотя на дно этихъ поисковъ таится много такого, что въ сущности большинство бы охотнѣе скрыло за фигурами умолчанія, тѣмъ не менѣе г. Чуковскій съ героической откровенностью выбалтываетъ всѣ свои качества.

Трактирщикъ Тюха въ пьесѣ Леонида Андреева „Савва" былъ пьяница, сонливый и глупый, но у него была своя философія.

— Никакого Бога нѣтъ,—говорилъ онъ.—И дьявола нѣтъ. И людей тоже нѣтъ. И звѣрей тоже нѣтъ. Ничего нѣтъ.

— Что же есть?

— Рожи однѣ есть. Множество рожъ. Все рожи, рожи, рожи...

Если бы трактирщикъ Тюха не былъ пьяница, сонливый и глупый, утверждаетъ Чуковскій, и не сидѣлъ бы въ трактирѣ, а умѣлъ бы писать хорошіе разсказы и пьесы, онъ бы непремѣнно написалъ „Жизнь человѣка", „Царь-Голодъ", „Такъ было", „Іуду", „Бездну" и всякія другія вещи, которыя вмѣстѣ его пишетъ такъ хорошо его единомышленникъ, Леонидъ Николаевичъ Андреевъ.

Parlez pour vous, monsieur. Вѣдь это чувство самопознанія іезуитски нашептываетъ г. Чуковскому эти убійственныя строки. Вѣдь онъ малюетъ свой собственный портретъ во всю натуральную величину.

Быть можетъ, не вздумай г. Чуковскій сдѣлаться критикомъ, объ этомъ никто никогда не догадался бы. Но злая фортуна вложила въ руки Чуковскому бойкое перо залихватскаго фельетониста, и очутившись во власти послѣдняго, онъ цѣликомъ обнаружилъ веселую Тюхину натуру.

Во всей русской литературѣ онъ видитъ однѣ лишь рожи, рожи, рожи...

Взялся г. Чуковскій за истолкованіе Горькаго, и передъ нимъ тотчасъ же завертѣлись странныя рожи.

— Сынъ мастерового, говорите вы? Босякъ? Исходилъ Россію пѣшкомъ? Не вѣрю.

По моему Горькій — рожа... И вовсе не босякъ, и не художникъ, и не поэтъ, а сынъ консисторскаго чиновника... И у него всѣ — такія же рожи. Написавъ однажды „Пѣсню о Соколѣ"

онъ ровненько и симметрично, какъ по линеечкѣ, раздѣлилъ все мірозданіе на Ужей и Соколовъ, да такъ всю жизнь съ монотонной аккуратностью во всѣхъ своихъ драмахъ, разсказахъ, повѣстяхъ — и дѣйствовалъ въ этомъ направленіи. Распря Ужа и Сокола повторяется въ Гаврилѣ и Челкашѣ, и въ Максимѣ и Шахро („Мой Спутникъ"), въ Павлинѣ и Черкунѣ („Варвары"), въ Безсѣменовѣ и Нилѣ („Мѣщане") и проч., и проч. Ибо Безсѣменовъ — подлинный ужъ, и только Безсѣменовъ, будь и онъ надѣленъ талантомъ Горькаго (какъ Тюха талантомъ Андреева), могъ бы писать такія однообразныя, такія симметричныя, такія безжизненныя творенія.

И Ѳедоръ Сологубъ — тоже рожа, рожа, перекошенная ужасомъ смерти. И у героевъ его тѣ же перекошенныя страхомъ и ужасомъ рожи, которыя видятъ единственное спасеніе „въ сквознячкѣ".

И у Юшкевича рожи, и у Арцыбашева—рожи. И вся русская литература — одна гигантская рожа, которая называется у Чуковскаго Пройдой, переодѣтымъ въ беллетристическій, публицистическій и поэтическій костюмы.

Попадаются въ русской литературѣ и геніальныя рожи — геніальныя „пошехонскія" рожи. Это — авторы „Братьевъ Карамазовыхъ" и „Анны Карениной". „Вся русская литература, — увѣряетъ насъ критикъ Тюха,—и „Бѣдная Лиза", и „Полтава", и „Семейная Хроника", и „Дворянское Гнѣздо", и „Бѣдные люди", и „Анна Каренина" — вся отъ начала до конца создана геніальными пошехонцами"... Словомъ, всюду рожи, рожи, рожи...

„Точно въ кошмарѣ вертятся передъ нимъ люди-химеры, какія-то глыбы декольтированнаго мяса, какіе-то уродливые обрѣзки, сцѣпленья выпяченныхъ животовъ, слюноточивыхъ губъ", — какъ-будто вся русская литература, всѣ герои ея разсказовъ, романовъ и драмъ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ русскіе писатели вдругъ взбѣленились, сошли съ ума, заплясали канканъ и пошли корчить г. Чуковскому страшныя дьявольскія рожи.

Рожи и кривляющіяся словечки.

Такихъ словечекъ съ плутоватыми и нахальными бѣсовскими рожицами — у него цѣлая преисподняя. Мыслишки-то у него куцыя, да къ тому же чужія, надерганныя изъ разныхъ модернистскихъ толковниковъ. А слова пытаются натянуть на себя великопостную рожу и притворяются серьезными, важными и глубокими. Вы посмотрите, какихъ только словъ и словечекъ не наговорилъ онъ о Леонидѣ Андреевѣ. Онъ—и „тайновидецъ рожи", и человѣкъ „намазанной рожи" и нестираемой рожи; и „монополистъ" трагедіи, и лишенный трагичности, и „эксплуататоръ спеціальныхъ трагедій", и репортеръ, и геній, и пессимистъ, и скептикъ, рисующій для читателей рожи, которыхъ нисколько не страшится, и Тюха, и швабра, и барабанъ, и авторъ близорукаго оптимизма, и жрецъ „субстанціональнаго, абсолютнаго, человѣческаго я", и мало-ли изъ чего еще составлена эта сумятица словъ и вакханалія разнузданной фразы.

И все-то онъ сыплетъ, сыплетъ словами, словечками и ужимками. И публика тѣшится бойкой игрою языка веселаго Тюхи, какъ порою тѣшится она плясунами, порхающими между яицъ и становящимися на голову, не думая о томъ, что вѣдь для

всякой головы, — кому-бы она ни принадлежала, хотя-бы и развеселому Тюхѣ,—можно найти болѣе достойное примѣненіе.

Но вѣдь на то это и „заказчикъ, взыскующій щекотки". Въ интересахъ именно этой публики и культивируются самодовлѣющіе принципы искусства. Искусство, какъ роскошь, какъ украшеніе, какъ предметъ веселой забавы. Ей нужны „щекотальщики", съ одной стороны, которые помогли-бы ей пикантно и весело s'amuser, которые превращали-бы литературную лекцію въ вечеръ забавнаго искусства, лицедѣйствуя на глазахъ почтеннѣйшей публики и превращая Горькаго въ ужа и мѣщанина, Андреева — въ Тюху, Тургенева и Толстого — въ геніальныхъ пошехонцевъ и проч. А съ другой стороны, налетъ серьезнаго содержанія, высокій стиль и мудреныя темы въ статьяхъ собратьевъ-эстетовъ сообщаютъ характеръ солидности и прочности даже игривой эквилибристикѣ щекотальщиковъ.

Что такое въ концѣ концовъ Чуковскій или Пильскій безъ нѣсколькихъ цитатъ изъ Уайльда, безъ Мережковскаго и Гиппіусъ? Пара яркихъ заплатъ на ветхомъ рубищѣ „Понедѣльника". Другое дѣло — г-жа Гиппіусъ. Это ужъ цѣлая хоругвь въ битвѣ за чистое искусство. Цѣлое эстетическое ученьице.

Г. Чуковскій — тотъ было сунулся съ собственной теоріей, да на томъ и остался. Призналъ не по силамъ себѣ такую затѣю и на стр. 20 своей книги на-чисто отрекся отъ всякихъ плановъ, и дальше ужъ на каждой новой страницѣ преспокойно отрекался отъ предыдущей. Но вѣдь на то г. Чуковскій—веселый критикъ, и только. Простой, незатѣйливый щекотальщикъ.

Г-жа Гиппіусъ доводитъ теорію до послѣдняго абзаца, такъ сказать. Прежде всего, конечно, она спѣшитъ раздѣлаться съ тенденціозностью въ искусствѣ. Времена тенденціозной поэзіи, говоритъ она, прошли безвозвратно, и поэты некрасовскихъ завѣтовъ, хотя и понятны, но совершенно не нужны... „Но они сами поняли, что не нужны, и обезсилѣваютъ, сникаютъ. Молитвы они оставили и пишутъ передовыя статьи" *).

Кѣмъ-же поддерживается, однако, священный пламень поэзіи? „Искусство принадлежитъ всѣмъ, кто его глубоко и безкорыстно жаждетъ" **). А путь къ достиженію безкорыстія — само собою понятно—въ приматѣ эстетическихъ цѣнностей надъ политикой и тенденціей.

Здѣсь, на пустынныхъ берегахъ невозмутимаго, чистаго искусства, у его ледяныхъ истоковъ происходитъ таинство завѣтнаго превращенія. Во имя независимой красоты предаются закланію общественныя потребности и въ перегонномъ кубѣ эстетики обезпложивается каждое слово и превращается въ безобидную, чистую, безпримѣсную и самодовлѣющую труху.

Иного искусства въ наше культурное время не существуетъ и существовать не должно. О „тенденціозномъ" искусствѣ, категорически декретируетъ нашъ эстетическій критикъ, могутъ писать въ наши дни только „хорошо опохмѣлившіеся рецензенты „Русской Мысли" и „Совр. Міра", которымъ въ сущности „глубоко и давно наплевать и на форму, и на совершенство,

*) З. Гиппіусъ, «Литературный Дневникъ», стр. 163.
**) Ibid, стр. 258.

и ничего они въ этомъ не смыслятъ и никого не убѣдятъ, — такъ помажутъ съ похмѣлья и сами сконфузятся" *).

Полно! Старая басня объ аристократическихъ розахъ и демократическомъ картофелѣ давно вѣдь не пользуется кредитомъ. Развѣ привязанность къ свободѣ не выше привязанности къ свободному искусству? Или это будетъ называться, „тенденціей, убивающей красоту", если поэтъ предпочитаетъ, чтобы сокъ, питающій цвѣты его пѣсенъ, шелъ отъ корней той будущности, во имя которой брызжетъ кровь героическихъ сердецъ? А Шенье и Гейне? А Гудъ и Лонгфелло? А Гюго и тотъ-же Некрасовъ? А цѣлые міры бушующей и гнѣвной поэзіи и пламеннаго лиризма, которые бьютъ ключемъ изъ глубины сердецъ, замирающихъ въ скорбномъ содроганьи подъ гнетомъ насилій и надругательствъ, при видѣ гнусныхъ помостовъ, заливаемыхъ кровью во имя той-же политики?..

Правда, декоративное искусство не выноситъ ни грана идейности и тенденціи. Ибо въ тенденціи—движеніе и жизнь. Ибо, какъ справедливо обмолвилась Гиппіусъ, „почти вся поэзія и литература, поскольку она декадентская,—внѣ движенія исторіи человѣчества, внѣ борьбы между „мы" и „я"; ни она, эта литература, не имѣетъ отношенія къ движенію жизни и мысли, ни жизнь къ ней" **).

Она вся—въ красотѣ застоя и мертвенности.

Сущность демократическаго искусства—въ иномъ.

Демократія—это борьба.

Это — прибой неукротимой волны, которая бьетъ по общественнымъ диссонансамъ, бьетъ полной грудью и разлетается вдребезги или разбиваетъ преграду.

Демократія не боится ни усилій, ни смерти. Она привыкла мужественно бороться и геройски умирать.

У демократіи свое пониманіе жизни, свои задачи, своя оцѣнка, свое мѣрило красоты и неправды. Ея идеалы сложились по нимъ потребностямъ. Ея миръ и довольство, ея слезы и огорченія разочтены по другой системѣ, по другимъ упованіямъ.

И святыни, и цѣнности демократіи, и красота, и поэзія, и искусство крещены у иныхъ истоковъ...

Декадентское искусство родилось въ эпоху затишья, въ хмурые сумерки неволи. Но подъемъ демократіи раскрылъ ему тайну экстаза, героизма и вдохновенныхъ порывовъ.

Оно проникнулось смутною ненавистью къ мѣщанству, но все сказалось во власти своего глухого безсилія и пассивной апатіи своихъ жреповъ—декадентовъ, отравленныхъ буржуазной культурой.

Декадентское искусство стало чисто декоративнымъ, стало предметомъ роскоши, „за обладаніе которымъ набиваютъ взаглуски цѣну". Декаденты художники продаются и служатъ буржуазіи и мстятъ ей, нанося удары мѣщанскому плоскому уму отрицаніемъ логики, ошарашивая ихъ разнузданной проповѣдью разврата...

Но не изъ этихъ болѣзненныхъ и безпомощныхъ вспышекъ озлобленнаго протеста идетъ волна грядущаго возрожденія.

*) Ibid., стр. 107.
**) З. Гиппіусъ, «Литературный Дневникъ», стр. 343.

И буржуазія тихонько посмѣивается надъ мнимымъ бунтомъ своихъ щекотальщиковъ. При всемъ ихъ бунтарскомъ нигилизмѣ она вправѣ спокойно обратиться къ нимъ съ тѣми-же словами, съ которыми Иванъ Карамазовъ обратился къ чорту:

«... Ты—я, самъ я, только съ другой рожей: ты именно говоришь то, что я уже мыслю... и ничего не въ силахъ сказать мнѣ новаго. Только все скверныя мои мысли берешь, а главное—глупыя. Ты глупъ и пошлъ. Ты ужасно глупъ»...

9.

Итакъ, русское искусство переживаетъ глубокій кризисъ, обусловленный кризисомъ политическимъ и общественнымъ.

Красота героизма и прекрасныхъ надеждъ, красота поэтическаго подъема потонула въ уныніи побѣжденныхъ, подобно тому какъ ударъ, нанесенный революціонной Германіи постановленіями злополучнаго сейма отъ 28 іюня, оборвалъ поэтическое движеніе молодой нѣмецкой литературы.

Декадентство, всплывшее на поверхность русской общественности, представляетъ форму декоративнаго искусства, свойственнаго всѣмъ эпохамъ упадка. Оно именуетъ себя безпартійнымъ и радикальнымъ. Но по содержанію своему оно проникнуто духомъ кастовой отчужденности и сословнаго эгоизма и носитъ характеръ вырожденія и глубокой растерянности.

Въ лицѣ своихъ типичнѣйшихъ представителей декадентская литература—пессимистична, угрюма и поражаетъ своимъ вычурнымъ и болѣзненнымъ вкусомъ. Красота декаданса безплодна, бездѣйственна и совершенно лишена общественнаго смысла.

У большинства другихъ декадентовъ искусство остается на степени забавы, комфорта и продуктовъ порнографическаго развлеченія, раздѣляя эту послѣднюю миссію съ соотвѣтствующими заведеніями большихъ городовъ.

Пышная фразеологія декаданса съ революціоннымъ плюмажемъ на каждомъ словѣ и подмалеваннымъ бойкимъ радикализмомъ является дерзкимъ плагіатомъ революціоннаго жеста революціонной эпохи. Этотъ компромиссъ между грубо-эгоистическимъ содержаніемъ и заемною формой еще рѣзче подчеркиваетъ лицемѣрно-эклектическую физіономію русскаго модернизма.

Л. Волтоловскій.

Ю. Каменевъ.

О робкомъ пламени г.г. Антоновъ Крайнихъ.

—Вотъ вы все учите, постигаете пучину моря, разбираете слабыхъ да сильныхъ, книжки пишете и на дуэли вызываете—и все остаетесь на своемъ мѣстѣ, а, глядите, какой-нибудь слабенькій старецъ святымъ духомъ пролепечетъ одно только слово, или изъ Аравіи прискачетъ на конѣ новый Магометъ съ шашкой, и полетитъ у васъ все вверхъ тормашкой, и въ Европѣ камня на камнѣ не останется.

— Ну, это, діаконъ, на небѣ пилами писано!

А. Чеховъ. Дуэль.

I. МАСКИ.

Госпожа Зинаида Гиппіусъ, она же Антонъ Крайній, выпустила пять книгъ разсказовъ, сборникъ стиховъ и, совсѣмъ недавно, собраніе своихъ критическихъ и публицистическихъ статей.

Насчетъ книги своихъ стиховъ авторъ, въ предисловіи, счелъ нужнымъ оговорить, что считаетъ ее „самой безцѣльной, ненужной вещью", „для другихъ ненужной"; въ предисловіи къ первой же книгѣ своихъ разсказовъ онъ писалъ, что видитъ въ нихъ „оружіе", долженствующее служить ему и его друзьямъ въ ведомой ими „войнѣ" противъ „окружившихъ" его и друзей „враговъ"; наконецъ, въ „двухъ словахъ", предпосланныхъ сборнику статей, авторъ оправдываетъ его появленіе той „каплей вчерашняго дня Россіи", которая въ немъ есть, и усиленно настаиваетъ на ихъ боевомъ характерѣ. Разсказывая тутъ же „трагическую" судьбу, битвы и славную гибель журнала „Новый Путь", гдѣ первоначально появлялись статьи Антона Крайняго, г-жа Гиппіусъ не устаетъ требовать для нихъ суда исторіи.

Кратко говоря, передъ нами—публицистъ съ боевымъ темпераментомъ, охотно признающійся въ ненужности своихъ стиховъ и очень дорожащій ролью стараго рубаки. Съ публицистомъ мы и будемъ бесѣдовать.

Съ авторомъ „Собранія Стиховъ" говорить намъ было бы не о чемъ: тамъ на протяженіи сотни стихотвореній опустошенная душа домогаетъ себѣ покоя. Пусть себѣ молится! Молитвы опустошенныхъ душъ не трогаютъ насъ не только потому, что у насъ съ ними нѣтъ „общаго бога", какъ правильно полагаетъ ихъ авторъ, но и потому, что демоны опустошенныхъ душъ намъ чужды и смѣшны.

Но опустошенная душа рядится въ тогу проповѣдника, ей хочется выйти на улицу, она ищетъ войны—и тутъ-то она представляетъ живой общественный интересъ. Общественность живетъ по своимъ законамъ; отъ нея еще можно, пожалуй, уйти въ келью

„уединенныхъ молитвъ“, но становясь въ ея кругъ, неизбѣжно приходится принять тѣ формы выраженія своихъ чувствъ и мыслей, кои достигнуты уже въ общежитіи. Душевное изліяніе смѣняется логикой, а молитва—аргументами. Быть можетъ, въ той теоріи, которая, по г-жѣ Гиппіусъ, нужна лишь авторамъ стиховъ и ненужна больше никому, допустима по нынѣшнимъ временамъ та форма, о которой г. Ѳ. Сологубъ говоритъ: „голосимъ, какъ умѣемъ“; въ проповѣди, въ публицистикѣ, въ критикѣ голосить, кто какъ умѣетъ, врядъ ли достаточно.

И вотъ интересно присмотрѣться, въ какія формы облекается эта душа, когда, выйдя изъ своей молельни, она отправляется на завоеваніе міра.

Читатель не долженъ удивляться словамъ объ опустошенной душѣ, собравшейся завоевать міръ. Отнюдь не мы навязываемъ ей сію, казалось бы, неподходящую задачу. Это она сама отправилась на „войну“, возвѣстивъ о семъ съ подобающимъ шумомъ и трескомъ.

Исторія о томъ, какъ опустошенныя души восьми- и девятидесятниковъ создали для себя убѣжище, высокой стѣной отгороженное отъ міра, вывѣсивъ на немъ флагъ „чистаго искусства“, и какъ претерпѣвъ цѣлый рядъ метаморфозъ, это „чистое искусство“ породило изъ себя множество кружочковъ и группокъ своеобразныхъ общественниковъ, — чрезвычайно занятная исторія, заслуживающая спеціальнаго разсмотрѣнія. Историку этой полосы съ удивленіемъ придется констатировать, что, не породивъ никакой художественной школы, давъ двухъ-трехъ поэтовъ, очень мало расширивъ кругъ поэтическихъ мотивовъ,—русская „новая поэзія“ почти вся цѣликомъ уплыла изъ подъ флага „искусство и красота“ подъ флагъ цѣлаго ряда религіозныхъ, мистическихъ, философскихъ системъ, причемъ всѣ эти системы оказываются крѣпко связанными съ планами общественнаго устроенія.

Формировка упомянутыхъ кружковъ и группокъ общественниковъ-модернистовъ датируетъ съ очень недавнихъ дней. Начали складываться они въ атмосферѣ закипавшей революціонной волны и, конечно, совершенно въ сторонѣ отъ нея. Въ сторонѣ остались они и тогда, когда волна пришла. Не видно ихъ было и тогда, когда волна бушевала. Впрочемъ, есть нѣкоторыя данныя, чтобъ сказать, что отдѣльныя личности изъ этихъ группокъ революцію замѣтили, т. е., вѣрнѣе, нѣкоторые изъ нихъ оказались достаточно чуткими и неблагоразумными, чтобы выжать изъ глубинъ своего индивидуалистическаго духа пару плохонькихъ „гражданскихъ“ стихотвореній. Если это и такъ, то зато съ полной достовѣрностью можно утверждать, что революція-то ихъ не замѣтила. На вопросъ, почему не замѣтила, существуетъ нѣсколько отвѣтовъ, идущихъ отъ незамѣченныхъ: нѣкоторые, напр., утверждаютъ, что революція была слишкомъ „хамская“, земная, чтобъ усмотрѣть сіяніе огней общественниковъ изъ „Новаго Пути“, „Вопросовъ Жизни“, „Религіозно-Философскаго Собранія“, Общества Вл. Соловьева и пр., и пр. Во всякомъ случаѣ всѣ они увѣрены въ томъ, что глубочайшія причины неудачъ русской революціи и коренятся именно въ томъ, что она ихъ не замѣтила.

Какъ бы то ни было, лишь тогда, когда арена общественной жизни была очищена отъ массъ, моментъ оказался достаточно удобнымъ, чтобъ изо всѣхъ щелей повылѣзли „общественники“, настроенные весьма воинственно и немедленно предъявившіе свои завоевательныя планы. Общественниковъ этихъ оказалось на всякій вкусъ: отъ общественниковъ въ смыслѣ „хорового дѣйства“ черезъ „мистическихъ

анархистовъ“ и „соборныхъ индивидуалистовъ“ до людей, нѣсколько смѣшавшихъ общественность со свальнымъ грѣхомъ.

О семъ недурно повѣствуетъ г-жа Гиппіусъ, ей же и виднѣй: „Повсюду пошла такая чепуха,—пишетъ она,—такъ все завертѣлось и перепуталось, что никто ничего не понимаетъ. Слова совершенно утратили свой первый смыслъ“. „Говори что хочешь—все равно всѣ слова опрокинуты вверхъ дномъ и катятся,—которое поймаешь, то и твое“.

И накопили эти господа словъ предостаточно: такъ попалъ къ г. Вяч. Иванову „анархизмъ“, къ г. Бѣлому—„соціалдемократія“, къ г. Мережковскому—„революція“ просто и т. д., и т. д.

И подхваченныя „Вѣсами“ да „Перевалами“, „Факелами“ да „Рунами“, Чулковыми да Городецкими, Блоками да Гиппіусами слова эти завертѣлись въ такой дикой пляскѣ, что вчужѣ оторопь брала.

„Страшно, страшно поневолѣ“, шептала, вѣроятно, не одна чистая душа, вкушая отъ кухни Чулкова и К°.

Домового-ли хоронятъ,
Вѣдьму-ль замужъ отдаютъ?

И несомнѣнно: домового хоронили, а вѣдьму отдавали замужъ. Хоронили „хамскую“ революцію и вѣнчали, пользуясь моментомъ, мистику съ прогрессомъ.

Но какъ!..

* * *

Давно подмѣченъ уже тотъ любопытный фактъ, что новая идея часто пользуется чуждой, по по тѣмъ или другимъ причинамъ укоренившейся уже въ общественномъ сознаніи формой. Своеобразное лукавство исторіи сказывается въ томъ, что извѣстный кругъ идей, вступая въ борьбу съ другимъ кругомъ и пытаясь отвоевать у него мѣсто для себя, часто принужденъ усваивать себѣ внѣшніе признаки своего врага.

Въ исторіи общественниковъ-модернистовъ законъ этотъ сказался съ полной силой, заставивъ ихъ облечь свои умѣреннѣйшія теоріи и мечтанія въ платья наи-радикальнѣйшаго радикализма. Достаточно пересмотрѣть нѣсколько страницъ любой статьи „современнаго“ общественника, дабы убѣдиться, что радикальнѣе ихъ никто не писалъ и не пишетъ въ русской литературѣ.

Незачѣмъ приводить цитатъ. Читателю и такъ ужъ прожужжали уши толками объ ограниченности, умѣренности, мѣщанственности революціонныхъ идей и попытокъ „старыхъ“ общественниковъ. Бунтъ, „бунтъ безконечный“, бунтъ en permanence, всесвѣтный и всеразрушающій — только въ такую формулу можетъ уложиться грандіозное содержаніе идейнаго переворота, которое несетъ съ собой проповѣдь общественниковъ изъ среды людей „новаго революціоннаго сознанія“. Безъ словечекъ о бунтѣ, о „послѣднемъ освобожденіи“, о грандіозныхъ катастрофахъ въ общественности, въ морали, въ любви, въ сознаніи не обходилась ни одна статейка, ни одинъ кружковой манифестъ. А манифесты писали всѣ, кому не лѣнь и кто былъ достаточно смѣлъ и проворенъ, чтобъ понять, что революцію, задушенную въ крови, можно еще разъ утопить въ словесности и на семъ поприщѣ заслужить шпоры мыслителей, „освободителей“ и пророковъ.

Нѣсколько новыхъ словечекъ—вотъ то наслѣдство революціи, которое попало въ руки новыхъ проповѣдниковъ. И—странная вещь—этихъ словечекъ оказалось достаточно, чтобъ на моментъ вдохнуть жизнь въ опустошенныя души. Трупы борцовъ, задавленные звуки революціонныхъ пѣсенъ, революціонныя формулы и революціонный пылъ, замурованный въ каторжныхъ тюрьмахъ, перестерпѣваютъ нынѣ послѣднее униженіе, протаскиваемые черезъ „изслѣдованіе“ г. Мережковскаго, теоріи г. Чулкова, статейки г. Философова, дифирамбы г. Бѣлаго.

Пріятно видѣть ненависть и слышать проклятія враговъ, отвратительно присутствовать при зрѣлищѣ того, какъ изъ писемъ умершихъ и дневниковъ казненныхъ блудливыя перья пустоплясовъ выкапываютъ божковъ на потребу своего ничтожества.

Читая, какъ Бердяевъ проклинаетъ бѣсовъ революціи во имя Христа, съ гадливостью ждешь, что встанетъ г. Мережковскій, и-ташитъ свѣтлыя тѣни и, напакостивъ на чистомъ мѣстѣ, заявитъ, что онъ, Мережковскій, съ своей стороны видитъ въ революціонерахъ не „бѣсовское“, а „нездѣшнее, нечеловѣческое, неэмпирическое, даже не метафизическое, а религіозное“ *). Или выступитъ другой защитникъ революціи, г. Андрей Бѣлый, и заявитъ, что Бердяевъ „не видитъ знаменій соединенія духа съ плотью въ живой исторической дѣйствительности“, и что крушеніе революціоннаго движенія было необходимо, ибо „какъ знать, не отсюда ли начало преображенія его, какъ движенія религіознаго: смерть для воскресенія...“ А то, видите-ли „скрыто религіозный импульсъ не вмѣстился въ механику дѣйствій“... И вотъ рецептъ новыхъ поборниковъ революціи: „Надо, чтобъ механика стала мистикой“ **).

Революція учитъ... Да, но только тѣхъ, кто хочетъ учиться и кто умѣетъ познавать, т. е. тѣхъ, кто—въ борьбѣ. Но благороднымъ свидѣтелямъ, которымъ всякій фактъ интересенъ лишь постольку, поскольку поддается мистизирующей обработкѣ, революція не могла дать ничего кромѣ новаго поля, куда могла извергнуться ихъ мертвящая словесность. Революція, освобожденная отъ своего дѣйствительнаго содержанія, выхолощенная до дна, революція-слово пошла на потребу современной словесности на такихъ же основаніяхъ, на какихъ раньше были использованы въ этихъ цѣляхъ Юліанъ и Винчи, Гоголь и Достоевскій.

И если и раньше устроителямъ удавалось ставить на сцену занятные словесные канканы, то съ прибавленіемъ новаго рессурса въ видѣ революціи, превращенной въ словесность, они могутъ предложить публикѣ совсѣмъ ужъ скоромный и nec plus ultra современный матишишъ, гдѣ блудливое воображеніе и безстыдное перо сочетаютъ величайшее изъ того, что мы видѣли, съ мерзѣйшимъ изъ того, что выискали они въ клоакахъ всемірной исторіи въ своихъ поискахъ „расцвѣтающей плоти“.

И тутъ-то и ошибается г-жа Гиппіусъ, когда скромненько пишетъ: „повсюду пошла такая чепуха, такъ все завертѣлось и перепуталось, что никто ничего не понимаетъ“. Нѣтъ и нѣтъ! Оглянитесь вокругъ себя, г-жа Гиппіусъ, и вамъ не трудно будетъ замѣтить, сколь многіе очень хорошо и тонко поняли, что, включивъ „революцію“ въ свой

*) Ст. „Бѣсъ или Богъ“. Образованіе 908,8.
**) Ст. „Каменная исповѣдь“. Ibid.

лексиконъ, перепутавъ ее съ мистикой, завертѣвъ мистику вокругъ революціи, можно еще очень и очень преуспѣть.

Конечно, это „преуспѣяніе“ не надо понимать въ какомъ нибудь грубомъ, матерьяльномъ смыслѣ. Дѣло идетъ о возвышенномъ идейномъ оправданіи, о религіозномъ освященіи той общественности, защитниками которой выступаютъ модернисты интересующаго насъ толка. Что же это за общественность? Откуда ведутъ свое происхожденіе ея апологеты и каково содержаніе ихъ проповѣди?

* * *

Какъ мы уже упоминали, модернисты-общественники начали свою карьеру подъ маской анти-общественныхъ декадентовъ, жрецовъ „чистаго искусства“, рыцарей „послѣдняго уединенія“ личности.

Любопытно послушать, какъ они сами понимаютъ продѣланную ими эволюцію; это дастъ намъ аутентичный матеріалъ для сужденія о причинахъ, по которымъ они сбросили декадентскія маски. Да и книжка г-жи Гиппіусъ чуть не на половину занята борьбой, точнѣе преодолѣніемъ декадентства, преодолѣніемъ самой себя.

Въ статьѣ „Декадентство и общественность“ авторъ занятъ вопросомъ о томъ, какое мѣсто занимаютъ декаденты въ „нашей всеобщей чепухѣ“, посреди разгорающейся борьбы между „человѣчествомъ“ и „человѣкомъ“, и характеризуетъ декадентовъ такъ:

„Декаденты—въ своемъ родѣ скопцы... Рожденный скопцомъ—не виноватъ; но виноватъ и декадентъ, рожденный безъ одного изъ самыхъ коренныхъ свойствъ человѣческой души: чувства, неоспоримаго, какъ знаніе, что *я не одинъ въ мірѣ, но окруженъ мнѣ подобными*... Декадентъ рожденъ безъ этого чувства... У декадента нѣтъ... никакого чувства общности, связанности, — ни малѣйшаго. Онъ просто *не подозрѣваетъ*, что есть другіе, кромѣ него... Онъ не имѣетъ, въ собственномъ смыслѣ слова, и *сознанія* личности... У него есть лишь *ощущеніе* личности, неподвижное, округленное, самодовлѣющее и слѣпое... Вѣдь она не можетъ стать въ соотношеніе ни съ какой другой, потому что другой- нѣтъ“ *).

Далѣе г-жа Гиппіусъ даетъ слѣдующую общую характеристику декадентской поэзіи: „Она—полупроявленное нѣчто: она—наполовину рожденный ребенокъ, недоносокъ—въ громадномъ большинствѣ случаевъ“. И затѣмъ:

„Ясно, что при этомъ врожденномъ недостаткѣ души не можетъ быть ни борьбы, ни паденій, ни возстаній, никакого движенія, кромѣ какъ по кругу. И никакихъ достиженій. Какая же борьба, когда нѣтъ противника? Какая общественность, если нѣтъ никого, и никого тебѣ не нужно?“... „Почти вся жизнь и литература, поскольку она декадентская,—внѣ движенія исторіи, человѣчества...; *ни она, эта литература, не имѣетъ отношенія къ движенію жизни и мысли, ни жизнь къ ней* (курсивъ мой) **).

Такъ, такъ! И именно поэтому декадентскія маски не могли долго держаться на лицахъ русскихъ „молодыхъ“.

Тамъ, на родинѣ „эта литература“, не имѣющая „отношенія къ движенію жизни и мысли“, какъ разъ къ лицу буржуазной интеллигенціи, единственная задача которой и заключается въ томъ, чтобъ создать убѣжище отъ движенія жизни, для тѣхъ, кому жизнь не сулитъ никакихъ побѣдъ. Тамъ это не маска, а подлинное, хотя и вырожденное, съ синими пятнами, лицо опредѣленныхъ обществен-

---

*) „Литературный дневникъ“, стр. 338—9. Курсивъ автора.
**) Ibid, стр. 342—3.

ныхъ группъ. Но въ Россіи, гдѣ передъ „новой интеллигенціей" стоятъ еще задачи жизни, а не смерти, гдѣ она не можетъ еще видѣть свою задачу въ бѣгствѣ отъ жизни, ибо не весь ея жизненный путь продѣланъ, здѣсь декадентская маска должна была слѣзть съ русской буржуазной интеллигенціи, какъ французскія манеры съ того россійскаго Мирабо, который, очутившись въ своей родной обстановкѣ, „вѣрнаго Гаврилу хлещетъ въ усъ и въ рыло".

Саванъ лежитъ естественно на мертвецѣ, а живой, надѣвшій почему-либо саванъ, непремѣнно задрапируется въ него и устроитъ изъ него тогу.

Не будемъ говорить о европейцахъ: они хорошо дѣлаютъ свое нужное дѣло, въ тлѣніи и гніеніи ища „послѣднюю красоту". Передъ русской молодой буржуазной интеллигенціей стояла и стоитъ прямо противоположная задача — оправдать міръ, какъ онъ есть, и приспособить вселенную къ потребностямъ культурнаго мѣщанина, а для этого постоянно и неустанно бороться съ тѣми, кто грубо, матеріально хочетъ его перестроить.

Грубые матеріалисты нашли точку опоры для своихъ рычаговъ и думаютъ перевернуть міръ. Какъ ослабить ихъ работу? Только однимъ способомъ.

— Расшатать ихъ неподвижную точку, превратить въ мягкую глину камень, на которомъ они строятъ, увлажнить, разсыропить, такъ чтобы ихъ рычаги скользили, не задѣвая.

Оправдать міръ и телѣгу жизни, влекомую кѣмъ-то по ухабамъ и обрывамъ, поставить на мягкія рессоры, остановить и превратить въ уютную колыбельку, мягко покачивающую мѣщанъ и всегда остающуюся на мѣстѣ — это для устроенія добропорядочной буржуазной культуры такая же необходимость, какъ „своя" политическая экономія, своя „наука о государствѣ", какъ конституція, рынки, армія и рабочее законодательство... Въ каждой изъ этихъ областей работаютъ спеціалисты: Милюковъ, Струве, Т.-Барановскіе и пр., и пр., и прямо долженъ же кто-либо взять на себя задачу связать эту работу и религію, въ философію... Иначе, какъ же работать спеціалистамъ!

Вотъ та историческая задача, которая подъ первымъ попавшимъ флагомъ — декадентства, увела цѣлую фалангу интеллигенціи съ традиціонныхъ позицій и потомъ заставила ихъ, сбросивъ декадентскія маски, заявить себя общественниками „новаго религіознаго сознанія". Оправдать міръ, обмазать всѣ его трещины сиропомъ.

* * *

2. О НЕОБХОДИМОСТИ СИРОПА.

> Эхъ, къ этому безмятежному спокойствію и удовлетворенію, какое наполняетъ душу, хотя бы кусочекъ какой-нибудь вѣры.
>
> *А. Чеховъ. Разсказъ неизвѣстнаго человѣка.*

> Міръ долженъ быть оправданъ весь,
> Чтобъ можно было жить.
>
> *Изъ поэзіи девятидесятниковъ.*

Люди вырвались изъ декадентскаго подполья (это тоже словечко г-жи Гиппіусъ), ибо стали чувствовать, что еще немножко и можно

на этомъ пути „околѣть“ (и это слово принадлежитъ ей же). „Конецъ этому (пути декадентства, пути, которымъ шла и г-жа Гиппіусъ въ 90 г.г.) — медленное, вѣрное умираніе каждаго въ своемъ одиночествѣ, умираніе съ проклятіями жизни, даже не умираніе—околѣваніе“ *). Спасеніе отъ этого „пути околѣванія“ ищутъ они въ общности, въ единеніи. Единеніе во имя чье? и какими методами? Во имя Бога, отвѣчаютъ. Но какого Бога? Во имя Бога соединяющаго новые общественники произнесли свое слово осужденія надъ „декадентскимъ подпольемъ“ и въ каждой статьѣ зовутъ Его.

„Мы Бога хотимъ. Мы Бога любимъ. Намъ надо Бога“. И тутъ же оговорка: „Но и жизнь мы любимъ“.

Въ этомъ „но“ смыслъ философіи всей.

„Вотъ мы бѣдные, голодные люди... съ нашей наукой, культурой, искусствомъ, повседневными заботами, любовью къ нашимъ дѣтямъ, службой, обязанностями. Мы ихъ не отдадимъ, *но* намъ нужно, чтобъ ихъ облила волна живой воды“.

Иногда это „но“ замѣняется „а“.

„Не отнимающаго, *а* дающаго Бога намъ надо, прибавляющаго тѣмъ, кто уже имѣетъ, а имѣемъ мы—цѣлую жизнь. Вотъ этого-то Бога и надо искать и звать, не выходя изъ жизни, не покидая ни работы, ни крова, потому что и зовемъ мы Его, любя наше жилище“ **).

Странная проповѣдь, не правда-ли? Можно не повѣрить искренности людей, утверждающихъ Бога при помощи „но“ и „а“, и „вотъ такого-то, а не этакого“? Но не будемъ разбираться въ этомъ вопросѣ. Говорятъ, что имъ нуженъ и вотъ такой вотъ—ну, и повѣримъ имъ и въ ихъ горячую любовь въ то, что они признали для себя нужнымъ.

Ясно одно, что мы присутствуемъ при томъ, какъ на чистомъ мѣстѣ созидаютъ Бога ужъ не только „по образу и подобію своему“, но по образу и подобію „своего жилища“ и примѣнительно къ его размѣрамъ. „Войдетъ Онъ, и не будетъ намъ душно“.

По такому „Богу“ можно судить и о „жизни“ строителей.

Прежде всего оказывается, что жизнь эта не способна вмѣстить того Бога, который жилъ и такъ или иначе живетъ еще въ душахъ и умахъ массъ.

Незачѣмъ намъ здѣсь напоминать, что этому Богу нѣкоторые элементы этой же массы давно объявили войну и ведутъ ее упорно и страстно, полагая, что Онъ слишкомъ малъ, чтобъ имѣть право на опеку надъ человѣкомъ.

Тутъ не мѣсто говорить о томъ, правы эти богоборцы или нѣтъ. Но таковъ фактъ. Отеческая опека кой-кому кажется уже излишней.

Но, посмотрите, не любятъ этого Бога и тѣ господа, о которыхъ у насъ рѣчь. Но потому ли, что они чувствуютъ въ себѣ силы обойтись безъ опеки? Отнюдь нѣтъ! Тотъ божокъ, котораго они призываютъ, имъ рисуется только въ образѣ „Отца“.

„Слово „Богъ“—слово слишкомъ общее,—пишетъ г-жа Гиппіусъ.—И его необходимо болѣе опредѣлить. Хлѣбъ духа нашего—понятіе Бога, какъ отца...“ „Мы ищемъ Отца“, „намъ нуженъ Отецъ“, „одно желаніе, одинъ голодъ, одно исканіе—Отца“ и пр., и т. п. мелькаетъ на страницахъ г-жи Гиппіусъ. Не отъ опеки освобождаются они, освобождая себя отъ традиціоннаго Отца, а отъ суровости Его опеки, требовательности, категоричности, неподвижности Его заповѣдей. И

*) Ibid., стр. 48.
**) Ibid., стр. 32.

ихъ божокъ отличается отъ Старца лишь мягкостью своей опеки же, своей приспособляемостью, своей, такъ сказать, воздушностью.

И, право, вглядываясь въ новаго божка, начинаешь думать, во сколько разъ величественнѣе и, если хотите, нужнѣе былъ „Огненный Столпъ“, созданный народами въ пустыняхъ своихъ историческихъ странствій, чѣмъ мягкій божокъ, порожденіе жаждущей рессоръ души современнаго мѣщанина. Подъ водительствомъ Гнѣвнаго Старца переходили моря и пересѣкали пустыни; новый божокъ годится лишь на то, чтобъ освятить уютную, удобную, нетряскую жизнь. Есть и еще претензія у новыхъ общественниковъ къ библейскому Богу. Изъ-подъ его рукъ часто выходили сердца пламенныя и крѣпкія. Для совмѣстнаго жительства въ колыбелькѣ эти сердца не годятся. И новый божокъ призванъ размягчить сердца, разсыропить своей благостью жизнь, быть „отцомъ“ кроткихъ дѣтокъ.

И не обинуясь называютъ они старую религію „смертельной религіей“ *), религіей „не отца, а взыскательнаго и ревниваго хозяина“ и противопоставляютъ ей религію „Бога съ карими глазами, который дастъ все, чего у него ни попросишь, потому что онъ добрѣе папы и мамы“. Оставимъ однако и тѣхъ, и другихъ въ распоряженіи г-жи Гиппіусъ. Какой смыслъ въ этомъ противопоставленіи „взыскательности хозяина“ и „карихъ глазъ“? Это конечно противопоставленіе двухъ міроощущеній: одного, порожденнаго человѣкомъ въ родѣ, родившагося въ обстановкѣ суровой, патріархальной жизни, скуднаго содержаніемъ, но, какъ ни какъ, включавшаго въ себя кое-какія задачи, налагавшаго требованія и тягости общественной жизни на каждаго,— и другого— безформеннаго, но исключающаго всякую суровость и всякую тягость, отлично приспособленнаго къ тому, чтобъ розоватымъ туманомъ затягивать всѣ противорѣчія современной жизни, отлично міряющагося и съ дозой сотше il faut'наго пессимизма, и съ будничнымъ эпикурействомъ, и съ наукой, и съ мистикой, и съ Христомъ, и съ Вакхомъ.

Это міроощущеніе современнаго культурнаго европейца-мѣщанина, желающаго, въ своемъ качествѣ наслѣдника всѣхъ культуръ и длиннаго ряда столѣтій, попользоваться всѣми плодами исторіи—отъ культа Астарты до скептицизма Ренана и теоріи Дарвина и Ницше — и требующаго, чтобъ эта его разносторонность была увѣнчана и оправдана добренькимъ боженькой „съ карими глазами“.

Въ этомъ именно смыслѣ

Міръ долженъ быть оправданъ весь,
Чтобъ можно было жить...

Оправдать весь міръ съ точки зрѣнія вкусовъ и потребностей современнаго мѣщанина... къ этой роли трудно приспособить и „Огненный Столпъ“ Израиля, и учителя галилейскихъ рыбаковъ (хотя попытка—не пытка и почистивъ, да объяснивъ, да открывши въ Христѣ черты Діониса, чего не придумаетъ услужающій мѣщанству литераторъ).

И русскіе проповѣдники прекрасно знаютъ, какого рода міровоззрѣніе сейчасъ будетъ на потребу. Я не помню, кто именно изъ „молодыхъ“ поэтовъ (не то Минскій, не то Мережковскій) требовалъ „оправдать весь міръ“. Но послушайте, что поетъ другой девяти-

*) Ibid., стр. 15. Какъ смѣло звучитъ это въ Россіи, особенно въ устахъ г-жи Гиппіусъ! Не забудемъ лишь, что за рубежомъ говорили это уже 60 лѣтъ назадъ. И нѣкоторые русскіе люди тогда уже слышали эти слова.

десятникъ изъ „Скорпіона“ и какъ подпрыгиваетъ по сему поводу г-жа Гиппіусъ:

„А Добролюбовъ говоритъ вдругъ просто какъ ребенокъ: „Я освятить хочу и мелочь“. Вотъ именно то, чего мы всѣ хотимъ, теперь какъ всегда, теперь болѣе сознательно, чѣмъ всегда: освятить и мелочь. Нужна человѣку святость, нуженъ Богъ; но и „мелочь“ мы любимъ нашимъ Богомъ созданнымъ сердцемъ и *до ужаса надо намъ ее освятить* (курсивъ нашъ) именно потому, что мы любимъ (ее)... Мы хотимъ религіи, которая-бы оправдала, освятила, приняла жизнь“ *).

Какую же, однако, жизнь должна „оправдать, освятить“, напарфюмить эта «религія»? Да, конечно, ту, которая въ самой себѣ не заключаетъ своего оправданія—вотъ эту обыденную, сухую, машинную жизнь. Маслица, маслица сюда!—кричатъ новые пророки. Освятите, полейте маслицемъ вотъ эти «мелочи» и, удобно усѣвшись на нихъ, мы безконечно будемъ на нихъ покачиваться.

Эта наивная, элементарная и такая простодушная, несмотря на то, что она-то и есть «крайняя», г-жа Гиппіусъ и тутъ выбалтываетъ тайны людей «новаго религіознаго сознанія». Вотъ ея отвѣтъ на вопросъ объ отношеніи «новаго религіознаго сознанія» къ доподлинной, сегодняшней жизни:

„Намъ не надо сектъ. Мы не хотимъ никакихъ протестовъ, а потому намъ не нужно никакихъ осторожностей, скрываній, тайнъ—ради страха; а на страхъ идетъ очень много силъ и времени. На пропаганду, на отвлеченные споры, тоже идетъ много времени: намъ не нужна пропаганда, какъ нѣчто главное, первое. Да и кого убѣждать? Всѣ согласны. Никто не хочетъ черствого хлѣба (черствый хлѣбъ, онъ же корка—это „хлѣбъ плоти“—культура, политика, экономика, наука, общественность—безъ „воды“ религіи. Ю. К)... и развѣ мало оставшихъ корокъ, и развѣ не все равно, съ какой изъ нихъ итти къ алтарю и просить, чтобъ брызнула на все живая вода? У каждаго изъ насъ, у самаго малаго, есть какая-нибудь своя работишка, ремесло, способъ для прокормленія, что-нибудь да онъ знаетъ, любитъ, умѣетъ. Пусть идетъ съ тѣмъ, что у него есть, на все можетъ упасть живая капля, все нужно“.

Врядъ ли эта тирада требуетъ комментаріевъ. Да останется все на своемъ мѣстѣ и всѣ при «своей работишкѣ» и да брызнетъ на всю сію „мелочь“ и на всю эту жизнь вода всеобщаго оправданія и освященія!.. Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобы всѣ единомышленники г-жи Гиппіусъ были столь же умѣрены. Доподлинно извѣстно, что, напр., г. Мережковскій весьма склоненъ настаивать, чтобъ «мелочи» были переставлены поудобнѣе, поопрятнѣе, покультурнѣе. Да и г-жа Гиппіусъ, вѣроятно, ничего не имѣетъ противъ того, чтобъ азіатская грязь была поубрана изъ «ремесла» и изъ «способовъ для прокормленія» и чтобъ къ «алтарю» люди шли не только съ «черствой коркой», но и въ воротничкахъ, и по возможности чистыхъ.

Наличность этихъ добрыхъ чувствъ у новыхъ людей мы отнюдь не отрицаемъ. Они только предоставляютъ другимъ возиться съ азіатчиной. Свою же задачу усматриваютъ въ томъ, чтобъ для очистившейся, объевропеившейся, буржуазной Россіи предуготовить удобную религію на мотивъ: «въ хорошемъ хозяйствѣ все должно быть на своемъ мѣстѣ, уютно и комфортабельно».

На первый взглядъ могло бы показаться неправдоподобнымъ, что эти господа, у которыхъ революція не сходитъ съ устъ, которые подписываются не иначе какъ Крайними, и пишутъ книги съ заглавіями „Не миръ, но мечъ“,—что они въ дѣйствительности столь умѣренны. Но стоитъ вдуматься въ приведенныя выше цитаты, для

*) Ibid., стр. 58, 60.

того, чтобы вся призрачность ихъ словесной революціонности выступила съ полной очевидностью.

Вѣдь ясно, что г-жа Гиппіусъ настаиваетъ на той оригинальной мысли, что если долго стоять на одномъ мѣстѣ около своей „мелочи", то можно дождаться того момента, когда эта „мелочь" покажется вѣчной и освященной. А межъ тѣмъ эту мысль она выражаетъ всѣ дѣйственными глаголами: идите, да пусть идутъ, да просите!.. Слова движутся, а мысль стоитъ.

* * *

Добиться такого міроощущенія, въ которомъ исключены всѣ элементы движенія и господствуетъ одинъ тонъ комфортабельности,— вотъ путь, по которому движутся гг. проповѣдники новой религіи

Ихъ задача—оставивъ все на своемъ мѣстѣ, всему придать видъ, характеръ движенія, на все набросить дымку тумана, которая стоянію на мѣстѣ придала бы внѣшность легкаго волненія. И если удастся, превратить они столь ненавидимую ими грязную землю въ болото, трясину зеленую, волнующуюся, красивѣе, быть можетъ, грязной земли, но насколько гнуснѣе! И надъ этимъ мягкимъ красивенькимъ болотцемъ мѣщанской, устроенной и освященной жизни зыблется и разстилается все-покрывающій, все-умягчающій туманъ— „богъ съ карими глазами".

Трудно намъ приблизиться къ этому міроощущенію и, чтобъ хоть приблизительно понять, какую важную роль болотный туманъ играетъ для обитателей болота, возьмемъ конкретные примѣры. Вотъ на первый случай такъ называемый вопросъ пола, сильно занимающій гг. общественниковъ. „Полъ", конечно, долженъ быть оправданъ, освященъ, но все должно и здѣсь остаться на мѣстѣ. И вотъ именно затѣмъ, что можно было ничего здѣсь не трогать, надо окутать все зыблющимся туманомъ. И, какъ всегда, г-жа Гиппіусъ начинаетъ весьма лукаво и радикально, главное радикально. Все въ этой области, заявляетъ она, — „не то! не такъ! безобразно! или пошло! или грѣхъ! или мучительно! или смѣшно!"... однимъ словомъ—„въ ощущеніи непріемлемости никакой изъ реально существующихъ формъ пола—сходятся люди самые разнообразные"... „всѣ"...

Современный-до человѣкъ, „совершивъ чистый бракъ, вдругъ мгновеніями тоскуетъ, стыдится, чувствуетъ себя безмѣрно одинокимъ, чѣмъ-то въ себѣ оскорбленнымъ, что-то потерявшимъ... Даже въ самомъ счастливомъ бракѣ, полномъ любви и родственной нѣжности, душа *и тѣло* (кур. г-жи Гиппіусъ) смутно тоскуютъ порою и грезятъ: а вѣдь что-то есть лучше! Это хорошо, но есть лучше и это, пусть хорошее,—все-таки не то! Но то!» *). Послѣ такой «радикальной» критики естественно ожидаешь, что въ дальнѣйшихъ строкахъ будетъ произведена полная революція въ вопросѣ о полѣ. Но дѣло разрѣшается гораздо проще, — выходъ оказывается подъ рукой и кроется въ одномъ словѣ: «влюбленность». «Влюбленность»— «это новое въ насъ чувство, ни на какое другое не похожее, ни къ чему опредѣленному, вѣками извѣданному, не стремящееся...это—единственный знакъ «оттуда», обѣщаніе чего-то, что, сбывшись, насъ бы

*) Ibid., стр. 194.

вполнѣ удовлетворило въ нашемъ душе-тѣлесномъ существѣ, разрѣшило бы проклятый вопросъ».

Я долженъ увѣрить читателя, что это самое точное опредѣленіе того алтаря, къ которому зоветъ г-жа Гиппіусъ, изъ всѣхъ опредѣленій, которыя можно найти на 450 страницахъ ея книги. Дальше оказывается, что вотъ эта самая «влюбленность», о которой г-жа Гиппіусъ сообщаетъ лишь, что она ни на что извѣстное не похожа, уже теперь разрѣшаетъ весь вопросъ.

„Во влюбленности, истинной, даже теперешней... въ ней самъ вопросъ пола уже какъ бы таетъ, растворяется, противорѣчія между духомъ и тѣломъ исчезаютъ, борьбѣ нѣтъ мѣста, а страданія восходятъ на ту высоту, гдѣ они должны претворяться въ счастье".

Ну вотъ, все значитъ благополучно и окончилось: «проклятый вопросъ» растаялъ, ужасныя страданія претворились въ счастье, а главное все, и вопросъ, и страданія, осталось на мѣстѣ, и все «освящено» и «оправдано». И все это благодаря тому, что надъ вопросомъ и страданіями заклубился туманъ «оттуда». Спросите-же у г-жи Гиппіусъ, что это за «влюбленность», и она чистосердечно скажетъ вамъ: «не знаемъ и мы—до конца— что это»..., и знать не желаемъ. Ибо «знаніе есть конецъ, смерть» и «тайна пола» — «*не* можетъ и *не* должна быть найдена, *не* должна раскрыться (=сдѣлаться не тайной), загадка пола *не* должна стать ясной и окончательно рѣшенной» (курсивъ г-жи Г.) *).

Мы должны извиниться передъ читателемъ за то, что втащили его въ самую гущу вопросовъ, занимающихъ г-жу Гиппіусъ. Но это «освященіе пола» типичный образчикъ тѣхъ методовъ, которыми «новая религія» сливается съ жизнью, и того, какую роль призвана она въ ней сыграть. «Не знаемъ и знать не хотимъ» никакихъ реальныхъ разрѣшеній всякихъ вопросовъ и страданій, но зато окутаемъ жизнь такими «тайнами», въ которыхъ всѣ вопросы «какъ бы» растаютъ и растворятся, «борьбѣ не будетъ мѣста», а страданія «претворятся» «какъ бы» въ счастье». И въ этой поставленной на рессоры убаюкивающихъ тайнъ жизни какъ уютно и мягко будетъ жить... опустошеннымъ душамъ мѣщанъ.

Но вотъ еще примѣръ, какъ святится жизнь и «таютъ вопросы». Г-жа Гиппіусъ очень не любитъ, какъ и подобаетъ идеалистамъ мѣщанства, современную жизнь, взятую такъ, какъ она есть, и тотъ театръ (Московскій Художественный), который ее такъ и даетъ со сцены. Вѣдь жизнь пріемлема для идеалистовъ мѣщанства лишь въ своемъ «освященномъ», устроенномъ, упокоенномъ видѣ, а искусство въ глазахъ проповѣдниковъ цѣнно не само по себѣ, какъ полагали они въ бытность свою поэтами и декадентами, а лишь какъ средство оправдать и опоэтизировать жизнь, какъ она есть въ своихъ мелочахъ.

Жизнь, отразившаяся въ пьесахъ Чехова, справедливо ужасаетъ г-жу Гиппіусъ. «Вѣдь не всякому подъ силу жить и стонать, жить— и чтобъ тебя вѣчно тошнило». А Художественному Театру, воплотившему эту тошнотворную жизнь на сценѣ, она именно за то, что онъ стремится къ «тождественности съ жизнью» (выраженіе г-жи Г.), предрекаетъ въ ближайшемъ будущемъ обращеніе въ «кинематографію, сопровождаемую граммофономъ»: — «вотъ идеальный театръ гряду-

*) Ibid., стр. 208.

щаго; теперешній Художественный Театръ—только начало, только первый шагъ по этому пути», но уже и сейчасъ,—«кладбище искусства».

И вотъ, объединяя судьбы жизни и искусства, г-жа Гиппіусъ спрашиваетъ: «Неужели выхода нѣтъ, другой жизни нѣтъ и не можетъ быть, и Чеховъ—послѣдняя точка всего искусства? А за нимъ—пустота, искусность, театръ-граммофонъ или петля?» Тотъ «выходъ», который Чеховъ вложилъ, какъ порывъ и тоску, въ трехъ сестеръ, мечтающихъ — «въ Москву, въ Москву!» и, какъ «идеи», въ уста «вѣчнаго студента» Пети изъ «Вишневаго сада» — естественно не удовлетворяютъ г-жу Гиппіусъ. «Знаетъ ли Чеховъ, что всѣ слова студента Пети...—не высокія слова, а старыя галоши?»—спрашиваетъ она. И вотъ, казалось бы столь роковой вопросъ для Гиппіусъ и иже съ ней: «Неужели никто и никогда не укажетъ намъ иного выхода кромѣ Москвы и старыхъ галошъ?».

Намъ нечего указывать, что «Москва» въ устахъ сестеръ и «идеи» «облѣзлаго барина» и студента Пети насъ удовлетворяютъ такъ же мало, какъ и г-жу Гиппіусъ. И даже менѣе. Но не въ этомъ сейчасъ дѣло.

Признаться, мы не безъ душевнаго волненія приступили къ дальнѣйшему чтенію сейчасъ цитированной статьи. Вѣдь какъ никакъ тошнотворность чеховской жизни была констатирована, даже было сказано, что отъ такой жизни «пойдутъ давиться, стрѣляться и топиться», и выходъ въ видѣ «Москвы и старыхъ галошъ» отвергнутъ, какъ выходъ. Казалось, вотъ сейчасъ «новая религія» и «новая общественность» раскроютъ свои жемчужныя уста и этому выходу противопоставятъ свой...

Увы! Сколько мы ни перечитывали книжку г-жи Гиппіусъ, такъ этого выхода мы и не нашли. Но вглядѣвшись попристальнѣе, мы поняли, что искали того, чего Гиппіусъ и не обѣщала указать. Повѣривъ на слово, мы думали, что рѣчь идетъ именно о выходѣ изъ тошнотворной жизни, о ломкѣ ея, о переустройствѣ, о работѣ для «жизни другой», а г-жа Гиппіусъ подъ словомъ „выходъ" подразумѣваетъ все то же «освященіе, оправданіе» каждой мелочи, все тѣ же «брызги живой воды» которыя могутъ упасть «на все». И вотъ на этотъ-то гиппіусовскій вопросъ, на эту проблему «новой религіи»—ея единственную и основную проблему, на которой вся она держится—какъ возможно оправдать и освятить все?—на этотъ вопросъ отвѣтъ, конечно, данъ.

И отвѣтъ, конечно, въ томъ что: «и позади, и рядомъ, и впереди—Вѣчное, одно, все то же вѣчное, и оно всегда цѣло въ созерцаніи».

И если кто либо, искренно повѣрившій серіозности г-жи Гиппіусъ, когда она въ мукахъ, казалось бы, спрашивала: «неужели выхода нѣтъ, другой жизни нѣтъ?» и когда она отвергала выходъ Чехова—Москву и студента, еслибъ этотъ наивный человѣкъ, услыхавшій ея собственный отвѣтъ, задался вопросомъ: «а какъ же тошнотворная жизнь, а какъ же—«пойдутъ давиться, стрѣляться и топиться?»—то отвѣтъ былъ бы ясенъ.

Нѣтъ уже тошнотворной жизни, ибо тутъ вотъ, рядомъ, Вѣчное, одно, все то же, всегда цѣлое въ созерцаніи. И этимъ жизнь освящена, оправдана, «претворена» «какъ бы» въ новую. И, конечно, и «зачѣмъ теперь «давиться, стрѣляться и топиться», нечего рваться «въ Москву», ибо вѣдь нѣтъ уже жизни тошнотворной, а есть жизнь, «освященная во всѣхъ мелочахъ», и въ ней можно и должно жить, созерцая «Вѣчное».

Вотъ отвѣтъ «новой религіи» на Чеховское томленіе по чистой жизни, на «Москву» и «идеи вѣчнаго студента», на протестъ противъ жизни, воплощенный на сценѣ театромъ: нѣтъ тошнотворной жизни, сидите, улавливая Вѣчное въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ,—оно «рядомъ всегда».

Удобно и комфортабельно можно жить съ такимъ отвѣтомъ тѣмъ, для кого это отвѣтъ, а не круглый нуль. Великъ богъ, претворяющій страданія въ счастіе и тошнотворную жизнь въ жизнь комфортабельную,—богъ «ихъ» религіи.

Это тотъ же богъ, который помогъ купеческой дочери Серафимѣ Родіоновнѣ Глѣбовой (разсказъ З. Гиппіусъ: «Чистая сердцемъ») превратить свою придавленную, нудную, скудную и ненужную жизнь, не жизнь, а прозябаніе, и свое неумѣніе преобразовать, измѣнить ее, свое отсутствіе вкуса къ борьбѣ—въ овѣянную поэзіей, оправданную жизнь «чистоты, тишины и счастія».

Этотъ разсказъ—какая-то апологія опустошенной души.

Было: крутой отецъ, двѣ заставленныя рухлядью комнатушки во флигелѣ, забитость, невозможность любви и счастія, сестра, глухонѣмой звѣренышъ, какъ вампиръ сосавшій кровь живой Серафимы, и была борьба, попытки жить, мысль, мечта о жизни,—и благодаря «ихъ» богу—умерла мысль, мечта, борьба, и «казалось, ничего другого и нѣтъ на свѣтѣ, кромѣ чистоты, тишины и счастья». А вѣдь все осталось на мѣстѣ.

Вотъ именно для того, чтобъ гнусность жизни и смерть человѣка въ мѣщанинѣ показалась чистотой, тишиной, счастьемъ и поэзіей и чтобъ умеръ гордый человѣкъ, и нужна ихъ религія. «Происходитъ какое-то развращеніе человѣка, превращеніе его въ скромное и сонное животное», какъ говоритъ сама г-жа Гиппіусъ, впрочемъ по другому поводу.

* *
*

И ненавидитъ же эта религія гордаго и требовательнаго человѣка!

Мы видѣли «ихъ» любовь, и намъ понятно, что они должны ненавидѣть. Ненавидятъ они борьбу и «камень будущаго», гордаго и борющагося съ идолами человѣка.

Но тутъ намъ придется ограничиться лишь одной иллюстраціей. Какъ своему «Богу съ карими глазами», «знакомому, знакомому, милому, драгоцѣнному, златокудрому, съ добрыми глазами», *) они любятъ противопоставлять «суровый ликъ» требующаго бога, такъ и мечтамъ о разсыропленныхъ душахъ, живущихъ въ болотѣ подъ пелеломъ колеблющагося тумана освященія и подъ окомъ «Вѣчнаго», противопоставляютъ они ненависть къ человѣку, не желающему быть «кроткимъ сыномъ добраго отца».

Борьба съ мѣщанскимъ болотомъ—и идейная, и чисто-матеріальная: ихъ не раздѣлишь—зиждется именно на этихъ не-кроткихъ, не «чистыхъ сердцемъ». Развратить, завязить въ болотѣ, обмазать сиропомъ все, что еще можно, и безпощадно воевать со всѣмъ остальнымъ—вотъ программа новой религіи въ этой области.

Война съ «Грядущимъ Хамомъ»—нераздѣльная часть ученія пророковъ русскаго мѣщанства. Это ясно само собой.

---

*) Изъ разсказа «Чистая Сердцемъ».

И не стоитъ на семъ долго останавливаться, ибо аргументы и проклятія противъ утверждающаго себя человѣка и человѣчества, освобождающагося отъ опеки, у всѣхъ проповѣдниковъ всегда были и, вѣроятно, ужъ такъ и останутся одни и тѣ же.

Во-первыхъ, конечно, утверждающій себя и освобождающійся человѣкъ—звѣрь и человѣчество—звѣрство.

Во-вторыхъ, всякое реальное освобожденіе стоитъ плевка сравнительно съ «послѣднимъ освобожденіемъ» неэмпирическимъ.

Или, какъ выражается, г-жа Гиппіусъ: «Напрасно и стараются его (хлѣбъ, все то, что внѣ религіи. Ю. К.) раздѣлить всѣмъ поровну: братья обломаютъ объ него зубы и все равно умрутъ съ голоду». Все равно!..

Несмотря на всю почтенную потрепанность этихъ проклятій и аргументовъ, стоитъ посмотрѣть на то, какой видъ они принимаютъ въ рукахъ новыхъ пророковъ, разъ ужъ мы занялись ихъ физіономіей. Въ качествѣ словеснаго радикала г-жа Гиппіусъ, прежде всего, считаетъ, что идеалы освобождающихся массъ мало радикальны. Идеализмъ мѣщанства предусмотрительно устроенъ такъ, чтобъ быть въ каждый данный моментъ готовымъ упрекнуть идеалы, отражающіе борьбу массъ съ мѣщанствомъ, въ грубости, мелкости, матеріалистичности, даже—куда ни шло — въ буржуазности и излишнемъ консерватизмѣ.

„Такимъ образомъ,—пишетъ г-жа Гиппіусъ,—плохую услугу оказываетъ поступательному движенію жизни тѣ, кто ставитъ передъ человѣчествомъ идеалы неокончательные, видимые, эмпирическіе, и притомъ идеалы постояннаго благоденствія, улучшеннаго быта. Жизнь при такихъ идеалахъ замираетъ и коснѣетъ, потому что сила желанія безсознательно падаетъ".

О, лицемѣры! О, г.г. Струве, Бердяевы, Булгаковы, именно по этимъ причинамъ ушедшіе изъ марксизма въ кадетизмъ, въ мирнообновленство, въ октябризмъ! О, вы, нашедшіе здѣсь, наконецъ, утоленіе своимъ цвѣтущимъ идеаламъ и растущимъ желаніямъ!

Но это еще благо, когда невѣжество г-жи Гиппіусъ рядится въ брошенные платья г. Струве. Оно шутитъ съ ней скверныя шутки, когда она пытается судить и рядить самостоятельно. Сейчасъ г-жа Гиппіусъ призналась, что, разсуждая по существу, «все равно братья умрутъ съ голоду», какъ тамъ ни дѣли хлѣба; теперь мы узнаемъ, что «идеалъ братьевъ»—«слишкомъ опредѣленный, черезчуръ достижимый» *). Итакъ, съ одной стороны «все равно» ничего не выйдетъ, а съ другой—«черезчуръ» ужъ это «достижимо». Собственный же идеалъ г-жи Гиппіусъ, какъ мы уже видѣли не разъ, обладаетъ достижимо-недостижимымъ и опредѣленно-неопредѣленнымъ характеромъ, какъ и то болото, которое она идеализируетъ: издали волнующаяся зелень, а подойди—грязь и трясина.

Кромѣ этихъ аргументовъ, сводящихся къ тому, что жизнь «коснѣетъ и замираетъ» отъ проповѣди извѣстныхъ идеаловъ, ненависть г-жи Гиппіусъ располагаетъ еще рядомъ проклятій «поступательному движенію жизни», которыя можно было бы выразить въ одномъ воплѣ: «Караулъ, грабятъ!»

Безъ этого вопля образъ новой религіи былъ бы неполонъ и, извиняясь передъ читателемъ, я его тутъ приведу.

Ненавистное для г-жи Гиппіусъ утвержденіе и освобожденіе че-

---

*) Ibid., стр. 299.

ловѣка и массы, ненавидимая человѣческая требовательность и гордость, наконецъ, ужасающіе ее (хотя она дѣлаетъ видъ, что только презираетъ ихъ) «эмпирическіе идеалы»— все это слилось для г-жи Гиппіусъ въ лицѣ Максима Горькаго. Она не скрываетъ причинъ своей ненависти. Говоря просто, но строго согласованно съ мыслью г-жи Гиппіусъ (см. ст. «Лѣтнія размышленія»), вина его въ томъ, что онъ въ Бога не вѣруетъ, а въ человѣка вѣритъ.

«Опять «человѣкъ», вѣчный идолъ, почернѣвшій отъ долгихъ воскуреній, но не менѣе милый и божественно великій для вѣрныхъ... Вѣдь Максимъ Горькій всю жизнь только и писалъ «человѣка»,— только его и проповѣдывалъ, какъ достойный апостолъ». И вотъ, къ ужасу г-жи Гиппіусъ, Горькій со своими «преемниками» до того осмѣлѣлъ, что «когда Л. Андреевъ говоритъ... о Богѣ,—онъ смотритъ на него изъ своего храма, зоветъ Его служить истинному божеству—человѣку», и его «разсказъ «на тему о Богѣ»—опять все тотъ же гимнъ человѣку, многоликому и единому гордому божеству всѣхъ Горькихъ. Все тотъ же старый догматическій матеріализмъ» *)...

Причина и характеръ ненависти ясны, и незачѣмъ было возводить М. Горькаго во множественное число, чтобъ мы поняли, въ кого мѣтитъ «новая религія» и при видѣ кого кричитъ: «Караулъ, грабятъ! Имущество, красоту, всякую надежду, Бога отнимаютъ!»

Слушайте россійскаго европеизированнаго мѣщанина:

...И человѣкъ еще человѣкъ. Нуженъ рѣзкій толчокъ, чтобъ выкинуть его сразу въ безкислородное пространство, прекратить ихъ человѣческія мучанія. Этотъ толчокъ, этотъ несущій человѣку окончательное, смертное освобожденіе фонтанъ углекислоты—проповѣдь Максима Горькаго и его учениковъ. Она исторически необходима, но убійственна для попавшихъ въ ея полосу. Она освобождаетъ человѣка отъ всего, что онъ имѣетъ и когда-либо имѣлъ: отъ любви, отъ нравственности, отъ имущества (такъ! такъ! Ю. К.), отъ знанія, отъ красоты, отъ долга, отъ семьи, отъ всякаго помышленія о Богѣ, отъ всякой надежды, отъ всякаго страха... И въ концѣ этихъ послѣдовательныхъ освобожденій—восклицаніе: „человѣкъ—это гордо!" Слова, звуки—почему что у такого, освобожденнаго отъ всего, существа, во-первыхъ, нѣтъ чѣмъ гордиться, а во-вторыхъ—оно совершенно не человѣкъ. Звѣрь? Врядъ-ли. Даже и не звѣрь. Отъ звѣря потенція движенія вверхъ. Здѣсь же... волна ужаса послѣдовательно... отъ человѣка—въ послѣднее звѣрство, конечное, слѣпое, глухое, нѣмое, только мычащее и смердящее"... (стр 180—181).

Будемъ откровенны, г-жа Гиппіусъ! Не въ М. Горькомъ тутъ дѣло, а въ томъ общественномъ, соціалистическомъ движеніи, символомъ котораго въ Вашихъ глазахъ является М. Горькій. И вотъ это движеніе, воплотившееся въ Горькомъ, объявлено звѣрствомъ, въ которомъ «ничего не осталось отъ человѣка, отъ человѣчества».

Но «пророкъ этотъ... не всемірен», утѣшаетъ себя г-жа Гиппіусъ, и есть еще—«оставшіеся въ своей привычной, испорченной, удушливой, но все-таки человѣческой атмосферѣ» (стр. 182, кур. нашъ). И вотъ эти «оставшіеся въ человѣческой атмосферѣ», по свѣдѣніямъ г-жи Гиппіусъ, уже «смутно безпокоятся». «Ужъ забезпокоились многіе... пишутъ въ газеты, строчатъ: «что это, Господи, проходу нигдѣ нѣтъ! Ни на улицѣ, ни въ литературѣ, ни въ коммерціи»... **)

А, вотъ какъ! Теперь мы знаемъ, гдѣ искать границы между «человѣческой атмосферой» г-жи Гиппіусъ и «звѣрствомъ» М. Горькаго. Да, да, г-жа Гиппіусъ, много уже народу внѣ «человѣческой

*) Ibid., стр. 275—6.

**) Эти свѣдѣнія см. на стр. 183 „Дневника" г-жи Гиппіусъ.

атмосферы», внѣ буржуазной культуры, внѣ ея проблемъ, ея божковъ, ея волненій, ея исканій покоя и ея религіи комфорта. Въ сферѣ ея притяженія, ея пониманія осталось еще многое—отъ христіанства и до Розанова—и много еще вопросовъ и вопросиковъ будетъ здѣсь возникать и рѣшаться гг. Гиппіусами, Мережковскими, Бердяевыми и пр., и пр., но знаемъ мы, знаютъ и они, что внѣ этой «человѣческой атмосферы» есть другая жизнь, и сколько ни проливайте елея, сколько ни выдумывайте умиротворяющихъ «религій», сколько ни браните ее «звѣрствомъ», какъ ни стремитесь ее обезсилить извнутри и извнѣ,—

Ликъ грозящій
Веталъ надъ далью темныхъ дней.

И двинулся...

И поэтому-то такъ судорожно «оправдывается» и «освящается» «человѣческая атмосфера» и такъ тщательно замазываются выходы изъ нея при помощи «новой религіи».

Человѣческая атмосфера г-жи Гиппіусъ! Религія мѣщанства, подгнивающаго, не успѣвъ созрѣть!

3. БОДРОЕ... САМОЗВАНСТВО.

Спасать „человѣческую атмосферу“ отъ „Грозящаго Лика“ дѣло не легкое и среди разныхъ примѣняемыхъ съ этой цѣлью методовъ поддѣлка такъ же можетъ сослужить свою службу.

Мы уже видѣли въ 1-ой главѣ, какъ и почему революціонная словесность вдругъ, словно по щучьему велѣнью, оказалась перенесенной на страницы людей „новой общественности“ и «новаго религіознаго сознанія» изъ тѣхъ, кто похитрѣй. Говорю, похитрѣй, ибо г. Бердяевъ не послѣдній человѣкъ въ «новой религіи», предпочитаетъ бороться и воевать съ открытымъ забраломъ, не мѣняя старой словесности, за что ему и достается отъ товарищей «по религіи», вродѣ Андрея Бѣлаго. Что будетъ признано въ концѣ концовъ болѣе цѣлесообразнымъ, трудно предугадать. Можно полагать однако, что за переодѣваніями будетъ признано извѣстное значеніе, какое они дѣйствительно и имѣютъ.

Г-жа Гиппіусъ, равно какъ и г. Мережковскій, напр., весьма милы въ маскѣ защитниковъ и спасателей революціи. Г-жа Гиппіусъ сочла удобнымъ выступить даже съ спеціальнымъ словомъ одобренія по адресу «пріунывшихъ» революціонеровъ. «Слово» это помѣщено въ 7-ой книжкѣ новаго «Образованія» и заслуживаетъ, быть можетъ, болѣе подробнаго разбора.

Но мнѣ въ связи съ предыдущимъ хочется остановиться только на одномъ.

Утѣшеніе и одобреніе г-жи Гиппіусъ заключаются въ признаніи, что во всѣхъ неудачахъ виноваты «мы» сами. (Мы—это г-жа Гиппіусъ да выкинутые за рубежъ революціонеры, которыхъ она видѣла въ Парижѣ). Такъ вотъ «мы» были не безъ «нехватки». Это нужно сознать, полагаетъ г-жа Гиппіусъ, и считаетъ, что «это чрезвычайно важно для начала». Для начала чего, г-жа Гиппіусъ? А вотъ:

„Тѣмъ изъ скрытыхъ нытиковъ, которые повторяютъ зады, фразы о „положительныхъ“ своихъ идеалахъ, не изъ упрямства и приличія, а еще вѣрнѣе въ нихъ,—тѣмъ, конечно, наступившая полоса новыхъ поисковъ и метаній и

принесетъ ничего. Они просто останутся за флагомъ,—за жизнью. Что бы жизнь завтра изъ этого сегодняшняго хаоса ни выработала, что бы, наконецъ, ни всплыло наверхъ,—оно имъ будетъ чуждо, ибо они стояли, пока другіе двигались". *)

Но вѣдь это, не правда-ли, больше похоже на конецъ, чѣмъ на «начало»? Тѣ, кто еще повторяютъ «фразы» о «положительныхъ» идеалахъ, останутся за флагомъ. Завтрашній день будетъ чуждъ этимъ «твердымъ», какъ на другой страницѣ называетъ ихъ г-жа Гиппіусъ, съ ихъ положительными идеалами. Положительно, похоже на то, что г-жа Гиппіусъ говоритъ о концѣ, объ окончательномъ, можно сказать, концѣ.

Но съ концомъ «твердыхъ» связано, конечно, и начало.

„Глубоко прячутъ отъ чужого взора г-да Мартовы съ Невѣдомскими (раньше рѣчь шла о Луначарскомъ. Ю. К.) свою „растерянность", свой „хаосъ"... а только изъ него и можетъ родиться новое. Прячутъ, пытаются увѣрить насъ, что у нихъ все еще свѣтятъ ихъ сальные огарки".

Вотъ вамъ и «начало»! Въ дыму и чаду погасшихъ огарковъ Мартова все ярче разгораются огоньки «новой религіи», на которые летитъ все живое, чему принадлежитъ завтрашній день. Вотъ что значитъ «добрый хаосъ». И вотъ, отпѣвая «идеалы» Мартова, г-жа Гиппіусъ продѣлываетъ это съ такимъ видомъ, что можно подумать, будто она чрезвычайно озабочена его дѣломъ. Мы-де подымемъ, да начнемъ, да взбодримъ! По крайней мѣрѣ, она все ходитъ вокругъ да около этого дѣла и все убѣждаетъ не ныть, не стонать. Удобная маска!

Между ноющими и потерявшимися Мартовымъ и Луначарскимъ и прочими подобными нытиками, «смѣшноватыми и безполезными», бодро похаживаетъ г-жа Гиппіусъ, приговаривая: «Не нойте, не нойте, берите примѣръ съ меня. Я бодра!»

— Такъ не надо, говорите, ныть? Постараемся, подтянемся ужъ какъ-нибудь, m-me!

А впрочемъ, позвольте, m-me, какое намъ дѣло до того, что Вы бодры?

Мало ли на Руси сейчасъ бодрыхъ и, главное, бодрящихся людей!

Ю. Каменевъ.

---

*) Образованіе, 1908 г., 7.

А. Луначарскій.

Двадцать третій сборникъ „Знанія“.

I. ВВЕДЕНІЕ.

1. Литературный распадъ и концентрація интеллигенціи.

Переживаемая нами эпоха литературнаго распада является результатомъ другого явленія, въ свою очередь вызваннаго глубокими причинами,—а именно стремленія интеллигенціи концентрироваться въ самостоятельную соціальную величину, эмансипироваться отъ народнической и пролетарской идеологіи.

Сама кадетская концентрація является подобной попыткой; но партія к.-д. не можетъ, конечно, собрать подъ свое знамя разбѣянное стадо россійскихъ интеллигентовъ, большинство которыхъ привыкли мыслить слишкомъ «лѣво» для этого. Отсюда попытка созданія какого-то лѣваго центра «лѣвѣе кадетовъ», отсюда появленіе эфемерныхъ радикальныхъ партій, беззаглавство и т. п. Но чувствуютъ, что на чисто политической почвѣ добиться концентраціи невозможно, — слишкомъ широкой цѣпью раскинулась интеллигенція отъ Розанова и Бердяева до эпигоновъ народничества, среди которыхъ Ивановъ-Разумникъ еще является правымъ. Зато не попытать ли идеологическую концентрацію? И тутъ, конечно, великъ разбродъ и распадъ: одни предлагаютъ разнообразныя религіи, другіе нигилизмъ чувственной личности, третьи мистическую порнографію, четвертые имперіализмъ, пятые мѣщанскій прогрессъ и т. д., и т. д.

Но тутъ есть и пункты соприкосновенія — несомнѣнные и дающіе возможность всему «доброму хаосу» внѣпартійной интеллигенціи чувствовать свое единство: во-первыхъ, это священный палладіумъ всей туманности — индивидуализмъ, во-вторыхъ, это граница ея, ея периферійное чувство—антипатія къ пролетаріату и соціалдемократамъ, доходящая мѣстами до ненависти.

Если этого недостаточно для того, чтобы изъ туманности нашей хоть когда нибудь создалось твердое тѣло, то достаточно, по крайней мѣрѣ, для пребыванія въ видѣ отдѣльной туманности.

Если процессъ самоопредѣленія, самоосвобожденія русской интеллигенціи идетъ такъ хаотично, гнило, пошло, если въ немъ рядомъ съ истерическими взлетами къ небу и запутанно-добропорядочными софизмами Иванова-Разумника умѣщается приторная психопатологія Сологуба, если проповѣдь свободы личности не можетъ никакъ разстаться съ теоріей искусственныхъ абортовъ, а свобода искусства приводитъ къ скучному и жалкому кривлянью больного Кузмина и К° — то все это показываетъ лишь безнадежность стараго, антипролетарскаго міра. Кто хочетъ оставаться въ немъ — осужденъ на юродство. Свобода личности и искусства отъ соціальной задачи на-

шего времени сводится въ конечномъ счетѣ для мало-мальски искренняго интеллигента къ свободѣ юродства. Для неискренняго, для Молчалина, къ свободѣ лакейства по отношенію къ золотому мѣшку и властно просвѣщенному палачеству доморощенныхъ Бисмарковъ.

Другая концентрація должна быть противопоставлена этой. Призывъ несчастныхъ страдальцевъ, продуктовъ распада мѣщанства, интеллигентовъ въ собственномъ смыслѣ и интеллигенціи крестьянской, ремесленной, призывъ ихъ среди густѣющихъ сумерекъ къ единому свѣту, къ высокому маяку пролетарской идеологіи, который переживетъ ночь и бурю и встрѣтитъ солнце. Спасайся кто можетъ изъ «добраго хаоса» на прочный островъ! Искусство можетъ сыграть въ дѣлѣ этой концентраціи большую роль; но если никто изъ соціалистовъ не сомнѣвается въ способности пролетарской идеологіи въ области политической экономіи, соціологіи, философіи привлекать союзниковъ рабочему классу, то относительно искусства многіе полны сомнѣнія.

2. Марксизмъ и искусство.

Искусство марксистское! гм., гм!!

Еще народники туда-сюда! Жалѣніе кающагося дворянина, описаніе мукъ деревни сквозь слезы состраданія, мужицкой особой правды сквозь слезы умиленія; отзвуки стародавнихъ народныхъ движеній: сарынь на кичку! Пугачъ! Мученики раскола и сектантства. Съ другой стороны, желѣзные герои террора съ восковымъ сердцемъ, пишущіе сладкіе стихи, сидя на ящикѣ съ динамитомъ, вся добрая, старая сентиментальность героической романтики... Но марксизмъ!

Это сухое ученіе, эта стальная догма съ ея преобладаніемъ объективныхъ законовъ надъ живымъ человѣчествомъ, съ ея экономическимъ методомъ, ея выкладками, со всѣмъ гнетомъ нѣмецкой науки, прижавшей къ землѣ поэзію романтическаго соціализма! Гдѣ тутъ развернуться художнику?

Но возможно ли, съ другой стороны, чтобы великій классъ, уже завоевавшій себѣ умы, подобные Марксу, Лассалю, и помогшій имъ въ дѣлѣ созданія основъ своего міровоззрѣнія, самаго стройнаго и синтетическаго изъ когда либо существовавшихъ, не завоевалъ себѣ также и художниковъ и не помогъ имъ освѣтить настоящее яркимъ свѣтомъ новаго, пролетарскаго искусства?

Пролетаріатъ, какъ классъ угнетенный, не можетъ создать своей культуры уже теперь, въ нѣдрахъ капиталистическаго общества, говорятъ намъ.

Такъ, но не можетъ ли онъ создать, не создастъ ли онъ волей-неволи уже теперь зачатки такой культуры? Буржуазіи легче было, при меньшей степени угнетенія и нужды, еще до своего торжества создать основы своей науки и своего искусства, говорятъ намъ.

Ну, а были у буржуазіи вожди, подобные Марксу, Энгельсу, Лассалю? Предтечи, подобные Сенъ-Симону? Величіе этихъ героевъ пролетарской мысли уже никакъ не меркнетъ передъ величіемъ Вольтеровъ и Монтескье. Эпоха же подняла этихъ геніевъ, равныхъ по силѣ прежнимъ геніямъ, еще выше и позволила имъ создать нѣчто гораздо большее, чѣмъ вольтерьянство или либерализмъ.

Почему же не можетъ быть того же съ искусствомъ? Можетъ

быть, должно быть! Будетъ!.. Уже начинается. Марксизмъ прежде всего даетъ художнику основу для своеобразнаго и трагическаго пониманія быта.

Экономическій фатумъ, разбивающій существованія и строющій исторію—это новая основа для глубокой трагедіи, которую не-марксистъ можетъ начертать безъ пониманія ея глубокихъ причинъ, но которую художникъ-марксистъ можетъ освѣтить до дна. И повѣрьте, что Поленцы, Розеггеры, Базены, Хейермансы и Эстонье, Стефаники и особенно Верхарнъ, рисуя муки разлагающейся деревни, прямо или косвенно, иногда сами того не зная, находились подъ вліяніемъ великой пролетарской идеологіи. Да пусть и нѣтъ, пусть даже сама жизнь, а не Марксъ, открыла имъ «соблазнители-города» и «гальцинирующія деревни»: во всякомъ случаѣ творчество ихъ ручьями бѣжитъ въ широкую рѣку пролетарскаго пониманія переживаемаго грознаго кризиса.

Остается еще и надолго останется обильная жатва для художника-бытописателя и трагика обыденной жизни: ростъ капиталъ, борьба капиталовъ между собою, разореніе мелкихъ собственниковъ, процессъ превращенія ихъ въ пролетаріевъ, борьба пролетаріата за новый міръ, вліяніе этой борьбы, какъ факта, на страдающую среду жертвъ нашего соціальнаго строя, тысячи отраженій основнаго факта, смѣны—мелкая собственность, капиталъ, пролетаріатъ, — на всѣхъ классахъ и группахъ культурнаго общества, — все это допускаетъ рядомъ съ уже сдѣланнымъ еще множество новыхъ, глубочайшихъ работъ, при которыхъ свѣтъ марксистскаго анализа позволитъ разобраться въ сложномъ переплетѣ соціальныхъ нитей, потому что безъ этого свѣта слишкомъ легко впасть въ мистику, подмѣнить соціальную анатомію и психологію ничего не говорящимъ соціальнымъ мистицизмомъ.

Марксизмъ, какъ наука, направляетъ вниманіе художника на самыя крупныя явленія жизни, даетъ ему разобраться въ нихъ и въ тому же даетъ свѣтлый выходъ, обезпечиваетъ то примиреніе, безъ котораго трагедія становится воемъ отчаянія, а не призывомъ и величественнымъ поученіемъ.

Но всего этого было бы еще недостаточно, чтобы говорить о новомъ соціалистическомъ искусствѣ. Недостаточно даже и тогда, когда мы прибавимъ къ этому область художественныхъ утопій.

Марксизмъ не только наука. Именемъ великаго учителя, а тѣмъ болѣе терминомъ — научный или пролетарскій соціализмъ, можно назвать также и тотъ строй чувства, то живое міроощущеніе, то жизнепониманіе, которое у соціалистовъ идетъ рядомъ и въ неразрывной связи съ его научнымъ—соціологическимъ и философскимъ міросозерцаніемъ.

3. Новая психологія.

Духовнымъ центромъ стараго міра, свободно-мѣщанскаго общества и его идеологіи, была личность, конкретное «я». Духовнымъ центромъ новаго міра, коллективно-пролетарскаго растущаго общества и его идеологіи, является человѣкъ.

Что это значитъ? Да развѣ, чтобы уже не рыться въ пыли вѣковъ, тотъ же Кантъ не различалъ «человѣка», «абстрактнаго человѣка» съ его категорическимъ императивомъ и не ставилъ его выше

конкретной личности съ ея эмпирическими страстями? Конечно, но между старымъ и новымъ понятіемъ «человѣкъ» цѣлая пропасть. Въ кантіанствѣ, правда, конкретному «я» противопоставляется человѣкъ, но какъ отвлеченное метафизическое существо, носитель долга, общеобязательныхъ нормъ. У насъ преходящей и ограниченной личности противопоставляется человѣкъ, какъ часть, какъ сотрудникъ великой реальности вида, человѣческаго общества въ самомъ широкомъ смыслѣ слова.

Коллективистъ цѣнитъ въ себѣ элементъ человѣчества, цѣнитъ свой трудъ, обогащающій общее достояніе, жизнь свою цѣнитъ какъ моментъ исторіи, онъ общественно и исторически мыслящее и исторически чувствующее существо, а это и значитъ человѣкъ. Человѣкъ есть особь вида, сначала это частное его проявленіе, только біологически связанное съ нимъ, а потомъ, въ соціалистическомъ сознаніи, гордое и сознательное выраженіе этого вида, въ пространствѣ и времени окруженное другими индивидами, сливающими съ нимъ свои усилія во все болѣе гармоничное строительство храма мощной жизни.

Жить жизнью человѣка значитъ видѣть и чувствовать прошлое свое и до дня рожденія и свое, реально свое будущее и за могилой; это значитъ сознавать себя смертною частью безсмертной стихіи—коллективной жизни.

Фактъ сотрудничества въ обобществленныхъ уже трудовыхъ процессахъ современной индустріи; классовая солидарность, необходимая въ борьбѣ за улучшеніе своего положенія; сознаніе своей великой миссіи, пониманіе связи, существующей между докапиталистическимъ, капиталистическмъ и грядущимъ коллективистическимъ періодами исторіи человѣчества, сознаніе творческой, свѣтлой роли въ этомъ огромномъ процессѣ; пониманіе идеала своего, какъ идеала всечеловѣческаго сотрудничества и уничтоженія расовой и классовой розни людей—вотъ тѣ основы, которыя такъ легко позволяютъ пролетарію воспитать въ себѣ, почувствовать въ себѣ новую человѣческую душу, замѣнить блѣдненькій замкнутый кружочекъ—«я» представленіемъ о волнѣ среди моря, родной и близкой другимъ волнамъ, тѣсно связанной съ ними въ шири пространства и глуби времени, словомъ—живымъ понятіемъ человѣкъ. Не я себѣ дорогъ, говоритъ соціалистъ, человѣкъ во мнѣ; не ты—человѣкъ въ тебѣ, а въ оригинальности моей, въ особенностяхъ твоихъ—люблю новыя ноты и краски для безконечнаго развитія коллективнаго человѣка.

Если центромъ міросозерцанія является «я», тогда страшнымъ вопросомъ поднимается передъ нами смерть, конецъ этого «я». Какой отвѣтъ выдвинетъ индивидуалистъ на вопросъ оскаленныхъ челюстей скелета?

«Пьянь, пей и веселись, душа, пряча свое отчаяніе въ парахъ мимолетныхъ утѣхъ». Такъ отвѣтитъ нигилистъ. «Душа безсмертна, вѣрю, вѣрю въ это, говоритъ мистикъ, прячу свое отчаяніе за дымомъ кадильницъ, молюсь богу, да поможетъ невѣрію моему.»—Пролетарію незачѣмъ унижаться до трусливаго оскотинивающаго нигилизма, до признанія цѣлью своей срыванія ягодъ, въ то время, какъ судьба быстрымъ шагомъ волочитъ тебя за руку по цвѣтущему лугу жизни изъ одной вѣчной тьмы въ другую. И незачѣмъ пролетарію искать бога и безсмертія. Человѣку бога не нужно. Онъ самъ себѣ богъ. Человѣкъ человѣку богъ. И личины безсмертія не нужно, ибо

его безсмертіе — жизнь вида и надежда на вѣчную побѣду жизни надъ неживыми стихіями, высшихъ формъ надъ низшими.

Итакъ, основнымъ соціально-психологическимъ фактомъ нашего времени является на нашъ взглядъ порожденіе новаго строя души. Вотъ этотъ процессъ подмѣтить, выразить, освѣтить яркимъ свѣтомъ—такая огромная, восхитительная, поэтическая и радостная задача, которая способна окрылить талантъ писателя, добравшагося, наконецъ, сквозь сухой песокъ индивидуализма до свѣжаго источника, утоляющаго жажду духовную.

4. 23 сборникъ «Знанія».

Почти неожиданно ярко, прямо рѣзкимъ пятномъ на сѣромъ фонѣ нашей литературы да, по правдѣ сказать, и на фонѣ послѣднихъ книжекъ «Знанія», выдѣляется 23-ій сборникъ.

Страстно хотѣлось бы, чтобы это была не та «одна ласточка», которая не дѣлаетъ весны, а та первая, которая ее возвѣщаетъ.

Оговорюсь, Максимъ Горькій далъ уже серьезныя работы соціалистическаго типа: Мать, Враги. Въ этихъ первыхъ опытахъ есть много недостатковъ; не хватаетъ шири и свободы, чувствовалась нѣкоторая связанность крыльевъ художника. И все же, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, это замѣчательныя произведенія, значеніе которыхъ въ развитіи пролетарскаго искусства когда нибудь учтется. Только мѣщанское злопыхательство и филистерская тупость въ этомъ кризисѣ роста, гдѣ сквозь несовершенства, а иногда именно благодаря имъ, чувствовалась исполинская сила и семимильный шагъ впередъ—въ этомъ кризисѣ перехода къ новому, высшему міросозерцанію—могли увидѣть болѣзнь, даже смѣшно—смерть Горькаго. Теперь эти критики сконфуженно бормочутъ о «возрожденіи Горькаго», стараясь, конечно, и при этомъ невольномъ признаніи чѣмъ нибудь да напакостить пролетарскому писателю.

Рабочіе уже поняли «Мать» и откликнулись на нее. Многочисленныя подписи собираются, какъ сообщаетъ «Слово», подъ письмомъ къ Горькому, въ которомъ наивно, пожалуй, но съ горячей искренностью рабочіе пишутъ:

«Съ непосредственнымъ чувствомъ восторга и радости мы привѣтствовали появленіе «Матери»; намъ было отрадно еще и потому, что великимъ художникомъ явились вы, бывшій рабочій, а теперь пѣвецъ расцвѣта и радости жизни не въ мистически-искаженномъ видѣ, а во всемъ ея грандіозномъ объемѣ, начиная отъ былинки и кончая эфиромъ неба. На фонѣ циничнаго разврата, сладострастнаго хохота, поруганія великаго призванія женщины быть воспроизводительницей человѣческаго рода, быть матерью сыновъ жизни, быть подругой и товарищемъ мужчины въ его борьбѣ за улучшеніе и пересозданіе жизни человѣчества, вмѣстѣ съ нимъ подниматься на высоту сознанія при помощи своихъ творческихъ силъ и указывать дорогу туда же другимъ, словомъ, на фонѣ растущей мерзости запустѣнія, мать и ея сынъ Павелъ стоятъ живымъ укоромъ для однихъ и идеаломъ для другихъ».

Но по художественному своему значенію «Исповѣдь» гораздо выше «Матери», ибо тутъ чувствуется полная свобода, выраженіе личности автора, гармонически сливающееся съ основной нотой новаго искусства: коллективизмомъ.

Разсказъ Гусева-Оренбургскаго, конечно, уступаетъ «Исповѣди» въ широтѣ захвата, въ пластической силѣ образовъ, въ музыкальномъ ритмѣ всего повѣствованія, въ глубинѣ проникновенія въ «новъ»

растущей души, — но и это замѣчательная вещь, полная радости обновленія.

Нѣсколько болѣе особнякомъ стоитъ повѣсть Золотарева. Въ тѣхъ двухъ увидѣли люди свѣтъ истинный и пришли и восприняли его и понесутъ его въ міръ. Здѣсь только ищутъ лихорадочно, часто сбиваясь съ пути, но готовые уже принять и понять благую вѣсть.

Намъ извѣстно, что между авторами 23-го сборника не было никакого уговора, само собою вышло это появленіе трехъ разноцѣнныхъ и разнымъ тономъ поющихъ, но во всякомъ случаѣ замѣчательныхъ и къ одному направленныхъ произведеній.

Скрипятъ перья—много замѣтокъ и статей напечатано по поводу 23 сборника, много наврано и напутано, много похвалено, слышно, что ростетъ спросъ на книгу и успѣхъ ея. Но это все еще не то. Дайте переварить ее. Господа, работающіе по концентраціи интеллигенціи, не подозрѣваютъ еще, что такое эта книга. Я не вижу еще нигдѣ настоящей злобы, она еще подымется и разольется по мѣрѣ того, какъ оцѣнка книги будетъ устанавливаться самой публикой. А это неизбѣжно. Недоумѣнія и недоразумѣнія разсѣются. Истинное значеніе «Исповѣди» и ея «свиты» станетъ яснымъ.

II. СВѢТЪ ВО ТЬМѢ.

„Свѣтъ во откровѣщеніе языковъ и слава людей твоихъ Израиля".

1.

Критики «Исповѣди», какъ марксисты (Львовъ въ «Образованіи»), такъ и не марксисты, какъ будто сошлись на одномъ: «Исповѣдь» во всякомъ случаѣ знаменуетъ собою, если не отказъ, то нѣкоторое отдаленіе Горькаго отъ марксизма.

Да, если всякое движеніе впередъ или выясненіе сущности того или другого ученія марксизма — есть удаленіе отъ марксизма, тогда—да!

Мы понимаемъ, что врагамъ марксизма очень хотѣлось бы считать его нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ «сухой догмой», выдать его за нѣчто мертвое, какъ глыба камня, неспособное къ жизни и развитію. Такая позиція даетъ возможность отсѣкать отъ марксизма всякую живую вѣтвь его, какъ незаконное новообразованіе, какъ болѣзнь, и осудить его на безплодность, на пребываніе косной величиной среди вѣчно развивающейся жизни. Мы понимаемъ выгоды такой позиціи для враговъ марксизма. Да и то сказать, они могутъ искренне вѣрить въ окаменѣлость марксизма потому, что внутри марксизма они не бывали, живой сути его не понимаютъ. Что вы сами требовать отъ какого нибудь Философа?

Но марксисты! Къ сожалѣнію, попадаются и среди нихъ люди, которымъ какъ будто некогда разбираться въ разныхъ «новыхъ выдумкахъ» и которые хотятъ быть спокойны насчетъ теоріи. Почаще бы вспоминали слова Бебеля, отнюдь не яраго и легкомысленнаго новатора. Вотъ что говорилъ нѣмецкій ветеранъ на ганноверскомъ партейтагѣ (1899 г.):

«Объявленіе кого либо еретикомъ предполагаетъ существованіе у насъ догмы. Но, если существуетъ партія, у которой нѣтъ догмы, то это со-

піалъ-демократія, а если были люди, осудившіе догматизмъ окончательно, очистившіе отъ него наши головы,—то это были Марксъ и Энгельсъ... У насъ нѣтъ догмы и не можетъ быть еретиковъ».

2. Одиссея богоискателя.

Герой «Исповѣди» не соціалъ-демократъ и не рабочій, а полукрестьянинъ. Это слѣдуетъ хорошенько замѣтить. Повѣсть—его Одиссея. Одиссея богоискателя изъ «народа». Ужъ не народничество ли это, не народническій ли выборъ темы? Увидимъ.

Натура страстная, съ дѣтства встрѣтившая суровую судьбу, Матвѣй нашелъ успокоеніе для своей мятежной души въ религіи. Вдумываться въ сущность человѣческаго богословія, а тѣмъ болѣе христіанской догмы, онъ еще не могъ; то, что увлекало его, было религіозное чувство, восхищающее сердце отъ земли, по дѣйствію своему превосходящее дѣйствіе самой сильной музыки. Забвеніе особаго рода, сладкое забвеніе даетъ религія, занимая свое большое мѣсто рядомъ со всякими другими родами опьяненія и даже далеко впереди ихъ.

«Стою, бывало, одинъ во храмѣ, тьма кругомъ, и на сердцѣ—свѣтло, ибо тамъ мой богъ, и нѣтъ мѣста ни дѣтскимъ печалямъ, ни обидамъ моимъ и ничему, что вокругъ, что есть жизнь человѣческая. Близость къ богу отводитъ далеко отъ людей, но въ то время я, конечно, не могъ этого понять.

„Началъ книги читать церковныя,—всѣ, что были, читаю,—и наполняется сердце мое тихимъ звономъ красоты божественнаго слова; жадно пьетъ душа сладкую влагу его, и открылся въ ней источникъ благодарныхъ слезъ. Бывало, приду въ церковь раньше всѣхъ, встану на колѣни передъ образомъ Троицы и лью слезы, легко и покорно, безъ думъ и безъ молитвы; нечего было просить мнѣ у Бога и безкорыстно поклонялся я Ему".

Вѣра въ благостнаго бога, такъ ярко выраженная въ словахъ: «не одинъ я на свѣтѣ, а подъ охраной Божьей и близко Ему», вполнѣ мирится и даже сливается въ гармоничный аккордъ съ непосредственнымъ впечатлѣніемъ природы, когда человѣкъ подходитъ къ ней не какъ трудящійся, добывающій у нея, какъ у мачехи, необходимаго для жизни, а какъ любующійся ея красотой. Но скоро пришло время, когда «замѣтили меня люди, и я замѣтилъ ихъ».

Если сатана не особенно тревожилъ Матвѣя, пока дѣло шло о природѣ, то охъ какъ силенъ оказался онъ среди людей. И не только зрителемъ, но и участникомъ унизительной и страшной драмы борьбы за существованіе и личное счастье пришлось стать Матвѣю.

Жизнь зацѣпила и его руками милой «Ольгуньки» и начала мотать въ своемъ огромномъ, скрипучемъ колесѣ. Вся гармонія вѣры безъ рефлексіи пошла прахомъ. Праведность встрѣтилась съ наглой и зубастой рожей «житейской мудрости» и сплоховала. Гордо бахвалился Матвѣй, мутилъ вокругъ себя, болѣлъ душою. Кто въ жизни народной, трудовой, тяжелой можетъ миновать всю эту нечистую силу? Но однихъ она только слегка калѣчитъ и грязно пачкаетъ, и они съ убитой, замолкшей душою или съ душою озвѣрѣлой начинаютъ идти въ общей давкѣ стихійной, экономической жизни къ отвратительному успѣху или мучительной гибели и наконецъ — въ общей ямѣ, куда стребаетъ ихъ сестра жизни, владычица-смерть.

Матвѣя же благодаря обстоятельствамъ, гордому строю души и первымъ зачаткамъ поэтическаго жизнепониманія, заложеннымъ дьячкомъ и скоморохомъ, судьба сразу какъ-то зашибла, все отняла всякихъ прицѣпокъ къ такъ называемому житейскому счастью, лишила, облегчая ему возможность всплыть на поверхность житейскаго

моря, бросить міръ, перестать быть активнымъ участникомъ въ его борьбѣ, превратиться въ свободнаго, какъ птица, искателя бога и правды, котораго внутренне гложетъ великая тоска.

Бродячіе богоискатели—это воплощеніе поисковъ человѣческой совѣсти въ потемкахъ хаотическаго соціальнаго строя. Сумеречными головами начетчиковъ, искаженными нелѣпыми мудрствованіями, думаетъ душа невѣжественнаго, но опытомъ муки полупросвѣщеннаго народа. Израненными ногами каликъ перехожихъ гонятся страдалецъ-народъ за правдой.

Выдающійся типъ такого ходока народнаго за правдою беретъ Горькій.

Что то найдетъ онъ? Такъ же ли безплодно будутъ его странствія, какъ въ былые вѣка? Приметъ ли онъ за обрѣтенное сокровище какую-нибудь аскетическую, отрицающую человѣка, самоубійственную иллюзію? Найдетъ ли потерянное самозабвеніе въ острыхъ экстазахъ радѣній, этомъ діонисіевскомъ, трагическомъ, больномъ взлетѣ вонъ изъ тѣла и міра? Упадетъ ли на какой-нибудь безвѣстной дорогѣ, ведущей къ какимъ-нибудь фантастическимъ «Рахманамъ», въ царство пресвитера Іоны, къ исчезнувшимъ колѣнамъ Израиля, которыя гдѣ-то на «Бѣлыхъ водахъ» нашли соціальный міръ, осуществили «жизнь по совѣсти»? Или, опустившись и потерявъ въ грязи осеннихъ распутицъ и по трапезнямъ монастырей сокровище своего безпокойства, превратится въ профессіональнаго странника, ищущаго одного пропитанія тѣлу? Или, наконецъ, озлобившись, уйдетъ въ бродяги и очутится вмѣсто «Бѣлыхъ водъ» въ рудникахъ Нерчинска?

Останавливаться на встрѣчахъ нашего Одиссея мы не будемъ. Что можно тутъ прибавить? Авторъ говоритъ за себя. Никогда не забудутся Миха, Антоній, Мардарій и многіе другіе. Это такая пластика, которая ставитъ «Исповѣдь» по художественному достоинству въ рядъ съ лучшими произведеніями русской литературы.

Но изъ скитаній Матвѣй выноситъ одно мрачное отчаяніе. Душа его очистилась отъ всѣхъ ложныхъ иллюзій, въ ней царитъ «честный пессимизмъ».

Тутъ онъ встрѣчаетъ Іону.

Идейная сила и совершенная новизна повѣсти Горькаго заключается именно въ грандіозной картинѣ: Измученный народъ въ лицѣ своего ходока, своего искателя лицомъ къ лицу сталкивается съ «новой вѣрой», съ истиной, которую несетъ міру пролетаріатъ.

Можетъ ли пролетарская истина стать во всей чистотѣ достояніемъ трудовыхъ массъ?

Нѣтъ. Но вопервыхъ, къ ней могутъ и должны придти многіе представители коренной крестьянской и мелкомѣщанской интеллигенціи и придти такъ же прочно, какъ лучшіе интеллигенты. Вовторыхъ, такіе элементы, которые являются переходными типами къ ремесленному и сельскому пролетаріату, и самый пролетаріатъ этого рода вполнѣ могутъ примкнуть къ знамени научнаго соціализма, хотя въ ихъ пониманіи истины соціализма предстанутъ, быть можетъ, въ другой перспективѣ. Въ третьихъ, та политическая гегемонія, то революціонное сотрудничество, программу которыхъ въ общихъ чертахъ указалъ, а возможность доказалъ даже такой въ глазахъ многихъ «узкій ортодоксъ», какъ Каутскій, — несомнѣнно будутъ имѣть параллелью своей вліяніе пролетарской идеологіи на мелкую буржуазію.

Итакъ, отнюдь не примыкая къ мутной путаницѣ эсерства, мы можемъ и должны стоять на той точкѣ зрѣнія, что вліяніе пролетаріата на народныя массы не пустой звукъ, а явленіе первѣйшей важности. Его-то и изображаетъ Горькій въ «Исповѣди». Засіялъ свѣтъ во тьмѣ. Свѣтъ этотъ разливается по деревнямъ, гдѣ еще сильна «власть тьмы», вокругъ всякаго города, всякаго завода.

Свѣтъ этотъ объемлетъ прежде всего фабрично-заводскій пролетаріатъ, этотъ избранный народъ новѣйшей исторіи, но онъ служитъ и просвѣщеніемъ всему окружающему. Надо радоваться этому эндосмосу, надо внимательно слѣдить за этимъ огромнымъ явленіемъ. Книга Горькаго въ высокой мѣрѣ способна ускорить и усилить этотъ процессъ, и въ этомъ будетъ ея историческая заслуга; смѣшно въ исполненіи этой задачи видѣть «народничество».

3. Вольный застрѣльщикъ.

Ширится свѣтъ пролетарскаго міросозерцанія по лицу земли русской; и причудливо, а иногда поистинѣ прекрасно при всей оригинальности преломляется въ головахъ самородковъ, которыми такъ богатъ народъ.

Само собою разумѣется, Іона, этотъ вольный застрѣльщикъ и загонщикъ новой истины, не удовлетворяетъ всѣмъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ сознательному партійному пропагандисту.

Но онъ вѣдь въ учителя не мѣтитъ, понимаетъ свое мѣсто, да и великолѣпно это мѣсто.

„Ты не ищи въ словахъ моихъ утвержденія: я не учить хочу, а разсказывать. Утверждаютъ тѣ, для кого хотъ жизни опасенъ, ростъ правды вреденъ. Видятъ они, что правда все ярче горитъ—потому все больше людей зажигаютъ пламя ея въ сердцѣ своемъ,—видятъ они это и пугаются! Наскоро схватятъ правды, сколько имъ выгодно, стиснутъ ее въ малый колобокъ и кричатъ на весь міръ: вотъ истина, чистая духовная пища, вотъ—это такъ! и—навѣки незыблемо! И садятся, окаянные, на лицо истины и душатъ ее, за горло взявъ, и мѣшаютъ росту силы ея всячески, враги наши и всего сущаго! А я могу сказать одно: на сей день—это такъ, а какъ будетъ завтра—не вѣдаю! Ибо, видишь-ли, въ жизни нѣтъ настоящаго, законнаго хозяина, не пришелъ еще онъ, и неизвѣстно мнѣ, какъ распорядится, когда придетъ: какіе планы утвердитъ, какіе порушитъ и какіе храмы станетъ возводить".

Въ жизни нѣтъ настоящаго хозяина! Кто-же онъ? О, по отношенію къ нему и пролетаріатъ нынѣшній только предтеча, какъ Іона только предтеча пролетарской мысли. Не Богъ-ли этотъ хозяинъ: Іона называетъ его именно такъ.

Только на какомъ мѣстѣ стоитъ этотъ Богъ?

—«Кто есть Богъ, творяй чудеса? Отецъ-ли нашъ, или-же сынъ духа нашего?»

Богъ, о которомъ говоритъ старикъ,—человѣчество, цѣльное соціалистическое человѣчество. Это единственное божественное, что намъ доступно. Этотъ Богъ не родился еще—строится только. А кто богостроитель? Конечно, пролетаріатъ въ первую голову въ тотъ историческій моментъ, который мы переживаемъ. Но вообще во всемъ ходѣ исторіи—опять таки человѣчество, но разрозненное, еще темное. И надо вычесть изъ него группы, препятствовавшія росту силъ и сознанія этого человѣчества, превращенію человѣчества безсознательнаго въ сознательное, его свѣтлому преображенію. Эту теорію, пожалуй, назовутъ «народнической»? Нѣтъ же! Въ общемъ и цѣломъ

она вѣрна и съ нашей точки зрѣнія, — только знаемъ мы точно тотъ процессъ, въ которомъ совершается преображеніе, и роль въ немъ пролетаріата. Въ этомъ точномъ пониманіи силъ, ведущихъ къ преображенію экономическаго хаоса въ соціалистическую гармонію,—особенность марксизма по сравненію съ историческимъ соціализмомъ вообще. Іона даетъ общую истину, не опредѣляя ее точно. И въ этой общей формѣ она доступнѣе такому человѣку, какъ Матвѣй. И ему, богоискателю, понятнѣе высокая формула, въ которую облеченъ здѣсь соціализмъ. Ищешь Бога? Богъ—есть человѣчество грядущаго, строй его вмѣстѣ съ человѣчествомъ настоящаго, примыкая къ передовымъ его элементамъ. «Вотъ просыпается воля народа, соединяется великое, насильно разобщенное, уже многіе ищутъ возможности, какъ слить всѣ силы земныя въ единую, изъ нея-же образуется свѣтелъ и прекрасенъ всеобъемлющій Богъ земли!»

Чудная формула. Не въ нашихъ терминахъ изложена, но по существу она наша. Это та-же музыка, наша музыка, только играютъ ее на новыхъ инструментахъ...

И куда-же пошлетъ Іона нашего Одиссея, у котораго смутно на душѣ, какъ передъ утромъ? Къ источнику своей мудрости, источнику своеобразно въ его головѣ преломившагося свѣта.

«Иди-ка на заводъ, да работай тамъ и съ дружками моими толкуй; не проиграешь, повѣрь! Народъ—ясный, вотъ — я у нихъ учился и, видишь, не глупъ, а?» Написалъ какую-то записку, сунулъ мнѣ. — Ей ей — иди туда! Не куда желаю тебѣ, увидишь! Народъ новорожденный и живой!

4. Народъ новорожденный.

«Хожу по деревнямъ, посматриваю. Угрюмъ и дерзокъ народъ, не хочется ни съ кѣмъ говорить. Смотрятъ всѣ подозрительно, видимо опасаются, не украли бы чего.

— Богостроители,—думаю я, поглядывая на корявыхъ мужичковъ. Спрошу: куда дорога?

— На Исетскій заводъ.

— Что тутъ—всѣ дороги на этотъ заводъ?

Вотъ простое и вмѣстѣ глубоко символическое опредѣленіе отношенія «народа» еще совершенно хаотичнаго, къ той части народа, которой фабричный котелъ помогъ родиться вновь. Прибавлять что либо къ данному авторомъ описанію завода и впечатлѣнія, произведеннаго имъ на душу Матвѣя, мы не намѣрены. Но мы остановимся на одномъ. Учитель Михайло, не еретикъ ли? Повидимому, коренной пролетарій Ягихъ самъ не одобряетъ нѣкоторыя странности Михайлова пониманія соціализма. «У Мишки на двоихъ разума», говоритъ Ягихъ:

Ты погоди—онъ себя развернетъ! Его заводскій попъ ересіархомъ назвалъ Жаль, съ Богомъ у него путаница въ головѣ! Это—отъ матери. Сестра моя знаменитая была женщина по божественной части—изъ православія въ расколъ ушла, а изъ раскола ее вышибли.

Что же это за «путаница съ богомъ»? Быть можетъ, она понадобилась автору какъ дидактическій пріемъ? Можетъ быть, богъ служитъ Михаилу для заманиванія въ свою вѣру такихъ людей, какъ Матвѣй?

Вопросъ о Богѣ былъ постоянной причиной споровъ Михайлы съ дядей своимъ. Какъ только Михайла скажетъ „Богъ"—дядя Петръ сердится.

— Началъ. Ты въ это не вѣрь, Матвѣй! Это онъ отъ матери заразился!

— Погоди, дядя! Богъ для Матвѣя—коренной вопросъ!

— Не врн, Мишка! Ты пошли его къ чорту, Матвѣй! Никакихъ боговъ! Это—темный лѣсъ: религія, церковь и все подобное; темный лѣсъ, и въ немъ—разбойники наши! Обманъ!

Но нѣтъ. Ссылкой на приверженность Матвѣя къ богословской терминологіи Михайло только отмахивается отъ дяди. И для него вопросъ о богѣ глубокій вопросъ, волнующій его собственную душу. Должны ли мы подобно Ягихъ, не разбираясь въ сути, заслыша лишь слово «богъ», кричать: «темный лѣсъ, обманъ!»? Есть ли что либо темное въ «религіи» Михайлы? Кроется ли въ ней какой либо обманъ? Матвѣй замѣчаетъ:

Бога не понималъ я у него; но это меня не безпокоило; главной силой міра онъ называлъ нѣкое вещество, а я мысленно ставилъ на мѣсто вещества Бога — и все шло хорошо.

Матвѣй инстинктивно становится на космическую точку зрѣнія, религіозную точку зрѣнія Спинозы, Геккеля и монистовъ, называя именемъ Бога совокупность законовъ вселенной, ея безграничную субстанцію. Думается однако, что въ такой «вѣрѣ» есть еще порядочно тьмы и можетъ угнѣздиться и обманъ. Съ понятіемъ «богъ» неразрывно сплетено представленіе о благости, святости и совершенствѣ. Выводъ, невольно напрашивающійся и дѣйствительно провозглашенный монистами, какъ идеалистами вродѣ Гегеля, такъ и матеріалистами отъ Штрауса до Геккеля — ясенъ: законы природы благи, святы и совершенны, человѣкъ долженъ благоговѣть передъ ними. Между тѣмъ законы природы суть лишь временныя формулы, въ которыя мы кое-какъ укладываемъ тѣ или другія проявленія необъятнаго. Кромѣ того они отнюдь не воля и предписаніе по аналогіи съ юридическими законами, а лишь познавательное приспособленіе—для собственнаго своего преодолѣнія. Законъ паденія изучается для того, чтобы летать. Всюду долженъ человѣкъ дерзновенно пытать природу и побѣждать ея всегда кажущіяся ограниченія. Всякое ограниченіе какъ бы для того только и осознается, чтобы сначала мысленно, а потомъ и на дѣлѣ преодолѣть его.

Духъ благоговѣнія къ Универсу, которымъ проникнутъ буржуазный монизмъ, можетъ стать источникомъ новыхъ путъ для человѣка. Сама природа, молъ, изволила установить то и то, и новые вольтеріанцы напрасно противъ этого говорятъ. И пришлось бы новымъ вольтеріанцамъ разрушать новаго бога - природу такъ, какъ самому старому Вольтеру — католическаго бога, а Геккелю—бога Вольтера и деистовъ.

Но Михайло, улыбаясь, говоритъ: «Богъ еще не созданъ». Этимъ онъ переноситъ насъ на совершенно новую почву. Нѣтъ ничего въ мірѣ, передъ чѣмъ благоговѣйно склонился бы человѣкъ.

„Главное преступленіе владыкъ жизни въ томъ, что они разрушили творческую силу народа. Будетъ время—вся воля народа вновь сольется въ одной точкѣ; тогда въ ней должна возникнуть необозримая и чудесная сила—воскреснетъ Богъ! Онъ-то и есть тотъ, котораго Вы, Матвѣй, ищете!"

То, передъ чѣмъ Михайло согласенъ благоговѣть, есть грядущая коллективная воля народа. Съ нею умираетъ, съ нею рождается великое, передъ чѣмъ можетъ склониться отдѣльный человѣкъ.

Мы уже предвидимъ первое же возраженіе. «И здѣсь, скажутъ намъ, есть великая опасность: опасность подчиненія личности вашему Левіаѳану, вашему новому богу—коллективу». Что значитъ подчиненіе личности? Въ искусственномъ коллективѣ, подобномъ государству собственниковъ, коллективъ дѣйствительно нѣчто чужое

личности, здѣсь стадный инстинктъ и общіе интересы давятъ на индивидуальныя стремленія и разбиваютъ (иногда) частные интересы. То, что есть общаго въ этихъ совершенно разрозненныхъ людяхъ, соединилось въ одно, подавляя въ нихъ же самихъ то, что есть въ каждомъ особеннаго. Здѣсь есть тиранія общества надъ личностью.

Но все это совершенно исчезнетъ въ коллективѣ живомъ, органическомъ и творческомъ. Здѣсь личность дорога именно своими особенностями, ради общаго хора, — все вѣчно движется: совершенство обезпечено коллективнымъ подборомъ, а широта и разнообразіе—индивидуальной измѣнчивостью. Нѣтъ раздвоенія на гражданина и личность, есть только творящій, до глубины души коллективно чувствующій человѣкъ.

Даже индивидуалистъ Матвѣй при соприкосновеніи съ пролетаріатомъ сталъ чувствовать это.

„Сталъ я замѣчать въ себѣ тихій трепетъ новыхъ чувствъ, какъ будто отъ каждаго человѣка исходитъ ко мнѣ острый и тонкій лучъ, невидимо касается меня, неощутимо трогаетъ сердце, и все болѣе чутко принимаю я эти тайные лучи. Иногда соберутся у Михайлы рабочіе и какъ бы надышатъ горячее облако мысли, окружаетъ оно меня и странно приподнимаетъ. Вдругъ всѣ начнутъ съ полуслова понимать меня, стою въ кругу людей, и они какъ бы тѣло мое, и я ихъ душа и воля, на этотъ часъ. И рѣчь моя — ихъ голосъ. Бывало, чувствуешь, что самъ живешь, какъ часть чьего-то тѣла, слышишь крикъ души своей изъ другихъ устъ и, пока слышишь его — хорошо тебѣ, а минетъ время: замолкнетъ онъ, и—снова ты одинъ, для себя“.

„Вспоминаю былое единеніе съ Богомъ въ молитвахъ моихъ: хорошо было, когда я исчезалъ изъ памяти своей, переставалъ быть! Но въ сліяніи съ людьми не уходилъ я отъ себя, но какъ бы выросталъ, возвышался надъ собою и увеличивалась сила духа моего во много разъ. И тутъ было самозабвеніе, но оно не уничтожало меня, а лишь гасило горькія мысли мои и тревогу за мое одиночество“.

И отсюда выводъ, который, будучи не сказанъ только кончикомъ устъ, не достигнутъ только усиліемъ холодной мысли, но испытанъ живымъ опытомъ страстнаго сердца,—становится огромнымъ:

„Въ цѣломъ ты найдешь безсмертіе, въ одиночествѣ же — неизбѣжное рабство и тьма, безутѣшная тоска и смерть“.

Въ одномъ я могу упрекнуть Михайлу. Не напрасно, хотя, конечно, и огрубляя до чрезвычайности, говоритъ ему дядя:

„Ты, Мишка, нахватался церковныхъ мыслей, какъ огурцовъ съ чужого огорода наворовалъ, и смущаешь людей! Коли говорить, что рабочій народъ призванъ жизнь обновлять—обновляй, а не подбирай то, что попами до дыръ заношено, да и брошено!“

Не то что попами! Не попами создано слово, понятіе «богъ». Но вообще слишкомъ много назадъ смотритъ Михайло. Вмѣстѣ съ надеждой на бога—коллективное человѣчество—въ будущемъ, онъ напрасно видитъ его и въ прошломъ.

„Богъ, о которомъ я говорю, — былъ, когда люди единодушно творили его изъ вещества своей мысли, дабы освѣтить тьму бытія; но когда народъ разбился на рабовъ и владыкъ, на части и куски, когда онъ разорвалъ свою мысль и волю,—Богъ погибъ, Богъ разрушился!“

Нѣтъ, Михайло, бога, о которомъ вы говорите, никогда не было. Погибшіе боги народа, конечно, благороднѣе, глубже, чѣмъ искусственный богъ новыхъ временъ, изучить ихъ слѣдуетъ, ибо исторія ихъ есть исторія характерныхъ и необходимыхъ заблужденій человѣческаго духа, но они умерли и не «воскреснутъ»; не то слово, не то слово!

Не будемъ кричать никакому золотоусому Перуну — «выдыбай,

боже!» — Богъ, котораго хочетъ Михайло, еще только долженъ родиться. Это—власть коллективной, разумной воли. И когда родится онъ? Вѣчно будутъ возникать задачи передъ человѣкомъ, вѣчно будетъ онъ чувствовать свою ограниченность,—«еще не богъ я,—еще не вся моя воля, еще не безконечно мое существо! — значитъ, не родился еще богъ!» И никогда не родится богъ всемогущій, ибо безконечна и необъятна вселенная, но что за дѣло? Никогда не родится богъ-Абсолютъ, богъ всемогущій, но родится съ упроченіемъ соціализма могучій коллективный разумъ — человѣкъ. У Михаили будущее является словно возвратомъ къ золотому прошлому. Это-то и смущаетъ Ягихъ. «Обновляй», кричитъ онъ сердито.

Новая среда не втянула и не хотѣла сразу втянуть въ себя еще не готоваго человѣка. Матвѣя просвѣтилъ пролетаріатъ и отпустилъ такимъ же носителемъ преломленныхъ лучей своихъ, какимъ былъ Іона.

— Пріобщите,—прошу,—и меня къ этому дѣлу!

Горитъ во мнѣ все.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Михайло, — подождите и подумайте, рано вамъ... Есть у васъ много нерѣшеннаго и для нашей работы—не свободны вы! Охватила, увлекаетъ васъ красота и величіе ея, но — передъ вами развернулась она во всей силѣ, — вы теперь какъ бы на площади стоите, и виденъ вашъ посреди ея весь создаваемый храмъ во всей необъятности и красотѣ, но онъ строится тихой и тайной будничной работой, и если вы теперь же, плохо зная общій планъ, возьметесь за нее—исчезнутъ для васъ очертанія храма, разсѣется видѣніе, не укрѣпленное въ душѣ, и трудъ покажется вамъ выше вашихъ силъ.

— Зачѣмъ,—съ тоской спрашиваю его,—вы меня гоните? Я себѣ мѣсто нашелъ, я—радъ видѣть себя силой нужной...

А онъ спокойно и печально говоритъ:

— Не считаю васъ способнымъ жить по плану, не ясному вамъ; вижу, что еще не возникло въ духѣ вашемъ сознаніе связи его съ духомъ рабочаго народа. Вы для меня уже и теперь отточенная треніемъ жизни, выдвинутая впередъ, мысль народа, но сами вы не такъ смотрите на себя: вамъ еще кажется, что вы — герой, готовый милостиво подать отъ избытка силъ помощь безсильному. Вы нѣчто особенное, для самого себя существующее: вы для себя — начало и конецъ, а не продолженіе прекраснаго и великаго безконечнаго!

Это воистину прекрасно. Это живое, конкретное чувство коллективнаго единства — столь же необходимый элементъ подлиннаго пролетарскаго соціализма, какъ и тѣ строгія, «холодныя» формулы, въ которыхъ многіе усматриваютъ альфу и омегу марксистской ортодоксіи. Въ эти слова «еретика» надо вдуматься каждому полусоціалисту! А много ихъ, гораздо больше, чѣмъ сами они думаютъ.

5. Чудо.

Мощь колектива, красота экстаза коллективной жизни, чудотворящая сила коллектива -вотъ то, во что вѣритъ авторъ, вотъ то, къ чему зоветъ онъ. Но не сказалъ ли онъ самъ, что народъ разрозненъ и подавленъ сейчасъ? Не сказалъ ли онъ, что коллективизма можно искать лишь въ народѣ новорожденномъ, на заводѣ?

Да, только тутъ, только въ собираніи коллектива классового, въ медленномъ строеніи общепролетарской организаціи настоящая работа по преображенію людей въ человѣчество, хотя тоже подготовительная работа. Это не значитъ, чтобы порывами, моментами не вспыхивало коллективное настроеніе, чтобы иногда и случайно не

сливались кое гдѣ человѣческія массы въ единоволющее цѣлое. И вотъ, какъ символъ грядущаго, какъ блѣдный прообразъ, — блѣдный по сравненію съ грядущимъ, но яркій по сравненію съ окружающимъ,— даетъ Горькій свое чудо.

Нѣкоторые шокированы обрядовой и суевѣрной обстановкой, наличностью старорелигіознаго экстаза, разношерстностью этой, скорѣе въ общемъ дикой и несимпатичной толпы. За этими соображеніями многіе не разсмотрѣли сущности.

Важны тутъ именно наличность общаго настроенія, общей воли. Коллективъ, правда, созданъ здѣсь искусственно и сила его фетишизируется въ умахъ участниковъ, но онъ все же созданъ, и сила налицо. Дѣло не въ томъ, чтобы отрицать начисто, апріори, а въ томъ, чтобы понимать и оцѣнивать. Какъ понять фактъ сладостнаго и грандіознаго душевнаго подъема участниковъ коллективныхъ религіозныхъ актовъ, фактъ развитія въ такой толпѣ новыхъ силъ, магнетически подчиняющихъ отдѣльные организмы? Это кусочекъ грядущаго, говоритъ авторъ, здѣсь случайно и искусственно произошло сліяніе психикъ. Основа всѣхъ почти чудесъ религіознаго міра— сліяніе душъ. И какова же оцѣнка? Самая положительная по отношенію къ факту, самая отрицательная по отношенію къ его формальной оболочкѣ. Все это ясно изъ размышленій Матвѣя послѣ чуда:

Видѣлъ я землю, какъ полную чашу ярко-красной, неустанно-кипящей, живой крови человѣческой, и видѣлъ владыку ея — всесильный, безсмертный народъ.

Окрыляетъ онъ жизнь ея величіемъ дѣяній и чаяній, и я молился:

— Ты еси тотъ Богъ и творецъ всѣхъ боговъ, соткавшій ихъ изъ красотъ духа своего въ трудѣ и мятежѣ исканій Твоихъ!

Да не будутъ міру боги иніи развѣ Тебѣ, ибо ты еси единъ Богъ, творяй чудеса!

Тако вѣрую и исповѣдую!

... И—по семъ, возвращаюсь туда, гдѣ люди освобождаютъ души ближнихъ своихъ изъ плѣна тьмы и суевѣрій, собираютъ народъ воедино, освѣщаютъ предъ нимъ тайное лицо его, помогаютъ ему осязать силу воли своей, указываютъ людямъ единый и вѣрный путь ко всеобщему сліянію ради великаго дѣла,—всемірнаго богостроительства ради!

Чудо—это знаменіе, а не выраженіе грядущаго. Это не то, къ чему зоветъ авторъ, а то, на примѣрѣ чего онъ даетъ намъ отчасти предвкусить желанное.

Но велика запуганность наша. Крестный ходъ? Иконы? Ризы? Кадила?—не хотимъ ничего слышать. Хотя бы въ этихъ условіяхъ развивались самыя любопытныя соціально-психологическія явленія. Такъ нельзя.

Основной принципъ марксизма—смотрѣть на весь міръ глазами аналитика и діалектика, откликаться на его явленія сердцемъ сознательнаго борца и безусловнаго коллективиста. Пусть читатель, на котораго напала робость отъ непривычнаго сопоставленія коллективизма и крестнаго хода, подойдетъ къ могучимъ страницамъ, гдѣ описано чудо, съ указанными предпосылками, и онъ увидитъ, какимъ прекраснымъ документомъ по психологіи коллектива подарилъ его писатель.

6.

Оглядываясь на всю «Исповѣдь», по ея прочтеніи слышишь словно стройную пѣсню. Начинается она дѣтскимъ экстазомъ, оди-

покой и жизнью еще нетронутой души, потомъ мутится и разбивается она въ диссонансахъ, столкнувшись съ дикимъ хаосомъ жизни, подымается надъ нимъ въ тоскливомъ полетѣ, полная исканій и боли, надрывается, отчаивается, опускается медленно, черная, какъ тяжелый воронъ, мрачная, какъ погребальный маршъ, безотрадная, какъ осеннія тучи. И вдругъ словно радуга развертывается по небу исполинскимъ вѣеромъ, все встрепенулось, все освѣтилось проглянувшимъ солнцемъ, словно, глотнувъ воды живой, подымается вновь пѣсня, сначала робко звенитъ, какъ-бы не вѣря счастью и спасенію своему, какъ бы робѣя передъ невѣдомой силой, приласкавшей озябшую душу. И все выше забираетъ, какъ жаворонокъ, и бросаетъ трели, будто увидѣла сверху тотъ «градъ», котораго взыскала давно и тщетно, и крѣпнетъ пѣсня, превращаясь въ славословіе новой силѣ и новой истинѣ, и кончается крикомъ буревѣстника, обѣщая что-то большое, страшное, свѣтлое! Это пѣсня «язычника», пришедшаго къ церкви истинной, это признаніе изстрадавшаго путника передъ лицомъ новорожденнаго народа—мессіи:

„Ты свѣтъ во освѣщеніи языковъ и слава людей твоихъ Израиля!"

„Позвольте разсказать жизнь мою: времени повѣсть эта отниметъ у васъ немного, а знать ее надобно вамъ".

Такъ начинаетъ свою повѣсть Матвѣй.

Да, эту жизнь надобно знать.

Передъ огромнымъ фактомъ проникновенія пролетарской истины въ массы, передъ фактомъ появленія новаго читателя, новаго мыслителя, мучительно, напряженно разсуждающаго о жизни, обществѣ, о мірѣ, о себѣ, готовящаго въ лабораторіи своего непривычнаго мозга какое-то страшное дѣло — дитя не инстинкта только, который плодитъ слѣпыхъ уродцевъ, а и мысли — передъ этимъ фактомъ, жалкой мелочью является политика на поверхности и съ дозволенія начальства, всѣ эти думы «Рѣчи», значеніе которыхъ «темно иль ничтожно», наглыя «Русскія Знамена» и пр., вся мышиная возня и пискотня мѣщанской публицистики и неопрятность мѣщанской литературы!..

Тамъ въ глубинѣ идетъ работа, звенитъ и шелеститъ что-то, какъ ночью тронувшіяся массы льда на рѣкѣ. Тамъ идетъ перемѣщеніе какихъ-то молекулъ, непреоборимый процессъ группировки силъ вокругъ новаго средоточія.

Освѣтивъ этотъ процессъ снопами лучей, Горькій вмѣстѣ съ тѣмъ и помогъ ему. Много Матвѣевъ, не переступившихъ еще свѣтлыя порогъ, придутъ къ нему прямѣе и скорѣе. Это работа во имя и на пользу нашей концентраціи.

Злитесь же, рыцари «добраго хаоса». Есть ли у васъ мѣщанскій нюхъ? Повѣрьте, проявленная нѣкоторыми изъ васъ готовность хирить, играть на то, чтобы «поссорить» Горькаго съ маркизмомъ, на то, чтобы немножечко хотя запачкать его вашими похвалами,—ошибочная тактика. И разъ замолчать новыя произведенія Горькаго вамъ невозможно, самое лучшее все-таки ругать ихъ. Ибо затемнить ихъ смыслъ софизмами—дѣло безнадежное. Они слишкомъ ярки. Если же кто либо воображаетъ, что Горькій сдѣлалъ хоть полшага на встрѣчу «доброму хаосу», — о, какое разочарованіе ждетъ такого простеца!

II. ВЪ БОРЬБѢ СЪ КНЯЗЕМЪ МІРА СЕГО.

1. Символъ вѣры.

Повѣсть Гусева прекрасна по основной мысли и очень богата красивыми страницами. Это не только лучшее изъ всего напечатаннаго до сихъ поръ авторомъ, но это до удивленія превосходитъ все его прошлое.

Есть, конечно, и недостатки. Есть нѣкоторая чрезмѣрная повышенность тона. Ну, да богъ съ ними, съ недостатками построенія, стиля и т. п. Лично я не чувствую призванія къ «эстетической критикѣ» и предоставилъ бы ее охотно г. Горнфельду, если бы онъ умѣлъ давать подобную критику. Но, хотя я не могу съ удовольствіемъ предоставить судьбы русской эстетической критики ни Горнфельду, ни кому другому изъ нашихъ «эстетовъ», хотя я и весьма огорченъ, что у насъ нѣтъ такой критики, несмотря на столь большое количество ея горячихъ защитниковъ—все же дѣло это не мое.

Въ отношеніи формы я просто наслаждаюсь, если автору удается мысли свои и чувства выразить со всею полнотою и силою, и морщусь, если чувствую неясность, воду, потъ, вензеля и пр., и пр. Когда произведеніе беллетристическое такъ неудачно, что не производитъ впечатлѣнія—я имъ не занимаюсь. Когда оно достаточно хорошо, чтобы сразу видно было, что это сила, ибо хорошее произведеніе искусства есть сила, то я спрашиваю себя, вредна или полезна она, и считаюсь съ ней, борюсь съ нею или стараюсь помочь ей, помочь не только въ борьбѣ съ окружающимъ, но и въ борьбѣ съ самой собою, если она запутывается въ слишкомъ длинномъ шлейфѣ или прихрамываетъ отъ какой нибудь занозы въ ногѣ. А если надо, я раздѣляю сложную силу эту на элементы и считаюсь съ каждымъ порознь.

Вотъ маленькое profession de foi во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній.

Такъ вотъ и теперь, если я буду говорить о недостаткахъ повѣсти Гусева-Оренбургскаго, то не о стилистическихъ, а объ идейныхъ. Они обусловлены существеннымъ «идеализмомъ» автора. Они сказались рѣзче всего въ томъ звучномъ вступленіи, которое должно, повидимому, вводить насъ въ серію «Сказокъ земли».

Какъ мы уже говорили, тема у Гусева-Оренбургскаго въ общихъ чертахъ та же, что у Горькаго: столкновеніе старой и новой вѣры. Въ предисловіи дается символъ вѣры автора, credo новой вѣры. Не останавливаясь на мелочахъ, мы можемъ признать правильнымъ все то, что съ такою горячею радостью говорится о родствѣ разума съ природой и сыновствѣ его. Мы доходимъ до такого мѣста:

«Природа была мощной Волей. Теперь она стала Идеей. Идея, сливаясь съ волей, должна была творить великую, несказанную Красоту, превращая эту милую землю въ прекрасный рай для прекраснаго существа. Но для этого Идея должна отражать Сущее. А Разумъ... создалъ Химеры. Какъ природа, творя Разумъ, шла ощупью по пути безчисленныхъ опытовъ, такъ Разумъ, познавая Природу, шелъ въ туманѣ впечатлѣній обманчивыхъ и невѣрныхъ. Въ жадномъ исканіи Истины онъ понялъ силы природы, какъ боговъ, владѣющихъ міромъ. Онъ сдѣлалъ вселенную жилищемъ этихъ боговъ. Онъ создалъ религію—культъ этихъ боговъ. Онъ создалъ мораль—волю этихъ боговъ.

И пришли хитрые и наглые и сказали:

— Вѣрь и повинуйся!
И волею боговъ стала воля хитрыхъ и наглыхъ".

Здѣсь видитъ авторъ основной вывихъ исторіи міра. Михайло изъ «Исповѣди» видитъ его въ распадѣ первобытной общины на личности.

Конечно, ни то, ни другое не вполнѣ вѣрно. Несчастія человѣка, даже чувствующей жизни, вообще начались съ тѣхъ поръ, какъ появилось самое чувство. Ибо рѣдко жизнь развивалась гармонично, въ большинствѣ же случаевъ болѣзненно ощущая на себѣ давленіе среды и борьбу живого между собою. Жизнь и сознаніе сами несутъ съ собою боль и скорбь, пока не станутъ побѣдителями и не гармонизируются внутри себя.

Но Михайло, смотря въ безобразное лицо современности, усматриваетъ ея главное и коренное зло—распадъ на личности, частную собственность, мѣщанскій эгоизмъ. Онъ ярко чувствуетъ, что именно въ сліяніи, общественномъ хозяйствѣ, въ организаціи человѣчества—исцѣленіе, и да простится ему, что кромѣ исцѣленія впереди онъ видитъ и рай позади, въ первобытной общинѣ, гдѣ на самомъ дѣлѣ человѣкъ былъ рабомъ природы, обычая и злымъ врагомъ «чужанина». Авторъ же того символа вѣры, которымъ начинаются «Сказки земли» вывихомъ считаетъ заблужденіе разума, то, что разумъ создалъ химеры. За причину онъ выдаетъ слѣдствіе. Основная причина бѣдствій человѣка, конечно, слабость его передъ лицомъ природы. Эта именно слабость дѣлаетъ неизбѣжнымъ тотъ соціальный распадъ, который служитъ необходимымъ переходомъ къ коллективизму высшаго типа. На извѣстной стадіи развитія это зло перестаетъ быть зломъ необходимымъ, становится основной болѣзнью нашего рода, главной задержкой развитія силъ его. И, конечно, гораздо грандіознѣе развернулась бы передъ авторомъ повѣсти «Одинъ» картина культурнаго развитія человѣка и гораздо ближе совпала бы она съ самымъ заглавіемъ разсказа, если бы онъ указалъ на ужасъ соціальнаго распада, порожденный недостаточной еще экономической силой человѣка. Если бы разсказалъ онъ, какъ ростъ этой силы отражается ростомъ разума, какъ она, эта коренная сила, сила труда, трагически сама сбрасывала съ себя тѣ путы, сама уничтожила тѣ химеры, которыя порождала въ силу своей ограниченности на предыдущихъ ступеняхъ своего развитія, то вывиха не было бы вовсе, блужданіе человѣка не представилось бы плодомъ ошибки, а лѣстницей, ведущей вверхъ, и стройно вытекало-бъ грядущее освобожденіе изъ самой картины діалектическаго развитія, создающаго формы, чтобы отрицать ихъ, разбившаго единство, чтобы возсоздать его въ расширенномъ видѣ.

Г. Гусевъ говоритъ:

„Внизу, въ долинахъ рабства, глухо шумѣло человѣческое море, вѣками слышалось непрерывное шуршанье милліоновъ ногъ, невѣрныхъ и жалкихъ...

...И звонъ цѣпей... и стонъ...

И крики кровавой вражды... и пѣсни скорби... и вопль недоумѣнія.

А одиночки, носители Истинъ,—эти яркія клѣточки въ темномъ мозгу человѣчества,—точно на скалахъ все перекликались, какъ часовые у выходовъ изъ огромныхъ тюремъ:

— Слу-ша-а-а-й!—звали они изъ вѣка въ вѣкъ. И вѣтеръ столѣтій разносилъ ихъ голосъ:

— Слу-у-ша-а-а-й!..

И пришла пора!"

Что же, громче закричали «одиночки», что ли?

„Бурно заволновалось человѣческое море и гордыя волны его ударились съ ревомъ въ берега Химеръ. Великая Идея стала достояніемъ массъ, напитала ихъ до боли въ груди, до страстной жажды мірового взрыва... великая идея Торжествующаго Разума: о блаженномъ существѣ на прекрасной, какъ рай, землѣ".

Это не только менѣе вѣрно, это менѣе красиво! Идея становится достояніемъ массъ потому, пора пришла въ силу того, что въ медленномъ, узловатомъ, колѣнчатомъ, поступательномъ ходѣ труда близко подошло человѣчество къ господству надъ землей, выковало мощныя силы и научилось уже наполовину работать, какъ единое тѣло.

Изъ предисловія въ этомъ, марксистскомъ духѣ логичнѣе вытекало бы дальнѣйшее, самая иллюстрація, самый эпизодъ борьбы стараго съ новымъ.

Химеры христіанства, мучающія отца Геннадія, остаются простымъ заблужденіемъ разума, а новая вѣра, вѣра въ человѣка и въ его свободное будущее, какимъ-то прозрѣніемъ. Между тѣмъ то и другое міровоззрѣніе выросло на почвѣ опредѣленныхъ соціально-экономическихъ отношеній, служа выраженіемъ двухъ формъ пролетарскаго мірочувствованія.

2. Міръ.

Человѣкъ и міръ. Что такое міръ, вселенная человѣку? Не рай. То, что онъ принялъ бы безоговорочно, было бы раемъ. Міръ не устроенъ спеціально для человѣка, ибо въ немъ существуютъ голодъ, страхъ, боль, смерть, разлука и длинный кортежъ другихъ отрицательныхъ явленій. Идиллическое пріятіе міра, какъ высшаго блага, какъ Эдема—это фальшивая панглоссовщина, которая никогда не увлекала человѣчества.

Греки, правда, принимали міръ, любовались имъ, благоговѣли передъ его порядкомъ. Но онъ не былъ для нихъ раемъ. Они принимали его, какъ суровую красоту. Надо быть смиреннымъ, умѣреннымъ и терпѣливымъ, большія требованія приведутъ къ страданіямъ, боги караютъ заносчивость и не любятъ слишкомъ счастливыхъ людей. Міръ есть порядокъ и ему надо радостно подчиняться. Тогда можно жить. Не такъ, чтобы уже очень хорошо, но не безъ радостей изо дня въ день. Пока не придетъ смерть, которая всегда хуже жизни. Космосъ—это красиво, величаво, божественно и... нечеловѣчно...

То же міросозерцаніе пріобрѣтаетъ еще болѣе суровый колоритъ въ распадомъ общественной жизни. Надо повиноваться законамъ природы, учитъ стоицизмъ, ибо бунтъ противъ нихъ смѣшенъ и болѣзненъ, въ самоотверженномъ повиновеніи, даже когда оно горестно, есть достоинства. А если не втерпежъ, то можно открыть себѣ вены въ теплой ваннѣ и отдать свое тѣло въ игрушки великому Пану.

Таково пріятіе міра въ его чистыхъ формахъ. Быть можетъ, болѣе древне, но и болѣе здорово, да и болѣе глубоко языческое пониманіе міра. Человѣкъ здѣсь принимаетъ солнце, когда оно грѣетъ, проклинаетъ его, когда оно жжетъ, дождь—другъ, когда полезенъ, врагъ, когда гноитъ растенія и множитъ болѣзни. Благословенъ свѣтъ и проклята невѣрная и лукавая, страшная тьма и т. д. Че-

резъ всю природу проходитъ здѣсь линія, дѣлящая міръ на добро и зло. Борозда эта проведена плугомъ человѣческаго утилитаризма. Если міръ не рай, то потому, что добрые боги не побѣдили еще злыхъ.

Переходимъ къ бунту, къ полному непріятію міра.

Бунтъ человѣческій констатируетъ несоотвѣтствіе идеала, выросшаго изъ живыхъ потребностей организма, и дѣйствительности.

Боги создали дѣйствительность, не считаясь съ человѣкомъ. Они бы и совсѣмъ погубили его, ихъ злыя намѣренія сквозятъ во всемъ. Человѣкъ сопротивляется. Міръ не только не рай, это почти адъ. Зевсъ, міростроитель и міродержатель, — Деміургъ, почти бѣсъ. И куда дѣваться? Поднять кулакъ къ небу и укусить его въ отчаяніи. Что же иное? Ты преступишь подлую заповѣдь и узнаешь добро и зло? Тебѣ ясно станетъ, благъ ли богъ? А дальше? Онъ пригнетъ тебя къ землѣ и заставитъ цѣловать палку, которой будетъ сокрушать твои ребра. Ты въ бѣшенствѣ начнешь громоздить горы на горы, строить башню, столпъ до его проклятаго жилища, а онъ молніей разобьетъ твою работу или коварно броситъ раздоръ между людьми. Куда бѣжать?

Естественно, что жить съ этимъ бунтарскимъ сознаніемъ нельзя. Оно гнѣздится въ немногихъ мозгахъ, другихъ оно поражаетъ, а они лишь робко повторяютъ мысли и образы грѣховодниковъ, чураясь ихъ въ то же время.

Пріятіе міра знаменуетъ собою соціальный застой еще устойчиваго общества, но уже лишеннаго настоящей внутренней силы. Это вѣра періода, непосредственно предшествующаго декадансу, который уже начинаетъ стоицизмомъ, этимъ міропріятіемъ и богоборствомъ сквозь стиснутые зубы. Бунтъ вышеописанный есть достояніе единицъ и группъ общества, очень развитаго культурно, но не имѣющаго силъ къ дальнѣйшему развитію экономическому. Это дерзость мысли, это кипѣніе духа, отчаивающагося въ то же время въ возможности борьбы и побѣды.

Только дуализмъ былъ здоровымъ міросозерцаніемъ здоровыхъ человѣчества. Крѣпкое вино арійское, освѣжающее. Пусть человѣкъ здѣсь на заднемъ планѣ, пусть кажется, что великую борьбу ведутъ межъ собою боги. Но благо боговъ совпадаетъ съ благомъ человѣка. Ихъ цѣль та же, что у него. И онъ помогаетъ имъ. И въ легендахъ о человѣкѣ-спасателѣ, о Саошіантѣ, Гераклѣ, Зигфридѣ—человѣкъ высоко, высоко цѣнитъ свою помощь богамъ.

3. Духъ.

Религія духа въ ея развитой формѣ есть тоже бунтъ противъ матеріальнаго міра. Міръ отвергается, какъ у бунтарей упомянутаго отчаянаго типа. Но нѣтъ мѣста отчаянію. Міръ признается безсильнымъ передъ духомъ. Деміургъ, создатель и владѣтель міра тьмы, гдѣ заключена и душа наша, будетъ побѣжденъ инымъ богомъ, духовнымъ, чистымъ, богомъ душъ нашихъ.

Болѣзненная демократія, древній пролетаріатъ сплошного страданія, у котораго болитъ его тѣло, которому нѣтъ радости — проклялъ міръ и отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ. Проклялъ онъ міръ и его нечестивыхъ любимцевъ, купающихся въ винѣ и грязи, среди золота и разврата, кровопроливцевъ и хищниковъ. Это рабы плоти

рабы сатаны, подручные князя міра сего. Бороться съ міромъ? Да, но убѣгая отъ него и надѣясь на бога, ничего общаго не имѣющаго съ міромъ. Въ такомъ мірѣ, какъ этотъ, какъ можетъ проявить себя богъ? Только, какъ рабъ, страдалецъ, мученикъ, всѣми заплеванный. Онъ здѣсь въ мірѣ ниже всѣхъ, ибо здѣсь вся лѣстница цѣнностей поставлена на голову. «Вѣрую въ бога на крестѣ! Страданіе и смерть—вотъ блага на землѣ». Какой безумный и величественный въ безуміи своемъ парадоксъ! «Но вѣрую еще въ другого бога, внѣ міра. Совсѣмъ далеко отъ міра. Только абсолютно очистившись отъ всего мірского, плотскаго, можетъ душа начать восхожденіе свое къ небесамъ, къ сіяющему бытію, которое съ мірской точки зрѣнія есть простое небытіе». Конечно, не только христіанство развернуло это міросозерцаніе. Весьма возможно, что настоящая родина самаго аскетическаго христіанства — въ Индіи. Да и никогда христіанство не было цѣликомъ вѣрно этому міросозерцанію. Хиліазмъ съ его вѣрой въ тысячелѣтнее царство наслажденія и правды на землѣ, компромиссныя формы примиренія бога и міра, все это заслоняло и заслоняетъ все болѣе истинное лицо аскетическаго христіанства. Но философски именно оно цѣннѣе всего, именно въ этомъ своемъ видѣ оно является какъ бы кульминаціонной точкой религіи чистаго духа. Манихеи, богумилы, альбигойцы настоящіе чистые мыслители. Ортодоксы всѣхъ типовъ — люди компромисса. Въ аскетизмѣ христіанскомъ еврейская вѣра въ абсолютную мощь духа и ничтожество передъ лицомъ Истины всякой силы матеріальной, и индусское отрицаніе кажимости, Майи, во имя единосущаго духа въ себѣ—слились въ странный, страстный, потрясающій аккордъ.

Это бунтъ противъ міра, соединенный съ покорностью самому фантастическому богу, какого придумывалъ человѣкъ. Но бунтъ рѣшительный. То, что трагично въ отцѣ Геннадіи, истинномъ и позднемъ представителѣ цѣлостнаго пролетарскаго христіанства, то, что и симпатично намъ въ немъ, это бунтъ его, подобный бунту Брандта, идеализмъ его, то, что передъ глазами его носятся образы какой-то высшей правды, то, что, отвращая взоръ отъ своихъ видѣній къ лицу міра, онъ содрагается, загорается гнѣвомъ, тоскою. Намъ симпатично это, потому что и мы не принимаемъ міра, и мы видимъ его лежащимъ во злѣ. Намъ кажется трагичной эта фигура, потому что она стремительно, искренно и самоотверженно идетъ по своей ложной дорогѣ. Она донесла до нашихъ дней мучительный протестъ угнетенной правды античнаго пролетаріата страданія и отчаянія. Это сила благородная, заблудшая сила. Отнесемся со вниманіемъ къ свидѣтельству автора. Еще есть подобнаго заблужденія силы въ христіанствѣ, въ духовенствѣ. Да поможетъ имъ новая истина выбраться на правильную дорогу!

Пищи для самаго свирѣпаго міроотрицанія наша соціальная дѣйствительность даетъ сколько угодно. Прекрасно раскрыто авторомъ міроотрицаніе о. Геннадія въ горячей страницѣ:

И все, съ чѣмъ боролся въ своей жизни о. Геннадій, претворилось въ образы, закружилось въ мутной мглѣ дикимъ хороводомъ...

Царство Зла распахнуло передъ нимъ горизонты и отовсюду,—нахальное, наглое,—лицо грѣха глядѣло на него съ гнуснымъ смѣхомъ оголенныхъ челюстей. И это было лицо человѣчества.. всѣхъ близкихъ и далекихъ, всѣхъ, кого онъ въ жизни встрѣчалъ, чьи признанія выслушивалъ, чьи души съ воплемъ склонялись къ ногамъ его..

Вотъ эти дѣти, развращенныя еще въ семьѣ, предающіяся пороку цѣлыми школами. И эти юноши, истощенные развратомъ, зараженные болѣзнью.

И женщины, торгующія тѣломъ... И женщины, погрязшія въ животной похоти, оскверняющія очагъ семьи.. И эти мужчины, ищущіе грѣха на перекресткахъ и въ темныхъ переулкахъ... Вотъ они всѣ,—наглые, циничные,—скрывающіе гниль души подъ маскою улыбокъ и внѣшнимъ блескомъ жизни.. Вотъ они, жадные, трясущіеся надъ золотомъ.. вотъ они, создающіе дворцы на костяхъ бѣдняковъ... вотъ они, завистливые, ненасытные, истребляющіе другъ друга за мірскія блага... вотъ они, наполнившіе землю криками вражды, потоками крови, преступленіями порока!..

Сойти внизъ съ высоты этого чернаго негодованія не значитъ ли опомниться? Примириться съ міромъ не значитъ ли превратиться въ заурядпаго попа? Но оставаться на этой высотѣ, на горѣ проклятія—какая мука! Все искажено, все разодрано. Ибо тѣло признается зломъ, живыя потребности организма — отвратительной гадостью, порывъ къ свободѣ, къ счастью—преступнымъ заблужденіемъ. А богъ такъ страшно далеко, не подаетъ вѣсточки, словно забылъ землю. Духъ мучительно гибнетъ въ непосильной борьбѣ. Безуміе, подобное безумію игумена, подкрадывается.

— Это царство діавола,—глухо говоритъ игуменъ. — Сойди сейчасъ на сто двадцать ступенекъ этой колокольни, и ты—въ его царствѣ! Отъ его дыханія не спасаютъ святыя стѣны обители. Стѣны храма не спасаютъ отъ него. Имъ проникнутъ каждый камень стѣнъ; отъ каждаго цвѣтка идетъ его дыханіе: каждая травка... сорви, вдохни ея запахъ... онъ войдетъ въ тебя съ ея ароматомъ и будетъ хохотать въ твоей плоти радостнымъ хохотомъ обладанія! Онъ входитъ въ тебя изъ воздуха, изъ солнечнаго луча... изъ звѣзды, если ты любуешься ею! Онъ шумомъ бури, пѣсней рѣки прельщаетъ тебя. Онъ зоветъ тебя сотней голосовъ, сотней глазъ смотритъ на тебя ласково и нѣжно. Предатель! Проклятый! Хитрый! Наглый! Онъ крадется въ мірѣ безшумными шагами. Смотри! Смотри! Эта желтая стѣна — его лицо! Румянецъ неба—румянецъ его щекъ. Солнце и луна—глаза его. Ты видишь? Видишь?

Міръ кинулъ этихъ людей своими ужасами въ бунтъ къ себѣ, и они извратили этотъ бунтъ, увѣровавъ въ чистаго духа, въ далекаго бога правды, чистоты и безтѣлесности, поставивъ себѣ недостижимый, пустой, мертвый идеалъ, осудивъ прекрасное, столь обѣщающее тѣло за его рану, которая исцѣлится же!

И уже совсѣмъ непроницаемая тьма покрываетъ все сущее въ глазахъ отцовъ Геннадіевъ, когда меркнетъ вѣра ихъ въ далекаго, свѣтлаго бога, тихій полюсъ воздыханій духа. Что же тогда? Тогда остается бунтъ отчаянія остается ужасъ безысходный. Это переживаетъ о. Геннадій, усумнившись.

Это страшное чувство затерянности, заброшенности въ огромномъ безсмысленномъ мірѣ одинокаго человѣка, лишившагося своего бога—весьма распространено, гораздо болѣе, чѣмъ думаютъ. Много сердецъ хватаются за какую-нибудь религію, чтобы не оказаться лицомъ къ лицу съ пустотою. Такіе передовые мыслители, какъ Лебонъ, Ледантекъ и другіе, проповѣдываютъ полное безочарованіе, міросозерцаніе отчаянія.

Трагичнѣйшимъ выразителемъ космическаго одиночества въ искусствѣ былъ, я думаю, французскій поэтъ Жюль Лафоргъ, рано умершій странный талантъ. Его иронизирующіе надъ самимъ собою, темные, ядовитые и тоскливые стансы, его музыкальныя и парадоксальныя „Жалобы" дѣлаютъ его настоящимъ голосомъ человѣчества, потерявшаго бога, нашедшаго міровую бездну и ужаснувшагося своей малости. Быть можетъ ликованіе искупленія, найденнаго отцомъ Геннадіемъ, искупленія не только отъ узъ старой вѣры съ ея проклятіемъ плоти, съ ея ложно направленнымъ бунтомъ, но и отъ безвѣрія съ его отчаяніемъ,—выступитъ ярче передъ читателемъ, если мы

приведемъ въ паралель мрачнымъ раздумьямъ усумнившагося священника нѣсколько строфъ изъ произведеній поэта „честнаго пессимизма, атеизма“ буржуазныхъ послѣдышей. Приведемъ хотя бы коечто изъ его „Траурнаго марша на смерть земли“, извиняясь, конечно, за недостатки посильнаго перевода.

Великолѣпныхъ солнцъ торжественный кортежъ,
Хоръ золотыхъ шаровъ въ пучинѣ тьмы печальной,
Тихонько провожай подъ стонъ твой музыкальный
Сестру застывшую... Угрюмый, погребальный
И факельно-сіяющій кортежъ!

* * *

Свершились времена, и умеръ шаръ земной
Въ послѣднемъ, хрипломъ, трепетномъ рыданьѣ,
Но Эха не было въ бездонномъ міроздапьи,—
Какъ гробъ кружился шаръ пустынный и нѣмой.
Земля, ужели ночь, размахомъ силы вѣя,
Какъ глыбой мерзлою кружитъ теперь тобой?
О, вспомни! Ты жила... Какая эпопея!..
Но, впрочемъ, спи... Конецъ... Остался лишь покой...
. . . . . .
. . . . . .
Родился человѣкъ, нечистый бунтовщикъ,
И хрупкою рукой покровы Майи рвалъ онъ,
Рыданьями въ звѣздахъ кого-то призывалъ онъ.
И головой потомъ въ отчаяніи поникъ..
. . . . . .
. . . . . .
О истеричный вѣкъ, когда боговъ чредой
Онъ схоронилъ и жалкимъ сиротою
Понесся среди тьмы съ малюткою-землею...
Но, впрочемъ, спи... Конецъ... Остался лишь покой!..

* * *

Костры, свинецъ, колеса и галеры,
Дома безумныхъ, гнойный лупанаръ,
Усилія ума, искусство, числа, мѣры,
Стенящая война и бѣшеный пожаръ,
И роскошь, сплинъ, любовь, святая жалость
И голодъ, алкоголь, недуговъ горькій рай,—
Трагедія земли и... страшная усталость...
Спи, спи теперь... Конецъ... Остался лишь покой!..
. . . . . .
. . . . . .
Ничто, одно ничто... О мраморы Венеры,
Безумецъ Гегель, сонъ мелодій и поэмъ...
И башенъ кружева въ полетѣ теплой вѣры...
Побѣды тщетныя желѣзныхъ теоремъ...
Все было сномъ... Повѣрь,—Ты не была живой.
Все одиноко, все... Нѣтъ зрячихъ, нѣтъ мышленья,
Есть тьма, есть время, есть круженье...
Ты грезила... Усни... Остался лишь покой!..

* * *

Великолѣпныхъ солнцъ торжественный кортежъ,
Хоръ золотыхъ шаровъ въ пучинѣ тьмы печальный,
Тихонько провожай подъ стонъ твой музыкальный
Сестру застывшую... Угрюмый, погребальный
И факельно-сіяющій кортежъ!

Настоящимъ спасеніемъ отъ этой пропасти отчаянія является коллективизмъ, который сразу нарушаетъ одиночество и открываетъ широкія ворота надежды.

О. Геннадія спасла отъ отчаянія, этого темнаго выхода изъ его иллюзорной вѣры въ фантастическаго бога—революціонная волна.

Новое міросозерцаніе, носителемъ и вѣстникомъ котораго явился для отца Геннадія его сынъ, выросло вслѣдствіе прогресса труда, проявилось съ особенной силой послѣ колоссальныхъ техническихъ завоеваній XIX вѣка, будетъ еще рости. При этомъ буржуазія, все болѣе тѣснимая новыми истинами науки и новыми методами труда, вырывающагося изъ ея рукъ, отнюдь не способна сдѣлать свѣтлый выводъ изъ успѣховъ человѣческой экономіи. Только пролетаріатъ, способный гармонизировать всѣ эти огромныя силы въ единостройное цѣлое, только онъ подводитъ въ своемъ научномъ соціализмѣ философскій итогъ новымъ способностямъ труда человѣческаго, новымъ возможностямъ.

Принимаетъ ли міръ новое міросозерцаніе? И да, и нѣтъ. Сынъ тоже бунтовщикъ, даже болѣе энергичный, чѣмъ отецъ, но граница зла и добра проходитъ для него въ иномъ мѣстѣ. Аскетическо-христіанство есть продуктъ отчаянія добиться достойнаго счастья и торжества правды земными средствами, усовершенствовать плоть. Новое міросозерцаніе полно надежды достигнуть этого успѣха. Поэтому отецъ отвергалъ весь видимый міръ для міра незримаго, духовнаго, — сынъ отвергаетъ одну половину явленій ради другой. Міръ принимается, какъ вмѣстилище безконечной силы, нашъ отецъ и нашъ братъ, но въ немъ не отражается отнюдь зло. Что такое зло? То, что вредно развитію жизни нашего вида. Подобнаго вреднаго много въ этомъ мірѣ; оно должно быть устранено, видоизмѣнено или обезврежено.

Красота природы и счастье жить, испытываемое моментами, служатъ какъ бы проблесками и сладкими, духъ захватывающими обѣтованіями того, чѣмъ станетъ жизнь при болѣе полной, при возросшей, благодаря труду, гармоніи человѣка и среды. Чувства любви, дружбы, товарищества даютъ представленіе о всемъ счастьѣ, которое могутъ доставить себѣ люди, приводя въ добрый порядокъ внутреннія отношенія свои. Бунтъ направляется противъ того, что въ глазахъ человѣка пачкаетъ и позоритъ жизнь.

И первымъ врагомъ, истиннымъ «княземъ міра сего», могучимъ и злобнымъ, отвратительнымъ и жаднымъ, является совокупность тѣхъ «властей», власти золота, крови, желѣза, обмана, насилія, которыя создались въ процессѣ роста общества, въ которыхъ сказалось хищническое желаніе удачливаго меньшинства навѣки удержать въ зависимости и горькой тьмѣ большинство. Не только во имя справедливости и счастья самыхъ обездоленныхъ, но прежде всего во имя возрожденія человѣчества, какъ одного могучаго цѣлаго, во имя снятія путъ съ ногъ и рукъ его, надѣтыхъ интересами паразитныхъ группъ,—объясняется великій бунтъ противъ стихій общественныхъ; но за нимъ не умаляется бунтъ противъ природы, поскольку она невольно подавляетъ насъ.

Прекрасная природа принимается, но отнюдь не какъ госпожа, скорѣе какъ очаровательная служанка человѣка. Тутъ мы имѣемъ случай рѣзко противопоставить два пролетарскихъ бунта: античный и новѣйшій.

Ибо, повторяемъ, отецъ Геннадій донесъ до насъ отголосокъ древ-

нято пролетарскаго міровоззрѣнія; онъ идеологъ ужаса предъ жизнью, а не представитель современнаго комфортабельнаго и государственнаго христіанства. Сынъ объ этомъ обо всемъ и говоритъ по своему отцу, носитель и вѣстникъ новой истины, которая окрѣпла и превратилась въ трудную, но исполнимую программу жизни съ пробужденіемъ классоваго самопознанія въ пролетаріатѣ. Восторженно говоритъ сынъ свои рѣчи и вотъ:

Степь расцвѣла цвѣтами.
Звенѣли пѣсни.
Мужчина и женщина, повитые полевыми цвѣтами, улыбались, какъ дѣти, нѣжныя дѣти земли, лучамъ солнца, золотымъ далямъ, утопающимъ въ зелени воздушнымъ постройкамъ вдали отъ черныхъ громадъ заброшенныхъ городовъ. И природа ихъ была прекрасна! Наслѣдственность дала имъ здоровье, силу, красоту. Они были довольны! И были вмѣстѣ, одинъ и другой. И наполнялась земля отъ любви ихъ красивыми, сильными дѣтьми, играющими среди полевыхъ цвѣтовъ. Изъ дѣтей выросли смѣлые люди, завоеватели міра... граждане царства красоты... Радужный мостъ въ безконечность развитія!..

Сопротивляется о. Геннадій, какъ и Матвѣй. Трудно повѣрить ему въ столь радостное освобожденіе. Такъ св. Петръ въ углу темной тюрьмы, на картинѣ голландскаго мастера, увидавъ, какъ въ распахнувшуюся дверь входитъ весь сверкающій, среброкрылый, златокудрый синеокій ангелъ, легкій, улыбающійся, какъ невѣста, ласковый, какъ мать,—закрываетъ рукою полуослѣпшіе въ темнотѣ глаза, почти испуганный дѣлаетъ движеніе назадъ, словно спрятаться хочетъ въ нѣдра ненавистной тьмы отъ милаго свѣта.

Разрѣшается и личная драма отца Геннадія, благодаря новому понятію имъ святыхъ правъ плоти и новому уваженію къ человѣку, новой нѣжной къ нему снисходительности.

И казалось ему, — онъ перешагнулъ черезъ себя прежняго, скорлупу „ветхаго человѣка" стряхнулъ съ себя.
Что-то дрожало въ немъ... свѣтлое!
Не прощенье... а пониманье!
Великое пониманье жизни!

. . . . . .

Онъ уносился на свѣтлыхъ волнахъ вдаль... вдаль.
И не было времени.
Не было пространства.
Внутри хрустальной слезы уносился онъ по безднамъ міра.
И не былъ онъ больше одинокъ.
Гдѣ-то вблизи него таилось близкое, протягивало къ нему милыя нѣжныя руки братства. Бодрыя улыбки чудились ему... звали смѣлые голоса. И въ груди его разросталось свѣтлое стремленіе, жажда—протянуть имъ руки, слиться съ ними въ радостномъ чувствѣ.

Побѣждаетъ новая вѣра, идутъ къ ней Геннадій и Матвѣй. Это наша концентрація. Не замѣчательно ли, что два писателя задумали и выполнили совершенно независимо одинъ отъ другого столь близкія по основной мысли и свѣтлому тону произведенія искусства?

IV. ВЪ ПРЕДРАЗСВѢТНОМЪ ТУМАНѢ.

1.

Разсказъ А. А. Золотарева «Въ старой Лаврѣ» можетъ служить удобной мишенью для стрѣлъ эстетической критики. Формально онъ очень несовершененъ. Но уколовъ и укоровъ подобной критики онъ можетъ не бояться, ибо его во всякомъ случаѣ спасетъ въ гла-

захъ читателя удивительное богатство содержанія и обаятельная задушевность, проглядывающая очень часто изъ-за причудливыхъ построеній и рѣчей дѣйствующихъ лицъ.

Мало того, разсказъ Золотарева остается замѣчательнымъ произведеніемъ, даже несмотря на свои огромные идейные недостатки, недостатки съ нашей точки зрѣнія, конечно.

Прекраснодушная восторженность согрѣваетъ и украшаетъ его, но она же повела къ тому, что авторъ видимо любуется и умиляется своими героями въ то время, какъ на дѣлѣ это люди заблуждающіеся. Сами блужданія ихъ, парадоксы, противорѣчія, заносчивость и смѣлое невѣжество авторъ словно готовъ выдать намъ за признаки силы натуры и характера. Мы встрѣчаемся здѣсь съ возвеличеніемъ романтизма истерическаго, мнимо титаническаго, а такое возвеличеніе особенно въ настоящій моментъ можетъ быть прямо вреднымъ.

И тѣмъ не менѣе такъ необычно, такъ богато нарисована у Золотарева эта серія смятенныхъ душъ, столько любви къ человѣку чувствуется въ каждой страницѣ, и такъ широко ставится вопросъ о связи человѣка, человѣчества и вселенной, что разсказъ вопреки всему съ честью занимаетъ свое мѣсто въ 23-ей книжкѣ «Знанія».

Почти весь разсказъ сводится къ длинному, странному діалогу, который всѣми собесѣдниками ведется какъ-бы въ одномъ тонѣ, притомъ тонѣ напряженномъ, повышенномъ, черезчуръ какъ-то уже откровенномъ, преувеличенно образномъ и немного претенціозно-мѣткомъ, въ тонѣ, которымъ никто никогда не ведетъ разговоровъ, развѣ порою герои Достоевскаго, такъ вѣдь и то въ книжкѣ. Струна бесѣды такъ натянута, что, кажется, того и гляди порвется, иногда какъ будто слышишь нервное постукиваніе зубовъ и ждешь, что сейчасъ разсказчикъ или собесѣдникъ расплачется и расхохочется въ истерикѣ.

Мысли и образы большіе въ своей расплывчатости, настроеніе теплое и смутное.

Общее впечатлѣніе—большая поверхность тумана, какую иногда видишь ночью подъ загадочной луною съ высокой горы. Туманъ этотъ ходитъ большими волнами, столбами, почти безплотный хаосъ, паръ, вспугнутый предразсвѣтнымъ вѣтромъ.

Мутно небо, ночь мутна, несмотря на то, что обстановка разсказа—прекрасная южная лѣтняя ночь. И въ мутномъ безпокойномъ освѣщеніи, подъ набѣгающими пятнами сѣрыхъ тѣней и блѣдныхъ просвѣтовъ проходятъ полупризраки чудаковъ, жалуются, смѣются, шепчутъ, ворожатъ, предсказываютъ.

Второстепенныя фигуры вродѣ стараго поляка, монаха-садовника, монаха-гостинщика чуть ли не лучше первостепенныхъ. Они и не выходятъ на сцену, какъ впрочемъ и одна изъ главныхъ фигуръ—геологъ, живутъ только въ разговорахъ Платоныча, но они не менѣе ярки, чѣмъ выведенные на сцену три героя. Можетъ быть, потому, что и герои эти призрачны. Мы не видимъ ихъ, а слышимъ. Молчитъ большая квадратная тѣнь Платоныча, смотрятъ изъ мглы, какъ на картинахъ Каррьера, недоумѣло-печальныя ямы глазъ Юноши, и рѣзко, немножко неумѣстно, такъ что плечами передергиваешь, закатывается смѣхомъ истеричная фигурка Лидіи. Зато рѣчи ихъ льются обильно и расплываются въ тепломъ туманѣ, какъ въ родной стихіи. Пространно построены иногда рѣчи эти. Платонычъ передаетъ доподлинно въ разговорѣ сказанную ему рѣчь Геолога, который тоже передавалъ ему въ свою очередь рѣчи третьихъ лицъ: что-то

въ родѣ цѣпи сказокъ, втиснутыхъ одна въ другую, встрѣчающихся у Шехеразады. Формальная спутанность эта, нѣкоторая неясность очертаній всей повѣсти очень идетъ къ ней. Ибо смутное настроеніе—это ея душа. Да, у людей, говорящихъ нервнымъ голосомъ надъ Днѣпромъ у старой Лавры,—туманныя души.

Толчкомъ, приведшимъ эти души въ то колебаніе, въ то хаотическое волненіе, которое они, дрожа всѣми нервами, передаютъ другъ другу, было для нихъ въ конечномъ счетѣ то же самое явленіе: ломка жизни, героемъ которой является пролетарій, а знаменемъ—научный соціализмъ. Но свѣтъ зари пестранно преломляется въ этихъ головахъ.

Іона, Михайло, сынъ Геннадія видѣли свѣтъ, преклонились, воспріяли, что смогли, и понесли въ міръ отблески великаго новаго зарева.

Геологъ, Платонычъ, Юноша, Лидія стоятъ спиною къ свѣту, не понимаютъ, не видятъ и не чтутъ его, а всматриваются въ порозовѣвшіе, побѣлѣвшіе туманы полузрячими очами и видятъ призраки, боятся, надѣются...

И они не захотѣли бы выйти изъ туманной долины на озаренную уже свѣтлую гору, не захотѣли бы вдохнуть горный воздухъ и глянуть сквозь его прозрачность на ясныя очертанія далекихъ предметовъ. Не только они, по повидимому и самъ авторъ любитъ хаосъ. Онъ вѣритъ вмѣстѣ съ Ницше, что этотъ хаосъ родитъ ему танцующую звѣзду. Между тѣмъ звѣзда уже давно сіяетъ на розовомъ востокѣ, пастухи уже почуяли простымъ сердцемъ, что родилось избавленіе, маги уже отправились въ путь. Но на тропахъ блужданія еще лежатъ тѣни и только причудливѣе стало отъ смѣси зари и тумана.

Каждый изъ героевъ повѣсти, скорбный или радостный, бьется въ своемъ порочномъ кругу. Вѣримъ автору, что и живые люди мутятся въ кольцахъ такихъ же змѣй, кусающихъ свой хвостъ. Посмотримъ, не размыкаются ли эти круги, если за нихъ взяться при свѣтѣ новаго сознанія?

2. Геологическая тоска.

«Естественникамъ все доподлинно извѣстно». Ужъ такъ ясно, такъ ясно, что съ презрительной жалостью смотрятъ они на богослововъ. А богословы сердятся. Однако, присмотрѣвшись, разобрались богословы въ одномъ интересномъ естественникѣ, заинтересовались. «Вижу, говоритъ разсказывающій о немъ Платонычъ, не однимъ смѣхомъ живъ человѣкъ, въ геологію свою всѣмъ нутромъ своимъ вѣритъ и при случаѣ жизни для нея не пощадитъ».

И внимательно слушалъ богословъ, какъ геологъ хоронилъ его бога. Тѣмъ внимательнѣе, можетъ быть, что въ самоувѣренной рѣчи человѣка, которому «все доподлинно извѣстно», звенѣли трещинки, и у него все тотъ же золотаревскій тонъ голоса, съ дробью зубовъ отъ волненія и съ опасностью перейти въ истерику.

Да и перешелъ. Вдругъ оказалось, что геологъ геологіей своей и всѣмъ міромъ науки страшно, трагично недоволенъ. Прорвало его:

«Одни люди у каждаго событія прежде всего лицо разглядываютъ, а затѣмъ крохотными символами своихъ словъ, сказокъ и пѣсенъ, философій и религіи торопятся весь бездонный рімъ вычерпать и въ свое сознаніе пере-

лять; а другіе сухими, безкровными формулами и законами—блудными дѣтьми своего монашескаго мозга — силятся всю вселенную обезличить, хотятъ задушить и сжать все живое и пышное разнообразіе міра въ единую, все пожравшую, какъ фараонова корова, математическую формулу. Ну, гдѣ же имъ, Платонычъ, другъ друга понять послѣ этого?.. А мнѣ,— повторяетъ,— вся эта нелѣпѣйшая канитель очень надоѣла, и я тѣхъ и другихъ за ихъ однобокость смертною ненавистью возненавидѣлъ,

— Слушаю я его и чувствую — съ ума сошелъ человѣкъ: нѣтъ у него больше стальныхъ рельсъ трезвой науки, по которымъ онъ такъ недавно легко и плавно катился, и летитъ онъ сейчасъ со всего размаху подъ косогоръ, летитъ, да еще радуется своей близкой гибели.

— А онъ точно угадалъ мои мысли, и говоритъ: это ничего, Платонычъ, что я съ ума сошелъ; это—ничего, это—хорошо».

Ничего хорошаго! Что это за такая неожиданная гордость, основательна ли она? Не истерическое ли это озорство? Неужто символы человѣческихъ сказокъ, пѣсенъ, религій и философій такъ ужъ крохотны? Видите ли, они слишкомъ малы передъ бездоннымъ міромъ, котораго ни символомъ не вычерпаешь, ни въ формулы не втиснешь. Но сознаніе безконечности міра у ученыхъ и непостижимости бога у хорошихъ религіозныхъ философовъ, очень прочно и ясно, имъ нечему учиться у геолога въ этомъ отношеніи. Есть и было не мало людей, понявшихъ слабость дѣтскихъ претензій некритическаго догматизма, но они не провозгласили ученій человѣческаго генія крохотными. Человѣкъ строитъ свое жилище на берегу океана вселенной изъ раковинъ, травъ и камней, которые бросаютъ ему волны. Великъ и безмѣренъ океанъ, но чудесна и роскошна и человѣческая постройка, да къ тому еще—разумна. Исторія разума во вселенной самый интересный изъ отрывковъ въ ея исторіи, а не «нелѣпѣйшая канитель». Она болѣзненна, чревата заблужденіями — все такъ, но презирающій ее самъ малъ и даетъ лишь мѣру крохотнаго роста своего, когда въ мечтахъ своихъ, взобравшись на плечи глухонѣмой великанши-природы, оттуда фыркаетъ на человѣческое строительство.

Геологъ и революціонными передовыми силами недоволенъ. Онѣ, по его мнѣнію, слишкомъ увлечены наукой:

„Ненадежная все публика. Какіе-то все у нихъ разсчеты и запасы на будущее, вездѣ принципъ экономіи силъ хотятъ проводить и нашу щедрую природу, за то, что у нея всего много и конечныхъ соображеній нѣтъ, хоть, скрѣпя сердце, и хвалятъ, но тоже, какъ и вы, богословы, переварить не могутъ и не смѣютъ. Тоску смертельную они на меня нагоняютъ, и возненавидѣлъ я ихъ не меньше, чѣмъ вашего брата. Очень ужъ отъ нихъ богословіемъ вашимъ попахиваетъ, и міровоззрѣніе у нихъ тоже, какъ у васъ, монастырское и слишкомъ мертвечиной отдаетъ. Они даже названіемъ у васъ позаимствовались: выпотрошили ваши неуклюжія слова и изъ монотеистовъ—монистами стали“.

Видите ли какъ! Недостаточно романтическаго размаха въ современной наукѣ. Все, что клеиетъ Геологъ на монизмъ современный—совершенная напраслина. Видно только, что естественникъ, т. е. работникъ онъ плохой. Ему медленное и твердое побѣдоносшествіе человѣка—скучно! Мѣру своей души даетъ тотъ, кому скучной и «конечной» кажется величавая работа поколѣній въ поискахъ за знаніемъ и мощью. Геологъ ждетъ какихъ-то новыхъ «дерзкихъ» людей и кажется, хотя рѣчи его обвинчивы, этими дерзкими людьми будутъ, по мысли его, какіе-то «щедрые» метафизики, которые будутъ пустить въ трубу критику и выбросятъ за окно методологіи. Впрочемъ, и эта перспектива не удовлетворяетъ Геолога:

„Ну, да это ничего, это хорошо. За ними придутъ такіе, у которыхъ больше дерзости и меньше славословія. Важно то, что начался процессъ

выщелачиванія и вывѣтриванія старыхъ идей, разрыхленія и распыленія твердыхъ породъ старыхъ истинъ, которыя удерживали и мѣшали разрушенію стараго зданія. Теперь всѣ сильные и чуткіе люди будутъ помаленечку уходить изъ разрушающихся храмовъ, гдѣ жили боги прошлаго. Это,—говоритъ,—безостановочный, неудержимый процессъ, и когда онъ закончится, начнется историческій праздникъ всеобщаго переворота... А мнѣ вся эта музыка до самаго конца извѣстна и потому у меня тоска смертная, и глядѣть ни на что не хочется. Пусть, кого угодно, это занимаетъ, а для меня все это скучные пустяки въ сравненіи съ будущимъ міровымъ пожаромъ. Прощай,—говоритъ,—дорогой Платонычъ, и помни о томъ, что предсказалъ тебѣ родившійся въ безвременье человѣкъ, который отравился нечеловѣческой тоской по грядущему всемірному пожару".

Что это за бредъ? Что душа Геолога тоскуетъ, это видно, тоскуетъ по какой-то порывистой и могучей жизни, но самъ онъ себя не понялъ, въ маніакальномъ изступленіи перемахнулъ черезъ всѣ человѣческія границы и забормоталъ что-то о міровомъ пожарѣ. Все, видите-ли, скучные пустяки, все будущее доподлинно извѣстно Геологу! Авторъ устами Платоныча восклицаетъ о немъ: «большущей, богатырской силы былъ человѣкъ».—Позволительно не согласиться. Слова Геолога какъ будто огромны, надменность его и превознесенность надъ человѣческимъ какъ будто гигантская, но вѣдь это не болѣе какъ манія величія, гашишное видѣніе невроната. Что реальное, какую цѣнность можно создать, вообразивъ себя такимъ великаномъ? «Я слишкомъ великъ для земли!» Но это слова именно воображаемыхъ великановъ, настоящіе начинаютъ сразу ворочать эту землю и туда, и сюда, и въ концѣ концовъ, словно Святогоръ, рады, если хоть воздухъ подпустятъ подъ тяжелую суму заданной намъ жизнью задачи. «Охъ, я великъ, такъ великъ, я—за міровой пожаръ, а посерединѣ—канитель!» Но вѣдь въ одномъ фырканьѣ все твое величье, въ одномъ великорѣчіи твоемъ. А на дѣлѣ уберутъ тебя въ маленькій ящикъ и помѣстишься ты туда весь. Ибо гдѣ дѣла твои, которыя свидѣтельствовали бы о тебѣ?

И Геологъ, и Платонычъ слишкомъ любятъ фейерверки.

Это хорошо, что люди тоскуютъ и ищутъ, гдѣ бы приткнуться. Но когда всякое дѣло для нихъ мало, по правдѣ, это значитъ, что они ни до одного еще не доросли. Людей, переросшихъ дѣло человѣчества, быть не можетъ. Если кто-нибудь скажетъ вамъ: «во мнѣ двѣ сажени росту!», повѣрите вы ему? Нѣтъ, вы скажете ему: «другъ, ты заблуждаешься! Поговори съ врачомъ».

Романтики, славьте величіе, славьте тоску человѣка, которому тѣсно въ бѣдныхъ комнатушкахъ нашего мѣщанскаго меблированнаго дома. Но остерегайтесь выдавать за величіе ту истерическую спесь, которая ходитъ надуваючись и все оглядывается: ой, какъ бы с шапкой-то звѣзды небесныя не обсыпала!

Да, но Геологъ величіе свое подтвердилъ самоубійствомъ! Но, видите ли, самоубійство есть просто провалъ на экзаменахъ. И самый худшій. Когда я умираю отъ чахотки — это легкія мои не выдержали экзамена. Когда убиваю себя — это не выдержалъ его мой мозгъ, мой духъ. Геологъ провалился на экзаменахъ. Онъ плохо понялъ, что такое наука, не зналъ, что такое соціальная борьба. Жизнь спрашивала, а онъ путалъ и вралъ. Онъ не вытянулъ на «удовлетворительно».

Мы все-таки пожалѣемъ его. Онъ говоритъ о себѣ: «Есть періоды, когда самый острый умъ становится не только лишнимъ, но даже вреднымъ; когда самый твердокаменный умъ плавится и испаряется въ яркомъ огнѣ вулканическаго неустаннаго дѣйствія. Это —

время геологическихъ переворотовъ, время перехода общества изъ твердаго въ жидкое, расплавленное состояніе, время, когда нужно прежде всего порвать безконечную цѣпь медленной эволюціи».

Конечно, цѣпи онъ не порвалъ, и острый умъ вреднымъ никогда не бываетъ.

Во время геологическихъ переворотовъ, подобныхъ нашему, разжиженіе мозга, если и не самого «твердокаменнаго», то иногда довольно все-таки твердаго—возможно. Все дѣйствительно рушится, идетъ новое, а отъ стараго щепки летятъ. Легко потерять равновѣсіе и за измѣнчивостью не усмотрѣть закона, сути, души ея; не усмотрѣть труда человѣческаго, эволюціи. Эволюція эта можетъ стать очень скорой, но въ ней есть тѣмъ не менѣе крутой и напряженный процессъ работы. А когда вдругъ покажется, что жизнь кинематографъ: вдругъ было истиной А, вдругъ стало В, вотъ прочно, вотъ испарилось, вотъ поль, а вотъ уже нѣчто,—когда потеряешь почву и поплывешь въ мірѣ феноменальности, тогда все покажется призрачнымъ калейдоскопомъ. Прибавьте къ этому увѣренность, будто намъ все «доподлинно извѣстно», и станетъ скучно и захочется выкинуть сальто-мортале, озорничать. Въ самомъ дѣлѣ, живешь въ призрачномъ мірѣ, какъ не задурить! А ты поди-ка, поработай, постарайся осуществить хотя небольшую свою задачу, и тогда увидишь, что за измѣнчивымъ лицомъ дѣйствительности идетъ борьба живыхъ силъ, отчаянная, рискованная, захватывающая. Перестанешь тогда твердить: «скучно, все доподлинно извѣстно», а въ кровавомъ поту зашепчешь: «ахъ, если бы побѣдить, охъ, если бы еще немного силы, знанія, умѣнія, чтобы не упустить мгновенія, пока горячо желѣзо!» Богатыри работаютъ, а не ораторствуютъ на тему о суетѣ суетъ.

3. Нехорошій смѣхъ хорошей барышни.

Лидія очень хорошая барышня, но смѣхъ ея намъ не нравится. Этимъ смѣхомъ авторъ, повидимому, хотѣлъ выразить тотъ избытокъ силъ, которому море по колѣно. Молодость, конечно, любитъ смѣяться. Но если печальнымъ было бы распространеніе среди нашей молодежи геологической тоски, топящей величіе и красоту человѣка и его задачи въ грандіозныхъ картинахъ космическихъ катастрофъ, то печальнымъ было бы, конечно, и то якобы сознаніе своей силы, которое ведетъ къ принципу: „а мнѣ море по колѣно!“

Геологъ—титанъ въ собственномъ и авторскомъ воображеніи, мы же въ его истеричной „словесности“ не усмотрѣли титанизма. И Лидія тоже титанка со своимъ смѣхомъ, „побѣднымъ“ смѣхомъ!

Бергсонъ говоритъ, что смѣхъ это музыка торжества жизни надъ препятствіями, праздникъ организма, на мгновеніе забывающаго свое положеніе осажденнаго, организма, ликующаго отъ сознанія своего существованія и своей силы. Отсюда выводъ: кто много смѣется—тотъ силенъ. Да. Или воображаетъ себя сильнымъ, что не всегда является признакомъ ума. Подъемъ Лидіи какъ разъ не кажется намъ прочнымъ, настоящимъ, а болѣе взвинченнымъ молодостью и истеричнымъ темпераментомъ; рѣшительность ея сужденій не идетъ объ руку съ вѣскостью. Намъ кажется, что мы встрѣчали подобныхъ смѣющихся въ сознаніи своей „силы“ и ужасно самоувѣренныхъ кокетъ. Боже сохрани поощрять ихъ въ этой самоувѣренности и восхищаться ихъ «серебристымъ смѣхомъ»; это значитъ готовить имъ

печальныя разочарованія, а иногда и лишать серьезное дѣло возможнаго сотрудника.

Просмотримъ немного credo нашей заливающейся смѣхомъ титаниши: «Неожиданно раздался звонкій, веселый, напряженно-нервный смѣхъ дѣвушки:

— Юноша! Жизнь сыграла съ вами плохую шутку,—заговорила она, и въ каждомъ словѣ ея задрожали буйная радость и веселье.—Отказавшись отъ безумной радости творчества, вы остановились затѣмъ, чтобы осмыслить и осознать жизнь, а она безостановочно побѣжала, стремительно понеслась мимо васъ, и вотъ принесла васъ на край могилы и не васъ одного".

Буйная радость Лидіи несомнѣнно нервно-напряжена, и не будучи склонны къ меланхоліи, мы отказываемся понимать, какъ можно съ хохотомъ говорить симпатичному тебѣ человѣку, что онъ валится въ могилу! Но молодость эгоистична, «сей возрастъ жалости не знаетъ», сказалъ баснописецъ, а о жалости и ея цѣнности мы еще будемъ говорить въ этой статьѣ.

Итакъ, нельзя останавливаться, чтобы осознать и осмыслить жизнь? Сомнительный принципъ. Осознать жизнь вовсе не значитъ «останавливаться», это значитъ именно бѣжать за ней въ догонку, ловить ее. Осознавъ жизнь, можно руководить ею, а стремительно несясь съ нею безъ смысла—пѣтушкомъ-пѣтушкомъ за ея колесницею—значитъ быть ея рабомъ. Боюсь, что начинаетъ вновь входить въ моду превознесеніе стихійности и умаленіе разума. Тенденція превредная.

Переходимъ къ центральной темѣ нашей философствующей хохотушки: «Идетъ время, Юноша, когда смѣлые люди сметутъ безъ сожалѣнія всю старую постройку; идетъ время, когда нужно выжечь въ себѣ любовь къ прошлому. Всякій, у кого сохранилась хоть капля любви къ старинѣ, ко всему, что было создано человѣкомъ въ прошломъ, ненадеженъ для будущаго, не сможетъ до конца бороться за счастье и свободу человѣка въ будущемъ».

Какую это старую постройку сметутъ смѣлые хохотуны? Не подумайте, что дѣло идетъ только о цѣпяхъ и тюрьмахъ всѣхъ формъ и видовъ, этого мало для нашихъ титановъ и титаншъ. Лидія говоритъ:

«Мы не пролили бъ ни одной слезы сожалѣнія о гибели всей культуры, всего неизмѣримаго труда человѣка, если бы этой цѣною могли купить себѣ счастье и свободу, ибо мы, люди, дороже своихъ дѣлъ, ибо не культура создала человѣка, а человѣкъ культуру».

Если бы передъ человѣчествомъ стала дилемма купить себѣ свободу и счастье цѣною гибели всей культуры, то смѣяться тутъ было не вечего. Что это за счастье безъ культуры? Вотъ свинья, напримѣръ, какъ говаривалъ Милль, счастлива безъ культуры. Что за свобода безъ культуры? Свобода голаго человѣка, даже голенькаго человѣчка? Люди сумѣютъ создать все сызнова? Вѣроятно. Но неужели тут-таки смѣха достойно, когда гибнетъ результатъ прошлыхъ трудовъ? Если бы наука, техника, самосознаніе историческое, гуманность, пріобрѣтенная вѣками, сокровища искусства—все сгорѣло бы у Кострѣ Саввы и Лидіи, это знаменовало бы собою тысячелѣтнюю остановку въ развитіи человѣка, и тутъ поистинѣ впору плакать. Лидія слышала звонъ о томъ, что человѣкъ важнѣе своихъ твореній, что нынѣшняя культура нуждается въ основательной ломкѣ и переделкѣ, и вотъ, захлебываясь отъ восторга, она городитъ ребячески дерзкій вздоръ. Богъ бы съ ней, да авторъ-то и его герои при-

даютъ значеніе этому вздору, умиляются этимъ задоромъ и могутъ ввести въ соблазнъ малыхъ сихъ. А надо бы сказать барышнѣ: «Лидочка, милая, а что, если бы вамъ поучиться? А? И поменьше бы смѣяться. Жизнь не водевиль и не балетъ съ превращеніями, а трудовая драма, тяжелая, хотя и торжественная, трагическая, хотя и возвышенно радостная въ хорошія минуты. Человѣкъ медленно и часто невѣрно возводитъ этажъ за этажемъ свою постройку, но достроился до европейскаго общества, демократіи, капиталистической индустріи, до изумительной техники и цвѣтущаго, постоянно новые плоды дающаго дерева познанія, онъ достроился до выступленія послѣдняго изъ классовъ подъ знаменемъ научнаго соціализма. И все это органически связано, все это одно цѣльное столпотвореніе. Часто надо разрушать невѣрно построенное, но какъ разрушаетъ архитекторъ, цѣняшій каждый камень, каждый часъ труда. Прошлое, оно темно, во многомъ ужасно, но какія побѣды тамъ одержаны, какія лица смотрятъ на насъ изъ глубины вѣковъ, какія сокровища намъ завѣщаны! Мы можемъ гордиться не только тѣмъ, что мы дѣды нашихъ внуковъ, но и тѣмъ, что мы внуки нашихъ дѣдовъ. Исторія мрачна, величава и чудесна. Надо любить прошлое, только, конечно, разумной любовью. И надо учиться. Прочитайте вы хорошихъ историковъ, вникните въ историческую концепцію Маркса, научитесь цѣнить науку въ ея ростѣ и уважать человѣческія усилія. А то вѣдь оказывается, что до васъ и исторіи-то не было, а начинается она съ тѣхъ поръ, какъ Лидочка да Саввушка, Пашенька да Петенька сговорились погубить все прошлое на одномъ кострѣ, ради своей свободы и своего счастья». Вотъ что надо было бы сказать юницѣ, а не кипѣть восторгомъ передъ ея ребяческой болтовней.

„Насъ мало, но мы сильны своей безконечной ненавистью къ старому; насъ мало, но силы наши удесятерятся, когда люди, въ конецъ, устанутъ отъ сѣрыхъ будней"... И дальше все мы, мы, чорть знаетъ, чего только не сдѣлаютъ эти мы! И наконецъ: „Мы идемъ на непрерывное разрушеніе во имя вѣчнаго созиданія".

Охъ, ужъ эти непрерывныя разрушенія. Это вѣдь мистическіе анархисты натолковали вздоръ этотъ. Ежели непрерывно разрушать, то созидать-то вѣдь некогда будетъ. Весело разрушать—знай жги, ломай, круши. Легкая штука! Но человѣкъ творецъ и строитель, разрушаетъ только, когда вынужденъ, и не безъ горечи, о непрерывномъ же разрушеніи говорятъ праздные болтуны и гордыя своимъ историческимъ невѣжествомъ дѣвочки. Между тѣмъ Платоныч приходитъ въ восторгъ: „Ваше творчество будущаго на первобытный хаосъ, по которому я скучалъ, очень похоже".

Я совершенно отказываюсь вѣрить, чтобы можно было скучать по первобытному хаосу. Хаосъ нѣчто почти абсолютно безформенное, невообразимое и недоступное воспріятію. Я бы сказалъ, что фраза Платоныча есть именно лишенная всякаго содержанія фраза, и еще хуже того, кокетничанье, титаническое оригинальничанье, за которое надо пристыдить человѣка. Но я понимаю психологическую подкладку, на которой выросла у Платоныча иллюзія, будто онъ любитъ хаосъ. Это человѣкъ большихъ физическихъ, органическихъ силъ, но нелѣпыхъ, нестройныхъ. Отдать свои силы на служеніе опредѣленной задачѣ Платонычъ не можетъ, какъ степной конь не можетъ ходить въ упряжи. Ему нужно такъ себѣ размахивать душою, такъ просто разгудись плечо, размахнись рука,—вотъ онъ и создаетъ себѣ утопическій міръ, въ которомъ какія-то огромныя силы пляшутъ, машутъ, рожаютъ

глотаютъ, кувыркаются въ пьяномъ забвеніи и восторгѣ отъ своей свободной игры. Это—хаосъ. Идеалъ жалкій, идеалъ лишнихъ людей, забулдыгъ, воображающихъ себя геніями, потому, видите ли, что они ни на что неспособны. Но неужели, спросятъ меня, не лучше быть „степнымъ конемъ неукротимымъ", чѣмъ упряжнымъ битюгомъ? Лучше быть человѣкомъ, чѣмъ скотомъ, хотя бы и степнымъ человѣкомъ. Человѣчье же, даже божественное въ человѣкѣ—разумная воля, планомѣрная сила, героическое, титаническое, скажемъ, усиліе дѣлать великое въ глазахъ своего идеала дѣло. Конечно, эстетически буйный разбишака съ большими силами лучше хорошаго работника съ кроотными силами ума и натуры. Но зачѣмъ же такъ сравнивать? А вы вотъ выдумайте самаго огромнаго Платоныча или возьмите самаго огромнаго, какого знала исторія, да и сопоставьте его съ любымъ изъ героевъ мысли и воли человѣческой, тогда и увидите, что цѣннѣе и красивѣе. Впрочемъ, какъ вообразить себѣ великаго Платоныча или какъ найти его въ исторіи? Даже Аттила и Тамерланъ были организаторами. Нѣтъ великихъ Платонычей, ибо величіе есть единство силъ, а кто по натурѣ и принципіально противъ единства за хаосъ, тотъ тѣмъ самымъ противъ величія за дебошъ, противъ жизни за смерть, наконецъ, ибо распадъ силъ есть смерть.

Юноша добавляетъ къ характеристикѣ Платоныча: «Не удивляйтесь, если въ минуту общаго горя Платонычъ „хвалите имя Господне" воспоетъ, или,—что еще выйдетъ хуже,—въ тотъ счастливый мигъ, когда вы свой вселенскій праздникъ въ честь своего единственнаго, недѣлимаго и неотъемлемаго отечества, Земли, праздновать будете, невзначай вмѣсто «многая лѣта» обновленной землѣ «вѣчную память» провозгласитъ и отъ счастливой и покойной жизни свободнаго человѣка снова навстрѣчу безпокойному Хаосу устремится».

Замѣтьте здѣсь эту странную мысль, на которой сходятся, повидимому, всѣ утонченнѣйшіе и титаничнѣйшіе герои А. А. Золотарева: либо вѣчное разрушеніе, либо с ч а с т л и в а я и п о к о й н а я жизнь. Отъ счастливой и покойной жизни дѣйствительно хаосу запросишь, но и вѣчное разрушеніе—прескучная исторія. До мысли же о вѣчномъ стремленіи, о вѣчномъ творчествѣ и строительствѣ какъ-то трудно додумываются наши герои-интеллигенты. И то сказать, работали ли они? Вѣдь не работа же зубреніе христовыхъ родословій и шатаніе по кабакамъ да публичнымъ домамъ. Не работа и истерическая „революціонная дѣятельность» барышенъ-анархистокъ типа Лидіи. Въ концѣ концовъ это люди праздные, разговорщики, оттого и трудно имъ принять и понять новое мірочувствованіе, въ которомъ центръ—грудь.

Колышется туманъ отъ предутренняго вѣтра. Заслуга автора въ томъ, что онъ ярко показалъ намъ это броженіе. И можно пожелать, чтобы побѣдилъ свою нелѣпость Платонычъ и нашелъ себѣ мѣсто въ великой работѣ нашего вѣка, чтобы Юноша тоже побѣдилъ свою метафизическую интеллигентную жалостливость, да и Лидія сбросила съ себя свою самоувѣренность. Всѣмъ «героямъ» надо учиться, чтобы понять, насколько жизнь грандіознѣе и красивѣе ихъ титаническихъ позъ и ихъ поэтическихъ порывовъ.

---

4. Метафизикъ страданія.

Если Лидія—Jeanne qui rit, то Юноша Jean qui pleure. Ей море по колѣно, а Юноша и лужу въ бродъ не перейдетъ. Лидія и на похоронахъ своего жениха захохочетъ, а Юноша и на собственной свадьбѣ восплачетъ и возрыдаетъ: „Жалость и состраданіе, остановившія меня, все сильнѣе, все глубже стали проникать все мое существо. Мало-по-малу я началъ жалѣть не только людей, но звѣрей, птицъ, деревья, всѣ растенія, всѣ жизни, все живое. Меня охватывало состраданіе даже къ вещамъ, и я не могъ жить, не могъ двигаться, не испытывая тяжелаго чувства: всюду мнѣ чудился тихій, плачущій голосъ, молившій о состраданіи. Я сталъ бояться самого себя; я пересталъ вмѣшиваться въ жизнь; я ушелъ отъ живой жизни"...

Естественно, что при такой болѣзненной чувствительности перспектива вѣчнаго разрушенія, которую рисуетъ Лидія, ему не по душѣ. Основныя положенія философіи Юноши такія: 1) Человѣкъ въ своемъ развитіи истребитъ и позорно поработитъ остальное живущее. 2) По прекращеніи борьбы межъ людьми начнется борьба съ обитателями другихъ міровъ. 3) Союзницей людей является смерть, и это ужасно.

1) Почему же человѣкъ станетъ истреблять и погружать въ позоръ живыя существа? Истребитъ онъ лишь такія существа, которыя грозятъ его собственной жизни. Не хочетъ же Юноша, чтобы люди отдавали себя на завтракъ голоднымъ тиграмъ, какъ Будда? Вообще же животный міръ только роскошнѣе будетъ цвѣсти съ торжествомъ человѣка, который естественно любитъ и еще больше будетъ любить все прекрасное и все живое.

2) Сознательный человѣкъ никогда не стремится къ убійству и раздору, но къ торжеству жизни и союзу разумныхъ силъ. Если бы человѣчество земли столкнулось съ другими разумными существами въ грядущій вѣкъ великаго уваженія къ жизни, то, конечно, было бы сдѣлано все, чтобы избѣжать убійства и раздора. Но если высшему типу оказывается абсолютно невозможнымъ продолжать существованіе, не истребивъ низшаго, то неистребленіе его было бы истребленіемъ высшаго типа. Это роковая дилемма, возможность которой однако уменьшается по мѣрѣ роста силъ разумнаго существа.

3) Смерть вовсе не союзница человѣка, а великая необходимость: никто не станетъ въ будущемъ пѣть хвалу убійству, какъ таковому, но жизнь въ развитіи есть претвореніе низшаго въ высшее, есть борьба; это связано со всѣмъ строемъ вселенной, гдѣ развитіе идетъ ощупью, создаются милліарды формъ и отбираются въ общемъ высшія. Не принимать этой борьбы значитъ признать свою негодность. Обострять ее безъ нужды, вызывать страданія для разумнаго человѣка невозможно, нелѣпо. Чѣмъ сильнѣе будетъ человѣчество, тѣмъ болѣе ограничитъ оно область страданія, вѣчно стремясь къ его полному устраненію. Но путь идетъ черезъ борьбу. Человѣкъ, изъ жалости отказывающійся отъ борьбы съ ужаснымъ, кровавымъ настоящимъ косвенно освящаетъ его и отвѣтственъ за него, онъ несравненно большій убійца, чѣмъ тотъ, кто убиваетъ въ борьбѣ за такой строй жизни, въ которомъ совершенно прекратятся убійства.

Жалость чувство почтенное и соціальное. Не разумная жалость

къ живущему должна рождать кипучую боевую энергію, ибо изъ двухъ золъ надо выбрать меньшее, а это обязываетъ на борьбу. Кто не противится злу изъ опасенія самому употребить насиліе—тотъ союзникъ этого зла, кто не защищаетъ жертвы отъ разбойника—самъ разбойникъ при всей своей святости. А слова людей, которые, борясь противъ энергичнаго сопротивленія злу, противъ безпощадной борьбы съ нимъ, „не могутъ молчать", слова эти въ общемъ похожи на то „слово", которое зналъ щедринскій карась-идеалистъ и которымъ онъ хотѣлъ поразить щуку. Какъ протесты Юношей, такъ и протесты Старцевъ могутъ щекотать нервы сантиментальныхъ душъ, а... Васька слушаетъ, да ѣстъ. Исторія идетъ впередъ. Точнѣе, вѣрнѣе, она топталась бы въ кровавой лужѣ, какъ на точилѣ, если-бы всѣ ненавистники смуты и насилія были непротивленцами. Движетъ ее борьба. Жестоко это, но это такъ, и разглагольствованіе не поможетъ. Поэтому лучше носить жалость свою, какъ талисманъ на груди, а сверху прикрыть ее твердой и блестящей бронею суровой радости борьбы и созиданія и опоясаться мечомъ гнѣва и святой ненависти.

Но Юноша не вполнѣ безнадеженъ, не вполнѣ отчаивается, онъ пророчествуетъ:

„Вотъ вотъ зажжется огонь Новой Религіи и согрѣетъ собою всѣхъ насъ, холодныхъ и неспособныхъ къ дѣйствію, объединитъ насъ, нелюбимыхъ, одинокихъ, и освѣтитъ намъ путь впередъ.

- Я вѣрю, скоро придетъ Новая Религія; она снова надолго освѣтитъ путь Человѣку, новымъ свѣтомъ своего сознанія она зажжетъ сердце Человѣка пламенной любовью не только къ самому себѣ, но и ко всему живущему во вселенной; она научитъ его восторгамъ жертвы собою для спасенія всего живущаго; она включитъ исторію преображенной земли въ нынѣ загадочный ходъ міроваго развитія; она обезсмертитъ весь міръ, все то, что было и живетъ, и побѣдитъ, наконецъ, и навсегда міровую смерть".

Если эта религія какая-нибудь красивая выдумка, самообманъ—пусть она и не приходитъ. Смѣлые и правдивые люди не примутъ вѣры никакого „утѣшенія", идущаго въ разрѣзъ съ честной наукой; если же эта „религія"—правильно понятая истина, то немногимъ будетъ она отличаться отъ того міросозерцанія, которое фактически, хотя иногда и мало сознательно, исповѣдуютъ всѣ, кто сплотился подъ знаменемъ труда. Борьба человѣка съ природой, борьба родовыхъ его слоевъ съ отсталыми, живыхъ его силъ съ мертвыми, жертвы которыхъ она требуетъ—это и есть борьба за торжество разума и счастье въ мірѣ. То, что жило, дѣйствительно безсмертно, только въ томъ, что живетъ и будетъ жить; такова историческая жизнь міровыхъ явленій. И повсюду одно усиліе къ совершенству, усиліе, становящееся все болѣе сознательнымъ.

„Ну, а что если борьба эта тщетна? Если не только конечной цѣли не будетъ (а ея не будетъ, да и не нужна она, не нужно конечной станціи движенію впередъ), но прервется самая нить жизни въ холодѣ замерзшей земли?" Вотъ чѣмъ непреложно отвѣчаютъ пессимисты. Что же, останется послѣднимъ людямъ пѣть о погребеніи солнца:

Великолѣпныхъ солнцъ торжественный кортежъ,
Хоръ золотыхъ шаровъ въ пучинѣ тьмы печальной,
Тихонько провожай подъ стонъ твой музыкальный
Сестру застывшую. Угрюмый, погребальный
И факельно-сіяющій кортежъ!

Однако будемъ помнить и то, что солнца не только погребальный кортежъ, а вѣчная возможность все новой, быть можетъ, все

болѣе роскошной жизни. Человѣкъ до конца будетъ бороться и расширять свое могущество, внося мысль, чувство, порядокъ во расширяющееся свое царство. Въ немъ будетъ жить, въ ощущеніи его, и въ мысли, и въ любованіи его воспринимаемая имъ вселенная, и онъ будетъ жить въ ней и говорить: „Я—это ты, связанная въ стройную картину моимъ мозгомъ, ты—это я, въ хаосѣ плодотворномъ, вѣчно богатомъ возможностями". Все ярче будетъ горѣть сознаніе, но если угаснетъ, то съ полною вѣрою, что вспыхнутъ другіе факелы. Гаснутъ и загораются солнца матеріальныя, гаснутъ и загораются солнца психическія... Человѣчество будетъ стараться разгорѣться поярче и организовать пошире и получше свою великую систему сознательности, своей культуры. Для этого оно изслѣдуетъ и борется, покоряетъ, воцаряется. Но какъ ни одинъ человѣкъ не долженъ считать себя единственнымъ, такъ ни одно человѣчество не сочтетъ себя послѣднимъ. Не расплываться во вселенной, не принимать ее идиллически, бороться за все большую мощь и за яркость сознанія, за максимумъ своей человѣческой жизни, бороться непремѣнно такъ, съ такой энергіей, какъ если бы мы были единственными разумными существами въ пространствѣ и въ вѣчности, но если придется встрѣтить смерть, не завѣщавъ своихъ завоеваній новымъ поколѣніямъ или инымъ человѣчествамъ, не обезпечивъ непрерывность исторіи и дальнѣйшую жизнь культуры нашей,—и тогда уйти не съ отчаяніемъ, а вернуться въ хаосъ матеріальнаго, говоря: „Слѣпая и плодовитая мать, возьми меня и твори; разбиваешь ты прекрасную урну и только глина остается, но знаю я, что въ рукахъ твоихъ, мать слѣпая, она опять оживетъ въ прекрасныхъ формахъ".

Спасеніе отъ смерти для индивида въ человѣчествѣ. И возможна здѣсь окончательная побѣда надъ смертью. А если и здѣсь она побѣдитъ—спасеніе во вселенной, гдѣ жизнь всегда сильнѣе смерти.

Не думаю, чтобы „религія", о которой говоритъ Юноша, отличалась сильно отъ такого мірочувствованія. Но герои Золотаревскаго пока проходятъ мимо новаго свѣта и ищутъ въ полутьмѣ. Пусть они и имъ подобные не замыкаются въ своемъ исканіи, воображая, что оно выше и красивѣе той большой дороги, на которую зоветъ пролетаріатъ. Вы ищете—глядите же внимательно и честно, не это ли тотъ спаситель, котораго ищете? Смотрите, не отвернитесь, не скажите: „не такимъ ищемъ мы его, этотъ—чуть не въ рубищахъ, прости его рѣчи, ходитъ онъ по землѣ и безъ должнаго величія, и обращается къ рыбарямъ; намъ нуженъ кто-то въ пурпурѣ и на бѣломъ конѣ, не то магъ какой-то, который полетитъ подъ небомъ, какъ Симонъ-волхвъ".

Смотрите, пройдете мимо, заблудитесь! Именно тутъ готовятся настоящія битвы, именно тутъ будутъ и настоящіе полеты, именно тутъ бьется сердце человѣчества, именно сѣрые ряды арміи труда идутъ навстрѣчу жизни во всей ея неизмѣримой, ужасной красотѣ. Здѣсь уже цвѣтетъ великое единство человѣка съ міромъ, единство настоящаго съ прошлымъ и будущимъ, единство странное, полное любви и борьбы!

На широкія, радостныя и торжественныя мысли наводитъ разобранная нами книжка. Возвышенныя темы, художественная разработка религіознаго міросозерцанія—не новость въ русской литер-

турѣ. Въ послѣднее время даже особенно громко звучатъ голоса разныхъ изобрѣтателей религій. Но какая разница! Здѣсь глубочайшая серьезность, правдивость и мужество, сторонящееся самообмановъ и соблазна мистики, духъ истиннаго прогресса, отраженіе растущей надежды растущаго и собирающагося воедино Человѣка,— тамъ испуганное стремленіе зарыть свою одинокую смертную голову въ лоскутки ветхихъ представленій и спрятаться отъ отчаянія своей классовой гибели. Тамъ нелѣпый, полный логическихъ противорѣчій дряхлый богъ, здѣсь юный, полный внутренней борьбы и мощи міръ и среди него гражданинъ его, разумнѣйшая его сила, его организаторъ—Человѣкъ, носитель мысли.

О, міръ и жизнь, какъ вы прекрасны въ неизмѣримости и невѣрности своей, въ мерцающей глубинѣ вашихъ безднъ, съ изумрудной звѣздою надеждъ во мракѣ тайны, отвѣтомъ на которую можетъ быть только отвага и усиліе! О, прошлое, длинная вереница отжившихъ, но живыхъ для насъ вѣковъ, лица темныя, окровавленныя, безумныя, о, лики другихъ грядущихъ вѣковъ, на губахъ которыхъ, кажется, расцвѣтаетъ улыбка неизвѣданной еще радости! Привѣтствуетъ васъ человѣкъ, глаза котораго раскрываются на краткій срокъ, какъ цвѣты луговъ, и снова закрываются въ покоѣ, привѣтствуетъ, потому что въ короткій день свой видитъ человѣкъ вѣчное и прекрасное, прилагаетъ руку свою къ его новому украшенію и заснная отдается роднымъ стихіямъ для новыхъ аватаръ. Чудесный, темный и звѣздный міръ, міръ живой воплями и грезами, страданіями, усиліями, наслажденіями твоихъ неисчислимыхъ живыхъ существъ— мы принимаемъ борьбу съ тобою, какъ участники великой твоей игры; ты бросилъ насъ вверхъ къ другой безконечности—будущему, къ нематеріальному солнцу солнцъ—идеалу, и мы летимъ, радуясь вашимъ крыльямъ и безъ страха смотря на пучину, ревущую внизу, готовую поглотить насъ. Жизнь интересна, жизнь грандіозна. Пусть теологъ обвинитъ меня въ „славословіи", но въ самомъ дѣлѣ, не хочется ли иной разъ взойти на какую-то высокую гору, раскрыть широко объятія и запѣть такъ, чтобы на мгновеніе всѣ страшные звуки и шумы міровой борьбы замерли, и все сущее на едва уловимый мигъ остановилось бы, вздохнуло бы: ахъ, хорошо существовать! И вновь устремилось бы въ грозу и бурю, ростъ и трепетъ, боль и битву всеожизни, поднимаясь механически, инстинктивно или сознательно ко все высшей гармоніи.

А. Луначарскій.

Михаилъ Морозовъ.

Старосвѣтскій Мистикъ.
(Творчество Бориса Зайцева).

I. МІРЪ ПОЛОНЪ ЗЛОБЫ.

Мраченъ, полонъ кошмара, этотъ эмпирическій міръ, который представляется позитивному оку, міръ раздробленія и раздѣленія. Онъ полонъ кровожаднаго неистовства и злобы. Ненависть царитъ въ немъ. Ненавидятъ даже камни, и божественный сосудъ величайшей любви — человѣкъ—въ позитивномъ полѣ не выше волка, зло торжествуетъ въ природѣ и стихійная необходимость есть выраженіе этого зла. Все истребляется другъ другомъ, все враждуетъ между собой, покорствуя темному, неясному, но властному голосу тлѣнной плоти. Только высшее пониманіе жизни, только отрицаніе плоти, какъ предѣла существованія, только безуміе любви освобождаетъ человѣка отъ рокового проклятія.

Такова въ общихъ чертахъ та основа, на которой вышиваетъ мелкимъ бисеромъ мистическіе цвѣты своихъ разсказовъ Борисъ Зайцевъ.

Литературная критика отмѣтила въ немъ лирика космоса, умиленнаго пѣвца гармоніи, нѣжнаго и деликатнаго поэта грубой вѣры въ мясо, поэта стихійной животности. Отъ ея вниманія не ускользнула и скромная застѣнчивость, съ которой г. Зайцевъ слегка любуется своей стихійностью. Но не замѣтили усердныхъ стараній поэта пріобщиться къ сонму философовъ новой мудрости, его поисковъ религіознаго смысла существованія, намековъ на мистическое жизнечувствіе и, наконецъ, его пренебреженія къ здѣшнему міру, къ голому человѣческому разуму; не замѣтили, что «свое» слово г. Зайцева прогоркло въ священномъ елеѣ и явственно отдаетъ душкомъ церковнаго ученія о дьявольской порчѣ міра, его гибели отъ вселенскаго огня и о спасеніи плоти отъ тлѣна.

Обезличивъ, обезцѣнивъ цѣнность здѣшней жизни, унизивъ разумъ, поэтъ не находитъ ничего существеннаго, что отмежевало-бы уже теперь человѣка отъ животныхъ или растеній. Предъ хозяйскимъ окомъ дьявола, этого властителя эмпирическаго міра, все живущее и сущее равноцѣнно, все равно способно къ злобѣ и страданію. Съ добросовѣстной объективностью эхонома г. Зайцевъ отмѣчаетъ на приходъ космосу новорожденныхъ растительнаго и животнаго царства. «Такъ шумитъ осень въ деревнѣ, —пишетъ онъ.— И ужъ ярко зеленѣетъ озимь, рождаются въ усадьбѣ новые обитатели, пестрый теленокъ, маленькій человѣчекъ, сынъ застольной кухарки, пара жеребятъ». Въ изображеніи поэта бѣлоствольныя березки стоятъ какъ невѣсты и поютъ хоромъ, а волки мыслятъ и изъясняются на великорусскомъ діалектѣ. Человѣкъ же утрачиваетъ свой отличительный признакъ — членораздѣльную рѣчь, предпочитая междометія для выраженія своихъ чувствъ. Это такъ сближаетъ его съ животными! Не въ тѣхъ же ли видахъ чуть-ли не во всѣхъ своихъ разсказахъ г. Зайцевъ заставляетъ

своего человѣка выспаться тутъ же, предъ читателемъ, а иногда ласково уговариваетъ даже: «Спи, тихонечко усни». Вѣдь именно во снѣ жизнь протекаетъ невѣдомая и смутная, таютъ грани сознательнаго существованія, и человѣкъ воистину сливается съ хаосомъ бытія.

Не только во снѣ, но и наяву души всѣхъ живыхъ существъ равноцѣнны. Даже тогда, когда г. Зайцевъ, повидимому, рисуетъ картину съ эпическимъ спокойствіемъ, оставаясь самъ въ тѣни, онъ незамѣтнымъ нажимомъ не преминетъ подчеркнуть одинаковость человѣческихъ и волчьихъ переживаній; и горе волчьей души становится ощутимымъ до боли.

Вотъ, напримѣръ, прелестное начало разсказа «Волки», украшеннаго эпиграфомъ изъ Гейне: «Тамъ рощи шумны, фіалки сини».

Это тянулось уже съ недѣлю. Почти каждый день ихъ обкладывали и стрѣляли. Высохшіе съ облѣзлыми боками, изъ подъ которыхъ *злобно* торчали ребра, съ помутнѣвшими глазами, похожіе на какихъ то призраковъ въ бѣлыхъ холодныхъ поляхъ — они лѣзли безъ разбору и куда попало, какъ только ихъ подымали съ лежки, и безсмысленно метались и бродили все по одной и той же мѣстности. А охотники стрѣляли увѣренно и аккуратно. Днемъ они тяжело залегали въ маломальски крѣпкихъ кустикахъ, искали отъ голода и зализывали раны, а вечеромъ собирались по нѣскольку и гуськомъ бродили по безконечнымъ пустымъ полямъ. Темное *злое* небо висѣло надъ бѣлымъ снѣгомъ, и они угрюмо плелись къ этому небу, а оно безостановочно убѣгало отъ нихъ и все было такое же далекое и мрачное.

Было тяжело и скучно въ поляхъ.

И волки останавливались, сбивались въ кучу и принимались выть; этотъ ихъ вой, усталый и болѣзненный, ползалъ надъ полями, слабъ за версту или за полторы и не имѣлъ достаточно силы, чтобы взлетѣть высоко къ небу и крикнуть оттуда про холодъ, раны и голодъ.

Бѣлый снѣгъ на поляхъ слушалъ *тихо* и *равнодушно*; иногда отъ ихъ пѣсни вздрагивали и храпѣли мужицкія лошаденки въ обозѣ, а мужики ругались и подхлестывали.

На полустанкѣ у угольныхъ копей иной разъ слышала ихъ молодая барыня-инженерша, прогуливаясь отъ дому до трактира на заворотѣ, и ей казалось, что это поютъ ей отходную; тогда она закусывала губу, быстро возвращалась домой, ложилась въ постель, засовывала голову между подушекъ и, скрипя зубами, твердила: „проклятые, проклятые!"

Этими же словами, не уступая молодой барынѣ, а даже превосходя ее въ экспрессіи выраженія, изъясняютъ свои чувства и хищные волки. «У-у, проклятые, у-у, проклятые!» —рычали они, оглядываясь голодными глазами на робкіе огоньки деревни и скалили зубы...

Характерны эти *злобно* торчащіе ребра, темное *злое* небо, *равнодушно слушающіе* снѣга, увѣренно и аккуратно убивающіе люди.

Ужасъ одиночества и отчужденности смотритъ отовсюду и также родственъ душѣ волчьей, какъ и душѣ поэта.

Вся бездушная природа, всѣ стихіи надѣлены сознаніемъ и волей, и при томъ волей злобной. Каждый одинокій кустикъ казался огромнымъ и страшнымъ; неизвѣстно было, не вскочитъ ли онъ вдругъ, не побѣжитъ-ли,—и волки злобно пятились. Сливая реальное съ миѳическимъ, дѣйствительное съ воображаемымъ, отраженное волчьей душой—съ внѣшнимъ міромъ, поэтъ создаетъ кошмарную картину.

Волки шли шагомъ. Безжизненные снѣга глядѣли на нихъ своими блѣдными полями, тускло отблескивало что-то сверху, внизу поземка *злобно* шипѣла, стлалась зигзагами по насту, и все это имѣло такой видъ, будто тутъ въ поляхъ всѣ знаютъ, что никому никуда нельзя добѣжать, что и нельзя бѣжать, а можно только стоять смирно, мертво и слушать. И теперь волкамъ казалось, что отставшій товарищъ былъ правъ, что бѣлая пустыня, дѣйствительно, ненавидитъ ихъ; ненавидитъ за то, что они живы, чего-то бѣгаютъ, топчутся, мѣшаютъ спать; они

чувствовали, что она погубитъ ихъ, что она разлеглась, безпредѣльная, повсюду и зажметъ, похоронитъ ихъ въ себѣ. Ихъ брало отчаяніе *).

Углубляясь въ волчью психологію, авторъ приводитъ бѣдныхъ звѣрей къ мысли о самоубійствѣ. Двумъ отставшимъ волкамъ «показалось, что лучше всего лечь и сейчасъ же умереть; они завыли, какъ имъ казалось, передъ смертью».

Еще бы! Ненавидящая пустыня, загадочное злое небо, начинавшееся въ летящемъ снѣгу прямо надъ головой, ядовито шипящая поземка, снѣгъ, насмѣшливо сыпящій въ морды, снѣжныя поля съ блѣдными глазами, вѣтеръ, злобно и насмѣшливо кромсающій волчью пѣсню...— есть отъ чего съума сойти.

Въ этомъ прекрасно, сжатымъ, скупымъ языкомъ написанномъ эскизѣ насъ интересуетъ, конечно, не мнимая волчья психика, а подлинная психика самого автора, его мрачное жизнечувствіе, крикъ одинокой души, наболѣвшей отъ страха одиночества, окружающей вражды и звѣрскаго равнодушія. На всемъ фонѣ пейзажа нѣтъ ни одного ласковаго тона. Это какъ будто сплошной бредъ безумнаго, одержимаго маніей преслѣдованія. Разорванный на куски и съѣденный старый волкъ-вожакъ довершаетъ картину безысходнаго отчаянія. Любопытно, у волковъ просыпается все-же чувство ужаса къ сдѣланному. Они какъ бы стыдятся, не хотятъ думать о своей кровожадной расправѣ. «Что-то ужасное, къ чему нельзя подойти близко, лежало надъ огрызками ихъ вожака и безудержно толкало прочь въ холодную темноту». Но человѣку, совершающему убійство безцѣльное и ненужное, г. Зайцевъ отказываетъ въ томъ, въ чемъ не отказалъ волкамъ. Такова «Мгла», гдѣ обрисовывается уже состояніе человѣчьей души охотника. И ставя рядомъ волчью душу и душу человѣчью въ изображеніи художника, отдаешь неизбѣжно предпочтеніе волку, который не обнаруживаетъ безкорыстнаго, безцѣльнаго, въ своемъ родѣ эстетическаго наслажденія убійствомъ.

II. ЧЕЛОВѢКЪ БЕЗПОЩАДЕНЪ.

Обстановка во «Мглѣ» та-же, что и въ разсказѣ «Волки». Зимніе полупотемки начинающагося утра, снѣжная пустыня, среди которой какъ призракъ движутся розвальни; старый «многоспытный» песъ Добычъ, «мудрый, всегда думающій», по своему, по собачьему размышляющій, смутно, затемненно; лѣсочки, что кажутся огромными лѣсными звѣрями, которые будто, только что проснувшись, потягиваются и зѣваютъ, и, наконецъ, человѣкъ, ничего не думающій, ни о чемъ не размышляющій, но уже предвкушающій острое и тяжелое наслажденіе пролитія крови: «что-то темное, мрачно-сладострастное подкатываетъ къ сердцу». И опять тотъ же далекій, неясно маячащій горизонтъ, охватывающій все, и опять та же насмѣхающаяся, враждебная, злобная и загадочная одухотворенность стихійныхъ силъ природы. Преслѣдуя усталаго раненаго звѣря, человѣкъ отмѣчаетъ, что «все вокругъ молчало, но имѣло ироническій видъ». Беззвучный выстрѣлъ наводитъ на мысль, «будто навалили въ гордомъ, пустынномъ мѣстѣ пухлый слой бѣлой ваты, чтобы разные чудаки не мѣшали звуками этому небу и этой землѣ, которая туда глядитъ».

---

*) См. Б. Зайцевъ. Разсказы, т. I: „Волки".

А раненый волкъ „бѣжитъ по дну оврага рысцой, усталъ. Снѣгу внизу много — паръ валитъ отъ него. Сейчасъ, Сейчасъ!.. Простымъ глазомъ видно, какъ хлестнуло его по боку, какъ мучительно онъ перекувыркнулся, завертѣлся на мѣстѣ и все таки рванулъ бѣжать. Я сжималъ всѣ мускулы въ себѣ, корчился отъ желанія схватить его, въ слѣпой ярости бросался внизъ за нимъ въ оврагъ, что-то кричалъ, какъ будто себѣ въ оправданье.. Въ горлѣ хрипѣло, пальцы хрустятъ, ротъ дергается и что-то безумное, сладострастно-жестокое владѣетъ мной; какъ будто руки мои жаждали теплаго, трепещущаго мяса, „его“ мяса, и я, не задумываясь, зарѣзалъ бы его, наносилъ бы ему безъ счета раны, только бы онъ былъ мой!“

Отъ этихъ сладостныхъ переживаній травли г. Зайцевъ не можетъ оторваться и шагъ за шагомъ прослѣживаетъ наростающее остервенѣніе охотника, изнемогающаго въ преслѣдованіи звѣря. Но вотъ волкъ увязъ въ снѣгу задомъ.

Оскаленная морда съ прижатыми назадъ ушами обращена къ приближающемуся врагу. Въ предсмертномъ сверканіи глазъ непримиримая ненависть.

Но онъ мой, мой! Теперь ужъ его сѣрое тѣло крѣпко сидитъ на мушкѣ моего ружья, — какое наслажденье! Отъ перваго выстрѣла, какъ отъ удара плетью, онъ весь передергивается, морда никнетъ въ снѣгъ.. Но онъ живъ, онъ судорожно вытягиваетъ еще въ стороны то одной, то другой лапой. Увязая по поясъ въ снѣгу, подбираюсь ближе... Теперь ужъ, въ десяти шагахъ, картечь шлепаетъ тѣсной кучей, шерсть въ одномъ мѣстѣ разлетается, какъ пухъ изъ подушки, закоптѣлый пыжъ валяется вблизи на снѣгу, и противное, истерзанное мясо вылѣзаетъ, кровавя снѣгъ вокругъ!... *).

Не правда ли, жутко становится за человѣка? По истинѣ ужасна эта цѣльность сладострастной жестокости, не знающей никакихъ колебаній, никакихъ предѣловъ. Человѣкъ-звѣрь предъ нами встаетъ во всей своей первобытной непорочности. Къ врагу нѣтъ пощады, для врага нѣтъ сожалѣнія. Ни кровь, ни жалкій видъ ковыляющей сѣрой фигурки спасающагося звѣря ни на мигъ не отвлекаетъ отъ ненужной и злобной жажды крови. Человѣческое спитъ въ человѣкѣ, сохраняющемъ въ полной мѣрѣ и силу сознанія, и отчетливость представленій, и яркость эстетическихъ переживаній. Ему «странно слышать грубыя слова въ торжественномъ полусумеречномъ воздухѣ», онъ замѣчаетъ, что снѣгъ не по утреннему бѣлъ и беззвученъ, что кровавый слѣдъ чистъ, гдѣ снѣгъ посуше, а по мокрому ржавѣетъ и расползается какъ «сіена» на сырой бумагѣ.

Какъ ни правдиво, по видимости, изображено охотничье опьяненіе, но за всѣмъ тѣмъ чувствуется какая-то нарочитая сгущенность красокъ, умышленное намусоливаніе злодѣйскаго въ звѣриной натурѣ человѣка. Подъ перомъ поэта волчья душа вырисовывается мягче и даже стыдливѣй. Слишкомъ ужъ неестественно неизмѣнное равнодушіе къ чужой боли и къ чужой смерти, которое проявляетъ зайцевскій человѣкъ не только во время охоты, когда ослѣпляетъ ярая, почти звѣриная страсть, но и послѣ, когда утомленный напряженной, но удачной травлей, онъ спокойно созерцаетъ окружающій міръ.

„Мы взвалили волка на розвальни и поѣхали. Стемнѣло совсѣмъ ужъ. Я лежалъ на спинѣ, вытянувшись во весь ростъ на розвальняхъ, придерживая лѣвой рукой волка, который лежалъ сонной рядомъ и тоже какъ будто смотрѣлъ въ небо. Впрочемъ, оба мы одинаково ничего не видѣли тамъ и не могли ничего увидѣть и понять: глухая страшная ночь чернѣла вокругъ насъ и надъ нами, и было все равно, смотрѣть-ли вверхъ, внизъ или еще куда. Все вокругъ было одинаково непонятно и враждебно намъ“.

Странно и дико звучитъ это «мы» охотника, отнесенное къ мертвому, замученному имъ же звѣрю. Только смерть примиряетъ и сгла-

*) Б. Зайцевъ. Разсказы, т. I, стр. 22.

живаетъ границы отчужденности и вражды, ибо къ мертвому тѣлу нѣтъ притязаній, оно уже не можетъ питать сладострастной жажды крови.

Они возвращались почти друзьями. На раскатахъ волкъ откатывался и человѣкъ обнималъ его...

«Дома волка трогали, жали, щупали; только старая, почти лысая кухарка Аграфена, которая прожила около восьмидесяти лѣтъ, всматривалась въ него угрюмо и молчаливо». Предчувствіе близкой смерти какъ бы сблизило старуху и убитаго звѣря.

„На улицѣ же въ это время вылъ и крутилъ уже яростный вѣтеръ и дергалъ ставни оконъ. Много позже, когда всѣ въ домѣ спали, я отправился черезъ цѣлую вереницу пустыхъ, гулкихъ комнатъ въ залу посмотрѣть, заперта-ли балконная дверь.

Толкнувъ ее, я вышелъ на балконъ. Снѣгъ слабо бѣлѣлъ на немъ, а дальше чернѣла, какъ непереходимая бездна, безконечная бушующая мгла, то свивающаяся вихрями, то удушающе налетавшая спереди, съ всемъ охватывая всего, съ головы до ногъ.

Вспоминая нашу пустынную борьбу, тамъ, въ безлюдномъ полѣ, я не испытывалъ ни радости, ни жалости, ни страсти. Мнѣ не было жаль ни себя, ни волка, ни старую кухарку Аграфену, но не было бы странно и то, если бъ въ этой безлюдной тьмѣ я увидѣлъ неподвижное лицо Вѣчной Ночи съ грубо вырубленными, сдѣланными какъ изъ камня огромными глазами, въ которыхъ я прочелъ-бы спокойное, величавое и равнодушное отчаяніе".

Отчаянье—вотъ слово, которое составляетъ разгадку онѣмѣвшей души. Равнодушное отчаяніе, какъ отзвукъ сознанія своего безсилія и безволія предъ звѣрскимъ ужасомъ жизни, пожираемой смертью и утверждающейся на смерти же.

III. ЗВѢРИ.

Коллективный человѣкъ не уступаетъ одинокому въ мрачномъ сладострастіи убійства. Съ угрюмой безпощадностью вскрываетъ художникъ хищные и кровожадные инстинкты толпы, лишенной человѣчьяго облика на всемъ протяженіи разсказа «Черные Вѣтры».

Холодно, слякоть. Отъ дождя все вотемнѣло. На площади стальныя лужи, и сумерки кружатъ, вѣютъ темной птицей. На вокзальной площади кольцо мясныхъ лавокъ. Въ нихъ висятъ свѣжія туши, рубятъ мясники, и кое гдѣ подвѣшенныя рыбы,—какъ жирные плавни. Посреди площади, у водокачки, сбились кучей ломовики—громадные въ бѣлой мукѣ; красные глаза у нихъ сверкаютъ.

— А-а, Сволочь! Мы имъ покажемъ!

Поѣздовъ съ вокзала нѣтъ, товарные склады бозмолвствуютъ. Ломовики свирѣпо кричатъ. Ихъ лошади грызутся, дыбятся, и по временамъ возчики жестоко бьютъ ихъ кнутовищами въ морды; и всѣ эти бѣлые гиганты, желѣзный грохотъ телѣгъ, кулаки, драныя одежды и распухшія вѣки—все сливается въ однихъ злобныхъ земляныхъ духовъ.

— Только сунься, мы имъ покажемъ! Только пусть попробуютъ!

Приказчики изъ мясныхъ склабятся и сучатъ рукава. Мрачная кровяная туча стелется по землѣ, ползетъ, какъ тяжелый паръ. Элеваторы на путяхъ желѣзно-отблескиваютъ.

Вдругъ изъ-за станціи движется что-то: глухо-чернѣющей лентой тянутся рабочіе; поютъ, зверхъ летятъ шапки. Эта горячая волна ближе, ближе.

— Идутъ, идутъ, не зѣвай!

Черный потокъ все виднѣе. Ломовики бурлятъ; наскоро выламываютъ слѣги, появилось дубье, бѣгутъ приказчики, вметываютъ батоги, и какъ орда скиѳскихъ звѣрей рушатся они на противниковъ. Тусклый вѣтеръ кружитъ надъ площадью, сумракъ рѣетъ; мучныя, вихрастыя волны злой; точно огненная буря охватила всѣхъ, гигантская масса воетъ, бьетъ, кромсаетъ; тѣло хлыскаетъ, бьютъ по живому, рвутъ; въ кровавомъ бѣшенствѣ загоняютъ во дворы, давятъ, кусаютъ. Лошади мечутся, телѣги грохочутъ.

— Узнали какъ бунтовать! Узнали! Узнали!

Красная мгла застилаетъ глаза. Хочется бить другъ друга, бьютъ своихъ, себя—откусить себѣ руки и въ пьяномъ экстазѣ броситься подъ колеса телѣгъ или товарныхъ вагоновъ. Уже черныхъ забастовщиковъ нѣтъ, какъ раздавленные муравьи спинули они куда-то, и теперь ломовые бьютъ союзниковъ. Мясныя трещатъ, стекла выскакиваютъ; засверкали убойные ножи—около освѣжеванныхъ тушъ.

Разбой! помогите!

Казаки — сухой вихрь. Узкія поджарыя лошаденки вонзаютъ сѣдоковъ, какъ стрѣлы, въ глубь свалки; снова хлестъ, нагайки, свистъ.

Такъ рисуетъ уголъ жизни хлѣбнаго города кроткій, нѣжный лирикъ, какимъ многіе почему-то представляютъ себѣ г. Зайцева. И какъ во «Мглѣ» онъ возвращается къ переживаніямъ человѣка послѣ травли и убійства звѣря, такъ и здѣсь вслѣдъ за кошмарнымъ описаніемъ погрома поэтъ широкими штрихами набрасываетъ картину отдыхающаго города.

Прошло полчаса—никого нѣтъ. Дождикъ сѣчетъ голую заплаканную площадь. На ней клочья крови, сбитыя шапки, и по угламъ таится горячее страданіе: боль изувѣченныхъ скулъ, расквашенные носы, глаза, зубы. Въ свистѣ вѣтра кричатъ черные вороны, предвѣщая мракъ, фонари жалки, и всѣ лавки угрюмо заперлись. Тяжелый тучный и сытный городъ лежитъ вокругъ; по низкимъ улицамъ рядами дома купцовъ и лабазниковъ, — хлѣботорговцевъ, булочниковъ, бакалеевъ. Ставни заперты, захлопнуты шеколды, и изнутри, со дворовъ, лаютъ собаки. Близокъ часъ сна: пелена жирнаго сопѣнья охватываетъ эти углы; передъ тѣмъ, какъ отойти къ постелямъ, отягчавшая отъ денегъ, пеньки, бочекъ мысль ворочается въ головахъ; волосатыя тѣни накаляются изнутри жаромъ съѣденнаго за день; кулебяки, гусь съ капустой—переходятъ въ нѣжно-пламенныя желанія, и передъ ночнымъ отдыхомъ волна наслажденій закипаетъ въ этихъ домахъ, гдѣ пахнетъ снѣдью, лампадками и накопителями-предками.

Какая тяжелая и грубая кисть! Горячее страданіе послѣ погрома художникъ сводитъ безъ малѣйшей ироніи къ боли изувѣченныхъ скулъ и расквашенныхъ носовъ; мысль, отяжелѣвшая отъ бочекъ, ворочается въ головахъ, волосатыя тѣла накаляются, какъ печи, изнутри снѣдью, гусь съ капустой и кулебяки переходятъ въ темно-пламенныя желанія! Аляповатая небрежность и шаржъ рисунка здѣсь замѣняютъ паѳосъ негодованія, внушая отвращеніе къ этому городу и къ этимъ людямъ, такъ грубо и презрительно описаннымъ въ мнимо-объективной и спокойной картинѣ.

Даже женщины циничны и звѣрски грубы и, отходя ко сну, злорадствуютъ вмѣстѣ съ мужьями.

— Я молодцамъ накажу: ежели у лабаза увидятъ стриженую—безъ разговоровъ, тащи сюда! Мы ужъ тутъ разглядимъ, что тамъ у неё красное!

Въ отвѣтъ безстыдное рычаніе и ласки вдвойнѣ.

Недаромъ эту звѣриную жизнь поэтъ торопится погрузить вмѣстѣ съ собаками, лошадьми, «всѣхъ въ одну безвѣстную хлябь» сна. Но и здѣсь кажется ему, «что въ этой ночной, хмурой жизни въ спящихъ тваряхъ вновь сгущается тьма, злоба, тяжесть».

Литературная критика вмѣняла въ заслугу нашимъ классикамъ умѣніе отыскать въ самомъ обомшѣломъ и преступномъ сердцѣ божью искру. Вмѣсто ненависти къ людямъ-злодѣямъ внушалась боль по загубленномъ въ нихъ человѣкѣ и вся сила удара направлялась на соціальныя условія жизни, раздѣляющія людей на враждебные станы. Учитывалась великая потеря для дѣтей тьмы, ибо быть человѣкомъ величайшее благо и величайшее зло - всякая неосуществленная возможность человѣка, въ благородномъ значеніи этого слова. Жаль тѣхъ, которые могли быть людьми, а влачили жизнь звѣреобразную. Такъ своеобразно культъ личности претворилъ идею христіанской любви къ врагу. Но благо-ли быть человѣкомъ для г. Зайцева? Нѣтъ, это только горестный удѣлъ, который мы покорно должны влачить на грѣшной землѣ.

И хотя г. Зайцевъ, повидимому, освобождается отъ романтическаго гуманизма абстрактнаго человѣка, хотя онъ чуждъ всеобъемлющей любви къ врагамъ, но было бы ошибочно заключить отсюда, что въ основѣ его безпощадной характеристики черной сотни лежитъ реалистическое пониманіе классовой психологіи. Соціальныя антипатіи, выступающія здѣсь, имѣютъ иные корни и рѣшающимъ моментомъ является все тотъ же абстрактный человѣкъ, только вывороченный на изнанку, ибо вообще человѣческая натура представляется поэту темной и низменной въ своей животной основѣ. Вотъ почему, говоря съ холоднымъ безстрастіемъ о влеченіи къ убійству, художникъ видитъ въ немъ не паденіе человѣка, а лишь естественное выявленіе его внутренней природы. Это не паденіе и не пароксизмъ безумія, какъ хочетъ показать г. Купринъ въ своемъ разсказѣ «Убійцы», а одно изъ звеньевъ въ цѣпи естественнаго процесса жизни. Убійца г. Зайцева не кается, онъ органически лишенъ возможности по существу своей природы испытать когда либо стыдъ или отвращеніе къ своему дѣянію. Г. Зайцевъ какъ бы пишетъ отвѣтъ А. Куприну, у котораго трагизмъ жертвы стушевался предъ трагизмомъ ея убійцы, задавленнаго ужасомъ далекаго воспоминанія о содѣянномъ. А. Купринъ тоже говоритъ о непреодолимой стихійной силѣ «тихаго влеченія убивать», но онъ называетъ ее подлой и видитъ въ ней не звено естественнаго процесса жизни, а патологическій надломъ въ угнетенной психикѣ человѣка, временное помраченіе разумной воли и нравственнаго сознанія. А главное, наряду съ этимъ онъ выдвигаетъ органическое отвращеніе къ убійству, какъ глубочайшую основу человѣческой природы, независимо отъ жалости или ненависти къ жертвѣ, независимо отъ характера соціальныхъ симпатій. Это глубокочеловѣчный мотивъ и онъ намъ ближе и роднѣе, чѣмъ равнодушное отчаяніе, которое г. Зайцевъ прочелъ въ нарочито выдуманныхъ имъ каменныхъ глазахъ ночи.

IV. ХРИСТІАНСКАЯ КРОТОСТЬ.

На всемъ протяженіи разсказа г. Зайцевъ не измѣняетъ своей жестокой и хладнокровной непріязни къ человѣку города. Чувствуется органическая ненависть къ темнымъ заблудшимъ людямъ, я бы сказалъ, святая ненависть, если бы она толкала на дѣйственный подвигъ, на борьбу. Вы послушайте, сколько уничтожающаго презрѣнія и равнодушной брезгливости вложено въ это, напримѣръ, изображеніе всероссійской сыти:

Грязное и туманное утро: праздникъ. Въ городѣ звонятъ въ церквахъ, и идетъ темный народъ. У часовенъ, иконъ, шныряютъ монахи, съ амвоновъ читаютъ проповѣди. А на улицахъ сплошной грохотъ — плетутся домотканые плетки, проносятъ въ рыдванахъ иконы; стоятъ дюжіе дворники, воняютъ нечистоты дворовъ, мутнѣютъ трактиры, хлюпаетъ грязь подъ ногами, кипитъ тяжеловѣсное тѣло, всероссійская сыть.

Ненавидитъ художникъ эту сыть, которая злится, что желѣзныя дороги не работаютъ, что снѣдь подорожала и нѣтъ подвоза водки. Не жалѣя темныхъ красокъ, рисуетъ онъ, какъ прежняя жизнь, косолапая и развалистая, глухо рычитъ въ подпольяхъ, какъ оттуда оскаливаются ея зубы. Предъ нами проходитъ рядъ варіантовъ звѣриной злобы и насилій. «Черная сила обкладываетъ городъ, точно гигантское тѣло народа выгнало ядовитую сыпь, темную злую болѣзнь». Здѣсь

бьютъ съ остервенѣніемъ человѣка въ синей фуражкѣ и, избивъ, «разбредаются по домамъ». Тамъ «черные отряды липнутъ другъ къ другу, какъ стаи мухъ», «набрасываются жаркими оравами на одиночныхъ, подминаютъ, хрипятъ, давятъ, и какъ мерзкіе цѣпы молотятъ кулаками по живому». А тутъ «ихъ бросаетъ въ глубь домовъ, и какъ мрачныя ночныя волны топятъ они жизнь въ стонахъ, боли, крови, мукѣ».

И въ заключеніе широкій размахъ охватываетъ сразу скорбное зрѣлище всероссійскаго избіенія.

Въ это время на старыхъ колокольняхъ города ревутъ вѣтры, и мощные колокола гудятъ; они гудятъ страшнымъ полуночнымъ воемъ, какъ трубы бѣдъ. Въ дальнемъ мракѣ полыхаютъ зарева, мѣдный гулъ катитъ въ воздухѣ на могучихъ колесницахъ; и въ четырехъ концахъ города и дальше надъ великой страной встаютъ четыре грозно-пламенныхъ факела, четыре дикіе жертвенника, гдѣ горятъ люди, дѣвушки, дѣти.

Къ чему же приводитъ автора эта страшная и грозная картина бѣдъ? Казалось бы, дай ему гильотину въ руки, и онъ опустилъ бы ее, не задумываясь, чтобы однимъ ударомъ отрубить голову всероссійской сыти, которую онъ такъ безпощадно и съ такой брезгливой ненавистью описалъ, не отыскавъ въ ней и слѣда человѣческаго облика, ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, ни въ будущемъ: «ядовитая сыпь, темная злая болѣзнь!»

Нѣтъ, кроткая душа поэта-христіанина смиряется предъ ужасами жизни, и онъ произноситъ невѣроятныя слова примиренія.

— Да будетъ!

Высоко въ черной тьмѣ лицо Скорбной Матери; Старой Матери, что безмолвно тонетъ слезы надъ великимъ страдалищемъ. Буря и тьма бунтуетъ вокругъ, вихри кричатъ желѣзными и звѣриными голосами, мракъ клубится; надъ вспѣненной рѣкой, на желѣзно-сѣтчатомъ мосту засѣли небольшіе черти и визгливо голосятъ; потомъ камнями падаютъ внизъ, съ рѣзкимъ стрекотомъ мчатся надъ водой быстрѣе курсатокъ и захлебываются въ кровавыхъ наслажденіяхъ.

Что это, бредъ больной души? Ростки христіанской кротости? Художественный пріемъ? Кто его знаетъ! Во всякомъ случаѣ тутъ добрая дань тому мистицизму, о которомъ иные только говорятъ, а г. Зайцевъ воистину поклоняется.

Мистическимъ аккордомъ завершается ярко и звучно написанный разсказъ. И этотъ мистическій выпадъ здѣсь не случаенъ, онъ глубоко коренится въ самой сердцевинѣ міровоззрѣнія и жизнечувствія художника.

V. МНИМАЯ ЖИЗНЕРАДОСТНОСТЬ.

Посрамленіе плоти и разума земли —такова основа міросозерцанія поэта, быть можетъ, и не сознаваемая имъ. Все плотское злобно и дико, плотское въ томъ широкомъ смыслѣ, какой придалъ этому слову христіанскій аскетизмъ. Языческая многоцвѣтная земная жизнерадостность въ свѣтѣ христіанскаго аскетизма есть орудіе дьявола. Вотъ почему крѣпкій укладъ жизни, завѣщанный «накопителями-предками», г. Зайцеву представляется не иначе, какъ чѣмъ-то звѣринымъ; его ненависть къ отсталымъ слоямъ —отзвукъ отжившаго міросозерцанія; вотъ почему, рисуя бытъ, онъ напираетъ на растительную, а не на соціальную природу жизни, и существованіе бытового человѣка въ его изображеніи—просто какой-то смутный физіологическій, идущій, какъ сквозь сонъ, изъ тьмы вѣковъ процессъ. Звѣри, растенія и стихіи

природы очеловѣчиваются имъ, они дѣйствуютъ самочинно и цѣлесообразно, а самъ человѣкъ, царь природы,— игрушка неясныхъ темныхъ силъ. Не онъ дѣйствуетъ, а что-то въ немъ и черезъ него дѣйствуетъ. Бытовая жизнь лишена творчества, лишена начинанья. Она безвольна и безсмысленна, звѣрообразна, утробна, безпощадна и жестока. Это механизмъ, не нами заведенный, не нами направляемый, но механизмъ, работающій съ холодной расчетливостью и неугасимой злобой, питаемой жадностью утробнаго человѣка. Тяжело и угрюмо движется мысль поэта въ области быта, ничто здѣсь не радуетъ его взора. Это или сплошное прозябаніе на лонѣ природы, или кошмарный взрывъ ненависти противъ новаго, незнакомаго, нарушающаго животную рутину жизни.

Темныя краски своей палитры г. Зайцевъ приберегъ преимущественно для города. Онъ ненавидитъ городскую сыть, деревенская же рисуется ему на лонѣ природы если не всегда обворожительной, то во всякомъ случаѣ не противной. Мало-ли хищныхъ поповъ въ деревнѣ, но г. Зайцевъ рисуетъ намъ благолѣпнаго эпическаго Крона, совершающаго свое древнее и трудное дѣло такъ легко и хорошо, а главное просто и красиво. Мало-ли деревенскихъ богатѣевъ, накопителей-хищниковъ, кулаковъ, а г. Зайцевъ останавливаетъ свои отдыхающіе взоры на хозяйственной бабушкѣ, которая вытаскивала нужныя и забытыя шубы или перебирала яблоки и которую всегда обволакивало что-то «здѣшнее, прочное, чего не возьмешь ничѣмъ». Мало-ли въ деревнѣ мужичья неумытаго, темнаго, злой, грубой деревенщины, глуповатыхъ зубровъ, а г. Зайцевъ съ упоеніемъ разсказываетъ про умытыхъ и умныхъ, здоровыхъ и сильныхъ степныхъ людей, которые весело хохочутъ, цѣлуются, обнимаютъ другъ друга за талію. Даже деревенскіе работники и тѣ, у г. Зайцева, чувствуютъ себя въ деревнѣ, какъ у Христа за пазухой: «Земляные люди рады зерну, хоть и чужому». Рѣжутъ боровов, похожихъ на ходячее сало,—такъ и это выходитъ нѣжно и красиво. Видите-ли, сами «они лежатъ, ждутъ ножа». «И когда глядишь на такого, какъ будто ужъ видишь, какъ плавно и легко погружается тонкій ножъ ему подъ горло» *). Даже вѣтры на радость человѣку тутъ утихаютъ, «и въ облакахъ любовь и благозвучіе».

Христіанское уныніе и начало воздыханія еще не окончательно овладѣли душой поэта. Въ «Полковникѣ Розовѣ» онъ даже обнаруживаетъ такую силу буйнаго восторга, непосредственнаго восхищенія и умиленія солнцемъ, зеленью полей и бездонной зеркальностью водъ, что начинаешь тревожиться за участь унылой христіанской мины, которая такъ романтично и своеобразно освѣщаетъ лицо поэта.

Онъ одобряетъ своего рѣзваго пса и жалѣетъ, что у «самого нѣтъ сейчасъ четырехъ упругихъ лапъ», чтобы молніей нестись по зеленымъ вечернимъ полямъ, кругами, зигзагами, волчкомъ. Поэтъ сбрасываетъ съ себя при семъ случаѣ блѣдныя мистическія одежды, и, поглядывая на міръ поверхъ своихъ кошмарныхъ очковъ, не мудрствуя лукаво, предается безъ оглядки радостямъ растительной жизни. Пьетъ, ѣстъ съ наслажденіемъ, спитъ, нѣжится на солнышкѣ, бѣсится и носится съ дѣтворой у бугорка, запуская змѣя, и въ опьяненіи готовъ вмѣстѣ съ нимъ «подлецомъ» улетѣть въ восторгѣ туда, къ небеснымъ бродягамъ, облакамъ. И ночь, и день настраиваетъ на этотъ разъ поэта весьма благожелательно. Солнцу онъ желаетъ отъ

*) Тамъ же, стр. 71.

Бога здоровья, воздухъ для него—ромъ неба: «не хитро человѣку и опьянѣть». И хочется ему побѣгать въ березняку, высуня языкъ, палить въ воздухъ въ честь неба и солнца, завтракать въ тѣни, уложить спать старенькаго полковника и «отмахивать вѣточкой мухъ отъ полковничьяго лица. Спи, полковникъ старый, спи, тихонечко усни». Самъ полковникъ Розовъ— весь благодушіе и одно умиленіе. Пьетъ чай съ вареньемъ и «безсмертно-чистымъ» медомъ, возится съ крестьянской дѣтворой, съ цвѣтами и овощами на своемъ огородѣ. Однимъ словомъ, живетъ тихой умильной жизнью старосвѣтскаго помѣщика. Въ такой безмятежной обстановкѣ мистическому опыту, очевидно, не мѣсто. Старосвѣтская усадьба, потонувшая было въ туманахъ «Тихихъ Зорь» и космическихъ объятіяхъ «Деревни», выступаетъ вновь и душа поэта витаетъ въ предѣлахъ частокола въ невинномъ умиленіи. Какъ хорошо, какъ мило написанъ теплыми тонами ласковаго добродушнаго юмора «Полковникъ Розовъ»! На этотъ разъ самому Борису Зайцеву, вѣчно и неустанно помышляющему о Провидѣніи, «даже странно подумать», что отъ нихъ, отъ убогой избенки полковника, этихъ бѣдненькихъ редисокъ, которыми онъ угощаетъ, отъ сыровара Бирге и приказчика Орѣшки «вверхъ идетъ бездонное, точно нѣкто тихій и великій стоитъ отъ насъ и надъ нами, наполняя все собой и повелѣвая ходомъ дальнихъ звѣздъ».

Положительно, полезно Зайцевскому человѣку пить портеръ, курить трубку, бѣгать, высуня языкъ, по березняку и прислушиваться, какъ визжатъ на деревнѣ, гдѣ «кучеръ Петька не даетъ спуску дѣвкамъ». Облагодушѣлъ, размякъ вовсе человѣкъ, и слѣда нѣтъ волчьей жадности, желанія рвать зубами и руками чужое мясо. Разгладились «мудрыя» морщины поэта, сгибли скорбныя нотки, очаровательная, сытая блаженствомъ безмятежности мелодія торжественно льется отъ самаго сердца. И какъ милы эти люди, не нуждающіеся въ разумѣ, почти не размышляющіе, растворяющіеся въ лучахъ солнца, въ питьѣ, ѣдѣ и въ спаньѣ, приближающіеся къ уровню растительно-животной жизни до полнаго сліянія съ ней, такъ что чувствуютъ даже ту работу, которая идетъ «въ груди крѣпко и грубо сдѣланной деревенской земли».

Таковы деревенскія симпатіи автора, его любовь къ сельской уединенности, подальше отъ міра.

Мы не знаемъ источника непріязни г. Зайцева къ городу, но она представляется намъ весьма любопытной чертой. Это все тотъ же православный романтизмъ благочестиваго христіанина, ненавидящаго шумъ городовъ, ихъ запутанную, сложную жизнь, требующую личнаго напряженія ума, соціальной организованности, неустанной борьбы, творчества, желѣзной воли. Городъ несетъ разрушеніе старосвѣтской идилліи, онъ разметываетъ частоколъ усадьбы и безжалостно разбиваетъ вдребезги деревенскую гармонію, ея тихія грезы наивно-набожныхъ душъ. И непріязнь поэта къ городу чисто деревенская. Его кошмарная фантазія, минуя фабрики и заводы, преслѣдуетъ лабазниковъ и хлѣботорговцевъ, булочниковъ, мясниковъ, непосредственныхъ пожирателей деревни. Древнимъ духомъ пахнетъ городъ поэта и что-то старое, давно знакомое, какъ будто пережитое въ далекомъ дѣтствѣ, чувствуется въ лирикѣ «Полковника Розова». Поэтъ отдыхаетъ душой и радуется безмятежности деревенскихъ людей, однако лишь мимоходомъ. Слишкомъ ужъ здѣсь много «здѣшняго, прочнаго, чего не возьмешь нигдѣ», а душа поэта рвется въ мистическія дали. Стоитъ измѣниться погодѣ, а деревенскому человѣку задуматься или

почитать книжку о смыслѣ жизни,—и вся деревенская идиллія летитъ вверхъ тормашками, тлѣнная жизнь тускнѣетъ, и снова на ея фонѣ выступаетъ сморщенное лицо старушечьяго унынія и покорности въ ожиданіи погибели. Жизнь начинаетъ отсвѣчивать прежними кошмарными отблесками, чудовищная и злобная.

VI. ВЪ ПОТЕМКАХЪ ЖИЗНИ И СМЕРТИ.

§ 1.

Въ мистическомъ, обвѣянномъ смертью разсказѣ «Гость» осень надвигалась сѣдыми туманами, осиннички краснѣли и старые вязы по аллеѣ забагровѣли. И вотъ, именно на этомъ фонѣ тихаго умиранія либеральный помѣщикъ Николай Гавриловичъ увлекается чтеніемъ французской книги о философѣ Филонѣ.

Даже въ красномъ закатномъ небѣ и стонѣ дальней выпи видѣлось ему то высшее и мудрое-безмѣрно, въ чемъ плылъ его мозгъ.

И онъ, отложивъ книгу, всталъ.

— Жизнь или смерть, думалъ онъ,—это все равно. Не это важно.

Что-же важно, онъ не отвѣчалъ; можетъ быть, не зналъ словъ, а быть можетъ и нельзя было словами сказать; но одно онъ чувствовалъ навѣрно: радость и холодъ надизненнаго, свѣтло-ключевого нетлѣннаго бытія, процвѣтающаго на высотахъ

Въ эту торжественную минуту босоногій мальчишка изъ кухни зоветъ Николая Гаврилыча ужинать и сообщаетъ ему о пріѣздѣ «господина становаго».

Умѣло и сжато набрасываетъ Б. Зайцевъ встрѣчу либеральнаго помѣщика съ добродушнымъ жалкимъ становымъ, молодымъ застѣнчивымъ человѣкомъ. Онъ проситъ ночлега, дѣться некуда. Предъ читателемъ сразу обрисовывается пропасть, раздѣляющая этихъ людей, чужихъ и безнадежно далекихъ другъ отъ друга. Они мыслятъ и чувствуютъ совершенно въ разныхъ плоскостяхъ. Непринужденная объективность манеры письма заслоняетъ тенденціозный замыселъ автора, котораго онъ не скрываетъ. Но вотъ въ ярко и сочно написанную картину проскользнулъ унылый лучъ авторскаго пониманія жизни и—пропасть исчезла. Всѣ равны предъ лицомъ смерти, и люди, безнадежно чужіе, стоящіе на противоположныхъ полюсахъ жизни, становятся душевно близки другъ другу. Вражда и рознь, оказывается, мнимыя величины самообмана, въ которомъ пребываютъ люди, лишенные скорбнаго пониманія жизни.

— Много вы людей сѣкли за это время?—обрываетъ неожиданно либеральный помѣщикъ простодушную повѣсть станового про свою жизнь «по честности».

И сразу поблѣднѣлъ снѣжно, потемнѣло въ глазахъ.

Становаго будто шлепнули.

— Нѣтъ, никого.

Потомъ что-то задергалось въ лицѣ у него, онъ сказалъ:

— Вы думаете, всѣ полицейскіе—звѣри? Николай Гаврилычъ смотрѣлъ съ тяжелой улыбкой; оскорбительная улыбка заливала его лицо; нужно было противиться—онъ не могъ.

— А вы вотъ скажите, еслибъ волненія аграрныя были, вы бы вѣдь сѣкли?

Жестоко было, трудно. Будто ужъ начинали порку. Становой опустилъ глаза и покраснѣлъ густо, почти подло. Онъ это чувствовалъ, и на молодомъ его лицѣ, не привыкшемъ еще къ гнусности, было отчаяніе. Глухо онъ сказалъ:

— Наша служба трудна еще тѣмъ, что многіе насъ не уважаютъ. Особенно образованные.

Николай Гаврилычъ захохоталъ.

— Будете еще драть.

Однако послѣ ужина подъ вліяніемъ черной ночи, тоски и скорбнаго пониманія помѣщикъ покаялся и извинился предъ становымъ. И самъ становой между прочимъ сообщилъ о себѣ, что его грозятся убить.

Николай Гаврилычъ вздрогнулъ.

— Убить? Васъ убьютъ?

— Не знаю,—становой сказалъ холодно:—быть можетъ.

И немного погодя прибавилъ:

— Мнѣ жену преимущественно жаль. Дѣтей тоже. А самому мнѣ весело не бываетъ. Живешь и думаешь: къ чему? Вотъ развѣ вы, человѣкъ ученый (усмѣшка), скажете. Къ чему?

Николай Гаврилычъ встрепенулся снова.

— Да, скажу.

И вдругъ, голосомъ глухимъ и одинокимъ произнесъ:

— Къ смерти. Вотъ къ чему.

И сказавъ, самъ онъ поблѣднѣлъ, поблѣднѣлъ становой, и обоимъ показалось сразу, что Николай Гаврилычъ сдвинулся куда-то, и, можетъ, увидѣлъ то, чего не видать становому да и ему самому въ другое время.

— Я пойду спать, извините меня.

Становой ушелъ. Онъ сжалъ плечи и видно было, что ему холодно. А Николай Гаврилычъ сѣлъ, потушилъ лампу. Оцѣпенѣніе взяло его.

Тутъ слѣдовало бы во благовременіе поставить точку. Но поэтъ разрываетъ завѣсы здѣшняго міра и вводитъ насъ въ «страны мудрости». Описавъ предварительно холодъ, лившійся изъ ночи черезъ сѣтку окна, пустынное безмолвіе, огромный кленъ «въ бездонномъ траурѣ осени и въ мертвомъ свѣтѣ ущербнаго скорбнаго мѣсяца», онъ торжественно и плавно вѣщаетъ:

„И тогда, въ тѣ минуты ощутилъ Николай Гавриловичъ *ее*. Теперь слышалъ онъ ясно, внутреннимъ слухомъ ея ходъ неземной по пространствамъ, и ея божескій ликъ чувствовалъ, ея голосъ звучащій-звучащій, звучавшій въ немъ и раньше, все той-же грудной ногой—и скорбной. И онъ сидѣлъ, бывъ очарованъ ею, смотря въ глаза своей погибели и не имѣя силъ подняться. Сладкимъ ядомъ онъ наполнялся" *).

Трудно безъ усмѣшки читать эти великопостныя строки, несмотря на печаль и воздыханія, которыя ими силятся изобразить. Этотъ трубный и скорбный вой смерти, это напускное умолчаніе ея имени, «глубокое знаніе», которое-де она несетъ, «страны мудрости», въ которыя-де она вводитъ—представляются намъ мучительно надуманными. Такъ и рисуется унылая фигура творца-поэта съ закрытыми глазами, старающагося куда-то сдвинуться, что-то увидѣть изъ невидимаго міра и невидимыми ушами подслушать неземныя вещи. И вотъ онъ услышалъ, какъ въ безбрежной дали неба хрустально звенѣли вѣчные эоны, увидѣлъ, какъ «Филонъ проплывалъ въ горнихъ, и загадочная, печальная улыбка міру шла оттуда: міру тѣсноты и тьмы». Собственно не поэтъ, а либеральный помѣщикъ все это видѣлъ и слышалъ, ощущая въ своемъ сердцѣ звучность и просторъ при мысли о томъ, что и лѣсочкамъ, и огородамъ такъ же, какъ ему, надлежитъ погибнуть.

«Смерть есть дочь Бога; она ведетъ насъ къ престолу»,—такъ онъ думалъ. «Мы теперь за порогомъ, и мы равны». И ему видѣлось, какъ спитъ сейчасъ становой, и какой онъ маленькій и трепаный; не было злобы, а въ великой драмѣ міра вставали передъ сердцемъ дальніе края той ужасной земли, гдѣ идетъ эта жизнь становойская, тѣхъ пустынь и скорбей, что лежатъ вдали, за селами и хуторами. «Все будетъ попалено, сгоритъ жизнь и ея мерзость».

---

*) Факелы, кн. III, стр. 29.

Въ вышинѣ шли холодные токи. Луна леденѣла, и нѣкто строгій и кристальный говорилъ:

«Все у васъ погибнетъ».

Но это не было страшно».

Міръ быта и тлѣнія обезцѣнивается въ такой мѣрѣ, что подъ звѣзднымъ небомъ теряются всякіе признаки соціальнаго и моральнаго различія. Всѣ равны, одинаково хороши предъ лицомъ смерти: и либеральный помѣщикъ, размышляющій о Филонѣ, и становой, который если еще не сѣкъ, то будетъ сѣчь людей. Оба скорбны душой, обоимъ невесело, оба думаютъ о смерти, обоимъ безразлично, жить или не жить, и оба одинаково жалки, ничтожны, никому ненужны и вѣроятно обоимъ «жаль преимущественно своихъ женъ». Обоихъ сближаетъ и какъ бы роднитъ скорбное пониманіе жизни.

§ 2.

Переоцѣнка плотскаго существованія естественно ведетъ къ скорбному и печальному размышленію о «трубныхъ нотахъ» смерти, съ одной стороны, къ апологіи чувственности — съ другой. Пессимизмъ не пускаетъ глубокихъ корней на этой почвѣ, а съуживаетъ лишь охватъ жизни въ предѣлы жаднаго уловленія радостнаго мига, приводитъ къ «эгоизму вдвоемъ» и равнодушію ко всему, что находится за частоколомъ своей усадьбы, въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова. Утрата узкой «личной» жизни — вотъ моментъ, съ котораго начинается крахъ человѣка этого пошиба.

— „Знаешь, все, что есть лучшаго въ существованіи такихъ, какъ я — ну, хоть женщинъ, все это сзади; а и есть оно по правдѣ говоря одно: любовь. Мнѣ ея ужь не знать; никогда мнѣ не жить и не любить, кого еще любила, — а вотъ буду только работать, работать на дѣвочку да прошлое вспоминать".

Такъ глухой осенью ночью въ полѣ говоритъ сестра брату.

— „Вотъ ты мнѣ и скажи, — продолжаетъ она, — такъ родились мы съ тобой, жили сестрой и братомъ и любили другъ друга, и люди мы ничего себѣ: а, однако, главнымъ образомъ страдаемъ, и умремъ, надъ нами все будетъ такая же ночь, да могила еще сверху. Какъ ты думаешь, къ чему все это? Такъ себѣ, зря или не зря?" Ахъ, сестра, — она мнѣ попадаетъ въ самое больное мѣсто: да, къ чему все это? И ея печаль, и скорбная жизнь, данная ей, и смерть, и наша безпомощность. Она смотритъ на меня и ждетъ. Я вѣдь долженъ сказать что-нибудь. Но молчу, сижу — какія слова я могу сказать.

— Какъ, и ты не знаешь? Слушай, братъ, неужели и ты живешь такъ же, тоже и ты въ потемкахъ.. и ничего, ничего?" Голосъ Маши срывается, и трепещетъ, вдругъ вся она приникаетъ ко мнѣ въ дрожи и беззащитности, и сквозь острыя слезы бормочетъ: „братъ, братъ, неужели ничего? Неужели и ты?" Я молча цѣлую ея лобъ, и ѣдкія слезы стоятъ въ моемъ сердцѣ, слезы упадка и гибели *)

Но этотъ взрывъ слезливаго отчаянія скоро идетъ на убыль и дѣло завершается покорнымъ примиреніемъ. Сестра успокаиваетъ брата и сама утѣшается любовью къ своей дѣвочкѣ: «пусть, пусть мы умремъ всѣ, но мы такъ любили, такъ любили»... «Ахъ, братъ, еслибъ ты зналъ, что это за чувство»...

А братъ, оставшись наединѣ, встрѣчаетъ утро со старымъ псомъ и, размышляя о гибели, благословляется:

„Стало быть, всѣ мы погибнемъ. И онъ, и я, и сестра Маша, и старая тетка Агнія — въ этотъ тихій, утренній часъ это кажется яснымъ особой, прозрачно-спокойной ясностью. Да будетъ! Намъ дано жить въ тоскѣ и скорби, но дано и быть твердыми — съ честью и мужествомъ пронести свой духъ сквозь эту юдоль черно-

*) „Сестра", Альманахи „Шиповника", Кн. 3, стр. 113—114.

симымъ пламенемъ — и съ спокойной печалью умереть; отойти въ вѣчную обитель ясности".

Мы не знаемъ, что разумѣетъ г. Зайцевъ въ данномъ случаѣ надъ тасканіемъ духа нашего съ честью и мужествомъ «сквозь эту юдоль». Когда говорятъ намъ эти же слова съ церковнаго амвона, мы знаемъ, что рѣчь идетъ о смиреномудріи, терпѣніи, любви и кроткой покорности. Но въ устахъ поэта эта рѣчь попахиваетъ излишкомъ усердія ханжи, заговорившаго языкомъ требника.

Что же противопоставляется утробной жизни и скорбной юдоли здѣшняго міра, надъ которымъ властвуютъ захлебывающіеся въ кровавыхъ наслажденіяхъ «небольшіе черти», куда уйти отъ «великаго страдалища», надъ которымъ безмолвно «точитъ слезы Старая Матерь?» По ту сторону міра, прочь отъ міра, — отвѣчало старое христіанство, и эхомъ повторяетъ тотъ же отвѣтъ и г. Зайцевъ.

Въ «Тихихъ Зоряхъ» нѣжной и плавной кистью мечтательнаго поэта набросана картина, изображающая туманные образы людей не отъ міра сего. Ихъ двое. Только другъ друга любятъ они, только другъ другомъ живутъ, точно на уединенномъ островѣ, и вспоминаютъ еще о третьемъ, умершей женѣ одного изъ нихъ.

— Больше года назадъ я потерялъ жену, — говоритъ одинъ:—и она, и я, мы родились здѣсь, здѣсь я любилъ ее и былъ счастливъ. Здѣсь ее отняли у меня, здѣсь я страдалъ и погибалъ—умру тоже здѣсь. Послѣ нея я люблю тебя только, одно, что меня удручало, — это, что тебя нѣту тутъ со мной, что я потерялъ и тебя изъ виду *).

Какой отчужденностью отъ живого міра звучатъ эти слова! Приросшее къ мѣсту одиночество свѣтится въ нихъ тоскливою радостью уединенія. Послѣ нея — онъ любитъ только одного Алексѣя, своего друга дѣтства; послѣ тяжкихъ испытаній, горя и предвкушенія смерти его удручаетъ только одно—что вблизи нѣтъ друга Алексѣя. Вся многоцвѣтная, многообразная жизнь съ ея радостями и огорченіями куда-то незамѣтно провалилась, не оставивъ въ страдающей душѣ никакого отзвука, оборвавъ всѣ нити соціальнаго существованія человѣка. Даже собственный ребенокъ съ няней-мордовкой вырисовывается какъ-то случайно и неожиданно, гдѣ-то на заднемъ планѣ, и оказывается ненужнымъ и постороннимъ его присутствіе на фонѣ идилліи уединившихся отъ міра друзей.

Тутъ, только въ этой уединенности, оторванности отъ міра выростаетъ нѣжный цвѣтъ любви. И нѣжность ихъ отношеній изумительна. Взрослый мущина, отецъ ребенка, опускается на колѣни и льнетъ головой къ ногамъ больного друга, сидящаго въ креслѣ. И тотъ не замѣчается, что голова сантиментальнаго мущины лежитъ у него на колѣняхъ.

Алексѣй не вѣритъ, что онъ будетъ жить и дальше. Но ему и такъ не страшно. Но зато его другъ видимо вѣритъ. Когда Алексѣй умеръ, онъ заперся съ усопшимъ. «Я плакалъ и цѣловалъ его руку, и почему-то мои слезы не были кровавы и больны, и то, что случилось съ Алексѣемъ, въ сознаніи моемъ не была смерть. Я не зналъ, что это было; я ничего не зналъ, ни о чемъ не думалъ, но въ то же время и глубоко зналъ, что Алексѣй неприступенъ».

Онъ такъ и не разстается съ Алексѣемъ. «Все время я жилъ съ нимъ, и его образъ, омытый свѣтлыми слезами, прояснѣлъ—стоитъ передо мною нетлѣнный, недосягаемый». Даже въ шумномъ кругу молодежи они, мертвый и живой, неразлучны: «Вѣроятно, они

*) „Тихія зори", разсказы Зайцева, т. I, стр. 28.

чувствуютъ присутствіе бѣлыхъ березъ, глубокого озера, или знаютъ, кто со мною: они ходятъ, играютъ и поютъ по особенному»...

Искренность, теплота и рѣдкая задушевность этого эскиза говорятъ о подлинныхъ переживаніяхъ поэта, и чувствуешь, что не фраза въ его устахъ слова о Единомъ: «Кто-то могучій и безъимянный, чьего имени не разгадаешь, затопилъ все вокругъ своей безмѣрною силой; онъ выдавливаетъ изъ мозга мысли, онъ заливаетъ все своей отъ-вѣчной, прозрачной зеленью; и небо, и вода послушны ему. И тебя нѣтъ, хотя ты идешь и видишь». Это религіозное чувство однако не сопровождается ни подъемомъ активности, ни творческой борьбой, о чемъ прожужжали намъ уши воинствующіе мистики. Религіозное чувство въ изображеніи г. Зайцева не только не является устоемъ для утвержденія личности, но, наоборотъ, сводитъ ее на нѣтъ. «Тебя нѣтъ, — говоритъ зайцевскій человѣкъ, — хотя ты идешь и видишь».

Оно не вызываетъ на борьбу ни съ міромъ, ни съ дьяволомъ, а погружаетъ въ сладость бездѣйствія и умиленной покорности:

„Сердце нѣмѣетъ и лежитъ распростертое, оно открыто любви: прошлое, настоящее и будущее въ немъ переплетаются; встаетъ нѣжная радость о давно минувшемъ. Ползутъ сонные пароходы, стучатъ колесами. Изъ зеркальныхъ далей по рѣкѣ, нисходитъ благословеніе горя“.

Благословеніе горя! Радость о минувшемъ! — Даже здѣсь остался вѣренъ поэтъ тоскливымъ завѣтамъ стараго христіанства.

VII. ВЪ ДАЛЯХЪ ГРЯДУЩАГО.

1.

Глубокая пассивность и безличіе не оставляютъ зайцевскаго человѣка даже въ минуты величайшаго подъема духа, когда, по выраженію поэта, «подъ мясомъ и черепными костями кипитъ тяжелая динамитная работа» и его герою, Мишѣ, «кажется, что ѣдутъ груженые обозы и идетъ корчевка старыхъ пней». Увлеченный общимъ потокомъ могучаго чувства, Миша мечтаетъ:

— „Еслибъ была стѣна, меня хватило бы объ нее, и я съ радостью размозжился бы и отдалъ себя“. И глаза тянутъ вверхъ, точно оттуда кто-то строгимъ и точнымъ компасомъ направляетъ движенія людей“.

Почти безсознательно, пассивный и ненужный, покорный чужой случайной волѣ, Миша ввязывается въ толпу, идетъ со всѣми неведомо зачѣмъ.

— Будутъ насъ бить.

— Должно быть, будутъ. Можетъ, будутъ стрѣлять. „Стрѣлять“ — Миша внутренно, холодно улыбается. „Зачѣмъ все это? И для чего я иду на какой-то митингъ? И почему тѣхъ двухъ барышень впереди будутъ стрѣлять!“ Но мысли тонутъ и такъ и остаются законно недосказанными. А въ ногахъ какъ-то весело и по чужому легко.

Вотъ онъ—живой человѣкъ толпы, религіозно настроенный. Нечего сказать, хорошъ. Не лучше представляетъ себѣ авторъ и того, кто влечетъ за собой эту толпу полумертвыхъ людей, живыхъ чужой волей, чужими чувствами, чужими цѣлями.

— „Можетъ быть,—говоритъ одинъ изъ такихъ,—на насъ нападутъ сейчасъ, но если и не нападутъ, то все равно, навѣрно, большинство погибнетъ въ борьбѣ, къ которой мы готовимся. Клянемся же умирать смѣло. Время подходитъ. Завтра всѣ будутъ на улицѣ! Завтра не будетъ работъ, завтра не будни, а праздникъ, новый праздникъ народа. Кто за него, кто любитъ свободу больше, чѣмъ жизнь,—сюда къ намъ! Здѣсь мы наклоняемъ знамена, и пусть тутъ будетъ дана братская клятва“.—Сразу съ двухъ сторонъ разступается человѣческое море; бурный ком-

схватываетъ его; и тѣсной волной, какъ къ великому жертвеннику, плещутъ люди къ узкому проходу подъ знамена; слезы текутъ, знамена спокойны и мрачны. Въ кровавокрасномъ молчаніи, какъ божества, принимаютъ они моленія народа; и только пурпуръ алѣе переливаетъ надъ свѣтомъ факеловъ, освѣщая пламеннымъ крыломъ проходящихъ внизу. А имъ, въ чьихъ сердцахъ клокочетъ туманъ, эти огненные орлы кажутся строгой и несмываемой печатью. Миша захлебывается. „Боже мой! Боже мой!" И покорно, радостно онъ отдаетъ себя волнѣ людей.

— Завтра! — слышится справа. — Завтра! — говорятъ впереди, сбоковъ жмутъ руки, и кажется, что завтра старые дома, улицы, люди, жизнь, сдвинется съ мѣста и пойдетъ въ новомъ невѣроятномъ хороводѣ"... *)

Не печально-ли? Талантливый художникъ, самъ не замѣчая, опускается до театральной риторики, прибѣгаетъ къ бутафорскимъ эффектамъ факеловъ, кроваво-красныхъ знаменъ и какихъ-то огненныхъ орловъ, чтобы извлечь воодушевленіе изъ своей собственной груди. Но кроваво-красные эффекты оказываются безсильными тамъ, гдѣ коллективная жизнь выступаетъ изъ береговъ стародавняго быта и ждетъ восторговъ и похвалъ, а не посрамленія отъ поэта, гдѣ нѣтъ уединенія и нельзя уединяться нѣжнымъ душамъ. Безпощадный и сильный въ словѣ, позорящемъ толпу, поэтъ уединенія тщетно пытается взять на своей лирѣ вѣрный тонъ для дифирамба. Онъ ему не дается.

Слезоточивое, ходульно-театральное зрѣлище братской клятвы борцовъ недурно гармонируетъ съ мишинымъ объясненіемъ народнаго возбужденія:

Миша поводитъ носомъ. „Нынче весь нашъ городъ поливаютъ съ неба сѣрной кислотой, и мы дымимся, начинаемъ затлѣвать... глубоко, изнутри. Насъ прожигаетъ до костей". И самъ онъ, на ходу, отдаетъ встрѣчныхъ пылающими токами. А ихъ мысли, какъ по телеграфу, отзываются гдѣ-то глубоко въ немъ.

Поэты древности говорили о похищеніи съ неба огня. Г. Зайцевъ разсказываетъ о добровольномъ подаркѣ неба, сѣрной кислотѣ. Промышленному вѣку этотъ подарокъ вполнѣ къ лицу. Но всетаки онъ пахнетъ очень плохо. Не даромъ же Миша поводитъ носомъ.

Обожженный сѣрной кислотой бѣдняга Миша послѣ братской пурпурной клятвы самъ не знаетъ, что съ собой дѣлать. Оказывается — гораздо легче сразу съ радостью размозжить себѣ голову на пользу общую, чѣмъ идти и бороться. Но поэтъ выручаетъ своего любимца. Оказывается:

Безразлично, куда идти, все равно — идетъ не онъ, а о н и, — о н о, и мыслитъ гигантское раскаленное о н о. „Завтра? — Да, вѣроятно, завтра улицы пролягутъ иначе.. Невозможно! Нѣтъ, очень возможно, и даже пожалуй иначе не можетъ быть".

Не осилить бѣдному Мишѣ вопроса, что будетъ завтра. Напрасно онъ всматривается въ окно своей комнатки, съ пятаго этажа, въ спящій «мудрый» городъ. «Взоръ его никнетъ, и лишь какіе-то пламенные круги передъ глазами, и колеблются людскія хляби». Въ такомъ печальномъ положеніи остается одно — уповать на Бога и молиться. И зайцевскій человѣкъ прибѣгаетъ таки къ этому излюбленному средству, выручавшему въ трудныя годины его православныхъ предковъ. Онъ молится:

— „Ты, великій духъ, ты мѣсишь, квасишь, бурлишь и взрываешь, ты потрясаешь землю и рушишь города, рушишь власти, гнетъ, боль, — я молюсь тебѣ. Чтобы ни было завтра, я привѣтствую тебя, Завтра!" — Миша снимаетъ шляпу и низко кланяется.

Такъ жалко отразился въ душѣ поэта могучій взрывъ стихійной

*) Разсказы, т. I, „Завтра", стр. 100.

силы, коллективной воли, дерзкаго до безумія вызова судьбѣ, брошеннаго творцами новой жизни въ великомъ союзѣ съ народными массами. Вмѣсто апологіи завтрашняго дня, вмѣсто панегирика новой жизни написанъ злой памфлетъ на нихъ. Борцы за великое изображены жалкими, театральными болтунами, а ихъ солдаты—безвольными, ничтожными, почти малоумными людьми, готовыми лѣзть на стѣну, размозжить себѣ голову, отдать себя невѣдомо кому, невѣдомо на что, за одно только удовольствіе поклясться подъ красными знаменами.

2.

У Ѳедора Сологуба солнце—злой, кровожадный змѣй-драконъ, торопящій человѣка къ убійству. Для Бориса Зайцева солнце - золотой пріятель, навѣвающій тихія, блаженныя и благочестивыя грезы умиленнаго восторга. Коренной русскій пейзажъ не знаетъ солнца-змія. У насъ климатъ умѣренный. Быть можетъ, здѣсь имѣетъ значеніе и различіе религіозныхъ настроеній. Г. Зайцевъ истый христіанинъ и содержитъ своихъ литературныхъ чадъ въ строгихъ правилахъ религіи. Мысль о божественномъ почти никогда не покидаетъ ихъ и говорятъ они такимъ языкомъ, точно начитались листковъ Афонскаго подворья. „Чудесно растопить души въ свѣтѣ,—восклицаетъ Миша въ „Мифѣ",—и плакать и молиться. Быть можетъ, послѣ полудня надъ жатвой пролетаютъ наши ангелы, особенные, таинственные русскіе ангелы"... Иконописное настроеніе поэта сказывается всюду. И въ его плавно-торжественной рѣчи, и въ его словечкахъ, и даже въ рисункѣ пейзажа. Ужъ какъ далекъ, казалось бы, солнечный яркій день лѣта на исходѣ отъ христіанскаго унылаго благочестія, а поэту и здѣсь мерещится, что вкусныя яблоки, тая, уплывутъ съ деревъ въ небо солнечными призраками; въ пріозерныхъ березахъ онъ прозрѣваетъ „успокоенно бѣлѣющій хоръ" христіанъ: „не можетъ быть, чтобы эти деревца не были невѣстами и не исполняли своей пѣсни... послушай, поютъ". Самое мѣсто оказывается „на самомъ дѣлѣ цѣломудреннымъ", а поѣздка на велосипедѣ ни съ чѣмъ инымъ не можетъ быть сравнена, какъ съ большимъ служеніемъ.

Вы послушайте, какъ любуется вечернимъ закатомъ влюбленная пара:

Они молчатъ—въ строгости и благоговѣніи, точно передъ царскими вратами. Далеко по склонамъ и перелогамъ видны поля въ радужной дымкѣ; окно церкви сіяетъ, какъ въ алмазномъ вѣнцѣ; смиренныя деревушки, распростершись подъ небомъ, льютъ кверху влажные и благоговѣйные столбы-гимны.

— Правда, Лиза, все это ужасно глубоко? Точно тысячи блистающихъ кадильницъ кадятъ. Иногда со мной бываетъ, какъ сейчасъ вотъ, что я ясно чувствую, какъ всѣ мы, живя, мысля, работая, какъ тотъ мужиченка... вонъ пашетъ подъ озимое, что всѣ мы вмѣстѣ плывемъ, знаешь, какъ солнечныя системы. Куда? Богъ знаетъ, но къ какой-то болѣе сложной и просвѣтленной жизни. Всѣ мы перехожъ, и мужики, и работники, и человѣчество теперешнее.. И то, будущее мнѣ представляется въ родѣ голубинаго сіянія, облачка вечерняго. Вѣдь люди непремѣнно станутъ свѣтоноснѣе, легче... усложненнѣе... и мало будутъ похожи на теперешнихъ людей. И теперь это есть въ нихъ, но мало, искорками.

— Миша,—робко говоритъ Лисичка,—ты разсказываешь будто про ангельскую жизнь...

— Во-первыхъ, ангелу вовсе не такъ трудно пролетѣть сейчасъ вонъ по той лазури. Во-вторыхъ, людямъ не зачѣмъ становиться безплотными духами,—наоборотъ, они будутъ одѣты роскошнымъ, плывучимъ и нѣжнымъ тѣломъ... такое тѣло, Лисичка, и портиться-то не можетъ. Оно будетъ какъ-то мягко кипѣть, пѣниться и вмѣсто смерти таять, а можетъ, и таять не будетъ и умирать не будетъ" *).

*) Разсказы, т. I., стр. 84.

Мы не хотимъ сомнѣваться въ искренности автора, будемъ думать, что не въ Запискахъ философско-религіознаго общества онъ вычиталъ разговоры эти и не позаимствовалъ ихъ изъ публицистическихъ писаній нео-христіанъ и даже изъ семинарскихъ учебниковъ, а дѣйствительно подслушалъ въ чьемъ либо живомъ сердцѣ нездоровыя бредни о просвѣтленной жизни съ голубинымъ сіяніемъ, о роскошныхъ пѣнящихся и неумирающихъ тѣлахъ. Но жаль, что г. Зайцевъ вообще мало подслушиваетъ живыхъ простыхъ людей, а не выращенныхъ на огородѣ религіозныхъ идеологовъ; жаль, что у него человѣкъ либо обжорливая сыть, либо кровопійца, либо восхищенный до дури природою «милый страусъ», «рыба», «привѣтливый жеребенокъ». Жаль, что людямъ г. Зайцева дано плакать и восторгаться, унывать и молиться, но не дано ни говорить разумно, ни творить разумныхъ дѣлъ. По волѣ ихъ творца имъ не возбранено, а даже нѣкоторымъ образомъ вмѣнено въ священную обязанность любить парно до изступленія. И хотя у г. Зайцева много мудрыхъ овсовъ, не мало и псовъ тоже мудрыхъ и многоопытныхъ, всегда размышляющихъ, но разумъ человѣческій все же не снискалъ пока еще у него благоволенія. Быть можетъ, это дѣло будущаго? Дай Богъ!

VIII. ПОСЛѢДНІЙ ЯКОРЬ.

§ 1.

Когда наступаетъ сезонная пора любви, г. Зайцевъ линяетъ, пепельно-сѣрая маска христіанской скорби истаиваетъ въ лучахъ солнца, обнажая румяное и веселое лицо. Такъ было въ «Полковникѣ Розовѣ», такъ повторяется въ «Маѣ», гдѣ съ небесъ никто не кричитъ: «все у васъ погибнетъ», а прохлада, сходящая съ звѣздныхъ высотъ, не холодомъ смерти, а «бальзамомъ льетъ на городишко».

— «Очень вы меня любите? Пошли бы за мной на каторгу?»—спрашиваетъ въ запискѣ отроковица. «И тутъ же на улицѣ при улыбкахъ и трепетѣ огромной звѣзды Коля пишетъ отвѣтъ: на каторгу, на смерть, я люблю васъ».

Даже великовозрастныя особы съ «понимающими глазами, съ оттѣнкомъ знанія печали» ведутъ блаженный разговоръ.

— Соня, еслибъ тебя любилъ кто и сказалъ: пойди на чердакъ, прыгни въ слуховое окошко—такъ ни съ того, ни съ сего... Это хорошо бы по твоему было?—Женщина молчала, про себя улыбалась и туманно сказала: „Хорошо, такъ и надо!“ *).

Странные люди у г. Зайцева. При малѣйшемъ позывѣ къ поступку, отвѣчающему ихъ чувству, первое, что имъ приходитъ въ голову—размозжить себя объ стѣну, пойти на чердакъ и прыгнуть въ слуховое окошко... Въ концѣ концовъ эти головоломныя упражненія для тѣхъ, кому «жизнь или смерть—все равно», не такъ ужъ трудны и ничего, кромѣ способности приходить въ изступленіе, не доказываютъ. Но поэтъ именно въ изступленіи и видитъ спасительный якорь въ погибельныхъ волнахъ житейскаго моря. Это и есть тотъ завѣтный уголокъ, гдѣ еще ютится смыслъ жизни, если таковой вообще имѣется у нея. Въ маленькой пьескѣ «Любовь» героиня, прозываемая Рыжій батюшка, очень умная женщина, все время думаетъ, что бы такое сдѣлать отъ любви къ милому: «лечь бы ему подъ ноги, чтобы онъ про-

*) Альман. Шиповн., кн. 2, стр. 99.

шелъ по мнѣ, или въ окошко выпрыгнуть и на смерть разбиться». Въ другомъ мѣстѣ она же говоритъ своему возлюбленному, переходя съ игривой нѣжностью на «вы»: «я какъ маленькій песикъ на веревочкѣ буду прыгать вокругъ васъ и тявкать... о чемъ я могу тявкать? Только объ одномъ». У иныхъ африканскихъ дикарей при встрѣчѣ съ уважаемыми лицами маленькіе люди опрокидываются навзничь или на брюхо и, подражая тѣлодвиженіямъ покорно и робко преданной собаки, выражаютъ чувства своего почтенія, преданности. Вообще раболѣпная мимика приниженной собаки даетъ дикарямъ цѣлую гамму почтительныхъ чувствъ. Но тявкающій песикъ на веревкѣ, какъ символъ глубочайшей любви, это уже значительный шагъ впередъ,—сдѣланный Борисомъ Зайцевымъ, вѣрнѣе—его человѣкомъ. Подозрѣвалъ ли авторъ, какую злую характеристику даетъ онъ этимъ незамѣтнымъ, но по существу отнюдь не мелкимъ штрихомъ.

Въ этой пьесѣ нѣжные возлюбленные все время бесѣдуютъ о своей любви, поочередно изнемогая отъ нея до потери рѣчи. То и дѣло пестрятъ ремарки:

„Прижимается къ плечу и не можетъ больше говорить"...
„Сидитъ въ блаженномъ туманѣ, только глаза свѣтлѣютъ слезой"...
„Приникаютъ другъ къ другу и такъ стоятъ въ самозабвеніи безъ словъ"..

Онъ настроенъ нѣсколько мрачно: не знаетъ, отъ чего зарыдать ему—отъ печали или отъ восторга; мучается, что «сотрутся имена на могильныхъ плитахъ» и отъ нихъ, и добрыхъ знакомыхъ на землѣ не останется ничего. Она его утѣшаетъ.

Рыжій *):—Батя милый, а любовь наша? Развѣ можно ее уничтожить? Нѣтъ, нѣтъ, нашу любовь ничѣмъ не вычеркнешь, вѣчно она будетъ жива. Развѣ можетъ она умереть? Пусть мы умремъ, и отъ насъ ничего не останется, а можетъ, мы и родились-то только затѣмъ, чтобы такъ вотъ любить, любить до самозабвенія.

Графъ:—Рыжій, рыжій, конечно, во что же я вѣрю—только въ одно, въ любовь нашу" (изнеможеніе).

Трогательная пьеса заключается словами графа: Мы сгоримъ вмѣстѣ и вмѣстѣ воскреснемъ!

Читаешь и диву даешься, какъ могъ такой задушевный художникъ не почувствовать, что онъ теряетъ мѣру, что отъ самозабвенной, слезливо сочащейся любви просто тошнитъ. Можно не соглашаться съ Владиміромъ Соловьевымъ, когда онъ говоритъ объ истинной любви, которая въ своемъ величайшемъ выраженіи разбиваетъ оковы необходимости и смерти, когда онъ увѣряетъ, что такая любовь не можетъ быть дѣтородной, ибо вмѣсто дурной безконечности рода она утверждаетъ личное безсмертіе. Но какой шаржъ, какую грубую вульгаризацію этой метафизики представляетъ «Любовь» г. Зайцева! Чистое искусство мститъ своему поборнику за самообманъ и жестоко караетъ холодную, тенденціозную надуманность замысла. Ни усердіемъ рѣчей, ни покрывающимися влагой глазами, ни изнеможеніемъ, ни геніальнымъ движеніемъ сниманія перчатки съ руки, которое сердцу зайцевскаго человѣка говоритъ больше, чѣмъ иныя слова,—не замѣнить подлиннаго глубокаго чувства, всегда скромнаго и чуждаго театральности. Да оно задохнулось бы въ слезливой напряженности «тихаго изступленія», прославляемаго пьесой г. Зайцева.

---

*) Это странное прозвище женщины „Рыжимъ батькой" иныхъ читателей ввело въ курьезное недоразумѣніе. Въ прекрасной графинѣ, этой очаровательной по замыслу поэта женщинѣ, заподозрили дьячка съ рыжей косицей. Само собою разумѣется, друзья нравственности были весьма встревожены.

§ 2.

Наиболѣе крупнымъ по размѣрамъ является послѣднее произведеніе поэта — повѣсть «Аграфена». Талантливый художникъ остался здѣсь вѣренъ себѣ и не внесъ ничего новаго. Тотъ же торжественный, сбивающійся на церковный ладъ, стиль, та же тягучая, липкая и сладкая, какъ медъ, рѣчь, тѣ же мистико-космическіе выкрутасы и то же міросозерцаніе, осколки котораго, разбросанные доселѣ въ зайцевскихъ миніатюрахъ, здѣсь слиты въ единое цѣлое. Это синтезъ творческихъ мотивовъ г. Зайцева; человѣкъ представленъ не въ обрывкахъ и не съ космическихъ высотъ, а вблизи и во всю свою долгую жизнь. Итогъ мрачный, почти кошмарный, ни одной свѣтлой точки. То единственное — изступленіе любви — что еще видитъ въ жизни какъ цѣнное зайцевскій человѣкъ, здѣсь, въ цѣломъ планѣ жизни, представляется острой и тяжелой отравой, радость которой почти мгновенна, но покупается тяжелыми муками долгихъ лѣтъ. И злой насмѣшкой надъ человѣкомъ и человѣческой судьбой звучатъ торжественныя слова, которыми авторъ пытается выразить душевную ясность своей героини: «но о себѣ она знала, что такая жизнь, какъ она ведетъ, — безъ счастія и мыслей о немъ, суровая рабочая жизнь женщины, отдающей себя, — есть наилучшая, честнѣйшая и самая ясная жизнь, какъ ни глубока печаль, коренящаяся въ темныхъ ея истокахъ».

Да развѣ въ этомъ дѣло, въ этомъ ложномъ знаніи, въ этой печальной недоразумѣнной ясности и недалекой честности? Не этимъ ли держится рабъ въ человѣкѣ и раба-ли хотѣлъ опоэтизировать г. Зайцевъ?

Жизнь подъяремнаго человѣка, не согрѣтаго ни единымъ живымъ лучомъ общественности; жизнь безмѣрно-узкая, тягота которой облегчалась лишь мистическими вѣрованіями во вмѣшательство въ судьбу человѣка силъ иныхъ, засвѣтныхъ міровъ; жизнь безъ уюта, холодная, до боли одинокая, сплошная сочащаяся рана, изрѣдка подживающая въ ослѣпленномъ изступленіемъ любви сознаніи, но не на дѣлѣ, — вотъ что развертываетъ поэтъ предъ нами съ спокойной, кроткой христіанской улыбкой въ торжественно-тихой картинѣ.

Какой-то недалекій критикъ возликовалъ по поводу разнообразія и богатства переживаній многокрасочной жизни несчастной Аграфены. Это жизнь-то крестьянки Аграфены, весь вѣкъ промаявшейся въ прислугахъ! Первая весенняя любовь ея сгибла, какъ однодневный мотылекъ, а потомъ шли годы темнаго, мелкаго и грязнаго труда на чужихъ, ненужныхъ ей людей, снова любовь кровоточивая, грубо и звѣрски оскорбленная, и опять трудъ, тяжелый мрачный трудъ въ разлукѣ съ дочерью, вдругъ освѣщенный внезапной вспышкой животной тяжелой страсти къ юношескому «тѣлу-бѣлый-цвѣтъ», страсти, не раздѣленной въ своемъ «мрачномъ бѣшенствѣ» и уколотой брезгливой ненавистью, возвращеніе «смолкшей сразу» женщины въ деревню, работа, смерть матери, ранняя смерть дочери отъ обманутой любви — и все.

Разбитое въ дребезги сердце, черный трудъ безъ лазоревыхъ далей, рабская тихая покорность судьбѣ, смерть и горе — вотъ чему позавидовалъ злосчастный критикъ. Надо быть упоеннымъ или собственной фразой, или сладкимъ голосомъ невинности, съ которой

г. Зайцевъ повѣствуетъ свои кошмарные сны, чтобы сболтнуть такую непутевину. Проницательному критику Аграфена могла бы отвѣтить всего однимъ словомъ: попробуй...

Именно попробуй, а не завидуй истерзанной душѣ.

Послѣдній разъ явилась не спавшей Аграфенѣ монахиня.

Въ рукахъ держала сосудъ—„здравствуй, раба Аграфена". Такъ сказала. „Здравствуй". „Готова-ли?" „Готова". Монахиня ей поклонилась. „Вкуси". Аграфена медленно приподнялась, припала губами къ чашѣ и долго пила. „Слышишь-ли мою сладость? Идешь-ли"? „Слышу", отвѣтилъ наполовину не ея голосъ. „Иду". Монахиня подала ей руку, она взяла ее—медленно-медленно затянулось все туманными завѣсами, какъ бы смѣнялись великія картины, бренныя на вѣчныя, и чей-то голосъ сказалъ: „Вотъ идетъ та, которую называли бѣднымъ именемъ Аграфены, вкусить причастія вѣчной жизни и почить въ лонѣ любви и благоволенія".

Это были послѣднія слова *)

И послѣдняя насмѣшка надъ несчастнымъ человѣкомъ.

IX. ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Г. Зайцевъ въ своихъ разсказахъ набрасываетъ бѣглыми штрихами ликъ религіознаго человѣка, который сливается съ космосомъ, вѣритъ въ преображеніе плоти, въ безсмертіе, въ Бога. Предъ нами всталъ во весь ростъ безвольный, пассивный, отдающійся, благословляющій горе, умиленный душою, недалекій, да и не нуждающійся въ разумѣ человѣкъ, совсѣмъ не похожій на молніеноснаго творца жизни, опоясаннаго радугой знанія и вѣры, который грезится инымъ мистикамъ-философамъ. Окруженный сіяніемъ христіанской нѣжной покорности зайцевскій человѣкъ бездѣйственъ, лишенъ творчества, соціальной общительности. Онъ одинокъ и уединеніе не тяготитъ его. Случайная-ли это игра религіозно-настроенной мысли или пророческое указаніе? Художественное творчество есть своего рода опытъ будущаго. Борисъ Зайцевъ незаурядный художникъ, и если онъ при всей своей симпатіи къ религіозному типу человѣка, ничего не могъ иного сдѣлать, какъ, оклеветавъ жизнь быта и унизивъ бытового человѣка, взрастить безплодную смоковницу, то ужъ это вина, надо думать, не его одного, а и того міросозерцанія, посильную дань которому онъ платитъ. Да и гдѣ и въ чемъ могло бы проявиться религіозное творчество въ соціальной жизни? Наиболѣе активный, творческій и воинствующій классъ современнаго общества не религіозенъ, онъ враждебенъ религіи. Правда, до 40-хъ годовъ прошлаго вѣка всѣ маломальски значительныя соціальныя движенія шли подъ флагомъ религіи. Не чуждался ея и соціализмъ. Но съ того момента, когда низшіе классы почувствовали подъ ногами почву, когда борьба за освобожденіе изъ области утопій перешла на поле практическаго дѣла, а соціальная организованность рабочаго класса дала увѣренность въ завтрашнемъ днѣ—соціализмъ разстается съ религіей. Ея удѣлъ—утѣшать обреченныхъ, вести ихъ на борьбу, въ которой они погибнутъ, видя въ смерти порогъ къ новой и лучшей жизни.

Не эти ли напѣвы мы слышали у Бориса Зайцева, который съ своей древней христіанской романтикой пріютился въ сборникѣ мистическаго анархиста г. Чулкова?

Мы не знаемъ, чего можно ожидать еще отъ г. Зайцева. Въ тѣхъ узкихъ границахъ, въ которыхъ до сихъ поръ вращалось его твор-

*) Альм. Шипов., кн. 4, стр. 50.

чество, намъ кажется, онъ ужъ достигъ всего, чего могъ достигнуть, и то изрядно повторяясь. Измѣнитъ-ли онъ свой путь, и нащупаетъ новую дорогу къ болѣе широкому и глубокому мироощущенію, или же застынетъ и затеряется на старой — не берусь предсказать. Хочется, чтобъ было первое. Правда, пріемы его творчества не даютъ основаній для утѣшительныхъ выводовъ. На протяженіи одного и того же разсказа авторъ не устаетъ варьировать понравившійся ему мотивъ, часто онъ бываетъ монотоненъ и однообразенъ, какъ бы подражаетъ самому себѣ даже въ архитектурѣ разсказа, въ расположеніи частей. Но это писатель молодой и, что особено важно, сразу обрѣтшій свой собственный ликъ.

Борисъ Зайцевъ дѣлаетъ видъ, будто онъ даетъ объективную правду, рисуетъ подлинную жизнь. Онъ ничего не проповѣдуетъ, ничего не навязываетъ, онъ только описываетъ то, что видитъ, но описываетъ съ тонкимъ обдуманнымъ разсчетомъ; и незначительный эпитетъ проходитъ, вѣроятно, строгій искусъ, прежде чѣмъ пойти въ оборотъ. Поэтъ какъ-бы старается вылущить жизнь человѣка изъ скорлупы очеловѣчивающихъ понятій и настроеній, приближаясь и сливаясь съ безпредѣльнымъ охватомъ космоса. Космическія картины эти получаются просто. «Пятеро двуногихъ ждутъ,— пишетъ г. Зайцевъ о сыновьяхъ священника Кронида,— имъ тоже хочется домой, поржать на весенней свободѣ». Старики деревенскіе — «лохматое мшистое дѣдье... ихъ лица въ складкахъ сплошь заросли мочалой, сѣрорыжими космами; они похожи на сухіе грибы, что ростутъ на истлѣвшихъ деревьяхъ; глаза у нихъ слезящіеся и усталые, а сзади за горбомъ длинная жизнь въ хижинахъ, которыя прохватываетъ насквозь вѣтеръ, съ плетневыми навѣсами, курами, метелями и попами». Однимъ взмахомъ кисти художника сливаетъ живого человѣка въ одно цѣлое со всѣмъ окружающимъ. Вмѣсто солдатъ изъ полураздвинутыхъ дверецъ выгоновъ выглядываютъ «шинели», шинели сидятъ, хохочутъ, хлещутъ, острятъ, орутъ пѣсни. «Въ вагонахъ мужики-солдаты скоро засыпаютъ. Тогда они совсѣмъ похожи на кули съ мукой, что везутъ имъ на встрѣчу».

Пассивная стихійность человѣческаго быта рельефно выдѣляется на фонѣ изображенія мертвыхъ силъ природы живыми, веселящимися, дѣйствующими по волѣ. Полосы зеленей у г. Зайцева «ждутъ тепла, чтобы наливаться, зрѣть, передвигаться въ деревнѣ», гдѣ «частью застрянутъ, подтапливая мужицкія тѣла», а частью проберутся въ городъ, «въ красныхъ вагонахъ медленно будутъ пробѣгать среди *родныхъ* полей, мимо *знакомыхъ* верховъ и широкораздольныхъ рѣчекъ». Вѣтеръ носится надъ полями, «отпѣвая русскую деревню», и т. п. Конечно, эти уподобленія встрѣчаются у всякаго, но у г. Зайцева они слишкомъ густо нанизаны, и двубоко подобранные, оттѣсняютъ человѣка въ міръ безсознательнаго, очеловѣчивая животныхъ, одухотворяя стихіи. Иногда на этомъ пути г. Зайцевъ договаривается до такихъ, напримѣръ, выкрутасовъ:

На козлахъ человѣкъ, у котораго въ мозгахъ свѣжее пахнущее дерево, стружки; Крымову кажется, что и онъ самъ наполняется тѣмъ же деревомъ». Вотъ какіе запахи бываютъ на цвѣтистомъ огородѣ рѣчи поэта.

Зайцевскій человѣкъ слишкомъ ужъ простъ, немудренъ и несложенъ, но бѣда не въ этомъ, а въ томъ, что онъ фальшивъ. Это не живой человѣкъ, а хорошо придуманный и великолѣпно срубленный

манекенъ, на которомъ гораздо легче, чѣмъ на живомъ тѣлѣ, расписывать пантеистическіе и мистическіе узоры.

Мы любимъ все же г. Зайцева, какъ задушевнаго интимнаго поэта. Но намъ кажется, и самъ Борисъ Зайцевъ любитъ себя тоже. А это невольно нарушаетъ прелесть эстетической непосредственности. Г. Зайцевъ любитъ, напримѣръ, повторять до изнеможенія удачныя свои словечки. Красивое образное выраженіе «вихрастыя» деревушки (на фонѣ равниннаго русскаго пейзажа) авторъ положительно затаскалъ, не оставивъ ничего своимъ подражателямъ, буде таковые найдутся. Вихрастыя деревушки, лохматыя, взъерошенныя, взлохмоченныя, деревушки, риги, лошаденки такъ и пестрятъ. Если въ одномъ разсказѣ вспоминается нѣмецъ педагогъ, который говоритъ: «ожидаю тишино» («Май»), то въ другомъ вспоминается такой же нѣмецъ и тоже педагогъ, который говоритъ: «волкъ ѣлъ коза—дѣйствительный залогъ, коза ѣлъ волкъ—страдательный» («Полковникъ Розовъ»), попадется еще и третій нѣмецъ, который скажетъ: «Видали вы зеленый песъ?» Если не въ каждомъ, то въ двухъ, трехъ разсказахъ обязательно повторится одна и та же старушка-нѣмка съ чулкомъ, съ старонѣмецкими мыслями и съ стереотипной фразой: «Ну, хорошій мой человѣкъ». Только въ одномъ случаѣ она называется тетей Бунге («Май»), а въ другой—тетушкой Люце («Аграфена»). Во «Мглѣ» есть старуха Аграфена, а потомъ и цѣлая повѣсть «Аграфена». На стр. 102 фигурируетъ «темное успокоеніе», а на 81—«нѣжно-зеленое успокоеніе». Повторяются и цѣлыя фразы. Но особенно нравится поэту слово «мудрый». Конечно, мудрость штука притягательная, но премудро шепчущіе овсы, мудрый-безмѣрно утренній часъ, мудрый песъ, мудрый городъ, мудрыя страны и т. п.—это надоѣдаетъ и начинаетъ казаться напряженно фальшивымъ.

Скучна и дѣланна въ любовныхъ дѣлахъ напыщенная торжественность, вродѣ: «Онъ же покинулъ въ это время тѣ края, не возвращался больше и пребылъ таинственнымъ посѣтителемъ, пришедшимъ въ жизнь Аграфены», или: «Такъ въ майской тьмѣ, задыхаясь въ сѣнѣ, трепеща отъ любви, зачала Аграфена въ своихъ нѣдрахъ новое бытіе», и т. п. фразы изъ житія святыхъ. Неестественно и дѣланно звучитъ нѣкій голосъ, принятый «внутреннимъ слухомъ» крестьянки-прислуги, говорившій такъ: «Отнынѣ ты будешь матерью, примешь и понесешь страданія, окрасишь твою душу цвѣтомъ крови, и въ мукахъ и томленіяхъ обрѣтешь вѣчную правду, выше которой не было, нѣтъ и не будетъ ничего подъ солнцемъ». Весьма неудачно сравнивается ловко сплевывающій кучеръ Петька (тоже не разлучающійся съ авторомъ въ его разсказахъ) съ соколомъ въ поднебесьи, которому мѣсто-де въ дальнихъ временахъ, въ ватагахъ Разина, въ грабительствѣ широко-волжскомъ, въ красныхъ кафтанахъ, кутежахъ... и т. д.

Наконецъ, нестерпимо скучно дѣлается на душѣ читателя отъ неизмѣнной назойливой «чаши» гибели, которую тычетъ смерть въ «Сестрѣ», еще гдѣ-то, а въ «Аграфенѣ» надоѣдаетъ до смерти: трижды подносится въ приличное случаю время черной женщиной въ одѣяніи монашенки, давая испить Аграфенѣ темной влаги, указуя тѣмъ роковые этапы ея жизни. Но несмотря на эти непріятные художественные промахи, повѣсть «Аграфена» все-таки остается обаятельно прекрасной по своей формѣ, своимъ тихимъ, спокойнымъ, надземнымъ тономъ. Въ ней кромѣ этихъ мистическихъ выкрутасовъ есть подлинное мистическое настроеніе, важное и серьезное, столь понятное и

родное для темной крестьянской души. Жаль, что въ этихъ мистическихъ потемкахъ витаетъ и душа самого автора. Онѣ-то и сушатъ его талантъ, и если не разсѣются,—поднесутъ ему тоже свою горькую чашу.

Самый пессимизмъ г. Зайцева, не глубокій и не послѣдовательный, вытекаетъ именно изъ его христіанскаго романтизма. Христіанство никогда не занимало той рѣшительной позиціи отрицанія міра, какую занималъ буддизмъ. Оно міръ признавало, считалось съ его реальностью, но презирало его и ненавидѣло, какъ царство діавола. Мірскія блага—не кажущіяся, но малостоящія. Бѣгство отъ міра людей, устремленіе въ загробныя дали въ христіанскомъ аскетизмѣ часто уживалось съ благословеніемъ тихой растительной жизни. Эта двойственность міросозерцанія унаслѣдована и г. Зайцевымъ. Характерно, что его жизнерадостность и его безоотрадное уныніе чередуются въ строгомъ соотвѣтствіи съ ликомъ природы. Осень, дождь, глухая темная ночь, слякоть настраиваютъ поэта на унылый и мрачный ладъ, и наоборотъ—солнце, звѣздное небо, лѣто и въ особенности весна внушаютъ ему веселыя мысли и тихіе восторги. Фонъ безоотраднаго «Гостя»—унылая осень, въ безнадежной «Сестрѣ»—глухая, непроглядная осенняя ночь, свирѣпые «Волки» и жестокая «Мгла» тонутъ въ холодныхъ и злыхъ зимнихъ сумеркахъ, въ «Черныхъ Вѣтрахъ» холодъ, слякоть, мракъ, дикій вѣтеръ. Это неглубокіе пріемы, и становится какъ-то неловко за поэта, но зато радуешься за человѣка, который не окончательно погрязаетъ въ тинѣ унынія и печали, и возвращается отъ смерти къ жизни съ перемѣной погоды и сезона...

Михаилъ Морозовъ.

П. Орловскій.

Базаровъ и Санинъ.
Два нигилизма.

Около 50-ти лѣтъ тому назадъ И. С. Тургеневъ подмѣтилъ поднимавшійся на поверхность русскаго общества изъ невѣдомыхъ глубинъ новый типъ—Базарова—и занесъ его на страницы художественной лѣтописи подъ ярлыкомъ „нигилиста". Слово пришлось ко двору, ибо самый типъ не замедлилъ занять видное и вліятельное мѣсто въ жизни русскаго, такъ наз. интеллигентнаго, общества. Съ тѣхъ поръ нигилистъ сталъ популярной кличкой — почтенной въ глазахъ сторонниковъ Базарова, позорной въ устахъ охранителей.

Появленіе „Отцовъ и Дѣтей" вызвало цѣлую бурю. Давно уже литературныя характеристики не удостаивались такого вниманія. И причина этого была та, что чуткая рука художника нащупала больное мѣсто общества, обнажила явленіе, безсознательно волновавшее всѣхъ, но еще никѣмъ не формулированное ясно. Пусть Тургеневъ невѣрно изобразилъ Базарова въ тѣхъ или другихъ деталяхъ, пусть онъ—въ силу психической чуждости этому типу—утрировалъ въ немъ какъ разъ отрицательныя черты,—одно несомнѣнно: въ основу характеристики нигилиста онъ положилъ дѣйствительныя черты реальнаго общественнаго типа, развернувшагося вскорѣ пышнымъ цвѣтомъ и заполнившаго своей проповѣдью рационализма и индивидуализма цѣлое десятилѣтіе.

Тургеневъ лично принадлежалъ къ поколѣнію „отцовъ-Кирсановыхъ", хотя и понималъ всѣ ихъ недостатки. Эти-то недостатки онъ изобразилъ въ своемъ романѣ, противопоставивъ имъ соотвѣтственныя добродѣтели, которыми онъ снабдилъ Базарова. Въ этомъ смыслѣ правъ проф. Овсянико-Куликовскій, говоря, что Базаровъ построенъ по „способу отъ противнаго", какъ носитель чертъ, противоположныхъ отрицательнымъ чертамъ Кирсановыхъ. Въ этомъ смыслѣ правъ и самъ Тургеневъ, когда увѣряетъ, что „за исключеніемъ воззрѣній на художества" раздѣляетъ „почти всѣ убѣжденія" Базарова.

Базаровъ былъ списанъ съ живого лица, д-ра Д., „поразившей" Тургенева личности. „Въ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ,—пишетъ онъ,—воплотилось, на мои глаза, то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потомъ получило названіе нигилизма". Въ д-рѣ Д. Тургенева поразили не только тѣ положительныя черты, которыя онъ придалъ Базарову, но и рядъ отрицательныхъ, особенно непріятныхъ баричу-эстету, какимъ былъ Тургеневъ. „Я придалъ ему (Базарову) рѣзкость и бесцеремонность тона... вслѣдствіе наблюденій надъ моимъ знакомцемъ, д-ромъ Д., и подобными ему лицами". Однако, благодаря неизбѣжному субъективизму чувствованій, Тургеневъ долженъ былъ особенно непріятно-остро воспринимать какъ разъ эту

„рѣзкость и безцеремонность тона“ д-ра Д., въ силу чего въ изображеніи Базарова „рѣзкость и безцеремонность“ занимаютъ преувеличенно много мѣста. Это побочное обстоятельство немало способствовало ложному пониманію самого типа и затемненію вопроса о природѣ нигилизма.

„Если Базаровъ каррикатура, — говоритъ Писаревъ, становясь въ положеніе публики,—то объясните и представьте намъ въ настоящемъ свѣтѣ то явленіе жизни, которое вызвало эту каррикатуру, и покажите намъ еще разъ ту идею, которая породила это явленіе“. И онъ самъ взялся за эту задачу, стараясь нарисовать „реалиста“ Базарова, какъ положительный типъ. Но если ему, въ силу психическаго сродства, удалось очистить типъ нигилиста отъ шаржа, привнесеннаго Тургеневымъ, и если ему удалось дать догматическое изложеніе базаровскаго міровоззрѣнія, то онъ все же оказался безсиленъ объяснить исторически происхожденіе, роль и задачи этого типа.

Кѣмъ былъ Базаровъ? Что породило его и создало его своеобразную психологію? Что дало ему ту непоколебимую силу воли и самоувѣренность, столь поразившія Тургенева? Какую, наконецъ, роль сыгралъ коллективный Базаровъ въ развитіи русскаго общества?—вотъ вопросы, ждущіе до сихъ поръ исчерпывающаго отвѣта. Не претендуя на такой отвѣтъ, мы постараемся въ дальнѣйшемъ коснуться этихъ вопросовъ въ рамкахъ поставленной настоящей статьей задачи.

Мы упомянули вскользь, что базаровскій нигилизмъ заполнилъ собою цѣлое десятилѣтіе. Дѣйствительно, съ начала 70-хъ годовъ. Базаровы исчезаютъ изъ жизни русскаго общества, ихъ замѣняютъ новые люди, и самому же Тургеневу пришлось впослѣдствіи дать характеристику (правда, далеко неудачную) такого новаго человѣка въ романѣ „Новь“ (Неждановъ). Нигилизмъ надолго сходитъ со сцены, пока наконецъ не возрождается черезъ полъ-столѣтія въ совершенно другой обстановкѣ и на совершенно другой соціально-психологической подпочвѣ. Этотъ новый нигилизмъ ярче всего сказался въ романѣ „Санинъ“ Арцыбашева *).

По поводу этого романа тоже необходимо сдѣлать рядъ оговорокъ. Г-нъ Арцыбашевъ, какъ художникъ, не можетъ идти въ сравненіе съ Тургеневымъ,—и, конечно, не претендуетъ на это. Различіе талантовъ, несомнѣнно, сказывается на яркости и художественности образовъ. Но это же различіе отразилось и на силѣ творческаго обобщенія. Тургеневъ писалъ портретъ понравившаго его человѣка съ возможной объективностью; Базаровъ заинтересовалъ его, побудилъ къ творчеству, но не вызвалъ въ немъ родственныхъ, сочувственныхъ отзвуковъ. „Вотъ образъ молодого поколѣнія съ его плюсами и минусами“,—говорилъ Тургеневъ читателю. Не такъ относится къ Санину г. Арцыбашевъ. Его симпатія къ герою романа несомнѣнна, онъ идеализируетъ его. Онъ не просто изображаетъ существующій типъ, онъ еще

*) Санина и его автора много—и вполнѣ заслуженно—ругали. Однако, полагая, что ему уже отпущена вся причитающаяся порція негодованія, я разсматриваю въ своей статьѣ этотъ романъ совершенно объективно, допуская, что авторъ—въ рамкахъ указываемыхъ мною ограниченій—использовалъ реальныя черты происходящаго на нашихъ глазахъ движенія.

надѣляетъ его желательнымъ для него, автора, чертами. „Вотъ какимъ должно быть молодое поколѣніе“,—хочетъ сказать онъ. Вслѣдствіе этого, Санинъ „сочиненъ“, тогда какъ Базаровъ списанъ съ натуры; Санинъ едва выдерживаетъ свою роль и то лишь благодаря добротѣ автора, позаботившагося о наиболѣе благопріятной для героя обстановкѣ (физическая сила героя, тупость и пошлость контръ-агентовъ), Базаровъ же движется свободно и остается послѣдовательнымъ въ силу внутренней логики; Санинъ соціально ирраціоналенъ и относится къ типу ненужныхъ, лишнихъ людей, Базаровъ же необходимъ и понятенъ въ экономіи общественнаго развитія.

И всетаки въ основу санинскаго типа авторомъ положено тоже реальное явленіе,—черты, проявившіяся въ послѣдніе годы въ средѣ интеллигенціи и успѣвшія сказаться въ цѣломъ рядѣ литературныхъ и общественныхъ фактовъ. Шумъ, поднятый вокругъ Санина, его рѣдкій успѣхъ, заинтересовавшій даже цѣломудренную цензуру, имѣютъ свои достаточныя основанія. Если противники санинизма правы, упрекая автора въ идеализаціи этого отрицательнаго типа, то сторонники его, хотя и неправы, но имѣютъ вѣскія данныя усматривать въ Санинѣ обобщеніе своихъ тайныхъ желаній, чувствъ и стремленій. Санинъ является выразителемъ современнаго нигилизма, какъ реакціи противъ политическихъ и этическихъ нормъ, властвовавшихъ надъ интеллигенціей въ предыдущій періодъ,—точно такъ же, какъ нигилизмъ Базарова былъ реакціей противъ мышленія, чувствованій и дѣйствованія общества Кирсановыхъ. Но цѣнность нигилизма не абсолютна, она опредѣляется только путемъ сопоставленія съ конкретными условіями времени и мѣста; и то, что въ одинъ историческій моментъ можетъ быть полезнымъ, прогрессивнымъ, желательнымъ, можетъ въ другой моментъ оказаться нежелательнымъ, реакціоннымъ, вреднымъ. Сопоставить нигилизмы Базарова и Санина съ этой исторической точки зрѣнія, посмотрѣть, не соединяетъ ли ихъ внутренняя связь, вскрыть эту связь, а вмѣстѣ съ тѣмъ дать оцѣнку каждому изъ этихъ явленій—вотъ задача, которая интересуетъ насъ въ этой статьѣ. А такъ какъ наиболѣе подходящимъ мы считаемъ методъ соціально-психологическаго анализа общественныхъ формацій въ ихъ послѣдовательной исторической смѣнѣ, то намъ придется остановиться на слѣдующихъ трехъ вопросахъ:

1) Кѣмъ былъ Базаровъ?

2) Какъ развивалась интеллигенція отъ Базарова до Санина?

3) Кто такой Санинъ?

Это сопоставленіе Санина съ Базаровымъ тѣмъ болѣе интересно, что у нихъ наблюдаются многія тождественныя привычки, навыки, вкусы и взгляды, чего, конечно, нельзя объяснить простымъ подражаніемъ. Очевидно, имѣются какія-то общія, вѣрнѣе, сходныя причины, вызвавшія къ жизни тогда—Базарова, теперь—Санина. Посмотримъ.

1) КѢМЪ БЫЛЪ БАЗАРОВЪ?

„Мой дѣдъ землю пахалъ“, — не безъ гордости заявляетъ Базаровъ. Его дѣдъ былъ дьячкомъ, его отецъ — уѣздный ле-

карь,—а послѣдніе въ то барское время не пользовались уваженіемъ со стороны родовитыхъ господъ. „Лекарскій сынъ“, — фыркаетъ на него Кирсановъ-дядя. Когда онъ знакомится съ отцомъ Аркадія, онъ протягиваетъ „обнаженную, красную руку“ — перчатки, повидимому, не принадлежали къ обычнымъ атрибутамъ его туалета. Лицо его было „длинное и худое, съ широкимъ лбомъ, кверху плоскимъ, книзу заостреннымъ носомъ, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочнаго цвѣта, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоувѣренность и умъ“. „Тонкія губы“. „Лѣнивый, мужественный голосъ“. „Бѣлокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупныхъ выпуклостей просторнаго черепа“. Изъ этихъ штриховъ передъ вами обрисовывается вдумчивое лицо человѣка умнаго, одареннаго энергіей и волей. Но вы напрасно искали бы хоть одной черточки, свойственной человѣку холеной расы, аристократу или просто дѣтищу сытой, обезпеченной жизни.

Базаровъ—парвеню. Базаровъ—человѣкъ изъ низшихъ, „податныхъ“ сословій, Базаровъ—разночинецъ.

Это сразу почувствовали родственные ему по происхожденію люди — „слуги привязались къ нему, хотя онъ надъ ними подтрунивалъ; они чувствовали, что онъ все-таки свой братъ, не баринъ“. Лакей Петръ „ухмылялся и свѣтлѣлъ, какъ только Базаровъ обращалъ на него свое вниманіе; дворовые мальчики бѣгали за „дохтуромъ“, какъ собачонки“. Только старый выколенный дворозый, „аристократъ“ Прокофьичъ—болѣе крѣпостникъ, чѣмъ всѣ бары вмѣстѣ, не выносилъ его.

Такимъ образомъ Базаровъ былъ не только демократомъ по происхожденію, но и демократомъ по навыкамъ, вкусамъ, замашкамъ. Это сказывалось даже въ его манерѣ говорить, столь раздражавшей Павла Петровича. „Онъ отвѣчалъ отрывисто и неохотно, и въ звукѣ его голоса было что-то грубое, почти дерзкое“.

„Личность человѣка, безпощадно и съ полнымъ убѣжденіемъ отрицающаго все, что другіе признаютъ высокимъ и прекраснымъ,— говоритъ по поводу „грубости“ Базарова Писаревъ, — всего чаще вырабатывается при сѣрой обстановкѣ трудовой жизни; отъ суроваго труда грубѣютъ руки, грубѣютъ манеры, грубѣютъ чувства; человѣкъ крѣпнетъ и прогоняетъ юношескую мечтательность, избавляется отъ слезливой чувствительности“. Базарову и вообще лицамъ этого типа приходилось проходить тяжелую школу жизни. Они выходили изъ непривилегированныхъ классовъ — изъ мѣщанской, духовной, нерѣдко крестьянской среды, вообще изъ малоимущей безправной мелкой буржуазіи. Они росли въ обстановкѣ труда и лишеній, гдѣ некому и некогда было воспитывать ихъ и обучать манерамъ. Благодаря отсутствію этихъ воспитательныхъ вліяній Базаровымъ приходилось воспитываться на сыромъ матеріалѣ жизни, и эта тяжелая школа самовоспитанія развивала въ нихъ самостоятельность, вѣру въ свои силы, энергію и волю. „Всякій человѣкъ самъ себя воспитать долженъ,—горделиво заявляетъ Базаровъ,—ну, хоть, какъ я, напримѣръ“.

Въ воспитаніи человѣка обыкновенно скрещиваются два фактора или вліянія: съ одной стороны, традиція, передаваемая не-

посредственными воспитателями въ видѣ готовыхъ понятій и сужденій, съ другой—прямое „эмпирическое“ вліяніе окружающей среды, „улицы“. Первый факторъ, естественно, является охранительнымъ, ибо онъ старается передать и увѣковѣчить міропониманіе прошлыхъ поколѣній; второй же факторъ, въ противоположность первому, можно назвать разрушительнымъ, ибо непосредственное воздѣйствіе самой жизни неизбѣжно ведетъ къ гибели всякой традиціи. Оба фактора связаны обратной зависимостью: тамъ, гдѣ искусственное воспитаніе (т. е. планомѣрное и цѣлесообразное) преобладаетъ, обыкновенно (хотя это логически и не обязательно) фактически устраняется вліяніе „улицы“; напротивъ, гдѣ это вліяніе сильно, тамъ по большей части о воспитаніи въ указанномъ выше смыслѣ и говорить не приходится.

Два поколѣнія, сопоставленныя Тургеневымъ въ его романѣ, расходились не столько потому, что одни были—„отцами“, другіе—„дѣтьми“, сколько потому, что были представителями двухъ различныхъ соціальныхъ положеній, столкнувшихся впервые; роль „отцовъ“ или „дѣтей“ только обостряла ихъ антагонизмъ. Кирсановы выросли въ такой средѣ, гдѣ охранительные факторы — воспитаніе, традиція, сословные привилегіи и предразсудки — играли громадную роль въ жизни молодого поколѣнія. Сословныя перегородки отдѣляли эту среду отъ дѣйствительной жизни народныхъ массъ, и всѣ измѣненія, происходившія въ этой жизни, оставались незамѣтны, чужды и непонятны Кирсановымъ.

Совсѣмъ иначе росли Базаровы. Въ ихъ средѣ тоже было много предразсудковъ, завѣщанныхъ бѣдностью, невѣжествомъ, некультурностью, но эти предразсудки легко разсѣивались при первомъ столкновеніи со знаніемъ, а для Базаровыхъ характерно было бѣгство изъ своей среды въ погонѣ за знаніемъ. Зато у нихъ не было никакой традиціи, передаваемой путемъ воспитанія, у нихъ не было вообще никакого воспитанія. Ихъ психика представляла почти tabula rasa, на которой жизнь записывала послѣднія свои истины. Вотъ почему Базаровы были болѣе воспріимчивы къ требованіямъ времени, вотъ почему въ ихъ психикѣ не тяготѣли призраки прошлаго. „Что касается до времени,—гордо заявляетъ Базаровъ,—отчего я отъ него зависѣть буду? Пускай же лучше оно зависитъ отъ меня“. И оно, дѣйствительно зависѣло отъ нихъ, ибо они знали только настоящее время, а требованія настоящаго времени и ихъ потребности — были понятія равнозначащія: текущая жизнь говорила ихъ устами, они прокладывали пути этой текущей жизни. И въ спорѣ съ Кирсановымъ-дядей Базаровъ былъ правъ, когда говорилъ: „Вы порицаете мое направленіе, а кто вамъ сказалъ, что оно во мнѣ случайно, что оно не вызвано тѣмъ самымъ народнымъ духомъ, во имя котораго вы такъ ратуете?“ Если Кирсановы были продуктомъ вѣковъ, то Базаровы были порожденіемъ послѣднихъ десятилѣтій, а потому вѣрнѣе и тоньше отмѣчали тѣ перемѣны, которыя произошли за эти десятилѣтія въ народныхъ низахъ.

То обстоятельство, что Базаровъ былъ homo novus, человѣкъ безъ прошлаго, безъ „біографіи“, обусловливало еще одну характерную психическую черту, легшую въ основу базаров-

ской этики. Кирсановы, всасывавшіе путемъ воспитанія извѣстныя традиціи, получали уже готовыми отъ своихъ „отцовъ“ нѣкоторыя моральныя положенія, общепринятыя, освященныя временемъ, обязательныя. Это—пресловутые принципы или „принципы“ Павла Петровича. Этическія положенія обладаютъ однимъ неудобствомъ: рождаясь изъ опредѣленной общественной потребности, въ опредѣленной обстановкѣ времени и мѣста, они быстро превращаются въ правила, нормы, „принципы“; утрачивается представленіе объ ихъ генезисѣ, нерѣдко теряется пониманіе ихъ смысла и цѣли, но они продолжаютъ передаваться по традиціи изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Базаровъ избѣжалъ этой традиціи. Правда, и онъ, вѣроятно, слыхивалъ въ дѣтствѣ, что честность есть почтенная добродѣтель, которая... и пр., но суть въ томъ, что онъ уже въ юношескіе годы долженъ былъ отряхнуть прахъ родной среды отъ ногъ своихъ и воспитывать самъ себя. Вмѣстѣ съ невѣжествомъ, мѣщанствомъ, предразсудками этой среды онъ сбросилъ и ея мораль, ея „принципы“. Ему пришлось самостоятельно вырабатывать для себя руководящія положенія, и онъ началъ съ того, что сталъ критически провѣрять всѣ и всякіе принципы. Но принципы не выдерживаютъ объективной критики, ибо они претендуютъ на абсолютную обязательность, а критика вскрываетъ ихъ относительную цѣнность. И вотъ Базаровъ сталъ нигилистомъ, т.-е. человѣкомъ, „который не склоняется ни передъ какими авторитетами, который не принимаетъ ни одного принципа на вѣру, какимъ бы уваженіемъ ни былъ окруженъ этотъ принципъ“.

„Изъ этой школы труда и лишеній Базаровъ вышелъ человѣкомъ сильнымъ и суровымъ,—говоритъ Писаревъ: — прослушанный имъ курсъ естественныхъ и медицинскихъ наукъ развилъ его природный умъ и отучилъ его принимать на вѣру какія бы то ни было понятія и убѣжденія: онъ сдѣлался чистымъ эмпирикомъ; опытъ сдѣлался для него единственнымъ и послѣднимъ убѣдительнымъ доказательствомъ“. Базаровъ находился въ стадіи образованія этическихъ понятій; они у него не могли еще расходиться съ его потребностями, съ его ощущеніями; они еще не могли вылиться въ форму принциповъ, отдѣлявшихся отъ живого человѣка съ его живыми нуждами и тяготѣющихъ надъ нимъ, какъ неумолимый и властный долгъ. Въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ діалогъ между Базаровымъ и Аркадіемъ Кирсановымъ, показывающій, насколько далеко ушелъ послѣдній отъ традиціонныхъ воззрѣній „отцовъ“.

— Ты говоришь, какъ твой дядя, — сказалъ Базаровъ.—Принциповъ вообще нѣтъ—ты объ этомъ не догадался до сихъ поръ! а есть ощущенія. Все отъ нихъ зависитъ.

— Какъ такъ?—спросилъ Аркадій.

— Да такъ же. Напримѣръ я: я придерживаюсь отрицательнаго направленія—въ силу ощущенія. Мнѣ пріятно отрицать, мой мозгъ такъ устроенъ — и баста! Отчего мнѣ нравится химія? Отчего ты любишь яблоки?—тоже въ силу ощущенія. Это все едино. Глубже этого люди никогда не проникнутъ. Не всякій тебѣ это скажетъ да и я въ другой разъ тебѣ этого не скажу.

— Что-жъ? и честность—ощущеніе?

— Еще бы!

Базаровъ забылъ только прибавить въ поясненіе Аркадію,

что сами эти ощущенія, въ силу которыхъ онъ любитъ химію и вообще является тѣмъ, что онъ есть, сложились въ немъ подъ давленіемъ жизни, что они этичны именно потому и постольку, поскольку не расходятся съ направленіями и запросами времени. Эта психическая черта обусловливаетъ ту цѣльность Базарова, которая не могла не поражать людей другого типа. Базаровъ—прирожденный монистъ, ибо единственнымъ руководящимъ началомъ его мышленія и дѣятельности являются его ощущенія. И въ этой борьбѣ за право слѣдовать своими ощущеніями закалилась его воля и создался типъ борца.

Естественно, что этотъ сильный, умный и дѣловой человѣкъ долженъ былъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ взирать на міръ Кирсановыхъ—безвольныхъ, изнѣженныхъ трутней, питавшихся въ силу привилегій трудомъ тѣхъ самыхъ массъ, изъ которыхъ вышелъ онъ, Базаровъ.

„Пролетарій-труженикъ,—комментируетъ это отношеніе Писаревъ,—самымъ процессомъ своей жизни, независимо отъ процесса размышленія, доходитъ до практическаго реализма, онъ за недосугомъ отучается мечтать, гоняться за идеаломъ, стремиться въ идеѣ къ недостижимо высокой цѣли. Развивая въ труженикѣ энергію, трудъ пріучаетъ его сближать дѣло съ мыслью, актъ воли съ актомъ ума. Человѣкъ, привыкшій надѣяться на себя и на свои собственныя силы, привыкшій осуществлять сегодня то, что задумано было вчера, начинаетъ смотрѣть съ болѣе или менѣе явнымъ пренебреженіемъ на тѣхъ людей, которые, мечтая о любви, о полезной дѣятельности, о счастьѣ всего человѣческаго рода, не умѣютъ шевельнуть пальцемъ, чтобы хоть сколько нибудь улучшить свое собственное, въ высшей степени неудобное положеніе“.

Эта черта, совершенно правильно указанная Писаревымъ, по крайней мѣрѣ, относительно поколѣнія Базаровыхъ, объясняетъ весьма многое въ исторіи нашей общественности, между прочимъ, тотъ разрывъ между разночинцами 60-хъ годовъ и либералами 40-хъ годовъ, жертвой котораго сдѣлался и самъ Тургеневъ.

Мелко-мѣщанская среда, изъ которой выходили Базаровы, отличалась однимъ, весьма характернымъ свойствомъ: она была неживучей, разлагающейся, обреченной на гибель средой. Ютясь сначала между землевладѣльческимъ дворянствомъ и крестьянствомъ, сжатая впослѣдствіи, съ третьей стороны, народившейся крупной буржуазіей, она не имѣла никакихъ перспективъ, не имѣла простора для роста. Въ ней систематически образовывалось „избыточное населеніе“, которое должно было искать приложенія для своихъ силъ и пропитанія на сторонѣ. Но долгое время для ищущаго разночинца были открыты лишь священство да невысокія должности на государственной службѣ. Крѣпостническая, дореформенная Россія пропускала его только въ эти щели. Лишь отдѣльныя талантливыя личности пробивали себѣ путь въ литературу или общественную дѣятельность.

Но къ серединѣ прошлаго вѣка, наканунѣ пережитаго русской общественностью кризиса, въ средѣ разночинцевъ проявилось новое теченіе: „избыточное населеніе“ потянуло къ знанію, къ образованію, въ университеты. Предчувствіе грядущаго перелома подсказало разночинцу, что только на этомъ пути онъ можетъ подняться выше стоячаго болота мѣщанства, что только въ этой области онъ можетъ съ успѣхомъ проявить свои силы. Экономія общественной жизни настоятельно требовала притока

интеллигентныхъ силъ, а личное положеніе бездомнаго разночинца толкало его на путь интеллигентнаго труда. Разночинецъ обручился со знаніемъ. Онъ сталъ интеллигентомъ par exellence. Но выйдя изъ суровой школы бѣдности и труда, воспитавъ себя на отрицаніи господствовавшихъ въ обществѣ гуманитарныхъ наукъ и эстетики, онъ выдвинулъ въ противовѣсъ имъ пользу, полезное знаніе, понимая подъ послѣднимъ естественно-историческія науки. Онъ сталъ реалистомъ. Вотъ какъ опредѣляетъ этотъ типъ Писаревъ:

„Реалистъ—мыслящій работникъ, съ любовью занимающійся трудомъ. Изъ этого опредѣленія читатель видитъ ясно, что реалистами могутъ быть въ настоящее время только представители умственнаго труда".

Такимъ образомъ, въ лицѣ разночинцевъ-реалистовъ впервые выступила на общественную арену интеллигенція, какъ массовое явленіе. Она принесла съ собой тѣ характерныя психическія черты, которыя неизмѣнно сопутствовали ей, пока она выступала въ роли самостоятельной общественной силы. Образовавшись путемъ отщепенства, отреченія отъ родной среды, она принесла съ собой иллюзію внѣклассоваго и надклассоваго бытія. Выйдя изъ среды, изъ которой она не могла вынести никакихъ традицій, предоставленная своимъ собственнымъ силамъ, обязанная всѣмъ своимъ положеніемъ только своимъ дарованіямъ и своему труду, она неизбѣжно должна была придать своей психикѣ ярко-индивидуалистическую окраску. Мысль, благодаря которой разночинская интеллигенція только и могла проложить себѣ путь на поверхность общественной жизни и держаться на этой поверхности, естественно стала ей казаться какой-то абсолютной, всеразрѣшающей силой. Разночинецъ-интеллигентъ сталъ ярымъ индивидуалистомъ и раціоналистомъ. Сильнѣе всего сказались эти черты въ первый періодъ его дѣятельности, въ 60-ые годы, къ которымъ и относится господство базаровскаго типа.

Базаровъ появился на общественной аренѣ еще до отмѣны крѣпостного права (у Тургенева онъ дѣйствуетъ въ 1859 г.). Что же засталъ онъ? Съ одной стороны, онъ видѣлъ „дрянь, аристократишекъ", съ другой—онъ убѣждался, что „грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ", что „всѣ наши акціонерныя общества лопаются единственно отъ того, что оказывается недостатокъ въ честныхъ людяхъ", что „самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ, потому что мужикъ нашъ радъ самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману въ кабакѣ". Базаровъ, какъ видите, мало расположенъ идеализировать мужика; этому препятствуютъ основныя черты его психики—его эмпиризмъ, который не заглядываетъ въ будущее, а живетъ только ближайшимъ днемъ, и его преклоненіе передъ силой мысли, которое мѣшаетъ ему учесть стихійную силу матеріальныхъ интересовъ.

Ты сегодня сказалъ,—говоритъ онъ Аркадію,—проходя мимо избы нашего старосты Филиппа,—она такая славная, бѣлая—вотъ, сказалъ ты, Россія тогда достигнетъ совершенства, когда у послѣдняго мужика будетъ такое же помѣщеніе, и всякій изъ насъ долженъ этому способствовать... А я и возненавидѣлъ этого послѣдняго мужика, Филиппа или Сидора, для котораго я долженъ изъ кожи лѣзть, и который мнѣ даже спасибо не скажетъ... да и на что мнѣ его спасибо? Ну, будетъ онъ жить въ бѣлой избѣ, а изъ меня лопухъ расти будетъ; ну, а дальше?

Базаровъ хочетъ жить за свой счетъ, а не за счетъ Филиппа или Сидора, либеральная маниловщина Аркадія во вкусѣ Генриха IV его ничуть не соблазняетъ. Его раціоналистическая голова воспринимаетъ образъ мужика лишь въ видѣ забитаго, невѣжественнаго, пьянаго существа. Какую роль можно предоставить этому мужику тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вершинахъ знанія? Мужику, рядомъ съ Базаровымъ, приходится только „годить". Вотъ какъ смотритъ на массы alter ego Базарова — Писаревъ:

„При теперешнемъ устройствѣ матеріальнаго труда, при теперешнемъ положеніи чернорабочаго класса во всемъ образованномъ мірѣ, эти люди ничто иное, какъ машины, отличающіяся отъ деревянныхъ или желѣзныхъ машинъ невыгодными способностями чувствовать утомленіе, голодъ, боль. Въ настоящее время эти люди совершенно справедливо ненавидятъ свой трудъ и совсѣмъ не занимаются размышленіями. Они составляютъ пассивный матеріалъ, надъ которымъ друзьямъ человѣчества приходится много работать, но который самъ помогаетъ имъ очень мало и не принимаетъ до сихъ поръ никакой опредѣленной формы. Это туманное пятно, изъ котораго вырабатаются новые міры, но о которомъ до сихъ поръ рѣшительно нечего говорить... Самый реальный трудъ, приносящій самую осязательную и неоспоримую пользу, остается внѣ области реализма, внѣ области практическаго разума въ тѣхъ подвалахъ общественнаго зданія, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ общечеловѣческой мысли. Что же намъ дѣлать съ этими подвалами? Покуда приходится оставить ихъ въ покоѣ и обратиться къ явленіямъ умственнаго труда, который только въ томъ случаѣ можетъ считаться позволительнымъ и полезнымъ, когда прямо или косвенно клонится къ созданію новыхъ міровъ изъ первобытнаго тумана, наполняющаго грязные подвалы".

А самъ Базаровъ прибавляетъ къ этому своимъ лѣниво-небрежнымъ тономъ:

— Странное существо человѣкъ. Какъ посмотрѣть этакъ сбоку да издали на глухую жизнь, какую ведутъ здѣсь „отцы", кажется: чего лучше? ѣшь, пей и знай, что поступаешь самымъ правильнымъ, самымъ разумнымъ манеромъ. Анъ нѣтъ; тоска одолѣваетъ. Хочется съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться съ ними.

Если вдуматься въ эти цитаты, въ нихъ можно прочесть скрытые зачатки всего того грандіознаго движенія русской интеллигенціи, которое, развиваясь и растя, ушло, казалось, такъ далеко отъ нигилизма. И все же оно находится въ органической связи съ базаровщиной, хотя нѣкоторыя черты этой послѣдней прямо противоположны характернымъ чертамъ позднѣйшаго „народолюбія". Базаровскій индивидуализмъ, какъ видно изъ приведенныхъ цитатъ, не былъ эгоистичнымъ, онъ былъ пропитанъ общественными интересами („общая польза" Писарева). Но въ обстановкѣ конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ Базаровы, какъ мы видимъ, были отрѣзаны отъ массы и обречены на дѣятельность среди интеллигенціи. Къ этому поощряла ихъ безграничная вѣра въ силу интеллекта и въ спасающее значеніе знанія. Они, по необходимости, стали просвѣтителями.

— Мы дѣйствуемъ въ силу того, что мы признаемъ полезнымъ,—промолвилъ Базаровъ.—Въ теперешнее время полезнѣе всего отрицаніе—мы отрицаемъ...

— Все?

— Все.

— Какъ? Не только искусство, поэзію... но и... страшно вымолвить.

— Все,—съ невыразимымъ спокойствіемъ повторилъ Базаровъ.

— Однако, позвольте,—заговорилъ Павелъ Петровичъ.—Вы все отрицаете или, выражаясь точнѣе, вы все разрушаете... Да вѣдь надобно же и строить.

— Это ужъ не наше дѣло... Сперва нужно мѣсто расчистить.

— Мы ничего не проповѣдуемъ, это не въ нашихъ привычкахъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же Базаровъ.

Какъ же проявляютъ себя нигилисты? Какими путями воздѣйствуютъ они на окружающее общество? На это даетъ отвѣтъ Писаревъ: „Пусть каждый человѣкъ, способный мыслить и желающій служить обществу, дѣйствуетъ собственнымъ примѣромъ и своимъ непосредственнымъ вліяніемъ въ томъ самомъ кружкѣ, въ которомъ онъ живетъ постоянно, и на тѣхъ самыхъ людей, съ которыми онъ находится въ ежедневныхъ сношеніяхъ". Дальше этого базаровщина не пошла. Въ конституціонной, свободной странѣ она создала бы радикальное, мелкобуржуазное теченіе; у насъ же она была отброшена въ сторону соціализма, и мирное, просвѣтительное направленіе быстро было вытѣснено новымъ направленіемъ, родственнымъ ему въ смыслѣ соціальнаго генезиса, но скоро покончившимъ съ его только-просвѣтительствомъ. Тургеневъ увѣрялъ въ письмѣ къ Случевскому, что Базаровъ—революціонеръ. Это вѣрно лишь in potentia, лишь постольку, поскольку русская дѣйствительность заставила Базарова превратиться въ революціонера.

Подводя итогъ, мы можемъ сказать, что Базаровъ былъ раннимъ представителемъ разночинской (мелко-буржуазной) интеллигенціи того періода, когда она во всеоружіи мысли и воли готова была силой знанія создать новые міры изъ туманности народной массы.

2. ОТЪ БАЗАРОВА ДО САНИНА.

Итакъ Базаровъ—просвѣтитель; но Базаровъ и—революціонеръ. Это противорѣчіе разрѣшается діалектически, ходомъ развитія жизни. Возможность развитія просвѣтителя въ общественнаго дѣятеля была намѣчена еще Писаревымъ въ его извѣстной статьѣ о Базаровѣ:

„Изъ Базаровыхъ,—пишетъ онъ здѣсь,—при извѣстныхъ обстоятельствахъ вырабатываются великіе историческіе дѣятели; такіе люди долго остаются молодыми, сильными и годными на всякую работу... Когда жизнь серьезно шевельнетъ ихъ мозговые нервы, тогда они бросятъ микроскопъ и скальпель, тогда они оставятъ недописаннымъ какое нибудь ученѣйшее изслѣдованіе о костяхъ или перепонкахъ... Базаровъ—человѣкъ жизни, человѣкъ дѣла, но возмется онъ за дѣло только тогда, когда увидитъ возможность дѣйствовать не машинально. Его не подкупятъ обманчивыя формы, внѣшнія усовершенствованія не побѣдятъ его упорнаго скептицизма; онъ не приметъ случайной оттепели за наступленіе весны и проведетъ всю жизнь въ своей лабораторіи, если въ сознаніи нашего общества не произойдетъ существенныхъ измѣненій. Если же въ сознаніи, а слѣдовательно, и въ жизни общества произойдутъ желаемыя измѣненія, тогда люди, подобные Базарову, окажутся готовыми, потому что постоянный трудъ мысли не дастъ имъ залѣниться, залежаться и заржавѣть, а постоянно бодрствующій скептицизмъ не позволитъ имъ сдѣлаться фанатиками спеціальности или вялыми послѣдователями посторонней доктрины".

„Кто рѣшится отгадывать будущее и бросать на вѣтеръ гипотезы? — спрашиваетъ Писаревъ.—Кто рѣшится дорисовать такой типъ, который только что начинаетъ складываться и обозначаться и который можетъ быть дорисованъ только временемъ и событіями?"

Писаревъ, какъ и Базаровъ, былъ раціоналистомъ. Ему казалось, что излюбленный имъ базаровскій типъ представляетъ

собою прочное общественное явленіе и что ближайшему будущему останется только закончить, „дорисовать“ его образъ. На самомъ же дѣлѣ Базаровъ былъ лишь ранней, преходящей фазой въ развитіи разночинской интеллигенціи. Послѣ короткаго періода чистой базаровщины, разночинская интеллигенція вынуждена была эволюціонировать. Исходнымъ пунктомъ этой эволюціи явились два „ощущенія“, чтобы не сказать принципа, Базарова: „общая польза“ и потребность „возиться съ людьми“. Эти два момента, въ приложеніи къ русской дѣйствительности, очень скоро заставили разночинца бросить лягушекъ и заняться политикой. Мы не можемъ здѣсь подробно останавливаться на длинной смѣнѣ поколѣній и настроеній отъ Базарова до Санина—это насъ завело бы слишкомъ далеко. Ограничимся лишь краткой схемой этого развитія.

Базаровы могли утверждать, что они „ничего не проповѣдуютъ“, лишь до тѣхъ поръ, пока ихъ было „всего четыре человѣка съ половиною“, по словамъ Павла Петровича. Самъ Базаровъ могъ на это ядовитое замѣчаніе лишь скромно отвѣтить: „насъ не такъ мало, какъ вы полагаете“. Но когда интеллигентъ-разночинецъ хлынулъ большой массой на общественную арену, когда онъ заполнилъ собою университеты, литературу, журналистику, когда онъ сталъ, благодаря своей молодости, честности и искренности, самой крупной интеллектуальной силой въ обществѣ, наконецъ, когда онъ почувствовалъ, что на него съ надеждою взираютъ тысячи и тысячи подростающихъ разночинцевъ, — тогда ему трудно уже было замыкаться въ своемъ личномъ „я“.

„Хочется съ людьми возиться, хоть ругать ихъ, да возиться“— еще сильнѣе, чѣмъ Базаровъ, почувствовалъ теперь разночинецъ. И онъ началъ „возиться“, хотя, вѣрный завѣтамъ Писарева, сначала не выходилъ за предѣлы „представителей умственнаго труда“. Но тутъ ему тотчасъ же пришлось наткнуться на внѣшнія препоны, „тащившія“ его назадъ и „не пущавшія“ къ знанію. Каждая попытка выбиться самому и помочь другому выбиться изъ невѣжества, создать себѣ міропониманіе не по установленнымъ прописямъ, подойти съ критической мыслью къ существующимъ установленіямъ — вызывала бѣшеный вопль со стороны реакціонныхъ элементовъ и „мѣры предупрежденія и пресѣченія“ со стороны власти. Интеллигентъ-разночинецъ скоро убѣдился, что ему и шагу не ступить, не сломивъ стѣсняющей его преграды.

Но—индивидуалистъ по самочувствію и раціоналистъ по мышленію — онъ не могъ, разумѣется, объективно изслѣдовать скрытыя пружины развитія общества, намѣтить направленіе этого развитія, учесть двигающія его силы и опереть на нихъ свою борьбу. Да и сама жизнь не помогала въ этомъ разночинцу. Ему оставалось чисто раціоналистическимъ путемъ составить алгебраическое уравненіе, въ которое онъ подставилъ, по мѣрѣ своего разумѣнія, пригодныя для его цѣли величины. А такими величинами были: забитость и бѣдность крестьянскихъ массъ, торжество имущихъ классовъ, общее политическое безправіе. Неудивительно, что рѣшеніе этого уравненія приводило къ анархическимъ формамъ протеста и борьбы (нечаевщина, бунтарство и т. д.). Оторванная отъ народныхъ массъ, самодовлю-

щая разночинская интеллигенція, берущаяся на свой страхъ перестроить общество, только и могла придти къ такому рѣшенію.

Крушеніе этихъ пріемовъ борьбы привело интеллигенцію къ сознанію своего безсилія и своей безпомощности. Она поняла, что своими силами ей не перестроить общества, что для этой цѣли необходимо пробудить и просвѣтить громадную массу крестьянства, которую главнымъ образомъ и долженъ былъ осчастливить переворотъ. Не малую роль играла здѣсь реакція противъ предыдущаго періода, толкнувшая интеллигенцію отъ непосредственной политической борьбы къ мирной пропагандѣ среди массъ.

Исторія этого „хожденія въ народъ" достаточно извѣстна. Послѣ добраго десятилѣтія она закончилась полнымъ разочарованіемъ: болѣе послѣдовательная и революціонно мыслящая часть интеллигенціи бросилась въ рискованную террористическую борьбу, возвратясь такимъ образомъ къ прежнимъ пріемамъ, значительная же часть успѣвшей обезцвѣтиться интеллигентской массы отреклась отъ политики, ушла въ „культурную" работу, приведшую ее къ полному опошленію (восьмидесятые годы, толстовщина, чеховщина).

Мы не будемъ останавливаться на частностяхъ этого развитія; отмѣтимъ только нѣкоторыя соціально-психологическія черты, имѣющія важное значеніе. Разночинская (мелкобуржуазная) интеллигенція встрѣтилась въ своемъ развитіи съ другимъ теченіемъ, шедшимъ съ ней по пути и къ той же цѣли, но изъ другого источника. Это было—такъ называемое „кающееся дворянство". Это теченіе, шедшее нерѣдко, особенно въ первое время, на поводу у разночинства (напр., Арк. Кирсановъ у Базарова), привнесло въ среду революціонной интеллигенціи нѣкоторыя своеобразныя психическія черты, которыми оно было обязано своему происхожденію. Освободившись логически отъ воззрѣній и понятій дворянства, „кающіеся" не могли психологически освободиться отъ нѣкоторыхъ отрицательныхъ чертъ родной среды. Слабость воли, склонность къ идеализаціи и иллюзіямъ, расплывчатое, альтруистическое „прекраснодушіе", тяготѣніе къ морали, къ императиву долга, наконецъ, нѣсколько барская мягкость и жалостливость чувствъ—вотъ тотъ отрицательный багажъ, который внесли „кающіеся" въ интеллигентское движеніе. И хотя разночинецъ противопоставилъ имъ сильную волю, холодный реализмъ, жесткую, безпощадную критику и суровую дѣловитость, все-же они не замедлили подкрасить все теченіе и своими тонами.

Борьба этихъ двухъ союзныхъ психологій красной нитью проходитъ черезъ всю исторію русской интеллигенціи. Въ моменты особеннаго подъема и обостренія борьбы разночинская психологія брала верхъ и легко подчиняла себѣ неустойчивую психологію „кающихся". Но стоило только понизиться напряженности борьбы, стоило только наступить моменту затишья или хотя бы заминки—и дряблая психологія „кающихся" отчетливо выступала впередъ, какъ проступаетъ въ осеннее время сырость на стѣнахъ дома.

Къ началу восьмидесятыхъ годовъ—времени крушенія революціоннаго разночинства — различіе между обоими указанными

теченіями значительно сгладилось. Наиболѣе яркіе представители разночинства систематически выхватывались изъ рядовъ борцовъ, неудачи и пораженія разочаровывали многихъ, заражая ихъ пессимизмомъ и апатіей, свойственными другому теченію. По мѣрѣ упадка движенія разночинная и „кающаяся" интеллигенція уходили отъ тѣхъ угнетенныхъ массъ, съ именемъ которыхъ онѣ связывали свою дѣятельность, и замыкались въ личную жизнь, служа этимъ косвенно буржуазіи. Въ этотъ періодъ сталъ наглядно сказываться мелко-буржуазный характеръ этого теченія. Нечего прибавлять, что все растущіе кадры интеллигенціи шли открыто на службу къ господствующимъ классамъ.

Съ другой стороны, и сама мелкобуржуазная среда перестала уже вырабатывать цѣльныхъ, несгибаемыхъ Базаровыхъ. Съ теченіемъ времени русское общество волей-неволей демократизировалось. Различія между общественными классами въ правовомъ отношеніи стали меньше, интеллигенція, въ ряды которой шло „избыточное населеніе" мелкой буржуазіи, уже не представляла того чудища, о которомъ Кирсановы пренебрежительно спрашивали: „кто сей?", а напротивъ занимала почетное положеніе въ обществѣ. Теперь уменьшились въ значительной степени тѣ противорѣчія, которыя обусловливали рѣзкость и цѣльность базаровскихъ чертъ. Разночинцу нечѣмъ было питать своей непримиримости и соціальной ненависти. У насъ еще не создалось перепроизводства интеллигентовъ, какъ на Западѣ; передъ интеллигентомъ была открыта широкая дорога. Чтобы всосать въ свою психику элементъ непримиримости и соціальной ненависти, разночинецъ-интеллигентъ долженъ былъ брать ихъ изъ другой среды, — изъ среды угнетенныхъ и обездоленныхъ классовъ. Онъ долженъ былъ любить и ненавидѣть, страдать и радоваться, бороться и торжествовать не за свой счетъ, не за счетъ породившей его среды, а за счетъ совершенно посторонняго ему класса.

Изъ этого условія логически вытекало два положенія: во 1-ыхъ, сколько нибудь широкое участіе интеллигенціи въ жизни, страданіяхъ и борьбѣ такого посторонняго класса зависѣло отъ того, въ какой мѣрѣ ея личные интересы—напримѣръ, политическіе—совпадали съ аналогичными интересами этого класса; во 2-ыхъ, полный переходъ интеллигентовъ на сторону такого класса, независимо отъ такого совпаденія интересовъ, предполагалъ полное отреченіе ихъ отъ идеологіи, психологіи и интересовъ той среды, изъ которой они выходили. А это, разумѣется, могло быть количественно лишь ограниченнымъ явленіемъ.

Когда въ началѣ девяностыхъ годовъ на общественную арену выступилъ новый классъ—пролетаріатъ, выдвинувшій наряду со своими соціальными требованіями и требованіе политической свободы, онъ встрѣтилъ въ средѣ интеллигенціи самый сочувственный пріемъ. Увлеченіе идеологіей пролетаріата — марксизмомъ,—быстро росло, побѣждая старые интеллигентскіе кумиры, и могло казаться, что марксизмъ выражаетъ интересы не рабочаго класса, а какъ разъ этой интеллигенціи. Только систематическое отпаденіе отъ марксизма отдѣльныхъ вліятельныхъ лицъ или группъ (ревизіонизмъ, идеализмъ) указывало на то, что подъ флагомъ марксизма провозится и контрабандный товаръ.

Наиболѣе яркимъ подтвержденіемъ нашего перваго вывода было повальное увлеченіе соціалъ-демократіей (на этотъ разъ даже не марксизмомъ, а прямо соціалъ-демократіей) нашей радикальной интеллигенціи въ первый годъ революціоннаго движенія. Политическая борьба, шедшая подъ знакомъ пролетаріата, жажда политической свободы и кажущаяся близость ея осуществленія ощущались такъ интенсивно, что интеллигенція готова была пойти за кѣмъ угодно, хоть за босяками (вѣдь былъ же періодъ увлеченія интеллигенціи босячествомъ!), если бы только они подавали надежду на побѣду. Практическое совпаденіе интересовъ (политическихъ) интеллигенціи и пролетаріата казалось ей настолько полнымъ, что она охотно рядилась въ тогу соціалдемократизма.

Но пролетаріатъ не оправдалъ ея надеждъ. Онъ не далъ ей политической свободы. Этимъ онъ потерялъ въ ея глазахъ весь свой ореолъ, и она съ негодованьемъ и презрѣньемъ отвернулась отъ него. И чѣмъ неудержимѣе было увлеченіе въ моментъ подъема, тѣмъ беззастѣнчивѣе стало отреченіе въ моментъ упадка. Опамятовавшись послѣ революціоннаго угара, интеллигенція предала анафемѣ не только соціалдемократію, не только революцію, но и политику вообще, ту самую политику, которая составляла одинъ изъ существеннѣйшихъ ея интересовъ. Вмѣстѣ съ водой выплеснула она изъ ванны и ребенка.

Этотъ періодъ политической реакціи въ средѣ интеллигенціи мы еще переживаемъ и въ настоящее время. Онъ весьма ярко и характерно сказался въ любимой области интеллигенціи—въ литературѣ. И однимъ изъ наиболѣе яркихъ и характерныхъ выразителей его явился г. Арцыбашевъ въ своемъ романѣ „Санинъ"—и это потому, что въ образѣ своего героя онъ далъ квинтъ-эссенцію этихъ реакціонныхъ настроеній среди интеллигенціи, нарисовалъ этотъ образъ гораздо болѣе сгущенными красками, чѣмъ даетъ дѣйствительность. Романъ отъ этого потерялъ въ художественномъ отношеніи, но зато онъ далъ публицисту богатую пищу. Послѣ полувѣковыхъ скитаній разночинецъ-интеллигентъ, говорятъ намъ, сталъ Санинымъ. „Какъ дошелъ онъ до жизни такой",—это мы видѣли. Посмотримъ же теперь, что это за „такая" жизнь.

3. КТО ТАКОЙ САНИНЪ?

Что за типъ представляетъ собою Санинъ? Въ нашемъ разборѣ мы постараемся по возможности проводить параллель между Санинымъ и Базаровымъ, такъ какъ эта параллель послѣ всего сказаннаго нами крайне поучительна.

Подобно Базарову Санинъ не зналъ никакихъ воспитательныхъ вліяній; онъ тоже „воспитывалъ самъ себя".

«То, самое важное въ жизни, время,—говорится въ романѣ г. Арцыбашева,—когда подъ вліяніемъ первыхъ столкновеній съ людьми и природой слагается характеръ, Владиміръ Санинъ прожилъ внѣ семьи. Никто не слѣдилъ за нимъ, ничья рука не гнула его, и душа этого человѣка сложилась свободно и своеобразно, какъ дерево въ полѣ» *).

*) Курсивъ, какъ и въ дальнѣйшемъ, мой.—П. О.

Мы видимъ такимъ образомъ, что г. Арцыбашевъ ставитъ себѣ ту-же психологическую и эстетическую задачу, что и Тургеневъ: нарисовать типъ человѣка, свободнаго отъ традицій, отъ предразсудковъ, отъ установленной морали, вообще, отъ „принциповъ" существующаго общества—типъ отрицателя, вошедшаго въ это общество какъ бы извнѣ. Но сразу же обнаруживается разница въ постановкѣ вопроса у обоихъ авторовъ. Оторванность Базарова, его „внѣшнее" происхожденіе было несомнѣннымъ историческимъ фактомъ. Въ лицѣ Базарова въ существующее общество вступилъ дѣйствительно „извнѣ", изъ совершенно другой среды новый типъ—разночинецъ-интеллигентъ. Въ то-же время этотъ типъ выросъ въ такой обстановкѣ, гдѣ дѣйствительно о воспитаніи не могло быть и рѣчи, гдѣ онъ на самомъ дѣлѣ самъ себя воспитывалъ.

Не то Санинъ. За спиною героя арцыбашевскаго романа не стоитъ никакой новый общественный слой съ своеобразными, чуждыми господствующимъ классамъ общества условіями жизни *). Изъ романа мы видимъ, что Санинъ происходитъ изъ интеллигентной семьи и, если въ этой семьѣ небрежно или плохо воспитывали дѣтей, то это индивидуальный фактъ, а не сколько-нибудь широкое общественное явленіе. Самовоспитаніе Санина—простая случайность, привнесенная авторомъ для болѣе легкаго доказательства своихъ мыслей.

Базаровъ—живая историческая личность; Санинъ—плодъ художественной фантазіи автора. Вотъ первое сходство и первое различіе между двумя героями.

Подобно Базарову Санину пришлось тоже немало биться въ годы юности, передъ тѣмъ, какъ мы встрѣчаемся съ нимъ въ романѣ. Онъ разсказываетъ матери и сестрѣ, „какъ жизнь бросала его изъ стороны въ сторону, какъ много приходилось ему голодать, бродить"... „Жилъ онъ, гдѣ придется, дѣлалъ, что придется, то работалъ, то слонялся безъ цѣли, повидимому, любилъ пить и много зналъ женщинъ...—узнаемъ мы въ другомъ мѣстѣ.— Общей идеи въ его жизни не было, никого онъ не ненавидѣлъ и ни за кого не страдалъ".

И здѣсь, несмотря на сходную внѣшность скитальческой жизни, проскальзываетъ коренное различіе между нимъ и Базаровымъ. Вся жизнь Базарова проникнута потребностью труда и жаждой знанія. Мы уже отмѣтили выше, что Базаровъ, какъ и его защитникъ Писаревъ, были фанатиками знанія. Знаніе давало имъ лично наивысшее наслажденіе, знаніе же было той панацеей, которая должна возродить и перестроить человѣческое общество. Напротивъ, для Санина весьма характерно, что на протяженіи всего романа авторъ только одинъ разъ заставляетъ его взять въ руки книгу—и что бы вы думали? — „разсказъ о томъ, какъ трагически одиноко умиралъ старый архіерей, окруженный людьми, поклоненіемъ и кадильнымъ дымомъ, облаченный въ золотыя ризы, брилліантовые кресты и всеобщее уваженіе". Правда, наряду съ Санинымъ г-нъ Арцыбашевъ выводитъ дополнительный типъ нигилиста-начетчика, Иванова, который якобы прочелъ „массу книгъ", — но и этотъ начитанный

*) Предшествовавшая эпоха, напротивъ, уравняла образованные классы, увеличивъ пропасть между ними и трудящейся массой.

санинистъ пришелъ только къ отрицанію знанія. На всякую ссылку на новую теорію у него есть только одинъ презрительно-пессимистическій отвѣтъ: „слыхали!“. Базаровъ нѣкогда посовѣтовалъ Аркадію дать старику Кирсанову для чтенія „Силу и Матерію“ Бюхнера; Писаревъ признавалъ популяризацію научныхъ знаній главной задачей молодого поколѣнія. Сравните съ этимъ слѣдующій діалогъ между Санинымъ и Юріемъ Сваро-жичемъ:

— Неужели вы думаете серьезно, что по какимъ бы то ни было книгамъ можно выработать себѣ какое-то міросозерцаніе?

— Конечно,—удивленно посмотрѣлъ на него Юрій.

— Напрасно,—возразилъ Санинъ: — если бы это было такъ, то можно было бы все человѣчество преобразовать по одному типу, давая ему читать книги только одного направленія.

Эта полная противоположность во взглядахъ Базарова и Санина весьма характерна, какъ начало и конецъ извѣстнаго процесса, пережитаго на протяженіи полустолѣтія разночинской интеллигенціей. Вступая на поприще общественной дѣятельности, эта интеллигенція принесла съ собою неограниченную вѣру въ силу мысли, и эта вѣра въ теченіе долгихъ лѣтъ питала ея жизнь и борьбу. Но извѣрившись со временемъ во всеразрѣшающей силѣ мысли, она съ той же прямолинейностью раціонализма развѣнчала свой кумиръ, бросившись изъ одной крайности въ другую.

Санинъ отрицаетъ вліяніе книгъ, онъ отвергаетъ всякія гипотезы, считая, что „глупо“ на основаніи ихъ строить свою жизнь, онъ живетъ безъ „общей цѣли“. Мало того, онъ вообще отрицаетъ всякія „конечныя цѣли“ и всякія средства къ ихъ достиженію. „Золотого вѣка никогда не можетъ быть,—говоритъ онъ.—Если бы жизнь и люди могли улучшиться мгновенно, это было бы золотое счастье, но этого быть не можетъ!“. Такъ же пессимистично смотритъ онъ и на попытки перестроить человѣческія отношенія. Его мнѣніе по этому вопросу весьма недвусмысленно и безапеляціонно:

— Человѣкъ стоитъ на вѣчномъ пути,—доказываетъ онъ, — и мостить путь къ счастью все равно, что къ безконечному числу причитывать новыя единицы.

— Значитъ, все пустота? Значитъ, „ничего“ нѣту?

— Я думаю: ничего.

При такомъ міровоззрѣніи Санинъ естественно не можетъ обладать соціальными инстинктами. Онъ индивидуалистъ pur sang. Базаровъ тоже былъ индивидуалистомъ, но мы уже отмѣтили, что его индивидуализмъ опирался на признаніе и преслѣдованіи „общей пользы“. Напротивъ, индивидуализмъ Санина чисто эгоистическаго характера. Оба они высказываютъ сходныя слова по поводу мотивовъ своей дѣятельности и критерія своихъ жизненныхъ оцѣнокъ; но за этими сходными словами кроется неизмѣримое различіе. Базаровъ дѣйствовалъ „въ силу ощущеній“, отвергая „принципы“. Санинъ тоже пренебрежительно относится къ принципамъ. „Моя жизнь, — говоритъ онъ,—это мои ощущенія пріятнаго и непріятнаго, а что за предѣлами—чортъ съ нимъ!“

Вся сущность различія между обоими типами и заключается какъ разъ въ реальномъ содержаніи и въ направленіи

ихъ ощущеній. И Тургеневъ, и Арцыбашевъ стремились дать типы людей безусловно искреннихъ, а потому ихъ поступки, равные ихъ ощущеніямъ, являются лучшимъ показателемъ того, какова психика обоихъ героевъ, а слѣдовательно, и каковы тѣ соціальныя условія, которыя создали эту психику. Санинъ въ одномъ мѣстѣ дѣлаетъ довольно характерное замѣчаніе: „Міросозерцаніе не теорія жизни, а только настроеніе отдѣльной человѣческой личности, и притомъ до тѣхъ поръ измѣняющееся, пока у человѣка еще жива душа... А слѣдовательно,—умозаключаетъ онъ,—и вообще не можетъ быть того опредѣленнаго міросозерцанія, о которомъ вы такъ хлопочете..."

Эта софистическая фраза весьма интересна въ смыслѣ выясненія санинской психологіи. Что въ основу міросозерцанія, т. е. логическаго объясненія мірового процесса, ложится настроеніе, понимая подъ послѣднимъ психику, это несомнѣнно. Но соль въ томъ, что у извѣстныхъ общественныхъ образованій (а также у отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ нихъ) данное настроеніе является длительнымъ, постояннымъ. У другихъ же, и особенно въ извѣстные историческіе моменты, настроеніе весьма неустойчиво, быстро мѣняется подъ вліяніемъ внѣшнихъ фактовъ, а потому и приводитъ къ быстрой и легкой перемѣнѣ міросозерцанія. Причины устойчивости или неустойчивости настроеній и міросозерцаній кроются въ глубокихъ основахъ человѣческаго общежитія. Психика лицъ и группъ опредѣляется всѣмъ складомъ ихъ жизни и быта, а въ составѣ послѣднихъ доминирующую роль играютъ въ большинствѣ случаевъ матеріальные интересы, способы пріобрѣтенія благъ жизни. Прочность и устойчивость этихъ интересовъ опредѣляетъ прочность и устойчивость психики, а тѣмъ самымъ прочность и устойчивость міросозерцанія.

Поэтому вполнѣ естественно, что наименьшей устойчивостью настроеній и міросозерцанія отличаются тѣ общественныя группы, которыя не связаны непосредственными, прочными интересами съ процессомъ общественнаго производства, которыя работаютъ въ области „надстроекъ", не создаютъ матеріальныхъ благъ жизни, кормятся отъ доходовъ другихъ классовъ. Такими качествами отличается какъ разъ та группа, которая извѣстна подъ собирательнымъ названіемъ интеллигенціи.

Мы прослѣдили выше развитіе нашей разночинской интеллигенціи отъ Базарова до революціоннаго періода; эта интеллигенція была безсильна сложиться въ самостоятельный классъ со своими опредѣленными интересами, она послѣдовательно переходила отъ защиты интересовъ одного класса къ защитѣ интересовъ другого, отъ одного міросозерцанія къ другому. Наканунѣ революціи мы видѣли ее апатичной, пессимистичной, проникнутой чеховскимъ настроеніемъ. Оживившееся общественное движеніе снова какъ будто бодритъ ее. Она начинаетъ принимать дѣятельное участіе въ политической борьбѣ, организуется, горячится, шумитъ. Наступаетъ бурный 1905 г. Разночинская интеллигенція съ нервозностью, свойственной группамъ, не связаннымъ прочными производственными интересами, бросилась, очертя голову, въ водоворотъ борьбы вплоть до политическихъ забастовокъ, вплоть до участія подчасъ въ баррикадной борьбѣ... и это лишь для того, чтобы послѣ пер-

выхъ же неудачъ бѣжать съ поля брани, отречься отъ собственныхъ увлеченій, предать анаѳемѣ тѣ самые „эксцессы“, о которыхъ она кричала прежде съ наибольшимъ жаромъ *).

Началась реакція противъ „крайностей“, противъ „революціонизма“, противъ партійности вообще, противъ политики. Растерявши за эти годы весь свой поношенный багажъ, интеллигенція вдругъ захотѣла зажить полной жизнью, вкусить отъ наслажденій міра сего. Обязательному альтруизму предшествовавшихъ поколѣній противопоставили „естественный“ эгоизмъ; ихъ соціализму—индивидуализмъ; ихъ понятію долга — свободу личности; ихъ идеѣ общественнаго блага — личное счастье. Въ этой атмосферѣ реакціи противъ служенія обездоленнымъ классамъ возникли тѣ взгляды, запросы, понятія, которыя положены въ основу санинскаго типа.

Изъ отрывочныхъ свѣдѣній относительно біографіи Санина мы узнаемъ, что и онъ пережилъ не мало превращеній. „Было время, — разсказываетъ онъ, — когда я самъ серьезно мечталъ объ идеалѣ христіанскаго житія“. Это былъ періодъ увлеченія толстовцемъ Ланде (въ исторіи русской интеллигенціи тоже есть такой періодъ). Однако Санинъ, по его словамъ, вскорѣ „сталъ яснѣе смотрѣть на его жизнь и увидѣлъ, что она страшно несчастна и бѣдна!“. Въ другомъ мѣстѣ мы узнаемъ, что онъ „принималъ рискованное участіе въ политической борьбѣ“; но и это увлеченіе миновало, и онъ „бросилъ это дѣло, когда оно ему надоѣло“. И тогда Санинъ сталъ тѣмъ „естественнымъ“ человѣкомъ, какимъ онъ себѣ кажется.

Какъ бы ни были „естественны“ въ смыслѣ самобытности и самовоспитанія Базаровъ и Санинъ, ихъ ощущенія далеко не произвольны, а зависятъ отъ вполнѣ опредѣленныхъ причинъ, а потому и сами вполнѣ опредѣленнаго порядка. Подобно тому, какъ музыкальный человѣкъ особенно воспріимчивъ къ звуковымъ ощущеніямъ, а человѣкъ съ притупленнымъ слухомъ, напр. гаршинскій „Глухарь“, почти совсѣмъ лишенъ возможности воспринимать эти ощущенія, такъ и каждый изъ разсматриваемыхъ нами типовъ легче всего воспринимаетъ и фиксируетъ тѣ ощущенія, къ которымъ онъ предрасположенъ или по отношенію къ которымъ не притуплены его чувства. Другими словами, въ самую основу нашихъ воспріятій положено все то же „настроеніе“, психика, а слѣдовательно, и вся та соціальная подоплека психики, о которой мы говорили. Субъективно человѣкъ сознаетъ свои ощущенія свободными и произвольными, объективно же они опредѣляются всей его жизненной обстановкой.

Базаровъ воспиталъ себя на противопоставленіи труда и знанія барскому бездѣлью и эстетикѣ. Его психика сложилась такъ, что въ немъ не возникало ощущеній, характерныхъ для „отцовъ“; его ощущенія были новаго порядка — они, какъ мы видѣли, подсказывались потребностями новаго демократическаго общества. Таковымъ было его ощущеніе, вызывавшее характер-

*) Похожденія нашей интеллигенціи въ періодъ 1904—1907 гг., ея разложеніе, ея крайности, весьма поучительны для соціологическаго знакомства съ характеромъ этого слоя. „Doch steht's in einem andren Buch und ist ein sonderbar Kapitel“. Здѣсь наше вниманіе сосредоточено на другой темѣ.

ное для Базарова дѣйственное отрицаніе, таковымъ же было и то ощущеніе, въ силу котораго ему хотѣлось „съ людьми возиться“. Базаровъ представлялъ молодость разночинской интеллигенціи, его задоръ происходилъ отъ полноты и избытка силъ, передъ нимъ открывалась безконечная перспектива плодотворнаго труда. Онъ былъ родоначальникомъ самостоятельнаго интеллигентскаго движенія.

Иначе складывалась психика Санина, и другимъ ощущеніямъ открывала она просторъ. Санинъ, въ противоположность Базарову, появился на свѣтъ послѣ цѣлаго ряда интеллигентскихъ поколѣній, какъ продуктъ длинной исторіи интеллигенціи, появился въ моментъ разочарованія этой интеллигенціи во всей ея полувѣковой дѣятельности, въ моментъ бѣгства отъ общественнаго служенія въ личную жизнь. Въ основу его настроенія легло это отрицаніе прошлаго, сдѣлавъ его душу способной переживать только эгоистическія ощущенія, съузивъ ея отзывчивости и ёмкость до тѣсныхъ предѣловъ личнаго довольства.

— Я знаю одно, —говоритъ онъ: — я вижу и хочу, чтобы жизнь не была для меня мученіемъ. Для этого надо прежде всего удовлетворять свои естественныя желанія... Желаніе это все: когда въ человѣкѣ умираютъ желанія — умираетъ и его жизнь, а когда онъ убиваетъ желанія — убиваетъ себя!

— Но желанія могутъ быть злыми?

— Можетъ быть.

— Тогда какъ?

— Такъ же, — ласково отвѣтилъ Санинъ и посмотрѣлъ въ лицо Юрія свѣтлыми, немигающими глазами.

И въ этомъ отвѣтѣ, сопровождаемомъ „немигающимъ“ взглядомъ, опять сказывается неизмѣримое различіе между Санинымъ и Базаровымъ. „И честность — ощущеніе?“ — спрашивалъ Аркадій Базарова. „Еще бы!“ — отвѣтилъ Базаровъ. То же самое отвѣтилъ бы и Санинъ, но дѣло въ томъ, что Базаровъ въ силу **своихъ** ощущеній могъ быть **только** честнымъ, санинскія же ощущенія не различаютъ честности и безчестья. Честность въ общественныхъ отношеніяхъ — это соображеніе „общей пользы“, а мы знаемъ, что оно играло рѣшающую роль въ утилитарной морали Базарова. Мораль же Санина основывается на личной пользѣ (вѣрнѣе наслажденіи), а передъ этимъ критеріемъ различіе между честностью и безчестіемъ утрачиваетъ всякій смыслъ. Поэтому Санинъ вполнѣ послѣдовательно приходитъ къ тому выводу, что „естественнымъ“, т. е. свободнымъ отъ предразсудковъ человѣкомъ можетъ быть только нравственно или физически невмѣняемая личность.

— „По моему, — говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — только пьяный человѣкъ и живетъ, какъ слѣдуетъ... пьяный дѣлаетъ только то, что ему хочется... хочется ему пѣть — поетъ, хочется танцовать — танцуетъ, и не стыдится своей радости и веселья“. Въ другомъ мѣстѣ Санинъ такъ же сочувственно высказывается про мерзавцевъ.

„Онъ (мерзавецъ) дѣлаетъ то, что для человѣка совершенно естественно. Онъ видитъ вещь, которая ему не принадлежитъ, но которая хороша, — онъ ее беретъ; видитъ прекрасную женщину, которая ему не отдается, онъ ее возьметъ силой или обманомъ. И это вполнѣ естественно, потому что потребность и пониманіе наслажденій и есть одна изъ немногихъ чертъ, которыя естественный человѣкъ отличается отъ животнаго. Животныя, чѣмъ больше они — животныя, не понимаютъ наслажденій и не способны ихъ добиваться. Они только отправляютъ потребности. Мы всѣ согласны съ тѣмъ, что человѣкъ

не созданъ для страданій, и не страданія же идеалъ человѣческихъ стремленій... Человѣку отъ природы не свойственно воздержаніе, и самые искренніе люди, это—люди, не скрывающіе своихъ вожделѣній, т. е. тѣ, которыхъ въ обдежитіи называютъ мерзавцами".

Если бы Базаровъ выслушалъ эту тираду, онъ, вѣроятнѣе всего, повернулся бы спиной къ говорящему и пошелъ бы рѣзать лягушекъ. А если бы и снизошелъ до бесѣды съ Санинымъ, то объяснилъ бы ему, во 1-хъ, что онъ невѣжда, ибо животныя не хуже его „понимаютъ наслажденіе", а онъ не лучше животныхъ „отправляетъ потребности", а во 2-хъ, что интеллектуальная дѣятельность способна давать не менѣе высокое наслажденіе, чѣмъ прикарманиваніе чужихъ вещей или насилованіе красавицъ. Кромѣ того Базаровъ могъ бы указать Санину, что можно отстаивать свою свободу и беречь святость своей личности, вовсе не сводя своей дѣятельности къ однимъ элементарнымъ физіологическимъ отправленіямъ и не базируя этой индивидуальности на такомъ случайномъ факторѣ, какъ физическая сила.

Въ самомъ дѣлѣ, если вы внимательно прочитаете романъ г. Арцыбашева, вы увидите, что Санинъ много ѣстъ, еще больше пьетъ, говоритъ не мало по большей части совершенно ненужныхъ грубостей, больно дерется и артистически соблазняетъ красивыхъ женщинъ. Дальше этихъ запросовъ онъ не идетъ, и даже тѣ радужныя перспективы, которыя ему грезятся въ будущемъ (Санинъ достаточно непослѣдователенъ, чтобы, вопреки своимъ же словамъ, рисовать себѣ „золотой вѣкъ"), не ведутъ къ расширенію его потребностей.

„Мнѣ все грезится счастливое время,—говоритъ онъ,—когда между человѣкомъ и счастьемъ не будетъ ничего, когда человѣкъ свободно и безстрашно будетъ отдаваться тѣмъ доступнымъ ему наслажденьямъ... Та эпоха, когда люди жили только животомъ, была варварски грубой и бѣдной,—наша, когда было подчинено духу и сведено на задній дворъ, безмысленно слаба. Но человѣчество жило не даромъ: оно выработаетъ новыя условія жизни, въ которыхъ не будетъ мѣста ни звѣрству, ни аскетизму".

Психологія и этика Санина, думается, достаточно ясна изъ приведенныхъ цитатъ. Теперь посмотримъ, чѣмъ является Санинъ, какъ общественный типъ и какова его роль въ процессѣ превращеній общества?

Мы уже указывали вскользь, что Санинъ не есть живой, реальный типъ, онъ, такъ сказать, типъ конструктивный, какими изобилуетъ тенденціозная литература. Авторъ собралъ воедино рядъ чертъ, характерныхъ для происходящаго въ средѣ интеллигенціи поворота, и, суммируя ихъ, создалъ типъ, который въ такомъ видѣ въ дѣйствительности не встрѣчается. Сумма же саниновскихъ чертъ означаетъ отказъ отъ полувѣковой традиціи разночинской интеллигенціи и прежде всего отказъ отъ служенія угнетеннымъ классамъ—въ общественной сферѣ, отказъ отъ императива долга—въ личной. У массы этой интеллигенціи давно уже „принципы" разошлись съ „ощущеніями", ее давно тяготила традиціонная общественная и личная мораль. На короткій мигъ эти противорѣчія, казалось, стерлись подъ вліяніемъ общественнаго подъема, но лишь съ тѣмъ, чтобы потомъ снова вспыхнуть еще рѣзче, на этотъ разъ, повидимому, безповоротно—и привести къ окончательной ликвидаціи. Открещиваясь отъ своего прошлаго, эта интеллигенція оконча-

тельно уходитъ отъ трудящихся массъ, съ которыми она—фактически или формально—была связана въ теченіе десятилѣтій. Но въ капиталистическомъ обществѣ, каковымъ уже стало и съ каждымъ днемъ все больше становится русское общество, уходъ отъ трудящихся классовъ неизбѣжно приводитъ въ объятія классовъ господствующихъ, буржуазіи. И какъ бы радикальными ни казались Санинымъ ихъ воззрѣнія, сколько бы ни рядились они въ тогу анархизма, какія бы крѣпкія словечки ни метали по адресу того, что „жило чужой кровью", ихъ появленіе въ концѣ концовъ означаетъ лишь новый шагъ разночинской интеллигенціи въ сторону буржуазіи. Сейчасъ это кое-кому можетъ показаться парадоксальнымъ, но пусть уляжется волнующаяся стихія переживаемаго момента, и сегодняшній парадоксъ станетъ очевиднымъ для всѣхъ фактомъ.

П. Орловскій.

Ю. М. Стекловъ.

О творчествѣ Ѳедора Сологуба.

„Въ столицахъ же и въ большихъ городахъ теперь въ модѣ психопатія... Оно точно, психопатія—вещь, будемъ такъ говорить, очень тонкая и деликатная. Значитъ, какъ хочу, такъ и верчу, а ты моему здраву не препятствуй".

Ѳ. Сологубъ, Тяжелые сны", ром.

„Мы... всегда пакостимъ".

Ѳ. Сологубъ, „Мелкій бѣсъ", ром.

I. ВЫПИСКА ИЗЪ СТАТЕЙНАГО СПИСКА г. СОЛОГУБА.

Странное чувство испытываешь, когда читаешь произведенія г. Сологуба. Какъ будто попалъ въ музей. На стѣнахъ и въ стеклянныхъ витринахъ разложены и развѣшаны орудія пытокъ, отравленные кинжалы, окровавленныя клещи; всюду истерзанные трупы, искаженныя судорогой лица, сведенные дикой похотью или мученьями члены. Тяжело, отвратительно и душно! И хотя знаешь, что всѣ эти движущіяся фигуры сдѣланы изъ воска, картона и дерева, но не можешь отдѣлаться отъ чувства ужаса и отвращенія, когда передъ тобой недвижно стоитъ убійца съ занесеннымъ надъ жертвой ножомъ или все время безостановочно шевелится грудь и закатываются глаза лежащаго въ агоніи человѣка. Творчество Сологуба—это музей пытокъ. И тѣмъ не менѣе литературной критикѣ приходится серьезно заняться изученіемъ этого творчества.

И это по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, у г. Сологуба имѣется не мало поклонниковъ, готовыхъ восхищаться не только формой его произведеній, иногда дѣйствительно талантливыхъ, тщательно отдѣланныхъ и во всякомъ случаѣ оригинальныхъ, но и ихъ содержаніемъ, ихъ идеей и положенной въ ихъ основу философіей. Еще недавно какой-то критикъ отводилъ г. Сологубу въ современномъ „литературномъ созвѣздіи" (Леонидъ Андреевъ-Валерій Брюсовъ-Ѳедоръ Сологубъ) чуть ли не самое почетное мѣсто. Значитъ, считаться съ нимъ приходится. Во-вторыхъ, г. Сологубъ интересенъ, какъ крайній выразитель того, что могло дать и дало русское декадентство. Недаромъ въ лагерѣ модернистовъ Сологубъ признается чуть ли не „единственнымъ декадентомъ". И дѣйствительно, западно-европейское декадентство, перенесенное на варварскую русскую почву, въ творчествѣ г. Сологуба принесло свои самые отравленные и ядовитые плоды. Такъ алкоголизмъ и сифилисъ, занесенные цивилизованными европейцами къ дикимъ народцамъ, приводятъ въ этой примитивной средѣ къ особенно разрушительнымъ и гибельнымъ послѣдствіямъ.

Наконецъ, г. Сологубъ интересенъ и съ соціальной точки зрѣнія, какъ типичный продуктъ 80-хъ годовъ и дерзкій выразитель реакціонныхъ настроеній, охватившихъ русское общество послѣ пораженія недавняго освободительнаго движенія. Какъ настоящій могильный червь, онъ питается тлѣніемъ и жирѣетъ на трупахъ. Его литературная физіономія сложилась въ эпоху реакціи, наступившей послѣ разгрома партіи „Народной Воли". Онъ дышалъ гнилостной атмосферой этого печальнаго періода, и это обстоятельство навсегда предопредѣлило характеръ его литературной дѣятельности. Не забудемъ, что его общественная дѣятельность вдобавокъ протекала въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, въ которомъ особенно ярко сконцентрировались всѣ отрицательныя, разлагающія черты реакціонной эпохи. Первыя стихотворенія Ѳ. Сологуба начали появляться въ книжкахъ „Недѣли",—журнала, въ которомъ первую скрипку игралъ г. Меньшиковъ, тогда толстовецъ, теперь нововременецъ и всегда Іудушка. Затѣмъ онъ началъ работать въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ", который въ 90-хъ годахъ сдѣлался центромъ идейной реакціи противъ революціонныхъ идей и настроеній 60-хъ и 70-хъ годовъ. Здѣсь появились между прочимъ его разсказъ „Тѣни" (1894) и романъ „Тяжелые сны" (1896).

Но въ первое время его извѣстность не выходила за предѣлы узкихъ кружковъ, ютившихся въ трущобахъ разныхъ „Скорпіоновъ" и „Грифовъ". Истиннымъ пророкомъ и блестящимъ свѣтиломъ на литературномъ небосклонѣ онъ сдѣлался только на нашихъ глазахъ, когда кратковременное общественное оживленіе смѣнилось эпохой самой мрачной и безудержной реакціи. Надорвавшійся отъ непомѣрнаго усилія народъ впалъ въ прострацію; разбитымъ обществомъ овладѣли отчаяніе и пессимизмъ, воскресли различныя формы мистическаго идеализма, для которыхъ три года тому назадъ не было, казалось, мѣста; спинной мозгъ снова началъ брать верхъ надъ головнымъ, и всѣ тѣ, кого еще вчера торжествующая революція заставляла быть гражданами земли своей, очертя голову ринулись въ разгулъ опьянѣвшей отъ долгой сдержки плоти. Только теперь Сологубъ начинаетъ царить. Онъ становится въ извѣстномъ смыслѣ законодателемъ умственной моды, онъ разоблачается и развертывается во всю; онъ дѣлается желаннымъ гостемъ во всѣхъ буржуазныхъ журналахъ и газетахъ, заливая ихъ своей прозой и стихами; его книги начинаютъ раскупаться, а нѣкоторыя выходятъ даже вторымъ и третьимъ изданіемъ. Наконецъ, на него обращаетъ благосклонное вниманіе цензура: нѣкоторыя его сочиненія конфискуются,—правда, не за крамольный духъ, а за садизмъ, сатанизмъ и порнографію. Но все таки, развѣ это не признакъ славы!?

Ясно, что Сологубомъ стоитъ заняться. Лично мы убѣждены, что его музейное творчество стоитъ за гранью литературы и что въ большинствѣ случаевъ его произведенія представляютъ интересъ главнымъ образомъ для психіатровъ. Но какъ бы мы лично ни относились къ этому писателю, завоеванная имъ популярность показываетъ, что его творчество выражаетъ какія-то настроенія нѣкоторыхъ общественныхъ элементовъ и отвѣчаетъ на ихъ духовные запросы.

II. „НАШЪ ГОРОДЪ“.

Узкія, мглистыя дали.
Камни вездѣ и дома.
Какъ мнѣ уйти отъ печали?
Городъ мнѣ—точно тюрьма.

Сологубъ. Собраніе стиховъ, кн. III и IV.

Сологубъ описываетъ главнымъ образомъ провинцію, точнѣе русскій провинціальный городъ. Герои его произведеній это—главнымъ образомъ провинціальное мѣщанство, мелкій служилый людъ, учителя, мелкіе помѣщики, мелкіе городскіе собственники. И этотъ русскій провинціальный городъ 80-хъ годовъ наложилъ свою властную печать на все творчество и настроеніе самого Сологуба и на психику его героевъ.

Логинъ (герой „Тяжелыхъ Сновъ“) ѣдетъ по скверному городскому мосту, въѣзжаетъ на отвратительную мостовую, по которой ѣхать это чистое мученіе.

„Дома, съ высоко поднятыми подъ самую кровлю окнами, имѣли глупый видъ... Попадались грязныя лавчонки, шумные кабаки, глупыя вывѣски. (Въ трактирѣ) разгорѣлась драка. Вдругъ распахнулись съ трескомъ и звономъ выходныя двери трактира. Пьяная ватага вывалилась оттуда, свирѣпо горланя. Растрепанный мужикъ съ багровымъ лицомъ и налитыми кровью глазами бросился за дрожками Логина. Извозчикъ отмахнулъ его кнутомъ. Пьяница зарычалъ отъ боли, но трусливо отсталъ“.

А вотъ другая картинка сологубовскаго провинціальнаго города изъ „Мелкаго Бѣса“.

„Была пасмурная погода, вѣтеръ налеталъ порывами и несъ по улицамъ пыльные вихри. Близился вечеръ, и все освѣщено было просѣяннымъ сквозь облачный туманъ, печальнымъ, какъ бы не солнечнымъ, свѣтомъ. Тоскою вѣяло затишье на улицахъ, и казалось, что ни къ чему возникли эти жалкія зданія, безнадежно-обветшалыя, робко намекающія на таящуюся въ ихъ стѣнахъ нищую и скучную жизнь. Люди попадались,—и шли они медленно, словно ничто ни къ чему ихъ не побуждало, словно едва одолѣвали они клонящую ихъ къ успокоенію дремоту. Только дѣти, вѣчные, неустанные сосуды Божьей радости надъ землею, были живы, и бѣжали, и играли, но уже и на нихъ налегала косность, и какое-то безликое и незримое чудище, угнѣздясь за ихъ плечьми, заглядывало порою глазами, полными угрозъ, на ихъ внезапно тупѣющія лица“.

„Среди этого томленія на улицахъ и въ домахъ, подъ этимъ отчужденіемъ съ неба, по нечистой и безсильной землѣ“ шелъ Передоновъ съ доносомъ къ прокурору и томился неясными страхами. Противъ прокуророва дома находилась длинная шестиугольная площадь, посерединѣ углубленная, заросшая травой, вся немощенная. У самаго дома торчалъ фонарный столбъ, единственный на всей площади. Кругомъ тянулись пустыри, огороды, кривились какія-то лачуги.

Или возьмите описаніе маскарада въ общественномъ собраніи, зданіи казарменнаго вида, окрашенномъ въ ярко красный цвѣтъ, на базарной площади. Въ залахъ было грязновато, и уже съ самаго начала толпа казалась въ значительной части пьяною. Описаніе гостей, циничныхъ, пьяныхъ и развратныхъ, производитъ удручающее и тошнотворное впечатлѣніе. Но лучше всего описаніе драки, вызванной тѣмъ, что призъ за лучшій женскій костюмъ получила Гейша, въ которой публика подозрѣвала ар-

тистку мѣстной труппы. На нее бросаются мужчины и женщины, осыпаютъ ругательствами, стараются сорвать маску.

„Гейша отчаянно отбивалась. Началась дикая травля. Вѣеръ сломали, вырвали, бросили на полъ, топтали. Толпа съ Гейшею въ серединѣ бѣшено металась по залѣ, сбивая съ ногъ наблюдателей. Гейша, юркая, сильная, визжала пронзительно, царапалась и кусалась... Какой-то свирѣпый молодой человѣкъ вцѣпился зубами въ гейшинъ рукавъ и разорвалъ его до половины. Гейша вскрикнула: „спасите!" И другіе начали рвать ея нарядъ. Кое-гдѣ обнажилось тѣло... Какая-то дамочка ухватила Гейшу за ухо и трепала ее, испуская громкіе торжествующіе крики. Гейша завизжала и кое-какъ вырвалась, ударивъ кулакомъ по рукѣ злую даму", и т. д.

Герои Сологуба—это люди, по выраженію Герцена, „запачканные снаружи и извнутри", или, какъ говорилъ Лавровъ, культурные дикари. Всѣ ихъ интересы сводятся къ обжорству, пьянству, разврату, мучительству и доносамъ. Доносы, кулачная расправа и сѣченіе,—эти типично національные продукты,—такъ и пестрятъ въ сочиненіяхъ Сологуба. „Нашъ городъ", т. е. провинціальный русскій городъ 80-хъ годовъ, какъ тяжелый кошмаръ нависъ надъ творчествомъ Сологуба и помыслами его героевъ. „Съ обычной въ нашемъ городѣ грубостью къ слабымъ" издѣвались обыватели надъ обманутымъ Передоновымъ. „Ужъ у насъ такой городъ,—говоритъ Передоновъ своему пріятелю,—сейчасъ донесутъ"—и прячетъ Писарева и „Отечественныя Записки". Передоновъ, страдающій маніей преслѣдованія, ждетъ со стороны своихъ знакомыхъ всяческихъ пакостей. Чисто обывательскіе страхи россійскаго служилаго человѣка! „А какъ повредить? Ясное дѣло—опорочить въ глазахъ у начальства, выставить человѣкомъ неблагонадежнымъ". Голубые мундиры страшатъ воображеніе затерянного обывателя; это вѣчный источникъ всѣхъ его страховъ. Кухарка Наташка отъ Передоновыхъ переходитъ „прямо къ жандармскому"; Передоновъ ошеломленъ. Онъ боится, что Наташка наскажетъ, чего и не было, а жандармскій на усъ намотаетъ и, пожалуй, напишетъ въ министерство. И вотъ, чтобы предупредить такой печальный исходъ, онъ самъ начинаетъ доносить на всѣхъ своихъ знакомыхъ и незнакомыхъ, главнымъ образомъ, на учителей и учительницъ (недаромъ господинъ Сологубъ служилъ по вѣдомству народнаго просвѣщенія). Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы Передоновъ сдѣлался доносчикомъ только изъ страха: самая должность его (учитель гимназіи и классный наставникъ) связана была со слѣжкой и доносительствомъ. Любимый герой Сологуба—типичный фруктъ 80-хъ годовъ.

Онъ хорошо помнитъ „циркуляръ, чтобы всякой швали не пускали", т.-е. циркуляръ о кухаркиныхъ дѣтяхъ. Гимназистамъ не изъ дворянъ онъ всегда говорилъ „ты"; дворянамъ же онъ всегда говорилъ „вы": онъ узнавалъ въ канцеляріи, кто какого сословія, и его память цѣпко держалась за эти различія. Въ церкви онъ слѣдитъ за учениками, замѣчаетъ, кто изъ нихъ оборачивается, разговариваетъ или улыбается, и затѣмъ доноситъ на нихъ. Инспектору народныхъ училищъ онъ доноситъ то на учительницу, которая въ красной рубашкѣ ходитъ, то на учителя, который носитъ кокарду.

Въ „нашемъ городѣ" пьютъ всѣ, даже женщины. Напившись, разсказываютъ похабные анекдоты и даже сны видятъ садическіе. Мужья бьютъ женъ, любовники любовницъ, плюютъ имъ въ

физіономію; родители бьютъ дѣтей, дѣти бранятъ родителей. Мажутъ дѣвушкамъ ворота дегтемъ, для чего нанимаютъ за нѣсколько копеекъ хулигановъ. Словомъ, человѣкъ человѣку волкъ въ полномъ смыслѣ. И надъ всѣмъ этимъ бредовымъ кошмаромъ властно царитъ голубой мундиръ и „Петропавловка", въ которой человѣка „могутъ живьемъ смолоть на мельницѣ". Вездѣ живутъ люди чужіе, враждебные. На улицѣ обывателю все кажется „враждебнымъ и зловѣщимъ". Пріятель Передонова, Володинъ, оборачивается бараномъ, чтобы слѣдить. Враги насылаютъ на трепещущаго обывателя „цѣлую армію доносчиковъ". Въ концѣ концовъ ему начинаетъ уже казаться, что даже карты превращаются въ живыхъ людей и что „валетъ за нимъ подсматриваетъ". Передоновъ начинаетъ истреблять карты. «Рѣжучи королей, онъ озирался, чтобы не увидѣли и не обвинили его въ политическомъ преступленіи. Уже Передоновъ началъ считать себя тайнымъ преступникомъ. Онъ вообразилъ, что еще со студенческихъ лѣтъ состоитъ подъ полицейскимъ надзоромъ и что за нимъ слѣдятъ».

И вотъ „на землѣ, въ этомъ темномъ и вѣчно враждебномъ городѣ", воздухъ котораго насыщенъ винными парами и развратомъ, вся жизнь котораго кажется „овеществленнымъ бредомъ", живетъ маленькій, запуганный обыватель. Понятно, какъ такая культурная и соціальная среда должна дѣйствовать на психику и настроеніе обывателя. Его чувства, говоритъ Сологубъ про своего любимаго героя Передонова, были тупы, и сознаніе его было растлѣвающимъ и умертвляющимъ аппаратомъ. Все, доходящее до его сознанія, претворялось въ мерзость и грязь. Въ предметахъ ему бросались въ глаза неисправности и радовали его. Когда онъ проходилъ мимо прямо стоящаго и чистаго столба, ему хотѣлось покривить его или испакостить. Онъ смѣялся отъ радости, когда при немъ что-нибудь пачкали. Чисто вымытыхъ гимназистовъ онъ презиралъ и преслѣдовалъ. Онъ называлъ ихъ ласкомойками. Неряхи были для него понятнѣе. У него не было любимыхъ предметовъ, какъ не было любимыхъ людей,—и потому природа могла только въ одну сторону дѣйствовать на его чувства, только угнетать ихъ. Также и встрѣчи съ людьми, особенно съ чужими и съ незнакомыми, которымъ нельзя сказать грубость. Быть счастливымъ для него значило ничего не дѣлать и, замкнувшись отъ міра, ублажать свою утробу.

Таково было душевное настроеніе извѣстныхъ обывательскихъ слоевъ въ 80-хъ годахъ, такова та психологическая почва, на которой махровымъ цвѣтомъ распустились ядовитые цвѣты сологубовскаго творчества.

Звѣроподобная обывательская масса сологубовскаго „нашего города", — жертва и мучитель, продуктъ реакціонной эпохи и творецъ злого безвременья. Въ ней воплощаются всѣ отрицательныя черты реакціонныхъ эпохъ—мистицизмъ, жестокость и разратъ, причемъ всѣ онѣ тѣсно связаны между собою, одна обусловливаетъ другую и вытекаетъ изъ нея. Мистицизмъ—естественный результатъ общественной пришибленности и политической отсталости. Въ его основѣ лежитъ неподвижность мышленія и тупость воспріятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ мистическое мышленіе является „растлѣвающимъ и умертвляющимъ аппара-

томъ". Мистицизмъ какими-то еще не изслѣдованными путями связанъ съ эротоманіей, вѣроятно потому, что въ томъ и другомъ случаѣ играетъ роль какое-то разстройство нервныхъ центровъ. Исторически эта связь можетъ считаться установленной. И чѣмъ мистицизмъ глубже, тѣмъ острѣе формы половой и иной извращенности—какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ историческихъ періодовъ. Демоническому мистицизму соотвѣтствуетъ садизмъ.

Тотъ и другой связаны съ пессимизмомъ. Послѣдній, отличаясь по существу пассивнымъ характеромъ, какъ нельзя лучше отвѣчаетъ эпохамъ общественной подавленности и унынія. Пессимизмъ, какъ настроеніе, свойственъ періодамъ перелома, реакціи и разброда; какъ міровоззрѣніе—классамъ вырождающимся и упадающимъ. Но совершенно естественно, что такіе общественные классы впадаютъ въ злѣйшія формы мистицизма и чертобѣсія. Предчувствіе гибели и страхъ смерти овладѣваютъ ими и опредѣляютъ ихъ психику. На этой почвѣ развиваются эротоманія, садизмъ и пр.—тѣмъ болѣе, что приходящіе въ упадокъ классы въ то же время вырождаются. Пока ихъ господство было естественнымъ результатомъ соціальныхъ отношеній, они культивировали въ себѣ качества, соотвѣтствующія силѣ и власти. Сдѣлавшись соціальными паразитами, они утрачиваютъ эти свойства и пріобрѣтаютъ черты вырождающихся общественныхъ элементовъ. Именно на почвѣ безысходнаго отчаянія возникаетъ лозунгъ „послѣ насъ хоть потопъ", именно наканунѣ паденія классы и цѣлые народы пускаются во всѣ тяжкія. „Пиръ во время чумы"—явленіе достаточно общеизвѣстное. Безудержный разгулъ — естественный результатъ послѣдовательнаго пессимизма, осложненнаго мистицизмомъ *).

Такова обывательская психологія, изображаемая и воспѣваемая г. Сологубомъ.

III. ЧЕРТОБѢСІЕ, ЧУДЕСА и КУДЕСА г. СОЛОГУБА.

„Понимать Сологуба—это значитъ колдовать-ворожить вмѣстѣ съ нимъ... Сологубъ окруженъ кольцомъ демоновъ"

Г. Чулковъ („Перевалъ", 1907, № 5).

„Страшный міръ ночи и сна... А ночныя видѣнія? О, мы, умирающіе, тонущіе въ предутреннемъ туманѣ! Хриплымъ шопотомъ говорящіе наше послѣднее, наше страшное: Прощай!"

Ѳ. Сологубъ. „Навьи Чары", ром.

„Человѣкъ взбѣсился отъ страха".

М. Горькій, „О цинизмѣ", Литер. Распадъ, № 1.

Испуганному обывателю мерещатся всякіе страхи. Этому содѣйствуетъ, съ одной стороны, общая некультурность страны, при которой даже такъ называемые образованные люди не свободны отъ самыхъ низменныхъ суевѣрій; далѣе, страхъ жалкой

*) Мы не останавливаемся на этой темѣ, такъ какъ мы подробно разсмотрѣли ее въ 1-мъ томѣ „Литер. Распада".

человѣческой песчинки передъ могучими силами надвигающихся на нее новыхъ общественныхъ отношеній; страхъ передъ организованной силой государства, предстоящей обывателю въ лицѣ жандармскаго полковника; его ужасъ передъ грозными соціальными потрясеніями, отголоски которыхъ такъ или иначе доходятъ до него, хотя бы въ искаженномъ видѣ Петропавловки, гдѣ людей-де мелютъ на мельницѣ. Обыватель не чувствуетъ подъ собой твердой почвы, сердце его томится неясными страхами, онъ не выноситъ ничего рѣзкаго, громкаго, кричащаго, хотя бы это былъ рѣзкій солнечный свѣтъ; но особенно боится онъ тьмы ночной, мрака. Ночь—мать всѣхъ страховъ, въ особенности же ночь соціальная, а среди такой ночи выросъ и воспитался талантъ Сологуба.

Герои Сологуба живутъ въ атмосферѣ призраковъ. Весь міръ для Сологуба—зыбкій. Это слово зыбкій попадается чуть ли не на каждой страницѣ его произведеній.

„Все было призрачно и мимолетно. Шли, стуча сапогами по каменнымъ плитамъ, случайные, ненужные, безобразные люди... Звонки конокъ и крики извозчиковъ иногда пробуждали его (мальчика Митю въ разсказѣ „Утѣшеніе") изъ міра зыбкихъ иллюзій, который вновь создавали ему молчаливые предметы при невѣрномъ, переходящемъ освѣщеніи. Люди были непохожи на людей: шли русалки съ манящими глазами, странно бѣлыми лицами и тихо журчащимъ смѣхомъ, — шли какіе-то въ черномъ, злые и нечистые, словно извергнутые адомъ,—домовые подстерегали у воротъ,—и еще какіе-то предметы, длинные, стоячіе, были какъ оборотни".

Жалкіе, слабые люди, они не довѣряютъ своимъ силамъ, своимъ чувствамъ, своимъ впечатлѣніямъ. Про дѣвушку Дуню, съ которой онъ незадолго до того разговаривалъ, Митя размышляетъ: „Да ужъ не померещилась ли Дуня?" За стѣнами тоска и страхъ, темныя „нежити" стерегутъ,—и не уйти отъ нихъ. Не найдя знакомыхъ, съѣхавшихъ съ чердака, куда онъ ходилъ къ нимъ въ гости, Митя предается слѣдующимъ размышленіямъ: „Конечно, они погибли на чердакѣ. Домовые замучили ихъ. Этотъ черный (дворникъ) повѣсилъ замокъ и стережетъ ихъ".

Чары, волхвованія, „кудеса" кругомъ—и не освободиться отъ нихъ. Чаруютъ люди, чаруютъ предметы, чаруетъ ночь и чаруетъ день.

Въ „Разсказѣ о двухъ отрокахъ" („Жало смерти") повѣствуется о томъ, какъ мальчикъ Ваня, неизвѣстно отчего и зачѣмъ, убѣждалъ мальчика Колю покончить самоубійствомъ. „Точно онъ зналъ какія-то гибельныя и неотразимыя чары. Онъ заманивалъ Колю въ лѣсъ и чаровалъ подъ сумрачными лѣсными сѣнями. Порочные глаза его наводили забвеніе на Колю". Онъ не знаетъ, какъ убѣдить Колю броситься въ воду. „Утопить? А какъ его засунешь въ воду? Да и зачѣмъ? Лучше бы такъ сдѣлать, чтобы онъ самъ утонулъ. Онъ послушается. Его можно заставить, заговорить, заворожить"... „И долго говорилъ такъ Ваня,—и Коля все болѣе очаровывался печальнымъ звукомъ Ванина голоса и скорбною прелестью его наговоровъ". А затѣмъ „завороженные стояли они, и уже не было имъ дороги назадъ". Въ разсказѣ „Червякъ" дѣвушкѣ Вандѣ изъ ея душнаго угла мужъ квартирной хозяйки кажется похожимъ на чародѣя, напускающаго на нее таинственныя навожденія, неотразимыя и ужасныя. Доведенная до отчаянія, Ванда молится и при

этомъ ей кажется, что кто-то тихо проходитъ близко, что-то движется и тайно вѣетъ, но все это идетъ мимо нея съ чарами и властью.

Но особенно исполненъ чертобѣсія романъ „Мелкій Бѣсъ", въ своемъ родѣ сологубовскій шедевръ.

„На всемъ были чары и кудеса". Вершина зазываетъ Передонова въ свой садъ не столько словами, сколько легкими и быстрыми движеніями, и Передоновъ послушно подчиняется ея ворожащимъ беззвучнымъ движеніямъ... Его чаруетъ проклятый мальчишка своею проклятой улыбкою... „Словно Рутиловъ (его пріятель, тоже учитель гимназіи) очаровалъ его. А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ очаровалъ его. Надо поскорѣе зачураться".

„Ты меня сегодня нарочно надъ дурманомъ водилъ, да и одурманилъ",—говоритъ Передоновъ Рутилову. Во время визита къ городскому головѣ Передоновъ молчитъ, какъ бы „завороженный хозяиновыми словами". Во время церковной службы кажденіе ужасаетъ его какъ „невѣдомыя чары", церковные обряды и таинства представляются ему „злымъ колдовствомъ".

У Сологуба ворожатъ и колдуютъ не только люди, но и неодушевленные предметы, даже отвлеченныя понятія. Ворожитъ луна. „Ея свѣтъ былъ тихій, неживой и сквозь вѣтки проникалъ ворожащими и робкими лучами („Разсказъ о двухъ отрокахъ"). Чаруетъ полдневная тишина. Ворожитъ звукъ отъ маятника. „Полуденные страхи (даже полуденные!) таились за колосьями, прятались въ водѣ за тростниками, дрожали въ сѣрыхъ пыльныхъ вихряхъ по проселкамъ, неслышными прозрачными тѣнями ширяли надъ землей... Тишина чаровала" („Землѣ земное"). Ворона на крышѣ пророчитъ печаль („Тѣни"). „Погода была непріятная. Небо хмурилось, носились вороны и каркали. Надъ самой головой Передонова каркали онѣ, точно дразнили и пророчили еще новыя и худшія непріятности". Деревья свѣшиваютъ вѣтки и колдуютъ. Улица становится торчкомъ. Ножи и вилки наговорены да нашептаны, какъ разъ и самъ на ножъ нарѣжешься. По стѣнамъ, по кровати пробѣгаютъ боязливыя тѣни, шмыгаютъ злые чортики. Подъ кроватью котъ жмется, точно оборотень. Карты дразнятъ Передонова, колдуютъ и подмигиваютъ ему. Страхи со всѣхъ сторонъ. Увидавши въ рукахъ жены поваренную книгу, онъ со страхомъ думаетъ: „Черная книга, да еще по ней обѣды готовить"! Увидавши лютики, онъ опять со страхомъ думаетъ: „Какое у нихъ страшное названіе! Можетъ быть, они ядовитые". Отнимая у своей жены карты, онъ говоритъ ей: „Я буду спать, а ты колдовать на картахъ". Съ понедѣльника начинать визиты нельзя—тяжелый день („Мелкій Бѣсъ").

Не меньше чертовщины въ „Истлѣвающихъ личинахъ" (1907).

„Вы около насъ постоянно,—говоритъ Сонпольевъ, обращаясь къ духамъ,—и все вы шныряете и наводите на насъ тоску и иныя злыя чары". Аристомахъ громко произноситъ „заклятіе стѣнъ". Инженеръ Радугинъ колдуетъ надъ своимъ знакомымъ Скворцовымъ: „Сказалъ совсѣмъ тихо какое-то невнятное слово". Вся книга населена цѣлой фауной всевозможныхъ чертей и духовъ. Передъ нами проходятъ: чернильныя нежити, домашніе нежити, лѣсной человѣкъ. Немытька, елкичъ, домашніе, „тотъ, ночной", и даже спатиньки превращаются въ живыхъ ду-

ховъ! Попадается даже какой-то „чародѣйный волосъ“. Четырехголовый посѣтитель за свѣчкой, сѣрый и зыбкій, маячилъ какъ тѣнь. Маленькіе нежити, зыбкіе, сѣренькіе, плясали и шелестиными голосочками повторяли..... По всѣмъ угламъ разстилались шелестинные смѣшки и шопотки. Въ разсказѣ „Рождественскій мальчикъ“ бывшій ссыльный Пусторослевъ по сну находитъ какого-то мальчика, который въ то же время оказывается духомъ и является Пусторослеву по ночамъ. Даже обои въ комнатѣ Пусторослева играютъ какую-то волшебную роль: „Узоръ обоевъ ничѣмъ не отличался, но было какое-то странное и значительное выраженіе въ этихъ зеленоватыхъ и странныхъ цвѣтахъ“. Пусторослевъ не разъ замѣчалъ, что онъ не одинъ, но являвшійся къ нему духъ, какъ только откроешь глаза, укатывался куда-то дробными шагами, какъ испуганный мышенокъ. Наконецъ однажды мимо него прошелъ „бѣлый мальчикъ, зыбкій, едва видимый“. Пусторослевъ идетъ за нимъ и такимъ образомъ находитъ мальчика изъ фабричныхъ, странно похожаго на того, который приходитъ къ нему по вечерамъ. На вопросъ, бывалъ ли онъ у него раньше, мальчикъ лукаво отвѣчаетъ, что бывалъ... во снѣ. Пусторосленъ ведетъ съ мальчикомъ разговоры на разныя темы, а на утро ему кажется, что всѣ эти слова пригрезились ему въ усталой дремотѣ поздняго вечера.

Специфическій привкусъ имѣетъ чертовщина въ „Навьихъ Чарахъ“, первой части романа „Творимая Легенда“, напечатанной въ 3-мъ альманахѣ „Шиповника“.

Здѣсь чертобѣсіе и магія смѣшаны съ... освободительствомъ, и притомъ въ его крайней формѣ—соціалъ-демократіи. Герой романа, помѣщикъ Триродовъ,—послѣднее слово сологубовскаго творчества. Магистръ химіи, онъ сравнительно недолго работалъ на педагогическомъ поприщѣ; его короткая учебная служба была „грубо прервана“, какъ подмигиваетъ г. Сологубъ читателямъ, желая расположить ихъ въ пользу своего героя. Купилъ онъ подъ провинціальнымъ городкомъ Скородожемъ (тоже „нашъ городъ“) участокъ земли, привезъ съ собой какихъ-то смуглыхъ и малорослыхъ, угрюмыхъ и странныхъ рабочихъ и съ ихъ помощью выстроилъ домъ. Что дѣлалось въ этомъ домѣ, какія цѣли преслѣдовалъ Триродовъ—понять трудно: для пущей важности и страха г. Сологубъ говоритъ обо всемъ глухими и двусмысленными намеками. Между прочимъ здѣсь закладывались основы новаго воспитанія человѣчества, но какое человѣчество могло бы получиться отъ педагогической системы Триродова, можно судить по нижеслѣдующему.

Домъ Триродова — это настоящее логовище мага, нѣчто вродѣ замка маршала Жиля-де-Ретца (Синей Бороды). Въ домъ, окруженный высокой каменной стѣной, ведутъ нѣсколько входовъ,—сначала калитка, затѣмъ ворота, затѣмъ какой-то подземный ходъ,—извилистый корридоръ, освѣщенный невидимымъ источникомъ свѣта и наполненный „тоскливымъ, чуждымъ ароматомъ“, отнимающимъ силы. Калитка механически захлопывается, неожиданно открывается и проч. Въ усадьбѣ имѣется волшебный садъ, огромная оранжерея съ странными, ядовитыми, чудовищно-зелеными и могучими растеніями. Садъ населенъ какими-то тихими, блѣдными, бѣлыми мальчиками, незамѣтно по-

являющимися и исчезающими, то кружащимися въ тихомъ хороводѣ, то тихо качающимися при свѣтѣ луны на качеляхъ. Что такое представляютъ собой эти блѣдные мальчики — пока неясно: не то они мертвые (!), не то они больные или загипнотизированные, не то, наконецъ, они имѣютъ отношеніе къ противуестественнымъ наклонностямъ Триродова, являясь жертвами его темперамента. Опять-таки для вящей торжественности г. Сологубъ ограничивается туманными намеками, но что здѣсь дѣло пахнетъ уголовщиной, достаточно ясно и изъ того, что онъ сообщаетъ.

Внутренность этого сологубовскаго гнѣзда не менѣе замѣчательна. Въ стѣнахъ потайныя двери, открывающіяся тихо и плавно, если только взглянуть въ ихъ сторону. Въ ящикахъ письменнаго стола хранятся флаконы странной формы, наполненные темной жидкостью. На столахъ стоятъ таинственныя призмы изъ неизвѣстнаго матеріала, тяжелыя, плотныя, темно-краснаго цвѣта съ багровыми, синими, сѣрыми и черными пятнами и прожилками. Когда Триродовъ беретъ одну такую призму въ руки и затѣмъ осторожно (гм!) ставитъ на мѣсто, что-то совершается, но что именно—неизвѣстно. Въ домѣ имѣются предметы искусства и культа—сологубовскаго искусства и сологубовскаго культа (помните ли вы, читатель, притонъ въ „Саду пытокъ“ Мирбо?); вещи, говорящія о далекихъ странахъ и о вѣкахъ сѣдой древности; гравюры „страннаго и волнующаго характера“; многоцвѣтные камни, бирюза, жемчугъ *); кумиры безобразные, смѣшные и ужасные (о, Мирбо!). И тутъ же „изображеніе Божественнаго Отрока“. (О, Гюисмансъ!)

Имѣется въ замкѣ сологубовской Синей Бороды и „магическая комната“. Это насъ не удивляетъ; было бы странно, если бы ея не было. Странная комната! Все въ ней было неправильно: потолокъ покатый, полъ вогнутый, углы круглые, на стѣнахъ непонятныя картины и неизвѣстныя начертанія **). Въ одномъ углу большой, темный, плоскій предметъ въ рѣзной рамѣ чернаго дерева: это—магическое зеркало, обладающее способностью превращать молодыя лица въ старыя морщинистыя и наоборотъ; при взглядѣ на него даже волосы дѣлаются сѣдыми. Но стоитъ выпить какой-то кисло-сладкой воды изъ особаго шкапа—и все возвращается въ прежнее состояніе; мало того, начинаешь плясать и кружиться по комнатѣ. „Такое свойство этого мѣста,— поясняетъ Триродовъ:—ужасъ и восторгъ живутъ здѣсь вмѣстѣ“.

Немудрено, что владѣлецъ этого замка собирается эмигрировать на луну,—правда, опять-таки на какую-то особенную луну, созданную имъ самимъ и стоящую передъ его окнами (?). Неудивительно, что у него на совѣсти есть какое-то убійство и какая-то темная исторія съ замурованнымъ въ стѣну мальчикомъ (о, Гюисмансъ! О, Синяя Борода!). Неудивительно, наконецъ, что онъ губитъ своего собственнаго сына и вмѣстѣ

*) Настоящіе или фальшивые, объ этомъ г. Сологубъ не говоритъ. А то очень ужъ Триродовъ смахиваетъ на фальшивомонетчика; не даромъ знающій его шпикъ Островъ что-то намекаетъ насчетъ недавняго и нечистаго происхожденія его богатства.

**) А все-таки какъ въ сущности бѣдна и слаба фантазія человѣка. Она можетъ только искажать и уродовать дѣйствительныя вещи, но выдумать нѣчто выходящее изъ рамокъ реальности не въ состояніи.

съ нимъ занимается вызываніемъ духовъ. Ночью достойные отецъ и сынъ, захвативъ съ собой одного изъ „тихихъ мальчиковъ“, отправляются на кладбище, чтобы посмотрѣть, какъ вставшіе изъ могилъ мертвецы „идутъ по Навьей тропѣ въ Навій Градъ и говорятъ навьи слова о навьихъ дѣлахъ“. „Все окрестъ томилось, очарованное тайной и страхомъ“. Прошла старая сѣдая вѣдьма съ клюкой. Затѣмъ, шурша и визжа, промчались несмѣтныя полчища сѣрой нежити и нечисти. Чтобы она не увлекла ихъ за собой, тихій мальчикъ очертилъ вокругъ нихъ кругъ длиннымъ бѣлымъ жезломъ, „своей ночною палочкою“, произнося при этомъ слѣдующее заклятіе: „Черта въ черту, ста въ ту, сомкнись, мой кругъ. Вражья сила обступила мой кругъ. Смотритъ, нѣтъ ли перерыва, нѣтъ ли перелома,—заберется живо, будетъ въ кругѣ дома. Мой кругъ, ты не разрывайся подъ навьею пятой. Вражья сила, оставайся за чертой“. Послѣ этого съ ними ничего не могутъ подѣлать мертвецы, двигающіеся къ городу большой толпой, повинуясь „чьему-то злому заклятію“. Въ толпѣ идутъ дворяне, попы, мужики, солдаты, купцы, женщины, барыни и кухарки, истинно-русскіе люди, пьютъ и изящная дама („они еще недавно были похоронены, и отъ нихъ пахло свѣжею мертвечиною“!), мальчики, губернаторъ, казаки на коняхъ и, наконецъ, покойная жена Природова. При этомъ г. Сологубъ радикальничаетъ, изображая мертвыхъ казаковъ пьяными и свирѣпыми и заставляя ихъ стегать мертвыя тѣла нагайками!..

„Вѣдь вотъ французы—ученый народъ, а у нихъ въ Парижѣ завелись волшебники да маги“,—говоритъ Передоновъ. Про это-то Сологубъ хорошо знаетъ! Видно, что онъ начитался сочиненій Гюисманса, Жюля Буа, Сара Пеладана и другихъ французскихъ сатанистовъ середины 80-хъ гг. Вліяніе на него этой бѣсовской литературы несомнѣнно. Дитя больного истерическаго вѣка, питомецъ реакціонной эпохи, насыщенной самыми дикими формами мистицизма и религіознаго изувѣрства, выходецъ изъ глухой провинціи, до сихъ поръ погрязающей въ самыхъ нелѣпыхъ суевѣріяхъ, Сологубъ смотритъ на весь міръ, какъ человѣкъ зачарованный, стоящій на грани безумія. „Я въ кругу чародѣйномъ стою“,—говоритъ онъ про себя въ одномъ стихотвореніи. Онъ сознаетъ, что идетъ „путемъ опаснымъ надъ нѣмой и темной бездной“, но не въ силахъ освободиться отъ „больныхъ сновъ“.

Онъ вокругъ меня чѣмъ-то чертитъ
На полу чародѣйный узоръ,
И куреньемъ какимъ-то дымитъ,
И туманитъ мой взоръ...
Отдаюсь чародѣйству и сну...
Оттого такъ мучительны мнѣ
Разговоры и люди, и трудъ,
Что меня въ голубой тишинѣ
Волхованія ждутъ.

Его умъ настолько во власти больныхъ фантазій, порожденныхъ его разстроеннымъ воображеніемъ, что онъ не въ силахъ уже отличать вдохновенія отъ бреда.

Явленья меня обступили,
И взоръ мой лучи ослѣпили,—
Я мрака напрасно ищу,
И тайно грущу.

„Да и то,—явь или сонъ. И гдѣ границы?“ (Навьи Чары).

Этого Сологубъ не знаетъ. Реалистъ по техническимъ пріемамъ творчества, онъ тѣмъ не менѣе все время „творитъ легенды“,—дикія, хаотичныя и кошмарныя. Дѣйствительность кажется ему нелѣпымъ сномъ, бредовыя сновидѣнія—дѣйствительностью. Но и его сны, и его дѣйствительность одинаково чудовищны.

Духи, черти, тайныя враждебныя силы, населяющія всю природу и исподтишка поражающія слабаго испуганнаго человѣка, для Сологуба сконцентрировались въ одну зловѣщую фигуру Недотыкомки.

Недотыкомка сѣрая
Все вокругъ меня вьется да вертится,
То не Лихо-ль со мною очертится
Во единый погибельный кругъ?
Недотыкомка сѣрая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою,—
Помоги мнѣ, таинственный другъ!
Недотыкомку сѣрую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что-ли, ударами,
Или словомъ завѣтнымъ какимъ.
Недотыкомку сѣрую
Хоть со мной умертви ты ехидную,
Чтобъ она хоть въ тоску панихидную
Не ругалась надъ прахомъ моимъ.

Та же Недотыкомка, которая такъ мучитъ Сологуба, преслѣдуетъ и его любимаго героя, въ которомъ писатель изобразилъ свою собственную больную тоску и страхи. Мучащая Передонова Недотыкомка—это удивительная тварь неопредѣленныхъ очертаній, маленькая, сѣрая, юркая. Она бѣгаетъ вокругъ него, прячется подъ столъ, подъ стулья, подъ кровать, мелькаетъ межъ клубами ладаннаго дыма, носится съ легкимъ звяканьемъ по воздуху или катается у него въ ногахъ, мелькаетъ въ клубахъ пыли по вѣтру, появляется и прячется. Она юлитъ вокругъ, беззвучно трясется и вся сотрясается отъ смѣха. И для установленія тождества Сологуба и Передонова весьма характерно, что Недотыкомка представляется герою „Мелкаго Бѣса“ въ такомъ же видѣ, какъ и самому автору. Судите сами.

„Недотыкомка бѣгала подъ стульями и по угламъ и повизгивала. Она была грязная, вонючая, противная и страшная. Уже ясно было, что она враждебна Передонову, и прикатилась именно для него, а что раньше никогда и нигдѣ не было ея. Сдѣлали ее—и наговорили. И вотъ живетъ она, ему на страхъ и на погибель, волшебная, многовидная,—слѣдитъ за нимъ, обманываетъ, смѣется,—то по полу катается, то прикинется тряпкою, лентою, вѣткою, флагомъ, тучкою, собачкою, столбомъ пыли на улицѣ, и вездѣ ползетъ и бѣжитъ за Передоновымъ,—и з м а я л а, и с т о м и л а е г о з ы б к о ю с в о е ю п л я с к о ю. Хоть бы кто нибудь избавилъ с л о в о м ъ к а к и м ъ, или у д а р о м ъ н а о т м а ш ь. Да нѣтъ здѣсь д р у з е й, никто не придетъ спасать, надо самому исхитриться, пока не погубила его е х и д н а я“.

Тѣ же слова, тѣ же образы, тѣ же выраженія.

Осаждаемый этими страхами дикаря, боящагося ночи и грозныхъ силъ природы, писатель стоитъ на грани безумія. Вотъ почему онъ съ такой любовью останавливается на изображеніи людей ненормальныхъ, одной ногой стоящихъ въ сумасшедшемъ домѣ, на описаніи незамѣтныхъ переходовъ отъ нормальнаго

Сосуществ и мир. [illegible] грёз

состоянія къ міру дикихъ грезъ. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ „Тѣни“. Здѣсь разсказывается, какъ мальчикъ помѣшался на тѣняхъ, устраиваемыхъ на стѣнѣ съ помощью пальцевъ и лампы, и какъ его мать, желавшая отучить мальчика отъ вредной привычки, сама увлеклась его игрой и сошла съ ума. Конецъ разсказа весьма характеренъ для г. Сологуба.

„Вечеръ. Въ володиной комнатѣ на полу горитъ лампа. За нею на полу сидятъ мама и Володя. Они смотрятъ на стѣну и дѣлаютъ руками странныя движенія... По стѣнѣ бѣгутъ и зыблются тѣни. Володя и мама понимаютъ ихъ. Они улыбаются грустно и говорятъ другъ другу что-то томительное и невозможное. Лица ихъ мирны, и грезы ихъ ясны,—ихъ радость безнадежно печальна, и дико радостна ихъ печаль. Въ глазахъ ихъ свѣтится безуміе, блаженное безуміе... Надъ ними опускается ночь“.

Конечно, безуміе блаженно! Блаженни безумніи, яко ихъ есть царствіе Недотыкомки...

Но напугавши насъ сологубовскими страхами, проведя передъ нами цѣлую выставку нежитей, домовыхъ, ночныхъ и прочихъ чертякъ, писатель услужливо сообщаетъ намъ цѣлый арсеналъ средствъ для борьбы съ этими исчадіями тьмы. „Противъ вѣдьмы слово надо знать“, сообщается въ его разсказѣ „Въ плѣну“. Правда, на этотъ разъ оказывается, что вѣщее „слово“ чисто русскаго происхожденія и связано съ упоминаніемъ матери, но у г. Сологуба есть и другія, болѣе вѣрныя средства. Такъ, между прочимъ, мы узнаемъ отъ него про „заклятіе стѣнъ“. Отъ чаръ и бѣсовскаго навожденія можно спастись, поскорѣе зачуравшись. Вотъ формула такого чуранія: „Чуръ-чурашки, чурки-болвашки, буки-букашки, вѣди-таракашки. Чуръ меня, чуръ меня, чуръ-чуръ-чуръ. Чуръ-перечуръ-расчуръ“ (Не будетъ ли это черезчуръ, г. Сологубъ?). А вотъ и другая формула чуранія: „Чуръ меня, чуръ-чуръ-чуръ. Заговоръ на заговорщика,—злому языку сохнуть, черному глазу лопнуть. Ему карачунъ, меня чуръ-перечуръ“.

Кстати, обращаемъ вниманіе читателя на слѣдующее: произнося эти заклятія, необходимо, какъ увѣряетъ г. Сологубъ, вертѣться на мѣстѣ и плевать во всѣ стороны; не мѣшаетъ также показать кукишъ. Къ сожалѣнію, какъ видно изъ произведеній г. Сологуба, всѣ эти хитроумные пріемы рѣдко помогаютъ противъ нечистой силы. Увы! „Все на мѣстѣ, все сковано, звено къ звену, навѣкъ зачаровано, въ плѣну, въ плѣну!“.

Въ „Тяжелыхъ Снахъ“ Сологуба Толя Ермолинъ разговариваетъ съ сестрой Нютой про народъ. „Тамъ у нихъ вѣщіе сны,—говоритъ онъ,—домовые, дурной глазъ,—а мы одни, мы чужіе всему этому... Ну, надѣнемъ мы посконныя рубахи,—а все таки не станемъ ближе къ народу. Все только маскарадъ одинъ“. Это, вѣроятно, намекъ на революціонеровъ, ходившихъ „въ народъ“. Ну, хорошо, посконными рубахами съ народомъ не сблизишься, а чертовщиной можно? Не надѣется ли г. Сологубъ со своими чудесами и кудесами приблизиться къ народу? Полноте, г. Сологубъ! Все это маскарадъ одинъ.

Обиліе чертовщины въ произведеніяхъ г. Сологуба возбуждаетъ нѣкоторое недоумѣніе даже въ сочувствующемъ ему декадентскомъ лагерѣ. Андрей Бѣлый написалъ интересную статейку о творчествѣ Сологуба „Далай-Лама изъ Сапожка“ („Вѣсы“, 1908 г., № 3). Конечно, когда г. Бѣлый выражаетъ ту мысль,

что своей чертовщиной Сологубъ старается „привить обывателямъ Сапожка элементарныя культурныя правила“, мы можемъ только посмѣяться надъ хитроумнымъ критикомъ. Но мы не можемъ не согласиться съ нимъ, когда онъ говоритъ: „Колдовство Сологуба—блошій укусъ, не болѣе; вѣдь самъ-то онъ, такой большой (?) въ благихъ (??) намѣреніяхъ, въ демонизмѣ своемъ немножко больше блохи“. Мы, можетъ быть, выразились бы только нѣсколько литературнѣе и приличнѣе.

Далѣе, г. Бѣлый (замѣтьте, принадлежащій къ одному лагерю съ Сологубомъ) пишетъ (замѣтьте, въ „Вѣсахъ“, т. е. журналѣ, однимъ изъ украшеній котораго состоитъ г. Сологубъ), итакъ, г. Бѣлый пишетъ: „Вообразилъ себя буддійскимъ бонзой и возсѣлъ на корточкахъ передъ темнымъ угломъ. Буддизмъ хорошъ въ Тибетѣ, въ Сапожкѣ онъ только дыромоляйство: сидитъ въ избѣ, а въ избѣ дыра. Молится въ дыру: изба моя, дыра моя, спаси меня!.. Онъ взялъ да и сѣлъ въ уголъ, какъ былъ: въ сюртукѣ, со стаканомъ чаю“...

Напрасно только г. Бѣлый ни съ того ни съ сего прибавляетъ: „Сѣлъ намъ во обличеніе“. Кому это „намъ“? Впрочемъ, не забудемъ, что самъ г. Бѣлый декадентъ, и послушаемъ его дальше:

„Сидѣніе на корточкахъ въ углу передъ собственной своей тѣнью—юродство, т. е. (хорошо это „то есть“) рыцарскій подвигъ: въ западной Европѣ издавна водились рыцари, возбуждая почтеніе; а въ Сапожкѣ издавна водились юродивые, возбуждая страхъ суевѣрный“.

Вѣрно, г. Бѣлый, въ Сапожкѣ издавна водились юродивые. Водятся и сейчасъ. Только полно, возбуждаютъ ли они страхъ? Вѣдь про страхи г. Сологуба съ гораздо большимъ правомъ, чѣмъ про страхи Л. Андреева, можно сказать мѣткими словами Толстого: „Онъ пугаетъ, а мнѣ не страшно“. Или словами его „смертерадостнаго покойничка“ изъ Политическихъ Сказочекъ: „небось, меня этимъ не испугаешь, я—рассейскій“.

IV. КЛАДБИЩЕНСКАЯ ФИЛОСОФІЯ.

На сѣрой кучѣ сора
У пыльнаго забора
По улицѣ глухой
Цвѣтетъ въ исходѣ мая,
Красою не прельщая,
Унылый звѣробой.
Въ скитаніяхъ ненужныхъ,
Въ страданіяхъ недужныхъ,
На скудной почвѣ золъ,
Внѣ свѣтлыхъ впечатлѣній
Безрадостный мой геній
Томительно расцвѣлъ.

Сологубъ, „Собраніе стиховъ“. кн. III и IV.

Г. Сологубъ проникнутъ глубокимъ уныніемъ и безнадежнымъ пессимизмомъ. Сначала онъ относится къ жизни какъ будто равнодушно.

Пріучивъ себя къ мечтаньямъ,
Неживымъ очарованьямъ
Душу слабую отдавъ,
Жизнью занятъ я минутно,
Равнодушно и попутно.

Пока онъ не отдаетъ еще предпочтенія смерти. Къ жизни и къ смерти онъ относится одинаково индифферентно.

Расцвѣтайте, расцвѣтающіе,
Увядайте, увядающіе,
Догорай, объятое огнемъ,—
Мы спокойны, нежелающіе,
Лучшихъ дней неожидающіе,
Жизнь и смерть равно встрѣчающіе
Съ отуманеннымъ лицомъ.

Но постепенно въ немъ

Вся жажда жизни умерла.

Еще недавно онъ писалъ:

Отъ курослѣповъ на поляхъ
До ярко знойнаго свѣтила
Въ движеньяхъ, звукахъ и цвѣтахъ
Царитъ зиждительная сила.
Какъ мнѣ не чувствовать ее?..
Земное бытіе мое
Она вѣнчаетъ зломъ и благомъ.

Еще недавно душа его была открыта радостямъ бытія.

И первое чудо на свѣтѣ,
Великій источникъ утѣхъ—
Блаженно невинныя дѣти,
Ихъ сладкій и радостный смѣхъ.

Еще недавно онъ зналъ, что кромѣ терній жизнь даритъ человѣка наградой за дѣятельность и борьбу.

Путь мой трудный, путь мой длинный,
...Но услада есть въ пути...
Широки мои поляны,
И бѣлы мои туманы,
И свѣтла луна моя,
И поетъ мнѣ вѣтеръ вольный
Рѣчью буйной, безглагольной
Про блаженство бытія.

Но онъ имѣлъ неосторожность взвалить на свои слабыя плечи задачу не по силамъ.

Словами горькими надменныхъ отрицаній
Я вызвалъ сатану...
И вотъ борюсь съ тѣхъ поръ
Съ царемъ сомнѣнія и пламенной печали.

Скоро онъ почувствовалъ, что „нѣтъ въ немъ воли, и нѣтъ въ немъ силъ“.

Силы на мелочь давно разошлись;
Силъ во мнѣ больше и нѣтъ.

Любовь сначала манила его, „а послѣ горемъ надѣлила“. Тѣмъ болѣе, что любовь предстала передъ нимъ въ видѣ „мечты порочной“.

И предо мной склонившись, какъ рабыня,
Она меня къ грѣху таинственно звала,—
И скучной стала мнѣ житейская пустыня,
И жажда дѣлъ великихъ умерла.

Еще ребенкомъ къ нему являлся

нѣкій геній
Съ коварной прелестью рѣчей,
Съ утѣхой знойныхъ наслажденій.

Онъ признается намъ, что „въ пожарѣ порочныхъ желаній безпомощно духъ мой горѣлъ“.

„Нѣтъ, не любовь меня влекла“,—говоритъ онъ,

Мнѣ наслажденія сулила
Царица радостнаго зла.

Она научила его

И чары тайныя вкушать,
Благоуханныя отравы.

Всѣ эти сладкія и кипучія наслажденія хороши на время, но въ концѣ концовъ

Въ сердцѣ копятся отъ нихъ
Противно-горькіе осадки.

Наступаетъ Katzenjammer.

Порочный отрокъ, онъ жилъ одинъ,
Въ мечтахъ и сказкахъ его душа цвѣла.
Въ тоскѣ туманной больныхъ долинъ
Его подругой была ночная мгла.
Она вплетала въ его мечты
И зной, и холодъ—отравы злыхъ болотъ,
Очарованье безъ красоты!
Твои оковы никто не разорветъ.

„Отрава злыхъ болотъ“—это вліяніе ядовитой атмосферы 80-хъ годовъ, убивавшей всякіе порывы къ великимъ дѣламъ, заставлявшей средняго рядового обывателя ограничиваться узкими индивидуальными интересами, чаще всего въ видѣ „порочныхъ желаній“. Это была эпоха, когда, по выраженію Щедрина, „насчетъ чтенія было строго, а насчетъ вина свободно“. Поэтъ правъ: слѣды 80-хъ годовъ останутся въ его душѣ навсегда; ихъ оковъ никто не разорветъ!

Порывы поэта, убиваемые безпощадной дѣйствительностью, остаются безъ удовлетворенія, жизнь зло издѣвается надъ нимъ, и тоска овладѣваетъ его душой.

Кто далъ мнѣ это тѣло
И съ нимъ такъ мало силъ,
И жаждой безъ предѣла
Всю жизнь меня томилъ?
Кто далъ мнѣ землю, воды,
Огонь и небеса
И не далъ мнѣ свободы
И отнялъ чудеса?
На прахѣ охладѣломъ
Былого бытія
Природою и тѣломъ
Томлюсь безумно я.

Въ душѣ его заложены какія-то неясныя стремленія, но они причиняютъ ему только страданія. На весь міръ онъ начинаетъ смотрѣть, какъ на собраніе нелѣпыхъ случайностей, какъ на царство капризной Айсы.

Впечатлѣнія случайны,
Знанье ложно,
Проникать въ святыя тайны

Невозможно.
Люди, стѣны, мостовыя,
Колесницы—
Все докучныя да злыя
Небылицы.

Дѣйствительность слишкомъ груба и безжалостна; бороться съ ней онъ, дитя безвольной и безпросвѣтной эпохи, не можетъ и не хочетъ. Душа его подавлена великою тоской и, какъ мертвящимъ холодомъ, объята тишиной. Жизнь начинаетъ казаться ему лишенной всякаго смысла и цѣли.

Для чего въ пустынѣ дикой
Ты возникъ, мой вешній цвѣтъ?
Безнадежностью великой
Безпощадный вѣетъ свѣтъ...
Для чего...
Если въ мірѣ нѣтъ святыни,
И надежды въ небѣ нѣтъ?

Ему „наскучило въ медлительной тревогѣ не вѣсть куда итти". Не только его личная жизнь, но и историческія судьбы человѣчества представляются ему какой-то роковой и нелѣпой случайностью.

Въ путяхъ томительной печали
Стремится вѣчно родъ людской
Въ недосягаемыя дали,
Къ какой-то цѣли роковой.

Жизнь кажется ему тяжелымъ, безсмысленнымъ и нелѣпымъ сномъ. „Для смерти—здѣсь чертогъ, для случая—дорога. Не хочетъ жизни Богъ, и жизнь не хочетъ Бога". Онъ открыто признаетъ банкротство всего своего поколѣнія.

Мы устали преслѣдовать цѣли,
На работу затрачивать силы,—
Мы созрѣли
Для могилы.
Отдадимся могилѣ безъ спора,
Какъ малютки своей колыбели,—
Мы истлѣемъ въ ней скоро
И безъ цѣли. .

Поэтъ убѣждается, что пораженіемъ конченъ его неравный бой съ жизнью неудачной, съ грозною судьбой; онъ знаетъ, что ему слѣдовало бы навсегда заснуть, но ему страшно пронзить мечемъ трепетную грудь... Мы вѣримъ ему, что не рождена притворствомъ больная пѣснь его тоски, что ея зародыши глубоки, что ее посѣяли пороки и скорбь слезами облила. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы ясно видимъ, что источникомъ его пессимизма, помимо общихъ вліяній реакціонной эпохи, является необузданный индивидуализмъ и страхъ смерти.

Еслибъ хотѣлъ я любить,
Если бы могъ я желать,—
Въ мірѣ кого полюбить,
Въ жизни чего пожелать?
Только отецъ мой да я,
Больше и нѣтъ никого.

Глубокое уныніе и разочарованіе жизнью—таковы результаты этого необузданнаго индивидуализма. Но они принимаютъ особенно болѣзненныя и рѣзкія формы въ виду нестерпимаго страха

смерти, крайне характернаго для людей съ настроеніемъ г. Сологуба. Какъ у Метерлинка въ его первыхъ драматическихъ опытахъ, ужасъ передъ неизбѣжностью смерти даетъ тонъ всему творчеству и владѣетъ всѣми помыслами поэта.

Полуночною порою
Я одинъ съ больной тоскою
Передъ лампою моей.
Жизнь докучная забыта,
Плотно дверь моя закрыта,—
Что же слышно мнѣ за ней?
Отчего она, шатаясь,
Чуть замѣтно открываясь,
Заскрипѣла на петляхъ?
Дверь моя, не открывайся,
Внѣшній холодъ, не врывайся!
Нестерпимъ мнѣ этотъ страхъ.
Что мнѣ дѣлать? заклинать ли?
Дверь рукою задержать ли?
Но слаба рука моя,
И уста дрожатъ отъ страха.
Такъ, воздвигнутый изъ праха,
Скоро прахомъ стану я.

Пессимизмъ поэта все расширяется и углубляется. Зло и безнадежность царятъ уже не только въ жизни отдѣльнаго человѣка и не только въ исторіи человѣчества, но и во всей вселенной. Закону страданія и смерти покорны даже животныя и растенія. Пессимизмъ становится всемірнымъ, универсальнымъ.

Былыя надежды почили въ безмолвной могилѣ...
Безсильные страхи навстрѣчу невѣдомой силѣ,
Стремленье къ святынѣ въ безумной пустынѣ.
И все преходяще, и все безконечно,
И тайна всемірная нынѣ
И вѣчно.
Въ тяжеломъ томленьи мгновенныя дѣти творенья.
Томятся неяснымъ стремленьемъ нѣмыя растенья,
И голодны звѣри въ лѣсахъ и пустынѣ,
И все преходяще, и все безконечно,
И муки всемірныя нынѣ
И вѣчно.

На этой почвѣ и вырастаетъ чертобѣсіе г. Сологуба. Нестерпимый страхъ смерти гонитъ его прочь отъ жизни, въ скрытые чертоги, гдѣ онъ можетъ безпрепятственно „чары дѣять, тихо ворожить“.

Я отъ міра отрекаюсь,
Покрываюсь темной схимой
И душою устремляюсь
Въ тотъ чертогъ недостижимый,
Гдѣ во мглѣ благоуханій,
Въ тихомъ трепетѣ огней
Входитъ блѣдный рой мечтаній
Въ кругъ больныхъ и злыхъ тѣней.

Его утомленную душу мучитъ „все, что очерчено рѣзко“, и онъ бѣжитъ отъ свѣта въ чертоги, гдѣ дышитъ „тихой мечтою“. Что мечтанія такихъ схимниковъ, какъ г. Сологубъ, носятъ специфическій характеръ, это само собой разумѣется.

Безшумною тканью завѣшанъ
Чертога безмолвный порогъ.
Тамъ грѣхъ мой невинно-безгрѣшенъ,
И весело-свѣтелъ порокъ.

Но „эти больныя томленья — передъ бѣдою". „Рабъ вожделѣнья больного и злого" настолько боится смерти, что въ самой этой смерти начинаетъ видѣть спасеніе отъ своего вѣчнаго страха передъ неизбѣжнымъ концомъ. Къ ангелу мечты полуночной онъ ужъ обращается съ просьбой: „О, еслибъ смертью повѣялъ ты мнѣ!". „Для всѣхъ одна кончина",—пусть же она наступитъ скорѣе. Поэтъ ждалъ, что вспыхнетъ впереди заря, и жизнь свой ликъ покажетъ и нѣжно скажетъ: „Иди!". Но безъ жизни отжилъ онъ и теперь ждетъ, что смерть свой блѣдный ликъ покажетъ и грозно скажетъ: „Иду!". Предтечи смерти—увяданья съ отрадой видитъ онъ черты; теперь онъ душой умирающей жизни радъ и не радъ, а тоска умиранія для него ясна, какъ блаженство. Ему отрадна тихая могила и подобный смерти долгій, темный сонъ. Луна, которая недавно говорила поэту о блаженствѣ бытія, теперь восходитъ лишь затѣмъ, „чтобы внушить мечту о долгомъ снѣ, о долгой, безконечной ночи". Его больной душѣ земная жизнь кажется теперь сплошнымъ обманомъ. Только „въ смерти нѣтъ обмана".

Не надѣйся, не смущайся,
Преходящимъ не прельщайся,
Безъ печали дожидайся
Утѣшительнаго сна.
Все, чѣмъ жизнь тебя манила,
Обмануло, измѣнило,—
Неизбѣжная могила
Не обманетъ лишь одна.

Человѣкъ долженъ понять, что гибель неизбѣжна, и спокойно довѣриться смерти. Вся жизнь, весь міръ—игра безъ цѣли. Не стоитъ жить. Не надо счастія земного.

Для чего этой тлѣнною жизнью болѣть
И къ утѣхамъ ея мимолетнымъ стремиться?
Есть блаженство одно: сномъ безгрезнымъ забыться
Навсегда,—умереть...
Въ умираньи, безропотномъ этомъ мельканьи,
Для души, безнадежно отравленной, есть
Благодатная тайна,—о вѣчномъ созданьи
Вожделѣнная вѣсть.

Онъ, недавно еще нестерпимо боявшійся смерти, теперь понялъ, что смерть есть абсолютное добро, вѣрный другъ, въ объятьяхъ котораго онъ хочетъ забыться.

О, владычица смерть, я роптал на тебя,
Что ты, злая, царишь, все земное губя,
И пришла ты ко мнѣ, и въ сіяніи дня
На людскіе пути повела ты меня.
Увидалъ я людей въ озареньи твоемъ,
Отраженныхъ тоской, и безсильемъ, и зломъ.
И я понялъ, что зло подъ дыханьемъ твоимъ
Вмѣстѣ съ жизнью людей исчезаетъ, какъ дымъ.

Жизнь—нелѣпость, земное счастье — обманъ, солнце—лжи источникъ, радость и смѣхъ—удѣлъ глупцовъ.

Побѣждайте радость,
Умерщвляйте смѣхъ,
Все, въ чемъ только сладость,
Все—порокъ и грѣхъ.
Умерщвляйте радость,
Побѣждайте смѣхъ.

Кто смѣется? Боги,
Дѣти да глупцы.
Люди, будьте строги,
Будьте мудрецы,—
Пусть смѣются боги,
Дѣти да глупцы.

Теперь поэтъ благословляетъ страданія, печали и паденія. Изъ печали онъ сотворилъ себѣ кумира и самъ не хочетъ „найти дороги торныя, веселыя, просторныя". Теперь страшна для него не смерть, а жизнь. Въ стихотвореніи „Печалью безсонною" разсказывается о томъ, какъ юноша выходитъ изъ могилы къ оставшейся въ живыхъ невѣстѣ.

Но жаль ему стало жилища,
Гдѣ было такъ мертво-бездумно...
Шумѣла столица безумно
Предъ нимъ, и угрюмо
Стоялъ онъ, томясь непонятно
Тяжелою думой:
Къ невѣстѣ идти иль обратно?

Этотъ споръ между жизнью и смертью рѣшается въ пользу смерти. Жизнь страшнѣе смерти, смерть желаннѣе.

Мнѣ страшный сонъ приснился,—
Какъ будто я опять
На землю появился
И началъ возрастать.—
И повторился снова
Земной ненужный строй,
Отъ дѣтства голубого
До старости сѣдой...
Вновь проклялъ свой удѣлъ.
Въ страданіяхъ усладу
Нашелъ я кое-какъ,
И милъ больному взгляду
Сталъ замогильный мракъ.
И, кончивъ путь далекій,
Я началъ умирать,
И слышу судъ жестокій:
Возстань, живи опять!

Жизнь—жестокость, блаженство только въ смерти...

V. ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ СМЕРТИ.

„И смерть безстрастно я прославлю".
Ѳ. Сологубъ, „Собраніе стиховъ", кн. III и IV.

Сологубъ дѣлается пѣвцомъ смерти. Въ стихахъ и въ прозѣ онъ пишетъ одну безконечную, назойливую, упорную „Пѣснь торжествующей смерти". Подавляющее большинство его произведеній кончается убійствами, самоубійствами или, по крайней мѣрѣ, безуміемъ, которое, не будучи смертью въ полномъ смыслѣ этого слова, все-таки приближаетъ человѣка къ блаженной, желанной смерти. Онъ, который подобно Передонову въ жизни видитъ только мерзость, только грязь и неисправности, находитъ на своей палитрѣ самыя яркія краски, выбираетъ самыя нѣжныя и изящныя выраженія, когда начинаетъ говорить о смерти. Въ области этой апологіи онъ достигаетъ максималь-

ной доступной ему изобразительной красоты и силы. У Сологуба все кончается смертью. Почти всегда этотъ конецъ неожиданъ, нелогиченъ, нелѣпъ, вымученъ, но всѣми силами своего таланта Сологубъ клонитъ къ этому вожделѣнному концу, сладострастно упиваясь мученіями и страданіями своихъ героевъ и за волосы притягивая ихъ головы подъ обухъ.

Зачѣмъ бояться смерти?—уговариваетъ онъ читателя. Вѣдь смерть и жизнь одно и то же, смерть и любовь тождественны. „Развѣ можно было бы умереть? — говоритъ мальчикъ Ваня, склоняя Колю къ самоубійству.—Все здѣсь уходитъ, исчезаетъ, какъ привидѣніе“ („Разсказъ о двухъ отрокахъ“). Нѣтъ на землѣ подруги болѣе вѣрной и нѣжной, чѣмъ смерть. И если страшно людямъ имя смерти, то не знаютъ они, что она-то и есть истинная и вѣчная, навѣки неизмѣнная жизнь. Иной образъ бытія обѣщаетъ она,—и не обманетъ. Ужъ она-то не обманетъ! Сладостно мечтать о ней, подругѣ вѣрной, далекой, но всегда близкой. Забываютъ обо всемъ въ объятіяхъ самаго утѣшительнаго изъ ангеловъ,—въ объятіяхъ ангела смерти. Но въ концѣ концовъ Ваня „соблазняя, соблазнилъ и себя самого смертнымъ соблазномъ“. Оба мальчика бросаются въ воду, и Сологубъ корчится отъ дьявольской радости.

Въ разсказѣ „Землѣ земное“ описывается мальчикъ, охваченный религіознымъ экстазомъ и близкій къ самоубійству. Все хорошее гибнетъ, разсуждаетъ онъ, торжествуетъ зло. Вотъ въ огородѣ молочаи-солнцегляды напрасно тянутся къ солнцу,— они малы и слабы, ихъ подавляютъ глупыя, клонящіяся къ землѣ ромашки... „Какъ хорошо, что есть она, смерть освободительница!“.. Все идетъ какъ будто къ желанному концу: мальчикъ готовъ утопиться, но во время спохватывается, и Сологубъ глубоко возмущенъ. „И отошло это (религіозный экстазъ),—и опять надвинулись докучныя явленія (т.-е. нормальныя земныя чувства). Высокая радость забылась, едва отгорѣвъ, то было чувство не земное и не для земли. Душа же у человѣка земная и узкая, и Саша былъ е щ е во власти земли“. Сологубъ объ этомъ сожалѣетъ; ему грустно, что Саша не утопился, и онъ меланхолически заключаетъ: „Весь дрожа, томимый таинственнымъ страхомъ, онъ всталъ и пошелъ за (старухой) Лепестиньей, — къ жизни земной пошелъ онъ, въ путь истомный и смертный“.

Въ разсказѣ „Красота“ горничная случайно подсмотрѣла, какъ ея барышня Елена голая позируетъ передъ зеркаломъ, любуясь своей наготой. Эксцентричная барышня возмущена. „Какъ замкнуться отъ людской пошлости,—негодуетъ она,—какъ уберечься отъ людей? Мы всѣ вмѣстѣ живемъ, и какъ бы одна душа томится во всемъ многоликомъ человѣчествѣ... Міръ лежитъ въ порокѣ и во злѣ. Надо обречь его на казнь,—и себя съ нимъ“. Кстати она незадолго до того купила въ лавкѣ тонкій позолоченный кинжалъ, неизвѣстно для чего. Впрочемъ, г. Сологубу извѣстно. „Медленно и сильно вонзила она въ грудь, прямо противъ бившагося сердца, кинжалъ до самой рукояти,— и тихо умерла“. Смерть прекрасна!

Мальчикъ Митя случайно присутствуетъ при паденіи дѣвочки Рая изъ окна 4-го этажа („Утѣшеніе“). Это производитъ на него сильное впечатлѣніе, и съ этого момента ему начинаетъ являться образъ Раечки, маня его за собой. Въ сравненіи съ

милымъ видѣніемъ все земное и смертное представляется Митѣ отвратительнымъ. „Митя увидѣлъ, что она не такая, какъ онъ. Она—свѣтлая и сильная, онъ—темный и слабый; онъ словно заключенъ въ трупѣ, она—вся живая“. Онъ чувствовалъ теперь, что не больно умирать: только покоряйся тому, что будетъ. „Прекрасная смерть! И зачѣмъ тогда жизнь?“. Случайно Митя знакомится съ дѣвочкой Дуней. По прочтеніи „Жерминаля“ Дуня начинаетъ философствовать чисто въ духѣ Сологуба. Про героиню романа она говоритъ: „Зачѣмъ бы ей жить? Хорошо, что умерла. Хорошо, что есть смерть... Пожалѣешь, о томъ, что родился на этой землѣ“. Въ концѣ концовъ дѣло приходитъ къ благополучному концу: Митя выбрасывается изъ окна и убивается. „Начиная падать, уже онъ почувствовалъ облегченіе. Сладкая жуткость подъ сердцемъ, быстро возрастая, погасила сознаніе прежде, чѣмъ онъ коснулся камней“.

Въ разсказѣ „Къ звѣздамъ“ (все изъ того же сборника „Жало смерти“) мальчикъ Сережа въ саду любуется звѣздами; въ это время кто-то играетъ на гармоникѣ. „Эти звуки, нахальные, скрипучіе, неотвязчивые, напомнили ему все, что бываетъ днемъ,—гостей, студента, Варвару, мальчишку, котораго била мать и который неистово кричалъ,—и отъ этого послѣдняго воспоминанія Сережа вдругъ задрожалъ, и сердце его больно забилось. Тоска охватила его и великое нежеланіе быть здѣсь, на этой землѣ“. Нагрубивши всѣмъ, мальчикъ идетъ въ садъ и ложится умирать. „Со страшною, рванувшею все тѣло болью сжалось его сердце,—и вдругъ боль и тоска исчезли. Тихая и нѣжная радость прникла къ Сережѣ... Великій и кроткій ангелъ подставилъ его груди свое бѣлое крыло и нѣжно обнялъ его и закрылъ его глаза легкою рукою... Рано утромъ нашли его въ сырой травѣ у забора. Онъ лежалъ широко раскинувъ руки, съ лицомъ, обращеннымъ къ небу... Глаза его были сомкнуты, лицо не по дѣтски спокойно. Онъ весь былъ холодный и мертвый“.

Въ романѣ „Тяжелые сны“ Логинъ спрашиваетъ у истерички Клавдіи:

— Вамъ жизнь какого цвѣта кажется и какого вкуса? *)
— Пожалуй, вкусъ приторный.
— Я думалъ, вы скажете: горькій.
— А цвѣтъ жизни?
— Зеленый и желтый,—быстро, не задумываясь, съ какой-то даже злостью въ голосѣ отвѣтила Клавдія.
— Надежды и презрѣнія?
— Нѣтъ, просто незрѣлости и увяданія.

Барышня Нюта смотритъ на восходъ солнца и при этомъ предается слѣдующимъ размышленіямъ: „Какая сила! Безполезная, равнодушная къ человѣку... И все къ намъ безучастно и не для насъ: и вѣтеръ, безплодно вѣющій, и звѣри, и птицы, для чего-то развивающія всю эту дикую и страшную энергію. Ненужныя струи, покорныя вѣчнымъ законамъ, стремятся безцѣльно,—и на берегу вѣчно движущейся силы безсильные, какъ дѣти, тоскуютъ люди“.

*) Въ тѣ времена это было въ модѣ. Въ „Сѣверномъ Вѣстникѣ“ декадентской эры можно встрѣтить сколько угодно благоглупостей въ этомъ „символическомъ“ жанрѣ

Логинъ мечтаетъ. Ему слышится голосъ: „Сладостно умереть! Не надо счастья,—любовь, смерть—это одно и то же“.

Логинъ бесѣдуетъ съ Нютой, доказывая ей, что жизнь невозможна, и на ея замѣчаніе: „Невозможность жизни! Вѣдь живутъ же“,—отвѣчаетъ: „Живутъ? Не думаю. Умираютъ непрерывно,—въ томъ и вся жизнь. Только хочешь схватиться за прекрасную минуту,—и нѣтъ ея, умерла“.—„Сколько поколѣній прожили мирно и счастливо“,—говоритъ дальше Нюта.—И увѣрены были, что такъ и надо, что у жизни есть смыслъ?—подхватываетъ Логинъ?.—А стоитъ показать, что никакого нѣтъ смысла въ жизни,—и жизнь сразу сдѣлается невозможной. Если истина станетъ доступной всѣмъ, никто не захочетъ жить. Незнаніе, глупость—спасители нашей жизни“.

Нюта замѣчаетъ: „Смыслъ жизни—вѣдь это только наше человѣческое понятіе. Мы сами создаемъ смыслъ и вкладываемъ его въ жизнь. Все дѣло въ томъ, чтобы жизнь была полна,—и тогда въ ней есть и смыслъ, и любовь, и счастье“.

Но болванъ Логинъ, носящійся съ какими-то нелѣпыми мечтаніями о спасеніи человѣчества съ помощью артели, составленной изъ чиновниковъ и купцовъ, не согласенъ съ этимъ.

— Такъ, такъ, вкладываемъ въ жизнь смыслъ,—грустно сказалъ онъ,—своего-то смысла въ ней нѣтъ. И какъ ни наполняйте жизнь, все же въ ней останутся пустыя мѣста, которыя обличатъ ея безцѣльность и невозможность.

Вдругъ ему приходитъ въ голову, что умретъ и она, Нюта, и острая жалость, ужасъ и недоумѣніе пробѣжали въ его душѣ. Онъ почувствовалъ, какъ погибло то молодое и счастливое, что трепетало сейчасъ въ его сердцѣ. Умерла минута счастья—и не воскреснетъ. Что-то поблекло, облетѣло. Минуты умирали. Было тоскливо и больно.

Логинъ собирался покончить самоубійствомъ. „Онъ зналъ,—сообщаетъ Сологубъ,—что надлежитъ уничтожить форму, столь порочную, и смять глину, изъ которой вылѣплено такъ много дурного“. Но жестоко избитый во время холернаго бунта, онъ въ концѣ концовъ женится на Нютѣ. Этимъ исходомъ Сологубъ крайне недоволенъ. „Для нихъ началась новая жизнь,—меланхолически замѣчаетъ онъ,—обновленныя небеса засинѣли надъ ними, но что будетъ съ ними и куда придутъ они?... Итакъ, все идетъ по старому, какъ заведено, и только Логинъ и Нюта думаютъ, что для нихъ началась новая жизнь“. (На этомъ кончается романъ).

Характерно, что въ большинствѣ разсказовъ Сологуба дѣйствующими лицами являются дѣти, которыя не могли, конечно, разочароваться въ жизни, но разсужденія которыхъ дѣлаютъ честь умудренному опытомъ автору. Возьмемъ, напримѣръ, сборникъ „Истлѣвающія личины“. Отрокъ Линъ говоритъ: „Я не хочу жить въ этомъ презрѣнномъ мірѣ, гдѣ совершаются такія жестокія дѣла“ („Чудо отрока Лина“). Другой мальчикъ Гриша („Рождественскій мальчикъ“) замѣчаетъ: „Если бы я все это дѣло зналъ, ни за что бы я не захотѣлъ быть человѣкомъ“. Пріютившій его Пустороклевъ хочетъ увести мальчика съ площади, гдѣ солдаты разстрѣливаютъ демонстрантовъ, но Гриша не хочетъ уходить. „И пусть убьютъ!—говоритъ онъ.—Развѣ

ты боишься? Умремъ вмѣстѣ. Не стоитъ жить съ этими злыми людьми. Не хочу быть съ ними". Съ крикомъ „Палачи!" Гриша бѣжитъ навстрѣчу казакамъ. „Сверкнула бѣлая безпощадная улыбка,—офицеръ ударилъ Гришу саблей и убилъ.

Въ разсказѣ „Они были дѣти" (сборникъ „Книга разлукъ") гимназистъ Володя Гарволинъ разсуждаетъ о смыслѣ жизни.

„Зачѣмъ, зачѣмъ?" спрашивалъ онъ себя. Трудиться весь вѣкъ, жить зачѣмъ-то безъ радости, безъ свѣта, умереть въ нищетѣ, умереть, какъ умираетъ на мостовой кляча, заморенная работой! Суетливая забота, неумолимая судьба, безпощадная смерть... Яркое мертвое солнце... Трупъ на столѣ... Трупъ на столѣ... Жизнь все та же, неумолимая, чуждая... Володя мрачно шагалъ по улицѣ и злобно смотрѣлъ на прохожихъ. Болѣзненная баба съ ребенкомъ встрѣтилась ему. „Умрешь, умрешь и ты", съ свирѣпой злобой подумалъ Володя. „Такъ поносковѣютъ и твои блѣдныя губы".

Въ разсказѣ „Въ толпѣ" („Книга разлукъ") описывается ужасная давка, напоминающая знаменитую катастрофу на Ходынскомъ полѣ. Гимназистъ Леша и двѣ его сестры задыхаются въ людскомъ потокѣ. „Стремительно встало солнце, радостно возбужденный Злой Драконъ. Пахнуло жаркимъ дыханіемъ Змія. И сжигая послѣднія струи прохлады, возносился Злой Драконъ. Такъ отчетливо все стало кругомъ. Какъ будто сдернутыя невидимой рукою, упали людскія личины. Демонская злоба кинѣла окрестъ въ истомѣ и бреду. Свирѣпыя сатанинскія хари виднѣлись повсюду. Темные рты на тусклыхъ лицахъ изрыгали грубыя слова... И солнце было новое, яркое, величественно и свирѣпо-равнодушное. Равнодушное навсегда. И все его великолѣпіе сверкало надъ гуломъ томленія и бреда". Сестеръ его задавили и, чувствуя свою близкую смерть, возопилъ Леша: „Проклятые люди! Проклятый Богъ! Проклятое все!"

Всюду смерть, но она сладка, она легка и пріятна. Въ „Январьскомъ разсказѣ" Елкичъ (духъ, живущій въ елкѣ) увлекаетъ за собой мальчика Симу на улицу, гдѣ стрѣляютъ солдаты. Пуля сваливаетъ мальчика на мостовую. „Короткій мигъ было очень больно. И потомъ стало легко и пріятно. Раскинувъ на снѣгу маленькія помертвѣлыя руки, Сима шепнулъ: Елкичъ, миленькій!.. И затихъ". („Истлѣвающія личины").

Въ нелѣпомъ разсказѣ „Смерть по объявленію" („Книга разлукъ"), гдѣ нельзя разобрать, имѣемъ ли мы дѣло съ абстрактной смертью или съ живой женщиной, продающейся изъ нужды, смерть говоритъ нанявшему ее Резанову, улыбаясь кротко: „Во блаженномъ успеніи вѣчный покой". Повторилъ тихо: „Вѣчный покой. И это—утѣшеніе?"—„Утѣшаю, чѣмъ могу",—сказала она, улыбаясь все тою же неподвижной кроткой улыбкою... Она прижалась къ нему нѣжно и шептала... „Стилетъ остеръ и сладко ранитъ" (но вѣдь это же стихъ самого Сологуба!! См. „Пламенный кругъ", стр. 199). И прильнула, и цѣловала, и ласкала. И точно ужалила,—уколола въ затылокъ отравленнымъ стилетомъ. Сладкій огонь вихремъ промчался по жиламъ, и уже мертвый лежалъ въ ея объятьяхъ. И вторымъ уколомъ отравленнаго острія она умертвила себя и упала мертвая на его трупъ.

Такова смерть въ произведеніяхъ Сологуба. Онъ готовъ во всякую минуту съ восторгомъ проливать кровь, дабы „разрушать заклятья злого бытія" („Литургія мнѣ", „Вѣсы", 1907, № 2). Жизнь—зло, и смерть привѣтствуется какъ избавительница.

Живой человѣкъ представляется Сологубу словно заключеннымъ въ трупѣ, мертвые же кажутся единственно живыми! А вѣдь истинный поэтъ Гёте сказалъ: „Живой мопсъ все же лучше нарисованнаго",—и ужъ во всякомъ случаѣ лучше мертваго. Постоянная, неотвязчивая мысль о смерти, вызванная нестерпимымъ страхомъ, характерна для крайнихъ индивидуалистовъ. Поскольку они ставятъ свою личность въ центрѣ мірозданія, они не могутъ не бояться смерти, ибо для отдѣльнаго лица смерть дѣйствительно неизбѣжна. Идея безсмертія въ родѣ, въ человѣчествѣ чужда крайнимъ индивидуалистамъ, потому что у нихъ нѣтъ общественныхъ цѣлей и общественныхъ интересовъ. Имъ не понятна психологія героя „Исповѣди" Горькаго, который говоритъ: „Никогда я о смерти не думалъ, да и теперь мнѣ некогда".

И они „безстрастно" прославляютъ смерть и даже пишутъ о ней почтительно—съ прописной буквы.

VI. МУЧИТЕЛЬСТВО, ДЕМОНИЗМЪ, АПОЛОГІЯ ЗЛА.

„Хулу надъ міромъ я возставлю
И, соблазняя, соблазню".

Ѳ. Сологубъ, „Собраніе стиховъ", кн. III и IV.

„Дразнить такъ пріятно".

Ѳ. Сологубъ, „Мелкій бѣсъ", ром.

Съ пессимизмомъ Сологуба тѣсно связаны его сатанизмъ и демонизмъ, апологія зла, мучительства и извращенности. Какъ въ музеяхъ наряду съ отдѣленіемъ пытокъ имѣется „анатомическое отдѣленіе", куда публика ходитъ меньше всего для ученыхъ цѣлей, такъ и въ произведеніяхъ Сологуба мучительство, побои, доносы тѣсно связаны съ болѣзненной эротоманіей, съ половыми извращеніями на почвѣ садизма. Впрочемъ, чего другого можно ожидать отъ писателя, манифестъ-программа котораго не имѣетъ себѣ, быть можетъ, ничего равнаго во всемірной литературѣ! Вотъ это замѣчательное стихотвореніе нашего „дьяволоподобнаго схимника", какъ его назвалъ Бальмонтъ:

Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ,
И мой корабль пошелъ ко дну.
Я такъ воззвалъ: „отецъ мой, Дьяволъ,
Спаси, помилуй—я тону.
Не дай погибнуть раньше срока
Душѣ озлобленной моей,—
Я власти темнаго порока
Отдамъ остатокъ черныхъ дней".
И Дьяволъ взялъ меня и бросилъ
Въ полуистлѣвшую ладью,
Я тамъ нашелъ и пару веселъ,
И сѣрый парусъ, и скамью.
И вынесъ я опять на сушу,
Въ больное злое житіе,
Мою отверженную душу,
И тѣло грѣшное мое.
И вѣренъ я, отецъ мой Дьяволъ,
Обѣту, данному въ злой часъ,
Когда я въ бурномъ морѣ плавалъ
И ты меня изъ бездны спасъ.

Тебя, отецъ мой, я прославлю
Въ укоръ неправедному дню,
Хулу надъ міромъ я возставлю
И, соблазняя, соблазню.

Эта черта декаденства—апологія зла и извращенности—достигла у Сологуба такого развитія, какъ, быть можетъ, ни у кого изъ русскихъ писателей. Страданія у него пріятны, лихорадка непремѣнно—„ласковая", а объятія ея сладки и нѣжны, яды—благословенны, свѣтъ и солнце—ненавистны и враждебны. Въ концѣ концовъ это извращенное міроощущеніе сдѣлалось у него второй натурой, и онъ совершенно естественно, а быть, можетъ, и непроизвольно прилагаетъ къ предметамъ эпитеты, менѣе всего къ нимъ подходящіе и даже прямо имъ противорѣчащіе. Г. Бѣлый удивляется, что у Сологуба „получается абсурдъ: отрицательная величина—милая дѣвушка, Рая; положительная—тѣневая лихорадка". Но это абсурдъ только для г. Бѣлаго, который, въ качествѣ правовѣрнаго модерниста, органически не въ состояніи понять истинный смыслъ декаданса, щеголяющаго своимъ демонизмомъ и восхваленіемъ зла и въ мнимой борьбѣ противъ „мѣщанскихъ предразсудковъ" доводящаго до крайности сокровенное существо буржуазнаго міра, а то и просто воскрешающаго самыя дикія формы до-буржуазной морали (подробно я доказываю это въ статьѣ „Соціально-политическія условія литературнаго распада", Литер. Распадъ, № 1 и отдѣльное изданіе).

Особенно характерно, съ точки зрѣнія извращенности сологубовскаго міроощущенія, его отношеніе къ солнцу. Источникъ жизни и свѣта, для Сологуба оно—коварный, злой Драконъ, яростный губитель Змій, лютый убійца и растлитель, источникъ лжи и обмана. Положительный полюсъ міра для Сологуба—желанная смерть, отрицательный—ненавистное солнце. Онъ, выбирающій, какъ мы видѣли, самыя нѣжныя выраженія для описанія и прославленія смерти, не находитъ достаточно рѣзкихъ и хулительныхъ словъ, когда заговариваетъ о своемъ врагѣ—солнцѣ. Злобному коварному Дракону посвященъ шестой сборникъ его стихотвореній „Змій", но о томъ же Сологубъ говоритъ чуть ли не во всякомъ своемъ произведеніи, въ стихахъ, разсказахъ, романахъ, даже въ критическихъ и философскихъ статьяхъ. А въ послѣднее время этотъ мотивъ солнцеборчества, если такъ можно выразиться, такъ часто звучитъ у г. Сологуба, что начинаетъ уже производить смѣшное впечатлѣніе и нагонять скуку. Демонизмомъ тоже не слѣдуетъ злоупотреблять. Выругай солнце разъ, выругай два, но нельзя же до безчувствія!

Попавшія въ волшебный замокъ Триродова („Навьи Чары") двѣ сестры ведутъ между собою слѣдующій разговоръ:

— Здѣсь неживой падаетъ на насъ свѣтъ изъ неизвѣстнаго источника, и онъ страшенъ, - тихо говорила Елисавета, — но теперь мнѣ еще страшнѣе грозный ликъ чудовища, горящаго и не сгорающаго надъ нами.

— Милое солнце,—прошептала Елена.

— Оно погаснетъ,—говорила Елисавета, — оно погаснетъ, неправедное свѣтило, и въ глубинѣ земныхъ переходовъ люди, освобожденные отъ опаляющаго Змія и отъ убивающаго холода, вознесутъ новую, мудрую жизнь.

Единственное утѣшеніе для Сологуба, что оно погаснетъ, неправедное свѣтило...

Сологубъ—Передоновъ, и герои его—Передоновы. Болѣзнен-

ный инстинктъ заставляетъ ихъ воспринимать впечатлѣнія бытія въ извращенномъ и изуродованномъ видѣ, опошлять все благородное, марать все чистое, уродовать все здоровое, всюду пачкать и пакостить. Таковы у Сологуба и старые, и малые. Дѣти у Сологуба обыкновенно злыя, испорченныя, не по лѣтамъ развращенныя.

Мальчикъ Ваня въ разсказѣ „О двухъ отрокахъ" это настоящій маленькій Передоновъ. Сидитъ онъ съ пріятелемъ у рѣчки и между ними происходитъ такой разговоръ:

— Красивое мѣстечко... Обрывъ-то какой высокій, страсть, — сказалъ Коля.

— Вода подмоетъ,—пробасилъ Ваня, -обрывъ обвалится.

— А въ лѣсу-то какъ славно. Смолой пахнетъ.

— Шкипидаромъ,—вставилъ Ваня.

— Нѣтъ, хорошо пахнетъ,—радостно говорилъ Коля.—Утромъ я бѣлку видѣлъ.

— А я дохлую ворону подъ кустомъ видѣлъ,—объявилъ Ваня.

Или вотъ другой разговоръ:

— А тамъ какой лугъ красивый,—говорилъ Коля.—Цвѣточковъ много, все разные; такъ весь лугъ и пестрѣетъ, и нѣкоторые пахнутъ такъ хорошо.

Ваня взглянулъ на него досадливо и проворчалъ:

— И коровы нагадили.

«Мать красивыхъ кухарокъ не держитъ,—отца ревнуетъ (сообщаетъ онъ своему пріятелю)... Боится, что влюбится,—пояснилъ Ваня и засмѣялся.—Точно онъ на сторонѣ не можетъ",—злорадно сказалъ онъ.

Тотъ же маленькій Передоновъ навралъ какому-то барину („сволочь ужасная"), что отецъ его служитъ въ сыскной полиціи и высматриваетъ одного мошенника, причемъ „ему примѣты такія сказалъ, на него похожія, ну онъ и боится"... «Берегутъ людишки свое добро»,—говоритъ этотъ мальчикъ Колѣ... «Ничего нѣтъ страшнаго, кромѣ человѣка. Человѣкъ человѣку волкъ»,—прошепталъ Ваня часто слышанное имъ отъ отца изреченіе... Ваня учитъ Колю курить и пить вино и систематически ведетъ съ нимъ растлѣвающія бесѣды. „И такъ, далекіе отъ людей, говорили они о страшныхъ мечтаніяхъ, о жестокомъ, о знойномъ".

„Дразнить такъ пріятно",—сообщаетъ намъ г. Сологубъ. *) Когда Митю уличаютъ въ плутовствѣ („Утѣшеніе"), барынинъ мальчикъ Отя дразнитъ его: „Гуляка-фонарщикъ! Гуль-гуль-гуль! Гулька! Гульфикъ! Гуливеръ! Проходимецъ!", а когда Митю высѣкли, Отя вмѣстѣ съ г. Сологубомъ захлебывается отъ восторга: „Такъ ему и надо, хамчикъ простеганный. Насѣкомый! Березайка! Драпъ! Сѣчка!"

Бѣдный „могучій свободный русскій языкъ", утѣшавшій Тургенева въ дни унынія, что дѣлаетъ съ тобой г. Сологубъ!

Митю ведутъ сѣчь въ дворницкую. Унылая, забитая дворничиха, живущая въ гниломъ подвалѣ, невесело поглядѣла на вошедшаго мужа. Но только Дементій заявилъ, что барыня изъ пятаго номера мальчонку велѣла выдрать, все въ дворницкой сразу повеселѣло. „Василій (подручный) словно обрадовался и оскалилъ бѣлые крѣпкіе зубы. Баба сдѣлалась веселою и зарумянилась. Глаза у нея заблестѣли. Вплотную подошла она къ

*) „Мелкій бѣсъ", изд. 2-ое, стр. 332.

Митѣ и весело спросила, обдавая его жаркимъ дыханіемъ", и т. д. Школьные товарищи Мити пришли въ восторгъ, когда узнали, что его высѣкли.

„Румяныя лица, оживленныя искреннимъ весельемъ, тѣснились къ Митѣ, а безпощадные глаза жадно всматривались въ него. Иные изъ школьниковъ плясали отъ радости; иные схватывались по-двое руками, бѣгали вокругъ толпы, окружившей Митю, и кричали: „Въ дворницкой! Потѣха!". Наконецъ, уже восторгъ дошелъ до такого напряженія, что кто-то крикнулъ: „Дармостукъ, ура!", и всѣ мальчики громкими и звонкими голосами закричали: „Ура! Ура! ура-а-а-а!". Изъ учительской выскочилъ на шумъ учитель Конопатинъ. Мальчишки на перебой докладываютъ ему, что Митю высѣкли. „Жирное учителево лицо засіяло блаженствомъ, широкая улыбка расползлась на его чувственныхъ губахъ.

— Духи малиновые!—воскликнулъ онъ смѣющимся голосомъ.—Гдѣ же онъ? Покажите, покажите мнѣ его.

.. Блаженно улыбаясь, Конопатинъ взялъ Митю за плечо и повелъ въ учительскую... Учителя обрадовались почти такъ же, какъ и школьники, и тоже издѣвались".

Національная черта—сѣкутъ у Сологуба всюду и съ наслажденіемъ. При видѣ розогъ или хотя бы при разсказѣ о побояхъ герои Сологуба захлебываются отъ садическаго восторга. Въ „Тяжелыхъ Снахъ" Мотовиловъ разсказываетъ въ обществѣ, какъ его кухарка Марья выскочила изъ калитки и на улицѣ при всѣхъ избила своего сынишку Владиміра, опоздавшаго изъ школы: „По щекѣ его—ботъ! по другой—ботъ! Да за волосенки. Тутъ же на улицѣ такую трепку задала, что любо-дорого". Разсказъ Мотовилова приводитъ общество въ восхищеніе.

— Расчесала!—вкусно и сочно сказалъ Андозерскій.

— Воображаю,—вскричалъ казначей,—какая у него была рожа!

— Да-съ,—продолжалъ Мотовиловъ,—тутъ же на улицѣ при товарищахъ. Товарищи хохочутъ, а ему и больно, и стыдно.

Человѣку и больно, и стыдно, а Сологубу и его героямъ сладко и пріятно. Еще бы, дразнить и мучить такъ пріятно!

Въ разсказѣ „Тѣни" Володя получилъ въ классѣ единицу.

— Ловлевъ!—дразнятъ его товарищи, смѣясь и толкаясь:—схватилъ колъ! Съ праздникомъ!

Въ разсказѣ „Червякъ" разсказывается про истеричную дѣвочку, которую квартирная хозяйка съ мужемъ вогнали въ гробъ преслѣдованіями и запугиваніями. Хозяйка, Анна Григорьевна Рубоносова, любила щипаться. Ей было кого щипать, такъ какъ на квартирѣ у нея жили пріѣзжія гимназистки. Ея мужъ, Владиміръ Ивановичъ,—тоже чисто сологубовскій типъ. Встрѣтивши на улицѣ учительницу гимназіи Киселеву, сорокалѣтнюю дѣвицу, онъ торжественно восклицаетъ „Холера!.. Ну проходи, шкура барабанная, чего стала?". И въ концѣ концовъ швыряетъ ее въ снѣгъ. Послѣ этой гнусности онъ „радостно почувствовалъ, что аппетитъ его взыгралъ и удвоился". Дома онъ узнаетъ, что дѣвочка Ванда нечаянно разбила его любимую чашку. Тогда онъ внушаетъ запуганному ребенку, что она проглотила червяка. Болѣзненной дѣвочкой начинаетъ овладѣвать галлюцинація: ей кажется, что внутри нея сидитъ червякъ и сосетъ ее. Теперь Сологубу есть, гдѣ разгуляться на волѣ!

Дѣвочки принялись дразнить Ванду. Онѣ знали, что Ванду легко раздразнить до слезъ, и потому любили дразнить ее. Подруги Ванды разсказали всѣмъ въ классѣ про червяка, и Ванду немилосердно дразнили. На перемѣнахъ подходили къ

ней и спрашивали: „Правда, что вы червяка проглотили?“ Потомъ Ванду стали дразнить подъ риѳму: „Ванда чашку разбила, червяка проглотила“. Въ концѣ концовъ ребенка совершенно изводятъ, и Владиміръ Ивановичъ на седьмомъ небѣ: „Ого, червякъ!—торжествуя, закричалъ онъ и залился грохочущимъ хохотомъ, неистово восклицая:—„Сосетъ, ясенъ колпакъ! Доѣхалъ-таки я тебя! Володька Рубоносовъ не дуракъ!“

Что герои Сологуба часто лгутъ, особенно сологубовскія дѣти, это само собой разумѣется. При этомъ Сологубъ торопится пояснить: „Ему (Митѣ) вѣрили, потому что онъ лгалъ“.

Въ разсказѣ „Къ звѣздамъ“ мальчикъ Сережа знаетъ, что студенту Константину Осиповичу нравится горничная Варвара и что онъ съ ней только такъ занимается шутками, а не женится на ней, потому что они не пара! Хороши сологубовскіе мальчики, неправда ли? Когда горничная посылаетъ его спать, онъ говоритъ ей слегка вздрагивающимъ голосомъ: „Я лягу, а ты съ нимъ цѣловаться будешь“. Варвара покраснѣла. Своей кузинѣ этотъ рвущійся къ звѣздамъ идеалистъ изъ молодыхъ да ранній говоритъ при гостяхъ: „Кузина Надя вышла замужъ, а у тебя и въ этомъ году нѣтъ жениховъ, и не будетъ, потому что ты уксусная“.

Но наиболѣе законченнымъ образцомъ мучительства и пакостничества является любимый герой Сологуба Передоновъ, который, какъ мы видѣли, въ прозѣ размышляетъ сологубовскими стихами.

Мучительство доставляетъ Передонову „вялое и тусклое удовольствіе“. Мы уже видѣли, какъ онъ слѣдитъ за мальчишками, подводитъ ихъ подъ розги, доноситъ на учителей и учительницъ. Передонову нравилось, когда мальчики плакали; въ церкви ему особенно пріятно было смотрѣть, когда гимназистъ Саша стоялъ на колѣняхъ, какъ наказанный. Онъ собираетъ шишки чертополоха, чтобы лѣпить ихъ въ шкуру своему коту, а его другъ Володинъ проситъ не начинать безъ него, такъ какъ это очень „занятно“ *). Нарядность и чистота были для Передонова противны. Духи казались ему зловонны; всякимъ духамъ предпочиталъ онъ запахъ унавоженнаго поля, полезный, по его мнѣнію, для здоровья. Дома онъ и его сожительница занимаются тѣмъ, что дуютъ коту въ глаза, гладятъ его противъ шерсти, пачкаютъ стѣны (любопытная черточка для психіатра). О женщинахъ Передоновъ иначе не отзывается, какъ „о стервахъ“. Своей сожительницѣ, а затѣмъ женѣ, онъ плюетъ „въ морду“ съ тупымъ и равнодушнымъ видомъ. „Свинья!“—говоритъ Варвара довольно спокойно, „словно плевокъ освѣжилъ ее“. Давая ей деньги на подвѣнечное платье, онъ при гостяхъ швыряетъ кредитки на полъ, а Варвара, ничуть не обижаясь на такой способъ даренія, живо подбираетъ ихъ. Варвара цѣлуетъ кукишъ на его палкѣ, чтобы получить деньги, и спокойно прибавляетъ: „Что жъ такое! губы не треснутъ“.

Въ разсказѣ „Въ толпѣ“ Шуткиныхъ радовало, что будетъ давка, безпорядокъ, смятеніе и потомъ можно будетъ долго

*) Недавно въ Петербургѣ господа Передоновы организовали травлю котовъ фоксъ-терьерами. То-то возрадовался духъ г. Сологуба. Будемъ теперь ждать пикантнаго разсказа!

разсказывать любопытныя и значительныя подробности разныхъ происшествій. Шуткинъ смотрѣлъ на шумное темное поле, глупо ухмылялся и говорилъ съ непонятной радостью: „Непремѣнно кого-нибудь изъ слабенькихъ раздавятъ. Вотъ ужъ вы увидите“! („Книга Разлукъ“).

Мучительство пріятно у Сологуба и самому божеству. „Богъ, въ святыхъ мукахъ дивнаго желанія, алчетъ жертвы“, говорится въ „Истлѣвающихъ Личинахъ“ про бога, оказавшагося на повѣрку хищнымъ звѣремъ. И насъ не удивляетъ, что „собиратель ядовъ“ попытался даже (правда, въ нѣсколько прикрытой формѣ) дать религіозно-моральное оправданіе самому безсмысленному и безцѣльному пролитію крови. Въ разсказѣ „Баранчикъ“ (*Жало смерти*) крестьянская дѣвочка Аниска играючи зарѣзала своего трехлѣтняго братишку Сеньку. Ангелъ не рѣшается впустить въ рай Аниску, „младенца съ окровавленными руками“, но Господь говоритъ ему: „Проливающіе кровь искуплены Моею кровью, и научающіе пролитію крови искуплены Мною, и тяжкою скорбію пріобщаю людей къ искупленію Моему“. Такова въ чистомъ видѣ идея Торквемады.

Сологубовскаго бога можно охарактезировать стихами нашего же автора:

Громадный животъ,
Искаженное злобой лицо,
Окровавленный ротъ,
А въ носу—золотое кольцо.

(„Пламенный Кругъ“).

Именно этому богу онъ молится въ прозѣ и стихахъ, его алтарь онъ усыпаетъ своими ядовитыми цвѣтами, ему кадитъ своимъ чародѣйнымъ ладаномъ. Среди того хаоса мученій, страданій и пытокъ, какимъ ему представляется міръ, онъ, подобно восточному сектанту-изувѣру, колотится въ экстазѣ лбомъ передъ этимъ грознымъ идоломъ и съ улыбкой безумія протягиваетъ къ нему окровавленныя руки.

Столкновеніе бѣшеныхъ воль,
Сочетаніе воплей и стона...
Прокаженнаго радуетъ боль,
Какъ сіяніе злого Дракона.
Онъ лицо поднимаетъ къ лучамъ,
Остервѣлыя тянетъ онъ руки,
И смѣется жестокимъ бичамъ,
И привѣтствуетъ дикія муки.
Утѣшаетъ несносная боль,
Голосъ бѣшеной жизни отраденъ,—
И просыпалась жгучая соль
На сплетенье безчисленныхъ ссадинъ.

(„Змій“, 6-ая кн. стиховъ).

Мучительство и любовь къ страданіямъ—двѣ стороны одной и той же медали, два проявленія одной и той же извращенности

Но здѣсь уже ясно звучатъ садическіе мотивы, представляющіе имманентную и неотдѣлимую сторону сологубовскаго творчества.

VII. ЭРОТОМАНІЯ И САДИЗМЪ.

„Паскудныя дѣтища его скуднаго воображенія".

„Жирненькую бы мнѣ!"

Ѳ. Сологубъ, „Мелкій Бѣсъ", ром.

„Въ вашей колоніи первое дѣло—крамола, второе дѣло—развратъ, а третье дѣло—жестокость".

Ѳ. Сологубъ, „Навьи Чары", ром.

Изъ отдѣленія пытокъ мы переходимъ въ „анатомическое отдѣленіе" сологубовскаго музея. Отъ дьявольщины къ эротоманіи.

Часто у Сологуба случается такъ, что, когда нагроможденіе ужасовъ достигло максимальнаго напряженія, мистическая трагедія вдругъ разрѣшается въ самый пошлый фарсъ съ неизбѣжнымъ раздѣваніемъ. Возьмите, напр., его 6-ую книгу стиховъ „Змій". Проклятія по адресу „лютаго Дракона" и всяческія иныя сатанинскія выходки неожиданно и весело завершаются стихотвореніемъ „Я одинъ въ безбрежномъ мірѣ"; вдругъ, говоря слогомъ нашего писателя, сползаетъ трагическая личина, за ангельскимъ сладкогласіемъ поэта раскрывается сонмище уродливыхъ демоновъ, и передъ нами другой (истинный ли?) ликъ г. Сологуба, на этотъ разъ въ нижнемъ бѣльѣ.

Я зову иную сладость,—слитность вѣрную ночей.
Темнота ночная пала, скрылась блѣдная луна,
И подъ сѣнью покрывала ты опять со мной одна.
Ты оставила одежды у порога моего.
Исполненіе надежды—радость тѣла твоего
Предо мною ты нагая, какъ въ творящій первый часъ.
Содрогаясь и вздыхая, ты нагая. Свѣтъ погасъ *).
Ласки пламенныя чую, вся въ огнѣ жестокомъ кровь...

Любовь, связанная съ мучительствомъ и жестокостью,—это специфическая черта, хорошо извѣстная психіатрамъ. Садическіе мотивы зазвучали въ произведеніяхъ Сологуба при первыхъ же его литературныхъ выступленіяхъ. Уже въ первой книгѣ стиховъ (1896 г.) поэтъ возвѣщаетъ: „И лишь позоръ нагого преступленья заманчивъ, какъ всегда, и сладко намъ нѣмое изступленье безумства и стыда" („Цвѣты роняютъ вешній ароматъ"). Въ романѣ „Тяжелые сны" Клавдія, настоящій Передоновъ въ юбкѣ, отнимаетъ у матери любовника, находя въ этомъ „путь легкаго и сладкаго мщенья за былыя, дѣтскія обиды". Любовника она ненавидитъ, но это не мѣшаетъ ей ходить къ нему ночевать и принимать его у себя, причемъ все это продѣлывается на глазахъ несчастной матери и у нея въ домѣ. Герой романа Логинъ испытываетъ по отношенію къ Клавдіи „чувственное влеченіе, окрашенное жестокостью".

Но Логинъ любитъ еще и барышню Нюту. Порой ему начинаетъ казаться, что „не любовью любитъ онъ Нюту, а нена-

*) Не потому ли свѣтъ для г. Сологуба зло, что онъ мѣшаетъ „мистеріямъ" съ раздѣваніями? Такъ вѣдь это мѣщанскій предразсудокъ: можно и при свѣтѣ!

вистью,—и думалъ онъ, что сладостно было бы причинить ей жестокія страданія и потомъ утѣшать. ее нѣжными ласками". Сначала помучить, а потомъ faire l'amour. О, Крафтъ-Эбингъ!

Эти благочестивые порывы сопровождаются у сологубовскихъ героевъ слѣдующими размышленіями въ истинно-русскомъ духѣ. „Онъ думалъ, что русскія женщины любятъ терпѣть потасовки отъ милыхъ". Правда, любовь къ избіеніямъ—чисто національная черта. Ровинскій въ своихъ „Народныхъ картинкахъ" давно уже отмѣтилъ оригинальную особенность нашего языка: рѣшительно отъ всякаго корня можно образовать слово, означающее бой, драку или избіеніе. „Отстаканить"—попробуйте-ка перевести это на французскій языкъ! И вѣдь какъ національна картинка, вызвавшая негодованіе николаевскаго министра народнаго просвѣщенія: „Два дурака дерутся, а третій смотритъ и смѣется"—непремѣнно, смѣется! Но не эту любовь къ „смертному бою" живописуетъ въ данномъ случаѣ г. Сологубъ. Здѣсь рѣчь идетъ о специфической половой извращенности, связанной съ именемъ извѣстнаго французскаго маркиза, родоначальника всѣхъ нашихъ большихъ и маленькихъ Сологубовъ. Побои и мучительство, какъ введеніе къ половому акту,—вотъ что имѣетъ въ виду нашъ пессимистъ, какъ мы убѣдимся въ этомъ ниже.

Половыя извращенія могутъ возникать на почвѣ полной некультурности и отсталаго варварства: примѣръ—„Содомъ и Гоморра" и вообще такъ называемыя „цивилизаціи" древняго Востока. Но они воскресаютъ и возрождаются въ болѣе утонченной формѣ, какъ продуктъ излишествъ современной городской жизни. На этой стадіи они получаютъ, такъ сказать, принципіальное обоснованіе, воспѣваются, какъ цвѣтокъ развитой культуры, какъ удѣлъ высокихъ душъ, они находятъ своихъ поэтовъ и апологетовъ. О такихъ извращеніяхъ fin de siècle и говорятъ намъ произведенія модернистской литературы, въ частности творенія г. Сологуба.

Въ разсказѣ „Они были дѣти" (Книга Разлукъ) купчиха Самсонова бесѣдуетъ съ няней про своего мужа; держа на колѣняхъ дочь-подростка, она говоритъ: „Я ли его, злодѣя моего, не любила, не лелѣяла! А онъ, наткось, завелъ себѣ мамоху, старый чортъ!.. Что ужъ въ ней, въ змѣѣ, нашелъ, только что молодая да жирная, что твоя корова. Такъ вѣдь и я не старуха, слава тебѣ, Господи". Эта особа и ея міросозерцаніе относятся, пожалуй, къ примитивной, Ерошкинской полосѣ человѣческой исторіи; въ общемъ она не многимъ отличается отъ современницы Ксеркса или фараоновъ. Къ той же полосѣ можно отнести и дѣйствующихъ лицъ „Мелкаго Бѣса" и даже значительное число поступковъ самого Передонова, хотя въ физіономіи послѣдняго замѣтны уже черты настоящаго fin de siècle'я.

Коснѣющая въ грязи масса провинціальныхъ обывателей—вотъ та унавоженная почва, на которой вырастаютъ цвѣтки садизма. О сильной половинѣ сологубовскаго обывательскаго мірка не приходится много распространяться. Достаточно взглянуть на двухъ законченныхъ типовъ сологубовскаго творчества, Передонова и Триродова.

Передоновъ собирается выгнать свою сожительницу Варвару и жениться на другой. Правда, онъ привыкъ къ Варварѣ. „Его тянуло къ ней, можетъ быть, вслѣдствіе пріятной для него при-

вычки издѣваться надъ нею. Другую такую вѣдь и на заказъ бы не найти". Но ему хочется молоденькой. „Жирненькую бы мнѣ",—говоритъ онъ своему пріятелю Рутилову, который предлагаетъ ему одну изъ своихъ трехъ сестеръ. „Любую возьми—не дастъ заснуть!"—замѣчаетъ этотъ достойный братецъ про своихъ сестрицъ:—„которую же тебѣ?" Дѣло происходитъ ночью. Передоновъ остается ждать на дворѣ, а счастливый Рутиловъ бѣжитъ въ домъ сообщить сестрамъ радостную вѣсть, что полусумашедшій развратникъ согласенъ взять одну изъ нихъ. Эта сцена сватовства положительно такъ и кажется выхваченной изъ писаній де-Сада. Передоновъ, стоя на дворѣ, „представлялъ барышень Рутиловыхъ въ самыхъ соблазнительныхъ позахъ" (авторъ спѣшитъ назвать „пріятныя мечты" Передонова о сестрицахъ „паскудными дѣтищами его скуднаго воображенія", но этимъ онъ никого не введетъ въ заблужденіе). Сестры принимаютъ предложеніе психопата, но онъ отвергаетъ ихъ одну за другой и уходитъ...

„И соблазняя, соблазню!" Этотъ лозунгъ, вслѣдъ за Сологубомъ, усваиваетъ и Передоновъ. Въ гимназію онъ часто являлся навеселѣ и велъ безстыдныя рѣчи, вселявшія отвращеніе даже въ самыхъ скверныхъ мальчишкахъ. Своихъ учениковъ онъ всячески тиранилъ и преслѣдовалъ, но относился съ симпатіей къ тѣмъ, въ комъ замѣчалъ черты сологубовщины. „Только бородатые гимназисты съ пробудившимся влеченіемъ къ женщинѣ вдругъ становились въ его глазахъ равными ему". Вообще же онъ, какъ мы видѣли, старался досадить несчастнымъ мальчишкамъ и подвести ихъ подъ розги.

Какъ извѣстно, ненормальные въ половомъ отношеніи субъекты возбуждаются видомъ страданій, крови, мученій. Такъ и у Сологуба порка связана съ многоточіемъ. Передоновъ пришелъ къ нотаріусу Гудаевскому съ просьбой, чтобы тотъ высѣкъ своего сына, который якобы шалитъ въ гимназіи. Нотаріусъ возмущенъ требованіемъ учителя, но жена его, страстная, жестокосентиментальная, длинная, тонкая, сухая, съ восторгомъ откликнулась на желаніе Передонова. Схвативъ сына за плечо, она потащила его въ кухню съ крикомъ: „пойдемъ, миленькій, я тебя высѣку". Нотаріусъ не давалъ сына; началась драка, въ которой принялъ участіе и Передоновъ. А когда нотаріусъ ушелъ въ клубъ, Юлія Петровна прислала Передонову записочку съ приглашеніемъ придти къ ней и помочь ей высѣчь мальчика. Передоновъ пошелъ... и оставался у нея до полуночи, такъ какъ скоро долженъ былъ вернуться мужъ...

Варвара обѣщала Передонову, что, если онъ женится на ней, то получитъ инспекторское мѣсто, благодаря какой-то старой княгинѣ, которая якобы покровительствуетъ ей. Постепенно Передоновъ внушаетъ себѣ, что княгиня въ него влюблена. Она отвратительна ему, какъ дряхлая, отжившая, но мало по малу онъ начинаетъ мечтать о ней, мечтать по сологубовски. „Отвращеніе сплеталось съ прельщеніемъ. Чуть тепленькая, трупцемъ пахнивавшая, представлялъ себѣ Передоновъ, и замиралъ отъ дикаго сладострастія". И вотъ онъ посылаетъ княгинѣ письмо, въ которомъ пишетъ: „Я люблю васъ, потому что вы холодная и далекая. Варвара потѣетъ, съ нею жарко спать, несетъ, какъ изъ печки. Я хочу имѣть любовницу холодную и далекую".

Вотъ онъ, заключительный аккордъ сологубовскаго садизма — некрофилія. И эту мечту онъ осуществилъ въ своемъ разсказѣ „Царица поцѣлуевъ“ (Перевалъ, 1907, № 5), чѣмъ лишній разъ подтвердилъ свое внутреннее родство съ Передоновымъ. Прекрасная молодая жена старца Бальтасара, наскучивъ любовью ревниваго мужа, убѣгаетъ нагая изъ дома и на улицѣ отдается всѣмъ желающимъ, сбѣжавшимся на громкіе призывы ея звонкаго голоса. Воины, вызванные для разсѣянія сборища, сами забываютъ свой долгъ при видѣ обнаженнаго тѣла и овладѣваютъ красавицей, лежащей на мостовой. Во время завязавшейся драки одинъ незадачливый солдатъ, отогнанный болѣе сильными товарищами отъ тѣла прелестницы, подползаетъ къ ней и вонзаетъ ей въ бокъ кинжалъ. Старцы относятъ трупъ царицы поцѣлуевъ въ домъ ея мужа. Но убившій ее солдатъ ночью пробирается въ домъ Балтасара; мертвая Мафальда разомкнула для него свои руки и до утра они тѣшились любовью, а мертвая красавица отвѣчала на горячія ласки любовника-убійцы поцѣлуями холодными и отрадными, какъ смерть. Утромъ ихъ нашли обоихъ мертвыми. И авторъ явно завидуетъ участи прекрасной соблазнительницы и послѣдняго ея любовника.

О колдунѣ Триродовѣ много говорить не приходится, такъ какъ авторъ до сихъ поръ мало его намъ показывалъ. Въ садическихъ сценахъ съ Алкиной (см. ниже), которую онъ ласкаетъ холодно и спокойно, онъ выступаетъ скорѣе въ роли любопытствующаго зрителя, чѣмъ активнаго инициатора. Что у него имѣется въ этой области богатое прошлое, можно судить по намекамъ автора. Крайне подозрительны также живущіе у него „тихіе мальчики“: когда Сологубъ начинаетъ выводить босоногихъ „отроковъ“ (вспомнимъ напр. армянина въ „Истл. Личинахъ“), то за версту пахнетъ уранизмомъ. Впрочемъ, въ виду стыдливыхъ умолчаній г. Сологуба мы утверждать ничего не беремся. Скажемъ только, что хорошо знающій Триродова „актеръ“, а въ дѣйствительности очень темная личность и едва-ли не шпіонъ, Островъ говоритъ ему: „Въ вашей колоніи первое дѣло—крамола, второе дѣло—развратъ, а третье дѣло—жестокость“. Крамола-то, пожалуй, припутана Островымъ и Сологубомъ совершенно напрасно, а вотъ насчетъ прочаго—истинная правда.

Если мы упомянемъ еще одного героя г. Сологуба, Реатова, то на этомъ можно покончить съ сологубовскими мужчинами. Раньше Реатовъ, 44-лѣтній мужчина, влюбленъ въ свою 20-лѣтнюю дочь Александру. Съ помощью разныхъ ухищреній онъ ссоритъ ее съ женихомъ и затѣмъ самъ объясняется ей въ любви. Сначала дѣвица упирается, но затѣмъ, побѣжденная страстной настойчивостью папаши, а также прельщенная его физической силой, уступаетъ. Драма „Любви“ (Перевалъ, 1907, № 8—9) кончается слѣдующимъ діалогомъ между папашей и дочерью-модерни:

Александра.—Скажи, я дочь твоя или нѣтъ?
Реатовъ.—Я люблю тебя.
Александра.—Я не дочь тебѣ? Да? Не дочь?
Реатовъ.—Дочь.
Александра.—Дочь!.. Что же, сожжемъ ветхія слова, которыя насъ раздѣляли. Я хочу...

Таковы въ области „полового самоутвержденія“ и „на все

дерзающей любви" мужчины г. Сологуба. Но еще лучше сологубовскія женщины. Нѣкоторыхъ изъ нихъ мы уже видѣли. Но вотъ перлы. Сестры Рутиловы напиваются, нарочито-визгливыми голосами поютъ пѣсни, а затѣмъ начинаютъ кружиться „въ неистовомъ радѣніи *), внезапно объятыя шальною пошавою, горланя за Дарьею глупыя слова новыхъ да новыхъ частушекъ, одна другой нелѣпѣе и бойчѣе. Сестры были молоды, красивы, голоса ихъ звучали звонко и дико,—вѣдьмы на Лысой горѣ позавидовали бы этому хороводу" („Мелкій Бѣсъ").

Неудивительно, что послѣ такого шабаша Людмила видитъ „знойные, африканскіе сны". Вотъ одинъ изъ этихъ садическихъ сновъ сологубовской дѣвы.

„Приснилась Людмилѣ великолѣпная палата съ низкими, грузными сводами, и толпились въ ней нагіе, сильные и прекрасные отроки **), а краше всѣхъ былъ Саша (гимназистъ, систематически развращаемый Людмилой). Она сидѣла высоко, и нагіе отроки передъ нею поочередно бичевали другъ друга. И когда положили на полъ Сашу головою къ Людмилѣ и бичевали его, а онъ звонко смѣялся и плакалъ, она хохотала, какъ иногда хохочутъ во снѣ, когда вдругъ усиленно забьется сердце, смѣются долго, неудержимо, смѣхомъ самозабвенія и смерти"...

Утромъ, послѣ всѣхъ этихъ сновъ, дѣвица чувствуетъ себя возбужденной и влюбленной. Ей нетерпѣливо хотѣлось увидѣть Сашу, но ей досадно было думать, что она увидитъ его одѣтымъ. „Какъ глупо, что мальчишки не ходятъ обнаженные"! Успокойтесь, милая барышня, отецъ вашъ Сологубъ утѣшитъ васъ. Прочтите его статью „Театръ одной воли" въ сборникѣ „Театръ" (изд. Шиповника), и у васъ захватитъ духъ передъ блестящими перспективами, которыя этотъ пессимистъ и схимникъ развертываетъ передъ вами.

„Скоро мы всѣ заразимся этою „иною жизнью" и, какъ хлысты, хлынемъ на сцену и закружимся въ неистовомъ радѣніи... Плоть прекрасная и освобожденная. Ритмъ освобожденія—ритмъ пляски. Паѳосъ освобожденія—радость прекраснаго, обнаженнаго тѣла. Пляшущій зритель и пляшущая зрительница придутъ въ театръ, и у порога оставятъ свои трубныя, свои мѣщанскія одежды. И въ легкой пляскѣ помчатся".

Утѣшивъ барышню Людмилу, взглянемъ на другіе женскіе персонажи г. Сологуба.

Группина въ обществѣ переводитъ разговоръ на эротическія темы, конечно, къ удовольствію присутствующихъ. Въ другой разъ она съ Варварой сообщаютъ публикѣ, что видѣли сны, о которыхъ „при мущинахъ нельзя разсказывать". Любопытство возбуждено; мужчины просятъ милыхъ дамъ разсказать свои сны, но „тѣ переглядывались, погано смѣялись и не разсказывали". Въ церкви, во время вѣнчанія, слова о томъ, что „жена должна бояться мужа", вызываютъ у этихъ дамъ особенную веселость. Достойная подруга Передонова, Варвара, предварительно напившись за ужиномъ вмѣстѣ съ своимъ сожителемъ, раздѣвается до нага и показываетъ Передонову свое слегка раскраженное (о, Греція!), стройное, красивое и гибкое тѣло. „Передоновъ угрюмо хохоталъ, глядя на свою голую подругу. Всю эту ночь ему снились дамы всѣхъ мастей, голыя и гнусныя".

*) Это „неистовое радѣніе" особенно облюбовано г. Сологубомъ. См. ниже.
**) „Нагіе отроки"—другой образъ, осаждающій воображеніе г. Сологуба. По временамъ на этомъ фонѣ осторожно намѣчиваются уранические мотивы.

Исторія развращенія хорошенькаго гимназиста Саши Пыльникова дѣвицей Людмилой занимаетъ чуть-ли не третью часть романа „Мелкій Бѣсъ". Собственно къ основной темѣ романа эта исторія не имѣетъ прямого отношенія, но она вкраплена туда, очевидно, для приданія книгѣ особаго букета пикантности. Про французскаго романиста Везинье, секретаря Эженя Сю, разсказывали, что нѣкоторые свои романы, отличавшіеся особенной распущенностью, онъ писалъ въ домахъ терпимости въ сотрудничествѣ съ публичными женщинами *). Насъ не интересуетъ, при какой обстановкѣ сочиняетъ свои произведенія г. Сологубъ, но многія и многія страницы этого писателя сдѣлали бы честь самому маркизу де-Саду. И въ первую голову это можно сказать про сцены между Людмилой и Сашей (см. стр. 177, 209, 212—220, 316—344 „Мелкаго Бѣса"). Поцѣлуи и щекотка смѣняются побоями. Сначала Людмила бьетъ Сашу по щекамъ и деретъ его за уши, потомъ Саша начинаетъ ее поколачивать, что, конечно, доставляетъ ей только удовольствіе. До серьезу дѣло у нихъ не доходило; Саша цѣловалъ ее въ руки до плечъ, въ ноги и пр.; она раздѣвала его до нага, одѣвала въ женское платье, цѣловала, щекотала и царапала. Но въ этихъ „невинныхъ возбужденіяхъ" и заключалась для Людмилы главная прелесть ихъ связи. „Они волновали и далеки были отъ грубыхъ, отвратительныхъ достиженій". Сестрамъ, смѣющимся надъ ея причудами, Людмила поясняетъ: „сколько въ немъ есть неистраченныхъ возможностей!",—на что Дарья резонно отвѣчаетъ: „это у всѣхъ мальчишекъ есть".

„Самый лучшій возрастъ для мальчиковъ,—говоритъ Людмила,—14—15 лѣтъ. Еще онъ ничего не можетъ и не понимаетъ по настоящему, а ужъ все предчувствуетъ, рѣшительно все".

У нея имѣется цѣлый ассортиментъ духовъ (на этотъ разъ не дýховъ, а духóвъ)—примѣнительно къ каждому случаю; смѣхъ ея „сплетенъ со сладостными и страстными веселіями". Когда она заставляетъ Сашу цѣловать ея голыя ноги (или, какъ выражается захлебывающійся г. Сологубъ, „нагія лобзать у нея стопы"), на лицо ея ложится „побѣдительная жестокость". Хороши наслажденія, но и страданія могутъ быть не безъ пріятности, если только они связаны съ половымъ возбужденіемъ. „Сладко, и когда больно,—говоритъ просвѣщенная дѣвица,—только бы тѣло чувствовать, только бы видѣть наготу и красоту тѣлесную". Когда она съ истерическими воплями «милый, кумиръ мой, отрокъ богоравный» цѣлуетъ голое тѣло мальчика, ея сестры Дарья и Валерія стоятъ за дверью и поочередно, толкаясь отъ нетерпѣнія, смотрятъ въ замочную скважину, замирая отъ страстнаго и жгучаго волненія.

И эта барышня, покраснѣвши какъ институтка и опустивши глазки, сообщаетъ Сашѣ, что она любитъ... Распятаго. Любитъ, конечно, по сологубовски. „Знаешь, приснится иногда,—Онъ на крестѣ, и на тѣлѣ кровавыя капельки". Психологія здѣсь та же, что у страдавшихъ половой истеріей средневѣковыхъ монахинь.

*) Въ эпохи революціоннаго подъема такіе господа не прочь примазаться къ „освободительному движенію". Везинье одно время какъ-то втерся въ секцію Интернационала, но былъ изгнанъ оттуда членами-рабочими, возмущенными специфическимъ характеромъ его романовъ. Avis à monsieur Sologoub et tutti quanti.

влюблявшихся въ Христа, или у Гюисманса, который при описаніи картины Матвѣя Грюневальда „Распятіе“ впадаетъ въ чисто садическія мелодіи,—а вѣдь не можетъ подлежать сомнѣнію, что мистикъ и эротоманъ Гюисмансъ былъ однимъ изъ учителей г. Сологуба.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ упражненій Саша начинаетъ сологубить. Въ душѣ его просыпаются „темныя, неясныя чувства,—порочныя, потому что раннія,—и сладкія, потому что порочныя“. Въ то время какъ Людмила торопливо цѣлуетъ его голыя руки отъ плечъ до пальцевъ, Саша сидитъ, погруженный въ „страстныя и жестокія мечты“. Когда Людмила укладываетъ его на «низкое ложе», а сама босая, въ одной рубашкѣ, начинаетъ цѣловать его голое тѣло, политое духами, въ немъ начинаетъ зарождаться и сладко томить его неясное желаніе. Нѣжные поцѣлуи въ колѣни и стопы возбуждали темныя, полусонныя мечтанія. „Хотѣлось что-то сдѣлать ей, милое или больное, нѣжное или стыдное,—но что? Цѣловать ея ноги? Или бить ее долго, сильно, длинными гибкими вѣтвями? Чтобы она смѣялась отъ радости или кричала отъ боли?“

И соблазняя, соблазню... Сологубъ доволенъ: Саша готовъ! Евангельское правило „аще кто соблазнитъ единаго отъ малыхъ сихъ“ не для него писано. Напротивъ, для него нѣтъ ничего пріятнѣе, чѣмъ соблазнять ихъ. Съ любовью отыскиваетъ онъ въ малыхъ сихъ черты извращенности, живописуетъ ихъ и восторгается. Мы уже видѣли, что въ большинствѣ его произведеній фигурируютъ дѣти и подростки. И посмотрите, что онъ съ ними дѣлаетъ!

Гимназистъ Павелъ Кошуринъ ухаживаетъ за дѣвицей Катей Ваулиной („Они были дѣти“) и „страстнымъ полушопотомъ“ декламируетъ ей слѣдующіе сологубовскіе стихи:

Отодвинулъ я завѣсы плотныя,—
Запечатана тайная дверь.
Беззаботныя, безотчетныя,—
Отчего не теперь?
Облелѣялъ бы лаской блуждающей
Я твою заповѣдную дверь...
Утомляющей, утоляющей,—
О, не бойся, повѣрь!

Кошуринъ кончилъ. Катя сидѣла съ закрытыми глазами и словно ждала еще чего-то. Наконецъ она открыла глаза. Въ нихъ было блудливое и желающее выраженіе.

— Все?—спросила она очень тихо.

— Все. Поняли?

— Можетъ быть Только...

— Что только?

— Положимъ, вѣрю, а дальше что?

— Дальше послѣ,—отвѣтилъ гимназистъ, радостно улыбаясь...

Другой гимназистъ, Женя, съ пессимизмомъ котораго мы познакомились выше, спрашиваетъ товарища про бесѣду съ Катей. Достойный товарищъ отвѣчаетъ:

— Да,—дурочка, такая боязливая, не можетъ понять, что можно и невинность соблюсти, и...

— Капиталъ пріобрѣсти?—поспѣшилъ досказать Женя.

— Ну, капиталъ не капиталъ, а насладиться во все свое удовольствіе.. Затѣмъ онъ читаетъ пріятелю свои (т.-е. Сологуба) стихи.

— Понялъ?—спросилъ онъ, окончивъ чтеніе.

Женя захохоталъ.
— Она-то поняла?—спросилъ онъ.
— На то похоже. Но, само собой, объ этомъ никому ни гу-гу...

На женщину Сологубъ смотритъ почти исключительно съ точки зрѣнія полового акта, но непремѣнно въ извращенномъ видѣ. Въ „Истлѣвающихъ Личинахъ" описывается разгромъ мятежнаго селенія солдатами римскаго императора, которые, какъ водится, изнасиловали женщинъ. Но что испытывали эти несчастныя? У Сологуба ничего, кромѣ удовольствія, хотя и устали немного. „Эти женщины и дѣвы уже вкусили сладостное, но утомительное насиліе поспѣшныхъ всадническихъ ласкъ у околицы разрушеннаго и сожженнаго селенія, возлѣ изуродованныхъ труповъ ихъ отцовъ и мужей, возлѣ измученныхъ тѣлъ ихъ матерей, окровавленныхъ ударами палокъ и бичей" („Чудо отрока Лина").

Женщины у г. Сологуба любятъ наготу, но любятъ они ее не какъ здоровые, жизнерадостные эллины, а какъ испорченныя больныя дѣти больного вѣка. Напрасно Людмила говоритъ намъ, что ей бы „въ Аѳинахъ родиться" — мы ни ей, ни Сологубу не вѣримъ. Здѣсь не Аѳинами пахнетъ, а клиникой, не миртомъ и лавромъ, а іодоформомъ, не свѣтлой зарей человѣческой исторіи, а тлѣніемъ разлагающагося буржуазнаго общества. Гречанка Фрина сбросила одежды передъ судьями, а вотъ Сологубовская Елена („Красота"), когда горничная случайно подсмотрѣла, какъ барышня голая совершаетъ эволюціи предъ зеркаломъ, до того огорчилась, что закололась кинжаломъ. Значитъ, нечего ни къ селу, ни къ городу прилетать Элладу, а слѣдуетъ помнить, что „далеко куцому до зайца". Quod licet Jovi, non licet Sologubovi!

Героиня „Навьихъ Чаръ", „товарищъ Елисавета" (помните: Елисавета, а не Елизавета!) также любитъ позировать передъ зеркаломъ въ соблазнительныхъ положеніяхъ. Послѣ любовнаго объясненія съ студентомъ-черносотенцемъ Петромъ (которому она отказала) и знакомства съ Трирородовымъ Елисавета чувствуетъ себя возбужденной. Передъ тѣмъ, какъ лечь въ постель, она раздѣлась, подошла къ зеркалу и зажгла свѣчу.

Залюбовалась собою въ холодномъ, мертвомъ, равнодушномъ стеклѣ.
Были жемчужны лунные отсвѣты на линіяхъ ея стройнаго тѣла.
Трепетны были бѣлыя, дѣвственныя груди, увѣнчанныя двумя рубинами.
Такое плотское, страстное тѣло, пламенѣющее, трепещущее, странно бѣлое въ успокоенныхъ свѣтахъ неживой луны!
Слегка изогнутыя линіи живота и ногъ были четки и тонки. Кожа, натянутая на колѣняхъ, намекала на таящуюся подъ нею упругую энергію.
И такъ упруги и энергичны были изгибы голеней и стопъ.
Пламенѣла всѣмъ тѣломъ, словно огонь пронизалъ всю сладкую, всю чувствующую плоть.
Хотѣла, хотѣла приникнуть, прильнуть, обнять.
Еслибы онъ пришелъ!..
О, еслибы онъ пришелъ ночью! Къ тайно пламенѣющему, великому Огню расцвѣтающей Плоти...
Мечты кипѣли. Такія нетерпѣливыя, жадныя мечты...
Еслибы онъ пришелъ, онъ былъ бы юный богъ...
Онъ не пришелъ. Не посмѣлъ, не догадался.

И разочарованная барышня, кипя досадой и страстью, идетъ спать.

Младшая сестра ея, Елена, подобно поэту Дмитрію Цензору, влюблена во всѣхъ (конечно, мущинъ, а не женщинъ), „не въ

кого нибудь, а вообще". Сладкая, нѣжная „влюбленность бродила въ ней вешнимъ дѣвическимъ хмелемъ". Въ Триродовской колоніи онѣ подходятъ къ озеру, въ которомъ купаются воспитывающіяся (!) у Триродова дѣти и ихъ учительницы.

„Сестеръ увидѣли, окружили ихъ буйною радостью нагихъ, влажныхъ и прекрасныхъ тѣлъ. И закружили въ неистовомъ хороводѣ. И такими чуждыми и ненужными вдругъ показались вдругъ сброшенныя на берегъ одежды и шляпы. Грубыя ткани, грубое плетеніе!"

О, мѣщанскія одежды, какъ вы огорчаете г. Сологуба! О, неистовые хороводы и неистовыя радѣнія, когда вы изъ „приличныхъ" заведеній выйдете на улицу, чтобы утѣшить нашего мрачнаго пессимиста!

„Товарищъ Елисавета" пока только подготовляется къ своей роли сологубовской бабы. Настоящія штуки она, вѣроятно, начнетъ выкидывать во 2-ой части „Творимой Легенды", которая еще не появилась въ печати. Но зато у насъ есть другой сологубовскій типъ, въ которомъ, какъ у Везинье, садизмъ по волѣ автора сочетается съ „освободительствомъ" *). Мы говоримъ объ учительницѣ гимназіи Алкиной, о которой г. Сологубъ сообщаетъ, что „она была с.-д. и работала въ организаціи". Тихая, холодная, спокойная, съ темно-рыжими волосами, блѣднымъ лицомъ и „грѣшной, жуткой" яркостью губъ, эта Мессалина познакомилась съ колдуномъ Триродовымъ изъ-за партійныхъ дѣлъ—по словамъ Сологуба, въ дѣйствительности же—изъ-за „сихъ дѣлъ". На этотъ разъ она также пришла якобы по партійнымъ дѣламъ, но, быстро покончивъ съ ними, посмотрѣла на него ожидающимъ взглядомъ и... спросила спокойно: „Георгій Сергѣевичъ, вы меня приласкаете?"

Триродовъ, улыбнувшись и помолчавъ немного, согласился. Пылкая дама проворно и ловко раздѣлась при помощи спокойнаго кавалера. „Нагая стала предъ Триродовымъ. Подняла руки,— и была вся длинная, гибкая, какъ змѣя. Сжала скрестивъ пальцы вытянутыхъ вверхъ рукъ и потянулась всѣмъ тѣломъ, такая стройная и гибкая, что казалось, вотъ-вотъ совьется бѣлымъ кольцомъ". Затѣмъ оба, спокойный кавалеръ и пылкая дама, внимательно разсматриваютъ линіи ея тѣла и ведутъ по этому поводу философскіе разговоры (м. пр., оказывается, что Триродовъ заранѣе уже приготовилъ нѣсколько пластинокъ для фотографированія нагой прелестницы!). Далѣе все идетъ какъ по писаному. Она „прильнула къ нему покорнымъ, отдающимся движеніемъ"; онъ „перенесъ ее къ мягкому, широкому ложу". А дама „покорная и тихая лежала въ его рукахъ и смотрѣла прямо въ его глаза простымъ и невиннымъ взглядомъ".

Словомъ, какъ у добрыхъ людей. Но Сологубу всего этого мало. Нельзя оставить этого дѣла такъ просто. И вотъ для пикантности сцены прибавляется два номера въ духѣ послѣдняго сологубовскаго жанра. Dernier cri de Paris!

Номеръ первый: Революція. Голая, пресыщенная баба лежитъ и нѣжится подъ взорами любовника—и вдругъ изрекаетъ: „На

---

*) У г. Сологуба даже на революціонной сходкѣ „въ тѣни за поляной, гдѣ не видятъ нескромные взоры", совершается „сладостная мистерія любви жаждущей и отдающейся". Послушайте, г. маркизъ, врите да знайте мѣру! Тоже и вы, г. издатель „Шиповника" или „Чертополоха".

массовкѣ будетъ говорить товарищъ Елисавета. Первый ея опытъ. Интересно". Триродовъ (неизвѣстно, успѣлъ ли онъ натянуть брюки) спрашиваетъ: „Она тоже въ партіи?" и т. д. Брр.! Какая гадость!

Номеръ второй: садизмъ и мазохизмъ.

Алкина говоритъ: „Я читала недавно кое-что о садизмѣ и мазохизмѣ. Это, должно быть, можетъ увлечь". Она думаетъ, что еслибы ея мужъ не былъ такимъ корректнымъ и вѣжливымъ, еслибы онъ ее билъ, таскалъ за косы, хлесталъ чѣмъ-нибудь, то она бы съ нимъ не разошлась. Ей хочется завыть, завизжать отъ боли. Но пока что, она совершаетъ съ Триродовымъ еще одно многоточіе, послѣ котораго возвращается къ прежней темѣ.

— Заставьте меня сдѣлать что-нибудь, чѣмъ-нибудь забавить васъ. Что хотите. Хотите, я спляшу передъ вами? Хотите, я вымою сейчасъ этотъ полъ? Или вымою ваши ноги и выпью эту воду, какъ раба, покорная господину?

...Улыбнулась и сказала:

— Точно дѣломъ занимаемся. *Скучно же такъ, безъ всякихъ фіоритуръ.*

— Чего же вы хотите?—спросилъ Триродовъ.

— То, что мы дѣлаемъ, въ сущности очень добродѣтельно,—говорила Алкина.—Меня бы порадовалъ хотя бы самый легкій налетъ извращенности.

Изгибаясь змѣиными движеніями, она забилась на широкомъ ложѣ.

Триродовъ сказалъ спокойно:

— Если вы хотите боли,—что же, кто не любитъ мгновенныхъ болей бичующихъ, тотъ не умѣетъ жить. Боль, какъ и голодъ, близятъ насъ къ смерти, и въ этомъ ихъ истина. Голодъ ужасенъ, но кто не проголодается, тому скученъ обѣдъ. Ужасна и боль, но безъ нея скучна безоблачность жизни... Боль нужна уже потому, что она экстатична...

Алкина опустилась на колѣни у ногъ Триродова, прижалась къ нему и сказала:

— Теперь у меня одна мечта, одна мечта—лежать предъ вами, связанной такъ, чтобы не пошевелиться, и чтобы падали ударъ за ударомъ на голое тѣло съ нестерпимой болью, и вопить во весь голосъ въ экстазѣ невыносимой муки...

Таково послѣднее слово неутѣшнаго пессимиста, таковъ крикъ отчаянія, вырвавшійся изъ души „безнадежно отравленной". Каковы переходы! Сначала смерть-утѣшительница, которая „одна не обманетъ", тоска безконечная и нынѣ, и вѣчно—и вдругъ похоронный маршъ смѣняется залихватской частушкой. Съ веселой гримасой и съ шапкой на бекрень нашъ унылый схимникъ пускается въ разубахистый плясъ съ разудалымъ разбойничьимъ присвистомъ:

Ой, жги-говори!
Разстегни свои застежки и завязки развяжи!

VIII. СТИЛЬ И МАНЕРА г. СОЛОГУБА.

„У моего безумія веселые глаза".

Ѳ. Сологубъ, „Театръ одной воли".

„Вотъ то-то и весело, что нѣтъ связи. Не связано, свободно. А гдѣ логическая связь, тамъ тоска, тоснща. Тоска таскать все отъ причины къ слѣдствію. А вотъ такъ-то лучше,—какъ хочу, такъ и верчу. Когда разсуждаю дѣльно, то чувствую тоснщу, словно тазъ чищу, никому не нужный тазъ".

Ѳ. Сологубъ, „Два готика"
(Истлѣвающія личины).

Образъ г. Сологуба остался бы незаконченнымъ, еслибы мы не сказали нѣсколько словъ о стилѣ и техническихъ пріемахъ этого автора. Быть можетъ, больше, чѣмъ у другихъ писателей, внѣшняя манера у Сологуба тѣсно связана съ внутреннимъ содержаніемъ его міровоззрѣнія и его произведеній.

Сологуба многіе считаютъ несравненнымъ мастеромъ слова; говорятъ о „сологубовскихъ" стихахъ, о сологубовскомъ стилѣ. Мы не станемъ отрицать, что у г. Сологуба попадаются очень сильныя страницы, что въ сборникахъ его поэтическихъ произведеній встрѣчаются прекрасныя по формѣ стихотворенія, многія изъ которыхъ такъ и просятся на музыку. Читатель самъ могъ убѣдиться въ этомъ изъ тѣхъ цитатъ, которыя мы приводили выше. Цѣлый рядъ стихотвореній Сологуба производитъ сильное впечатлѣніе даже на людей, принципіально несогласныхъ съ ихъ содержаніемъ и направленіемъ — мы говоримъ „направленіемъ", такъ какъ г. Сологубъ одинъ изъ самыхъ тенденціозныхъ писателей, какіе только намъ извѣстны. Все это такъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ плохую услугу оказываютъ г. Сологубу не по разуму усердные поклонники, когда они сравниваютъ его съ Гоголемъ по силѣ изображенія и глубинѣ сатиры.

Когда Щедрину однажды сказали, что онъ чуть ли не выше Гоголя, онъ отвѣтилъ: „что вы, Гоголя? Страшно и подумать", и взглянулъ на собесѣдника такъ грозно, что дальнѣйшій разговоръ на эту тему сдѣлался невозможнымъ. Г. Сологубъ далекъ отъ этой скромности автора „Господъ Головлевыхъ". Онъ, повидимому, въ серьезъ считаетъ себя ровней Гоголю. Въ копированіи гоголевскихъ пріемовъ онъ доходитъ до смѣшного, ибо чувства мѣры онъ совсѣмъ не знаетъ. Вы помните эпиграфъ Гоголя къ „Ревизору": „на зеркало неча пенять, коли рожа крива"? Сологубъ, считающій себя призваннымъ преемникомъ геніальнаго сатирика, въ предисловіи ко 2-му изданію „Мелкаго бѣса" говоритъ про свое произведеніе: „Этотъ романъ—зеркало, сдѣланное искусно. Я шлифовалъ его долго, работая надъ нимъ усердно. Ровна поверхность моего зеркала, и чистъ его составъ. Многократно измѣренное и тщательно провѣренное, оно не имѣетъ никакой кривизны".

C'est trop fort, г. Сологубъ: Гоголь признавалъ свою комедію зеркаломъ, вѣрно отражающимъ дѣйствительность, но до такого самодовольства и хвастовства онъ никогда не дохо-

дилъ. Напротивъ, этотъ мученикъ сатиры, писавшій кровью своего сердца и сокомъ своихъ нервовъ, вѣчно былъ недоволенъ своими произведеніями, которыя не имѣли болѣе строгаго критика, чѣмъ самъ авторъ. А вотъ г. Сологубъ, который есть не болѣе, какъ маленькій эпигонъ, съ яснымъ челомъ самъ выдаетъ себѣ аттестатъ на званіе мастера. Чувства такта у г. Сологуба не замѣтно и слѣда.

Можно было бы подумать, что эта самоувѣренность и это самодовольство у нашего пессимиста объясняются тѣмъ крайнимъ солипсизмомъ, на почвѣ которого онъ стоитъ. Въ предисловіи къ „Пламенному Кругу" (8-я книга стиховъ) онъ пишетъ: „Развѣ земная жизнь,—Моя жизнь—не чудо? Жизнь такая раздробленная, такая разъединенная и такая единая. Ибо все и во всемъ —Я, и только Я, и нѣтъ иного, и не было, и не будетъ. Вещи есть у меня, но ты—не вещь Моя; ты и Я—одно. Приди ко Мнѣ, люби Меня". Въ головѣ г. Сологуба эта ложная философская система превращается въ вульгарную манію величія. „Рожденный не въ первый разъ и уже не первый завершая кругъ внѣшнихъ преображеній, Я спокойно и просто открываю мою душу. Открываю,—хочу, чтобы интимное стало всемірнымъ",—говоритъ онъ въ томъ же предисловіи. А въ предисловіи къ трагедіи „Побѣда смерти" онъ изрекаетъ:

„Авторъ трагедіи замѣнилъ маску полумаскою, но все еще не открываетъ своего лица. Онъ хочетъ, чтобы его узнали по улыбкѣ, змѣящейся въ углахъ его губъ.

Если же не узнаютъ...

Всѣми словами, какія находитъ, онъ говоритъ объ одномъ и томъ же. Къ одному и тому же зоветъ онъ неутомимо.

Если же не слышатъ...

Развѣ стихи его не прекрасны? Развѣ проза его не благоуханна? Развѣ не обладаетъ онъ чарами послушнаго ему слова?

Улыбается и проходитъ, закутавшись въ темный плащъ.

И Она съ нимъ, Змѣиноокая".

И маска, и полумаска съ г. Сологуба уже сорваны. Лицо его открыто, а улыбка его вызываетъ отвѣтную улыбку, далеко не почтительную. О чемъ онъ говоритъ, извѣстно: къ чему онъ зоветъ, мы знаемъ. Но съ высокой оцѣнкой его талантовъ, какую онъ намъ преподноситъ, мы по совѣсти согласиться не можемъ.

Въ самомъ дѣлѣ. Неужели онъ думаетъ, что патента на высокое званіе второго Гоголя можно добиться ребяческимъ копированіемъ пріемовъ, которые были хороши въ свое время и на своемъ мѣстѣ, но, перенесенные въ другую обстановку, ничего не способны вызвать, кромѣ пожатія плечъ?

Уже въ „Тяжелыхъ снахъ" мы замѣчаемъ сильное и дѣтски-неумѣлое подражаніе Гоголю, но подражаніе чисто внѣшняго характера. Генералъ Дубицкій совѣтуетъ лечить дѣтей отъ припадковъ падучей розгами. „Какъ начнется припадокъ, сейчасъ же выдрать его розгами, да хорошенько.—Скажите, пожалуйста, какое простое средство!—Да. Ну, и что же вы думаете? Я такъ и сдѣлалъ, и можете себѣ представить, какъ рукой сняло!" Это мѣсто явно навѣяно разговорами чиновниковъ (въ частности—городничаго и Аммоса Ѳедоровича относительно пьяницы-засѣдателя) въ 1-мъ дѣйствіи „Ревизора". Членъ суда Андозерскій, какъ въ „Женитьбѣ" Гоголя, отбиваетъ хлѣбъ у профессіональ-

ной свахи, предлагая Логину „даромъ сосватать“ невѣсту. „Я, братъ, почище всякой свахи дѣло обтяпаю“ и т. д. У Гоголя въ „Запискахъ сумашедшаго“ луна дѣлается въ Гамбургѣ, а у Сологуба Логинъ, мороча наивную учительницу Ивакину, сообщаетъ ей: „Прилетятъ воздушные шары секретной конструкціи и привезутъ конституцію изъ Гамбурга.—Изъ Гамбурга!—въ благоговѣйномъ ужасѣ (!) шептала Ивакина“.

Кто не знаетъ знаменитаго мѣста изъ „Ревизора“, гдѣ Хлестаковъ увѣряетъ, что одинъ Юрій Милославскій—Загоскина, а „другой, такъ тотъ ужъ мой“? И къ этому мѣсту г. Сологубъ сочинилъ безвкусную параллель. Передоновъ, желая зарекомендовать себя передъ прокуроромъ человѣкомъ благонадежнымъ, сообщаетъ ему, что онъ и не читалъ Колокола Мицкевича. А когда Авиновицкій безцеременно замѣчаетъ ему: „Ну, это вы изъ другой оперы хватили: Колоколъ Герценъ издавалъ, а не Мицкевичъ“, Передоновъ отвѣчаетъ: „То другой Колоколъ. Мицкевичъ тоже издавалъ Колоколъ“. Визиты Передонова къ чиновникамъ напоминаютъ визиты Чичикова; сватовство Володина въ „Мелкомъ Бѣсѣ“ скопировано съ „Женитьбы“, но у Гоголя это имѣло смыслъ, такъ какъ невѣста была безграмотная купчиха, у Сологуба же получилась пошлость, нелѣпое шутовство, такъ какъ дѣло шло объ интеллигентной дѣвушкѣ. И такихъ примѣровъ можно привести множество. Вопросъ Передонова „зачѣмъ ножи?“ составленъ въ pendant къ вопросу жестяныхъ дѣлъ мастера Шиллера „зачѣмъ носъ?“ въ „Невскомъ проспектѣ“. Столь же неудачнымъ и вымученнымъ подражаніемъ Гоголю является разговоръ Передонова съ городовымъ, у котораго статскій совѣтникъ спрашиваетъ, можно ли на улицѣ курить. „Насчетъ этого никакого приказанія не было,—уклончиво отвѣчалъ городовой.—Не было?—переспросилъ Передоновъ съ печалью въ голосѣ.—Никакъ нѣтъ, не было. Такъ что господа, которые курятъ, это не велѣно останавливать, а чтобы разрѣшеніе вышло, объ этомъ не могу знать“.

Да, небогатая у г. Сологуба „выдумка“—и это, несмотря на всю фантастичность его произведеній. Вотъ типичный образчикъ сологубовской выдумки: Передоновъ налгалъ своему другу Володину про старую княгиню. На другой день послѣ этого разговора Передонову пришлось въ одномъ классѣ читать крыловскую басню Лжецъ. „И нѣсколько дней подрядъ съ тѣхъ поръ онъ боялся ходить черезъ мостъ, бралъ лодку и переѣзжалъ,—а мостъ, пожалуй, еще провалится“.

Насчетъ логики у г. Сологуба дѣло также швахъ. „Дѣльныя разсужденія“ наводятъ на него „тоскищу“ и, сознавая свой слабый пунктъ, онъ оговаривается: онъ самъ признается намъ, что аргументировать онъ не умѣетъ и „философствуетъ, какъ поэтъ“, т. е. изъ рукъ вонъ скверно („Театръ одной воли“). Конечно, повинную голову и мечъ не сѣчетъ, но всѣ эти признанія—со стороны г. Сологуба простое кокетничанье: въ дѣйствительности онъ считаетъ себя весьма умнымъ, глубокимъ и даже мудрымъ человѣкомъ. Но это совершенно напрасно. Съ огорченіемъ приходится констатировать, что подчасъ онъ бываетъ весьма неуменъ. Вотъ пара примѣровъ сологубовской логики.

Рутиловъ уговариваетъ Передонова жениться на одной изъ своихъ сестеръ. „Вѣдь дважды два четыре, такъ или нѣтъ?—

убѣдительно говорилъ Рутиловъ. — Такъ, — отвѣчалъ Передоновъ.—Ну вотъ, дважды два четыре, что тебѣ слѣдуетъ жениться на моей сестрѣ. — Передоновъ былъ пораженъ. „А вѣдь и правда,—подумалъ онъ, — конечно, дважды два четыре". И онъ съ уваженіемъ посмотрѣлъ на разсудительнаго Рутилова. „Придется вѣнчаться, съ нимъ не сговоришь!"

Вы скажете: это логика сумасшедшаго. Вѣдь Передоновъ ненормальный человѣкъ, и нельзя дѣлать автора отвѣтственнымъ за слова и поступки его персонажей. Но что, если авторъ разсуждаетъ и поступаетъ точно такъ же? Вѣдь тогда дѣло мѣняется, не правда ли? Такъ вотъ вамъ совершенно аналогичное разсужденіе самого г. Сологуба (см. „Театръ одной воли").

Онъ долго и пространно доказываетъ, что наилучшій театръ будетъ тотъ, въ которомъ актеръ обратится въ говорящую маріонетку. Актерамъ такая перспектива не можетъ, конечно, особенно нравиться, и г. Сологубъ понимаетъ это. Но почему же однако, говоритъ онъ, и не быть актеру какъ маріонетка? „Для человѣка это не обидно. Таковъ незыблемый законъ всемірной игры, чтобы человѣкъ былъ какъ дивно устроенная маріонетка. И нельзя ему уйти отъ этого и даже нельзя ему забыть это". Въ чемъ же дѣло? А въ томъ, что въ одинъ прекрасный день всякій человѣкъ долженъ умереть и „обратиться въ неподвижную и бездыханную куклу *), уже не способную болѣе никакой исполнять роли". Итакъ, потому, что всякій человѣкъ нѣкогда умретъ, будетъ зарытъ и забытъ, актеръ долженъ превратиться въ движущуюся и говорящую маріонетку. „Актеръ, и самый геніальный, не больше человѣка,—побѣдоносно заключаетъ г. Сологубъ.—Его роль, даже и самая выигрышная, меньше жизни и легче ея. И конечно, лучше ему быть говорящей маріонеткой и двигаться, повинуясь внятному и безстрастному голосу чтеца (по Сологубу пьесы должны не играться, а читаться), чѣмъ отчаянно путать свою роль подъ хриплый шопотъ спрятаннаго въ будкѣ суфлера".

Чѣмъ это лучше передоновскаго „дважды два четыре"? До сихъ поръ было извѣстно, что дѣйствующія лица литературныхъ произведеній не бываютъ умнѣе своихъ авторовъ, г. Сологубу выпала на долю честь доказать справедливость обратнаго положенія.

Въ разсказѣ „Елкичъ" (Истл. Личины) студентъ разговариваетъ съ маленькимъ братишкой, который жалуется ему, что злые люди срубили елку и что живущій въ ней елкичъ тоскуетъ.

— Елка—дерево,—говоритъ хмуро студентъ.—Ее можно срубить. А вотъ относительно насъ съ тобой, тутъ дѣйствительно дѣло обстоитъ неладно. Человѣкъ есть автономная личность, неправда ли?

Сима утвердительно кивнулъ головой. Кира продолжалъ:

— Ну, и вотъ, приходятъ агенты власти и берутъ тебя и ведутъ, куда ты не хочешь, и заставляютъ дѣлать то, что несвойственно твоей натурѣ. Ты говоришь: я для себя выросъ. Тебѣ отвѣчаютъ: Нѣтъ, братъ, шалишь, ты выросъ церкви и отечеству всему на пользу, а разъ на пользу, такъ мы тебя и используемъ. Такъ-то, братъ, въ общемъ хозяйствѣ все на пользу идетъ, ничто даромъ не пропадаетъ.

— Это очень нехорошо,—убѣжденно сказалъ Сима.

---

*) Сравненіе человѣка съ куклой—пріемъ, также облюбованный нашимъ авторомъ. См. напр. „Мелкій Бѣсъ", стр. 261, 355.

— Хорошаго дѣйствительно мало,—согласился студентъ,—но ужъ таковъ соціальный строй" и т. д.

Вотъ какъ оппозиціонно настроенъ г. Сологубъ, и вотъ какъ онъ уменъ!

Но онъ можетъ быть еще умнѣе. Вотъ напр. другой разговоръ—сельскаго учителя, ищущаго занятій, съ дворникомъ дома, куда онъ приходитъ искать работы по объявленію.

— Кто же живетъ въ номерѣ 57?
— Госпожа Энгельгардова,—сказалъ дворникъ.
— Энгельгардтъ?—переспросилъ Мошкинъ.
Дворникъ повторилъ:—Энгельгардова.
Мошкинъ усмѣхнулся:—Руссификація?
— Елена Петровна,—отвѣчалъ дворникъ.
— Чортова перечница?—и т. д.

А сколько ума и глубины въ его сказкахъ („Книга Сказокъ", изд. Грифъ, 1905 и „Политическія сказочки", изд. Шиповникъ, 1906)! Это нѣчто выдающееся даже среди писаній г. Сологуба *). Особенно глупы, безталанны и безсмысленны „Ворона", „Обидчики", „Заплатки", „Веселая дѣвчонка". Охотниковъ до нелѣпыхъ благоглупостей отсылаемъ къ подлиннику. Мы же приведемъ только одинъ образчикъ сологубовской мудрости. Затрудняемся, какую бы сказку выбрать. Ну, возьмемъ хотя бы „Веселую дѣвчонку". Вотъ она:

„Жила такая веселая дѣвчонка,—ей что хочешь сдѣлай, а она смѣется.
Вотъ отняли у нея куклу подруги, а она бѣжитъ за ними, заливается—смѣется и кричитъ:
— Наплевать на нее! Не надо мнѣ ея.
Вотъ мальчишки ее прибили, а она хохочетъ:
— Наплевать!—кричитъ,—гдѣ наше не пропадало!
Говоритъ ей мать:
— Чего, дура, смѣешься,—вотъ возьму вѣникъ.
Дѣвчонка хохочетъ:
— Бери,—говоритъ,—вѣникъ,—вотъ то не заплачу,—наплевать на все!
Веселая такая дѣвчонка!"

Тутъ и сказкѣ конецъ...

Остроумія и веселости Богъ или, вѣрнѣе, дьяволъ не отпустилъ г. Сологубу. Его шутки и остроты—это юморъ висѣльника, если не просто глупость. И тѣмъ не менѣе имъ владѣетъ духъ острословія и суесловія. Въ этомъ отношеніи онъ удивительно напоминаетъ одного изъ своихъ персонажей, купца Тишкова изъ „Мелкаго Бѣса", который „говорилъ подъ рифму всякій вздоръ очень весело и быстро и, очевидно, былъ весьма доволенъ собою". Этотъ типъ-гротескъ, какъ замѣчаетъ Сологубъ, дѣйствовалъ съ неуклонностью „хитро придуманной машинки-докучалки". Глядя на него, можно было подумать, что „это не живой человѣкъ, что онъ уже умеръ или не жилъ никогда и ничего не видитъ въ живомъ мірѣ и не слышитъ ничего, кромѣ звенящихъ мертво словъ". Стоитъ кому нибудь сказать: „мнѣ пора", какъ Тишковъ подхватываетъ: „ему пора, ждетъ сестра". На слова: „у меня дѣла" — слѣдуетъ немедленный отвѣтъ: „у

*) Впрочемъ, и въ сказкахъ г. Сологубъ старается проводить свои любимыя идеи. Такъ, въ сказкѣ „Двѣ свѣчки, одна свѣчка, три свѣчки" проводится мысль о бренности и безразличіи всего земного, съ припѣвомъ „все равно"; въ „Палочкѣ" дается совѣтъ стрѣляться; въ „Плѣненой смерти" доказывается, что жизнь хуже смерти; въ „Будущихъ" говорится объ отрадности небытія и о безцѣльности всѣхъ человѣческихъ стремленій, такъ какъ всѣхъ насъ все равно ждетъ естественная или насильственная смерть, и т. д.

кого дѣла, тому отъ насъ хвала". „Отъ мамзели клопы въ постели", „грѣхъ вѣнцомъ прикроютъ, подерутся и завоютъ"—такія и имъ подобныя изреченія такъ и сыплются изъ устъ этой немудреной „машинки-докучалки". Но увы! съ этой стороны г. Сологубъ не далеко ушелъ отъ купца Тишкова.

Выписанная въ началѣ этой главы вторая цитата сама по себѣ уже даетъ представленіе объ этой манерѣ нашего писателя. Точишку, тазъ чищу — какъ остроумно! „Она Селеніточка", мечтаетъ Готикъ о своемъ видѣніи; „а на селѣ ніточка",—отвѣчаетъ кто-то голосомъ его братишки. „Ванька надѣлъ сорочку, а Иванъ?"—спрашиваетъ Лютикъ. „Сороку",—съ размаху отвѣчаетъ Готикъ. Лютикъ спрашиваетъ брата, есть ли у него „ножъ да вилка"?—Есть,—отвѣчаетъ Готикъ. А Лютикъ побѣдоносно подхватываетъ: „ножъ не давилка, а рѣзалка". Скучно становится отъ сологубовскаго остроумія, внушеннаго купцомъ Тишковымъ. Такъ и хочется сказать ему словами Варвары, обращенными къ Передонову: „Петрушку валяешь!".

Ретивые поклонники восторгаются еще другими особенностями сологубовскаго стиля: оригинальной перестановкой словъ въ предложеніяхъ, употребленіемъ провинціализмовъ и своеобразной риѳмовкой стиховъ. О первой особенности нашего автора читатель могъ уже составить себѣ понятіе по цитатамъ, которыя мы приводили изъ его сочиненій. Онъ любитъ, напр., отдѣлять опредѣленіе отъ опредѣляемаго нѣсколькими промежуточными словами: такъ дѣлалось въ старину. Но при этомъ иногда получается недоразумѣніе. Напримѣръ: „печально ясный длился день". Что? печально ясный или печально длился? О вкусахъ, конечно, не спорятъ. Но по нашему эта манера сплошь и рядомъ вырождается въ чудачество и оригинальничанье.

Это, впрочемъ, совершенно естественно. Эти чудачества связаны у г. Сологуба съ содержаніемъ его произведеній. Когда человѣкъ пишетъ о такихъ вещахъ, какъ нежити, елкичи, домашніе, ночные, Смерть, Рокъ и пр., ему поневолѣ приходится употреблять особые обороты, задача которыхъ —наводить страхъ, навѣвать чувство необыкновеннаго, торжественнаго. Высокимъ матеріямъ приличествуетъ и „высокій штиль". „Подлый штиль" тутъ былъ бы не у мѣста. Этимъ объясняется и его пріемъ, сводящійся къ повторенію одного и того же слова для усиленія эффекта: „старая старасть", „соблазняя соблазню" и т. п., ибо г. Сологубъ, подобно Прудону, знаетъ, что повтореніе есть сильнѣйшая риторическая фигура. Это же относится и къ употребленію мѣстныхъ выраженій и реченій, въ такомъ изобиліи разсыпанныхъ въ стихахъ и прозѣ г. Сологуба: они должны создать соотвѣтственное настроеніе, подходящую обстановочку *). Правда, читать Сологуба приходится со словаремъ Даля, да и то не всегда найдешь тамъ объясненіе, но это не суть важно. Понятно всякій напишетъ, но не всякому дано употребить на одной страницѣ (напр., „Жало смерти", стр. 53) сразу четыре

*) Для любителей приводимъ нѣкоторые провинціализмы г. Сологуба: мережить, отбойный, истошный, зенокъ, единецъ, ерегица, дера, поцава, копа, хлапъ, хабалка, жома, зой и т. д. Что, много поняли, читатель?

провинціализма: притинъ, жалея, пренька, вѣтрочуй. Не всякому дано написать такое стихотвореніе, какъ „Вѣдьмѣ", которое состоитъ между прочимъ изъ слѣдующихъ стиховъ:

Ты пойди некошною дорогою,
Ты нарви мнѣ ерсиного зелія.
Ты приди ко мнѣ съ шальной пошавою.
Страшенъ навій слѣдъ, но въ немъ забвеніе.
Горекъ омегъ твой, но въ немъ веселіе...

Съ вѣдьмами, конечно, можно говорить такимъ языкомъ. Онѣ поймутъ, на то онѣ и вѣдьмы. Но простые смертные, читая эти сологубовскія вирши, невольно вспомнятъ про философа Хому Брута, давно уже высказавшаго то мнѣніе, что „кожаные канчуки при большомъ количествѣ—вещь нестерпимая". Сологубовскіе провинціализмы въ концѣ концовъ тоже становятся вещью нестерпимой *).

Наконецъ,—сологубовское риомачество или „цезура риомы", которая приводитъ въ такой телячій восторгъ юнаго виршеплета, г. С. Городецкаго (см. его отзывъ о „Пламенномъ кругѣ" въ 7-ой книжкѣ опонедѣльниченнаго „Образованія" за 1908 годъ). Здѣсь риома къ первой строкѣ дается сочетаніемъ конца третьей съ началомъ четвертой или риома къ третьей строкѣ—сочетаніемъ первой со второй. Напримѣръ:

На священномъ Лингамѣ ярка позо*лота*,
Самъ онъ черенъ, громаденъ и прямъ...
Я закрою Лингамъ закраснѣвшимся *лотосомъ*...

Или:

Одинъ взойду на *помостъ*
*Ро*систымъ утромъ я,
Пока спокоенъ *дома*
*Стро*гій судія.

И опять-таки: на вкусъ и цвѣтъ товарища нѣтъ. Но мы, грѣшные скептики, не можемъ забыть, что ничто не ново подъ луною, хотя юные виршеплеты могутъ этого и не подозрѣвать. Вѣдь эти „побѣды и пріобрѣтенія въ техникѣ, радующія глазъ" (почему не слухъ?) г-на Городецкаго, были извѣстны еще блаженной памяти піитѣ Тредьяковскому. Кто не знаетъ стиховъ:

Екатерина Великая, о!
Поѣхала въ Царское Село.

Или въ другомъ распространенномъ среди приготовишекъ варіантѣ:

Екатерина Великая, о!
Поѣхала въ Мо-
Скву—Царьградъ
Кушать виноградъ!

Но сильно ошибся бы тотъ, кто на основаніи вышеприведенныхъ образцовъ сологубовской манеры рѣшилъ бы, что нашъ авторъ простоватъ или что онъ—только маньякъ и больше ни-

*) Во избѣжаніе недоразумѣній оговоримся. Мы понимаемъ употребленіе мѣстныхъ реченій въ такъ наз. „областной литературѣ", которой они придаютъ couleur locale, мѣстный колоритъ. Но въ общей литературѣ и особенно въ лирическихъ стихотвореніяхъ злоупотребленіе провинціализмами недопустимо. Правда, это нужно г. Сологубу для приданія своимъ писаніямъ своего рода мѣстнаго, специфическаго, магически-бѣсовскаго колорита.

чего. Нѣтъ ничего ложнѣе такого мнѣнія. Сологубъ чертовски лукавъ и дьявольски хитеръ. Иногда кажется, что онъ просто на просто издѣвается надъ почтеннѣйшей публикой и, подобно Лорану Тайяду, забавляется тѣмъ, что дурачитъ юнцовъ-декадентовъ. При чтеніи его разсказовъ чувствуется, что трагическій конецъ его героевъ вымученъ, нелѣпъ, не связанъ съ ходомъ дѣйствія, но внимательно всматриваясь въ построеніе автора, замѣчаешь, что онъ оставилъ себѣ лазейку и незамѣтно вкрашилъ въ разсказъ нѣсколько словъ, *естественно* объясняющихъ трагическую развязку. Выходитъ — „уманьскій дурень", про котораго говорится: „съ чужого возу бере, та на свой кладе", — т. е. ужъ не дурень, а весьма хитрый и ловкій парень.

О „Мелкомъ Бѣсѣ" я уже не говорю. Тамъ г. Сологубъ оставилъ себѣ не лазейку, а цѣлыя насквозь распахнутыя ворота. Передоновъ — сумашедшій, и этимъ объясняется все: и чертобѣсіе, и садизмъ, и прочее. Но вотъ вамъ пара другихъ примѣровъ сологубовскаго лукавства. У Ванды, погибающей отъ внушенія, что она проглотила червяка, въ надлежащій моментъ оказывается чахотка: смерть дѣвочки становится естественной. У Елены, которая закалывается изъ-за того, что горничная подсмотрѣла ея экзерциціи въ нагомъ видѣ передъ зеркаломъ, незадолго до того умерла мать: опять-таки трагическій исходъ дѣлается понятенъ, несмотря на то, что авторъ обронилъ слова о смерти матери какъ бы невзначай и мимоходомъ. У Мити, который выбросился изъ окна подъ вліяніемъ явившагося ему видѣнія, все время подозрительно болѣла голова, былъ рядъ непріятностей въ школѣ и дома (вродѣ порки и пр.); у Сережи („Къ звѣздамъ") *былъ порокъ сердца* и т. п. Но все это г. Сологубъ быстро обходитъ, не давая читателю сосредоточиться и отвлекая его вниманіе къ разной чертовщинѣ. А между тѣмъ гибель его дѣйствующихъ лицъ имѣетъ какъ бы естественное основаніе, независимое отъ какихъ либо „чаръ" и „кудесъ". Съ одной стороны, виноваты какъ будто „домашніе нежити", а съ другой „просто нервы не въ порядкѣ". И наконецъ, „смѣло можно утверждать, что онѣ (нежити) не сдѣлаютъ съ вами ничего такого, возможности чего не заложены въ васъ самихъ" („Истл. Личины", стр. 101).

Вотъ оно, сологубовское лукавство! Хочешь, вѣрь, что міръ населенъ сонмищемъ страшныхъ и враждебныхъ демоновъ, противъ которыхъ человѣкъ безсиленъ; а не хочешь, объясняй все простымъ разстройствомъ нервовъ, ибо духи ничего не могутъ сдѣлать съ тобой такого, возможность чего не заложена въ твоей же нервной организаціи. То и другое возможно. Все равно, все вздоръ!

Такъ что же, — воскликнетъ читатель, — значитъ, г. Сологубъ дѣйствительно все время „валяетъ Петрушку"? Значитъ, онъ все время притворяется и дурачитъ наивныхъ зѣвакъ, готовыхъ жадно поглощать всякую несусвѣтную чепуху, лишь бы она преподносилась имъ въ достаточно экстраординарной и модернизованной формѣ? Спору нѣтъ, если свойства попа опредѣляютъ собой качества прихода, то въ извѣстной мѣрѣ справедливо и обратное: потребитель вліяетъ и на производителя; публика, раскупающая, читающая и восхваляющая произведенія г. Сологуба, возносящая его на пьедесталъ, объявляющая его

чуть-ли не преемникомъ Гоголя,—эта публика своимъ одобреніемъ побуждаетъ нашего писателя продолжать въ томъ же направленіи и договариваться до чортиковъ—въ прямомъ и переносномъ смыслѣ. Элементъ модничанья, оригинальничанья, щеголянья чертовщиной и садизмомъ, словомъ, элементъ нарочитости и притворства явно бьетъ въ носъ при чтеніи сологубовскихъ произведеній наряду съ элементомъ самаго подлиннаго и безпримѣснаго маньячества. Но самое это притворство, вѣрнѣе, его направленіе уже крайне характерно и подозрительно. Психіатры утверждаютъ, что человѣкъ, притворяющійся сумасшедшимъ, этимъ самимъ обнаруживаетъ подлинную душевную болѣзнь. Симуляція—одно изъ проявленій ненормальности.

Сводить все творчество г. Сологуба къ ломанію и ходульности было бы непростительной наивностью и слишкомъ уже упрощеннымъ рѣшеніемъ вопроса. Тѣмъ болѣе, что въ его произведеніяхъ часто слышится нота глубокой искренности. Притворяться такъ въ теченіе десятковъ лѣтъ, въ стихахъ и прозѣ—невозможно. И если бы даже г. Сологубъ все время носилъ маску и только маску, то въ продолженіе его многолѣтней литературной дѣятельности привычка все равно сдѣлалась бы у него второй натурой. Соблазняя, соблазнилъ бы онъ и самого себя смертнымъ соблазномъ, отравилъ бы свою душу злыми видѣньями раненой жизни. Такая симуляція à la longue не можетъ остаться безнаказанной.

Какъ говорится въ одномъ его стихотвореніи,

Онъ тайною завѣсилъ
Страстей своихъ игру:
Порой у гроба веселъ
И мраченъ на пиру.

Это свойство реагировать на внѣшнія впечатлѣнія ненормальнымъ, необычнымъ образомъ, даже если въ началѣ оно имѣетъ характеръ напускного кокетничанья, въ концѣ концовъ становится неотдѣлимой чертой душевнаго склада. Функція создаетъ органъ. Неестественная гримаса становится составной, неустранимой частью физіономіи. И повторяется исторія съ Иванушкой-дурачкомъ: нашъ декадентъ плачетъ на свадьбахъ и пляшетъ на похоронахъ.

Сологубъ жертва безвременья и жертва своего собственнаго творчества.

На сѣрой кучѣ сора,
На скудной почвѣ золъ
Безрадостный мой геній
Томительно расцвѣлъ.

„По дѣламъ ихъ узнаете ихъ". По героямъ можно судить объ авторахъ,—особенно по любимымъ героямъ. Мы уже видѣли, что для г. Сологуба такимъ героемъ является Передоновъ. Сологубъ, конечно, отрицаетъ это. Въ предисловіи ко второму изданію „Мелкаго бѣса" онъ утверждаетъ, что писалъ свой романъ о Передоновѣ, Недотыкомкѣ и пр. не съ себя, а съ своихъ „милыхъ современниковъ" и что для этой работы онъ имѣлъ достаточно „натуры" вокругъ себя. Если-бы это даже было вѣрно, то мы могли бы выразить свое удивленіе по поводу специфическаго выбора темы и специфической обработки матеріала, ибо тотъ выборъ и эта обработка сами по себѣ до-

статочно характерны. Но въ томъ-то и дѣло, что на этотъ разъ г. Сологубъ соскромничалъ напрасно. Передоновъ списанъ съ самого автора и подобныхъ ему. Мы уже видѣли, что Недотыкомка одинаково преслѣдуетъ и Передонова, и Сологуба; что у героя и автора имѣется цѣлый рядъ общихъ чертъ, вродѣ мучительства, маньячества, садизма и пр. Наконецъ, самъ г. Сологубъ позаботился о томъ, чтобы документально засвидѣтельствовать свою солидарность съ Передоновымъ, и этотъ инцидентъ весьма характеренъ для творчества г. Сологуба.

Въ гимназію поступаетъ красивый мальчикъ Саша Пыльниковъ, чистый и наивный. Сумасшедшій Передоновъ рѣшаетъ, что это переодѣтая дѣвчонка, и наконецъ укрѣпляется на той мысли, что это во всякомъ случаѣ испорченный и развращенный мальчикъ. И что же? Г. Сологубъ устраиваетъ такъ, что idée fixe полоумнаго маньяка въ концѣ концовъ оказывается правдой: при помощи Людмилы Рутиловой авторъ развращаетъ Сашу и наряжаетъ его въ женскія одежды. Мало того, г. Сологубъ рѣшается подвести итогъ всѣмъ злоключеніямъ и пакостямъ своего героя въ слѣдующихъ словахъ: „Да, вѣдь и Передоновъ стремился къ истинѣ по общему закону всякой сознательной жизни". Онъ только „не могъ найти для себя истины, и запутался, и погибалъ". Съ этой точки зрѣнія мы охотно готовы признать, что и г. Сологубъ „стремится къ истинѣ"!

Другое любимое дѣтище г. Сологуба—колдунъ Триродовъ. Авторъ надѣляетъ его самыми положительными и похвальными качествами: онъ уменъ, деликатенъ, смѣлъ, великодушенъ; передъ нимъ всѣ остальныя дѣйствующія лица романа—мальчишки и щенки. Но не только отношеніемъ къ черной магіи и садизму ограничивается сходство героя съ авторомъ: подобно г. Сологубу Триродовъ занимается литературной дѣятельностью и пишетъ декадентскіе разсказы и стихи. Его литературныя произведенія, по словамъ студента Петра *), книжны, вымучены и сухи; это „бездарное дьявольское навожденіе". По словамъ самого г. Сологуба, произведенія Триродова „носили на себѣ печать чего-то несомнѣнно страннаго и болѣзненнаго; надо было имѣть особый строй души, чтобы любить эту простую съ виду, но столь пряную поэзію". Ясно, что въ этомъ героѣ авторъ изобразилъ многія свои черты.

Рабочій с.-д. Щемиловъ даетъ слѣдующій отзывъ о произведеніяхъ Триродова: „Его стихи революціоннаго содержанія—ничего себѣ. Впрочемъ, такіе стихи нынче всѣ пишутъ **). Ну, а прочія его сочиненія не про насъ писаны. Барскія сладости, не для нашей радости".

Мы не можемъ не признать, что Щемиловъ правъ. И не потому только декадентская литература, полная „дьявольскаго навожденія", является „барской сладостью", что она не для народа писана, а еще и потому, что она имѣетъ опредѣленное общественное значеніе—и именно, антинародное, реакціонное. Старыя

*) Характерно, что г. Сологубъ вкладываетъ осужденіе декадентской литературы въ уста черносотенца. О, лукавство, слишкомъ прозрачное!

**) Именно всѣ. И въ томъ числѣ г. Сологубъ, который въ „дни свободы" разразился книжечкой стиховъ „Родинѣ" (Стихи, кн. 5) цѣной въ четвертакъ и съ красными флагами на обложкѣ. Непремѣнно съ красными флагами! Вѣдь г. Сологубъ „радикалъ"!

міръ классоваго насилія и господства въ борьбѣ съ нарождающимся новымъ міромъ выдвигаетъ оружіе двоякаго рода: во-первыхъ, голую физическую силу, во-вторыхъ, оружіе идейное. Однимъ изъ видовъ послѣдняго являются всякаго рода мистическія и пессимистическія ученія.

Литература съ мистическимъ устремленіемъ всегда являлась продуктомъ реакціи противъ свободомыслія и освободительнаго движенія прогрессивныхъ общественныхъ группъ. Таково между прочимъ историческое происхожденіе бѣсовско-мистическихъ произведеній Гюисманса и К°, явившихся учителями нашего Сологуба, хотя онъ нигдѣ не называетъ ихъ прямо, и только по нѣкоторымъ намекамъ мы можемъ судить о вліяніи на него этой литературы. Умирающее и разлагающееся общество старается заразить своимъ ядомъ нарождающіяся силы. Дѣлаетъ-ли оно свое дѣло сознательно или нѣтъ,—исторически безразлично, ибо соціальные результаты его работы въ томъ и другомъ случаѣ одинаковы.

То же самое можно сказать о пессимизмѣ, въ черный плащъ котораго кутается современный мистицизмъ. Отрицаніе смысла жизни и возможности борьбы съ рокомъ, т.-е. съ гнетущими насъ силами прошлаго, восхваленіе страданій и смерти—этотъ мотивъ, властно звучащій въ произведеніяхъ г. Сологуба, является результатомъ, съ одной стороны, пресыщенности извѣстныхъ соціальныхъ группъ, а съ другой—попыткой обреченнаго на гибель класса подорвать жизнерадостную энергію классаосвободителя, посѣять въ рядахъ его уныніе, убить вѣру. Но, какъ мѣтко замѣчаетъ М. Горькій въ своей статьѣ „О цинизмѣ" (Лит. Распадъ, № 1), „когда паразиты на тѣлѣ нѣмого великана рѣшаютъ вопросъ о цѣнности бытія его,—это противно и смѣшно".

Тѣмъ болѣе противно и смѣшно, что у безумія нашихъ пессимистовъ „веселые глаза", какъ говоритъ про себя г. Сологубъ. Ихъ безуміе и ихъ мрачный пессимизмъ, какъ мы видѣли, ведутъ лишь къ самой разнузданной „реабилитаціи плоти", они созданы для обоснованія и оправданія оргій, въ которыхъ вымирающая историческая полоса сама по себѣ празднуетъ тризну.

Подъ траурной мантіей и мрачной маской дьяволоподобнаго схимника мы ясно различаемъ отталкивающую физіономію вырождающагося мѣщанина. Говоря словами Петра Рамѣева о Триродовѣ, это чортъ въ человѣческомъ образѣ, но не Мефистофель, „не черный, а сѣрый, Анчутка безпятый, сѣрый, плоскій чортъ".

Все это тѣмъ болѣе противно и смѣшно, что къ этому грязному дѣлу припутываются великія стремленія борющагося человѣчества, высокія идеи освобожденія. Еслибы господа пакостники не писали еще революціонныхъ стишковъ и не примазывались къ соціальной демократіи, ихъ разлагающая дѣятельность не была бы такъ мерзка. А. Луначарскій, говоря о „Навьихъ Чарахъ", справедливо замѣчаетъ, что г. Сологубъ „сложилъ свои хитрыя уста лишь для Іудина поцѣлуя, желая, чтобы на высокомъ челѣ красавицы остался черный слѣдъ грязнаго лобзанія". Но напрасны всѣ усилія. Ни грубые пріемы физическаго укрощенія, ни попытки развращенія не удадутся черной рати. Сквозь колючую изгородь физическаго насилія и сквозь чародѣйныя

куренія сатанинскихъ волхвованій пролетаріатъ пробьетъ себѣ дорогу къ конечной цѣли своихъ освободительныхъ порывовъ, и врата адовы не одолѣютъ его.

Ю. М. Стекловъ.

В. Фриче.

Основные мотивы западно-европейскаго модернизма.

Искусство есть средство забыть жизнь. *Ж. Родембахъ.*

I.

Въ самомъ концѣ XIX в. на Западѣ возникла новая эстетика—эстетика модернизма. Новая art poétique провозглашала реалистическое искусство одностороннимъ и поверхностнымъ и хотѣла его дополнить или даже прямо замѣнить идеалистическими пріемами творчества.

„Нужно сохранить документальную достовѣрность, точность въ деталяхъ, богатый нервный языкъ реализма, но нужно также умѣть черпать въ человѣческой душѣ. Нужно идти по пути, мощно проложенному Золя, но необходимо начертать въ воздухѣ параллельную дорогу, необходимо создать натурализмъ спиритуалистическій".

Такъ писалъ, порывая съ своимъ учителемъ, когда-то дѣятельный участникъ медонскихъ вечеровъ, Гюисмансъ.

Рѣшительнѣе звучалъ протестъ противъ реализма въ устахъ модернистской молодежи.

„Мы хотимъ идеальнаго искусства, хотимъ видѣть въ художественномъ твореніи воплощеніе въ конечномъ видѣ безконечной идеи. Мы хотимъ аристократическаго утонченнаго искусства, которое должно смѣнить прежнюю хлопотливую миніатюрную живопись. Вѣрное воспроизведеніе модели, тонкое изученіе природы—только средство къ цѣли. Мы—романтики. Все матеріальное для насъ совершенно второстепенная вещь".

Такъ излагалъ программу новаго искусства Ландсбергъ въ своей книгѣ, направленной противъ натурализма подъ кричащимъ заглавіемъ: „Долой Гауптмана".

„Мы хотимъ создать одухотворенное искусство... Насъ объединяетъ новое „чувство жизни", исходящее изъ иной возвышенной оцѣнки самой жизни, изъ потребности благородства во всѣхъ ея проявленіяхъ, изъ жажды красоты. Не люди являются объектомъ новаго искусства, а человѣкъ, какъ единичное проявленіе вѣчныхъ непостижимыхъ силъ. Тамъ, гдѣ реалисты даютъ часть истины, они все-таки остаются односторонними".

Такъ формулировали сущность новой эстетики мюнхенскіе модернисты въ своемъ манифестѣ, помѣщенномъ въ журналѣ Blätter für die Kunst.

Отвергая реализмъ во имя идеализма, модернисты объявляли вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительную войну современности съ ея треволненіями и вопросами, ея распрями и борьбой. Насколько школа реалистовъ, по словамъ Гюисманса, „обожала современность", настолько школа модернистовъ „ненавидѣла ее".

„Мы не стремимся улучшить соціальный строй, такъ какъ эта задача не входитъ въ область поэзіи,—заявляли мюнхенцы (Георге, Гофмансталь),—бываютъ времена и условія, когда и поэтъ берется за оружіе и начинаетъ бороться, но, вообще говоря, онъ долженъ стоять надъ всѣми нашими обще-

ственными и партійными распрями, какъ хранитель священнаго огня вдохновенія".

Какъ видимъ, основнымъ принципомъ модернистской эстетики является—бѣгство отъ жизни. Модернистская поэзія облекала въ свою очередь этотъ принципъ въ соотвѣтствующіе художественные образы.

II.

Отчужденность отъ жизни, стремленіе уйти отъ людей и отъ міра въ уединеніе—таковъ первый мотивъ, громко звучащій въ поэзіи модернистовъ. Всѣ ихъ герои—одинокіе люди.

Въ фантастическихъ разсказахъ Виллье де-Лилль-Адана длинной вереницей проходятъ отшельники не отъ міра сего (Герцогъ Портландскій, графъ д'Атоль и др.). Всѣ они по какому-то „темному инстинкту" избѣгаютъ „опаснаго приближенія человѣка" и предпочитаютъ, „равнодушные къ политическимъ заботамъ своего вѣка и своей отчизны, наединѣ бродить съ своими грезами" или смотрѣть, какъ „вечера торжественной осени пылаютъ на очервленныхъ вершинахъ окружныхъ лѣсовъ" (Тайныя воспоминанія). Такими же отшельниками являются и герои Гюисманса, герцогъ Дезессентъ, уединяющійся въ своемъ причудливомъ замкѣ (На-выворотъ), звонарь Карэ, одиноко живущій на колокольнѣ (Тамъ внизу), писатель Дюрталь, уходящій въ монастырь (Въ дорогѣ), и герои Роденбаха, Гюгъ Віанъ, избѣгающій встрѣчи съ людьми (Мертвый Брюгге), и Борлютъ, убѣгающій отъ нихъ на вершину старой башни (Выше жизни).

Одинокими и чужими чувствуютъ себя въ современномъ обществѣ и герои Стриндберга, инженеръ Боркъ, закинутый въ деревушку невѣжественныхъ рыбаковъ (Въ шхерахъ), и магистръ Тернеръ, попавшій въ притонъ шайки цыганъ (Чандала). Боясь малѣйшаго соприкосновенія съ дѣйствительностью, они спѣшатъ, какъ герой въ повѣсти „Одинокій", „закутаться въ ткань собственной души" и, замкнувшись въ себѣ, испытываютъ „необычайный внутренній покой, тихую радость и чувство безопасности".

Одиночество—постоянный спутникъ и героевъ Шницлера. Какъ Георгъ фонъ Вергентинъ (Путь къ свободѣ), они чувствуютъ себя лучше всего, когда „одни идутъ своей дорогой"; какъ фонъ Сала (Одинокій путь), они одиноки, даже если „подлѣ нихъ жена, и дѣти, и внуки", даже если бы за ними „шла цѣлая процессія вакханокъ".

Чувство отчужденности отъ жизни—обычная тема и поэзіи Гофмансталя:

> И улицы бѣгутъ черезъ траву,
> И города разсыпаны повсюду.
> На что они?
> Зачѣмъ то смѣхъ, то слезы, то испугъ,
> Что намъ до нихъ?
> Мы вѣчно одиноки.

(Баллада внѣшней жизни, пер. С. Орловскаго).

Чужіе въ современной дѣйствительности, герои модернизма предпочитаютъ смотрѣть на жизнь издали, какъ пассивные и незаинтересованные свидѣтели, а не активно участвовать въ ея радостяхъ и горестяхъ, въ ея треволненіяхъ и борьбѣ. Въ ихъ глазахъ путешествіе получаетъ особенную цѣнность, такъ какъ жизнь проходитъ мимо глазъ, какъ близкій и вмѣстѣ съ тѣмъ далекій калейдоскопъ картинъ и лицъ, превращается въ пестрое видѣніе.

„Я не могу вамъ описать, какое блаженное чувство охватываетъ меня, когда я путешествую,—восклицаетъ писатель Генрихъ у Шницлера (Путь къ свободѣ).—Знакомо ли вамъ такое состояніе, когда всѣ воспоминанія, далекія и близкія, теряютъ свою жизненную тяжесть, когда всѣ люди, съ которыми въ другое время чувствуешь себя связаннымъ горемъ, заботами и нѣжностью, представляются вамъ скорѣе тѣнями или вѣрнѣе образами, созданными собственнымъ воображеніемъ? Несешься черезъ незнакомые города, которые никогда не видалъ, да, быть можетъ, и не увидишь, на пути попадаются только незнакомыя лица, которыя снова уносятся на вѣчныя времена“.

Въ путешествіе хотятъ превратить жизнь и дѣйствующія лица въ пьесѣ Гофмансталя: „Авантюристъ и пѣвица“.

Кто путешествуетъ, тому, конечно,
Вся эта смѣна, быстрота—сказать
Хотѣлъ бы я—чудеснѣе всего,—

говоритъ барону Чезарино, и баронъ подхватываетъ эту мысль:

Да... Европа станетъ
Тебѣ, какъ домъ родной, а міръ, какъ садъ.
. . . . . .
Передъ тобою сказка станетъ правдой,
На головѣ волшебной птицы ты
По прихоти своей перелетаешь;
Тонутъ города
И новые всплываютъ впереди.
Ты—чужестранецъ.

Лишь изрѣдка въ модернистской поэзіи это нежеланіе активно участвовать въ жизни получаетъ трагическій оттѣнокъ невозможности непосредственно наслаждаться ея красотой и счастьемъ.

Въ разсказѣ Вилье де-Лилль-Адана „Герцогъ Портландскій“ герой, „послѣдній прокаженный на землѣ“, уединяется въ свой родовой замокъ, „выстроенный въ давніе годы посреди мрачныхъ садовъ“, и приглашаетъ порой къ себѣ „избранное общество молодой англійской аристократіи“. Подъ сводами стариннаго дворца съ башенками и зубцами происходитъ тогда блестящее пиршество, начинается „княжески-вольная ночь“, раздается смѣхъ „самыхъ обольстительныхъ артистокъ и самыхъ безпечныхъ красавицъ“, но самъ герцогъ съ печатью проказы на лицѣ стоитъ въ это время одинъ на берегу моря, какъ „каменное видѣніе на крышѣ подъ вѣтромъ, дождемъ и молніями“.

III.

Боязнь дѣйствительности заставляетъ модернистовъ ставить на мѣсто жизни простую игру въ жизнь, превращать міръ въ театръ, а человѣка въ актера.

Волшебникъ-поэтъ Парацельсъ у Шницлера въ нѣсколькихъ сжатыхъ словахъ выражаетъ эту своеобразную черту модернистскаго міропониманія.

Вся жизнь игра; тотъ мудръ, кто понялъ это.

Въ глазахъ модерниста въ игру превращается прежде всего чувство любви. На мѣсто настоящей искренней страсти онъ ставитъ „забаву", флиртъ, на мѣсто Liebe—Liebelei. Такъ точно бракъ онъ охотно превращаетъ въ комедію. Въ пьесѣ Шницлера „Интермеццо" мужъ и жена, охладѣвъ другъ къ другу, расходятся въ разныя стороны и снова чувствуютъ влеченіе другъ къ другу только тогда, когда по обоюдному согласію рѣшаютъ не быть супругами, а только разыгрывать роль супруговъ. Въ глазахъ модерниста „прелесть брака" заключается, по словамъ лорда Генри въ романѣ Уайльда „Портретъ Дорiана Грея", именно въ томъ, что онъ по существу есть не болѣе, какъ фикція, такъ какъ мужъ и жена являются таковыми только передъ обществомъ, тогда какъ, „онъ никогда не знаетъ, гдѣ она, а она—что дѣлаетъ онъ", и оба постоянно должны принимать всѣ мѣры, чтобы не сбиться съ своей роли.

Въ игру превращается для модерниста и политика. Между тѣмъ, какъ въ былыя времена парламентскій дѣятель искренно вѣрилъ въ то дѣло, которое защищалъ съ высоты трибуны, и готовъ былъ отдать ему всю свою жизнь, теперь, по словамъ доктора Бертольда въ романѣ Шницлера „Путь къ свободѣ", политикъ не прочь смотрѣть „на всю общественную жизнь, какъ на забавную игру, не вызывающую ни восторговъ, ни негодованія".

Въ игру превращается для модерниста и революція. Какъ Шницлеръ, онъ изобразитъ не самое возстаніе третьяго сословія на улицахъ Парижа, а только его отраженіе въ комедіи, разыгрываемой скоморохами въ кабачкѣ „Зеленый попугай".

И подобно тому, какъ жизнь замѣняется у модерниста „забавной" игрой, такъ и люди не болѣе, какъ актеры.

Я прошелъ
Чрезъ сцену жизни, жалкій и ненужный,—

восклицаетъ графъ Клавдіо въ пьесѣ Гофмансталя „Безумецъ и Смерть":

Плохой актеръ на сцену такъ выходитъ
И равнодушно, ко всему тупой,
Сказавъ, что нужно, снова исчезаетъ,
Не тронутъ голосомъ своимъ холоднымъ
И никого не тронувъ.

И даже передъ смертью люди продолжаютъ играть комедію. Въ пьесѣ Шницлера „Вуаль Беатриче" городъ осажденъ непріятельскимъ войскомъ, и надъ нимъ виситъ неминуемая гибель, а герцогъ созываетъ своихъ подданныхъ на маскарадъ и, выбирая себѣ изъ толпы дѣвушекъ герцогиню на часъ, устраиваетъ лицомъ къ лицу со смертью забавную игру.

Порой этотъ мотивъ „вся жизнь—игра" переходитъ у модернистовъ въ трагическій диссонансъ. Въ романѣ Шницлера „Путь къ свободѣ" молодая актриса (сестра писателя Нюрнбергера) передъ смертью приходитъ къ убѣжденію, что до сихъ поръ вся ея жизнь была лишь „скитаніемъ подъ разрисованнымъ не-

бомъ и картонными стѣнами", что все ея существованіе было не болѣе, какъ „самообманъ". И даже все то, что она переживала на самомъ дѣлѣ, „маленькія будничныя приключенія въ наемныхъ комнатахъ и гостинницахъ, на улицахъ чужихъ городовъ", казались ей въ воспоминаніи „не дѣйствительно пережитыми, а сценами, въ которыхъ она принимала участіе при свѣтѣ рампы". И по мѣрѣ того, какъ она приближалась къ могилѣ, въ ней „пробуждалась страстная тоска по дѣйствительной жизни, которую она упустила".

Но обыкновенно бываетъ такъ, что актеръ при всемъ своемъ желаніи снова стать человѣкомъ, зажить реальной, а не призрачной жизнью долженъ съ грустью признаться, что неспособенъ испытывать настоящія страсти. Такова мысль разсказа Виллье де-Лилль-Адана „Желаніе быть человѣкомъ". Актеръ Пинсонъ всю жизнь „разыгрывалъ страсти другихъ, никогда не испытывая ихъ самъ". Онъ былъ только „тѣнью". И вотъ онъ хочетъ снова стать человѣкомъ. Онъ совершаетъ поджогъ, чтобы испытать реальныя угрызенія совѣсти, а не тѣ призрачныя, которыя онъ воспроизводилъ на сценѣ. Но увы! онъ не испытывалъ ровно ничего. Совѣсть не кричала ему никакихъ укоровъ. Онъ не видѣлъ ни единаго призрака. Получивъ мѣсто сторожа на маякѣ, онъ въ отчаяніи портилъ сигналы въ надеждѣ потопить какое-нибудь судно, чтобы только ускорить появленіе угрызеній совѣсти. Напрасный трудъ. Они не приходили. И старый скоморохъ умеръ, продолжая „съ напыщенной страстностью декламировать про свою жажду увидѣть призраки, не замѣчая, что онъ самъ давно превратился въ призракъ". Если же актеру и удается снова стать человѣкомъ, онъ долженъ убѣдиться въ томъ, что его призрачныя страсти цѣнятся больше его настоящихъ чувствъ. Въ этомъ трагедія Сибиллы Вэнъ въ романѣ Уайльда „Портретъ Доріана Грея". Пока она не любила Доріана, она была превосходной исполнительницей шекспировскихъ героинь, а когда она узнала истинную страсть, она почувствовала отвращеніе къ сценѣ.

„Пока я не знала васъ,— говоритъ она Доріану,—въ моей жизни игра была единственной дѣйствительностью. Я жила только въ театрѣ. Размалеванныя кулисы были для меня вселенной. Я не знала ничего кромѣ тѣней. Вы научили меня, что такое дѣйствительность на самомъ дѣлѣ. Возьмите меня отсюда. Я могла изображать страсть, которую я не чувствовала, но я не могу изображать той, которая меня сжигаетъ, какъ огонь".

Но Доріана Грея интересуетъ актеръ, а не человѣкъ, и его отказъ отъ Сибиллы является причиной ея самоубійства.

„Эта дѣвушка,—утѣшаетъ его лордъ Генри,—никогда въ дѣйствительности не жила и потому въ дѣйствительности она никогда не умирала. Если хотите, скорбите объ Офеліи, посыпайте пепломъ главу, потому что удавлена Корделія, взывайте къ небесамъ, потому что умерла дочь Брабанціо. Но не тратьте вашихъ слезъ на Сибиллу Вэнъ. Она менѣе реальна, чѣмъ тѣ".

IV.

Боязнь жизни заставляетъ модернистовъ предпочитать ей грезы, ставить на ея мѣсто мечты.

Въ пьесѣ Гофмансталя „Свадьба Зобеиды" героиня жила и любила только въ „воображеніи", дѣйствительность была для

нея только „сновидѣніемъ“. Узнавъ наканунѣ свадьбы, что ея сердце принадлежитъ другому, ея женихъ, старый купецъ, отпускаетъ ее на свадьбу. Дѣвушка спѣшитъ навстрѣчу жизни въ надеждѣ испытать, наконецъ, реальное счастье, но жизнь встрѣчаетъ ее негостепріимно и сурово. Дорогой на нее набрасываются злые, голодные псы, и она едва спасается отъ шайки разбойниковъ. Съ трудомъ добравшись до дома, гдѣ живетъ возлюбленный, она должна убѣдиться въ томъ, что онъ ей измѣняетъ. Съ разбитымъ сердцемъ возвращается она къ старому мужу и въ отчаяніи бросается съ высокой башни на землю. Мечты оказались выше и лучше жизни. Въ романѣ Роденбаха „Мертвый Брюгге“ Гюгъ Віанъ наряжаетъ балерину Жанну въ костюмъ покойной жены, которую горячо любилъ и о которой не перестаетъ думать, въ надеждѣ, что его воспоминанія облекутся въ живую плоть, но чѣмъ пристальнѣе онъ вглядывается въ находящееся передъ нимъ лицо, тѣмъ глубже его охватываетъ сознаніе рѣжущаго контраста между прекрасной мечтой и пошлой дѣйствительностью, и онъ убиваетъ живую возлюбленную, чтобы снова отдаться грезамъ объ умершей подругѣ. Въ драмѣ Пшибышевскаго „Вѣчная сказка“ съ небесныхъ высотъ на землю спускается Сонка, т.-е. Мечта, чтобы озарить жизнь свѣтомъ красоты. Изъ толпы служанокъ ей навстрѣчу раздается предостерегающій голосъ Божены: „Вернись къ своимъ чуднымъ волшебнымъ замкамъ, грезь дальше свои радужныя грезы, но не сходи внизъ, не сходи въ грязь, обманъ и ложь“. И Сонкѣ становится страшно въ этомъ мірѣ неправды и зла. „О, вернемся туда,—умоляетъ она короля,—гдѣ царитъ вѣчная, высшая красота. Вернемся въ наши волшебные замки, сотканные изъ непонятныхъ тайнъ неба и земли, и міровъ звѣздныхъ“. И король отрекается отъ міра дѣйствительности, по словамъ Мудрости (Витына) представляющаго не болѣе, какъ «непріятный сонъ, какъ призракъ и кошмаръ», во имя далекаго царства неземныхъ грезъ.

Мысль о томъ, что мечты выше и лучше жизни, — обычная тема лирики Роденбаха.

Мечты для насъ ключи, чтобъ выйти изъ неволи,
Жизнь новую создать и новый небосклонъ.

. . . . . .

Мечты—то прялки сновъ: усталымъ размышленьемъ
На нихъ прядемъ мы дымъ, и вѣтеръ, и цвѣты,
И яркіе лучи, и нити паутины.

. . . . . .

Грезы создаютъ міръ свѣтлый и наивный,
Гдѣ можемъ скрыться мы отъ жизненныхъ невзгодъ.
Пускай зоветъ насъ жизнь, пусть рогъ звучитъ призывный,
Насъ краткій мѣдный зовъ его не привлечетъ.
Лишь грезы любимъ мы любовью неизмѣнной.
Ихъ разлюбить нельзя, какъ мертвыхъ, никогда.

(Царство молчанія, пер. С. Головачевскаго).

Подобно тому, какъ модернистъ замѣняетъ жизнь мечтами, онъ отдаетъ предпочтеніе міру художественныхъ вымысловъ передъ реальной дѣйствительностью. Искусство позволяетъ ему переживать жизнь лишь пассивно, освобождая его отъ необходимости активно въ ней участвовать. Модернистъ провозглашаетъ поэтому искусство важнѣе и выше дѣйствительности. Въ

пьесѣ Шницлера „Женщина съ кинжаломъ“ героиня нисколько не возмущается измѣной мужа, зная, что онъ воспользуется этимъ эпизодомъ для художественнаго произведенія, и сама потомъ смотритъ изъ ложи на театральныя подмостки, наслаждаясь превращеніемъ въ художественные образы того, что нѣкогда причиняло ей страданія, а когда она замѣчаетъ, что вдохновеніе перестаетъ посѣщать мужа, она сама ему измѣняетъ въ надеждѣ, что онъ въ ея паденіи почерпнетъ матеріалъ для художественнаго творчества. Модернистъ ставитъ искусство настолько выше жизни, что готовъ пожертвовать жизнью во имя искусства. Въ драмѣ Шницлера „Часы жизни“ мать убиваетъ себя, боясь, что ея болѣзнь помѣшаетъ сыну отдаться художественному творчеству, а въ пьесѣ „Женщина съ кинжаломъ“ (въ интермедіи) жена художника убиваетъ возлюбленнаго, чтобы дать мужу мотивъ для окончанія картины.

Модернистская поэзія противополагаетъ поэтому художника, какъ болѣе высокій типъ, простымъ смертнымъ, предпочитающимъ реальную дѣйствительность художественнымъ вымысламъ. Наиболѣе ярко эта противоположность выражена въ пьесѣ Гофмансталя „Смерть Тиціана“, являющейся лиричическимъ гимномъ въ честь искусства.

Видишь ли ты городъ?
Онъ манитъ чистой, ясной красотой,
Но въ этой дымкѣ розовой живутъ
Уродство, безобразіе и пошлость.
Тамъ люди красоты не признаютъ
И называютъ нашими словами
Свой жалкій міръ, но все же по другому
Мы радуемся, думаемъ, скорбимъ.
Они же прозябаютъ въ забытьи,
Какъ въ раковинахъ устрицы морскія.

V.

Отъ жизни модернистъ охотно обращаетъ свои взоры къ смерти. Онъ предпочитаетъ любить не живыхъ, а мертвецовъ. Въ разсказѣ Вилье де-Лилль-Адана „Вѣра“ графъ д'Атоль послѣ смерти любимой жены испытываетъ такое чувство, точно она все еще около него. Онъ садится на садовую скамейку и продолжаетъ, какъ прежде, читать ей ея любимыя стихотворенія, а вечеромъ онъ ставитъ на столъ у камина двѣ чашки и смотритъ на противоположное кресло, на которомъ покоится его „улыбающаяся Иллюзія“. Графъ такъ сосредоточенно думаетъ о покойной, что ея образъ принимаетъ постепенно живую форму. Однажды графъ услышалъ „взрывъ музыкальнаго смѣха, освѣтившій своей радостью брачное ложе“. Онъ обернулся. „Созданная волей и воспоминаніемъ, облокотившись на прозрачную кружевную подушку, смотрѣла на него, еще не совсѣмъ пробудившись, сама графиня Вѣра“. Въ свою любовь къ мертвой женѣ весь ушелъ и Гюгъ Віанъ у Роденбаха, ежедневно проводящій цѣлые часы въ комнатѣ покойной, гдѣ все осталось по прежнему, и гдѣ она все еще точно живетъ; о любви къ мертвой, какъ о высшемъ счастьѣ, мечтаетъ и писатель Дюрталь у Гюисманса.

Отъ шумныхъ современныхъ городовъ съ ихъ сутолокой модернистъ уходитъ къ городамъ, давно погибшимъ и давно умершимъ. Въ одномъ изъ разсказовъ Виллье де-Лилль-Адана (Тайныя воспоминанія) герой уединяется въ Индію въ „царство мертвыхъ городовъ, покоющихся подъ пустынными небесами, среди чудовищныхъ лѣсовъ". „Трава и сухія вѣтви загораживаютъ тропинки, бывшія когда-то людными аллеями, гдѣ не слышно больше шума колесницъ, оружія и пѣсенъ. Только гремучая змѣя скользитъ, нарушая безмолвіе среди упавшихъ стволовъ и колоннъ, да порою затрепещетъ факелъ брамина, этого призрака, жаждущаго нирваны". Въ мертвыхъ городахъ живутъ и герои Роденбаха, Гюгъ Віанъ, запирающійся въ „безконечномъ безмолвіи" стараго Брюгге, среди пустынныхъ улицъ и неподвижныхъ каналовъ, и архитекторъ Борлютъ, кончающій собою, когда подъ напоромъ пробуждающейся жизни „Мертвый Брюгге" превращается въ бойкій торговый портъ. Къ безжизненнымъ и безлюднымъ городамъ тянетъ невольно и героевъ Шницлера. Фонъ Сала примыкаетъ къ археологической экспедиціи, отправляющейся въ Бактрію, гдѣ изъ-подъ мусора и щебня раскопанъ чудесный древній городъ, а Георгъ фонъ Вергентинъ приходитъ въ восхищеніе, когда передъ нимъ „изъ тьмы своей двухъ-тысячелѣтней смерти выступаетъ улица за улицей, домъ за домомъ Помпея, этотъ таинственный городъ безъ крышъ".

Гимнами умершимъ городамъ являются и лучшія лирическія стихотворенія Роденбаха.

Да, городъ умеръ весь, онъ умеръ несомнѣнно
Отъ долгой немощи, отъ сокровенныхъ мукъ;
Отъ одиночества онъ умеръ постепенно.—
Угасшій городокъ, временъ прошедшихъ другъ,
Онъ въ дѣвственныхъ мечтахъ, исполненный томленья,
Какъ будто спитъ еще во время погребенья.—
И вотъ для похоронъ готовъ уже бальзамъ,
Каналы свой покровъ кладутъ золототканный,
Огнями фонарей блистая по краямъ,
И обвивается повязкою туманной
Вокругъ усопшаго дымящаяся мгла.

Смерть становится незамѣтно въ глазахъ модерниста настоящей жизнью. Графъ Клавдіо въ пьесѣ Гофмансталя „Безумецъ и смерть" никогда не жилъ полной жизнью, а только смотрѣлъ на нее издали, какъ холодный и безстрастный созерцатель.

Только съ виду
Среди нея стоялъ я, никогда
Я съ нею не сливался. Тамъ, гдѣ люди
Берутъ или даютъ, я оставался
Нѣмымъ въ душѣ, въ бездѣйствіи, поодаль.

И вотъ наступаетъ часъ смерти. Теперь графу безконечно жаль, что онъ смотрѣлъ на солнце и землю „мертвыми" глазами, а на людей, какъ на китайскія тѣни, мелькающія на стѣнѣ. Онъ умоляетъ смерть дать ему отсрочку, и тогда онъ загладитъ свой великій грѣхъ.

Цѣпляться стану я за нашу землю,
Люди станутъ для меня родными,
Не куклами...
Я стану веселъ, стану дикъ и смѣлъ,
И мертвенныя маски оживятся.

Но поздно. Смерть неумолима. И вдругъ на душу графа нисходитъ просвѣтляющая мысль.

Если жизнь моя
Была мертва, такъ будь моею жизнью
Ты—смерть!
Такъ исчезай же, блѣдной жизни тѣнь!
Я понялъ, что живу, лишь умирая.
Въ избыткѣ чувствъ проснулся я теперь
Отъ сна всей жизни къ новой жизни—въ смерти!

VI.

Итакъ, модернистская поэзія замѣнила жизнь тѣми или другими видимостями жизни—мечтами, игрой, искусствомъ—и пришла въ концѣ концовъ къ тому, что поставила на ея мѣсто полное отрицаніе жизни, смерть.

Бѣгство отъ реальной дѣйствительности—таковъ лейтмотивъ модернизма.

Необходимо прежде всего выяснить ту психо-физіологическую почву, на которой сложилось такое своеобразное міропониманіе.

Въ основѣ психо-физики современнаго интеллигента, все равно къ какой бы группѣ господствующихъ классовъ онъ ни принадлежалъ, лежитъ чрезмѣрная впечатлительность, вызванная лихорадочной сутолокой большого города и всѣмъ соціально-экономическимъ укладомъ, характернымъ для развитого капитализма. Эта крайняя впечатлительность заставляетъ его болѣзненно-чутко реагировать на малѣйшія внѣшнія воздѣйствія, ставитъ его въ безусловную зависимость отъ тысячи совершенно случайныхъ и мимолетныхъ вліяній со стороны окружающей дѣйствительности.

„Жизнь,—говоритъ лордъ Генри въ романѣ Уайльда „Портретъ Дориана Грея",—есть вопросъ нервовъ. Вы можете вообразить, что вы въ безопасности, можете считать себя сильнымъ. Но случайный оттѣнокъ краски въ комнатѣ или на утреннемъ небѣ, какой-нибудь ароматъ, когда-то любимый и пробуждающій въ васъ странныя воспоминанія, строки изъ позабытой поэмы, снова попавшіяся вамъ на глаза, музыкальная фраза, которую вы перестаете играть—отъ всего этого зависитъ наша жизнь".

Совершенно въ такомъ же духѣ разсуждаетъ въ романѣ Роденбаха „Выше жизни" архитекторъ Борлютъ, по мнѣнію котораго наша судьба часто зависитъ отъ „одного слова", отъ „одной детали", и любой случайно брошенный взглядъ легко можетъ совершенно измѣнить только что принятое твердое рѣшеніе.

Эта чрезмѣрная впечатлительность, подвергающая современнаго интеллигента тысячѣ мимолетныхъ случайностей, эта зависимость отъ преходящихъ ощущеній и настроеній, эта неспособность отстоять себя отъ гнета окружающей дѣйствительности, отлагаются въ его душѣ постепенно въ видѣ инстинктивнаго страха передъ жизнью.

Въ одномъ изъ разсказовъ сборника Sensitiva Amorosa Ода Гансонъ рисуетъ портретъ современнаго молодого человѣка и показываетъ, какъ въ основѣ всѣхъ его переживаній лежитъ полу-сознательный ужасъ передъ дѣйствительностью.

„Это чувство коренилось въ немъ, какъ какая-то лихорадка, отъ которой онъ никогда не былъ свободенъ, даже отдаваясь во власть мгновенья, потому что, хотя это чувство и не переходило въ сознательный страхъ, оно все-таки всегда сказывалось и угнетало и трепетало, какъ нервная подавленность въ области безсознательнаго... Когда онъ бывалъ въ наилучшемъ настроеніи, когда онъ слѣдилъ съ живѣйшимъ вниманіемъ за бесѣдой, онъ вдругъ чувствовалъ, какъ въ немъ поднимался этотъ страхъ, и ему чудилось, что гдѣ-то далеко что-то невѣдомое грозило ему, предвѣщая бѣду. Этотъ страхъ, какъ ракъ, разъѣлъ всю его душевную жизнь, остановилъ механизмъ его чувствъ, заставлялъ его поступать уродливо и оставлялъ нервы обнаженными".

Этотъ „повальный страхъ, который, какъ чудовищный паразитъ, сросся съ нашимъ организмомъ, кладетъ свои яйца и размножается", эта „надорванность, болѣзненно-чувствительная, какъ дрожащія вокругъ остраго инструмента ткани свѣжей раны", являются въ глазахъ Ола Гансона совершенно основательно чисто „физіологическимъ явленіемъ", „болѣзненнымъ процессомъ въ крови и въ нервахъ".

Изъ этой гипертрофіи нервовъ и чувствительности вытекаетъ и другая характерная для современнаго интеллигента особенность, а именно его инстинктивная боязнь людей, его упорное нежеланіе связать себя узами дружбы или любви. Онъ боится потерять себя, прочно и близко сходясь съ другими. Это полусознательное стремленіе избѣгать продолжительныхъ и крѣпкихъ связей порою доходитъ у современнаго интеллигента до патологической маніи. Герой повѣсти Стриндберга „Одинокій" предпочитаетъ разговаривать съ людьми на разстояніи, по телефону, и заключаетъ „знакомства" только съ совершенно незнакомыми ему лицами, съ которыми даже не кланяется. „Я завязалъ также сношенія въ домѣ, гдѣ я живу,—разсказываетъ онъ. — Подо мною расположились четыре семейства съ ихъ судьбами. Я не знакомъ ни съ однимъ изъ нихъ и не знаю, какъ выглядятъ эти люди. Я вижу только дощечки съ ихъ именами на дверяхъ и по ихъ газетамъ, торчащимъ изъ дверныхъ скважинъ, я приблизительно знаю, чьи они духовныя дѣти". Ограничиваясь такими „безличными" знакомствами и отношеніями, „Одинокій" Стриндберга чувствуетъ себя необычайно свободно и спокойно. „Ничьи мысли не провѣряютъ моихъ мыслей, ничьи мнѣнія и капризы не угнетаютъ меня".

Эта же боязнь потерять себя, слишкомъ близко сходясь съ другими, заставляетъ современнаго интеллигента избѣгать всякихъ продолжительныхъ связей съ женщинами. Онъ инстинктивный противникъ брака, но не въ силу какихъ либо принципіальныхъ соображеній, а просто изъ страха обезличиться. Первое чувство, которое испытываетъ Георгъ фонъ Вергентинъ (Шницлеръ: „Путь къ свободѣ"), когда разстается съ возлюбленной, это то, что онъ „снова одинъ" и сможетъ быть самимъ собой; когда онъ сходится съ Анной, то онъ жалѣетъ о томъ, что она раньше не принадлежала другому, такъ какъ тогда его связь съ ней была бы такой „легкой, не влекущей за собой никакой отвѣтственности", и онъ въ концѣ концовъ расходится съ ней, чтобы вдали отъ нея найти самого себя. Такъ точно другой герой Шницлера, художникъ Юліанъ Фихтнеръ („Одинокій путь"), бросаетъ на произволъ судьбы только что отдавшуюся ему любимую женщину, съ которой рѣшилъ на другой

день бѣжать изъ родительскаго дома, влекомый „страстнымъ желаніемъ вести прежнюю вольную, беззаботную жизнь“.

Бѣгство отъ жизни въ мечты и отъ людей въ одиночество, вызванное чрезмѣрной впечатлительностью, чувствительностью и потому психической слабостью современнаго интеллигента, было такимъ образомъ ничѣмъ инымъ, какъ своего рода стремленіемъ къ самосохраненію, какимъ оно было и для великаго философа модернизма, для Фридриха Ницше. Изъ чрезмѣрной нервозности и чувствительности современнаго интеллигента вытекаетъ еще и другая его психическая особенность, его крайняя пассивность. Даже если бы онъ хотѣлъ броситься въ гущу жизни, активно участвовать въ треволненіяхъ и борьбѣ вѣка, онъ не могъ бы этого сдѣлать, потому что онъ человѣкъ безвольный. Безволіе было и въ глазахъ Ницше, такого тонкаго знатока интеллигентской души, господствующей болѣзнью, и хотя онъ выводилъ ее не изъ всего уклада современной соціальной жизни, а спеціально изъ смѣшенія классовъ и половъ, характернаго для буржуазно-демократическаго общества, все же онъ съ удивительной проницательностью усмотрѣлъ въ такихъ принципахъ, какъ чистое искусство или спокойное философское созерцаніе, ничто иное, какъ въ замаскированномъ видѣ все то же самое безволіе. Новѣйшая литература была вся проникнута неврастеническимъ безволіемъ. Драмы Гауптмана—что онѣ, какъ не настоящая клиника неустойчивыхъ, неуравновѣшенныхъ, шатающихся неврастениковъ, и чѣмъ, какъ не олицетвореніемъ того же безволія, являются всѣ эти „маленькія, жалкія, трепещущія существа“, которыя Метерлинкъ выводилъ въ своихъ кукольныхъ пьесахъ? Если современный интеллигентъ смотритъ на жизнь часто со стороны, издали, то не потому, что онъ непремѣнно не хочетъ, а потому, что часто просто не можетъ благодаря своей пассивности и своему безволію въ ней участвовать. Такъ Гофмансталь безъ сомнѣнія любитъ жизнь. Онъ порою находитъ краснорѣчивыя и даже страстныя слова, чтобы воспѣть красоту природы (Смерть Тиціана) или сложить гимнъ въ честь материнскаго чувства (Электра). Онъ готовъ благословлять „дары жизни“, будь то цвѣты радости или слезы печали (Авантюристъ и пѣвица). Гофмансталь отнюдь не пессимистъ, и все же черезъ всю его поэзію проходитъ грустное сознаніе, что онъ не созданъ для жизни, а жизнь создана не для него. Эта пассивность—результатъ гипертрофіи чувства и вызванной ею атрофіи воли—и заставляетъ современнаго интеллигента предпочитать реальной дѣйствительности ея отображеніе въ художественныхъ образахъ. „Искусство,—говоритъ лордъ Генри у Уайльда,—освобождаетъ человѣка отъ страданій жизни“. Можно прибавить: искусство освобождаетъ его отъ самого процесса жизни.

Крайняя впечатлительность заставляетъ современнаго интеллигента воспринимать міръ не какъ единое цѣлое, а въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ и мимолетныхъ образовъ, вызывающихъ въ немъ рядъ яркихъ, хотя и непродолжительныхъ ощущеній и настроеній. Онъ постепенно пріучается придавать реальное значеніе только этимъ своимъ субъективнымъ переживаніямъ, тогда какъ объективная дѣйствительность кажется ему лишь ихъ слабымъ и неяснымъ отраженіемъ. Больше, чѣмъ ме-

тафизика, выстраивавшая изъ тѣхъ или другихъ предпосылокъ цѣлое грандіозное зданіе, изображавшее сущность міра, его интересуетъ психологія, изучающая только субъективныя душевныя переживанія. Выдающійся философъ конца XIX вѣка, Фридрихъ Ницше, былъ недаромъ прежде всего психологомъ, ставившимъ своей задачей изслѣдовать „глубины и высоты" современнаго духа и съ особенной охотой погружавшимъ свой ножъ анализа въ самые сокровенные и подпольные его уголки. „Анализъ ощущеній" становится краеугольной проблемой философскаго мышленія (Махъ). Привыкая считать реальными только свои собственныя ощущенія и настроенія, современный интеллигентъ, если онъ писатель-разсказчикъ, перестаетъ излагать событія въ видѣ объективныхъ происшествій, на мѣсто которыхъ ставитъ субъективныя переживанія, или свои собственныя, или изображаемаго лица (Гофмансталь, Альтенбергъ). Всегда поглощенный своими ощущеніями и настроеніями, современный интеллигентъ склоненъ видѣть въ людяхъ, его окружающихъ, не болѣе, какъ тѣни, точно мелькающія на какомъ-то отдаленномъ экранѣ, и ему кажется, что жизнь есть лишь сцена, на которой на мгновенье появляются, чтобы сейчасъ же исчезнуть, актеры и актрисы, создающіе своей игрой лишь подобіе дѣйствительности. Окруженный тѣнями, существами похожими скорѣе на вымыслы его собственнаго воображенія, онъ постоянно находится подъ гнетомъ чувства „призрачности и безцѣльности" бытія (Георгъ фонъ Вергентинъ въ романѣ Шницлера „Путь къ свободѣ"), онъ постоянно теряетъ „грань мечты и правды", смѣшивая дѣйствительность съ сновидѣніемъ (Парацельсъ у Шницлера).

Такъ вырастаютъ всѣ черты, характерныя для миропониманія и творчества модернистовъ, непосредственно изъ сокровенныхъ нѣдръ нервозной и импрессіонистической психики современнаго интеллигента, складывающейся подъ вліяніемъ лихорадочной сутолоки большого городского центра, обостряющейся съ каждымъ днемъ борьбы за существованіе и подъ вліяніемъ все усложняющихся условій соціальной жизни.

VII.

Писатели-модернисты, о которыхъ выше шла рѣчь: Виллье де-Лилль-Аданъ, Уайльдъ, Гофмансталь, Гюисмансъ, Стриндбергъ, Шницлеръ и Роденбахъ, сами были потомками древней благородной касты или примыкали по своимъ настроеніямъ и симпатіямъ къ аристократическому міру. Всѣ они относятся къ современнымъ хозяевамъ жизни, къ предпринимателямъ-буржуа и вообще къ демократическому обществу, съ нескрываемымъ пренебреженіемъ или страстной ненавистью.

Гюисмансъ казнитъ устами герцога Дезессента (На-выворотъ) и доктора де-Эрми (Тамъ внизу) царство „банкировъ и плутовъ", „лавочниковъ и мясниковъ"; Стриндбергъ не находитъ достаточно грубыхъ и рѣзкихъ словъ, чтобы заклеймить коварную и невѣжественную чернь („Чандала" и „Въ шхерахъ"); Роденбахъ заставляетъ архитектора Борлюта бросить проклятіе въ лицо торгашамъ-мѣщанамъ („Выше жизни"); Виллье де-Лилль-Аданъ съ презрѣніемъ отворачивается отъ этой низшей

расы, „нервы которой, вѣчно погруженные въ оцѣпененіе, вибрируютъ слабо и глухо“ (Сентиментализмъ); Шницлеръ иронизируетъ надъ этими „полезными гражданами“, живущими только для пошлой дѣйствительности и не признающими міръ сновъ (Парацельсъ); Гофмансталь сравниваетъ ихъ съ морскими устрицами, прозябающими въ своихъ раковинахъ. Изъ современной буржуазной дѣйствительности эти писатели уходятъ въ далекое прошлое, къ „удивительнымъ среднимъ вѣкамъ“ (Гюисмансъ), въ Ломбардію эпохи феодализма или въ Венецію эпохи рококо (Гофмансталь), или же противополагаютъ ей прекрасную старину, погибающую подъ напоромъ машинной техники и торгово-промышленныхъ интересовъ (Роденбахъ). Своихъ героевъ они преимущественно выбираютъ изъ среды благородной знати (герцогъ Портландскій, графъ д'Атоль у Виллье де-Лилль-Адана, лордъ Генри и Доріанъ Грей у Уайльда, герцогъ Дезессентъ у Гюисманса, графъ Клавдіо у Гофмансталя, фонъ Сала и фонъ Вергентинъ у Шницлера).

Потомки или идеологи общественнаго класса, все болѣе оттѣсняемаго историческимъ развитіемъ на задній планъ, выбиваемаго неумолимой судьбой изъ всѣхъ его позицій, эти писатели должны были естественно отражать въ своей психикѣ чувства и мысли, свойственныя разлагающейся и погибающей соціальной группѣ—сознаніе отчужденности отъ жизни, страхъ передъ дѣйствительностью, тяготѣніе къ мечтамъ, культъ одиночества, желаніе покоя и нирваны. Всѣ эти настроенія, свойственныя представляемой ими соціальной группѣ, находили въ нихъ богатую пищу въ томъ страхѣ передъ жизнью и вытекающихъ изъ него эмоцій, который гнѣздится, какъ „чудовищный паразитъ“, въ психикѣ современнаго интеллигента.

Какъ представителямъ и идеологамъ оттѣсняемаго класса, этой аристократической интеллигенціи лучше и легче всякой другой удалось отлить въ художественные образы ту пониженную жизнеспособность и жизнедѣятельность, которая была характерной чертой буржуазной культуры конца вѣка.

Такъ сдѣлалась аристократическая интеллигенція знаменоносцемъ модернизма.

Двѣ причины подготовили успѣхъ новой школы поэтовъ.

Черпая свое вдохновеніе изъ глубины современной нервозной и потому пассивной и усталой психики, сформировавшейся подъ вліяніемъ всего соціальнаго уклада капиталистическаго царства, эти писатели могли разсчитывать на пониманіе и расположеніе со стороны широкихъ слоевъ буржуазнаго общества. Изъ борьбы со старой школой писателей они вышли побѣдителями, однако не столько благодаря своей „современности“, не столько какъ представителя модерна, а какъ носители принципа „чистаго искусства“.

Натурализмъ, господство котораго они застали при своемъ выходѣ на „сцену жизни“, былъ созданъ поколѣніемъ мелкобуржуазной интеллигенціи, прошедшей черезъ адъ пролетарскаго существованія. Эти писатели были вѣчно недовольны жизнью, бранили существующій экономическій строй, выставляли напоказъ всевозможные его язвы и недочеты и то и дѣло заигрывали съ соціализмомъ и пугали революціей. Буржуазія могла временно заинтересоваться ихъ пессимистической и безпощадной

кистью, такъ какъ и сама порою переживала періоды нравственнаго Katzenjammer'a, когда дѣла шли плохо, кризисъ разстраивалъ хозяйство, а страницы, посвященныя изображенію разныхъ сексуальныхъ аномалій, такъ пріятно щекотали ея пресыщенные аппетиты. Но интересъ буржуазіи къ этимъ недовольнымъ критикамъ и несовсѣмъ благонадежнымъ проповѣдникамъ не могъ быть продолжительнымъ.

И вотъ появляется группа писателей, опрятныхъ и изысканныхъ, со свѣтскими манерами и свѣтскимъ лоскомъ, исполненныхъ „жаждой благородства во всѣхъ формахъ жизни". Это были уже не интеллигентные пролетаріи, или, выражаясь словами Гюисманса, „не трактирная чернь, осѣвшая въ пивныхъ и изливавшая свою желчь на вся и всѣхъ", а одѣтые съ иголочки салонные денди, люди хорошаго тона. Они не интересовались презрѣнной прозой, не ломали головы надъ соціальными вопросами—ихъ мысль и творчество вращались вокругъ „вѣчныхъ" проблемъ жизни и смерти. Эти писатели заявляли въ своихъ манифестахъ, что не задаются цѣлями переустройства общества, такъ какъ „эта задача не входитъ въ область поэзіи". Они видѣли въ художникѣ лишь „хранителя священнаго огня", стоящаго надъ „всѣми общественными и партійными распрями".

Какъ пріятно было слушать эти мирныя рѣчи послѣ ворчливой критики натуралистовъ!

И хотя модернисты позволяли себѣ непочтительно выражаться о мѣщанскихъ наклонностяхъ буржуазіи, буржуазія охотно прощала имъ эти выходки за то, что они не пугали ее соціальными потрясеніями.

В. Фриче.

В. Шулятиковъ.

Неаристократическій аристократизмъ *).

I.

Новѣйшая русская литература, на первый взглядъ, даетъ въ руки оппонентовъ марксизма неотразимое оружіе: она доказываетъ, повидимому, самымъ блестящимъ образомъ, доказываетъ, какъ дважды два—четыре, полнѣйшую невозможность связывать „идеологическія“ теченія съ „матеріальной подпочвой“.

Соціальная дѣйствительность говоритъ о ликвидаціи „феодальнаго“ хозяйства и о завоевательныхъ успѣхахъ капиталистической буржуазіи. Литература, напротивъ, стоитъ подъ знакомъ возврата къ прошлому, реставраціи „аристократическаго“ искусства. Непримиримой противницей „феодализма“ заявляетъ себя буржуазія и въ борьбѣ съ переживаніями послѣдняго видитъ исключительно свою „освободительную“ миссію. Въ то же время устами своихъ идеологовъ, вродѣ г.г. Струве и Бердяевыхъ, она слагаетъ славословія „аристократической“ цивилизаціи и аристократіи, какъ носительницѣ „культурныхъ идеаловъ“, предавая анаѳемѣ „убожество“ буржуазно-демократической психики и буржуазно-демократическаго творчества въ области идеологіи.

Получается радикальное противорѣчіе, которое, повидимому, можно объяснить себѣ только въ томъ случаѣ, если „идеологію“ признать совершенно независимой отъ „подпочвы“. Разъ на самомъ дѣлѣ подобная точка зрѣнія вѣрна, разъ идеологическое творчество представляетъ собой самодовлѣющую цѣнность, то становится вполнѣ понятнымъ, какимъ образомъ, нисколько не измѣняя самому себѣ, своимъ враждебнымъ чувствамъ къ „феодализму“, буржуазное общество можетъ дѣлать „культурныя“ заимствованія у своего противника... Итакъ, „идеологіи“ возвращается ореолъ, который окружалъ ее до того момента, какъ экономическій матеріализмъ предпринялъ свою разрушительную критическую работу. Господа сторонники традиціонной оцѣнки искусства, неправда ли: на вашей улицѣ праздникъ? да еще какой! Вашъ непріятель отнималъ у васъ одну позицію за другой, вамъ приходилось послѣдовательно расписываться въ собственномъ банкротствѣ... и вдругъ всѣ труды непріятеля обращаются въ ничто.

Но мы всетаки подадимъ вамъ благой совѣтъ: не спѣшите торжествовать.

---

*) **Отъ редакціи.**—Желая дать въ нашемъ сборникѣ мѣсто различнымъ оттѣнкамъ мнѣній, существующихъ среди марксистовъ въ области литературной критики, мы помѣщаемъ статью В. Шулятикова, хотя не можемъ согласиться съ методологическими пріемами автора и съ его оцѣнкой нѣкоторыхъ литературныхъ явленій.

Вопросъ не такъ простъ, какъ съ перваго взгляда можетъ показаться. Отреченіе буржуазіи отъ собственной „культуры“ и усвоеніе ею культуры, созданной другимъ классомъ, нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ: заявляя о своихъ „аристократическихъ“ симпатіяхъ, въ частности воскрешая художественное credo романтизма, буржуазія тѣмъ самымъ не выдаетъ себѣ форменнаго и безусловнаго testimonium paupertatis, не совершаетъ акта заимствованія чего-то совершенно чужого, не являющагося органическимъ продуктомъ ея собственной дѣятельности. Всякаго рода заимствованія могутъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ они вытекаютъ изъ реальныхъ интересовъ заимствующаго класса. Когда рѣчь идетъ о различныхъ реставраціяхъ и воскрешеніяхъ, центръ тяжести вопроса заключается не въ томъ, что извѣстная общественная группа беретъ нѣчто у другой группы, фигурировавшей нѣкогда на исторической сценѣ, а въ томъ, что среди первой группы развились извѣстныя тенденціи, дѣлающія возможнымъ утилизацію старыхъ идеологическихъ формъ. Другими словами, эти старыя формы важны не сами по себѣ, а какъ отраженіе „новаго“, отраженіе „матеріальныхъ“ наслоеній текущей жизни.

Итакъ, чтобы вскрыть матеріальную основу возрожденія „аристократической“ литературы, мы должны говорить о „новомъ“, которымъ характеризуется современное положеніе буржуазнаго общества. И это „новое“ есть не что иное, какъ преобразованія, произведенныя въ нѣдрахъ означеннаго общества появленіемъ фабрики новаго типа.

Согласно обычному представленію, фабричное производство основывается на „примѣненіи“ труда широкихъ массъ неквалифицированныхъ рабочихъ. Дѣйствительно, въ такомъ духѣ заявила о себѣ фабрика на первыхъ порахъ своего существованія. Смѣна мануфактуры фабрикой сопровождалась именно обезцѣненіемъ „квалификаціи“ и созданіемъ арміи „необученнаго“ пролетаріата. Доступъ въ капиталистическія мастерскія получили не только женщины, но и дѣти, старики, калѣки и даже психически-больные. Но теперь наблюдается явленіе противоположнаго порядка. Новѣйшая техника, въ своемъ поступательномъ развитіи, сдѣлала для собственниковъ усовершенствованныхъ машинъ эксплоатацію неквалифицированнаго или малоквалифицированнаго труда невозможной. „Малоквалифицированный трудъ, трудъ стариковъ, женщинъ и дѣтей въ ея рамкахъ (въ рамкахъ новой, „вполнѣ автоматической“ фабрики) примѣненія не находитъ. Женскій и дѣтскій трудъ, правда, былъ первымъ словомъ капиталистической утилизаціи машинъ, но не ея послѣднимъ словомъ“. „Чтобы пускать въ ходъ или останавливать систему машинъ или аппаратовъ, необходимо общее знакомство съ механикой, т. е. требуется высокообученный трудъ. Далѣе, начиная и оканчивая каждый производственный процессъ, приходится считаться съ технологическими свойствами вырабатываемаго продукта, и, слѣдовательно, нужны спеціальныя технологическія познанія и опытность“ *).

---

*) Цитируемъ изъ книги австрійскаго марксиста Hanns Deutsch'a „Qualifizierte Arbeit und Kapitalismus. Wertutheorie und Entwicklungstendenzen“, стр. 94.

Отсюда диѳирамбы буржуазныхъ публицистовъ и экономистовъ въ честь „квалификаціи". Высокая выучка рабочихъ объявляется фундаментомъ благоденствія промышленности. Болѣе того, въ ней усматриваютъ условіе торжества человѣчества надъ природой и даже залогъ „соціальнаго мира".

Представимъ себѣ,—разсуждаетъ одинъ изъ типичнѣйшихъ идеологовъ „новой" буржуазіи *), — что все міровое производство осуществлялось бы посредствомъ простого вращенія различныхъ машинъ или немногихъ механическихъ движеній руки: такимъ путемъ работа человѣчества была бы чрезвычайно упрощена, но вмѣстѣ съ тѣмъ становилось бы невозможнымъ „господство надъ матеріей". Ибо о господствѣ надъ матеріей нельзя говорить тамъ, „гдѣ о ней ничего не знаютъ",—оно можетъ быть лишь при „сознательной утилизаціи ея". „Люди въ подобномъ идеальномъ состояніи оказались бы не господами, а рабами производства". Тайны функціонированія машинъ были бы отъ нихъ скрыты, и при малѣйшей неточности мірового машиннаго механизма они очутились бы въ безпомощномъ положеніи. „Этотъ утопическій примѣръ долженъ намъ показать, какъ необходимъ обученный трудъ, если желательно оставаться господами производства". „Трудъ долженъ быть возможно болѣе обученнымъ, т. е. квалифицированнымъ". Поэтому громадное значеніе имѣетъ вопросъ: растутъ или уменьшаются кадры квалифицированныхъ рабочихъ? И великую опасность представляетъ наличность „необученной" резервной арміи въ отдѣльныхъ производствахъ. Но можно утѣшить себя: техническій прогрессъ дѣйствуетъ въ желательномъ направленіи: онъ — порука тому, что будущее принадлежитъ „квалификаціи".

Далѣе, обладаніе квалификаціей отнимаетъ—по мнѣнію адвоката новѣйшей фабрики—почву у „матеріалистическаго отношенія къ работѣ. Работа, въ глазахъ людей, незнакомыхъ съ техническими секретами производства, является чѣмъ-то чрезвычайно неинтереснымъ и, слѣдовательно, непріятнымъ, даже тяжелымъ. Квалифицированный рабочій, напротивъ, чувствуетъ себя въ фабричномъ залѣ очень хорошо: изучивши механизмъ и ходъ машинъ, онъ не считаетъ послѣднихъ своими врагами и поработителями, такъ какъ „управляетъ" ими. Ему доступна „радость выполненія" **). А радость выполненія дѣлаетъ его миролюбиво настроеннымъ по отношенію къ предпринимателю и устраняетъ возможность острыхъ классовыхъ конфликтовъ.

Въ силу вышесказаннаго рабочему вмѣняется въ обязанность чтить интересы техники выше всего и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ исходить изъ соображеній, подсказанныхъ этими интересами. Кто же поступаетъ вопреки „верховному принципу промышленности", кто подымаетъ свой голосъ въ защиту какихъ-нибудь требованій „матеріалистическаго" характера, предъявляемыхъ, напр., „малоуспѣвающими" рабочими, тотъ получаетъ наименованіе безпочвеннаго и зловреднаго политикана.

«Малоуспѣвающіе», не удовлетворяющіе требованіямъ вы-

---

*) „Ethik und Kapitalismus. Grundzüge einer Sozialethik" von Lic. Theol. F. Traub, стр. 220.

**) См. статью того же автора „Arbeit und Arbeiterorganisation" въ сборн. „Festgaben für F. J. Neumann", стр. 127.

сокой квалификаціи, подлежатъ удаленію изъ стѣнъ «новой» фабрики. Въ рамкахъ каждаго отдѣльнаго предпріятія, обставленнаго согласно послѣднему слову техники, и каждой отдѣльной профессіи численность рабочаго персонала сокращается. Десятки и сотни замѣняются единицами. «Масса исчезаетъ. И надъ порѣдѣвшими рядами представителей физическаго труда начинаетъ очень замѣтно расти пирамида «промежуточныхъ организаторскихъ звеньевъ»—среднихъ и высшихъ техниковъ, должностныхъ лицъ» *).

Вотъ то, что слѣдуетъ разсматривать въ конечномъ итогѣ какъ «опредѣляющее основаніе», какъ Bestimmungsgrund переворота, совершающагося нынѣ на идеологическихъ «высотахъ». Новая фабрика ведетъ длительный и упорный поединокъ со старыми капиталистическими организаціями. Этотъ поединокъ для буржуазнаго міра, взятаго въ цѣломъ, имѣетъ значеніе далеко не частнаго, чреватаго послѣдствіями лишь для ограниченной группы лицъ эпизода. Онъ раскалываетъ всю буржуазію на два лагеря—на защитниковъ стараго и новаго капиталистическаго строя. Pro и contra новыхъ экономическихъ вѣяній высказываются не только непосредственные вожди промышленности, но и различнѣйшіе представители интеллигентныхъ профессій: ученые всѣхъ цеховъ, начиная съ политико-экономовъ и кончая естествоиспытателями, философы и юристы, священнослужители и поэты. Каждый изъ нихъ при этомъ говоритъ на своемъ особомъ языкѣ для выраженія своихъ симпатій или пользуется узаконенными его профессіей символами и образами.

О чемъ же, ближе опредѣляя, долженъ вторить разноязычный хоръ идеологовъ „новой" буржуазіи?

Побѣда новой фабрики надъ противникомъ обусловлена ролью, которую играетъ „квалификація". Двери капиталистическихъ организацій закрываются передъ „широкой массой". Таковы два основныя явленія, которыя должна подчеркнуть идеологія. И послѣдняя разрѣшаетъ свою задачу, выступая съ проповѣдью индивидуализма и отрицательнаго отношенія къ толпѣ.

Культивируется идеалъ личности, обладающей высокими духовными дарованіями, способной къ безусловному самоопредѣленію, презирающей „толпу", стремящейся „вдали отъ толпы" воздвигнуть прочное зданіе собственнаго благополучія. „Аристократъ" духа противопоставляется сѣренькой пошлой „мѣщанской" массѣ, каста немногихъ—демосу. Получается столь же рѣшительный апоѳеозъ „квалификаціи" (но не квалифицированныхъ рабочихъ, замѣтимъ въ скобкахъ), съ какимъ мы хорошо знакомы по приснопамятнымъ днямъ романтизма. Въ чисто буржуазной атмосферѣ зарождаются „аристократическіе" мотивы.

Дѣло доходитъ даже до преклоненія передъ форменной аристократіей. Возникаютъ такія теоріи, какъ ницшеанство. „Каждое возвышеніе типа „человѣкъ" было до сихъ поръ дѣломъ аристократическаго общества—и такъ будетъ всегда",—гласитъ категорическая формула автора „По ту сторону добра и зла". Европейское общество разлагается, согласно воззрѣнію Ницше,

*) Въ нѣкоторыхъ производствахъ, по вычисленію нѣмецкаго инженера W. V. Oechelhäuser'a, штаты ихъ выражаются отношеніемъ 1 : 10, 1 : 7, 1 : 5, даже 1 : 4 (къ числу рабочихъ). См. его публичную рѣчь „Technische Arbeit einst und jetzt", стр. 28.

потому что въ немъ пали соціальныя, сословныя перегородки и происходитъ смѣшеніе всѣхъ и всего. Необходимъ „паѳосъ разстоянія“, коренное различіе общественныхъ группъ, длинная лѣстница ранговъ и рабство въ томъ или иномъ смыслѣ. Необходимо, чтобъ была „господствующая каста“, которая смотрѣла бы на другихъ, какъ на подданныхъ и на орудія. Необходимо „постоянное упражненіе въ приказываніи и послушаніи“. Только при этихъ условіяхъ становится возможнымъ стремленіе души къ непрерывному самосовершенствованію, „образованіе все болѣе и болѣе высокихъ, рѣдкихъ, утонченныхъ, содержательныхъ состояній, короче возвышеніе типа „человѣкъ“, дальнѣйшее „самопреодолѣніе человѣка“. Великимъ несчастіемъ для Европы явилась французская революція XVIII в., погубившая аристократію, послужившая источникомъ демократическаго движенія, которое равносильно вырожденію человѣчества. И взоры Ницше постоянно съ любовью обращаются назадъ: прошлое дало рядъ яркихъ примѣровъ господства аристократическихъ группъ. Въ качествѣ таковыхъ Ницше отмѣчаетъ исторію древне-греческихъ городовъ, Ренессансъ и ту изобрѣтенную его воображеніемъ эпоху, когда „люди съ еще естественной природой (mit einer noch natürlichen Natur), варвары въ любомъ страшномъ смыслѣ этого слова“ напали на болѣе слабыя и миролюбивыя расы и сдѣлались неограниченными владыками ихъ.

Судя по подобнымъ заявленіямъ, можно было бы, пожалуй, причислить Ницше къ лагерю идеологовъ самой аристократіи. Но сдѣлать это намъ не позволяетъ одно важное обстоятельство. Авторъ „По ту сторону добра и зла“ восхваляя преимущества аристократіи, приводитъ основаніе, опредѣлившее характеръ его соціальныхъ симпатій: онъ цѣнитъ аристократію не самое по себѣ, не просто какъ опредѣленную общественную группу, къ которой онъ питаетъ какое-то органическое пристрастіе; нѣтъ, пристрастіе его къ ней, такъ сказать, „вторичнаго“ происхожденія. „Благородная каста въ началѣ всегда была кастой варваровъ: ея преобладаніе коренилось, прежде всего, не въ физической, а въ духовной силѣ, -это были болѣе цѣльные люди“. Они обладали еще крѣпкой волей, не знающей никакихъ колебаній. Другими словами, аристократія пользуется расположеніемъ нѣмецкаго философа постольку, поскольку послѣдній видитъ въ ней носительницу извѣстныхъ психическихъ качествъ, поскольку ея представители воплощаютъ, по его мнѣнію, идеалъ сильныхъ, способныхъ къ внутреннему самоопредѣленію и развитію личностей. Налицо мотивы, возвращающіе насъ къ разсужденіямъ о «квалификаціи».

Или возьмемъ примѣръ изъ области художественной литературы. А. Чеховъ—писатель, заподозрить котораго въ «органическомъ» пристрастіи къ аристократіи никакъ нельзя. Между тѣмъ въ «Вишневомъ садѣ» по части «аристократическихъ» симпатій дѣло обстоитъ не совсѣмъ благополучно. Правда, дается картина ликвидаціи помѣщичьяго хозяйства, правда, авторъ показываетъ полнѣйшую неприспособленность «феодаловъ» къ новой жизни, ихъ «матеріальное» и «духовное» банкротство. Но при всемъ этомъ безусловно отрицательнаго, враждебнаго отношенія къ бывшимъ господамъ исторической сцены авторъ не обнаружилъ. Напротивъ, его произведеніе въ общемъ пред-

ставляетъ собой элегію по отживающей старинѣ. Пусть Трофимовъ дѣлаетъ упоминаніе о кошмарахъ крѣпостного права, пусть онъ восклицаетъ: «О, это ужасно, садъ вашъ страшенъ, и когда вечеромъ или ночью проходишь по саду, то старая кора на деревьяхъ отсвѣчиваетъ тускло и, кажется, вишневыя деревья видятъ во снѣ то, что было сто, двѣсти лѣтъ назадъ, и тяжелыя видѣнія томятъ ихъ». Пусть въ свою очередь Аня заявляетъ, что она «уже не любитъ вишневаго сада, какъ прежде», утѣшаетъ плачущую Любовь Андреевну: «Пойдемъ со мной, пойдемъ, милая, отсюда, пойдемъ!.. Мы насадимъ новый садъ, роскошнѣе этого, ты увидишь его, поймешь»... а, въ моментъ прощанія со старымъ домомъ она исполнена радостныхъ чувствъ и торопитъ мать поскорѣй отправиться на встрѣчу новой жизни. Да, устами двухъ своихъ героевъ драматургъ-теоретикъ ново-складывающагося общества зоветъ свою аудиторію на путь прогресса, хоронящаго «феодализмъ» съ его переживаніями. Но «zwei Seelen wohnen, ach, in seiner Brust». Онъ зоветъ... и въ то же время ему жаль «вишневаго сада», этого символа, избраннаго имъ для обозначенія «аристократическаго» прошлаго. «О мое дѣтство, чистота моя!—декламируетъ въ первомъ актѣ Любовь Андреевна.—Въ этой дѣтской я спала, глядѣла отсюда на садъ, счастье просыпалось вмѣстѣ со мною каждое утро... Весь, весь бѣлый! О, садъ мой! Послѣ темной ненастной осени и холодной зимы опять ты молодъ, полонъ счастья, ангелы небесные не покинули тебя»... Въ ея словахъ данъ Leitmotiv пьесы. Всѣ четыре акта послѣдней—большое лирическое стихотвореніе, написанное на тему: прощаніе съ прекраснымъ бѣлымъ садомъ. Вызвать соотвѣтствующее жалобное настроеніе въ зрителяхъ и читателяхъ—вотъ главная задача, которую преслѣдовалъ художникъ. Трофимовъ и Аня въ конечномъ итогѣ играютъ роль лишь эпизодическихъ фигуръ. И сами они—что особенно знаменательно—проявляютъ склонность къ лиризму. Любовь Андреевна пользуется большими симпатіями ихъ обоихъ. Когда авторъ заставляетъ своихъ героевъ дѣлать «паузу», рѣзко подчеркивающую основной тонъ пьесы, Трофимовъ и Аня оказываются участниками общаго ансамбля. Заключительные же ихъ призывы къ новой жизни производятъ впечатлѣніе чего-то слабаго и искусственнаго, звучащаго, какъ бравурная нотка, контрабандой занесенная въ море минорныхъ аккордовъ requiem'а.

До ницшевскаго апоѳеоза «благородной касты» еще очень далеко, само собой разумѣется. Въ тѣхъ психическихъ качествахъ, которыя нѣмецкій философъ приписывалъ «аристократіи», А. Чеховъ послѣдней отказываетъ. Владѣльцы вишневаго сада изображаются имъ какъ душевно-убогіе люди. И въ ихъ душевномъ убожествѣ онъ какъ разъ усматриваетъ причину ихъ пораженія въ борьбѣ за жизнь. Другими словами, основаніе, подсказывающее идеологамъ новѣйшей капиталистической буржуазіи формальное прославленіе «феодальнаго», «аристократическаго» строя, устраняется. Но все же «вишневый садъ» такъ поэтиченъ! все же нѣкогда владѣльцы его были иными людьми, «на груди и на плечахъ ихъ» не лежалъ «тяжелый камень» душевнаго банкротства, «счастье просыпалось» съ ними каждое утро! И вся скорбь ихъ по утраченномъ вишневомъ садѣ сво-

дится именно къ скорби по миновавшимъ «утрамъ», по потерянной возможности наслаждаться полнотой жизненныхъ переживаній. «Если бы снять съ груди и съ плечъ моихъ тяжелый камень»! — формулируетъ Любовь Андреевна свое сокровеннѣйшее желаніе—если бы ей переродиться и вернуть былую душевную свѣжесть и силу.

«Аристократическая» жизнь нѣкогда начиналась иначе. Стало быть, есть, что пожалѣть. Пусть «аристократы» сегодняшняго дня, аристократы эпохи заката своей цивилизаціи не выдерживаютъ ни малѣйшей критики, пусть поэтому почва для симпатій къ «аристократіи» исчезаетъ,—но она исчезаетъ не безъ нѣкотораго небольшого остатка. Дѣло ограничивается легкимъ намекомъ, прочувствованной слезой.

II.

Общеизвѣстно пристрастіе, которое романтическая литература прошлаго питала ко всему туманному, темному, разрушающемуся, къ могиламъ и смерти. Новѣйшая литература страдаетъ этимъ пристрастіемъ отнюдь не въ меньшей степени. И вотъ готово возраженіе противъ защищаемаго нами взгляда.

Вы утверждаете, могутъ сказать намъ, что новѣйшая литература—продуктъ капиталистической буржуазной среды, т. е. среды развивающейся, имѣющей передъ собой извѣстное будущее. Между тѣмъ мрачныя, «могильныя», пессимистическія настроенія являются всегда, какъ удостовѣряютъ соціологическія изслѣдованія, достояніемъ общественныхъ группъ, обреченныхъ на дегенерацію и гибель. Слѣдовательно, вашъ тезисъ въ корнѣ ошибоченъ: «могильное» художество надо вернуть по принадлежности. «Благородная каста» отживаетъ свой вѣкъ, и естественно видѣть въ «туманномъ» и «могильномъ» воображеніи художниковъ отзвукъ неблагопріятствующаго ей фатума. На это мы отвѣтимъ нижеслѣдующимъ образомъ.

Безъ сомнѣнія всякій классъ, потерпѣвшій «на жизненномъ пиру» неудачу, долженъ пользоваться черными тонами для своихъ идеологическихъ построеній. Но отсюда еще не вытекаетъ, чтобы «мрачная» идеологія была монополіей только такого рода классовъ. О «тьмѣ», «туманахъ», могилахъ и смерти могутъ говорить представители класса, вовсе не думающаго въ данный моментъ погружаться во мракъ «ничтожества» или «небытія», а, напротивъ, занимающаго или собирающагося занять «на жизненномъ пиру» первое мѣсто. Конечно, тотъ, кому улыбается счастье, не станетъ рядиться при обычныхъ условіяхъ въ трауръ, а предпочтетъ праздничныя одежды. Но возможны иного сорта случаи. «Могилы» и «смерть» могутъ для извѣстной общественной группы сыграть роль символовъ, указывающихъ на путь, по которому она приближается къ побѣдѣ. Съ такимъ именно случаемъ мы и имѣемъ сейчасъ дѣло.

Чѣмъ представляется смерть новѣйшимъ художникамъ слова? Актомъ уничтоженія и только? Нѣтъ.

Поучительный комментарій къ культу смерти, исповѣдуемому ими, даетъ, наприм., стихотвореніе г. Мережковскаго «Двойная бездна».

.....Жизнь, какъ смерть, необычайна...
Есть въ мірѣ здѣшнемъ—міръ иной;
Есть ужасъ тотъ же, та же тайна—
И въ свѣтѣ дня, какъ въ тьмѣ ночной.
И смерть, и жизнь—родныя бездны.
Онѣ подобны и равны,
Другъ другу чужды и любезны,
Одна въ другой отражены.
Одна другую углубляетъ,
Какъ зеркало, а человѣкъ
Ихъ соединяетъ, раздѣляетъ
Своею волею навѣкъ.
И зло, и благо,—тайна гроба
И тайна жизни—два пути—
Ведутъ къ единой цѣли оба
И все равно, куда идти.

Смерть, вопреки обычному воззрѣнію, объявляется равноцѣнной жизни, ставится, такъ сказать, на одну доску съ послѣдней. Между ними далѣе констатируется нѣкоторая интимная и таинственная связь. Связь эта ближе опредѣляется такъ:

Будь мудръ,—иного нѣтъ исхода.
Кто цѣпь послѣднюю расторгъ,
Тотъ знаетъ, что въ цѣпяхъ свобода,
И что въ мученіи—восторгъ.
Ты самъ—свой Богъ, ты самъ свой ближній,
О, будь же собственнымъ Творцомъ,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своимъ началомъ и концомъ.

«Въ мученіи—восторгъ»: въ смерти—жизнь. Смерть квалифицируется, какъ источникъ жизни. Именно въ качествѣ таковаго она и воспѣвается современными поэтами. Находите въ смерти жизнь!—гласитъ та глубочайшая, мистическая мудрость, жрецами которой они себя выставляютъ.

Г-жа Гиппіусъ описываетъ электрическій снарядъ, согласно правиламъ названной мудрости.

Двѣ нити вмѣстѣ свиты,
Концы обнажены.
То „да“ и „нѣтъ“,—не слиты,
Не слиты—сплетены.
Ихъ темное сплетенье
И тѣсно, и мертво.
Но ждетъ ихъ воскресенье,
И ждутъ они его.
Концовъ концы коснутся—
Другіе „да“ и „нѣтъ.“
И „да“ и „нѣтъ“ проснутся,
Сплетенные сольются,
И смерть ихъ будетъ—Свѣтъ.

Та же «мудрость» диктуетъ Ѳедору Сологубу слѣдующее объясненіе происхожденія жизни:

Вся она, въ горѣньи трупа,
мной замышлена была.
Это я изъ бездны мрачной
вихри знойные воззвалъ,
И себя цѣпями жизни
для чего-то оковалъ.
И среди нѣмыхъ раздолій,
гдѣ царилъ сѣдой Хаосъ,
Это Я своею волей
жизнь къ сознанію вознесъ.

Понятно, что при столь высокой оцѣнкѣ смерти, пребываніе въ гробу оказывается для «мудрецовъ» столь же привлекательнымъ, какъ и жизненныя наслажденія. «Все равно—умереть или жить». Смерть—это то же «бытіе» и вдобавокъ еще, употребляя выраженіе Ѳ. Сологуба, «несказанное». «Мудрецы» даже готовы зачастую предпочитать ее жизни.

Мечтатель, странный міру,
Всегда для всѣхъ чужой,
Царящему кумиру
Не служитъ онъ хвалой.
. . . . . .
Онъ тайною завѣсилъ
Страстей своихъ игру,—
Порой у гроба веселъ
И мраченъ на пиру (Ѳедоръ Сологубъ).

Все, такъ или иначе свидѣтельствующее объ отсутствіи жизни или о сокращеніи ея, служитъ «мудрецамъ» матерьяломъ для безконечныхъ пѣснопѣній. Съ паѳосомъ восхваляются «безплодныя» пустыни и «безплодныя» моря, «вѣчно-нѣмые цвѣты», «молчаніе» далекаго неба, тишина болотъ, тьма во всѣхъ видахъ, всевозможныя руины, наконецъ, уродства живыхъ организмовъ, страданія и болѣзни.

Увѣчье, помѣшательство, чахотка,
Падучая и бездна всякихъ золъ,
Какъ части міра я терплю васъ кротко,
И даже въ васъ я таинство нашелъ (К. Бальмонтъ).

Ставится точка надъ і: новооткрытое «таинство» санкціонируется, какъ нѣчто имѣющее безусловно-положительную цѣнность: «Чума, проказа, тьма, убійство и бѣды... благословляю васъ, да будетъ счастье съ вами!»

Появляются спеціалисты по части проповѣди подобнаго „таинства". И первый изъ нихъ, безспорно, самъ общепризнанный фаворитъ читающей публики, Л. Андреевъ. „Да. Я нашла, я знаю теперь, что я буду дѣлать,—восклицаетъ Маруся въ заключительной сценѣ драмы „Къ звѣздамъ".—Я построю городъ и поселю въ немъ всѣхъ старыхъ... всѣхъ убогихъ, калѣкъ, сумасшедшихъ, слѣпыхъ. Тамъ будутъ глухонѣмые отъ рожденія и идіоты, тамъ будутъ изъязвленные язвами, разбитые параличемъ. Тамъ будутъ убійцы..." Однимъ словомъ, тамъ будетъ налицо все, что нѣкогда „благословилъ" авторъ „Горящихъ зданій". «И царемъ города я поставлю Іуду и назову городъ „Къ звѣздамъ"». Благодарнѣйшая тема для форменной мистеріи: изъ города мертвыхъ должно начаться восхожденіе человѣчества къ „горнимъ высямъ".

Л. Андреевъ постоянно возвращается къ этой темѣ. Но при разработкѣ ея въ другихъ своихъ произведеніяхъ онъ менѣе рельефно подчеркиваетъ „конечныя цѣли" своихъ экскурсій въ царство „тлѣнія и праха" или же вовсе умалчиваетъ о нихъ. Такъ „горнія выси" не упоминаются во „Тьмѣ". Герой ея ограничивается лишь диѳирамбической частью проповѣди „таинства". „За нашу братію!—произноситъ онъ тостъ передъ толпой проститутокъ.—За подлецовъ, за мерзавцевъ, за трусовъ, за раздавленныхъ жизнью. За тѣхъ, кто умираетъ отъ сифилиса..." Перечисляются, сообразно сюжету и обстановкѣ разсказа, нѣ-

сколько иные персонажи, чѣмъ въ репликѣ Маруси; но суть дѣла отъ этого не мѣняется. Рѣчь идетъ все о тѣхъ же представителяхъ „сокращенной“ жизни. Трусъ или подлецъ въ глазахъ Петра, цѣнящаго въ жизни прежде всего и исключительно борьбу, какъ разъ являются наиболѣе яркимъ отрицаніемъ жизненной энергіи.

„Тьма“ въ свое время вызвала массу толковъ и комментаріевъ. Переворотъ, совершившійся съ Петромъ, казался столь неожиданнымъ и парадоксальнымъ, что даже наиболѣе благосклонные къ Л. Андрееву критики пожимали плечами и заявляли: да, на этотъ разъ Л. Андреевъ погрѣшилъ противъ художественной правды. Несостоятельность занятой авторомъ позиціи пытались доказать, разбирая моральныя разсужденія, которыми оправдывается въ разсказѣ „бѣгство отъ жизни“. Но не въ этихъ разсужденіяхъ центръ тяжести вопроса. „Если нашими фонариками не можемъ освѣтить всю тьму, такъ погасимъ же огни и всѣ полѣземъ въ тьму“ — силлогизмъ, который можетъ быть правильно понятъ только въ томъ случаѣ, когда мы понятію „тьма“ придадимъ специфическое модернистское значеніе. Погруженіе во „тьму“ знаменуетъ собой не отказъ отъ „свѣта“, а стремленіе къ послѣднему: „свѣтъ“ долженъ непремѣнно возсіять изъ „тьмы“. Употребленіе же мѣстоименія „весь“ (всю тьму, всѣ полѣземъ) подчеркиваетъ лишь безусловную необходимость постулируемаго акта. Чѣмъ больше „тьма“, чѣмъ многочисленнѣе ряды погасившихъ „фонарики“, тѣмъ лучше, тѣмъ ближе къ свѣту, къ „звѣздамъ“! Апологія „тьмы“ вложена въ уста революціонера: въ этомъ собственно „пикантность“ разсказа. Но ничего неожиданнаго это обстоятельство не должно было представлять собой для почитателей и знатоковъ андреевскаго искусства. „Тьма“ въ міросозерцаніи Л. Андреева играетъ такую роль, что передъ нею дѣйствительно меркнутъ всѣ „фонарики“. Она выставляется имъ какъ единственное положительное средство, помогающее бороться съ нестроеніями жизни.

Вопросъ о „тьмѣ“ занималъ его еще тогда, когда онъ писалъ свою „Мысль“. „Я не раскаиваюсь,—читаемъ мы въ исповѣди Керженцева, — что убилъ Савелова, я не ищу въ карѣ искупленія грѣха, и если для доказательства того, что я здоровъ, вамъ (судьямъ) понадобится, чтобъ я кого-нибудь убилъ съ цѣлью грабежа—я съ удовольствіемъ убью и ограблю. Но въ каторгѣ я ищу другого, чего, я не знаю еще и самъ. Меня тянетъ къ этимъ людямъ какая-то смутная надежда, что среди нихъ, нарушившихъ ваши законы, убійцъ, грабителей, я найду невѣдомые мнѣ источники жизни и стану себѣ другомъ“. Насъ не должно здѣсь вводить въ заблужденіе упоминаніе о законахъ. Не протестъ противъ нихъ диктуетъ доктору Керженцеву его оцѣнку каторги. Что такое убійцы для Л. Андреева, мы знаемъ изъ разъясненій, сдѣланныхъ Марусеѣ. Убійство, какъ и сумасшествіе или параличъ, для него, прежде всего одна изъ возможностей „сокращенія“ жизни. Каторга „тянетъ“ его къ себѣ именно въ качествѣ среды, гдѣ царствуетъ „тьма“. И „тьма“ прямо называется здѣсь источникомъ жизни.

Въ восемнадцатомъ отрывкѣ „Краснаго смѣха“ приведено

письмо одного офицера. „Только теперь я понялъ великую радость войны, это древнее первичное наслажденіе убивать людей... Вѣчно отнимать жизнь — это такъ же хорошо, какъ играть въ лаунъ-теннисъ планетами и звѣздами. Бѣдный другъ, какъ жаль, что ты не съ нами и принужденъ скучать въ прѣснотѣ повседневщины. Въ атмосферѣ смерти ты нашелъ бы то, къ чему вѣчно стремился своимъ безпокойнымъ, благороднымъ сердцемъ. Кровавый пиръ — въ этомъ нѣсколько избитомъ сравненіи кроется сама правда". Обращаемъ вниманіе на подчеркнутую фразу: смерть квалифицируется какъ нѣчто, долженствующее служить цѣлью стремленій человѣка, не примирившагося съ современнымъ укладомъ общественной жизни, цѣлью стремленій „борца противъ мѣщанства". Другими словами, отмѣчается, что проблема смерти или „тьмы" имѣетъ для автора „универсальное" значеніе, значеніе вопроса, выдвигаемаго общимъ процессомъ развитія жизни, а не возникающаго въ отдѣльныхъ исключительныхъ случаяхъ— въ мозгу людей особой психической конструкціи—и не представляющаго чисто психологическаго интереса. Вмѣстѣ съ тѣмъ приведенная цитата изъ „Краснаго смѣха" освѣщаетъ еще одну сторону модернистскаго ученія о „сокращеніи" жизни. Репликами Маруси и Петра устанавливается желательность и необходимость „погруженія въ тьму". Затѣмъ, на примѣрѣ Петра показывается, какъ можно реально осуществить процессъ этого погруженія. Но образъ дѣйствія, точнѣе, бездѣйствія Петра отнюдь не единственная возможность достигнуть желаемаго.

Въ „Красномъ смѣхѣ" рекомендуется болѣе активная тактика. Приближаться къ „источнику жизни" можно, создавая „атмосферу смерти" путемъ личной инициативы, всюду сѣя вокругъ себя „тьму". Андреевскіе герои договариваются до идеи чуть ли не поголовнаго истребленія человѣчества.

„Мнѣ хочется,—признается лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ,—сжечь ихъ (имѣются въ виду всѣ люди) дома, съ ихъ сокровищами, съ ихъ женами и дѣтьми, отравить воду, которую они пьютъ; поднять всѣхъ мертвыхъ изъ гробовъ и бросить трупы въ ихъ нечистыя жилища, на ихъ постели... О, если бы я былъ дьяволъ! Весь ужасъ, которымъ дышитъ адъ, я переселилъ бы на ихъ землю"... Л. Андреевъ спѣшитъ сдѣлать оговорку: онъ заставляетъ своего героя, высказывающаго подобныя мысли, воскликнуть: „да, я долженъ сойти съ ума". И наиболѣе прямолинейно, въ наиболѣе энергичной формѣ апологію всеобщаго истребленія развиваетъ сумасшедшій докторъ. Онъ грозитъ собрать толпу солдатъ, не вынесшихъ ужасовъ войны и потерявшихъ разсудокъ: „Я выйду въ поле, я кликну кличъ, я соберу вокругъ себя этихъ храбрецовъ, этихъ рыцарей безъ страха и объявлю войну всему міру. Веселой толпой, съ музыкой и пѣснями, мы войдемъ въ города и села, и гдѣ мы пройдемъ, тамъ все будетъ красно, тамъ все будетъ кружиться и плясать, какъ огонь... Кто сказалъ, что нельзя убивать, жечь и грабить? Мы будемъ убивать, и грабить, и жечь. Веселая, безпечная ватага храбрецовъ,—мы разрушимъ все: ихъ зданія, ихъ университеты и музеи; веселые ребята, полные огненнаго смѣха— мы попляшемъ на развалинахъ. Отечествомъ нашимъ я объявлю сумасшедшій домъ; врагами нашими и сумасшедшими — всѣхъ

тѣхъ, кто еще не сошелъ съ ума; и когда великій, непобѣдимый, радостный, я воцарюсь надъ міромъ... какой веселый смѣхъ огласитъ вселенную!". Будетъ достигнуто идеальное „сокращеніе" жизни... въ мечтахъ психически-ненормальнаго человѣка, скажете вы? Нѣтъ! — въ мечтахъ послѣдовательнаго теоретика „модернизма".

Какъ извѣстно, выводить въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ сумасшедшихъ и влагать имъ въ уста изложеніе такихъ взглядовъ, которые читающей публикѣ могутъ показаться особенно парадоксальными или компрометирующими, — одинъ изъ излюбленныхъ пріемовъ беллетристовъ. А въ данномъ случаѣ ссылка на сумасшествіе играетъ роль даже не столько маски или ширмъ, за которыя прячется авторъ, сколько способа подчеркнуть „сократительныя" симпатіи. Сумасшествіе, повторяемъ, это для модерниста та же „тьма". Если откинуть въ монологѣ доктора нѣкоторыя риторическія украшенія, нѣкоторую чрезмѣрность паѳоса, то окажется, что монологъ этотъ воспроизводитъ въ точности Credo отнюдь не страдающихъ психическими аномаліями андреевскихъ героевъ. Конецъ монолога содержитъ въ себѣ мысль, которую высказываетъ Маруся: „отечество" доктора—это не что иное, какъ городъ, управляемый Іудой. А съ аналогичной проповѣдью „истребленія" мы встрѣчаемся въ „Саввѣ". „Въ огнѣ и громѣ перейти хочу я міровую грань", заявляетъ герой названной драмы. На первый взглядъ Савва—типъ анархиста. Авторъ даже нарядилъ своего героя въ костюмъ рабочаго. Но костюмъ взятъ напрокатъ, „анархизмъ" же Л. Андреева при ближайшемъ разсмотрѣніи сводится къ простой проповѣди активнаго „погруженія въ тьму". Савва объявляетъ войну не опредѣленному классу или классамъ, а всѣмъ людямъ современнаго общества, „всему міру". Онъ хочетъ „уничтожить все", не только, напр., тюрьмы и дома терпимости но университеты и фабрики, даже самые города и, въ случаѣ надобности, все человѣчество. „Пусть на землѣ совсѣмъ не будетъ человѣка. Разъ жизнь ему не удалась, пусть уйдетъ и дастъ мѣсто другимъ—и это будетъ благородно". И въ минуту, когда, казалось, первый шагъ на пути перехода „міровой грани" былъ сдѣланъ, когда авторъ долженъ заставить своего ликующаго героя высказаться вполнѣ, раскрыть всѣ главныя движущія пружины его психическаго міра, Савва произноситъ настоящій гимнъ „великой радости" разрушенія: „Ага! Зазвонили! Звоните, звоните! Скоро зазвонитъ вся земля. Я слышу! Я слышу! Я вижу какъ горятъ ваши города. Я вижу пламя! Я слышу трескъ! Я вижу, какъ валятся на голову дома! Бѣжать некуда. Спасенья нѣтъ! Спасенья нѣтъ! Огонь вездѣ!" Савва—не сумасшедшій, а рѣчь его является повтореніемъ мотива, легшаго въ основаніе первой части монолога доктора, даже тонъ отзываетъ паѳосомъ названнаго монолога. „Земля выбрасываетъ васъ. Нѣтъ вамъ мѣста на землѣ! Нѣтъ! Онъ идетъ! Я вижу его! Онъ идетъ, свободный человѣкъ! Онъ родится въ пламени! Онъ самъ—пламя и разрушеніе!" Именно какъ „пламя и разрушеніе" и привлекателенъ для Саввы образъ „свободнаго человѣка". Модернистская „свобода" прежде всего—синонимъ рѣшительнаго отрицанія жизни.

Докторъ Керженцевъ, этотъ — согласно характеристикѣ,

данной ему авторомъ,—несомнѣнный типъ „свободнаго человѣка", предлагаетъ превосходный комментарій къ пониманію „освободительныхъ" тенденцій, о которыхъ постоянно повѣствуютъ произведенія „новаго искусства". Если судьи вынесутъ ему оправдательный приговоръ, предупреждаетъ онъ ихъ въ послѣднихъ строкахъ своей исповѣди, то онъ надѣлаетъ крупныхъ непріятностей не только имъ, но и всему человѣчеству, не только всему человѣчеству, но и всей землѣ. Онъ всю остальную свою жизнь посвятитъ наукѣ и откроетъ „одну вещь, въ которой давно назрѣла необходимость". Эта вещь—взрывчатое вещество необыкновенной силы: такое сильное, какого не видали еще люди: сильнѣе динамита, сильнѣе нитроглицерина, сильнѣе самой мысли о немъ. Я талантливъ, я настойчивъ, и я найду его. И когда я найду его, я взорву на воздухъ вашу проклятую з е м л ю"... Постулируется требованіе дѣйствительно радикальнаго „освобожденія" отъ жизни.

Но проповѣдники „смерти" и „тьмы" не такъ страшны, какъ они стараются себя аттестовать. Ихъ ультра-разрушительные планы—цвѣты риторическаго краснорѣчія. Человѣчество и земля уничтожаются ими только на бумагѣ. Необходимо имѣть въ виду, что жизнь отрицается ими не безусловно, что смерть въ ихъ глазахъ является чѣмъ-то положительнымъ и желательнымъ лишь постольку, поскольку она разсматривается какъ переходная ступень къ новымъ формамъ бытія, какъ „источникъ" послѣдняго. Поэтому ихъ мечтанія объ обращеніи земли въ „домъ сумасшедшихъ" или о разрушеніи ея нельзя принимать за чистую монету. Но нѣчто вполнѣ реальное за этими мечтаніями все-таки скрывается. Гиперболическими образами и формулами утверждается настоятельная необходимость „сокращенія" жизни. А само это „сокращеніе" оказывается необходимостью, да еще настоятельною потому, что представители „новой литературы", его проповѣдующіе,—типичные идеологи „новой" буржуазіи (ея различныхъ группъ и подгруппъ)

„Сокращеніе" жизни, о которомъ они говорятъ,—это сокращеніе численности народонаселенія. Ихъ проповѣдь есть не что иное, какъ внесеніе въ область художественной литературы мальтузіанскихъ мотивовъ. Недаромъ нѣкоторые изъ нихъ выступаютъ даже въ качествѣ форменныхъ мальтузіанцевъ (М. Арцыбашевъ со своимъ „Саниным", напр., гдѣ рекомендуется вытравленіе плода). Въ соціологическихъ наукахъ мальтузіанскія теченія нынѣ, какъ извѣстно, весьма и весьма сильны. И модернистская „тьма", вмѣстѣ съ означенными теченіями, восходитъ къ одному общему „матеріальному" источнику.

Читатели, можетъ быть, уже догадались, что это за источникъ. Это — „сократительная" тенденція новѣйшей индустріи, выражающаяся въ изгнаніи „массы" изъ отдѣльныхъ предпріятій, отдѣльныхъ мастерскихъ, отдѣльныхъ профессій. Въ борьбѣ между собственниками промышленныхъ организацій „стараго" и „новаго" типа „масса" учитывается авангардомъ капиталистической буржуазіи, какъ тормазъ, какъ препятствіе, лежащее на пути развитія. Широкіе кадры «необученнаго» или малообученнаго пролетаріата—фундаментъ, на которомъ „старая" фабрика основываетъ свое благополучіе. И пока, разсуждаютъ теоретики „новой" фабрики, таковые кадры имѣются въ наличности, до тѣхъ

поръ и только до тѣхъ поръ „новымъ“ предпріятіямъ можетъ угрожать опасность пораженія. Исчезнутъ эти кадры—„старая“ буржуазія лишится своего единственнаго средства къ существованію: если теперь она можетъ конкурировать, и порой весьма успѣшно, съ капиталистическимъ авангардомъ, этимъ она всецѣло обязана возможности безконечно усиливать эксплоатацію труда (квилифицированный трудъ подобной эксплоатаціи не допускаетъ), постоянно располагая „резервомъ“ свѣжихъ рабочихъ силъ, постоянно обновляя свой „исполнительскій“ персоналъ,—тогда какъ „резервы“ новой фабрики крайне ограничены и послѣдняя очень озабочена созданіемъ для себя соотвѣтствующей пролетарской арміи. Создавать такую армію она можетъ единственно путемъ профессіональнаго „воспитанія“ рабочихъ. Между тѣмъ, „естественное“ движеніе народонаселенія, простой приростъ его даютъ „старой“ фабрикѣ ея пролетарскую массу. Отсюда—мальтузіанскія воззрѣнія капиталистическаго авангарда. Необходимо, доказываютъ его идеологи, чтобы ростъ народонаселенія насколько возможно задерживался: въ „чрезмѣрномъ“ увеличеніи послѣдняго—корень всѣхъ соціальныхъ бѣдствій; напротивъ, сравнительное безплодіе „массы“—залогъ общественнаго благоденствія. Въ переводѣ на болѣе абстрактный идеологическій языкъ мы и получаемъ пресловутую формулу: отрицаніе жизни ведетъ къ ея утвержденію, въ смерти—жизнь, смерть—„несказанное бытіе“.

Слѣдуетъ замѣтить, что эта формула не монополизирована явными или оффиціальными защитниками „новой“ фабрики. Ее выдвигаютъ также тѣ, кто, не принадлежа собственно къ верхамъ капиталистическаго авангарда, тѣмъ не менѣе оказывается въ привилегированномъ положеніи на „жизненномъ пиру“ благодаря побѣдамъ новѣйшей машинной техники. Означенная техника реорганизуетъ производительную дѣятельность даже въ стѣнахъ такихъ предпріятій и учрежденій, гдѣ машины отсутствуютъ. Всюду создается спросъ на высокую „квалификацію“, и обладаніе ею становится conditio sine qua non успѣха въ борьбѣ за жизнь. Вмѣстѣ съ тѣмъ, собственники ея всюду оказываются противопоставленными лицамъ, лишеннымъ ея,—„толпѣ“. И послѣднія, въ глазахъ названныхъ собственниковъ, играютъ ту же роль, что неквалифицированный трудъ въ глазахъ владѣльцевъ и адвокатовъ новой фабрики,—роль тормаза и препятствія на пути „прогресса“. Отсюда—мальтузіанскія симпатіи такъ называемой профессіональной интеллигенціи *).

Приведенный нами рядъ литературныхъ примѣровъ иллюстрируетъ, насколько великъ страхъ передъ „массой“ и „толпой“, овладѣвшій различными отрядами новой буржуазіи, и насколько сильна въ нихъ вѣра во всеспасающее „сокращеніе“ массы и толпы. Таковъ именно соціально-экономическій генезисъ всевозможныхъ лирическихъ восхваленій смерти и тьмы, генезисъ видѣній города «къ звѣздамъ» или земли, обращенной въ «сумашедшій домъ», генезисъ мечтаній объ уничтоженіи нашей планеты.

---

*) Даже извѣстныя группы пролетаріата, „рабочая аристократія“, не застрахованы отъ нихъ: примѣръ — англійскіе высококвалифицированные рабочіе, въ средѣ которыхъ мальтузіанство пользуется, какъ извѣстно, нѣкоторымъ кредитомъ.

Одна изъ областей искусства особенно наглядно подтверждаетъ правильность нашего взгляда. Мы говоримъ о театрѣ. Ни для кого не тайна, что современный театръ представляетъ собой настоящую капиталистическую организацію. Въ немъ есть и предприниматель-капиталистъ, и промежуточныя «организаторскія» группы (актеры и техники), и пролетаріатъ (рабочіе, дѣйствующіе за сценой и подъ сценой), и орудія производства (машины, декораціи, бутафорскія принадлежности). Въ настоящую минуту театръ, какъ извѣстно, переживаетъ полосу переворота: реалистическая и натуралистическая сцена объявляется отжившей свой вѣкъ; стараются культивировать въ немъ условное «искусство». Какими экономическими причинами объясняется этотъ переворотъ?

Кто познакомится съ произведеніями теоретиковъ «новаго театра» (напр., съ книгой режиссера Мюнхенскаго шекспировскаго театра, Савица *) и, откинувъ идеологическую часть ихъ аргументаціи въ пользу театральной реформы, обратитъ вниманіе на приводимые ими экономическіе факты, тотъ дастъ слѣдующій отвѣтъ. Театры, ведя ожесточенную конкурренцію между собой, выработали чрезвычайно сложную и громоздкую сценическую обстановку. Поставить какую-нибудь пьесу, гдѣ дѣйствуетъ много лицъ и «толпа»,—очень трудная для руководителей современнаго театра задача. Обстановка, актеры и статисты требуютъ слишкомъ крупныхъ денежныхъ затратъ.

Кассы театровъ опустошены; театры постигаетъ хроническій кризисъ. Необходимо во что бы то ни стало сократить издержки производства. Одно изъ средствъ удовлетворить означенной необходимости — это изгнать «толпу» со сцены, замѣнивъ ее немногими, но зато высококвалифицированными статистами. Другими словами, на сценѣ происходитъ тотъ самый процессъ, который характеризуетъ вообще новѣйшую капиталистическую промышленность.

«Немногіе статисты, представляющіе на сценѣ толпу, должны во всякомъ случаѣ хорошо играть и вырости въ выполненіи своихъ мимическихъ задачъ. Благодаря же увеличенію ихъ числа въ художественномъ отношеніи не получается никакого выигрыша» **). Наоборотъ, настоящая толпа на сценѣ, по мнѣнію сторонниковъ театральной реформы, только шокируетъ зрителей, оскорбляетъ на каждомъ шагу ихъ эстетическія чувства: это собраніе актеровъ, не умѣющихъ ни ходить, ни стоять, ни одѣться, какъ слѣдуетъ; а ихъ «необученныя глотки» (ungelehrte Kehle) — прямо-таки нѣчто ужасное... Подъ идеологическимъ лозунгомъ «во имя эстетики» постулируется отказъ антрепренеровъ пользоваться услугами столь компрометирующихъ сцену исполнителей.

Съ изгнаніемъ толпы, подчасъ очень шумной, на сценѣ какъ бы замираетъ жизнь. Остаются актеры, лишь «условно», лишь намеками передающіе то, что раньше зритель наблюдалъ воплощеннымъ въ массѣ образовъ, дававшихъ своей совокупностью рельефную картину дѣйствительности. Теперь дѣйствительность

*) Von der Absicht des Dramas. Dramaturgische Betrachtungen über die Reform der Scene namentlich im Hinblick auf die Shakespearebühne in München von Jocza Savits.

**) Savits, loc. cit., стр. 21.

исчезаетъ, уступивъ мѣсто коллекціямъ какихъ-то манекеновъ, едва двигающихся, едва говорящихъ. Передъ зрителемъ жизнь проходитъ завуалированною, сквозь призму тумана, или, употребляя выраженіе Л. Андреева, «какъ отдаленное эхо». Она «сокращается» до максимума.

Требованіямъ новой сцены спѣшатъ отвѣтить въ свою очередь и драматурги *). Они также изгоняютъ «толпу» изъ своихъ пьесъ. Также они озабочены тѣмъ, чтобы создаваемые ими литературные образы обладали минимальной жизнеспособностью, чтобы это были скорѣе символы, отвлеченныя формулы, чѣмъ портреты живыхъ людей. Характеръ сцены предопредѣляетъ въ сильной степени (но не всецѣло: рѣшающимъ факторомъ въ данномъ случаѣ оказывается все-таки жизнь, развертывающаяся за рамками сцены и, съ своей стороны, подсказывающая драматургу «могильные» мотивы) пристрастіе драматурговъ ко всему, такъ или иначе говорящему о «сокращенной» жизни, — ко всему умирающему, увядающему, разрушающемуся.

Но, увѣряютъ теоретики новаго театра, завуалированная жизнь, блуждающіе по сценѣ манекены отнюдь не могутъ служить доказательствомъ того, что театральное искусство, такъ сказать, отворачивается отъ жизни; напротивъ, по ихъ глубочайшему убѣжденію, «стилизація» равносильна наиболѣе яркой и выпуклой передачѣ жизненныхъ явленій. «Сокращая» жизнь на сценѣ, они думаютъ, что возвращаютъ жизнь на сцену. Равнымъ образомъ новѣйшихъ драматурговъ, повѣствующихъ о всевозможныхъ ужасахъ и видѣніяхъ смерти, нельзя причислить къ лагерю безнадежныхъ пессимистовъ, разъ навсегда поставившихъ крестъ надъ жизнью: ихъ «могильное» направленіе — иллюстрація модернистской формулы о «несказанномъ бытіи».

И они, наравнѣ съ «реформаторами театра», одинаково идеологи не отживающей, обанкротившейся общественной группы: напротивъ, группѣ, ихъ выдвинувшей, принадлежитъ если не сегодняшній, то во всякомъ случаѣ завтрашній день. Если же наблюдается нѣкоторое сходство между модернистскимъ культомъ смерти и кладбищенскими экскурсіями старой аристократической литературы, сходство это слѣдуетъ признать чисто внѣшнимъ.

Мы уже выяснили сущность «аристократизма» новѣйшихъ художниковъ слова. Въ связи со сказаннымъ сейчасъ можно сдѣлать слѣдующее дополненіе. Упорство, съ которымъ модернисты возвращаются постоянно къ «старымъ домамъ» и «вишневымъ садамъ», въ числѣ своихъ источниковъ имѣетъ несомнѣнно также и охарактеризованное пристрастіе къ «смерти»

---

*) Подробнѣе мы говоримъ объ этомъ въ сборникѣ „Кризисъ театра" (ст. „Новая сцена и новая драма").—Замѣтимъ здѣсь, что „модернизованный" театръ является все-таки неудачной попыткой разрѣшенія театральнаго кризиса: сокращая „перемѣнную" часть капитала, онъ слишкомъ „фанатично старается экономизировать" въ то же время на орудіяхъ и средствахъ производства. Въ этомъ заключается причина его фіаско на Западѣ и у насъ, причина, почему, не успѣвши расцвѣсть, подобнаго рода театральныя предпріятія повсемѣстно отцвѣтаютъ. Это именно типъ „дутыхъ" капиталистическихъ предпріятій, столь обычныхъ въ эпохи реорганизаціи промышленности, предпріятій, отвѣчающихъ общей тенденціи повышенія состава капитала односторонне — не развивающихъ надлежащимъ образомъ его постоянной части.

и «тьмѣ». Что «старые дома» разрушаются, что хозяйство «вишневыхъ садовъ» ликвидируется и послѣдніе продаются «кулакамъ», фактъ общеизвѣстный, о которомъ русская литература говорила съ очень давнихъ поръ. Новаго собственно въ данномъ случаѣ представители art nouveau ничего не сообщаютъ. И если тѣмъ не менѣе они постоянно избираютъ обстановку «старыхъ домовъ» и «вишневыхъ садовъ» для фона своихъ произведеній, не рискуя оказаться въ глазахъ читающей публики несовременными, ветхозавѣтными писателями, это происходитъ между прочимъ потому, что старые дома и вишневые сады — своего рода готовые «города мертвыхъ». Обстановка отходящей въ область историческихъ преданій культуры даетъ въ распоряженіе новѣйшихъ художниковъ слова безчисленную массу аксессуаровъ, помощью которыхъ можно создать поистинѣ «могильное» настроеніе. Пусть владѣльцы старыхъ домовъ, потомки «феодальныхъ» поколѣній представляютъ собой постепенно все болѣе и болѣе уменьшающуюся въ своей численности и вырождающуюся «касту». Но это именно и дѣлаетъ ихъ столь привлекательными объектами художественныхъ изображеній въ глазахъ модернистовъ. «Феодалъ» и «аристократъ», за которымъ только прошлое и ничего въ будущемъ,—да вѣдь это истинное воплощеніе «тьмы», сама ходячая «смерть»!

Перечисляя обитателей своего проектируемаго «города», андреевская Маруся забыла упомянуть о немъ. Но онъ безспорно долженъ быть признанъ полноправнымъ гражданиномъ идеальнаго общежитія, нарисованнаго модернистскимъ воображеніемъ. И фигура его въ произведеніяхъ новѣйшихъ беллетристовъ неизмѣнно чередуется съ фигурами сумасшедшихъ и разнаго рода дегенерантовъ. Это обстоятельство уже само по себѣ ясно указываетъ на одну изъ главныхъ причинъ, побудившихъ сторонниковъ «молодого» искусства утилизировать старую тему «феодальнаго» оскудѣнія, включить въ число своихъ фаворитовъ столь малосовременнаго «героя».

III.

Если процессъ производства сведется къ простому вращенію различныхъ машинъ, къ чисто механическимъ пріемамъ, для господства человѣчества надъ «матеріей», надъ природой настанетъ конецъ: таковъ, какъ мы отмѣчали выше, одинъ изъ аргументовъ, выдвигаемыхъ истолкователями міросозерцанія «новой» буржуазіи. Этотъ аргументъ, будучи взятъ absolute, внѣ связи съ общей нитью разсужденій означенныхъ «идеологовъ», долженъ продиктовать намъ невѣрную характеристику послѣднихъ. Получится представленіе, будто мы имѣемъ дѣло не съ патентованными защитниками новѣйшаго капитализма, а, наоборотъ, съ его противниками, не съ панегиристами машинной техники, а съ людьми, предающими ее анаѳемѣ. И мы принуждены будемъ отвести имъ мѣсто въ рядахъ общественныхъ группъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи или реставраціи старыхъ формъ хозяйства.

Дѣятели «новой литературы» выступаютъ съ категорическимъ протестомъ противъ «машины». Нѣкогда устами Баратынскаго

романтизмъ съ ужасомъ заявлялъ: «вѣкъ шествуетъ желѣзный» и въ «Русскихъ ночахъ» В. Одоевскаго оплакивалъ душу человѣка, превращенную, по его мнѣнію, въ «паровую машину», въ которой можно видѣть одни «винты и колеса», но слѣды какой бы то ни было жизни отсутствуютъ. Новая литература повторяетъ романтическія жалобы. «Винтами и колесами» называютъ себя рабочіе, фигурирующіе въ «Царѣ-Голодѣ» Л. Андреева. Машина описывается, какъ чудовище, отнимающее жизнь. Города съ ихъ фабриками и всевозможными сооруженіями, созданными машинной техникой, оказываются въ изображеніи модернистской литературы могилой человѣческаго развитія. Имъ противополагаются въ качествѣ положительнаго идеала панорамы какой-нибудь «буколической» или древнеэллинской культуры.

Подобное отношеніе къ машинѣ истолковывается обыкновенно какъ признакъ антибуржуазнаго образа мышленія модернистовъ. Съ своей стороны «новые» литераторы стараются всѣми силами утвердить за собой репутацію рѣчительныхъ оппонентовъ «третьяго сословія», urbi et orbi заявляя о своей ненависти къ «лавочному матеріализму» и «мѣщанству». Но понятіе о лавочномъ матеріализмѣ и мѣщанствѣ отнюдь не тождественно понятію «буржуазія» (точнѣе, капиталистическая буржуазія). А усвоенная критиками и читающей публикой соціальная оцѣнка модернизма основывается на недоразумѣніи, аналогичномъ тому, въ которое впалъ бы соціологъ, если бы сталъ судить о міровоззрѣніи современныхъ соціалъ-этиковъ и соціалъ-реформаторовъ по одному тезису, произвольно выхваченному изъ цикла ихъ идеологическихъ построеній.

На самомъ дѣлѣ принципіальными противниками машинной техники они считаться не могутъ. У нихъ же самихъ мы можемъ найти свидѣтельства ихъ сочувствія современному техническому прогрессу. Жалобамъ, расточаемымъ Л. Андреевымъ на «безформенное чудовище», убивающее человѣческую душу, можетъ быть противопоставлено принадлежащее тому же беллетристу восхваленіе новѣйшей техники, какъ источника необыкновенной силы человѣка. «Я люблю этихъ желѣзныхъ гигантовъ (поѣзда),— исповѣдуется авторъ разсказа «На станціи»,—когда они проносятся мимо, покачивая плечами и переваливаясь на рельсахъ отъ колоссальной тяжести и силы, и уносятъ куда-то незнакомыхъ мнѣ, но близкихъ людей. Они кажутся мнѣ живыми и необыкновенными; въ ихъ быстротѣ я чувствую огромность земли и силы человѣка, и когда они кричатъ повелительно и свободно, я думаю: такъ кричатъ они и въ Америкѣ, и въ Азіи, и въ огненной Африкѣ». Правда, заявленія подобнаго рода встрѣчаются въ модернистской литературѣ не часто, но это отнюдь не измѣняетъ сути дѣла. А суть въ томъ, что мнимая машинобоязнь модернистовъ не что иное, какъ аргументъ, взятый absolute, изъ числа силлогизмовъ, долженствующихъ служить цѣлямъ идеологической защиты современнаго капитализма. Подчеркиваніе этого аргумента—спеціальность «новой литературы». Другіе аргументы затрагиваются послѣдней лишь мимоходомъ. Оттого съ поля зрѣнія критиковъ они обыкновенно исчезаютъ. И «новое искусство» предстаетъ въ свѣтѣ невѣрнаго соціологическаго анализа.

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить модернистскую машино-боязнь, необходимо принять во вниманіе и модернистскіе гимны техникѣ. Машина порабощаетъ, обезсиливаетъ человѣка—машина дѣлаетъ человѣка свободнымъ и сильнымъ: вотъ два положенія, одновременно защищаемыя сторонниками новыхъ литературныхъ вѣяній и составляющія, повидимому, непримиримую «антиномію». Но разрѣшить эту антиномію вовсе не такъ трудно. Обоимъ положеніямъ нельзя придавать «безусловнаго» характера; и тому, и другому сопутствуетъ ограничивающая оговорка. Машина порабощаетъ, обезсиливаетъ человѣка при извѣстныхъ условіяхъ—машина дѣлаетъ человѣка свободнымъ и сильнымъ при извѣстныхъ условіяхъ: только такой смыслъ скрывается за означенными тезисами модернистской идеологіи. Вопросъ сводится, слѣдовательно, къ ближайшему опредѣленію этихъ условій. А опредѣленіе ихъ можно получить, обратившись къ центральному, по мнѣнію новой буржуазіи, фактору экономической жизни. Таковымъ факторомъ оказывается «квалификація». И въ окончательной редакціи выставленныя модернистами положенія гласятъ слѣдующее: машина порабощаетъ, обезсиливаетъ человѣка, лишеннаго квалификаціи—машина дѣлаетъ свободнымъ и сильнымъ человѣка, обладающаго квалификаціей. Квалифицированный работникъ управляетъ машиной, машина управляетъ неквалифицированнымъ работникомъ — доказываютъ постоянно въ своихъ трактатахъ современные соціалъ-этики и соціалъ-реформаторы. Модернистская «антиномія» является точнымъ воспроизведеніемъ ихъ доказательствъ.

Машина «управляетъ» рабочими массами, нарисованными авторомъ «Царя-Голода». Массы — припомнимъ сказанное нами выше—въ представленіи идеологовъ новой буржуазіи указываютъ на старую организацію промышленныхъ предпріятій: онѣ характеризуются названными идеологами неизмѣнно какъ армія необученнаго или малообученнаго труда. Другое дѣло, когда машина не требуетъ для себя массы рабочихъ рукъ, когда при ней состоятъ единичные производители,—слѣдовательно, производители, отвѣчающіе требованіямъ повышенной «выучки». Такого сорта машины, въ глазахъ модернистовъ, уже не чудовища. Правда, говоря объ одной такой „машинѣ", Л. Андреевъ не упоминаетъ вовсе о людяхъ, приводящихъ ее въ движеніе и регулирующихъ ея ходъ. Но, повторяемъ, культъ „квалификаціи", исповѣдуемый „новой" буржуазіей, не есть культъ квалифицированнаго пролетаріата. Капиталистическій авангардъ поклоняется идеѣ отвлеченной квалификаціи. Потому-то похвальное слово машинной техникѣ превращается у модернистскаго писателя въ похвальное слово „силѣ человѣка", т. е. человѣка „вообще", внѣклассовой абстракціи.

Итакъ, противопоставленіе индустріальнаго города и «буколической» панорамы, машины и «человѣка», выдвигаемое новѣйшей литературой, нельзя понимать буквально. какъ противопоставленіе двухъ безусловно исключающихъ другъ друга феноменовъ. Опять-таки мы имѣемъ дѣло не болѣе какъ съ однимъ изъ многочисленныхъ перепѣвовъ мотива, который въ произведеніяхъ апологетовъ современнаго капитала играетъ роль основного: въ новой плоскости разсматривается все та же проблема

П. Юшкевичъ.

Современныя религіозныя исканія.

1.

„По временамъ фикція беретъ въ современныхъ умахъ реваншъ у реальности. Человѣческая мысль устаетъ быть пассивнымъ, яснымъ зеркаломъ, отражающимъ въ себѣ вещи; ей доставляетъ иногда удовольствіе подышать на поверхность зеркала, чтобы затемнить и исказить заключенные въ немъ образы" (M. Guyau, „L'irréligion de l'avenir", c. XIX).

Когда двадцать лѣтъ назадъ Гюйо писалъ эти строки, онъ имѣлъ въ виду тогдашнихъ скептическихъ защитниковъ религіи—типа Ренана, доказывавшихъ необходимость ея то во имя эстетическихъ, то во имя утилитарныхъ, чисто практическихъ соображеній. Но мѣткое, образное сравненіе философа-поэта во всей своей силѣ примѣнимо и къ настоящему моменту, къ переживаемымъ теперь европейскимъ обществомъ—по крайней мѣрѣ, его верхами—настроеніямъ.

Удивительное, своеобразное зрѣлище представляетъ собой идеологическій міръ современнаго культурнаго человѣчества. Никогда еще, ни въ какомъ обществѣ духовная жизнь не была такъ безмѣрно богата, разнообразна и пестра, какъ въ настоящее время. Тысячи идейныхъ теченій—научныхъ, философскихъ, религіозныхъ, этическихъ, эстетическихъ—неустанно бороздятъ океанъ мысли по всѣмъ направленіямъ, сталкиваясь между собою, усиливая или ослабляя другъ друга, дробясь на мелкіе рукава или объединяясь въ могучіе, все захватывающіе въ своемъ движеніи потоки. Созданіе всеобъемлющей электронной теоріи, зарождающееся ученіе о превращеніи элементовъ, универсальная энергетика, радикальный пересмотръ основъ математики, а вслѣдъ за тѣмъ и механики съ физикой, неодарвинизмъ, неоламаркизмъ—таковы немногіе основные моменты происходящей теперь въ точной наукѣ революціи. Переходя въ область философіи, попадаешь точно въ дремучій лѣсъ: здѣсь и неокантіанство съ его безчисленными разновидностями, здѣсь и возрождающееся гегельянство, и неопозитивизмъ, неоидеализмъ, эмпиріокритицизмъ, прагматизмъ, гуманизмъ, различныя формы пантеизма и т. д., и т. д. безъ конца. То же богатство идей и направленій наблюдается въ религіозныхъ спекуляціяхъ, въ литературѣ, художественныхъ исканіяхъ, въ техникѣ. Во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго знанія нагромождены горы фактовъ, для обработки которыхъ привлечены безчисленныя теоріи, гипотезы, системы. Мысль стала необыкновенно плодовитой. День за днемъ приноситъ съ собой новыя открытія, новые методы изслѣдованія, новыя точки зрѣнія, распространяющія повсюду жизнь и разрушеніе. Въ мірѣ идеологіи ростетъ солидарность и взаимнозависимость различныхъ частей его: всякое измѣненіе въ одномъ какомъ нибудь пунктѣ немедленно же распростра-

няется во всѣ стороны концентрическими кругами и отдается въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ его, дѣлая еще болѣе запутаннымъ и безъ того сложный узоръ современныхъ идеологій.

Сложность духовной жизни нашей эпохи увеличивается еще и благодаря тому, что можно назвать историзмомъ современности. Не довольствуясь собственными идейными цѣнностями, мы сдѣлали своими всѣ идеи, которыя когда либо волновали человѣчество. Когда комета, возвращаясь изъ своего далекаго странствованія по запланетнымъ пространствамъ, приближается къ солнцу, у нея появляется блестящій, все растущій хвостъ. Въ своемъ поступательномъ движеніи человѣчество похоже на такую комету. Чѣмъ дольше живетъ оно, чѣмъ дальше подвигается къ своему неизвѣстному солнцу, тѣмъ длиннѣе становится тянущійся за нимъ яркій слѣдъ его исторіи. Культурное человѣчество никогда не идетъ свободнымъ, одно. Оно несетъ съ собой своихъ покойниковъ, оно несетъ на себѣ все ростущее бремя прошлаго. И чѣмъ дальше, тѣмъ большую долю современности начинаетъ представлять прошлое, тѣмъ больше дѣлается оно современностью. Благодаря нашему историзму, благодаря этой утонченной формѣ культа предковъ, мы живемъ въ равной мѣрѣ какъ собственными интересами и чаяніями, такъ и интересами всѣхъ временъ и народовъ. Богатство современной духовной жизни растетъ такимъ образомъ не только въ длину, но и въ ширину. Оно безконечность двухъ измѣреній.

Въ вихрь всѣхъ этихъ перекрещивающихся безчисленныхъ вліяній, въ самый центръ этого вихря брошенъ современный интеллигентъ. Изслѣдуя вопросъ объ отношеніи между личностью и обществомъ, соціологи приходятъ къ выводу, что личность есть явленіе вторичное, производное, что всякая индивидуальность это лишь узелъ, точка пересѣченія нѣсколькихъ соціальныхъ круговъ. Ни къ чему это ученіе о личности-узловомъ пунктѣ не примѣнимо въ такой степени, какъ къ духовной жизни современнаго европейскаго интеллигента. Душа современника это мѣсто интерференціи самыхъ разнородныхъ и даже противоположныхъ вліяній, это равнодѣйствующая безчисленныхъ сталкивающихся въ ней силъ. И чаще всего равнодѣйствующая, какъ результатъ вычитанія, а не сложенія: культурный европеецъ почти всегда меньше самого себя, меньше тѣхъ потенцій, которыя онъ въ себѣ содержитъ, слабѣе тѣхъ вліяній, которыя въ немъ борются за преобладаніе. Современный интеллигентъ—это Фаустъ, въ которомъ живутъ не двѣ, а много душъ, желающихъ отдѣлиться другъ отъ друга.

„Въ душѣ каждаго человѣка, не слишкомъ забитаго судьбой, не слишкомъ оттѣсненнаго на низшія ступени духовнаго существованія, пылаетъ фаустовская жажда безконечной широты жизни. Кто изъ насъ не испытывалъ желанія жить одновременно и въ своемъ отечествѣ, волнуясь всѣми интересами своей родины, и въ то же время гдѣ нибудь въ Парижѣ, Лондонѣ и Швейцаріи въ кругу другихъ, но тоже близкихъ интересовъ и людей? Какъ тяжело думать, что вотъ, можетъ быть, въ эту самую минуту въ Москвѣ поетъ великій пѣвецъ-артистъ, въ Парижѣ обсуждается докладъ замѣчательнаго ученаго, въ Германіи талантливые вожаки грандіозныхъ политическихъ партій ведутъ агитацію въ пользу идей, мощно затрагивающихъ существенные интересы общественной жизни всѣхъ народовъ, въ Италіи, въ этомъ краю, „гдѣ сладостный вѣтеръ подъ небомъ лазоревымъ вѣетъ, гдѣ скромная мирта и лавръ горделивый растутъ", гдѣ нибудь въ Венеціи въ чудесную лунную ночь цѣлая флотилія гондолъ собралась вокругъ красавцевъ-пѣвцовъ и музыкан-

товъ, исполняющихъ такъ гармонирующія съ этой обстановкой серенады, или, наконецъ, гдѣ нибудь на Кавказѣ „Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ, межъ утесистыхъ громадъ, бурѣ плачь его подобенъ, слезы брызгами летятъ“,—и все это живетъ и движется безъ меня, я не могу слиться со всей этой безконечной жизнью“.

Этой лирической жалобой о невозможности удовлетворенія фаустовскихъ стремленій начинается серьезнѣйшее гносеологическое изслѣдованіе, книга г. Лосскаго „Обоснованіе интуитивизма“. Любопытно, что даже на высотахъ отвлеченной мысли начинаетъ чувствоваться дисгармонія, прочно обосновавшаяся въ сердцѣ современника, хотя г. Лосскій ухватился за самую неинтересную сторону вопроса. Для развитія фаустовской психологіи совсѣмъ не характерно то, что современный интеллигентъ не обладаетъ божескимъ аттрибутомъ вездѣсущія. Несравненно важнѣе въ этомъ отношеніи необходимость вмѣстить— и вмѣстить гармонически, какъ одно цѣлое,—самыя различныя теоріи, системы, міровоззрѣнія. А этой цѣлостности и гармоничности нѣтъ въ современномъ интеллигентѣ. Онъ жизнерадостный пантеистъ съ Спинозой и Гёте; съ Шопенгауеромъ онъ пессимистъ, мечтающій о возсоединеніи съ небытіемъ; но и матеріализмъ переполняетъ его восторгомъ передъ суровой красотой законовъ превращенія силы и вещества. Твердя вслѣдъ за евангелистомъ, что „въ началѣ было Слово“, онъ не забываетъ и усвоеннаго марксизмомъ фаустовскаго: „въ началѣ было Дѣло“, прислушиваясь въ то же время и къ ученію Пишибышевскаго, что „въ началѣ былъ Полъ“. Онъ реалистъ, натуралистъ, символистъ, импрессіонистъ, мистикъ, позитивистъ — онъ все, что существуетъ на свѣтѣ, все это вмѣстѣ или порознь, одновременно или одно за другимъ. Современный интеллигентъ все знаетъ и всего хочетъ, и отъ того, что онъ все знаетъ и что онъ хочетъ всего — даже самого противоположнаго, — онъ страшно усталъ и ничего по настоящему не хочетъ. Онъ хотѣлъ бы хотѣть, но и этого не можетъ. Во внутренней своей жизни—это настоящее царство, раздѣленное на ся. Весь онъ сотканъ изъ противорѣчій, все нутро его разодрано изъ края въ край антиноміями, антиноміями теоретическими, антиноміями практическими, антиноміями между теоріей и практикой.

Одной изъ такихъ кардинальныхъ антиномій, пріобрѣтающей за послѣднее время все большее значеніе, является противорѣчіе между „разумомъ“ и „сердцемъ“, причемъ этимъ послѣднимъ терминомъ придется условно обозначить весьма смутную и неопредѣленную область чувствъ, надеждъ, чаяній, вѣрованій, иллюзій, мечтаній. Кристальная ясность и прозрачность мысли утомили современника; твердые, рѣзко очерченные контуры дѣйствительности больно рѣжутъ его ищущіе полусумрака глаза и онъ, по картинному выраженію Гюйо, „пишетъ“ на зеркало своей мысли, въ мутныхъ и туманныхъ образахъ фантазіи укрывается отъ преслѣдованій реальности. Смутное, неоформленное, сумеречное, полуцвѣтное и потому полузагадочное становится предметомъ жадныхъ исканій современника. Картина для него цѣннѣе дѣйствительности, силуэтъ лучше картины. Но намекъ дороже силуэта, намекъ дороже всего, ибо намекъ—отецъ настроенія. А современность—это эпоха настроеній въ узкомъ, спеціальномъ смыслѣ слова, это періодъ „импрес-

сій", импрессіонизма во всѣхъ областяхъ. Импрессіонистскій завѣтъ, данный нѣкогда Верленомъ поэтамъ, нынѣ универсализировался:

Rien de plus cher que la chanson grise
Où l'indécis au précis se joint.

„Ничего нѣтъ дороже сѣрой пѣсенки, въ которой неопредѣленное сочетается съ точнымъ". И въ этой смѣси, въ которой находитъ такую усладу современная психика, непрерывно растетъ доля неопредѣленнаго, той небулезы настроенія, вся прелесть которой заключается именно въ ея подчиненномъ относительно точной мысли значеніи.

Такой же всеобщій характеръ приняла и другая часть поэтическаго канона Верлэна, которымъ сразу открывается его „Поэтика": „De la musique avant toute chose". Волнующій, но расплывчатый и неуловимый „духъ музыки" господствуетъ теперь повсюду, покоряетъ себѣ всѣхъ, обманчиво обѣщая высшее и окончательное пониманіе реальности. Объ этомъ чарующемъ и фасцинирующемъ духѣ музыки великій мастеръ импрессіонизма, Ницше, писалъ когда-то:

„Замѣтили ли вы, что музыка дѣлаетъ свободнымъ умъ? даетъ крылья мысли? что становишься тѣмъ болѣе философомъ, чѣмъ болѣе становишься музыкантомъ? — Сѣрое небо абстракціи какъ бы бороздятъ молніи; свѣтъ достаточно силенъ для всего филиграннаго въ вещахъ; великія проблемы близки къ постиженію; міръ, озираемый какъ бы съ горы" („Ницше о Вагнерѣ", переводъ Н. Полилова, с. 6).

„Великія проблемы близки къ постиженію". Въ дѣйствительности это не такъ. То, что изображаетъ здѣсь Ницше, это только иллюзія, ложное ощущеніе ясности и пониманія, довольно извѣстное психологамъ, констатирующимъ его также въ явленіяхъ мистическаго экстаза или въ явленіяхъ псевдо-пониманія, столь обычныхъ въ сновидѣніяхъ. „Музыка" не дѣлаетъ свободнымъ ума, не даетъ крыльевъ мысли. Наоборотъ, она парализуетъ мысль, она связываетъ ея свободный полетъ. Духъ музыки, душа ея—это духъ ирраціональнаго.

Въ томъ-то и заключается основная антиномическая черта современности, что она стремится служить одновременно двумъ исключающимъ другъ друга богамъ: и проникающему всю науку духу раціональнаго, и духу ирраціональнаго, захватывающему мало по малу литературу, философію, отчасти даже точное знаніе. „Въ настоящее время", отмѣчаетъ Балдвинъ, „происходитъ движеніе философской мысли по направленію къ алогистическимъ точкамъ зрѣнія—беря это выраженіе у Бергсона, одного изъ главарей этого движенія во Франціи, — и прагматизмъ есть лишь крайняя и одна изъ наименѣе важныхъ фазъ его" („La pensée et les choses", с. XV). Это движеніе европейской мысли въ сторону алогизма — иначе говоря ирраціональнаго — съ каждымъ днемъ принимаетъ все большіе размѣры.

У насъ въ Россіи поклоненіе ирраціональному выступило за послѣдніе годы съ чисто азіатской примитивностью и грубостью. Одни безъ длинныхъ разговоровъ прямо выбросили логику за дверь. Другіе прикрываютъ это стилистической орнаментикой, игрой въ антитезы и пр. Но по существу и тѣ, и другіе бросаются въ объятія ирраціональнаго въ самыхъ суевѣрныхъ, не-

лѣпыхъ его формахъ: здѣсь и хиліастическія ожиданія, и вѣра въ чорта, и апокалиптическія пророчества. „Если косить все, то валяй и себя по ногамъ“, говорилъ Базаровъ. Въ „новомъ религіозномъ сознаніи“—на совсѣмъ противоположномъ полюсѣ духовной жизни—проявляется тотъ же духъ базаровщины, нигилизма или, какъ теперь говорятъ, максимализма. Русскій интеллигентъ непремѣнно долженъ былъ удивить міръ злодѣйствомъ и, осѣненный благодатью вѣры, онъ не замедлилъ, конечно, спросить вмѣстѣ съ г. Бердяевымъ: „быть можетъ, логическіе законы, которые держатъ насъ въ тискахъ, — это лишь болѣзнь бытія, дефектъ самого бытія, какъ бы результатъ грѣхопаденія?“

Европеецъ не позволитъ себѣ роскоши такой азіатчины. Отъ логики отказаться онъ не можетъ. Вѣру свою—хотя бы традиціонную—онъ постарается такъ или иначе примирить съ требованіями разума. „Сердцемъ я христіанинъ“, — говорилъ о себѣ современникъ Канта, Ф. Якоби, — „но разсудкомъ язычникъ“. Такимъ же „язычникомъ по разсудку“ является всегда европеецъ. Правами разума онъ не поступится ни въ коемъ случаѣ. Онъ будетъ придумывать тысячи способовъ, чтобы примирить требованія разума съ алканіями своей истомившейся, уставшей души, онъ постарается сдѣлать гибче и податливѣе какъ логику, такъ и вѣру,—но „валять себя по ногамъ“, но начисто отметать разумъ, тотъ принципъ, которымъ держится вся его культура, онъ ни за что не согласится. Онъ подышетъ на зеркало своей мысли, но не разобьетъ его.

Но зато европеецъ и мастеръ по части „дышанія“, по части незамѣтнаго, неслышнаго, вкрадчиваго обезсиливанія разума. „Ирраціональное“ въ его рукахъ обнаруживаетъ изумительную гибкость и ловкость въ своей борьбѣ съ разумомъ. Это настоящій протей, имѣющій тысячи различныхъ личинъ, способный къ тысячамъ воплощеній. То оно выступаетъ передъ вами какъ „философія цѣнностей“ (въ ея многочисленныхъ варіаціяхъ), то какъ ученіе объ единичномъ, конкретномъ, въ противоположность родовому, абстрактному, то какъ „философія свободы“, какъ „философія дѣйствія“, жизни, и т. д., и т. д. Духъ ирраціональнаго лукавъ; для его цѣлей пригодны всяческія одѣянія, хороши любыя формы. Онъ беретъ свое добро повсюду, гдѣ его находитъ. Вопреки Геффдингу, утверждающему, будто для идеализма начала XX вѣка характерны теченія, выдвигающія принципъ прерывности, „тогда какъ идеализмъ, господствовавшій въ началѣ XIX вѣка, былъ въ существенныхъ чертахъ философіей непрерывности“ („Современные философы“, 86, изд. Поповой), приходится замѣтить, что современный идеализмъ питается не одной только идеей прерывнаго, но столько же и идеей непрерывнаго. И именно въ обработкѣ принципа непрерывности нѣкоторыя направленія (напр., бергсоніанство) обнаруживаютъ настоящую виртуозность. Въ то время, какъ обычно матеріаломъ для построенія божества берется нѣчто пребывающее, постоянное, субстанціальное, здѣсь происходитъ своего рода дивинизація самого становленія, самого измѣнчиваго и творческаго потока бытія въ его непосредственности.

Но прерывное или непрерывное, этика или эстетика, исторія или естествознаніе—все это въ общемъ безразлично для духа ирраціональнаго, для той „воли къ вѣрѣ“, которая все сгущаю-

щимся туманомъ носится надъ европейскимъ обществомъ. Собственно здѣсь неправильно говорить о волѣ къ вѣрѣ,—это лишь хотѣніе вѣры, хотѣніе воли къ вѣрѣ, притомъ хотѣніе съ вѣчной оглядкой на безчисленныя другія хотѣнія, нашедшія себѣ пріютъ въ сердцѣ современнаго интеллигента, съ оглядкой на державныя права разума.

Современный интеллигентъ, въ которомъ загорается искра вѣры и религіознаго одушевленія, это не Савлъ, обращающійся въ Павла, это не евангельскій отецъ, съ воплемъ кричащій свое: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію". Въ его мистицизмѣ нѣтъ порыва, нѣтъ вдохновенія, страсти, бури; это—поэтическая дымка, музыкальная греза, это тихая мечта, въ которой растворяются и погашаются гложущія его противорѣчія. Этотъ мистицизмъ не соотвѣтствуетъ ни одному изъ тѣхъ двухъ основныхъ типовъ религіозности, которые В. Джемсъ различаетъ, какъ типы людей „однажды-рожденныхъ" (once—born) и дважды-рожденныхъ (twice—born). Однажды-рожденный—это энтузіастъ гармоничности бытія; онъ страстно вѣритъ или правильнѣе чувствуетъ красоту жизни. Его паѳосъ—убѣжденіе въ законченности и совершенности бытія. „Все, что называютъ хорошимъ, совершенно, и все, что называютъ плохимъ, совершенно", говоритъ Уотъ Уитманъ, яркій представитель этого типа. Дважды-рожденные, наоборотъ, проникнуты чувствомъ дисгармоніи, грѣховности, распада. Только духовный кризисъ и обращеніе—своего рода второе рожденіе—помогаютъ имъ достигнуть того цѣлостнаго и гармоничнаго отношенія къ бытію, которое естественно и сызначала присуще однажды-рожденнымъ.

Ни одна изъ этихъ характеристикъ не подойдетъ, конечно, къ легкому, импрессіонистскому мистицизму религіозныхъ исканій европейскаго интеллигента. Въ современникѣ нѣтъ ни паѳоса гармоніи, ни паѳоса дисгармоніи; въ немъ вообще нѣтъ паѳоса, ибо нѣтъ bathos'a, нѣтъ глубины въ его отношеніи къ міру. Его міроощущеніе скользитъ лишь по поверхности, не идетъ дальше эпидермы. Въ той разноцвѣтной мозаикѣ изъ желаній, идей, стремленій, изъ которыхъ складывается современная психика, появляется еще одинъ переливающій всѣми цвѣтами камень—неомистицизмъ, одно изъ тѣхъ безчисленныхъ „нео", которыя не перестаетъ выбрасывать изъ своихъ нѣдръ взбаламученная современность. Субъективно, для самого „мистика", этотъ новый элементъ, можетъ быть, и ослабляетъ нѣсколько центробѣжность его стремленій. Объективно же, со стороны глядя, система антиномій обагащается еще одной—основной антиноміей между „разумомъ" и „сердцемъ", между духомъ раціональнаго и ирраціональнаго.

2.

Tat tvam asi
Это—ты.
(Упанишады).

Это противорѣчіе слабѣе всего выступаетъ тамъ, гдѣ ирраціональное, если можно такъ выразиться, облекается въ раціональную форму. Я имѣю въ виду пантеизмъ или, вѣрнѣе, пан-

теистическое настроеніе, являющееся тѣмъ общимъ фундаментомъ, той главной идеологической артеріей, откуда, подобно второстепеннымъ протокамъ, разбѣгаются въ разныя стороны и куда возвращаются почти всѣ современныя попытки религіозныхъ построеній. Анализу пантеистическаго міросозерцанія и будетъ посвященъ, главнымъ образомъ, предлагаемый очеркъ.

Пантеизмъ, съ его имманентнымъ отношеніемъ божества къ міру, исключающимъ всякія чудесныя вмѣшательства въ область опыта сверхъестественныхъ агентовъ, не ставитъ самъ по себѣ препятствій научному развитію. Въ немъ бытіе, заключающее въ себѣ неразрывно связанный съ нимъ внутренній принципъ, предоставлено самому себѣ. Оно развертывается и раскрываетъ свое содержаніе по постояннымъ законамъ, столь же неизбѣжнымъ, какъ логическая цѣпь умозаключеній. Дѣйствительность, съ точки зрѣнія пантеизма (я имѣю въ виду наиболѣе развитыя формы его), вполнѣ детерминирована,—и этимъ удовлетворенъ основной постулатъ современной научной мысли.

Но, конечно, не эта, чисто отрицательная, сторона вербуетъ теперь—да и всегда вербовала—пантеизму многочисленныхъ сторонниковъ. Главную роль играетъ здѣсь присущее ему эмоціональное содержаніе, то свойственное ему специфическое „чувство вселенскости", которое для иныхъ натуръ имѣетъ неотразимую привлекательность. Съ эмоціональной стороны пантеизмъ представляетъ не какую нибудь опредѣленную философскую систему и даже не группу такихъ системъ, а нѣкоторую основную точку зрѣнія на міръ, особую психологическую категорію, очень богатую по своему значенію.

Названіе пантеизмъ —всебожіе—плохо передаетъ соединяемое съ этимъ словомъ содержаніе. Въ пантеизмѣ прежде всего важна не обожествленность, одушевленность всего, но гораздо больше единство, цѣльность, связность всего бытія. Правильно поступали поэтому Лессингъ и другіе нѣмецкіе мыслители XVIII вѣка, называя спинозизмъ—эту высшую научную форму пантеизма—системой ἓν καὶ πᾶν, системой единаго и всего. Для пантеиста бытіе всеедино, оно „многоединое", какъ выражался Дж. Бруно (moltiunico ente). Бытіе—это цѣлостность, цѣлое, это собственно единственное истинное цѣлое, и сравнительно съ нимъ всѣ частныя формы дѣйствительности—просто лишь сложенныя изъ меньшихъ частей системы. Для выраженія этого отношенія невольно напрашивается образъ организма. Такъ напримѣръ, Дицгенъ, который, какъ рѣдко какой другой мыслитель, былъ переполненъ этимъ чувствомъ вселенскости., неоднократно опредѣляетъ природу, какъ „мать всяческаго бытія", какъ „живой абсолютъ", какъ „живую вселенную". Но, несмотря на свою кажущуюся естественность, это сравненіе неудачно, и не только потому, что живыя существа имѣютъ органы, опредѣленные въ пространственномъ и функціональномъ отношеніи, а всеединое такихъ органовъ не обнаруживаетъ. Здѣсь важнѣе другое. Въ организмѣ органы его, при всей ихъ подчиненности цѣлому, имѣютъ еще нѣкоторое отдѣльное индивидуальное бытіе. Всеединое же—и это самая глубокая, основная тенденція пантеизма—не допускаетъ рядомъ съ собой какихъ либо индивидуальностей, даже подчиненныхъ, даже самого низкаго іерархическаго ранга. Вотъ разстилается безбрежный бездонный океанъ, живущій ка-

кой-то своеобразной дремотной жизнью. Легкая рябь морщитъ по временахъ морскую гладь; волны приходятъ, волны уходятъ, мимолетныя, недолговѣчныя. Индивидуальность, раздѣльность, особность всѣхъ отдѣльныхъ вещей въ мірѣ еще меньше индивидуальности этой слабой ряби на поверхности великаго океана бытія. Эта ихъ индивидуальность, это „многое" есть лишь обманчивое покрывало Майи (Веды), это иллюзія, мнѣніе (элейцы), это лишь модусъ бытія (Спиноза). Единое бытіе замкнуто въ самомъ себѣ, ничего нѣтъ внѣ него, помимо него.

«Какое существуетъ горе для того, кто узрѣлъ Единство въ мірѣ, это Единство жизни, Единство всего?—проповѣдывалъ на своихъ лекціяхъ браминъ Свами Вивекананда, посѣтившій нѣсколько лѣтъ назадъ Америку.—Это раздѣленіе между человѣкомъ и человѣкомъ, между мущиной и женщиной, между мущиной и ребенкомъ, между націей и націей, между землей и луной, между луной и солнцемъ, это раздѣленіе между атомомъ и атомомъ—по истинѣ причина всяческаго бѣдствія, и Веданта говоритъ, что это раздѣленіе не существуетъ, что оно не реально. Оно только кажущееся, только на поверхности. Въ сердцѣ вещей царитъ единство. Если вы пойдете глубже, вы найдете это единство между человѣкомъ и человѣкомъ, между женщинами и дѣтьми, между расами и расами, между высокимъ и низкимъ, богатыми и бѣдными, богами и людьми: всѣ—одно, и также животныя, если вы достаточно углубитесь, и кто достигъ этого познанія, для того нѣтъ больше иллюзіи...» (См. W. James „Pragmatism, a new name tce", с. 152).

Въ этомъ ученіи о поглотившемъ въ себѣ все индивидуальное всеединомъ есть какая-то чарующая прелесть, какая-то огромная притягательная сила, благодаря которой оно во всѣ времена привлекало къ себѣ умы и сердца выдающихся личностей. Если, не смущаясь грубой классификаціей, раздѣлить людей на созерцательныя и дѣйственныя натуры, то личности созерцательнаго типа, вообще говоря, окажутся тяготѣющими къ системѣ ἓν καὶ πᾶν. Въ человѣческой психикѣ существуетъ нѣкоторый уклонъ въ сторону пантеизма, имѣется—среди другихъ тенденцій—и наклонность потонуть, растворіться въ общемъ, размыть свою индивидуальность. Это пассивное начало человѣческой психики, «вѣчно женственное» въ ней.

„Im grenzelosen sich zu finden,
Wird gern der Einzelne verschwinden,
Da löst sich aller Ueberdruss;
Statt heissem Wünschen, wildem Wollen,
Statt lästigem Fordern, strengem Sollen,
Sich aufzugeben ist Genuss" (Fête).

Отдать себя безконечному, слиться съ нимъ — таково господствующее настроеніе созерцательныхъ натуръ. Въ основѣ этого настроенія лежитъ, вѣроятно, какой-то глухой темный инстинктъ, бьющій изъ тѣхъ же родниковъ, откуда берутъ начало и половой инстинктъ, и соціальныя наклонности. Но, какъ и всегда, общественная жизнь расцвѣчиваетъ біологическій первофеноменъ самымъ яркимъ идеологическимъ рисункомъ. Далѣе соціальная обстановка вліяетъ и въ томъ отношеніи, что благопріятствуетъ или, наоборотъ, задерживаетъ ростъ этой созерцательной тенденціи. Во всякомъ случаѣ у этого ключа созерцательности пи-

тается значительная доля такихъ идеологическихъ образованій, какъ поэзія, художественное творчество, религіозное творчество, философія. Во всемъ этомъ мотивъ созерцательности, настроеніе отдаванія себя, самопогашенія, чувство связности, вселенскости играетъ огромную роль.

Но пантеистическое отдаваніе себя не исключаетъ нѣкотораго сохраненія личности, даже нѣкотораго особаго безсмертія. Евангельскія слова о томъ, что только погубившій душу свою сохранитъ ее, оправдываются и здѣсь, въ области самого рѣшительнаго устраненія индивидуальности. Въ связности всего существующаго, въ этой своеобразной круговой порукѣ всего бытія, пантеистъ получаетъ эквивалентъ пожертвованной имъ личности. Какъ Будда, отдавшій себя на съѣденіе голодной тигрицѣ, пантеистъ бросается въ жадную пасть универсума, но только для того, чтобы въ болѣе утонченной формѣ утвердить свое „я". Отдавая себя всему, онъ во всемъ находитъ себя. Точно драгоцѣнное многогранное зеркало, міръ тысячекратно отсылаетъ ему его собственный образъ,—улыбающійся, гнѣвный, добрый, суровый, бурный, величественно-спокойный и безмятежный,—главное, спокойный и безмятежный. Пантеистъ подобенъ тѣмъ художникамъ, которые во всѣхъ своихъ герояхъ изображаютъ лишь себя. Онъ весь міръ наполнилъ собой. „Это—ты", такъ формулировало соотвѣтствующее настроеніе золотое правило индійской мудрости, ея „великое слово" (mahavakya). „Это—ты", „это—ты", шепчетъ, говоритъ, кричитъ, гремитъ пантеисту тысячами голосовъ все въ мірѣ.

«Я хочу летать, плавать, лаять, рычать, выть. Я желалъ бы имѣть крылья, щитъ черепахи, одѣться корой, выдыхать паръ, обладать хоботомъ, извиваться, разсѣяться повсюду, быть во всемъ, уноситься съ запахами, распространяться, какъ растеніе, течь, какъ вода, звенѣть, какъ звукъ, блистать, какъ свѣтъ, затаиться во всемъ, пронизать каждый атомъ, погрузиться до дна матеріи,—быть матеріей!" („Искушеніе св Антонія").

Измученный своими религіозными сомнѣніями аскетъ здѣсь только лишь мечтаетъ и ищетъ пантеистическаго настроенія. Для индійскаго подвижника, для спинозиста, разсматривающаго вещи sub specie aeternitatis, для художника пантеистической складки—это ужъ пройденная ступень: онъ просто чувствуетъ, непосредственно переживаетъ свое единство съ космосомъ. „Когда я смотрю на лѣсъ, разсказываетъ гдѣ-то Мопассанъ, я живо ощущаю его; я чувствую, какъ лѣсъ входитъ въ меня: я самъ становлюсь лѣсомъ". Шелли, Уотъ Уитманъ, К. Гамсунъ и многіе другіе властители современныхъ настроеній могли бы сказать о себѣ то же самое.

Въ вѣчномъ непрестанномъ круговоротѣ бытія вездѣ *я*, повсюду *я*. Въ пантеизмѣ такимъ образомъ совмѣщается одновременно и погашеніе личности, и утвержденіе ея. Центральное ядро пантеистическаго настроенія—какъ ни парадоксально звучитъ оно—это принципъ безличнаго безсмертія, это ученіе о сохраненіи безличной личности. Этотъ паѳосъ безличнаго безсмертія, конечно, гораздо выше анимистическаго догмата о личномъ безсмертіи. Но пантеизмъ все-таки остановился на полпути; онъ не разорвалъ окончательно оковъ индивидуальности, онъ не вполнѣ еще деперсонализировался. А что человѣчество способно на это, что оно способно къ паѳосу безличнаго въ чистомъ видѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы восторженныя матеріали-

стическія описанія Бюхнерами и Молешоттами круговорота вещества. Естественно-научный матеріализмъ радостно ухватился за библейское ученіе о томъ, что человѣкъ взятъ изъ земли и въ землю вернется. Въ этомъ возвратѣ въ землю, въ этомъ совершающемся по неизмѣннымъ и точнымъ законамъ теченіи матеріи человѣческой личности есть нѣчто, вызывающее блѣдный, но по своему прекрасный космическій энтузіазмъ. Безсмертіе матеріи, ненарушимость законовъ природы въ состояніи доставить отвлеченные—но реальные—восторги, несомнѣнно болѣе чистые, чѣмъ связанныя съ надеждой на личное безсмертіе радости. Конечно, этимъ не накормишь того, кто мечтаетъ о сохраненіи святой плоти, о безсмертіи преславнаго тѣла съ крѣпкими зубами, блестящимъ взоромъ, могучими мышцами и чреслами. Еще менѣе удовлетворится этимъ правовѣрный мусульманинъ, мечтающій о гуріяхъ съ вѣчно возобновляющейся дѣвственностью (тоже видъ—хотя и частичный — безсмертія!), или эскимосъ, который обязательно потребуетъ, чтобъ въ преображенный міръ съ нимъ были взяты его собака и китовый жиръ. По счастью въ человѣческихъ вкусахъ наблюдается прогрессъ въ смыслѣ ихъ утоньшенія, спиритуализированія, прогрессъ, направленный въ сторону подстановки (субституціи) однѣхъ цѣнностей другими, болѣе посредственными, отвлеченными, символическими. „Выше любви къ людямъ, восклицаетъ Заратустра, любовь къ вещамъ и призракамъ". Вся наша жизнь наполнилась „призраками", символическими сущностями, все болѣе и болѣе заправляющими нашимъ существованіемъ. Прошедшее, будущее, слава, солидарность, наука, красота, законы природы—сколько властныхъ призраковъ, сколько царственныхъ символовъ!

„Передъ несомнѣнной „гніющей массой" что значитъ сомнительное нетлѣніе въ славѣ, въ памяти человѣчества?—спрашиваетъ г. Мережковскій.—Утѣшать такимъ безсмертіемъ все равно, что кормить нарисованнымъ хлѣбомъ. Это пустая риторика или злая шутка" (см. статью „Въ обезьяньихъ лапахъ").

Это неправда. Символическое безсмертіе въ потомствѣ или же еще болѣе отвлеченное безсмертіе матеріи, законовъ природы и пр. уже и теперь, во многихъ случаяхъ, способны удовлетворять человѣка и стать мотивомъ всей его дѣятельности. Въ дальнѣйшемъ это настроеніе можетъ только возрастать. Съ необходимостью и боги не воюютъ. Человѣчество должно будетъ приспособиться къ различнымъ формамъ символическаго безсмертія. Передъ нимъ здѣсь неумолимая дилемма: se soumettre ou se demettre. Подчиниться законамъ естества или устраниться. Все прошлое человѣческой психики, этого удивительно гибкаго и пластичнаго органа, говоритъ за то, что она сумѣетъ подчиниться, и именно такъ, какъ по словамъ Бэкона, долженъ подчиняться человѣкъ, чтобъ побѣдить природу. Факта личной смерти нельзя побѣдить прямо, въ схваткѣ одинъ на одинъ; его можно лишь психологически обезвредить. Различнымъ религіознымъ ученіямъ, т. е. системамъ изъ анимистическихъ иллюзій, ужъ неоднократно удавалось создавать въ человѣчествѣ соотвѣтствующій психологическій иммунитетъ. Неужели же эта задача окажется не по силамъ тѣмъ „призракамъ", которыхъ во все бо́льшемъ количествѣ приводитъ съ собой прогрессирующая общественная жизнь?

3.

Пантеистическое настроеніе теперь широко распространено въ европейскомъ обществѣ. Міровоззрѣніе Ведъ, элейцевъ, Спинозы, находитъ сочувственный откликъ въ сердцѣ современнаго интеллигента. Рядъ обстоятельствъ способствуетъ этому.

Если рѣшиться примѣнять психологическія категоріи къ цѣлымъ общественнымъ группамъ, то интеллигенція, вообще говоря,—исключая эпохи бурь и натиска — представляетъ собой типъ созерцательный, не дѣйственный. Набираясь изъ разныхъ классовъ, а въ частности изъ рядовъ мелкой буржуазіи, этого класса-амфибіи, она по самому своему соціальному положенію, предрасположена къ психологіи Фауста съ его двумя душами, стремящимися отдѣлиться другъ отъ друга. Разрываемая въ противоположныя стороны, она не чувствуетъ склонности къ борьбѣ. Борьба—не ея стихія. Наоборотъ, она охотно мечтаетъ о примиреніи соціальныхъ антагонизмовъ, объ объединеніи противоположныхъ интересовъ, о гармонизаціи общественнаго бытія. Многосмысленность и неопредѣленность ея соціальнаго существа отражается въ ея головѣ въ видѣ сознанія своего исключительнаго, внѣклассового и надклассового положенія, въ видѣ сознанія своей особой, общечеловѣческой миссіи. Это убѣжденіе питается еще и особымъ характеромъ ея профессіональной области дѣятельности. Деньги не пахнутъ. Но не пахнутъ—вообще говоря—и идеи, не носятъ на себѣ печати своего происхожденія. Въ сокровищницу мысли всѣ времена, всѣ народы, всѣ классы вносили свои доли. Іисусъ и Гаутама, одинаково положили начало двумъ универсальнымъ религіямъ. Стоическая мораль одинаково возвышенно отразилась и въ писаніяхъ раба Эпиктета, и въ размышленіяхъ могущественнаго римскаго Кесаря. Царство мысли это царство общечеловѣческаго. И слабый отблескъ этой общечеловѣчности, падая на хранительницу коллективнаго сокровища—на интеллигенцію, еще болѣе усиливаетъ въ ней иллюзію выпавшей на ея долю миссіи всеобщаго примирителя.

Съ высотъ своего общечеловѣческаго идеологическаго Wolkenkukasheim'а интеллигенція плохо разбирается въ картинѣ соціальной схватки. Черезъ плотную атмосферу идей, въ которой она вращается всю свою жизнь, общественные антагонизмы доходятъ до нея заглушенными, какъ звукъ черезъ толстый слой ваты. Знакомая съ тѣмъ, какъ легко укладываются рядомъ мысли въ головѣ, она съ недоумѣніемъ глядитъ на болѣзненное столкновеніе вещей въ пространствѣ. Все ростущій соціальный конфликтъ кажется ей дѣломъ какого-то рокового недоразумѣнія, какого-то нежеланія понять другъ друга и сговориться. Это недоразумѣніе можно устранить, если только найти подходящее слово, подыскать надлежащую идею. А у нея, хранящей слова и идеи всѣхъ временъ, не мало найдется такихъ цѣлебныхъ формулъ. Къ чему эта дикая, ослѣпленная вражда? Почему эта близорукость и упрямый отказъ признать и оцѣнить другъ друга? Развѣ она, интеллигенція, не представ-

ляетъ собой наглядный примѣръ возможности всеобщаго благоволенія?

Но къ несчастью всѣ эти заклинанія и убѣжденія мало измѣняютъ положеніе вещей. Враждующія стороны не внемлютъ голосу просвѣщеннаго посредника и продолжаютъ непрерывно вооружаться. Конфликтъ продолжаетъ обостряться. Настроеніе борьбы на крайнихъ полюсахъ соціальной жизни все крѣпнетъ. И чѣмъ нестерпимѣе становятся соціальныя тренія, чѣмъ многочисленнѣе признаки предстоящихъ столкновеній, тѣмъ охотнѣе начинаетъ уноситься интеллигенція отъ тяжелой обстановки борьбы въ царство заоблачной гармоніи. Плохо успѣвая въ роли сабинянки, бросающейся между двумя своими мужьями, интеллигенція превращается въ мудреца, въ іоги, прозрѣвшаго и презрѣвшаго суету людскую и стремящагося къ сліянію со всеединымъ.

Въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и другой факторъ,— именно крайнее обостреніе борьбы за существованіе внутри самой интеллигенціи. Производство идей—какъ и всѣ другіе виды производства—страшно интенсифицировалось, американизировалось и требуетъ теперь огромнаго напряженія нервовъ. Чтобъ имѣть успѣхъ, надо успѣть во время. Медленная, соблюдающая свое достоинство, артистическая работа теперь не ко двору. Современный беллетристъ, напримѣръ, не можетъ, какъ въ доброе старое время, годами вынашивать въ себѣ и перерабатывать свое произведеніе, пока изъ него не получится перла созданія. Горацевскій совѣтъ стихотворцу: nonum prematur in annum—выпускать въ свѣтъ свою работу лишь на девятый годъ— потерялъ всякій смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ рынокъ сталъ выбрасывать ежегодно десятки тысячъ книгъ и десятки тысячъ лицъ—цѣлые полки, цѣлые корпуса писателей стали работать изо дня въ день для удовлетворенія потребностей многомильоннаго читателя.

Это примѣнимо, конечно, не къ одной беллетристикѣ. То же самое наблюдается и во всѣхъ другихъ областяхъ идейнаго творчества. Вездѣ тысячи конкуррентовъ, вездѣ страшная давка, лихорадка спекуляціи, картина биржевого ажіотажа, обстановка ристалища. Внутрисоціальное давленіе увеличилось во много разъ, но пропорціонально съ этимъ не возросло сопротивленіе нервной системы.—Къ давленію, оказываемому настоящимъ, присоединяется еще все ростущее бремя прошлаго, всѣмъ своимъ вѣсомъ наваливающагося на современника. „Я радъ", сказалъ однажды Гёте въ разговорѣ съ Эккерманомъ по поводу одного молодого, подававшаго надежды, поэта: „я радъ, что мнѣ теперь не 18 лѣтъ. Когда мнѣ было 18 лѣтъ, Германіи тоже было лишь восемнадцать, и тогда можно было кое-что сдѣлать. Но теперь требуется невѣроятно много, и всѣ дороги заняты. Германія сама стоитъ во всѣхъ областяхъ такъ высоко, что мы едва можемъ обозрѣть все, а тутъ еще мы должны быть греками и римлянами, а въ придачу англичанами и французами!" Если уже Германія 1824 года вышла изъ періода своей юности, то тѣмъ болѣе приходится это сказать о современномъ обществѣ. Конечно, для геніевъ, какъ Гёте, всегда открыты всѣ пути. Да и вообще, несмотря на ростущую тягость прошлаго, въ среднемъ интеллектуальные работники не становятся хуже. Можетъ быть, еще не

достигнутъ предѣлъ эластичности человѣческаго мозга, можетъ быть, незамѣтно совершается процессъ приспособленія его къ новымъ условіямъ работы. Фактъ во всякомъ случаѣ тотъ, что съ своей работой справляются, но справляются при все ростущемъ чувствѣ утомленія. Какъ реакція противъ этого непрерывнаго нервнаго напряженія и пробуждается потребность въ отдыхѣ, безмѣрная жажда покоя, составляющая основной пластъ современныхъ интеллигентскихъ настроеній*). Ежедневная, ежечасная борьба—борьба большей частью молчаливая, съ стиснутыми зубами, борьба, своей неприглядностью больно задѣвающая утонченное чувство,—сама собой порождаетъ наклонность къ созерцанію. Хорошо отдохнуть отъ участія въ этой свалкѣ человѣческихъ эгоизмовъ! Хорошо устраниться отъ всего, чтобъ стороннимъ лишь зрителемъ наблюдать иллюзію и комедію человѣческаго существованія! Какъ отдыхаетъ взоръ, переносясь отъ этого вѣчно взбудораженнаго муравейника крохотныхъ интересовъ къ величественной картинѣ природы съ безшумнымъ и безстрастнымъ ритмомъ ея процессовъ! Природа не любитъ, но она и не завидуетъ; природа не поможетъ въ горѣ, но она и не используетъ промаха. Съ ней не нужна лихорадочная торопливость. Отъ нея никогда не отстанешь. Она идетъ впередъ, но ты всегда съ ней наравнѣ. Точно застывшая вѣчность, соединяющая прошлое и будущее съ настоящимъ, она всегда сопутствуетъ человѣку.

Полна вражды и антагонизмовъ соціальная жизнь. Всѣ мечутся, каждый рветъ и тянетъ въ свою сторону. Соціальная связь, узы солидарности не чувствуются интеллигенціей. Общественное бытіе здѣсь пульверизировано, атомизировано. Каждая личность—это микрокосмъ, желающій втянуть въ себя весь макрокосмъ, это атомъ, твердый, жесткій, непроницаемый, только толчками соприкасающійся съ другими личностями-атомами. Въ сравненіи съ этимъ прерывнымъ, разорваннымъ, антагонистичнымъ міромъ какимъ единымъ и связнымъ представляется космическое бытіе въ его освѣщеніи современной наукой! Весь міръ — въ своемъ настоящемъ и прошломъ — одно цѣлое. Все связано со всѣмъ. Тонкая свѣтовая линія, прорвавшаяся сквозь щель спектроскопа, несетъ съ собой вѣсть о далекихъ міровыхъ переворотахъ на какой-нибудь звѣздѣ, имѣвшихъ мѣсто, можетъ быть, сотни лѣтъ назадъ. На солнцѣ происходятъ атмосферическія бури, и въ отвѣтъ на это перестаетъ дѣйствовать телеграфная и телефонная сѣть, нарушается система сношеній культурнаго человѣчества. Развитіе науки за послѣднее время все больше подчеркиваетъ и настаиваетъ на этой интимной связи бытія. Нѣтъ, утверждаетъ она, перерывовъ въ сущемъ, нѣтъ между тѣлами пустого пространства. Два притягивающихся магнита—

*) Американскій психологъ Льюба правило подчеркиваетъ значеніе потребности въ покоѣ, какъ одного изъ важныхъ моментовъ религіозной жизни. „Это, говоритъ онъ, можетъ быть, наиболѣе универсальная изъ религіозныхъ цѣнностей. Если бы религія не умиротворяла, не успокаивала, она была бы лишена одного изъ своихъ могущественнѣйшихъ средствъ привлеченія“ (Leuba, „Les tendances fondamentales des mystiques chrétiens“, Rev. philosop. 1902 г., с. 470). Знаменитый нѣмецкій мистикъ, мейстеръ Экгартъ, говорилъ, что „наиболѣе высокое намѣреніе Бога въ его твореніяхъ это его отдохновеніе (успокоеніе) въ человѣкѣ и наиболѣе высокое намѣреніе человѣка—его отдохновеніе въ Богѣ“.

это не просто два источника силъ, раздѣленные пустымъ, индифферентнымъ пространствомъ, которые существовали бы со своими качествами и независимо другъ отъ друга. Со временъ Фарадея это якобы безразличное пространство превратилось въ силовое поле, стало, наоборотъ, играть первостепенную роль въ явленіяхъ притяженія; оно не разъединяетъ притягивающіяся массы, оно связываетъ ихъ.

Эту подкрѣпляемую наукой идею объ единствѣ вселенной охотно разукрашиваетъ и расцвѣчиваетъ современная душа. Уставшая отъ соціальныхъ антагонизмовъ, она вкладываетъ въ нее особое желательное ей эмоціональное содержаніе, видя въ ней залогъ гармоничности и солидарности сущаго. Общественная жизнь насквозь эгоистична, мелка, тороплива. Тѣмъ сладостнѣе кажется интеллигенту мысль о спокойной серьезности, неспѣшности и объединенности всего бытія. Чѣмъ меньше стройности въ его соціальномъ чувствѣ жизни, тѣмъ больше гармоніи вкладываетъ онъ въ свое космическое чувство жизни *).

Но не одна только картина соціальныхъ антагонизмовъ,— вообще вся обстановка города, внутри котораго развертывается современная война всѣхъ противъ всѣхъ, способствуетъ зарожденію и укрѣпленію этого пантеистическаго чувства. Настроеніе эфемерности и иллюзіонности существованія представляетъ собой почти естественный продуктъ большого города. Городская жизнь это непрерывный калейдоскопъ: люди, вещи, идеи, чувства, въ вѣчной скачкѣ смѣняютъ одно другое. Сегодня вытѣсняетъ вчера, чтобъ въ свою очередь быть вытѣсненнымъ и забытымъ завтрашнимъ днемъ. Время сдѣлалось скоротечнымъ, точно стали ходъ его разсматривать черезъ увеличительное стекло. Нельзя сказать прекрасному мгновенью, чтобъ оно остановилось, ибо городъ не знаетъ остановокъ; какъ поѣздъ ночью въ степи, онъ безумно мчится впередъ и впередъ, со все большей быстротой врѣзываясь въ будущее. Весь темпъ жизни страшно участился. Мы даже быстрѣе ходимъ, даже быстрѣе говоримъ, чѣмъ въ старину. Скорость всѣхъ нашихъ движеній, всего оборота нашей жизни непомѣрно возросла, а вмѣстѣ съ этой скоростью, но еще больше ея—пропорціонально квадрату ея, сказалъ бы математикъ—возрастаетъ и сумма истрачиваемой нами энергіи. Все съ большимъ трудомъ окупая эти траты, горожанинъ начинаетъ томиться по медленному темпу жизни, по размѣреннымъ и спокойно протекающимъ ритмамъ природы.

Этому чувству родственно другое, которое можно бы назвать чувствомъ субстанціальности. Въ природѣ насъ притягиваетъ не только величественное спокойствіе ея, но и ея осязательность, массивность. Въ раскаленной атмосферѣ современныхъ городовъ вѣскость и солидность существованія словно улетучивается. Въ городѣ все течетъ, въ немъ нѣтъ мѣста чувству матеріальности, плотности бытія. Городъ динаменъ до крайности. Оторванный отъ природы, укрывшись за каменныя стѣны своихъ домовъ, онъ ведетъ какое-то абстрактное

---

*) Заимствую это выраженіе у Геффдинга, у котораго оно равнозначуще съ религіей въ широкомъ смыслѣ слова (см. „Философія религіи", с. 108). Почти въ томъ же смыслѣ говоритъ Джемсъ о „космической эмоціи" (cosmic emotion).

монизмъ исключаетъ метафизическій генизмъ. Нѣтъ абсолютной, все замыкающей въ себѣ системы: всесистема и есть именно иллюзія, слово, имя, одно изъ тѣхъ многочисленныхъ пустыхъ, но кажущихся необыкновенно значительными словъ, которыя умѣетъ создавать человѣческая мысль. Существуютъ только относительныя системы, разныхъ размѣровъ и значенія, какъ коробочки входящія одна въ другую—и такъ до безконечности. Релативизмъ предполагаетъ такимъ образомъ безконечность, инфинитность бытія, въ то время какъ всякій философскій абсолютизмъ, по логической конструкціи своей, тяготѣетъ къ законченной, округлой, ограниченной реальности. *) Въ этомъ отношеніи Парменидъ со своимъ міромъ—ограниченнымъ шаромъ консеквентнѣе Спинозы, одарившаго свою субстанцію безконечными свойствами. Логична была и вся, стоявшая на точкѣ зрѣнія философскаго абсолютизма древность, которая—правда, болѣе изъ эстетическихъ соображеній—представляла себѣ міръ, въ виду его совершенства, ограниченнымъ.

Нѣтъ міра, какъ цѣлаго. Это представленіе лишь особая разновидность духа антропоморфизма, заставляющаго здѣсь человѣка—этотъ маленькій міръ, микрокосмъ—рисовать себѣ міръ въ видѣ большого человѣка, Макрантропа. Есть міры, частныя міровыя системы, выстраивающіяся въ безконечную перспективу все болѣе объемистыхъ вселенныхъ. Въ этой мысли о безграничномъ, безконечномъ, есть, дѣйствительно, что-то головокружительное, нѣчто подобное ощущенію недомоганія, вызываемому въ насъ взглядомъ въ бездну. Отъ этой мысли хочется спрятаться, укрыть голову подъ крыло какой нибудь уютной ограниченности, какой нибудь успокаивающей замкнутости. Не скоро еще европейская мысль привыкнетъ къ тому простору безконечности, на который ее вырвали изъ тѣснаго и душнаго классическаго міра Коперники и Бруно. Не скоро она еще станетъ энтузіастомъ безграничнаго, преисполнится при видѣ безконечности того героическаго одушевленія—eroico furore,—который заставлялъ Бруно восклицать: „любите, если вамъ угодно, женщину, но не забывайте быть поклонникомъ безконечнаго!“... **)

Мало научна и другая основная предпосылка пантеизма, именно предполагаемое имъ всеобщее одушевленіе.

Не то, что мните вы, природа—
Не слѣпокъ, не бездушный ликъ:
Въ ней есть душа, въ ней есть свобода,
Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ (Тютчевъ).

На этой точкѣ зрѣнія гилозоизма — одушевленія матеріи—стоитъ поэтическое творчество. Если мы уже перестали быть политеистами даже въ поэзіи и, читая пушкинское: „Пока не

---

*) Я обхожу здѣсь современныя математическія спекуляціи о трансфинитномъ, этой положительной, хорошей безконечности, долженствующей сомѣстить въ себѣ неограниченность прежней отрицательной, «дурной» безконечности съ завершенностью конечнаго. Теологизирующіе философы съ радостью ухватились за эти новые символы, видя въ нихъ подкрѣпленіе въ пользу ученія о безконечномъ личномъ Божествѣ.

**) Впрочемъ, Бруно, согласно новѣйшей терминологіи, пришлось бы назвать трансфинитистомъ, а не инфинитистомъ, ибо воспѣваемую имъ безконечную вселенную онъ представляетъ себѣ, какъ нѣчто цѣлое и завершенное

требуетъ поэта къ священной жертвѣ Апполонъ", находимъ это архаичнымъ и малоубѣдительнымъ, то пантеистическое одушевленіе природы поэтомъ и понынѣ продолжаетъ заражать насъ соотвѣтствующей эмоціей. „Море смѣется", „море дышитъ", „туча хмурится", истолковываетъ намъ поэтъ душу и языкъ природы, и мы охотно вѣримъ ему, легко становимся на мигъ анимистами.

Но именно только на мигъ. Поэтическій образъ подобенъ вспышкѣ магнія, озаряющей ослѣпительнымъ, но длящимся лишь мгновеніе свѣтомъ картину равнодушной и бездушной природы, погружающейся послѣ нея въ свой прежній мракъ безразличія. Это безразличіе природы пантеистъ пытается сломить ученіемъ о всеобщемъ одушевленіи, ученіемъ, соблазнительнымъ по своимъ широкимъ перспективамъ, заставляющимъ созвучно дрожать сокровеннѣйшія струны нашего сердца. Въ пользу гипотезы панпсихизма сторонниками ея собрана масса доводовъ. Помимо чисто теоретико-познавательныхъ аргументовъ указывается и на развитіе самой науки, все больше заполняющее пропасть между органическимъ и неорганическимъ, одушевленнымъ и неодушевленнымъ; указывается и на трудность объясненія возникновенія психики, если не допуститъ ея существованія—понятно, въ элементарной, зачаточной формѣ—даже въ такъ называемой мертвой природѣ, и т. д., и т. д.

Мы здѣсь не будемъ останавливаться на разборѣ гилозоистическаго ученія по существу, что завело бы насъ очень далеко. Допустимъ вмѣстѣ съ сторонниками его, что всякая, даже малѣйшая частица вещества надѣлена нѣкоторымъ смутнымъ, элементарнымъ ощущеніемъ. Но достаточно ли этой гомеопатической психики, чтобъ удовлетворить пробудившіяся въ человѣкѣ анимистическія алканія? Пусть каждая молекула воды, каждый атомъ составляющихъ ее водорода и кислорода представляютъ собой и нѣкоторыя психическія единицы. Достаточно ли этого, чтобъ я имѣлъ право сказать—не образно только, не метафорически, въ освѣщеніи поэтической вспышки магнія,—что „море смѣется", что „море гнѣвно"? А вѣдь именно это и имѣетъ цѣнность для человѣка съ точки зрѣнія его космической эмоціи. Если человѣкъ „соціоморфистъ", какъ выражается Гюйо, если онъ представляетъ себѣ вселенную по типу общежитія—и въ этомъ, по Гюйо, заключается ядро религіи,—то членами этого общежитія онъ желаетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, равнокалиберныя съ нимъ индивидуальности. Его мало трогаютъ атомныя и молекулярныя ощущенія, ему нужна „душа" моря, „душа" лѣса, „душа" горъ. Ему нужно общество наядъ, дріадъ, ореадъ, а не беконечно-малыхъ индивидуальностей. Духовный міръ бактеріи ничего не говоритъ человѣку; разстояніе между обоими членами психическаго ряда здѣсь такъ велико, что исчезаетъ всякая возможность взаимнаго пониманія. Чувству близости, родства, интимной связи, тому чувству эквивалентности бытія, которое у замерзающаго купца (въ „Хозяинѣ и работникѣ" Толстого) вызываетъ размышленіе: „живъ Никита, значитъ, живъ и я", и которое нашло свое идеальное выраженіе въ „великомъ словѣ" Упанишадъ, здѣсь дѣлать нечего. Панпсихизмъ, поэтому, чтобъ достигнуть своей эмоціональной цѣли, долженъ допол-

няться миѳологической фантастикой, возвращающей насъ къ эпохѣ первобытнаго мышленія. *)

Конечно, у пантеизма есть и другой выходъ. Вмѣсто того, чтобъ надѣлять каждый клочокъ матеріи соотвѣтствующимъ клочкомъ сознанія, онъ можетъ приписать душу всему міру, подобно тому какъ мы говоримъ о „душѣ“ человѣка въ цѣломъ, не признавая частичныхъ „душъ“ рукъ, ногъ, головы, носа и пр. Но здѣсь мы наталкиваемся на указанную уже выше трудность. Міра, какъ цѣлаго, какъ единой, все заключающей въ себѣ системы нѣтъ,—и даже не то, что нѣтъ, а просто нѣтъ реальнаго содержанія у даннаго понятія. Міръ, какъ цѣлое, это пустой звукъ; такимъ же пустымъ звукомъ, простымъ наборомъ словъ, является всякое утвержденіе, касающееся души міра, вселенскаго, космическаго сознанія.

Что же остается отъ одушевленности природы? отъ ея любви? отъ ея языка? Остается только то, что спасла отъ всеобщаго потопа поэзія. Какъ описываетъ Шиллеръ въ своихъ „Богахъ Греціи“, обезбоженный, осиротѣвшій, неоживленный міръ:

Праздно въ міръ искусства скрылись боги,
Безполезны для вселенной той,
Что, у нихъ не требуя подмоги,
Связь нашла въ себѣ самой.
Да, они укрылись въ область сказки,
Унося туда же за собой
Все величье, всю красу, всѣ краски,
А у насъ остался звукъ пустой (Переводъ Фета).

5.

Анализъ доктрины панпсихизма приводитъ, повидимому, къ парадоксальнымъ результатамъ. Наука, логика, разумъ, отказываются признать всеобщее одушевленіе, видя въ этомъ ученіи лишь пережитокъ древняго анимизма, а въ то же время мы охотно миримся съ анимизмомъ въ поэзіи, въ „сказкѣ“, и не только миримся, но считаемъ даже пантеистическое настроеніе драгоцѣннѣйшей чертой поэтическаго творчества. Мы дорожимъ этимъ послѣднимъ убѣжищемъ пантеистическаго міроощущенія, и безъ него міръ бы намъ дѣйствительно казался осиротѣлымъ. Поэзія—это сфера какъ будто оживленнаго міра, какъ будто одушевленной природы. И эта условная „какъ будто реальность“ для насъ не менѣе цѣнна по своему, чѣмъ фактическая реальность—реальность не условнаго, а изъявительнаго наклоненія—данныхъ познанія. Здѣсь ясно обнаруживается, что человѣческая психика значительно шире интеллекта. Она содержитъ въ себѣ двѣ совершенно различныя—даже противоположныя—точки зрѣнія на сущее, двѣ различныя плоскости разсмотрѣнія вещей. Раціональное (наука) и иррациональное, даже анти-раціональное (поэзія) мирно уживаются въ ней другъ съ

*) Какъ извѣстно, такую миѳологію развивалъ Г. Фехнеръ, приписывавшій растеніямъ, землѣ, планетамъ и пр. особыя души. Нѣсколько лѣтъ назадъ Бруно Вилле—одинъ изъ отколовшихся отъ германской соціалъ-демократіи „молодыхъ“—выпустилъ цѣлый романъ съ какимъ-то ботаническимъ названіемъ—дѣло шло, кажется, о можжевельникѣ,—посвященный развитію идей панпсихизма въ самой ихъ фантастической формѣ.

другомъ. Не является ли тогда ошибочной мысль, будто въ совмѣщеніи раціональнаго и ирраціональнаго есть вообще нѣчто антиномическое, нѣчто разрывающее на части человѣческую психику? Разъ существованіе ирраціональнаго санкціонировано въ одной области, что можетъ помѣшать признанію его въ другой? Если наряду съ матеріальнымъ міромъ мы принимаемъ—по своему реальный—міръ поэтическаго вымысла, то почему мы откажемся признать—опять таки по своему реальный и цѣнный—міръ религіознаго творчества? Если эстетическое чувство заглушаетъ во мнѣ протестъ разума, которому кажутся только смѣшными всѣ эти: „море смѣется", „туча хмурится" и пр., то почему должно отказаться отъ своихъ правъ этическое и религіозное чувство, находящее такое успокоеніе въ мысли о сліяніи со Всеединымъ?

«Когда человѣкъ, говоритъ цитированный раньше Вивекананда, видитъ себя Единымъ съ безконечнымъ міровымъ Бытіемъ, когда всякое раздѣленіе прекращается, когда всѣ мущины, всѣ женщины, всѣ ангелы, всѣ боги, всѣ животныя, всѣ растенія, весь міръ сливается въ это единство, тогда исчезаетъ всякій страхъ. Кого мнѣ бояться? Развѣ я могу причинить боль самому себѣ? Развѣ я могу убить самого себя? Развѣ я могу обидѣть самого себя? Развѣ вы боитесь самихъ себя?—Тогда исчезаетъ всякое горе. Что можетъ причинить мнѣ горе? Я Единое Существо въ мірѣ.—Тогда исчезаетъ всякая зависть. Кому завидовать? Самому себѣ?—Тогда исчезаютъ всѣ дурныя чувства. Къ кому я буду питать эти дурныя чувства? Къ самому себѣ? Вѣдь въ мірѣ нѣтъ никого кромѣ меня... Убейте это раздѣленіе, убейте этотъ предразсудокъ, что существуетъ многое... Тотъ, кто въ этомъ мірѣ многаго увидитъ Единое; тотъ, кто въ этой массѣ безчувственнаго увидитъ это Единое чувствующее Существо; тотъ, кто въ этомъ мірѣ тѣней уловитъ эту реальность, тотъ будетъ пользоваться вѣчнымъ миромъ, и никто другой, и никто другой".

Разумъ говоритъ намъ, что это ученіе о Всеединомъ простая химера. Даже меньше, чѣмъ химера,—чистый nonsens. Но опытъ свидѣтельствуетъ въ то же время, что эта несостоятельная съ логической точки зрѣнія теорія приноситъ душевный миръ массѣ людей, даетъ имъ необходимое для ихъ существованія чувство увѣренности и покоя. Можно ли игнорировать этотъ фактъ огромнаго психологическаго значенія? Можно ли вообще—не ограничиваясь однимъ пантеистическимъ міросозерцаніемъ—отрицать, что религіозное, какъ и поэтическое, какъ и фактическое, представляетъ особую плоскость бытія, особый—и равноцѣнный—аспектъ реальности?

Мы подошли такимъ образомъ къ узловому пункту современныхъ религіозно-философскихъ спекуляцій, къ вопросу объ отношеніи между наукой и религіей. Дѣло идетъ, если можно такъ выразиться, о правѣ на религію, которое пытаются противопоставить все возрастающимъ притязаніямъ точнаго знанія; дѣло идетъ объ оправданіи—и понятно, раціональномъ оправданіи—ирраціональнаго.

Обстоятельное изслѣдованіе важной и породившей уже многочисленныя рѣшенія проблемы объ отношеніяхъ между наукой и религіей можетъ быть сдѣлано только въ спеціальной, посвященной этому вопросу, статьѣ. Здѣсь же, въ концѣ этого очерка, приходится ограничиться лишь немногими общими замѣчаніями.

Прежде всего небольшое отступленіе.

Какъ извѣстно, Кантъ въ „Критикѣ Чистаго Разума" дока-

зывалъ, что одними средствами разума невозможно установить трехъ основныхъ, по его мнѣнію, идей метафизики (религіи) Бога, безсмертія и свободы. Всѣ аргументы разума здѣсь безсильны, приводя только къ паралогизмамъ и антиноміямъ. Логическими разсужденіями нельзя доказать существованія Бога, истинности безсмертія и свободы, какъ нельзя, впрочемъ, и опровергнуть ихъ. Но эти самыя идеи—подъ названіемъ уже постулатовъ—пріобрѣтаютъ плоть и кровь въ „Критикѣ Практическаго Разума", посвященной обоснованію этики. Развиваемая здѣсь Кантомъ аргументація, выражая ее въ немногихъ простыхъ словахъ, сводится къ слѣдующему: если вѣрить въ моральный законъ (т. е. въ его необходимость и общезначимость), то надо вѣрить и въ тѣ условія, при наличности которыхъ возможно осуществленіе нравственнаго закона. Эти условія и есть указанныя три идеи. Значитъ, надо вѣрить въ реальность Бога, безсмертія и свободы.

Такимъ образомъ въ моральномъ порядкѣ Кантъ допускаетъ существованіе реальностей, недоказуемыхъ въ порядкѣ интеллектуальномъ. Практическій разумъ заставляетъ насъ вѣрить, признавать „какъ будто" реальности, которымъ нѣтъ мѣста въ системѣ чистаго разума.

Этотъ кантовскій дуализмъ (представляющій варіантъ средневѣковаго ученія о „двойной истинѣ") сыгралъ большую роль въ исторіи дальнѣйшаго развитія философіи, и въ частности философіи религіи, этики, эстетики. Видоизмѣненный и усовершенствованный, онъ выступаетъ обыкновенно въ философскихъ системахъ въ качествѣ дуализма понимания (существованія, описанія) и оцѣнки, признаваемаго за основной фактъ гносеологіи. Всѣ предложенія, говоритъ напримѣръ Виндельбандъ, указывая на это противоположеніе, дѣлятся на сужденія и оцѣнки: „въ первыхъ высказывается связь двухъ содержаній сознанія, въ послѣднихъ выражается отношеніе оцѣнивающаго сознанія къ представляемому явленію" („Прелюдіи", с. 24). Въ оцѣнкѣ выражается чувство одобренія или неодобренія; она ничего не прибавляетъ къ пониманію оцѣниваемаго объекта. Предложеніе: „эта вещь бѣла" выражаетъ собой описаніе явленія, простое констатированіе извѣстнаго факта (оно экзистенціальное сужденіе). Предложеніе же: „эта вещь хороша" выражаетъ оцѣнку (оно валорное сужденіе). Оцѣнка не сводима къ простому описанію факта, въ ней есть нѣчто новое по сравненію съ описаніемъ и неразложимое на него; между „сущимъ" и „должнымъ", какъ любили выражать ту же противоположность наши идеалисты, нѣтъ соединяющаго ихъ моста.

Это различіе между познаваніемъ и оцѣнкой было положено рядомъ изслѣдователей въ основу философіи религіи. Съ большой послѣдовательностью проводилъ его уже въ 70-хъ годахъ знаменитый нѣмецкій богословъ А. Ричль и его ученикъ Германнъ. Оно же является краеугольнымъ камнемъ такихъ выдающихся работъ, какъ „Философія религіи" Геффдинга и „Религіозный опытъ" Джемса. „Внутренняя сущность религіи, говоритъ первый, состоитъ не въ пониманіи, а въ оцѣнкѣ бытія" („Филос. рел.", с. 6). Зерно религіи, повторяетъ онъ неоднократно, есть вѣра въ сохраненіе цѣнности въ мірѣ.—Джемсъ, въ свою очередь, почти съ первыхъ же строкъ указываетъ на

основное различіе между экзистенціальными и валорными сужденіями, несводимыми другъ къ другу и вытекающими изъ различныхъ интелектуальныхъ функцій. Въ религіозныхъ явленіяхъ, настаиваетъ онъ, важны для насъ не проблемы генезиса, а проблема оцѣнки. Поэтому указаніе на то, что многіе основные факты религіозной жизни—напр., явленія мистицизма—представляются продуктами неуравновѣшенныхъ, больныхъ организацій, нисколько не уменьшаетъ цѣнности этихъ фактовъ самихъ по себѣ, какъ не ослабляется значеніе научныхъ открытій отъ того, что творцами ихъ нерѣдко были люди не совсѣмъ нормальные. Дерево—формулируетъ Джемсъ образно свою точку зрѣнія—судятъ не по корнямъ его, а по плодамъ.

Съ этимъ теченіемъ, берущимъ начало въ гносеологіи Канта, сливается родственное ему психологическое направленіе, которое сущность религіи ищетъ не въ теоретическихъ спекуляціяхъ о міровомъ цѣломъ, не въ ритуалѣ или символикѣ, а во внутреннихъ переживаніяхъ вѣрующаго субъекта. Это романтическое направленіе восходитъ еще къ англійскимъ и шотландскимъ моралистамъ 17 и 18 вѣковъ, видѣвшимъ въ чувствѣ, инстинктѣ основной фактъ морали (Шэфтсбери, Гетчесонъ, А. Смитъ). Краснорѣчивѣйшимъ выразителемъ этой религіи сердца былъ Руссо. Еще длительнѣе и рѣшительнѣе было вліяніе Шлейермахера, въ своихъ знаменитыхъ „Рѣчахъ о религіи" (и позднѣйшихъ сочиненіяхъ) развивавшаго ту мысль, что сущность религіи заключается въ чувствѣ, по сравненію съ которымъ всякіе догматы и формулы являются чѣмъ-то второстепеннымъ, побочнымъ, простой символикой. „Ваше чувство", формулируетъ напримѣръ въ первой рѣчи свою точку зрѣнія Шлейермахеръ, обращаясь къ „образованнымъ" противникамъ религіи, „ваше чувство, поскольку оно выражаетъ... общее бытіе и жизнь васъ и Всего, поскольку отдѣльные моменты его являются дѣйствіемъ Бога въ васъ, совершающимся черезъ посредство дѣйствія міра на васъ,—это ваше благочестіе; ни ваши познанія или объекты вашего познанія, ни ваши дѣла, поступки или различныя области вашего поведенія не имѣютъ сюда отношенія, но только ваши ощущенія и связанныя съ ними и ихъ обусловливающія воздѣйствія на васъ всего живого и движущагося вокругъ васъ. Исключительно они являются элементами религіи, но зато они всѣ входятъ въ нее; нѣтъ ощущенія, которое не было бы благочестиво, исключая тѣхъ, которыя указываютъ на патологическое болѣзненное состояніе жизни... Отсюда само собой слѣдуетъ, что, наоборотъ, всѣ рѣшительно понятія и ученія (Grundsatze) сами по себѣ чужды религіи" („Ueber die Religion", изд. 1821 г., с. 78).

Это антиинтеллектуалистическое пониманіе религіи, для котораго ядро ея находится въ чувственномъ, эмоціональномъ, субъективномъ, въ настоящее время широко распространено именно среди „образованныхъ". „Если видѣть, пишетъ Геффдингъ, въ религіи попытку познать бытіе, разрѣшить міровую загадку,—то битва потеряна ею. Но религія живетъ въ человѣческомъ чувствѣ и потребности,—и отсюда она всегда будетъ приводить волю въ движеніе, побуждать ее къ открытію и порожденію цѣнностей; точно такъ же, опираясь на помощь фантазіи, она всегда будетъ въ состояніи формировать образы и

символы, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе высшая поэзія жизни" (с. 269). Религія въ широкомъ смыслѣ слова—куда не входятъ догматы и культъ—характеризуется Геффдингомъ, какъ космическое чувство жизни; ядро религіи—это религіозное чувство, «чувство, опредѣляемое судьбой цѣнностей въ борьбѣ за существованіе» (с. 105); самое цѣнное и существенное въ религіи—это концентрація всѣхъ духовныхъ силъ человѣка, и т. д.

Въ томъ же смыслѣ Джемсъ различаетъ установленную религію отъ личной. Молитвы, жертвоприношенія, догматы, церковная организація—все это существенныя черты установленной религіи. Ее можно опредѣлить, по его словамъ, какъ техническое искусство снискивать милость боговъ. «Въ противоположность этому въ области личной религіи средоточіемъ интереса являются внутреннія настроенія человѣка, его совѣсть, его чувство отброшенности, безпомощности, несовершенства» („Religiöse Erfahrung", с. 25). „Чувство, пишетъ Джемсъ въ другомъ мѣстѣ, это глубочайшій источникъ религіи, а философскія и теологическія формулы—производныя (secundäre) явленія, нѣчто въ родѣ перевода какого нибудь текста на другой языкъ" (с. 402).

На той же точкѣ зрѣнія стоитъ по существу и Э. Бутру въ своей книгѣ о „Наукѣ и религіи". „Въ наукѣ, говоритъ онъ, индивидъ пытается систематизировать вещи съ безличной точки зрѣнія. Почему наука, являющаяся его дѣломъ, можетъ запретить ему попытаться произвести эту систематизацію съ точки зрѣнія самаго индивида? Правда, этотъ родъ систематизаціи не будетъ имѣть объективнаго значенія въ томъ смыслѣ, который наука придаетъ этому слову; но если она удовлетворяетъ чувство, то она отвѣчаетъ на потребности, не менѣе реальныя, чѣмъ потребность сводить вещи другъ къ другу" („Science et Religion", с. 358). Въ подобной личной субъективной систематизаціи беретъ начало религія. Въ отличіе отъ науки, стремящейся къ абстрактному, универсальному, религія именно индивидуальности приписываетъ цѣнность, она личность разсматриваетъ, какъ самоцѣль. Религія это экзальтація личности, персональности (с. 204).

Этихъ примѣровъ достаточно для характеристики указываемаго направленія. Для него надежнѣйшій оплотъ религіи (понимаемой въ широкомъ смыслѣ религіознаго чувства, религіознаго духа, религіознаго опыта) заключается въ разграниченіи познавательной и оцѣнивающей (чувствующей) функціи человѣка. Религіозныя переживанія такой же непререкаемый фактъ дѣйствительности, какъ чувства любви энтузіазма, великодушія. Конечно, тому, чья душа закрыта для подобныхъ переживаній, религія не говоритъ ничего. Но и онъ, съ своей стороны, не имѣетъ права отказывать въ значеніи религіозному опыту вѣрующаго, какъ не имѣетъ права судить о цвѣтахъ слѣпой или лишенный художественнаго чутья человѣкъ о произведеніяхъ искусства. Религія—это интимнѣйшее переживаніе личности, это самое личное, самое субъективное дѣло ея. Какъ нельзя разложить личности на исключительно рациональные элементы, какъ нельзя интеллектомъ опровергнуть индивидуальности, такъ невозможно разумомъ опровергнуть и религіи.

Позиція, занятая сторонниками этой теоріи, дѣйствительно, неуязвима; но неуязвимость ея пріобрѣтена за счетъ той самой религіи, для укрѣпленія которой она была возведена. Своимъ непосредственнымъ слѣдствіемъ она имѣетъ полнѣйшій, безбрежный субъективизмъ, притомъ субъективизмъ въ обоихъ значеніяхъ этого слова. Согласно ей содержаніе религіи субъективно, во первыхъ, въ томъ смыслѣ, что оно не имѣетъ общезначимаго характера; каждый имѣетъ свои собственныя, индивидуальныя религіозныя переживанія; у каждаго своя собственная религія. Но содержаніе религіознаго опыта субъективно и въ томъ смыслѣ, что съ нимъ не связывается объективнаго значенія. Реальность объектовъ религіи здѣсь собственно ничѣмъ не выше реальности галлюцинацій или сновидѣній, различныхъ у разныхъ индивидовъ и не имѣющихъ ничего соотвѣтствующаго имъ въ дѣйствительности. Правда, религіозной иллюзіи въ отличіе отъ другихъ иллюзій приписывается огромная, исключительная цѣнность для переживающаго ее, но эта высокая субъективная расцѣнка религіозныхъ переживаній далеко не покрываетъ потери ими объективнаго значенія. И не только не покрываетъ, но она должна—при отрицаніи объективнаго характера за религіознымъ опытомъ—неизбѣжно падать въ своемъ значеніи. Для валорныхъ сужденій совсѣмъ не такъ безразлично ихъ отношеніе къ экзистенціальнымъ сужденіямъ, какъ это изображаютъ теоретики философіи цѣнностей. Чтобъ высказать свое одобреніе или неодобреніе по поводу какой нибудь вещи, надо прежде всего имѣть на лицо эту вещь. Валорное сужденіе всегда держится на экзистенціальномъ, какъ цвѣтокъ на стеблѣ; если подсѣчь стебель, цвѣтокъ неизбѣжно долженъ упасть. Поясняя различіе между экзистенціальными и валорными сужденіями, Джемсъ иллюстрируетъ это на примѣрѣ значенія для насъ Библіи. По его мнѣнію цѣнность Библіи, какъ руководства къ истинной жизни, не зависитъ отъ отвѣта на историческій вопросъ о происхожденіи и составленіи книгъ священнаго Писанія.—Въ дѣйствительности этотъ примѣръ доказываетъ какъ разъ обратное тому, что имѣлъ въ виду Джемсъ. Съ измѣненіемъ экзистенціальнаго характера Библіи измѣнился и характеръ связанной съ ней оцѣнки. Библія, какъ продуктъ человѣческаго творчества, можетъ сохранять свою эстетическую и этическую цѣнность для насъ, но это значеніе совсѣмъ не то, какое приписываютъ ей вѣрующіе въ богодухновенность ея составителей люди.

То же самое можно сказать и о другихъ фактахъ религіозной жизни. Нельзя идти неопредѣленно долго противъ требованій логики; въ концѣ концовъ долженъ оказаться правымъ разумъ. Примѣръ съ поэтическимъ творчествомъ, сохраняющимъ ирраціональное во всей его неприкосновенности, ничего не доказываетъ. Въ основѣ поэзіи—какой бы возвышенной и глубокой она ни была—лежитъ въ сущности игра. Въ игрѣ я произвольно связываю съ опредѣленными объектами новое условное значеніе, котораго они сами по себѣ не имѣютъ. Игра—это царство квазиреальнаго, какъ будто существующаго. Поэтическое настроеніе (поэтическій вымыселъ), одухотворяющее напримѣръ природу, отнюдь не претендуетъ на истинное выраженіе реальности. Оно никогда не забываетъ, что исповѣ-

дуемый имъ панпсихизмъ есть не болѣе, какъ пантеизмъ на часъ, какъ игра. Какъ только пантеистическая игра окончена, все приходитъ въ прежнее состояніе.

Религіозное чувство не можетъ довольствоваться такой условной реальностью. Далекое отъ того, чтобъ быть игрой, оно представляетъ собой, наоборотъ, образчикъ самого серьезнаго отношенія къ бытію. Оно можетъ только заблуждаться, но не притворяться. Поэтому вопросъ объ объективной реальности, о томъ, насколько адекватно оно выражаетъ эту реальность, имѣетъ для него первостепенное значеніе. Въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ заключается и отвѣтъ на вопросъ: быть или не быть религіи. И вполнѣ правъ Пфлейдерерь, когда, разбирая эти попытки примиренія науки съ религіей—удачно называемыя имъ компромиссомъ на почвѣ взаимнаго игнорированія, онъ замѣчаетъ: „Разнѣ религіозныя чувства смогутъ сохранить свою дѣйность, когда предметъ, къ которому они относятся, будетъ признанъ субъективной иллюзіей? Въ дѣйствительности нельзя сомнѣваться, что съ религіей тогда будетъ покончено, религіозныя чувства и опыты прекратятся, разъ будетъ у нихъ отнята ихъ почва истина идеи о Богѣ, и они повиснутъ въ воздухѣ" („Religion u Religionen", с. 48).

Это только одна сторона дѣла. Не надо забывать и слѣдующаго. Если психологическое ядро религіи лежитъ не въ интеллектуальной области, а въ эмоціональной, то во всякомъ случаѣ религія фактъ не индивидуально-психологическій, а коллективно-психологическій. Описанное Шлейермахеромъ дѣйствіе Бога въ людяхъ, совершающееся черезъ посредство дѣйствія міра на людей, есть на самомъ дѣлѣ воздѣйствіе міра на человѣка черезъ посредство окружающей его соціальной группы. Религія понимаемая какъ чувство связи, соединяетъ не просто одинокую личность съ міромъ, универсумомъ, а прежде всего личность съ коллективностью и черезъ нее уже съ космическимъ цѣлымъ. Религіозныя чувства это наиболѣе общія всѣмъ, наиболѣе коллективныя чувства. Отрывать религіозную вѣру отъ ея соціально-психологической основы и видѣть въ ней субъективнѣйшую форму мироощущенія просто заблужденіе. Между религіей и наукой есть общаго именно то, что религіозное чувство, какъ и научная истина, имѣетъ естественную тенденцію къ распространенію, стремится стать общезначимой. Духъ прозелитизма лежитъ въ самомъ существѣ религіи, какъ интенсивнѣйшаго коллективнаго чувства. Вполнѣ индивидуальное, отъединенное, не интересующееся тѣмъ, что дѣлается у другихъ, религіозное чувство просто немыслимо. Этимъ оно существенно отличается опять-таки отъ поэтическаго настроенія, довольно безразличнаго и равнодушнаго къ вопросу о кругѣ своего дѣйствія. Прозелитизмъ чуждъ поэзіи, и это понятно, ибо она есть царство полнаго субъективизма и произвола. Поэтическое настроеніе не знаетъ постоянства: небо, которое поэтъ только что называлъ „звѣздной книгой", черезъ минуту можетъ рисоваться его воображенію, какъ усыпанный алмазами шатеръ Всевышняго, и т. д. Религіозному чувству такіе скачки незвѣстны: вѣра есть прежде всего вѣрность самому себѣ, и она не допускаетъ субъективнаго произвола, капризной игры воображенія. Религіозное чувство серьезно, а серьезность исключаетъ

безконтрольный индивидуализмъ, ищетъ, наоборотъ, опоры въ мнѣніи коллективности, апелируетъ къ ней.

Религія апелируетъ къ коллективности и исходитъ отъ нея. Этого никогда не слѣдуетъ забывать. „Наша вѣра есть вѣра въ чью нибудь вѣру". Это замѣчаніе, сдѣланное Джемсомъ *) для указанія на инстинктивный, мало сознательный характеръ большинства нашихъ мнѣній, лучше всего приложимо къ религіозной вѣрѣ. Одного угольщика спросили, во что онъ вѣруетъ. „Я вѣрую въ то, во что вѣруетъ святая католическая церковь", отвѣтилъ онъ вполнѣ въ духѣ джемсовской характеристики. Всякая религіозная вѣра сводится въ концѣ концовъ къ такой вѣрѣ угольщика. Ирраціональный характеръ религіи—это не ирраціональность индивидуальнаго, неповторяющагося отношенія къ міру, — это ирраціональность коллективнаго чувства, ирраціональность авторитета.

Санкціи и запреты, связанные въ положительныхъ (установленныхъ) религіяхъ съ различными вѣроученіями - санкціи, въ которыхъ матеріализуется коллективный духъ — это не случайныя, побочныя явленія религіи. Такъ же мало случайны религіозная символика, духъ традиціонализма, различные формы церковной организаціи. Все это неизбѣжные коррелаты религіи, понимаемой, какъ соціологическій фактъ, а не какъ индивидуальное настроеніе. Религіозный духъ, какъ и всякій духъ, нуждается въ тѣлесномъ носителѣ, въ соотвѣтствующей матерьяльной организаціи. Въ стадіи исключительно религіозныхъ настроеній онъ не можетъ оставаться. Или, разрѣжаясь, онъ переходитъ въ „точку зрѣнія идеала", какъ выражался Ланге, въ „поэзію жизни", какъ выражается Геффдингъ и самъ Геффдингъ уже сомнѣвается въ приложимости здѣсь слова „религія" (с. 281) или, сгущаясь и интенсифицируясь, онъ начинаетъ отлагать вокругъ себя твердую скорлупу изъ символовъ, догматовъ, ритуала. „Поэзія колоколовъ", сказалъ, кажется, Шатобріанъ, „аргументъ, болѣе убѣдительный, чѣмъ силлогизмъ". Этотъ афоризмъ былъ направленъ противъ раціонализма, въ защиту религіи чувства. Но онъ же ясно показываетъ, что въ религіи невозможно ограничиться однимъ только чувствомъ. Валорное сужденіе здѣсь, какъ и повсюду, прикрѣплено къ экзистенціальному. Поэзія колоколовъ предполагаетъ наличность колоколовъ, которые, въ свою очередь, предполагаютъ существованіе церквей, а затѣмъ клира, могущественной духовной іерархіи, религіозной традиціи и т. д.: религіозный духъ такимъ образомъ, оказывается, заключенъ въ крѣпкую и надежную тѣлесную оболочку. И оно неизбѣжно должно быть такъ. Личной религіи—въ противоположность установленной—не можетъ быть какъ постояннаго явленія, какъ длительнаго состоянія равновѣсія. Личная религія—это переходная стадія, или въ сторону распыленія и обмірщенія религіозныхъ чувствъ, или въ сторону новой матеріализаціи, новаго церковнаго воплощенія. Выдвигаемый Геффдингомъ и заимствованный имъ у протестантизма „принципъ личности", долженствующій оправдывать индивидуальныя различія въ религіозной области, это антирелигіозный, разлагающій всякую религіозность, принципъ.

*) См. „Воля къ вѣрѣ" и пр., с. 20.

Религія и теперь—какъ и всегда—можетъ основываться только на ирраціонально-коллективномъ началѣ, на принципѣ авторитета, на принципѣ сліянія и подчиненія личности традиціонной, „соборной“, организаціи. Субъективизмъ, которымъ хотятъ подпереть религію современные, научно и философски образованные, защитники ея, можетъ временно давать благопріятные результаты, но въ концѣ концовъ онъ обращается противъ религіи и пожираетъ ее. Сознаніе связанной съ этимъ трудности и опасности не чуждо, разумѣется, этимъ теоретикамъ, и они такъ или иначе пытаются выбраться изъ трясины субъективизма. Такъ Бутру, опредѣляющій религію, какъ индивидуальную систематизацію вещей, въ согласіи индивидовъ, въ гармоніи ихъ систематизацій видитъ открытый для религіи путь къ универсальности, вселенскости. Опредѣляя ближе религію, онъ въ дальнѣйшемъ оставляетъ за ней и нѣкоторую догматику, и нѣкоторую символику, и ритуалъ, и даже мистицизмъ. „Религія желаетъ единенія всѣхъ сознаній, значитъ всѣхъ людей; она стремится осуществить между ними связь любви, какъ бы опору, какъ бы принципъ матерьяльной связи. Въ этомъ смыслѣ она бережно сохранитъ обряды, которые, перейдя черезъ столько вѣковъ и народовъ, являются несравненными символами вѣчности и безграничности человѣческой семьи. Она ихъ сохранитъ, вливая въ нихъ все болѣе глубокое, все болѣе универсальное, все болѣе духовное содержаніе“ (с. 390). Такимъ образомъ возвѣщенный въ началѣ религіозный субъективизмъ подъ конецъ подчиняется традиціи.

Гораздо рѣшительнѣе въ этомъ отношеніи Джемсъ, что̀ стоитъ въ несомнѣнной связи съ его симпатіями къ мистическому направленію религіозной жизни. Мистицизмъ всегда отличался рѣзкимъ индивидуализмомъ и всегда былъ внутреннимъ врагомъ религіозной ортодоксіи. За это легкое отношеніе къ вопросу объ установленной религіи его упрекаетъ Геффдингъ. „Вовсе не слѣдуетъ само собой, будто личный элементъ религіи сохраняется, когда историческія ея формы отпадаютъ и вымираютъ“ („Соврем. философы“, с. 199). Геффдингъ—не настаивающій, какъ мы видѣли, на сохраненіи слова „религія“—считаетъ возможнымъ сохраненіе и въ дальнѣйшемъ глубины и концентрированности жизнепониманія и выработку новыхъ, выражающихъ это великихъ символовъ. Но эта возможность не есть увѣренность, и вообще вопросъ объ отношеніи между личнымъ элементомъ религіи и установленнымъ представляется ему очень мучительнымъ и труднымъ.

Сознаніе той же трудности можно встрѣтить и у Р. Эйкена (см. его книгу: „Der Wahrheitsgehalt der Religion“). Въ приводимомъ Геффдингомъ отрывкѣ изъ письма Эйкена къ нему мы читаемъ такое характерное признаніе: «при всемъ моемъ нерасположеніи къ старой онтологической метафизикѣ меня вновь сильно тянетъ къ метафизикѣ и къ метафизическому обоснованію религіи; безъ этого я опасаюсь впасть въ субъективизмъ».

Повторяю: на субъективизмѣ нельзя возводить прочныхъ религіозныхъ построеній. Религіозное чувство, не связанное ни съ чѣмъ реальнымъ, объективнымъ, неизбѣжно рано или поздно отмираетъ. Хорошо выразилъ существующее здѣсь отношеніе

Фейербахъ, когда замѣтилъ, что «иллюзія до тѣхъ поръ лишь прекрасна, пока она принимается не за иллюзію, а за истину» *). Религіозная иллюзія только до тѣхъ поръ сохраняетъ свое значеніе, пока она признается вѣрующимъ за настоящую реальность и даже за глубочайшую реальность. Поскольку же религіозныя представленія расходятся съ логикой, нарушаютъ требованія разума (напримѣръ, ученіе о Всеединомъ), постольку дѣлается все настоятельнѣе потребность въ суррогатѣ этой объективной реальности, — именно въ коллективномъ мнѣніи, коллективномъ чувствѣ. «Поэзія колоколовъ», а значитъ и связанныя съ нею традиціи, авторитетъ, и есть тотъ субъективный объективизмъ, который религія можетъ противопоставить объективному объективизму науки. Психологическая антитеза чувства и пониманія, ирраціональнаго и раціональнаго, разрѣшается, въ концѣ концовъ, въ соціологическую антитезу традиціонализма и свободнаго изслѣдованія, и, идя еще дальше, клерикализма и свѣтскаго общества. «Ирраціональное», какъ общественное явленіе, это или эмбріонъ «клерикальнаго», или продуктъ разложенія его. Религіозныя исканія современной интеллигенціи принадлежатъ большей частью къ первому типу. Насколько жизнеспособенъ этотъ эмбріонъ—это ужъ особый вопросъ, требующій особаго разсмотрѣнія.

П. Юшкевичъ.

---

*) „Сущность христіанства", изд. „Мысль", с. XIV.

Оглавленіе.

стр.

В. Базаровъ. Христіане Третьяго Завѣта и строители Башни Вавилонской 5

Л. Войтоловскій. Сумерки искусства 39

Ю. Каменевъ. О робкомъ пламени гг. Антоновъ Крайнихъ . . 67

А. Луначарскій. Двадцать третій сборникъ „Знанія" . . . 84

Михаилъ Морозовъ. Старосвѣтскій мистикъ. (Творчество Бориса Зайцева) 120

П. Орловскій. Базаровъ и Санинъ. Два нигилизма . . . 144

Ю. М. Стекловъ. О творчествѣ Ѳедора Сологуба 165

В. Фриче. Основные мотивы западно-европейскаго модернизма 217

В. Шулятиковъ. Неаристократическій аристократизмъ . . 231

П. Юшкевичъ. Современныя религіозныя исканія 252

RD-9 8314

PG
3016
L47
t.2

Literaturnyĭ raspad

KET
-
Y

RDEARTS CARREL LOAN
03 Jun 97